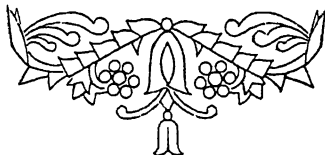

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
« ПУШКИНСКИЙ ДОМ »

Б. П. Городецкий

ЛИРИКА
ПУШКИНА

Издательство Академии наук СССР

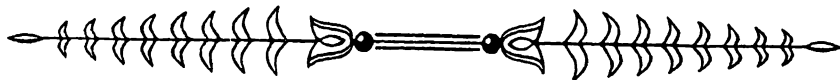
МОСКВА - ЛЕНИНГРАД

1 9 6 2

АННОТАЦИЯ

В монографии раскрывается своеобразие пушкинской лирики, определяется ее место в истории русской лирической поэзии, выясняется соотношение лирики Пушкина с лирическим наследием его предшественников и современников в России и за рубежом.

Издание рассчитано на литературоведов и на широкие круги читателей, интересующихся русской поэзией.

Введение

ЛИРИКА ПУШКИНА И ПРОБЛЕМЫ ЕЕ ИЗУЧЕНИЯ

... приступая к изучению поэта, прежде всего должно уловить, в многообразии и равнообразии его произведений, тайну его личности, т. е. те особенности его духа, которые принадлежат только ему одному. Это, впрочем, значит не то, чтоб эти особенности были чем-то частным, исключительным, чуждым для остальных людей: это значит, что все общее человечеству никогда не является в одном человеке; но каждый человек, в большей или меньшей мере, рождается для того, чтоб своею личностью осуществить одну из бесконечно-равнообразных сторон необъемлемого, как мир и вечность, духа человеческого.

Белинский.

I

Лирика Пушкина принадлежит к числу наименее изученных областей его творчества.¹ Не определено с достаточной степенью точности и содержание самого понятия «лирика». Как известно,

¹ «Лирику Пушкина, — пишет Б. В. Томашевский, — изучали до сих пор либо в порядке констатации различных влияний (особенно этим грешит комментарий Л. Н. Майкова к первому тому старого академического издания, где всякое типическое явление века неизменно трактуется как результат определенных заимствований и влияний), либо в плане биографическом (обычный тип комментария к лирике Пушкина в разных изданиях), либо в порядке психологическом и типологическом (Овсянко-Куликовский и др.). Историко-литературному изучению лирика Пушкина почти не подвергалась. Нет даже описательной работы о лирике Пушкина» (Б. В. Томашевский. Пушкин. Книга первая. Изд. АН СССР, М.—Л., 1956, стр. 78—79. В дальнейшем цитаты даются по этому изданию).

возникшее первоначально в древней Греции понятие «лирика» служило для определения произведений, которые пелись под аккомпанемент лиры, в отличие от элегий, исполнявшихся в сопровождении флейты.

В результате последующей длительной эволюции понятие «лирика» превратилось в средство обозначения поэтических произведений, более, чем другие, окрашенных личным чувством поэта. Такое содержание термина было развито и закреплено эстетикой Гегеля, отличавшего эпопею и драматургию, как роды поэзии, основанные на изображении внешних явлений и ставящие задачей создание у читателей представления об этих явлениях, от лирической поэзии, призванной отражать внутренний, духовный мир поэта и имеющей целью передавать читателю эти личные чувства поэта.

Однако такое понимание термина «лирика» несет в себе серьезные ограничения и далеко не является окончательным определением, имеющим универсальный характер, ибо элементы лирики, несомненно, могут присутствовать и в эпических, и в драматических произведениях.

Так возникает потребность в существовании другого, более широкого понятия — «лиризм» как лирического начала, пронизывающего поэтическое творчество вообще и способного проявляться и в небольшом по объему стихотворении, и в поэме, и в драматическом произведении. Само же понятие «лирика» в этом случае превращается в более узкий термин для суммарного обозначения категории сравнительно небольших по объему собственно лирических стихотворений, в которых стихия лиризма проявляется в наиболее полном и преимущественном своем выражении.²

Понимание лиризма как излияния чувств человека и лирической поэзии как художественного воплощения этих чувств в поэтическом произведении было общепринятым и в западноевропейской, и в русской поэзии конца XVIII—начала XIX в. «Лирическая поэзия, — писал в 1811 г. крупнейший русский лирик допушкинского периода Державин, — показывается от самых пелен мира. Она есть самая древняя у всех народов; это отлив разгоряченного духа; отголосок растроганных чувств; упоение, или излияние восторженного сердца. Человек, из праха возникший и восхи-

² Ср.: «Лирическая и лирико-эпическая поэзия Пушкина 30-х годов представляет собой один из наименее изученных разделов не только в истории всего его творчества, но и в сравнительно мало разработанной истории его лирической поэзии или, вернее, тех поэтических произведений, которые не очень точно объединяются обозначением „мелкие стихотворения“» (курсив мой, — Б. Г.) (Н. В. Измайлов. Лирические циклы в поэзии Пушкина 30-х годов. Сб. «Пушкин. Исследования и материалы», II, Изд. Академии наук СССР, М.—Л., 1958, стр. 7).

щенный чудесами мироздания, первый глас радости своей, удивления и благодарности должен был произнести лирическим восклицанием. Все его окружающее: солнце, луна, звезды, моря, горы, леса и реки напояли живым чувством и исторгали его гласы». ³ «Существенный характер лирической Поэзии состоит ... в изображении стремительной всеувлекающей страсти, которою исполнена и восторжена душа стихотворца», — так определял содержание лирической поэзии критик и поэт профессор Московского университета А. Ф. Мерзляков в 1822 г. ⁴ «Лирическая Поэзия вообще не иное что, — писал в 1824 г. В. К. Кюхельбекер, — как необыкновенное, т. е. сильное, свободное, вдохновенное изложение чувств самого Писателя». ⁵ «Лирическое сочинение, — писал в 1835 г. В. Г. Белинский, — есть плод мгновенной вспышки фантазии, мгновенное излияние чувства» ⁶ и т. д.

Такое понимание сущности лирического произведения для Белинского было более или менее устойчивым на протяжении всей его жизни. «Мимолетное и мгновенное ощущение, потрясшее душу поэта... — пишет он в 1841 г., — ... составляет содержание лирического произведения» (V, 14).

Представление о содержании лирического произведения лишь как о воспроизведении в поэтической форме глубоко индивидуального, а потому и неповторимого чувства поэта, владевшего им в момент творчества, было основным и для последующих десятилетий. Однако такое представление о предмете лирики далеко не соответствовало действительности.

Уже поверхностное знакомство с характером работы Пушкина над черновиками своих лирических стихотворений дает представление о том, с какой тщательностью он устранял из первоначальных набросков лирического замысла все слишком личное и интимное, касающееся его одного, а потому мало понятное для читателей, настойчиво добываясь возможно большей обобщенности в передаче своих чувств и предельной ясности их отражения в стихотворении.

Это свидетельствует о том, что всякая подлинная лирика является не простым воспроизведением индивидуальных пережива-

³ Г. Р. Державин, Сочинения, с объяснительными примечаниями Я. Грога, т. VII, СПб., 1872, стр. 517—518.

⁴ Краткое начертание теории изящной словесности в 2-х частях. Издаю профессором А. Мерзляковым. М., 1822, стр. 177.

⁵ Мнемозина, собрание сочинений в стихах и прозе, издаваемая кн. В. Одоевским и В. Кюхельбекером, ч. II, М., 1824, стр. 30.

⁶ В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. I, Изд. Академии наук СССР, М., 1953, стр. 360. В дальнейшем тексты Белинского даются по этому изданию (тт. I—XIII, 1953—1959) с указанием в скобках римской цифрой — тома, арабской — страницы.

ний поэта, но очень сложным их обобщением и возведением до степени типичности, а потому и общепонятности.

В этом отношении показательно, что не выдерживают проверки временем те лирические произведения, которые отображают всецело единичные и узко индивидуализированные переживания автора — они остаются непонятными для других. И наоборот, находят глубочайший отклик лирические произведения, верно и правдиво выражающие чувства общечеловеческого значения.

Большинство чувств, испытываемых человеком: радость, уныние, печаль, грусть, любовь, гнев, чувство красоты природы и пр., — во всем многообразии их проявлений, несмотря на чрезвычайно широкий качественный их диапазон, во многом общи для всех людей, так как общими являются и условия их возникновения — одинаковость духовной организации человека и общность среды. Но причины возникновения тех или иных чувств и индивидуализированная окраска их могут быть чрезвычайно различны в зависимости от степени глубины, тонкости и многосторонности духовной организации и внутренней жизни того или иного человека. Именно этими обстоятельствами и обусловлено основное свойство всякого искусства — лирики в особенности — передавать чувства художника другим людям, возводя их до общности восприятия при сохранении глубоко индивидуальной окраски.

Лиризм радостного ощущения молодости, составляющий основу ранней поэзии Пушкина, тяжелые переживания южной ссылки и тончайшая лирика северной русской природы михайловских окрестностей — тайна обаяния всего этого заключается в возведении частного к общему, в обобщении изображаемых явлений и вызванных ими переживаний до возможности разделения чувств поэта и другими людьми, не учившимися вместе с Пушкиным в лицее, не разделявшими его южной ссылки и не жившими с ним в Михайловском.

В связи с этой способностью лирической поэзии к обобщению и типизации чувств и переживаний художника встает проблема степени реалистичности воспроизведения действительности в лирике, точнее — вопрос о характере и специфике реализма в лирике.

В решении этой проблемы по большей части ограничиваются элементарным сравнением изображенных поэтом картин с действительностью, лежащей в их основе, не придавая при этом особого значения тому решающему обстоятельству, что лирика, в отличие от эпоса и драмы, отражает действительность в специфической образной форме — посредством воспроизведения не только и не столько самой действительности, сколько чувств и мыслей поэта, вызванных этой действительностью, и через эти чувства и мысли давая представление о действительности.

В одной из своих статей Белинский сравнивал некоторые лирические стихотворения с музыкальным произведением, которое порой «совершенно невыговариваемо в своем содержании, потому что это содержание непереводаемо на человеческое слово» (V, 15). Это замечание великого критика, превыше всего ценившего мысль и идею в художественном произведении, заслуживает особого внимания. Следует учесть, что речь здесь идет не о специфическом языке отдельных видов искусства, часто совершенно непереводаемым на язык другого вида искусства, не о том, что невозможно, например, создать полное впечатление от произведения живописи, передав его сюжет словами, что в большинстве случаев почти невозможно средствами человеческой речи передать содержание музыки и пр. Белинский имеет в виду совершенно иное — он говорит о возникающей порой трудности передачи словами содержания произведения словесного же искусства: «... его нельзя ни пересказать, ни растолковать, — пишет он в статье «Разделение поэзии на роды и виды» (1841) о содержании лирического произведения, — но только можно дать почувствовать, и то не иначе, как прочтя его так, как оно вышло из-под пера поэта: будучи же пересказано словами или переложено в прозу, оно превращается в безобразную и мертвую личинку, из которой сейчас только выпорхнула блестящая радужными цветами бабочка» (V, 15).

Здесь как будто возникает известное противоречие с общепринятым положением о том, что в основе всякого художественного произведения, в том числе и лирического, наряду с окрашивающим его чувством лежит и оплодотворяющая его мысль. Если это так, то как будто бы ничто не мешает выделить эту мысль и передать ее в прозаическом пересказе.

Однако все попытки раскрыть мысль целого ряда лирических произведений путем прозаического пересказа их неизменно встречали весьма значительные трудности. То, что чувствовалось и воспринималось как поэзия, полностью исчезало в прозаическом — даже самом точном и полном — пересказе. Порой пропадало ощущение и самой мысли. То, что это действительно так, может показать опыт переложения прозой содержания такого, например, пушкинского стихотворения, как «Виноград».

Эта противоречивость в суждениях о безусловной необходимости мысли в лирической поэзии и о трудности непосредственного ее выделения из художественной ткани поэтического произведения присутствует в суждениях о сущности поэзии и такого ценителя мысли в поэзии, каким был сам Пушкин. Действительно, с одной стороны, значение и оригинальность лирики Баратынского определяются им тем, что поэт мыслит, причем «мыслит по-своему,

правильно и независимо, между тем как чувствует сильно и глубоко»,⁷ с другой же стороны, Пушкин пишет Вяземскому в 1826 г.: «Твои стихи к Мн^кимой Красавице... слишком умны. — А поэзия, прости господи, должна быть глуповата» (XIII, 278—279).

Однако это противоречие кажущееся. Резкость словесных формулировок Пушкина в последнем случае всецело обусловлена пафосом борьбы против старого взгляда на поэзию лишь как на средство дидактики, поучения в целях «исправления нравов». Именно этим пафосом борьбы за поэзию, как самостоятельный вид искусства, с присущими ему задачами, целями и специфическими средствами их осуществления вызван известный ответ Пушкина Жуковскому на суждение последнего о «Цыганах»: «Я ничего не знаю, — писал Жуковский, — совершеннее по слогу твоих Цыган! Но, милый друг, какая цель!.. Какую память хочешь оставить о себе отечеству, которому так нужно высокое» (XIII, 165).⁸ Пушкин отвечал Жуковскому, прекрасно понимая, чего тот от него требует: «Ты спрашиваешь, какая цель у Цыганов? вот на! Цель поэзии — поэзия⁹ — как говорит Дельвиг (если не украл этого). Думы Рылеева и целят, а всё не в попад» (XIII, 167). В основе последнего замечания лежит осуждение Пушкиным тех стихотворений Рылеева, в которых нравоучение проявляется слишком прямолинейно и обнажено. «Что сказать тебе о думах?.. — писал он самому Рылееву в мае 1825 г. — Все они на один покрой: составлены из *общих мест* (Loci topici). Описание места действия, речь героя и — нравоучение» (XIII, 175).

Суждения Пушкина об особом по сравнению с прозой соотношении мысли и формы в поэтическом произведении были не новы и неоднократно высказывались поэтами и критиками его времени. Об этом, в частности, писал С. Е. Раич еще в 1822 г. в своем «Рассуждении о дидактической поэзии»: «Поэзия любит говорить одному сердцу, и если иногда беседует с рассудком, то не иначе,

⁷ Пушкин, Полное собрание сочинений, т. XI, Изд. Академии наук СССР, 1949, стр. 185. В дальнейшем тексты Пушкина даются по этому изданию (тт. I—XVI, 1937—1949) с указанием в скобках римской цифрой — тома, арабской — страницы.

⁸ Еще более определенно Жуковский писал об этом Пушкину уже после восстания декабристов: «... ненавижу все, что ты написал возмутительного для порядка и нравственности. Наши отроки (то есть все зреющее поколение), при плохом воспитании, которое не дает им никакой поддержки для жизни, познакомились с твоими буйными, одетыми прелестью поэзии мыслями; ты уже многим нанес вред неисцелимый. Это должно заставить тебя трепетать. Талант ничто. Главное: величие нравственное» (XIII, 274).

⁹ Т. е. не нравоучение, не учительство. Ср. в письме к Л. С. Пушкину от 14 марта 1825 г.: «У вас ересь. Говорят, что в стихах — стихи не главное. Что же главное? Проза?» (XIII, 152).

как избрав в посредничество воображение¹⁰ и при том более или менее обращая беседу свою к предметам, действующим на сердце и воображение». ¹¹ И уже совсем определенно об этом же соотношении мысли и специфических средств поэзии к ее выражению писал в «Литературных мечтаниях» (1834) Белинский, почти совпадая в своих формулировках с Пушкиным. Имея в виду поэтическое творчество С. П. Шевырева, Белинский писал: «В основании каждого его стихотворения лежит мысль глубокая и поэтическая, видны претензии на шиллеровскую обширность взгляда и глубокость чувства, и надо сказать правду, его стих всегда отличался энергической краткостью, крепкостью и выразительностью. Но цель вредит поэзии; притом же, назначив себе такую высокую цель, надо обладать и великими средствами, чтобы ее достойно выполнить. Посему большая часть оригинальных произведений г. Шевырева, за исключением весьма немногих, обнаруживающих неподдельное чувство, при всех их достоинствах, часто обнаруживают более усилия ума, чем изливание горячего вдохновения» (I, 77—78).

Все это приводит к выводу о совершенно особом по сравнению с эпическим образом слиянии в лирическом образе мысли с формой, которая в несравненно большей степени, чем в эпическом образе, становится элементом содержания.

Особое значение художественной формы в поэтическом произведении, не просто как средства словесного выражения содержания, но и как, по-видимому, решающего момента этого содержания, было совершенно ясно Пушкину. «Почему поэт предпочитает выражать мысли свои стихами?» — спрашивает он в одной из своих статей 1830 г. (XI, 177). Действительно, взять хотя бы пушкинское стихотворение «Виноград». Содержание его до такой степени просто и так легко запоминается, что для осознания того, о чем говорится в нем, вовсе не требуется лишней раз перечитывать строки о том, что поэт не жалеет о весенних розах и что ему мил и виноград, растущий на лозах под горой и напоминающий пальцы молодой девушки — так продолговаты и прозрачны его ягоды. Но мы, заранее зная, о чем говорится в этом стихотворении, вновь и вновь его перечитываем с несомненным ощущением, что новое восприятие стихотворения все более и более обогащает нас.

Специфическая особенность лирического образа по сравнению с характером образа в эпическом повествовании еще недостаточно ясна, но, по-видимому, определяющим моментом этой специфики является то, что основным содержанием образа в лирике стано-

¹⁰ Т. е. через посредство художественного образа

¹¹ «Вестник Европы», 1822, № 8, стр. 265

вится не столько лицо, предмет или какое-либо иное явление внешнего мира, сколько вызванное ими чувство или тот или иной оттенок его, передаваемые в ореоле предметных конкретных ассоциаций из внешнего мира.

Так, щемящее чувство прощания навеки с дорогим и любимым человеком, осознание того, что это прощание навсегда, как будто поэт действительно умер для любимой женщины, находит свое адекватно-образное выражение в строке, говорящей о вполне конкретных вещах, однако в данном случае являющихся не самоцелью, но средством передачи совершенно определенного чувства:

Как овдовевшая супруга...

То же самое чувство в следующей строке находит другое образное воплощение, вызванное и обусловленное воспоминанием о недавней случайной встрече и тоже о расставании навеки с пересылаемым в другую тюрьму лицейским другом — декабристом:

Как друг, обнявший молча друга
Пред заточением его.

Так образное выражение глубоко личного пушкинского переживания сливается с мотивами социально-общественного порядка.

Чувство одиночества и душевной тоски, владевшее Пушкиным в первый период южной ссылки, находит свое адекватное выражение в образе одинокого листка, трепещущего под осенним ветром на облетевшем дереве:

Так, поздним хладом пораженный,
Один на ветке обнаженной
Трепещет запоздалый лист.

Этот зрительно ощутимый образ усиливается поразительным звукообразом, вызывающим чувственное слуховое представление о пронизывающем свисте холодного зимнего ветра, в порывах которого трепещет одинокий лист:

Как бури слышен зимний свист...

Это же ассоциативно всплывающее чувственно-слуховое представление о зловещем свисте осеннего ветра лежит в основе и более сложного звукообраза, призванного вызывать уже не воспоминание о самой выюге или буре, но сходное ощущение тревоги, душевной тяжести, сердечной тоски:

И выстраданный стих, пронзительно-унылый,
Ударит по сердцам с неведомою силой...

Воспроизводя в лирическом творчестве именно те, а не иные чувства, вызванные теми, а не иными сторонами действительности, поэт осуществляет тем самым индивидуальный отбор многообразных явлений жизни, придавая значение одним и отбрасывая другие.

Именно в силу этого в лирике любого крупного поэта, помимо картин воссоздаваемой им действительности,¹² создается образ и самого автора в его симпатиях и антипатиях к отдельным сторонам и явлениям этой действительности, в его глубоко индивидуальном и в то же время общем для многих отношении к миру.

Соприкасаясь с миром поэзии Державина, мы остро ощущаем неповторимое своеобразие самой личности поэта, налагающей свой отпечаток на все державинское творчество. Точно так же мы говорим о неповторимом своеобразии поэзии Пушкина и Лермонтова, в которой возведенные до степени общечеловеческой значимости чувства, мысли и переживания поэтов не теряют своей глубоко индивидуальной окраски.

В то же время в лирике Державина воссоздается образ автора, не просто как отдельного, вне времени и среды взятого человека в неповторимом своеобразии его личности, но как представителя определенного времени и определенной среды, как яркий образ человека екатерининского века во всей его типичности.

Точно так же ранняя лирика Пушкина, передавая переживания самого поэта, в то же время воссоздает конкретный образ не только гениального юноши-поэта, но и типического представителя передовой дворянской молодежи того времени, выросавшего и духовно формировавшегося в раскаленной атмосфере преддекабрьской действительности.

Поэзия Лермонтова воссоздает не только глубоко своеобразный облик самого поэта, но вместе с тем и яркий в своей конкретности и обобщенности образ человека, духовно формировавшегося в мрачной обстановке последекабрьской реакции и не утратившего при этом связей с традициями предшествовавшего героического поколения.

Таким образом, в лирике любого значительного поэта возникает образ человека определенного времени и определенной среды, с его особенными вкусами, симпатиями и антипатиями, характерными именно для этого времени и для этой среды, человека, вступающего в определенные взаимоотношения с окружающей действительностью на разных этапах своего индивидуального развития.

¹² «Климат, образ правления, вера дают каждому народу особенную физиономию, которая более или менее отражается в зеркале поэзии», — писал об этом Пушкин (XI, 40).

Именно в силу того, что поэт воспроизводит в лирическом творчестве не просто свои личные переживания и чувства, но обобщает их, доводя порой до высокой степени типизации, обнаруживает свою несостоятельность в научном отношении так называемый биографический метод изучения лирики. Конкретная действительность, окружавшая поэта в момент созревания лирического замысла, и сами переживания, вызванные этой действительностью, предстают в законченном лирическом произведении порой измененными до неузнаваемости.

Переживания, мысли и чувства поэта, вызванные совершенно конкретными событиями, могут быть выражены в лирическом произведении, на первый взгляд ничего общего с этими событиями не имеющим. Работая над стихотворением «Андрей Шенье» (1825), навеянным образами французской революции, Пушкин в гораздо большей степени, чем о Франции, думал о русской действительности того времени, и это не замедлило самым решительным образом сказаться на всем строе произведения. Элегия «Под небом голубым страны своей родной» (1826) вызвана не только вестью о кончине Амалии Ризнич, но одновременно и полученным известием о казни вождей декабрьского восстания. Без учета последнего момента стихотворение не может быть понято до конца, как не будет оценена в должной мере и пейзажная зарисовка в VII главе «Евгения Онегина»:

Или, не радуясь возврату
Погибших осенью листов,
Мы помним горькую утрату,
Внимая новый шум лесов...

Из всего этого очевидно, что при анализе лирики того или иного поэта, помимо его личной биографии, необходимо учитывать и окружавшую его действительность, лирическое отношение к которой и составляет в конечном счете содержание лирики поэта.

В этом отношении предметом лирики может быть все многообразие мира.

II

В чем же состоят задачи изучения лирики Пушкина?

Конечно, не в том, чтобы вновь, на этот раз на материале одних лирических стихотворений, воспроизводить историко-литературную концепцию всего процесса его творческого развития.

И не в том, чтобы, выделив из всего пушкинского наследия одни так называемые лирические стихотворения, дать к ним историко-литературный и биографический комментарий.

Исключен и наивный биографический метод анализа лирики путем наложения ее на биографическую канву жизни поэта, так как элементарное отождествление образов и мотивов лирики с конкретными фактами духовной и внешней биографии поэта давно уже доказало свою несостоятельность в научном отношении.

Не является ключом к решению проблемы и распространенный метод рассмотрения лирики по тематическим циклам, так как при исследовании такого сложного и движущегося процесса творческой жизни поэта, как его лирическое отношение к действительности, невозможно рассматривать его статично, давая характеристики лишь отдельным сторонам его, как например гражданские мотивы в лирике поэта, его любовная лирика, лирика природы и пр. В лирическом творчестве поэта происходит непрерывное перемещение тематических линий, замена одних другими, сложнейшее переплетение их в одном произведении и т. д.

Основным содержанием лирики всякого поэта является прежде всего его отношение к действительности в самом широком смысле этого слова. «Великие поэты, — пишет Белинский, — творятся не одною природою: они творятся и обществом, т. е. историческим положением общества. Думать, что поэта составляет один талант — значит грубо ошибаться. Разумеется, прежде всего поэтом делает человека талант; но к этому также необходимы еще и характер, и образование, и направление, которые зависят от общества, среди которого является поэт» (VII, 267).

О соотношениях поэзии Державина с историческим содержанием его эпохи Белинский писал: «Могучий гений Державина явился слишком не во-время и не мог найти в народной жизни своего отечества какие-нибудь элементы, какое-нибудь содержание для поэзии. Общество его времени хорошо понимало поэзию патронажства, лести и угодничества; но о всякой другой поэзии не имело решительно никакого понятия и, следовательно, не имело в ней никакой потребности, никакой нужды... Где ж тут было явиться истинной поэзии и великому поэту?» (VII, 266).

Если Державин с его гениальным дарованием явился «не во-время» и не мог найти в обществе своего времени какое-нибудь значительное содержание для поэзии, то какими возможностями в этом отношении располагал Пушкин? Что нового появилось в обществе пушкинского времени по сравнению с державинским временем? Какие чувства и переживания возбуждало это время в душе Пушкина? Что из жизни своего общества и окружавшей его действительности Пушкин отразил в своей лирике и возвратил миру в преображенном искусством виде?

При решении этих вопросов первостепенного значения следует сказать о совершенно недостаточном привлечении материалов историко-культурного значения, необходимых для понимания как пушкинского творчества во всем его индивидуальном своеобразии, так и особенностей литературного развития времени Пушкина в целом. Все еще слишком узок круг обычно привлекаемых данных, характеризующих к тому же лишь одно социально-политическое содержание эпохи. Последнее имеет первостепенное значение для характеристики эпохи в целом, но еще недостаточно для понимания всей сложности общественно-культурной жизни того времени, которая и оказала непосредственное воздействие на формирование духовного мира и поэтического гения Пушкина.

Имя Пушкина неотделимо от освободительного движения его времени. В большинстве случаев эта проблема рассматривалась с биографической стороны, при этом пушкинское творчество привлекалось преимущественно в качестве иллюстративного материала, характеризующего близость Пушкина к движению декабристов и к отдельным деятелям декабристских тайных обществ.

Проблема русского освободительного движения 1810—1830-х годов, являвшегося частью общеевропейского общественного развития, несравненно шире истории тайных декабристских организаций. Сама же дворянская революционность, возникшая до организации первых тайных декабристских обществ, продолжала существовать и после разгрома движения декабристов.

Активный народный протест против крепостничества, проявлявшийся в самых различных формах, продолжал оставаться основой всех многообразных проявлений освободительного движения в России вплоть до шестидесятих годов.

Возникшая на русской национальной почве общественных антикрепостнических и антифеодальных устремлений эпохи, особенно активизировавшихся после Отечественной войны 1812 г., дворянская революционность явилась своеобразным отражением этого процесса в духе просветительской философии XVIII в. и демократических идей западноевропейского общественного развития.

Борьба с крепостничеством и феодальным строем свидетельствовала о вступлении России на путь развития, по которому уже шли страны Западной Европы. В силу этого передовые устремления западноевропейской общественной мысли, в первую очередь демократические идеи Великой французской революции, были близки первым русским революционерам-дворянам. «Возьмите великую французскую революцию, — писал Ленин. — Она недаром называется великой. Для своего класса, для которого она работала, для буржуазии, она сделала так много, что весь XIX век, тот век,

который дал цивилизацию и культуру всему человечеству, прошел под знаком французской революции».¹³

В силу особенностей исторического развития России в авангарде русского освободительного движения на том его этапе оказалась не буржуазия, как на Западе, а дворянство.

В этом отношении вся общественно-культурная жизнь России начала XIX в. должна оцениваться с неперменным учетом этого специфического характера русского освободительного движения того времени. Соединение в лице молодой дворянской интеллигенции самых передовых освободительных идей современности и высот расцветшей дворянской культуры, приобретавшей в силу исторических условий русской жизни черты общенационального характера, создавало неповторимое своеобразие общественно-культурной жизни всей эпохи.

Расцвет культурной жизни общества, связанный с либеральными устремлениями начала века, чувство национальной гордости, вызванное победоносным окончанием Отечественной войны 1812 г., усиление литературной и журнальной деятельности, интенсивная работа общественной мысли, находившая свой выход в характерных для того времени частных дружеских обществах, кружках и объединениях, с одной стороны, и еще более дававшая себя знать в послевоенных условиях тяжесть крепостного состояния русского крестьянства, с другой стороны, наконец, философские искания, вызванные неудовлетворенностью современным положением вещей, — все это создавало ту атмосферу, которая окружала молодого Пушкина, и ту почву, которая способствовала расцвету его поэтического гения.

Складывавшееся в этих чрезвычайно благоприятных условиях декабристское движение в целом нельзя понять во всей его сложности и всем многообразии идейных устремлений, не привлекая к рассмотрению настроений широких кругов дворянской интеллигенции, формально не состоявших в декабристских организациях, но являвшихся не только неотъемлемой частью, но и резервуаром всего движения в целом. Именно к этой среде принадлежали такие представители различных кругов того времени, как Мордвинов и Ермолов, с одной стороны, Пушкин и Грибоедов — с другой.

Культурное, умственное и общественное развитие Пушкина и большинства его сверстников-декабристов шло в одном русле русской жизни того времени: одно воспитание, одна и та же среда и обстановка в городе и в деревенском поместье. И декабристы (в узком значении их последующей принадлежности к тайному обществу), и такие деятели движения, как Пушкин и Грибоедов, не

¹³ В. И. Ленин, Сочинения, т. 29, 1950, стр. 342.

состоявшие формально в декабристских организациях, создавали разрозненными, но шедшими в одном направлении совместными усилиями как идеологическую основу, так и самые формы движения дворянских революционеров.

Несмотря на отдаленность декабристов от народа и политическую ограниченность всего движения в целом, дворянские революционеры — на том этапе освободительного движения — объективно представляли народные интересы.

Именно этим объясняется могучее революционизирующее воздействие ранней пушкинской гражданской лирики на широкие общественные круги того времени, несмотря на ограниченную политическую программу ее.

Об этой особенности пушкинского творчества писал Герцен, непосредственно связывая явление Пушкина с исторической жизнью широчайших народных масс. «Я говорю, — писал Герцен, — о той внутренней, не вполне сознающей себя силе, которая так чудодейственно поддерживала русский народ под игом монгольских орд и немецкой бюрократии, под восточным кнутом татарина и под западной розгой капрала; я говорю о той внутренней силе, при помощи которой русский крестьянин сохранил, несмотря на унижительную дисциплину рабства, открытое и красивое лицо и живой ум и который, на императорский приказ образоваться, ответил через сто лет громадным явлением Пушкина».¹⁴

При решении вопроса о роли творчества Пушкина в освободительном движении его времени необходимо учитывать значение искусства как особой формы общественной деятельности, обусловленной его художественной спецификой. Гоголь рассказывает, что Пушкин, прочитав стихи Державина:

За слова меня пусть гложет,
За дела сатирик читит,

заметил: «Державин не совсем прав: слова поэта суть уже его дела».¹⁵

В силу этого роль Пушкина-художника, воздействующего своим творчеством на общество, и есть его основная роль в освободительном движении. В то же время эта роль определяется не только узкой областью пушкинской собственно гражданской и политической лирики, но непосредственным воздействием всего твор-

¹⁴ А. И. Герцен, Собрание сочинений в тридцати томах, т. VI, Изд. Академии наук СССР, М., 1955, стр. 162—163 и 199—200 (оригинал на франц. языке). В дальнейшем цитаты даются по этому изданию.

¹⁵ Н. В. Гоголь, Полное собрание сочинений, т. VIII, Изд. Академии наук СССР, М., 1952, стр. 229.

чества Пушкина в целом на формирование общественного самосознания в определенном направлении.

Пушкинское творчество при этом превращалось в органическую часть целого периода освободительного движения. Самые передовые идеи и устремления эпохи становились в произведениях Пушкина реальными силами общественного и культурного развития. При этом сила эмоционального воздействия пушкинского протеста объективно оказывалась зачастую шире и глубже политических устремлений декабризма.

Решительные сдвиги в общественно-политическом самосознании европейского общества начала XIX в. не могли не сказаться и на характере всего общеевропейского литературного движения эпохи.

В первую очередь это сказалось в стремлении к демократизации литературы и в усилившемся внимании к внутреннему миру человека. Особенно значительное развитие в этих условиях получала лирика. Вместе с утверждением нового содержания в ней происходила также и ломка старых жанровых форм, поиски новых, а иногда и привнесение нового содержания в традиционные старые формы (оды В. Гюго во Франции, использование одической формы в декабристской гражданской лирике в России и пр.).

Русская поэзия того времени в целом (в основном 1810—1820-х годов), как и почти всегда в период большого общественного подъема, также характеризовалась значительным расцветом лирики. Известные закономерности литературного развития скажутся впоследствии в стремлении к наиболее полному, верному, т. е. в конечном счете наиболее реалистическому отражению жизни, а это, в свою очередь, повлечет усиление элементов прозаического способа повествования и, как результат этого процесса, решающее — и качественное, и количественное — преобладание прозы над поэзией, чем как раз и будет характеризоваться развитие русского литературного процесса 40—50-х годов и что, в частности, начнет сказываться в творчестве Пушкина уже в 30-е годы.

Эпоха же, в которую появился Пушкин и которая способствовала его формированию, была эпохой замечательного расцвета русской лирики. Не случайно почти все выдающиеся поэты тех лет как старшего, так и современного Пушкину поколения проявили себя наиболее полно именно в лирике.

III

Приступая к рассмотрению лирики Баратынского, Белинский ставил перед собой следующие вопросы, необходимые, по его мнению, для суждений о всяком поэте: «Г-н Баратынский поэт ли?

Если поэт, какое влияние имели на нашу литературу его сочинения? Какой новый элемент внесли они в нее? . . . Наконец, какое место занимают они в нашей литературе?» (I, 324).

Первый вопрос, поставленный Белинским, является общим вопросом о сущности поэзии, о критериях ее определения, об особом характере и своеобразии поэтического мира различных поэтов.

Уже было отмечено, что поэзия и ее наиболее полное выражение — лирика, как и всякое искусство вообще, не допускают присутствия отвлеченных философских суждений в их рассудочно-логическом облике. Мысли и идеи в лирическом произведении присутствуют не в виде силлогизма, но в специфическом их выражении, для определения сущности которого Белинский применял чисто служебное, очень условное и, конечно, совершенно недостаточное понятие «пафоса» поэтического произведения. Этот-то «пафос» произведения он и расценивает в качестве «ключа» для раскрытия идейно-художественного содержания того или иного лирического произведения. Следует отметить, что, несмотря на определенные успехи в области изучения отдельных элементов поэтического произведения — стиха, ритмики, строфики, эвфонии и пр., мы и на сегодняшний день не так уж далеко ушли от приемов Белинского в определении идейно-художественного содержания поэтического произведения.

Одним из основных вопросов, встающих в процессе изучения поэзии любого поэта, является задача выявления тех особенностей его личности и отношения его к миру, которые свойственны лишь ему одному и обуславливают неповторимую идейно-художественную окраску всей его поэзии, того угла зрения, под которым поэт смотрит на действительность и воспринимает ее в определенном освещении.

Что касается Пушкина, то мы явственно различаем тот совершенно особый поэтический угол зрения, под которым он смотрел на окружающую действительность и который отличал его от всех других поэтов его времени. «Этот дивный человек, — писал о нем Белинский, — был художником не только в стихе своем, но и в своем чувстве» (VII, 35).

Именно этот угол зрения позволил Пушкину свои личные тяжелые переживания уже в ранний период творчества поднять до такой степени обобщенности и типичности для своей эпохи, что лирические монологи Кавказского пленника и ощущение тюремной духоты, переданное в «Братьях-разбойниках», воспринимались широкими кругами передовой интеллигенции того времени как их личные настроения, как ярчайшая характеристика всей эпохи. Наконец, этот же угол зрения позволил поэту увидеть и раскрыть в русской природе такие обобщенные и типические черты, что создан-

ные им в «Евгении Онегине» и целом ряде лирических стихотворений картины русской природы приобретали, отнюдь не теряя своей конкретности и местного колорита, свойства всей русской природы в ее неповторимой прелести, воспринятой и показанной сквозь призму национальной гордости за красоту своей родины.

Сложность изучения лирики Пушкина заключается и в том, что та стихия лиризма, которая является основой мировосприятия Пушкина, пронизывает не только собственно лирические его стихотворения, но и его поэмы, и даже драматические произведения.

Лиризм пушкинских поэм заключен не только в собственно «лирических отступлениях», особенно большую роль играющих в таких поэмах, как «Руслан и Людмила» и «Медный всадник». Лиризм пронизывает весь их строй, отчетливо сказываясь в эмоциональной окраске повествования, проявляясь в повышенно заинтересованном отношении поэта к судьбам своих героев, их речам и отношениям. Уже в первой своей поэме введением самостоятельного образа рассказчика, в личности которого отчетливо проступают черты характера и отношения к миру, свойственные и всей ранней пушкинской лирике, Пушкин открывал для себя широкую возможность лирических высказываний о самых разнообразных вещах — от интимных суждений о любви до оценок современных литературных явлений.

О лиризме «Кавказского пленника» и, особенно, «Бахчисарайского фонтана» неоднократно говорил и сам Пушкин. Внимательный анализ выявляет непосредственную связь этих поэм с комплексом настроений, заключенных в пушкинской лирике данного периода, и их общие корни и истоки.

IV

Совершенно особую трудность представляет изучение лирики Пушкина со стороны ее поэтической формы. Несмотря на наличие обширной литературы о русском стихе, его ритмике, строфике и мелодике,¹⁶ мы все еще и сейчас не только не имеем проверенных научных методов для понимания закономерностей развития пушкинского стиха, но даже не располагаем научными данными, чтобы определить специфику именно пушкинского стиха и его отличие от стиха Батюшкова, Жуковского, Языкова, Вязем-

¹⁶ См., например, ценные работы: В. Брюсов. Стихотворная техника Пушкина (Пушкин, Полное собрание сочинений, т. VI, под ред. С. А. Венгерова, 1915, стр. 349—367); В. Жирмунский. Рифма, ее история и теория. Пгр., 1923; Б. Томашевский. 1) Русское стихосложение. Метрика. Пгр., 1923; 2) Стих и язык. М., 1958; Ю. Тынянов. Проблема стихотворного языка. Л., 1924; Б. Эйхенбаум. Мелодика русского лирического стиха. Пгр., 1922, и др.

ского, прекрасно, впрочем, понимая различие всех этих поэтов с идеологической стороны и со стороны содержания их поэзии. О коренном различии всех этих поэтов со стороны именно их стиха, как о различии «разнозвонных колоколов» по тембру их звучания, хорошо знали уже современники этих поэтов, давая подчас импрессионистическую, но довольно яркую характеристику их различия, как это сделал, например, Гоголь.¹⁷ О неумении отличать стихи одного поэта от стихов другого поэта писал и сам Пушкин в одном из вариантов «Отрывка» (1830), имея в виду журналистов, «которые обыкновенно не умеют отличить стихов Нахимова от стихов Б<аркова>» (VIII₂, 961).

О внешней стороне жизни пушкинского стиха мы знаем, что количественно стихотворная форма занимает в его творчестве приблизительно такое же место, как и его проза,¹⁸ что Пушкин — преимущественно поэт силлабо-тонический, ибо силлабо-тоника преобладает в общей системе его стихотворной речи, однако неудовлетворенность возможностями силлабо-тонической системы проявляется на всем протяжении творчества Пушкина, и особенно отчетливо в последний период его жизни.¹⁹ В отношении размеров пушкинского стиха установлено, что, несмотря на довольно значительное количество встречающихся у Пушкина метров, Пушкин — в основном поэт ямбический и что наиболее употребляемые Пушкиным трех- или четырехударные размеры соответствуют нормальному ритму русской речи вообще,²⁰ что, в свою очередь, свидетельствует о необыкновенной естественности пушкинского стиха, во многом способствовавшей последующим завоеваниям Пушкина в области русской прозы.

Однако все эти данные и подсчеты еще ни в какой мере не раскрывают их соотношения с содержанием пушкинской лирики. Попытки установить какую-то закономерность в соотношениях между метрикой и строфикой, с одной стороны, и внутренним содержа-

¹⁷ «... у каждого свой стих и свой особенный звон. Этот металлический, бронзовый стих Державина, которого до сих пор не может еще позабыть наше ухо; этот густой, как смола или струя столетнего тока, стих Пушкина; этот сияющий, праздничный стих Языкова, влетающий как луч в душу, весь сотканный из света; этот облитый ароматами полудня стих Батюшкова, сладостный, как мед из горного ущелья; этот легкой, воздушный стих Жуковского, порхающий, как неясный звук золотой арфы; этот тяжелый, как бы влачащийся по земле стих Вяземского, проникнутый подчас едкой, щемящей русской грустью, — все они, точно разнозвонные колокола или бесчисленные клавиши одного великолепного органа, разнесли благозвучие по русской земле» (Н. В. Гоголь, Полное собрание сочинений, т. VIII, стр. 407).

¹⁸ Н. В. Лапшина, И. К. Романович, Б. Н. Ярхо. Метрический справочник к стихотворениям А. С. Пушкина. «Academia», 1934, стр. 21.

¹⁹ Там же, стр. 21—22.

²⁰ Там же, стр. 23—26.

нием лирики — с другой, пока не привели к ощутимым результатам, которые помогли бы подойти к раскрытию закономерностей, несомненно существующих и в этой области творчества.²¹

Некоторые исследователи, находя, что «тождественны по размеру „Воротился ночью мельник“ и „Жил на свете рыцарь бедный“, делали отсюда вывод, что «для Пушкина размер стиха, по-видимому, безразличен».²² «Не раз делались попытки, — писал в 1922 г. Д. Выгодский, — найти определенную связь между метром стихотворения, с одной стороны, или его темой или настроением — с другой, но результаты получались самые плачевные. Да и действительно, как с этой точки зрения объяснить, что и „Графиня Эмилия“ и „Три пальмы“ Лермонтов пишет амфибрахийем».²³

Другие исследователи, наоборот, считают, что «метр не только звучит, но и значит, и только тогда, когда мы научимся смотреть на него как на форму не только внешнюю, но и внутреннюю, — мы будем знать, как можно расслышать голос поэзии в этой казалось бы чисто внешней смене ударенных и неударенных слогов. . . в каждом отдельном случае, в каждом конкретном стихотворении, метр значит именно то, что он значит. Нельзя сказать, что значит и какие поэтические функции несет на себе разностопный ямб в общем смысле, но можно и должно сказать, воплощением каких внутренних качеств поэтического слова является этот метр в данной редакции данного стихотворения данного автора».²⁴ Это утверждение Г. О. Винокура в какой-то мере находит соответствие в наблюдении Б. В. Томашевского о том, что пушкинские стихотворения «Под небом голубым страны своей родной» (1826), «Воспоминание» (1828) и «На холмах Грузии» (1829), написанные в одной форме, «в которой сочетаются, чередуясь, шести- и четырехстопные ямбы, рифмуемые по формуле аВаВ (последний стих — женского окончания)», составляют как бы «цикл стихотворений, очень близких друг другу по эмоционально-тематическому характеру».²⁵

По-видимому, далеко не лишними для выявления возможных закономерностей между словесным выражением лирического произ-

²¹ См., например, ценную в этом отношении работу Б. В. Томашевского «Строфика Пушкина» (Сб. «Пушкин. Исследования и материалы», II, Изд. Академии наук СССР, М.—Л., 1958).

²² М. Гершензон. Мудрость Пушкина. М., 1919, стр. 90—91.

²³ «Пушкинист», IV, 1922, стр. 51.

²⁴ Г. О. Винокур. Вольные ямбы Пушкина. «Пушкин и его современники», вып. XXXVIII—XXXIX, 1930, стр. 36; см. также интересную в этом отношении книгу С. В. Шервинского «Ритм и смысл. К изучению поэтики Пушкина». Изд. Академии наук СССР, М., 1961.

²⁵ Сб. «Пушкин. Исследования и материалы», II, Изд. Академии наук СССР, М.—Л., 1958, стр. 67.

ведения и содержанием его (в широком смысле этого слова) могут быть наблюдения над внутренним ритмом стихотворения в соотношении с его звуковым составом, т. е. с эвфонической структурой, понимаемой как определенное сочетание звуков в стихе.

Известно, что всякое подлинное произведение поэзии воздействует на нас не только своим содержанием, но и соответствующим — единственно возможным для данного содержания — подбором слов, которыми оно передается, а следовательно, и соответствующим звучанием этих слов. Насколько важно последнее обстоятельство, становится ясным из того, что даже самым точным образом пересказанное «своими словами» поэтическое произведение перестает быть таковым. Так называемая «поэтическая идея» еще не является сама по себе произведением поэзии. Она становится им лишь тогда, когда будет передана в словесном, а следовательно, и звуковом воплощении. Это объясняется тем, что каждое слово, сочетание слов и их звучание, помимо своего прямого смысла, вызывают в нас очень сложные ассоциативные представления, которые обогащают прямое значение данного слова или сочетания слов, окружают их своеобразным ореолом наших собственных чувствований, представлений и переживаний. Эта вызванная поэтом душевная деятельность и является чувственной основой воздействия всякого поэтического произведения, даже и в том случае, когда мы не слушаем его в устном чтении, а читаем глазами, так как в процессе немого чтения мы не только видим написанные или напечатанные строки стихов, но и внутренне как бы слышим их звучание.

Особая функция словесных звучаний в произведениях поэзии издавна привлекала к себе внимание многих русских поэтов, начиная от Ломоносова, который пытался объяснить ее особым изобразительным характером звуков отдельных гласных и согласных русского языка.

О некоторых своих наблюдениях над этой стороной звучащей русской речи Ломоносов писал так: «Из согласных писмен твердые *к, л, т* и мягкие *б, г, д* имеют произношение тупое и нет в них ни сладости, ни силы, ... и потому могут только служить в том, чтобы изобразить живые действия тупые, ленивые и глухой звук имеющие, каков есть стук строящихся городов и домов, от конского топоту и от крику некоторых животных. Твердые *с, ф, х, ц, ч, ш* и плавкое *р* имеют произношение звонкое и стремительное, для того могут спомоществовать к лучшему представлению вещей и действий сильных, великих, громких, страшных и великолепных. Мягкие *ж, з* и плавкие *в, л, м, н* имеют произношение нежное и потому пристойны к изображению нежных и мягких вещей и дей-

ствий». Подытоживая эти свои наблюдения, Ломоносов делал следующий вывод: «Чрез сопряжение согласных твердых, мягких и плавких рождаются склады, к изображению сильных, великолепных, тупых, страшных, нежных и приятных вещей и действий пристойные». Правда, тут же он делает весьма существенную оговорку о сугубо индивидуальном характере восприятия всех этих звучаний гласных и согласных и о трудности выводить из всего этого какие-то общеобязательные правила: «Однако все подробну разбирать, — пишет он, — как трудно, так и не весьма нужно. Всяк, кто слухом выговор разбирать умеет, может их употреблять по своему рассуждению, а особливо что сих правил строго держаться не должно, но лучше последовать самим идеям и стараться оные изображать ясно».²⁶

Гораздо более прямолинейно, уже без всяких оговорок, а с тенденцией придать своему толкованию характер всеобщности об этой же звуковой стороне русской речи писал символист К. Д. Бальмонт: «... М — мучительный звук глухонемого, стон сдержанной, скомканной муки... О — звук восторга... все огромное определяется через О, хотя бы и темное: Стон, горе, гроб, похороны, сон, полночь... У — музыка шумов, и У — вскрик ужаса...» и т. д.²⁷

Нет необходимости доказывать, что все эти восприятия смыслового значения отдельных звуков и букв глубоко субъективны и всецело зависят от индивидуальности воспринимающего. Там, где Ломоносов в звуке *ж* видит средство «к изображению нежных и мягких вещей и действий», другой поэт слышит «стон сдержанной, скомканной муки».

Но проблема поставлена, и самая длительность ее существования свидетельствует о том, что она основана на какой-то реально существующей и пока еще недостаточно раскрытой закономерности. По-видимому, сами по себе звуки речи ничего не изображают, но будучи по своему происхождению или историческому бытованию какими-то сторонами связаны с определенными предметами, условиями и явлениями окружающей человека жизни, они мало-помалу приобретали способность всплывать в сознании человека в связи с этими предметами, условиями и явлениями. И — наоборот — в силу ассоциативной способности человеческого мышления, развитой у различных людей далеко не одинаково, эти же звуки речи приобретали другую способность: будучи произнесенными, они вызывают в сознании человека более или менее ясные и отчетливые

²⁶ М. В. Ломоносов, Полное собрание сочинений, т. 7, Изд. Академии наук СССР, М.—Л., 1952, стр. 241—242.

²⁷ К. Бальмонт. Поэзия как волшебство. М., 1916, стр. 59—67.

чувственные представления об этих предметах, условиях и явлениях.

Особенно полно эти звуковые ассоциации проявляются в художественном творчестве — музыкальном и поэтическом, где они могут возникать и бессознательно, но будучи осознанными, превращаются в художественный прием, рассчитанный на соответствующее слуховое читательское восприятие, даже если мы не говорим стихи, а молча читаем их про себя глазами. Именно такую функцию несут многие пушкинские строки:

С тропинки сбилась я; в глуши
Не слышно было ни души,
И сосны лишь да ели
Вершинами шумели.

Сложность и трудность исследования этой исключительно важной стороны всякой лирики, а пушкинской в особенности, характеризуются хотя бы тем, что, наблюдая порой несомненно тающее в себе какую-то закономерность и вне всякого сомнения способствующее созданию необходимого впечатления сочетание звуков, как например в строке:

Куда как весело. Вот вечер: вьюга воет,

мы, чувственно поддаваясь настроению, вызываемому этой строкой, в то же время не в состоянии до конца осознать сущность того словесного механизма, с помощью которого поэт создает в нашем восприятии нужное ему душевное состояние, так как видеть в этих нарочито повторенных пять раз в одной строке звуках *В* только простую звукопись на тему «вьюги», очевидно, далеко не достаточно.

Жизнь и значение звуковой стороны стиха Пушкин еще с ранних лет наблюдал и изучал в лирике своих учителей и наставников — в поэзии Державина, Жуковского, Батюшкова.

Великий мастер видеть и изображать все богатство красок окружающего мира, Державин достигал замечательных результатов в создании нужного впечатления и настроенности с помощью звучаний стиха. Таково изумительное по музыкальности, великолепное по подбору звуков и их закономерности «оссианическое» начало стихотворения «На победы в Италии»:

Ударь во серебряный, священный,
Далеко-звонкий, Валка! щит:²⁸
Да гром твой, эхом повторенный,
В жилище Бардов восшумит.
Встают. — Сто арф звучат струнами,

²⁸ Ср.:

Тяжело-звонкое скаканье
(«Медный всадник»)

Пред ними сто дубов горят,
От чаши круговой зарями
Седые чела в тьме блестят.²⁹

Жуковский умел передавать звуками и их сочетаниями и тяжелой поступью приближающегося ратного ополчения:

Пыль туманит отдаленье;
Светит ратных ополченье;
Топот, ржание коней;
Трубный треск и стук мечей;
Прахом панцири покрыты,
Шлемы лаврами обвиты;
Близко, близко ратных строй...³⁰

и (в том же стихотворении) легкий полет ночных бесплотных теней:

Слышат шорох тихих теней:
В час полуночных видений,
В дыме облака, толпой,
Прах оставя гробовой
С поздним месяца восходом,
Легким, светлым хороводом
В цепь воздушную свились;
Вот за ними понеслись;
Вот поют воздушны лики,
Будто в листьях повилики
Вьется легкий ветерок,
Будто плещет ручеек.³¹

«Пленительной сладостью» стиха, организованного на музыкальном повторении звука *л*, Жуковский создавал проникнутое легкой грустью впечатление пустынной морской дали, в которой не белеет ветрило и не плывут дорогие сердцу корабли:

Будешь с берега уныло
Ты смотреть — в пустой дали
Не белеет ли ветрило,
Не плывут ли корабли?³²

Имеются данные о том, что баллада «Ахилл», содержащая эти строки и бывшая новинкой во время наибольшего увлечения Пушкина поэзией Жуковского (1814), была особенно хорошо известна

²⁹ Г. Р. Державин, Сочинения, ч. II, СПб. В типографии Шнора, 1808, стр. 99. В дальнейшем, за исключением случаев, особо оговоренных, тексты Державина будут даваться по этому изданию (чч. I—IV).

³⁰ В. А. Жуковский, Сочинения, т. 1, изд. 7-е, ред. П. А. Ефремова, 1878, стр. 95—96.

³¹ Там же, стр. 101.

³² Там же, стр. 387.

поэту.³³ Пушкин сохранил в памяти и увез с собой к южному морю наиболее запомнившиеся строки о белеющих ветрилах и плывущих кораблях, которые, вероятно с его слов, повторяла Е. К. Воронцова — *la princesse belvetrille*.³⁴

Батюшков, об изобразительной силе поэзии которого Белинский писал, что «стих его часто не только слышим уху, но видим глазу» (VII, 224), умел передавать звуками своего стиха и легкие воспоминания о северном море:

Вечерний ветер, валов плесканье,
Однообразный шум и трепёт парусов...³⁵

и жуткие впечатления от картин разоренной, сожженной и разграбленной Москвы:

Лишь угли, прах и камней горы,
Лишь груды тел кругом реки...³⁶

Пушкин еще в ранние лицейские годы понял и оценил все значение звуковой стороны стиха. Сохранились свидетельства о том, что в процессе писания стихов он произносил отдельные строки, проверяя их звучание. Лицейский товарищ Пушкина С. Д. Комовский рассказывает: «Набрасывая же мысли свои на бумагу везде, где мог, а всего чаще во время математических уроков, от нетерпения он грыз обыкновенно перо и, насупя брови, надувши губы, с огненным взором читал про себя написанное».³⁷ Чтение Пушкиным отдельных стихотворных строк в процессе создания их зафиксировано и в лицейских стихах его:

Сижу ли с добрыми друзьями,
Лежу ль в постеле пуховой,
Брожу ль над тихими водами
В дубраве темной и глухой,
Задумаюсь — взмахну руками,
На рифмах вдруг заговорю...

(«Моему Аристарху», 1815).

³³ «1814. Декабрь... 1815. Март. Кюхельбекер знакомит Пушкина с балладой Жуковского „Ахилл“». Пушкин, «прочитав два раза, уже <знает> ее наизусть» (М. А. Цявловский. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина, т. I, 1951, стр. 68).

³⁴ Арк. О. Россет рассказывал П. И. Бартеневу, что «княгиню Е. К. Воронцову Пушкин звал *la princesse belvetrille*. Это оттого, что однажды в Одессе она, глядя на море, твердила известные стихи:

Не белеют ли ветрила,
Не плывут ли корабли?»

(«Русский архив», 1882, кн. 2, стр. 246).

³⁵ Опыты в стихах и прозе К. Батюшкова. Стихи. СПб., 1817, стр. 48.

³⁶ Там же, стр. 78.

³⁷ Пушкин в воспоминаниях современников. ГИХЛ, 1950, стр. 40—41.

Привычка проверять голосом звучание создаваемых стихов сохранилась у Пушкина и впоследствии. В «Евгений Онегин» (глава IV, строфа XXXV) читаем:

Или (но это кроме шуток),
Тоской и рифмами томим,
Бродя над озером моим,
Пугаю стадо диких уток:
Вняв пенью сладковучных строф,
Они слетают с берегов.

Характер восприятия поэзии в ее звучании закреплен самим Пушкиным в стихотворении «К моей чернильнице» (1821):

И под вечер, когда
Перо по книжке бродит,
Без вялого труда
Оно в тебе находит
Концы моих стихов
И верность выраженья;
То звуков или слов
Нежданное стечение,
То едкой шутки соль,
То Правды слог суровый,
То странность рифмы новой,
Неслышанной дотоль.³⁸

Последняя строка о том, что рифмы воспринимались Пушкиным в их звучании, особенно значительна. В 1831 г. он писал: «Как можно <речь идет о новейшей французской так называемой романтической поэзии, — Б. Г.> вечно рифмовать для глаз, а не для слуха? Почему рифмы должны согласоваться в числе (единственном или множественном), когда произношение в том и в другом одинаково?» (XI, 200—201).

Читая свои собственные стихи во время создания их, Пушкин проверял их звучание, музыкальность и выразительность. Я. П. Полонский рассказывал, что «Лев Сергеевич Пушкин превосходно читал стихи и представлял мне, как читал их покойный брат его Александр Сергеевич. Из этого я заключил, что Пушкин стихи свои читал нараспев, как бы желая передать своему слушателю всю музыкальность их».³⁹ Современники также оставили свидетельства об особенной чуткости Пушкина к звуковой стороне стиха. К. Н. Батюшков писал А. И. Тургеневу в 1818 г. о стихах другого поэта: «Размер стихов странный, дикий, вялый: ссылаюсь на маленького Пушкина, которому Аполлон дал чуткое ухо».⁴⁰

³⁸ Курсив мой, — Б. Г.

³⁹ М. А. Цявловский. Книга воспоминаний о Пушкине. М., 1931, стр. 324—325.

⁴⁰ К. Н. Батюшков, Сочинения, т. III, СПб., 1886, стр. 510 (речь идет об одном из переводов Жуковского).

Если предшествовавшие Пушкину поэты, даже такие крупные, как Державин, Жуковский и Батюшков, в отношении звукописи стихами (имеется при этом в виду не элементарное «звукоподражание», но именно создание самим звучанием стиха определенных представлений и настроений) добивались отдельных и единичных успехов, то только Пушкин подошел к возможности воспроизведения в стихах образа данного предмета, явления или переживания словами такого звучания, какое по тем или иным причинам — по большей части глубоко индивидуального и субъективного свойства — характеризует в его творческом сознании данное явление или переживание или опосредствованно связывается с ним.

Это видно хотя бы на примере восприятия Пушкиным шума моря. Описывая в «Отрывке из письма» свое пребывание с Раевскими в Гурзуфе, Пушкин заметил: «Я любил, проснувшись ночью, слушать шум моря и заслушивался целые часы» (IV, 175). Уже в этом прозаическом и предельно кратком описании мы видим несомненную закономерность в нагнетении шипящих звуков: ш, ч, ш, ш, з, ш, ч.

Такое же чередование звуков, создающее определенный звукообраз, будет сопровождать образ моря в последующей лирике Пушкина:

Шумы, шуми, послушное ветрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океан.

(«Погасло дневное светило», 1820).

Как друга ропот заунывный,
Как зов его в прощальный час,
Твой грустный шум, твой шум призывный
Услышал я в последний раз.

(«К морю», 1824)

В этом отношении заслуживает серьезного внимания свидетельство П. В. Нащокина о том, что «Пушкин заметил, между прочим, что на всех языках в словах, означающих свет, блеск, слышится буква л».⁴¹

Это беглое замечание Пушкина, если только оно верно передано Нащокиным, в какой-то степени помогает подойти к пониманию таких, например, строк о славе и блеске даже в раннем пушкинском стихотворении «Наполеон на Эльбе» (1815):

И слава в блеске над главою
Неслась, прикрыв меня крылом.

или также в раннем стихотворении «Принцу Оранскому» (1816):

Грозой он в бранной мгле летел
И разливал блистанье славы.

⁴¹ Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П. И. Бартевым в 1851—1860 годах. М., 1925, стр. 39.

V

Вопрос о периодизации лирики Пушкина достаточно сложен. В основном он решается с учетом общих закономерностей пушкинского творчества, обусловленных общественно-исторической обстановкой и личной биографией Пушкина, а также особенностями развития как русского, так и западноевропейского литературного процесса. Лирика Пушкина отражает и некоторые внутренние свои закономерности, обусловленные характером самого жанра.

В лирическом творчестве Пушкина можно выделить определенные периоды качественно различного характера и содержания лирики, каждый из которых отличается от предшествовавшего и вместе с тем является ступенью к последующему. Таких периодов условно можно различить пять: первый период включает в себя лицейскую лирику (1813—1817), второй — лирику от окончания лицея до ссылки на юг (1817—1820), третий — лирику южной ссылки (1820—1824), четвертый — лирику 1824—1830 гг., пятый — лирику тридцатых годов (1831—1836).

Эта периодизация, относительная, как и любая периодизация идеологических процессов, исходит в основном из характера содержания и формы пушкинской лирики и подтверждается анализом стилевых особенностей пушкинской лирической поэзии на всем ее протяжении.

Первый и второй периоды характеризуются печатью ученичества и поисками собственного пути в поэзии. В пушкинской лирике этих лет собственные, глубоко индивидуальные настроения и чувства еще перемежаются мотивами явно литературного происхождения. Подчас наблюдается и причудливое смешение самых различных стилевых начал. Во втором периоде исключительно большое место начинают играть гражданские и политические мотивы в связи с тем значительным местом, какое поэзия, в частности лирика, заняла в общем движении декабристов.

Лирика Пушкина этих лет характеризуется стремительным ростом гения молодого поэта, причем темы, приходившие к Пушкину чисто литературным путем, начинают играть в его лирике все меньшую и меньшую роль, в то время как темы, непосредственно выраставшие из жизни, приобретают все большее и большее значение.

В метрическом отношении первый период характерен преобладанием сравнительно коротких метров и строфических форм.⁴² Так, широко применявшийся Пушкиным впоследствии четырехстопный

⁴² Н. В. Лапшина, И. К. Романович, Б. Н. Ярхо. Метрический справочник к стихотворениям А. С. Пушкина, стр. 59—60.

ямб в эти годы занимает в его лирике более чем скромное место. Уже в это время в пушкинском творчестве намечается явная неудовлетворенность возможностями, которые открывали доставшиеся в наследство лирические жанры и метрические системы. Эта неудовлетворенность приводила Пушкина к соответствующим опытам в области расширения и обогащения метрической основы своей лирики.

Третий период пушкинской лирики характеризуется значительным расширением лирических тем и объектов лирического освещения: «Не мешало бы нашим поэтам, — пишет Пушкин в 1822 г., — иметь сумму идей гораздо позначительнее, чем у них обыкновенно водится. С воспоминаниями о протекшей юности литература наша далеко вперед не подвинется» (XI, 19).

Совершенно новая обстановка окунала Пушкина в эти годы тяжелых испытаний. В таких условиях создавался своеобразный романтически приподнятый лиризм изгнания и лиризм южной природы, переплетавшиеся с горьким лиризмом измены друзей и любви.

Эта лирика изгнания в тогдашней общественной обстановке приобретала остро политическое звучание. И так же как ранняя лирика Пушкина создавала образ передового молодого человека декабристской эпохи — протестанта и жизнелюба, так и южная пушкинская лирика создавала образ современника — тоже протестанта и жизнелюба, но уже не в годы восторженных ожиданий казавшегося близким переворота, памятником которого останутся лишь обломки самовластья с написанными на них именами поэта и его друзей, а в другие, тяжелые годы торжества реакции и в России и вне ее:

Расширение диапазона творчества Пушкина вступало в противоречие с традиционными лирическими жанрами и метрами, уже недостаточными для выражения настроений человека новой эпохи и отражения в лирике новой действительности. Ранее было отмечено, что Пушкин — в основном поэт силлабо-тонический. Ранний период пушкинской лирики весь проходит под знаком силлабо-тоники. Но примерно с начала 1820-х годов Пушкин начинает все более и более ощущать неудовлетворенность возможностями, открывавшимися одной этой системой, и производит пока еще единичные опыты освоения новых метрических форм. В этом отношении южный период в пушкинской лирике характеризуется постепенным отмиранием коротких размеров, переходом к метрам средней длины и преобладанием простых по сравнению с предшествовавшим периодом строфических форм.⁴³

⁴³ См.: Б. В. Томашевский. Строфика Пушкина, стр. 110.

Годы, проведенные в Михайловском, особенно переломный для всего творчества Пушкина 1825 г., характеризуются необычайным и, вероятно, беспрецедентным даже для Пушкина количественным и качественным расцветом его лирики. В этот период был завершен переход от романтизма к реализму не только в драме и поэмах Пушкина, но и в его лирике. Важным фактором в этом отношении, помимо окончательного созревания гения Пушкина, явилось то утверждение принципа народности во всех областях искусства и жизни, к которому Пушкин приходил именно в эти годы, и та новая обстановка, которая стала окружать его в связи с переездом с романтического юга под тень лесов сосновых в «далекий северный уезд».

Наметившиеся уже в эти годы поиски новых возможностей стихового выражения приводят в михайловский период к первым опытам в области народного тонического стиха. В дальнейшем эта тенденция будет проявляться все более и более определенно, и вся вторая половина лирического творчества Пушкина характеризуется явным преобладанием тонической (тоники-силлабической) стиховой системы. В связи с этим следует отметить начавшееся повышение значения белого стиха в пушкинской лирике и соответственное снижение роли рифмы.

Центральное событие эпохи, совпавшее со временем михайловской «сылки», — разгром движения декабристов — резко делит всю пушкинскую лирику на две половины, разительно отличающиеся и по содержанию, и по формальным признакам.

В первые месяцы после 14 декабря Пушкин вообще не писал лирических стихотворений. Тяжелые переживания этой поры сказались на характере соответствующих глав «Евгения Онегина», над которыми он продолжал работать в это время.

Первое написанное им после длительного перерыва значительное лирическое стихотворение сочетает глубоко личные переживания Пушкина с переживаниями, вызванными декабристской катастрофой. В пушкинской лирике создается устойчивый образ соратника декабристов, избегнувшего гибели и сохраняющего верность движению.

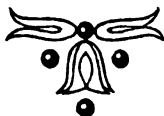
В лирике Пушкина происходит в высшей степени знаменательное сочетание личного и общественного начал — переплетение в единое органическое целое лиризма верности лицейскому братству и лиризма тяжести изгнания как друзей Пушкина, так и его самого.

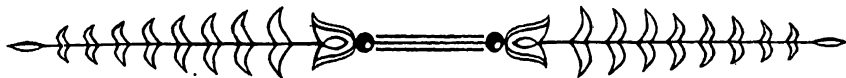
Серьезнейшей задачей, встававшей перед Пушкиным в эти последекабрьские месяцы и годы, было стремление поддержать твердость духа сосланных в Сибирь участников восстания. В этом отношении помощь, оказанная Пушкиным движению в целом, была исключительно велика.

Последний этап в развитии пушкинской лирики определяется характером общественного и культурного развития тридцатых годов. Тридцатые годы — период нового социального содержания, новых задач, встававших перед литературой и искусством, новых требований, предъявлявшихся к ним со стороны общества. Дворянский период в развитии общественности и русской национальной культуры шел к своему закату под натиском крепнущих новых социальных сил.

Новая эпоха и новые социально-общественные силы требовали нового содержания в поэзии и искусстве, новых форм его выражения. И в этом отношении Пушкин сознательно шел навстречу новым требованиям. В его лирике тридцатых годов происходят сложнейшие процессы настойчивых поисков новых путей творчества, которые отвечали бы новым запросам жизни.

В связи с новыми задачами и новыми возможностями лирики, требовавшими и новых форм выражения, в тридцатые годы в пушкинском лирическом творчестве происходят чрезвычайно важные, почти еще совсем не изученные процессы, одновременно подводящие итоги всему предшествовавшему периоду развития русской лирики и намечающие реальные пути, ведущие к последующему ее этапу.

Глава I

ПУШКИН И ЛИРИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ ЕГО ВРЕМЕНИ

Муза Пушкина была вскормлена и воспитана творениями предшествовавших поэтов. Скажем более: она приняла их в себя, как свое законное достояние, и возвратила их миру в новом, преображенном виде. Можно сказать и доказать, что без Державина, Жуковского и Батюшкова не было бы и Пушкина, что он их ученик; но нельзя сказать и еще менее доказать, чтоб он что-нибудь заимствовал от своих учителей и образцов, или чтоб где-нибудь и в чем-нибудь он не был неизмеримо выше их.

Белинский.

I

Лирика Пушкина расцветала на лучших традициях как русского, так и западноевропейского поэтического развития. Проблема предшественников Пушкина в русской и западноевропейской лирической поэзии имеет первостепенное значение.

Что касается предшественников Пушкина в русской лирике, то основное внимание, как правило, уделялось преимущественно двум ближайшим предшественникам его — Жуковскому и Батюшкову при незакономерном игнорировании связей пушкинской лирики с поэтической традицией XVIII в., еще жизненной в дни, когда формировался и складывался поэтический мир Пушкина.

Русский XVIII век — это век пышного цветения российского абсолютизма, когда политическое и культурное господство дворянства в государстве достигло своего апогея. Торжественная литература господствующего класса в хвалебных одах отражала блеск и

величие российского самодержавия и военную мощь непобедимой империи.

Именно в это время достигал вершины своего расцвета тот вариант специфически русского классицизма, который в лучших своих проявлениях поднимался до высот общенационального значения и наиболее прогрессивными своими завоеваниями закономерно входил и в последующую — пушкинскую — художественную систему как момент преемственности литературного развития.

Явственные нити идут от «Душеньки» Богдановича к первой пушкинской поэме, от Радищева — к «Деревне», «Истории села Горюхина» и «Путешествию из Москвы в Петербург» и от торжественной меди и бронзы державинского стиха, утверждавшего высокую русскую государственность как общенациональный принцип, — к пушкинскому «Медному всаднику».

Вместе с тем русский XVIII век — это век острейших социальных противоречий, век державинской «Фелицы» и «Плача холопов», век почти божественной власти «земных богов» — российских самодержцев и век мужицкого царя Емельяна Пугачева, потрясшего почти до основания крепчайшие устои дворянской монархии, век лицемерного «Наказа» Екатерины II и «зрящего сквозь целое столетие» «Путешествия» Радищева.

Для первых писателей XIX в., появившихся уже в новую эпоху русской жизни, прежде всего для Пушкина, вставала задача творческого освоения всех этих сокровищ, извлечения из них художественных ценностей общенационального значения и на этой плодородной почве уже достигнутой культуры расширять, развивать и двигать ее далее. Именно поэтому творчество Пушкина и его лирику нельзя понять до конца вне учета традиций и наследия XVIII в.¹

Пушкин был в полном смысле слова законным и полновластным наследником всех богатств русской культуры, литературы, поэзии и лирики, накопленных XVIII в. В то же время, являясь наследником всех этих богатств, Пушкин ничего не заимствовал

¹ См.: В. В. Виноградов. 1) Язык Пушкина. Пушкин и история русского литературного языка. М.—Л., 1935; 2) Стиль Пушкина. М., 1941; П. Н. Берков. Пушкинская концепция русской литературы XVIII века. Доклад на XII Всесоюзной пушкинской конференции (1960). Сб. «Пушкин. Исследования и материалы», IV, Изд. Академии наук СССР, 1962; Д. Благой. Пушкин и русская литература XVIII века. Сб. «Пушкин — родоначальник новой русской литературы», М.—Л., 1941, стр. 101—166 (в расширенном виде вошло в книгу: Д. Благой. Литература и действительность. М., 1959, стр. 201—300); Г. Винокур. Наследство XVIII века в стихотворном языке Пушкина. Сб. «Пушкин — родоначальник новой русской литературы», М.—Л., 1941, стр. 493—542, и др.

механически, но, осваивая их, создавал на этой почве свою собственную, непохожую на предшествующую и невозможную в прежних условиях, неповторимо своеобразную художественную систему, которая в силу того, что она впитала в себя все лучшие достижения предшествовавшего национального развития, приобретала общенациональные характер и значение.

II

От Ломоносова до Державина — таков путь развития русской лирики XVIII в.

«Ломоносов, — писал Белинский, — был первым основателем русской поэзии и первым поэтом Руси» (VII, 109). Но для Пушкина поэзия Ломоносова приобретала во многом уже историческое значение. Характер отзывов о нем в лицейских стихотворениях Пушкина был всецело навеян оценками роли и места Ломоносова в русской поэзии на уроках словесности в Лицее. В основном же на протяжении всей своей жизни Пушкин относился к Ломоносову с большой определенностью, уважая в нем, как он писал А. А. Бестужеву в 1825 г., «великого человека, но, конечно, не великого поэта» (XIII, 178). Еще более определенно Пушкин говорил о нем в 1834 г.: «Ломоносов был великий человек. Между Петром I и Екатериною II, он один является самобытным сподвижником просвещения. Он создал первый университет. Он, лучше сказать, сам был первым нашим университетом. Но в сем университете профессор поэзии и элоквенции ничто иное как исправный чиновник, а не поэт, вдохновенный свыше, не оратор, мощно увлекающий» (XI, 249). Это, по мысли Пушкина, было вызвано тем, что «поэзия бывает исключительно страстию немногих, родившихся поэтами; она объемлет и поглощает все наблюдения, все усилия, все впечатления их жизни: но если мы станем исследовать жизнь Ломоносова, то найдем, что науки точные были всегда главным и любимым его занятием, стихотворство же — иногда забавою, но чаще должностным упражнением» (XI, 32—33).

Единственное стихотворение Пушкина, целиком посвященное Ломоносову, и говорит об этой основной направленности всей его деятельности:

Невод рыбак расстилал по берегу студеного моря;
Мальчик отцу помогал. Отрок, оставь рыбака!
Мрежи иные тебя ожидают, иные заботы:
Будешь умы уловлять, будешь помощник царям.

С большой определенностью Пушкин характеризовал собственно поэтическую деятельность Ломоносова. «Мы напрасно

искали бы в первом нашем лирике пламенных порывов чувства и воображения, — писал Пушкин в 1825 г. — Слог его, ровный, цветущий и живописный, заемлет главное достоинство от глубокого знания книжного славянского языка и от счастливого слияния оного с языком простонародным.² Вот почему преложения псалмов и другие сильные и близкие подражания высокой поэзии священных книг суть его лучшие произведения. Они останутся вечными памятниками русской словесности; по ним долго еще должны мы будем изучаться стихотворному языку нашему; но странно жаловаться, что светские люди не читают Ломоносова, и требовать, чтоб человек, умерший 70 лет тому назад, оставался и ныне любимцем публики» (XI, 33).

Нет сомнения в том, что Пушкин хорошо помнил основные поэтические произведения Ломоносова и мог свободно цитировать их по памяти. В 1824 г. он пишет А. А. Бестужеву: «... постарайся увидеть Никиту Всеволожского... Покажи ему мое письмо. Мужайся — дай ответ скорей, как говорит бог Иова или Ломоносова» (XIII, 101). Последняя фраза — сокращенная цитата из «выбранной из Иова» 9-й оды Ломоносова (О ты, что в горести напрасно/На бога ропщешь, человек!):

Сбери свои все силы ныне,
Мужайся, стой и дай ответ.
Где был ты, как я в стройном чине
Прекрасный сей устроил свет...³

В поэтическом наследии Пушкина имеются и прямые, большей частью сознательные воспроизведения отдельных стихов Ломоносова, например:

Но вот багряною рукою
Заря от утренних долин
Выводит с солнцем за собою
Веселый праздник имянин.

Это начало XXV строфы V главы «Евгения Онегина» с собственным примечанием Пушкина: «Пародия известных стихов Ломоносова...» и т. д.

Искренняя страсть к поэзии, как к основному делу жизни, в глазах Пушкина поднимала даже А. П. Сумарокова, резко отри-

² Ср.: «Уважаю в нем великого человека, но, конечно, не великого поэта. Он понял истинный источник русского языка и красоты оного: вот его главная услуга» (XIII, 178).

³ М. В. Ломоносов, Сочинения, т. I, изд. А. Смирдина, СПб., 1847, стр. 25.

цательное отношение к которому не изменялось на протяжении всей жизни Пушкина — от лицейских лет:

Ты ль это, слабое дитя чужих уроков,
Завистливый гордец, холодный Сумароков,
Без силы, без огня, с посредственным умом...

(«К Жуковскому», 1816).

и до конца жизни: «... явился Сумароков, несчастнейший из подражателей» (XI, 179).

Свое понимание поэтического стиля Сумарокова Пушкин превосходно передал в сочиненном им самим, но напечатанном как подлинные сумароковские стихи эпиграфе к XI главе «Капитанской дочки», являющемся изумительно тонкой имитацией поэтической манеры и языка Сумарокова:

В ту пору лев был сыт, хоть с роду он свиреп.
«Зачем пожаловать изволил в мой вертеп?» —
Спросил он ласково.

А. Сумароков.

Иным, и далеко не простым, было отношение Пушкина к третьему крупнейшему поэту ломоносовского времени — В. К. Тредиаковскому. В лицейские годы Пушкин разделял прочно установившееся в то время отрицательно-насмешливое отношение к «вечному труженику» и «бездарному поэту». Параллелью с Тредиаковским определяет Пушкин в 1813 г. художественное достоинство поэтических опытов Кюхельбекера:

Вяжк Тредьяковского Клят гекзаметром песенки пишет.

Однако уже в следующем году отношение Пушкина к Тредиаковскому если и не изменяется, то становится более осторожным. В первом послании к Батюшкову Пушкин, положительно оценивая плодотворность работы Батюшкова в области сатиры, оговаривает:

Но Тредьяковского оставь
В столь часто рушимом покое.
Увы! довольно без него
Найдем бессмысленных поэтов.

В 1825 г. Пушкин отмечает тонкое понимание Тредиаковским некоторых особенностей языковой и поэтической системы Ломоносова: «Любопытно видеть, как тонко насмехается Тредьяковский над славянщицами Ломоносова, как важно советует он ему переимать легкость и щеголеватость речений изрядной компании!» (XI, 33).

В эпиграмме 1829 г. на Каченовского Тредиаковский, затеявший в Элизии издание журнала и поджидавший в качестве своего

помощника Каченовского, характеризуется уже без прежних уничижительных эпитетов:

В Элизин Василий Тредьяковский
(Преострый муж, достойный много хвал)
С усердием принялся за журнал...

Изменение отношения Пушкина к Тредиаковскому как теоретику русского стихосложения относится к началу тридцатых годов. Немаловажную роль в этом отношении сыграло дополнительное знакомство Пушкина с основными теоретико-литературными трудами Тредиаковского. К 1833 г. относится приобретение Пушкиным книг Тредиаковского «Слово о витийстве»⁴ и «Сочинения и переводы как стихами, так и прозою Василия Тредиаковского» (тт. I—II, СПб., 1752). Свидетельством особенного внимания Пушкина к сочинениям Тредиаковского являются закладки, сделанные им в статье «Способ к сложению российских стихов».⁵

Все это решительным образом сказалось на характеристике Тредиаковского, данной в пушкинском «Путешествии из Москвы в Петербург» (1834—1835). В главе «Ломоносов» содержится следующая оценка деятельности Тредиаковского: «Тредьяковский был, конечно, почтенный и порядочный человек. Его филологические и грамматические изыскания очень замечательны. Он имел о русском стихосложении обширнейшее понятие, нежели Ломоносов и Сумароков. Любовь его к Фенелонову эпосу делает ему честь, а мысль перевести его стихами и самый выбор стиха доказывают необыкновенное чувство изящного. В Тилимахиде находится много хороших стихов и счастливых оборотов. Радищев написал о них целую статью (см. собрание сочинений А. Радищева). Дельвиг приводил часто следующий стих в пример прекрасного гекзаметра:

*Корабль Одиссея,
Бегом волны деля, из очей ушел и сокрылся.*

«Вообще изучение Тредьяковского приносит более пользы нежели изучение прочих наших старых писателей. Сумароков и Херасков верно не стоят Тредьяковского» (XI, 253—254).

Тредиаковский вместе с Ломоносовым начинает ту поэтическую традицию XVIII в. в переложении псалмов и священных книг,

⁴ «Слово о богатом, различном, искусном и несходственном витийстве. Говорено почт. сеннейшим, благороднейшим, ученнейшим профессорам в императорской академии наук Санктпетербургской чрез Василья Тредиаковского. Профессора публичного ординарного Элоквенции Российския и Латинския. Л. Г. 1745, августа 12 дня. Переведено через негож с Латинского его сочинения».

⁵ См.: Г. Г. Ариель-Залеская. К изучению истории библиотеки Пушкина. Сб. «Пушкин. Исследования и материалы», II, Изд. Академии наук СССР, М.—Л., 1958, стр. 340—341.

которая дошла до времени Пушкина и нашла дальнейшее развитие и углубление в замечательных пушкинских «Подражаниях Корану». Вот характерные в этом отношении отрывки из «Парафразиса вторых песни Моисеевы» Тредиаковского:

В пустыне всем его снабдил:
Он жажду, в превеликом зное,
В земле безводной утолил,
Обвел его и сохранил,
Как зеницу очей, в покое.

или:

Я кровью стрелы напою,
Наестся меч мой мяс от тела,
От тела язвенных в бою,
От глав князей, что убию,
Их попленивши грады, села.⁶

Исключительное значение для всего творчества Пушкина имел Радищев, имя которого красной нитью проходит в пушкинской лирике от «Бовы» (1814) до итогового стихотворения «Я памятник себе воздвиг нерукотворный» (1836).⁷ Пушкин ценил Радищева не только как прозаика, но и как поэта. Он отмечал, что «Радищев писал лучше стихами, нежели прозою», и объяснял это тем, что в последней «не имел он образа, а Ломоносов, Херасков, Державин и Костров успели уже обработать наш стихотворный язык» (XII, 35).

Особенно интересовали Пушкина в последний период его творчества новаторские идеи Радищева в области теории стиха, направленные к реформе русского стихосложения. Опираясь на высказывания Радищева о желательности опытов в области упрочения в русской поэзии «белого», т. е. безрифменного, стиха, Пушкин писал: «Думаю, что со временем мы обратимся к белому стиху» (XI, 263).

Мысли Радищева о равноправии рифменного и безрифменного стиха нашли непосредственный отклик и признание Пушкина потому, что в самом его творчестве начиная с двадцатых годов усиливается тяготение к безрифменному стиху не только в крупных жанрах («Борис Годунов»), но и в лирике.⁸

⁶ В. К. Тредьяковский, Сочинения, т. I, изд. А. Смирдина, СПб., 1849, стр. 343 и 348.

⁷ Развернутая оценка отношения Пушкина к Радищеву дана мною в работе «Путешествие из Москвы в Петербург» А. С. Пушкина (Сб. «Пушкин. Исследования и материалы», III, Изд. Академии наук СССР, 1960). Здесь же характеристика отношения Пушкина к Радищеву (как и к другим писателям XVIII в.) ограничивается проблематикой данной книги.

⁸ См.: Н. В. Лапшина, И. К. Романович, Б. И. Ярхо. Метрический справочник к стихотворениям А. С. Пушкина. «Academia», 1934, стр. 52.

Имея в виду именно эту особенность новой поэтической манеры Пушкина, И. И. Дмитриев писал ему в начале 1832 г.: «До сих пор после Карамзина (в старинных его мелких стихах) один только Пушкин заставляет меня читать белые свои стихи и забывать о рифмах» (XV, 8).

Выделяя в лирике XVIII в. ее замечательную сатирическую струю (Кантемир, Херасков, Фонвизин, Новиков, В. Майков, Державин, Хемницер, Капнист, Крылов, Радищев, Дмитриев и др.) и наблюдая ее относительное затухание позднее, Пушкин в набросках плана статьи, в которой намеревался наметить основные этапы развития русского литературного процесса, ставил следующие теоретические вопросы: «Отчего первые стихотворения были сатиры?»

«Их успех etc.

«Отчего сатира существовала еще при Екатерине — а ныне совсем уже не существует?» (XI, 495).

В своем собственном творчестве Пушкин сознательно стремился возродить эту замечательную сатирическую традицию XVIII в. «Уголовное обвинение, по твоим словам, — писал он П. А. Вяземскому в 1822 г., — выходит из пределов поэзии; я не согласен. Куда не достягает меч законов, туда достает бич сатиры» (XIII, 43).

III

Наиболее полное, яркое и художественно полноценное выражение лирика XVIII в. получила в творчестве крупнейшего поэта эпохи — Державина.⁹ Державинская поэзия для времени созревания поэтического гения Пушкина уже приобрела понемногу черты пройденного этапа и не воспринималась поэтом как знамя и символ дальнейшего литературного развития. Уже в 1814 г. лириец Пушкин отчетливо сознавал невозможность прямого следования Державину:

Что прибыли соваться в воду,
Сначала не спросившись броду,
И вслед Державину парить?
Пишу своим я складом ныне...

⁹ См.: История русской литературы, т. IV, Изд. АН СССР, 1947, стр. 383—429; Д. Д. Благой. История русской литературы XVIII века. М., 1951, стр. 481—528; Д. Д. Благой. Литература и действительность, стр. 115—200; Г. А. Гуковский. Русская литература XVIII века. М., 1939, стр. 389—424; Б. М. Эйхенбаум. Сквозь литературу. Л., 1924, стр. 5—36, и др.

и противопоставлял традиционной поэтической лире, воспетой Державиным, свое гусиное перо:

И в лиру превращать не смею
Мое — гусиное перо!

Новые, неведомые ранее поэтические горизонты раскрывались в то время, и новые поэтические имена и индивидуальности становились властителями дум литературной молодежи, в первую очередь Жуковский с его тончайшими оттенками чувств, облеченных в пленительную сладость стиха, и Батюшков — певец радости и наслаждений, как он воспринимался в 1810-х годах.

Принципиальная разница в отношениях литературной молодежи того времени к Державину и Жуковскому заключалась в том, что первый из них, несмотря на его могучую и еще продолжавшую оказывать живое воздействие поэтическую индивидуальность, уже понемногу отходил в прошлое, а второй был весь устремлен в будущее, так как не только отражал душу современности, но и открывал новые возможности ее поэтического выражения.

Эта разница в отношениях к Державину и Жуковскому отчетливо проявилась уже в пушкинских «Воспоминаниях в Царском селе» (1814).

О Державине здесь говорится в подчеркнуто прошедшем времени, а его поэзия связывается с промчавшимся «незабвенным» «веком военных споров», «свидетелем славы Россиян»:

Державин и Петров Героям песнь бряцала
Струнами громозвучных лир.
И ты промчался, незабвенный!
И вскоре новый век узрел
И брани новые, и ужасы войны...

Певцом этого нового века назван Жуковский, но уже в настоящем времени:

О Скальд России вдохновенный,
Воспевший ратных грозный строй
В кругу друзей твоих, с душой воспламенной,
Взгреми на арфе золотой!..

Тем не менее могучая творческая индивидуальность Державина продолжала оказывать несомненное воздействие на поэтическое развитие начала века. Намеченные в державинском творчестве новые возможности лирического выражения не были до конца исчерпаны им самим, в силу этого поэзия Державина в пору созревания гения Пушкина во многом отвечала конкретным задачам литературного развития.

Державин впервые в русской поэзии ввел в лирику личность автора не как поэта в классическом понимании этого образа с золотой лирой на коленях, но как человека в его неповторимой индивидуальности, необозримо раздвинув самые возможности лирики как живого воспроизведения человеческих чувств и переживаний.

Одно из основных достижений Державина, оказавшее исключительно большое воздействие на все дальнейшее развитие русской поэзии и явившееся едва ли не решающим моментом в борьбе с уже окаменевшими традициями и канонами классицизма, состояло в раскрепощении самого стиля поэта от стеснительных оков жанровой иерархии классицизма. У поэта классицизма заранее выбранный жанр уже предопределял все особенности развития темы, у Державина, наоборот, предмет художественного воспроизведения определял и все остальные стороны произведения.

Большое значение в процессе накопления русской поэзией реалистических качеств сыграло сознательное и принципиально обоснованное стремление Державина к воспроизведению правды жизни в лирике. «*Правдоподобие*, — писал Державин, — во всяком сочинении, а более в оде или гимне нужно, потому что лира издревле посвящена на сохранение дел народа, или, лучше, на расширение славы его. Поелику же истина одна дает вымыслам вероятие, а вымыслы истину только украшают, то и надобно, чтоб лирическая песнь содержала в себе некоторую правду или быть, а без той она не достигнет своего значения».¹⁰

Исключительно своеобразная роль Державина в процессе становления и формирования поэтического мира молодого Пушкина еще не оценена по достоинству.

Внешне это выразалось не только известным эпизодом на январском лицейском экзамене 1815 г., но и многочисленными созвучиями с Державиным в лицейской лирике Пушкина, повторением отдельных его строк и выражений, внутренней цитацией и пр., вплоть до навеянных Державиным самостоятельных пушкинских художественных образов.

Насколько хорошо Пушкин знал Державина, свидетельствует, например, обильная цитация по памяти державинских стихов в письмах Пушкина на всем протяжении его жизни.¹¹ Характерны

¹⁰ Г. Р. Державин, Сочинения, с объяснительными примечаниями Я. Грота. т. VII, СПб., 1872, стр. 546.

¹¹ Например, в письме к Л. С. Пушкину 30 января 1823 г.: «... пишу тебе, окруженный деньгами, афишками, стихами, прозой, журналами, письмами, — и все то благо, все добро...» (цитата из стихотворения Державина «Утро»); в письме к П. А. Вяземскому от марта 1823 г.: «Я барахтаюсь в грязи молдавской, чорт знает когда выкарабкаюсь. Ты — барахтайся в грязи отечественной и думай: *Отечества и грязь сладка нам и приятна*» (пародированный стих из стихотворения Державина «Арфа»); в письме к Н. М. Язы-

и многочисленные эпиграфы, взятые Пушкиным для своих произведений из державинских сочинений.¹²

Реминисценции из Державина у Пушкина, особенно в ранний период его творчества, многочисленны и показывают все значение державинских образцов для формирования лирики Пушкина.

Строки Державина из стихотворения «К лире»:

Так не надо звучных строев,
Переладим струны вновь;
Петь откажемся Героев,
А начнем мы петь любовь.¹³ —

скажутся в пушкинском стихотворении «Гроб Анакреона» (1815):

Здесь, на лиру кинув длани
И нахмуря важно бровь,
Хочет петь он бога брани,
Но поет одну любовь.

Державинские строки о Ломоносове:

Пред сонмами блаженных Россов,
В беседе их вождей, царей,
Наш звучный Пиндар, Ломоносов,
Сидит, — и лирою своей
Бесплотный дух их утешает.¹⁴ —

ассоциативно лягут в основу строк также о Ломоносове в пушкинской «Тени Фонвизина» (1815):

На Пинде славный Ломоносов
С досадой некогда узрел,
Что звучной лирой в сонме Россов¹⁵
Татарин бритый¹⁶ возгремел.

кову от 14 апреля 1836 г.: «Будьте здоровы и пишите. То есть: *Живи и жить давай другим*» (цитата из стихотворения Державина «На рождение царицы Гремиславы») и т. д.

¹² «Арап Петра Великого», гл. II, 1827 (из оды «На смерть князя Мещерского»); «Гробовщик», 1830 (из оды «Водопад»); «Дубровский», гл. IV, 1832 (из оды «На смерть князя Мещерского»); «Осень», 1933 (из стихотворения «Евгению. Жизнь Званская»); «Египетские ночи», 1835 (из оды «Бог»).

¹³ Державин, Сочинения, ч. III, стр. 55.

¹⁴ Там же, ч. I, стр. 283.

¹⁵ Воздействие державинской рифмы: «Россов—Ломоносов» испытал не один лицеист Пушкин. В послании «К В. А. Жуковскому» В. Л. Пушкина читаем:

Гораций, Ювенал, Саллюстий, Фукидид
Знакомы стали нам, и к вечной славе Россов
На хладном севере родился Ломоносов!

(В. Л. Пушкин, Сочинения, изд. А. Смирдяна, СПб., 1855, стр. 9).

¹⁶ Державин.

Державинский образ забулдыги-военного из стихотворения «Философы, пьяный и трезвый»:

Гонялся я за звучной славой,
Встречал я смело ядры лбом¹⁷ —

в какой-то мере помог юному Пушкину создать свой собственный образ «майора отставного» в «Городке» (1815), являющийся одним из ранних проявлений становящегося реализма в пушкинской лирике:

Вечернею пирушкой
Старик развеселясь,
.....
Вспомнит ту баталью,
Где роты впереди
Летел на встречу славы,
Но встретился с ядром....

Кроме этих прямых созвучий с Державиным, в пушкинской ранней лирике имеются случаи создания самостоятельных образов, явно связанных с ассоциациями из державинского творчества, но не имеющих прямого соответствия с тем или иным его стихотворением. Таковы строки из пушкинского «Послания к Юдину» (1815):

Но вот уж полдень. В светлой зале
Весельем круглый стол накрыт;
Хлеб-соль на чистом покрывале,
Дымятся щи, вино в бокале,
И шука в скатерти лежит.

Созвучия с Державиным прослеживаются и в зрелой лирике Пушкина. Замечательный державинский глубоко правдивый и вместе с тем поднятый до степени большого обобщения образ поседевшего как лунь героя с поникшей головой, не увенчанной лавровым венком, как было бы уместно в традициях классицизма, а именно лавровой, т. е. достойной лаврового венка:

А там израненный Герой,
Как лунь во бранях поседевший
.....
Поникнув лавровой главою...¹⁸ ..

с незначительной перестановкой слов перейдет с новым смысловым наполнением в пушкинского «Полководца» (1835):

... другие, коих лики
Еще так молоды на ярком полотне,
Уже состарились и никнут в тишине
Главою лавровой.

¹⁷ Державин, Сочинения, ч. III, стр. 128.

¹⁸ Там же, ч. I, стр. 213.

IV

Державин воздействовал на молодого Пушкина и еще одной стороной своей поэтической индивидуальности — характерным представлением о вдохновении, которое играло такую большую роль в эстетической системе Державина и легло в основу высокого образа поэта, созданного державинской лирикой.

Это представление о поэтическом творчестве как о священном восторге, наполняющем душу поэта, несомненно восходит к древним представлениям о поэте-пророке и пророческих прорицаниях поэта. Однако в эстетике Державина подобное религиозное истолкование поэтического вдохновения утратило свое основное значение. Не случайно момент тайновидения или религиозного пророческого прозрения у Державина подменяется величественным образом парения зоркого и мощного орла — любимым державинским символом поэтического творчества. Тем более далек Державин и от мистического понимания вдохновения, какое ляжет в основу эстетической системы Жуковского. «Поэт в полном упоении чувств своих разгораясь свышним оным пламенем или, простее сказать, воображением, — пишет Державин, — приходит в восторг, схватывает лиру и поет, что ему велит его сердце. Не разгораясь и не чувствуя себя восхищенным, и приниматься за лиру не должен. Вдохновение рождается прикосновением случая к страсти поэта, как искра в пепле, оживляясь дуновением ветра... В прямом вдохновении нет ни связи, ни холодного рассуждения; оно даже их убеждает и в высоком парении своем ищет только живых, чрезвычайных, занимательных представлений».¹⁹ Это поэтическое творчество именно в силу священного восторга, наполняющего душу поэта, характеризуется тем, что на языке теории классицизма именовалось «лирическим беспорядком». «Беспорядок лирический, — пишет Державин, — значит то, что восторженный разум не успевает чрезмерно быстротекущих мыслей расположить логически. Потому ода плана не терпит. Но беспорядок сей есть высокий беспорядок, или беспорядок правильный. Между периодов, или строф, находится тайная связь, как между видимых, прерывистых колен перуна неудобозрима нить горючей материи».²⁰

Состояние поэтического вдохновения неоднократно и очень ярко описывается в лирике Державина:

Наполнил грудь восторг священный,
Благоговейный обнял страх,

¹⁹ Г. Р. Державин, Сочинения, с объяснительными примечаниями Я. Грота, т. VII, стр. 523.

²⁰ Там же, стр. 539.

Приятный ужас потаенный
 Течет во всех моих костях;
 В весельи сердце утопает,
 Как будто бога ощущает,
 Присутствующего со мной!²¹

Именно от этого державинского представления о вдохновении возникают соответствующие мотивы в раннем творчестве Пушкина, однако лишь как продолжение поэтической традиции. Державинскому:

Приятный ужас потаенный
 Течет во всех моих костях...

соответствует пушкинское:

И быстрый холод вдохновенья
 Власы подымлет на челе...
 («Жуковскому», 1818).

И даже в позднейшем творчестве Пушкина державинскому:

Как будто бога ощущает,
 Присутствующего со мной!

соответствует:

Но он уже чувствовал приближение бога...
 («Египетские ночи», 1835).

Державинскому:

Во сладком иступленьи сем
 Весь север зрится мне Эдемом,
 И осень кажется весной;
 В кристалльных льдах зрю лес зеленый,
 В тенях ночных поля златы;
 А по снегам цветы.²²

соответствует уже зрелое пушкинское, глубоко реалистическое описание поэтического вдохновения, однако с несомненным налетом давней фразеологической традиции:

И забываю мир — и в сладкой тишине
 Я сладко усыплен моим воображеньем,
 И пробуждается поэзия во мне:
 Душа стесняется лирическим волненьем,
 Трепещет и звучит, и ищет, как во сне,
 Излиться наконец свободным проявленьем...

(«Осень», 1833).

²¹ Державин, Сочинения, т. I, стр. 151.

²² Там же, стр. 68.

Уже в раннем пушкинском творчестве отзвуки этих державинских мотивов были ничем иным, как данью устоявшейся поэтической традиции. По мере своего созревания Пушкин совсем отходит от этих представлений. Всякого рода иступлениям, выпренному парению и пламенному восторгу он противопоставит глубокую сознательность творческого процесса. «Нет; решительно нет, — пишет он уже в 1825 г., — *восторг* исключает *спокойствие*, необходимое условие *прекрасного*. Восторг не предполагает силы ума, располагающей частей в их отношении к целому. Восторг непродолжителен, непостоянен, следовательно не в силе произвести истинное великое совершенство — (без которого нет лирической поэзии)» (XI, 41—42). Традиционному пониманию вдохновения, которое, по Державину, «наполняет душу лирика огнем небесным... исторгает, так сказать, ее бытие из пелен плоти или из всех земных пределов»,²³ Пушкин противопоставит свое точное и четкое определение вдохновения, как «расположение души к живейшему принятию впечатлений и соображению понятий, следовательно и объяснению оных» и добавит при этом, что «вдохновение нужно в геометрии, как и в поэзии» (XI, 54).

Вероятно, что державинское положение о «беспорядке лирическом», вызываемом тем, что «восторженный разум не успевает чрезмерно быстротекущих мыслей расположить логически»,²⁴ Пушкин имел в виду, когда говорил о «двух родах бессмыслицы»: «одна происходит от недостатка чувств и мыслей, заменяемого словами; другая — от полноты чувств и мыслей и недостатка слов для их выражения» (XI, 54).

В 1825 г. в связи с размышлениями по поводу статьи А. А. Бестужева «Взгляд на Русскую словесность в течение 1824 и начале 1825 годов» («Полярная звезда на 1825 год») пушкинские оценки Державина значительно уточняются и приводятся в систему.

«По твоём отъезде, — пишет Пушкин А. А. Дельвигу в июне 1825 г., — перечел я Державина всего, и вот мое окончательное мнение. Этот чудак не знал ни русской грамоты, ни духа русского языка (вот почему он и ниже Ломоносова²⁵). Он не имел понятия ни о слоге, ни о гармонии — ни даже о правилах стихосложения. Вот почему он и должен бесить всякое разборчивое ухо. Он не только не выдерживает оды, но не может выдержать и строфы

²³ Г. Р. Державин, Сочинения, с объяснительными примечаниями Я. Грота, т. VII, стр. 576.

²⁴ Там же, стр. 539.

²⁵ Пушкин здесь имеет в виду не поэтические заслуги Ломоносова, а то, что «он понял истинный источник русского языка и красоты оного» (XIII, 178).

(исключая чего знаешь). Что ж в нем: мысли, картины и движения истинно поэтические; читая его, кажется, читаешь дурной, вольный перевод с какого-то чудесного подлинника. Ей-богу, его гений думал по-татарски — а русской грамоты не знал за недосугом.²⁶ Державин, со временем переведенный, изумит Европу, а мы из гордости народной не скажем всего, что мы знаем об нем (не говоря уж о его министерстве). У Державина должно сохранить будет од восемь да несколько отрывков, а прочее сжечь. Гений его можно сравнить с гением Суворова — жаль, что наш поэт слишком часто кричал петухом» (XIII, 181—182).

Мнение Пушкина о том, что в поэтическом наследстве Державина есть много художественно неполноценных произведений, было повторено им неоднократно. В том же 1825 г. Пушкин писал, что «кумир Державина $\frac{1}{4}$ золотой, $\frac{3}{4}$ свинцовый, доньге еще не оценен» (XIII, 178). В 1830 г. Пушкин утверждал, что «наша словесность с гордостью может выставить перед Европою Историю Карамзина, несколько од Державина, несколько басен Крылова, план 12-го года <Жуковского> и несколько цветов северной эгегической поэзии» (XI, 143). Со всем тем, отвечая на вопрос А. А. Бестужева «Отчего у нас нет гениев и мало талантов?», — Пушкин из всех своих предшественников и старших современников назвал только двух, полностью удовлетворяющих, по его мнению, всем требованиям, предъявляемым к гениям и талантам, — именно Державина и Крылова: «Во-первых, у нас Державин и Крылов — во-вторых, где же бывает много талантов» (XIII, 178).

Пушкинская оценка Державина в основном совпадает с последующими суждениями Белинского, который, признавая полностью поэтический гений Державина, в то же время ограниченное содержание его поэзии связывал с характером и содержанием общественно-культурной жизни его эпохи.

Что же касается основной части державинского поэтического наследия, которая и обеспечивает ему великое право на бессмертие, то, по определению Пушкина, она характеризуется следующими свойствами и качествами: «мысли, картины и движения истинно поэтические». Наиболее ценя в первой своей южной поэме ее описательную часть, Пушкин назвал Державина одним из своих предшественников в описании Кавказа. В примечаниях к поэме Пушкин

²⁶ Цитата из «Эпитафии» И. И. Дмитриева:

Прохожий, стой! во фронт! скинь шляпу и читай:
Я воин. грамоты не знал! за недосугом.
На право кругом!
Ступай!

(И. И. Дмитриев, Сочинения, ч. II, изд. 5-е, М., 1818, стр. 57).

писал: «Державин в превосходной своей оде графу Зубову первый изобразил... дикие картины Кавказа» (IV, 115).

В одической традиции лирики XVIII в. пейзаж создавался по принципу перечисления характерных черт природы различных времен года.

Этой традиции отдал дань и молодой Пушкин. Именно она положена в основу большинства пейзажных зарисовок «Руслана и Людмилы» (1817—1820). Таков осенний пейзаж:

И дни бегут; желтеют нивы;
С дерев спадает дряхлый лист;
В лесах осенний ветра свист
Певцу пернатых заглушает;
Тяжелый пасмурный туман
Нагие холмы обвивает...

Этот пейзаж построен по принципу перечисления характерных и ставших уже традиционными черт природы данного времени года: нивы «желтеют» (хотя в реальных условиях они «желтеют» значительно ранее, чем начинается осенний листопад), с дерев падают листья, и, конечно же, необходимый во всех лирических описаниях осени, вплоть до пушкинской поры, тяжелый туман обвивает непременно нагие холмы. И только одна строка —

В лесах осенний ветра свист,

создающая реальное живописно-звуковое представление об этом свистящем осеннем ветре, заставляет провидеть в авторе пейзажных зарисовок «Руслана и Людмилы» будущего певца гениально проникновенных образов осенней русской природы.

Точно так же как в одном из зимних пейзажей «Руслана и Людмилы:

Все мертво. Снежные равнины
Коврами яркими легли.
.....
Лишь изредка с унылым свистом
Бунтует вихорь в поле чистом
И на краю седых небес
Качает обнаженный лес —

можно уже провидеть автора будущего «Зимнего утра».

Этот процесс перехода в лирических описаниях природы от последовательного перечисления традиционных и ставших как бы законными и обязательными для описания тех или иных времен года деталей и черт — к воспроизведению индивидуального авторского видения картин природы, т. е. к лирике природы, наметился уже в творчестве Державина:

Теплой осени дыханье,
Помавание дубов,

Тихое листов шептанье,
Восклицанье голосов...²⁷

или:

Яви искусством чудотворным,
Чтоб льды прияли вид лилей;
Весна дыханьем теплотворным
Звала бы с моря лебедей; —
Летели б с криком вереницы,
Звучали б трубы с облаков...²⁸

или:

О приятный ветер полдневный!
Вод прозрачные струи!
Нивы злачны! Лес зеленый!
Сладкопевны соловьи!²⁹

Особенно красочны у Державина осенние и зимние зарисовки. Они обогащены множеством метких наблюдений и ярких деталей, которые создают впечатление именно русской осени и русской зимы:

Уже стада толпятся птички,
Ковыль сребрится по степям;
Шумящи красножелты листья
Расстлались всюду по тропам.

Борей на Осень хмурит брови,
И зиму с севера зовет:
Идет седая чародейка,
Косматым машет рукавом.

Пустыни сетуют и доли,
Голодны волки воют в них;
Древа стоят и холмы голы,
И не пасется стад при них.

Дымятся серым дымом дома,
Поспешно едет путник в путь.³⁰

Еще Белинский подметил преемственность Пушкина от Державина в описании осени и зимы (V, 534; VII, 276). Если осенний и зимний пейзажи Державина еще и не совсем «пушкинские», то во всяком случае это одно из тех зерен, из которых вырастал пушкинский пейзаж.

Державинской «седой чародейке», которая «косматым машет рукавом», у Пушкина соответствует «волшебница зима»:

Вот север, тучи нагоняя,
Дохнул, завыл — и вот сама

²⁷ Державин, Сочинения, ч. III, стр. 173.

²⁸ Там же, ч. I, стр. 110.

²⁹ Там же, стр. 55.

³⁰ Там же, стр. 136—138.

Идет волшебница-зима.

Пришла, рассыпалась; клоками
Повисла на суках дубов;
Легла волнистыми коврами
Среди полей, вокруг холмов.
(«Евгений Онегин», гл. VII).

В пушкинском зимнем пейзаже есть и упомянутые Державиным воюющие «голодные волки», и путник, который поспешно едет в путь, но какая здесь огромная разница с Державиным! У последнего — это простое, хотя и достаточно яркое перечисление картин, характерных для зимы. У Пушкина все это соединено в одну общую картину, где все детали подчинены единой цели — созданию совершенно реального впечатления зимнего утра:

Встает заря во мгле холодной,
На нивах шум работ умолок;
С своей волчихою голодной
Выходит на дорогу волк;
Его почуя, конь дорожный
Храпит — и путник осторожный
Несется в гору во весь дух...
(«Евгений Онегин», гл. IV).

Типично державинский, яркий и поразительный по своей острой наблюдательности и поэтической глубине образ «мразной пыли»:

Как в мразный, ясный день зимой
Пылинки инея сверкают...³¹

перейдет в пушкинскую лирику как «морозная пыль», но с новым смысловым наполнением:

Морозной пылью серебрится...
(«Евгений Онегин», гл. I).

Нейдет она зиму встречать,
Морозной пылью подышать.
(«Евгений Онегин», гл. VII).

Как дева русская свежа в пыли снегов!
(«Зима. Что делать нам в деревне?»).

Значительно меньше в лирике Державина летних и весенних пейзажей. Но и здесь уже намечена традиция описания тихой и теплой летней ночи с пением соловья:

На холме, сквозь зеленой рощи,
При блеске светлого ручья,

³¹ Державин, Сочинения, ч. I, стр. 3.

Под кровом тихой майской ноши
Вдали я слышу соловья...³²

Пушкин мог отдаленно помнить об этой традиции, когда создавал свое замечательное описание тихой и теплой крымской ночи в «Бахчисарайском фонтане»:

Настала ночь; покрылись тенью
Тавриды сладостной поля;
Вдали, под тихой лавров сенью
Я слышу пенье соловья.

Но не один Державин был предшественником в создании неповторимой, изумительной по своей глубине и художественному совершенству пушкинской лирики русской природы. Пушкинский пейзаж возник как высшее достижение, как завершение длительной предшествовавшей традиции.

Вот, например, пейзажная зарисовка В. В. Капниста:

Уж юный Май в весенней неге
Спешит, прогнавши зимний хлад;
Суда, осохшие на бреге,
На волны с крутизны скользят.
К загону стадо не теснится,
Не жметя к огоньку пастух,
И инеем не серебрится
Покрывшийся травю луг.³³

Достаточно сопоставить этот отрывок с такими пушкинскими строками:

Уж небо осенью дышало,
Уж реже солнышко блистало,
Короче становился день,
Лесов таинственная сень
С печальным шумом обнажалась,
Ложился на поля туман,
Гусей крикливых караван
Тянулся к югу: приближалась
Довольно скучная пора;
Стоял ноябрь уж у двора. —

(«Евгений Онегин», гл. IV).

чтобы почувствовать, что, несмотря на несоизмеримость гения Пушкина со скромным дарованием Капниста, а также на то, что в первом случае изображается весна, а во втором — осень, принцип изображения и построения пейзажа родственны между собой: и там и тут (в первом случае более элементарное, во втором — углуб-

³² Там же, стр. 303.

³³ В. В. Капнист, Сочинения, изд. А. Смирдина, СПб., 1849, стр. 402.

ленное и обогащенное) перечисление характерных черт для данного времени года: весны — у Капниста и осени — у Пушкина.

Последние же две строки приведенного отрывка из Капниста:

И ныне не серебрится
Покрывшийся травой луг, —

если не являются предшественницами гениальной пушкинской строки:

Сребрит мороз увянувшее поле,

то, несомненно, находятся где-то в русле той традиции, которая привела Пушкина к созданию этого неповторимого образа.

V

Основную, наиболее характерную для Державина особенность его поэтического стиля Пушкин определил формулой: «... яркая и неровная живопись Державина» (XI, 110). Насколько устойчивым для Пушкина было это определение, свидетельствует и более ранний его отзыв: «Но русская поэзия — скажут мне — достигла высокой степени образованности. Согласен, что некоторые оды Державина, несмотря на неровность слога и неправильность языка, исполнены порывами истинного гения» (XI, 21).

Словесная живопись Державина поразительна, а слово его приобретает конкретность и предельное жизненное наполнение, необычные в русской поэзии до Державина. Вот несколько примеров этой необыкновенной изобразительности державинского стиха:

Взглянь, Аполлос! взглянь в небеса!
В сумрачном облаке там,
Видишь, какая из лент полоса,
Огненна ткань блещет очам,
Склонясь над твоею главою
Дугою!
Пурпур, лазурь, золото, багрянец,
С зеленью тень, слиясь с серебром,
Чудный, отливный, блестящий глянец
Сыплют вокруг, тихим лучом
Зениц к утешенью сияют,
Пленяют!³⁴

или:

На темно-голубом эфире
Златая плавала луна,
В серебряной своей порфире
Блистаючи с высот, она

³⁴ Державин, Сочинения, т. II, стр. 266.

Сквозь окна дом мой освещала,
И палевым своим лучем
Златые стекла рисовала
На лаковом полу моем.³⁵

или:

Где с скотен, пчельников, и с птичников, прудов,
То в масле, то в сотах зрю злато под ветвями,
То пурпур в ягодах, то бархат — пух грибов,
Сребро, трепещуще лещами...³⁶

В то же время стихотворения Державина очень неровны. Наряду со строфами подлинной поэтической силы и яркой изобразительности встречаются строфы совсем невыразительные. Блестки подлинной поэзии перемежаются выражениями, ставшими даже для того времени трафаретами. Как пример этой столь характерной для Державина «неровности» можно указать хотя бы на стихотворение, открывающее III том собрания его сочинений издания 1808 г., — «Приношение красавицам».

После трафаретного начала:

Вам, красавицы молодые,
И супруге в дар моей,
Песни Леля золотые
Подношу я в книжке сей...

следует столь же невыразительная средняя часть стихотворения:

Нравиться уж я бессилен
И копьём и сайдаком,³⁷
Дурен, стар и не умилен.
Бью стихами вам челом...

И только после всего этого — блестящая, смелая и чисто «державинская» концовка:

Чувствы те лишь посвящаю,
Что любви всеильный бог
С жизнью самой в кровь мне пламень,
В душу силу влил огня;
Сыплют искры, снег и камень
Под стопами у меня.³⁸

Одной из наиболее важных особенностей поэтического стиля Державина, имевшей для того времени исключительно большое значение и в огромной степени облегчившей дальнейшее развитие русской лирики в направлении достижений Жуковского и Пуш-

³⁵ Там же, ч. I, стр. 60.

³⁶ Там же, ч. II, стр. 304.

³⁷ Сайдак (тюркск.) — набор вооружения конного воина: лук с налучием и стрелы с колчаном в чехле.

³⁸ Державин, Сочинения, ч. III, стр. 1—2.

кина, было подлинное раскрепощение поэтического слова от оков, налагавшихся на него поэтикой классицизма, подчинение его уже не заранее заданному жанру и форме, но внутреннему содержанию произведения, основной задаче его.

В качестве примера этой необычайно важной и плодотворной особенности поэтики Державина можно привести стихотворение «Снигирь», посвященное смерти Суворова и содержащее ряд бытовых, жизненных деталей, невозможных для классицизма в его наиболее чистом виде, но в высокой степени помогающих создать неповторимый и глубоко индивидуализированный образ гениального полководца:

Кто перед ратью / будет, пылая,
Ездить на кляче, / есть сухари;
В стуже и в зное / меч закаляя,
Спать на соломе, / бдеть до зари...³⁹

Образ прославленного полководца, едущего перед полками на кляче, был невозможен для поэтики классицизма.

Уже самый размер этого стихотворения, его метрический рисунок с характерной цезурой посредине стиха и глубокими переборами ритма, так уместными для тоскливого и печального содержания стихотворения, — все это дает представление о той свободе стиха, какая характерна для поэтики Державина. Пушкин был только отчасти прав, говоря, что Державин «не имел понятия ни о слоге, ни о гармонии — ни даже о правилах стихосложения» (XIII; 182). Более чем возможно, что Державин не знал всех деталей теории стихосложения, но музыкальность его стиха, разнообразие и свобода его дают все основания говорить о той большой роли, какую сыграл Державин в деле развития русского стиха и о его подлинном новаторстве в этой области.

Державин не только достигает большой свободы стихотворной речи, которая непосредственно ведет к дальнейшим его свершениям в этом отношении:

Цари! — Я мнил, вы боги властны,
Никто над вами не судья:
Но вы, как я, подобно страстны,
И так же смертны, как и я...⁴⁰

но и намечает возможности новых путей развития русского лирического стиха. Среди размеров его стихотворений встречаются

³⁹ Там же, ч. II, стр. 117—118.

⁴⁰ Там же, ч. I, стр. 10.

такие, какие впоследствии будут использованы Жуковским в его балладах:

Башни рукою за облак кидает;
Дрогнет Природа, бледнея пред ним;
Слабые трости шадятся лишь им.⁴¹

и в элегиях:

О колыбель моих первоначальных дней!
Невинности моей и юности обитель!
Когда я освещусь опять твоей зарей,
И твой по-прежнему всегдашний буду житель?⁴²

а также и другими поэтами XIX в.:

Там гнутся с утеса в понт воды,
Там ластятся струи к брегам. —
Всю прелесть ты видишь природы,
Зришь лета роскошного храм...⁴³

Некоторые стихотворения Державина намечают возможности развития лирического белого стиха особого вида:

Ах, не вы ли на помосте,
Среди столпов и переходов,
В храме Росския Богини,
Как вефиры легкокрылы,
Плавню пляшете по арфам?⁴⁴

⁴¹ Там же, стр. 282. Ср.:

Были потоплены пажити, нивы;
Хлеб на полях не созрел и пропал;
Сделался голод, народ умирал.

(В. А. Жуковский. «Суд божий над епископом»).

⁴² Там же, ч. III, стр. 111. Ср.:

Сию задумавшись; в душе моей мечты;
К протекшим временам лечу воспоминаньем...
О дней моих весна, как быстро скрылась ты,
С твоим блаженством и страданьем!

(В. А. Жуковский. «Вечер»).

⁴³ Там же, ч. I, стр. 297. Ср.:

Где гнутся над омутом лозы,
Где летнее солнце печет,
Летают и пляшут стрекозы,
Веселый ведут хоровод...

(А. К. Толстой. «Где гнутся над омутом лозы...»)

⁴⁴ Там же, ч. III, стр. 9.

каким широко воспользуются русские поэты XIX в. в своих оригинальных стихотворениях,⁴⁵ а особенно в переводах.⁴⁶

По существу, именно Державин завершил в основном разработку того стиха русской анакреонтики, какой впоследствии получил дальнейшее свое развитие в лирике Пушкина.

Следует учесть при этом, что традиции русской анакреонтики были широко разработаны в русской лирике XVIII в. не только самим Державиным, но и многими другими писателями, начиная с Ломоносова и кончая поэтами державинского окружения, некоторые же переводы из Анакреона прямо предшествовали соответствующим пушкинским.

Вот, например, ода LV в переводе Н. А. Львова:

На бедре, прожженном сталью,
Знают лошадь по тавру;
А парфянина по шапке.
Я ж влюбленного тотчас
По сердечной легкой метке
И на взгляд могу узнать.

Перевод оды LVI Н. А. Львова:

И виски уж поседали,
Голова моя бела:
Протекла приятна юность,
Старость по зубам видна...

Державин, впервые в русской поэзии художественно обосновавший возможность для поэта быть героем своей собственной

⁴⁵ Ср.:

Заиграли на рояле,
И под звон чужих напевов
Завертелись, заплясали
Изумительные куклы
(А. А. Фет).

⁴⁶ Ср. перевод Л. А. Мея из «Романцеров» Г. Гейне:

На изгнание, в Альпухары,
Молодой владыка мавров
Ехал грустный, молчаливый;
Позади тянулся поезд.

Ср. также перевод И. А. Бунина «Песни о Гайавате» Г. Лонгфелло:

Если спросите — откуда
Эти сказки и легенды
С их лесным благоуханьем,
Влажной свежестью долины
Голубым дымком вигвамов...

лирики и необозримо раздвинувший в связи с этим лирический мир художника, наметил тем самым продолженный Батюшковым и Жуковским тот путь непринужденной лирической беседы поэта со своим читателем, на который Пушкин так решительно вступил уже в первой своей поэме.

Самая форма так называемых лирических отступлений была уже отчасти намечена лирикой Державина. Вот пример лирических отступлений в державинской оде «Мой истукан» с характерным переносом течения мысли из строфы в строфу, так напоминающим свободу непринужденной беседы с читателем в лирических отступлениях «Евгения Онегина»:

* *
*

Легко злом мир греметь заставить,
До Герострата только шаг;
Но трудно доблестью прославить
И воцарить себя в сердцах:
Век должно добрым быть нам тщиться
И плод нам время даст одно;
На зло, лишь только бы решиться,
И в миг содеяно оно.
Редка на свете добродетель,
И редок благ прямых содетель.

* *
*

Он редок! — Но какая разность
Меж славой доброй и худой?
Чтоб имя приобрести нам, знатность,
И той греметь, или другой,
Не все ль равно? — Когда лишь будет
Потомство наше чтить дела,
И злых и добрых не забудет.
Ах нет! — Природа в нас влила
С душой и отвращенье к злобе,
Любовь к добру, и сущим в гробе.⁴⁷

Державин, с его яркими поэтическими красками и ему одному присущей своеобразной материальностью поэзии, с его гимнами земной радости бытия и земной человеческой чувственности, с его утверждением высокого национального начала русской культуры и государственности, во многом предохранял Пушкина от чрезмерного увлечения односторонней мечтательностью Жуковского с ее ориентацией на германскую поэзию и несколько театральной эротикой Батюшкова в ее античном и французском одеянии.

⁴⁷ Державин, Сочинения, ч. I, стр. 268.

VI

Но была и другая сторона поэтического облика Державина — это сатирическая и гражданственная струя его лирики. Она достигала большой остроты в таких произведениях, как знаменитая ода «Вельможа»:

Кумир, поставленный в позор,⁴⁸
 Немысленную чернь прельщает:
 Но коль художников в нем взор
 Прямых красот не ощущает:
 Сей образ ложныя молвы,
 Се глыба грязи позлащенной!
 И вы, без благодсти душевной,
 Не все ль, Вельможи, таковы?

 Осел останется ослом,
 Хотя осыпь его звездами;
 Где должно действовать умом,
 Он только хлопает ушами.
 О! тщетно щастия рука,
 Против естественного чина,
 Безумца рядит в господина,
 Или в шумиху дурака. . .⁴⁹

Не следует обольщаться этой резкостью суждений Державина о вельможах. Державин, помещик, крепостник и сторонник просвещенного абсолютизма, остается таковым же и в его сатирах. Но именно эта сторона поэтической деятельности Державина оказалась созвучной антиправительственной устремленности деятелей декабристского движения, особенно на раннем его этапе.

Образ Державина-сатирика воплощен в характерной для декабристского восприятия Державина думе Рылеева «Державин»:

Он пел и славил Русь святую!
 Он выше всех на свете благ
 Общественное благо ставил
 И в огненных своих стихах
 Святую добродетель славил.
 Он долг Певца постиг вполне,
 Он свить горел венок нетленный,
 И был родной своей стране
 Органом истины священной. . .⁵⁰

Эту сторону державинского поэтического облика имел в виду и Пушкин в своем «Послании цензору» (1822):

Державин, бич вельмож, при звуке грозной лиры
 Их горделивые разоблачал кумиры.

⁴⁸ Т. е. поставленный для обозрения.

⁴⁹ Державин, Сочинения, ч. I, стр. 210.

⁵⁰ К. Рылеев. Думы. М., 1825, стр. 168—169.

Пушкин опирался на авторитет Державина в своем стремлении утвердить право писателя на независимость от вельмож и власти. Полемизируя с А. А. Бестужевым по поводу его статьи «Взгляд на Русскую словесность в течение 1824 и начала 1825 годов» («Полярная звезда на 1825 год»), Пушкин писал ему: «Мы можем праведно гордиться: наша словесность, уступая другим в роскоши талантов, тем пред ними отличается, что не носит на себе печати рабского унижения. Наши таланты благородны, независимы. С Державиным умолкнул голос лести — а как он льстил?

О вспомни, как в том восхищеньи,
Пророка, я тебя хвалил.
Смотри, я рек, триумф минуто,
А добродетель век живет» (XIII, 179).

Пушкин цитирует здесь оду Державина «На возвращение графа Зубова из Персии». О происхождении и характере этой оды сам Державин впоследствии рассказывал следующее: «К сочинению сей Оды автора побудили следующие обстоятельства. По удалении Зубова,⁵¹ кн. С. Ф. Г. упрекнул автора, что он написал Зубову Оду на взятие Дербента, и сказал, что Герой его уже не есть Александр⁵² и что вероятно автор не найдет для себя выгоды льстить Зубову; но автор отвечал кн. Г., что чтить достоинств он никогда не престанет, а льстить не может никому. „Неправда“, отвечал кн. Г. „и в доказательство моего убеждения, вы ныне оды ему не напишете“ — Пусть по вашему, отозвался автор, — но поехав домой, он написал сию оду, которая ходила из рук в руки в самое то время, когда Зубов был в немилости».⁵³

Для того чтобы была понятна ситуация, о которой рассказал Державин, напомним, что в первой своей оде, посвященной Зубову, — «На покорение Дербента» Державин писал, обращаясь к нему:

Екатериныны лучи
Умножил ты победой новой;
Славнее тем венец лавровой,
Что взял Петровы ты ключи.
В столетнем старце Дарий зрится
И юный Александр в тебе!⁵⁴

⁵¹ После смерти Екатерины II и восшествия Павла I на престол.

⁵² Македонский, с которым Державин сопоставлял Зубова в оде «На покорение Дербента».

⁵³ Объяснения на сочинения Державина, им самим диктованные родной его племяннице Елисавете Николаевне Львовой в 1809 году, ч. II, СПб., 1834, стр. 71—72.

⁵⁴ Державин, Сочинения, ч. I, стр. 264.

И далее:

Но знай: как светлый метеор,
Так блеск триумфов пролетает;
Почти тогда ж и исчезает,
Коль скоро удивит он взор:
А добродетели святые,
Как в небе звезды все горят.⁵⁵

Во второй же своей оде, адресованной уже к опальному Зубову, написанной после разговора с кн. С. Ф. Г. и процитированной Пушкиным, Державин писал, имея в виду первую свою оду:

О! вспомни, как в том восхищеньи,
Пророка, я тебя хвалил:
Смотри, — я рек — триумф минуто,
А добродетель век живет.
Сбылось! — Игру днесь щастья люто,
И как оно к тебе хребет
Свой с грозным смехом повернуло,
Ты видишь, — видишь, как мечты
Сиянье вокруг тебя заснуло,
Прошло, — остался только ты.
Остался ты! — И та прекрасна
Душа почтенна будет в век,
С которой ты внимал несчастлива
И был в вельможе человек,
Который с сердцем откровенным
Своих и чуждых принимал,
Старейших вокруг себя надменным
Воззрением не огорчал...⁵⁶

После всего этого становится понятной сознательная пушкинская апелляция к державинскому авторитету поэта, чуждого стремления к лести, в стихотворении «Друзьям», подмеченная в свое время В. В. Гиппиусом.⁵⁷ Отвечая на обвинения в лести Николаю I, якобы содержащейся в стихотворении «Стансы» (В надежде славы и добра...), Пушкин в своем ответе — «Друзьям» писал:

Я смело чувства выражаю,
Языком сердца говорю,⁵⁸

использовав строку из державинского стихотворения «Лебедь»:

Покажут перстом, — и рекут:
«Вот тот летит, что, строя ляру,
Языком сердца говорил,
И, проповедуя мир миру,
Себя всех щастьем веселил...»⁵⁹

⁵⁵ Там же, стр. 265.

⁵⁶ Там же, ч. II, стр. 90—91.

⁵⁷ Пушкин и его современники, вып. XXXVIII—XXXIX, 1930, стр. 45.

⁵⁸ Курсив мой, — Б. Г.

⁵⁹ Державин, Сочинения, ч. II, стр. 36 (курсив мой, — Б. Г.).

VII

Исключительно интересны соотношения с гражданственной лирикой Державина пушкинской оды «Вольность» (1817).

На связь пушкинской «Вольности» с общественно-политическими устремлениями Державина еще в 1925 г. указал В. Е. Вальденберг в работе «Природа и закон в политических воззрениях Пушкина».⁶⁰

Наблюдения В. Е. Вальденберга развил и подтвердил Б. В. Томашевский своим анализом строфы пушкинской «Вольности», совпадающей со строфой державинской оды «На знатность» (1774), переделанной впоследствии Державиным в оду «Вельможа».⁶¹

В связи с пушкинской «Вольностью» необходимо назвать еще одно произведение Державина, заслуживающее в этом отношении самого пристального внимания — оду «Властителям и судиям».

На данной оде Державина, являющейся вольным переложением 81 псалма царя Давида, необходимо остановиться подробнее в связи с тем, что во время Великой французской революции содержание именно этого псалма показалось якобинцам настолько значительным, что они перевели его и распространяли списки его в народных массах. В связи с этим чуть было серьезно не пострадал и сам Державин. Вот что он рассказывал об этом впоследствии: «Когда автор поднес сочинения свои лично императрице Екатерине, она благоволила принять их милостиво и занялась, сколько известно было, чтением оных. В следующее воскресенье по приезде ко двору автору показалось, что государыня была на него гневна, потому более, что все придворные от него отвращались. На второе воскресенье казалось ему то же, а на третье решил он спросить о причине гнева императрицы графа Безбородко (что после был Светлейшим князем). Граф ничего ясного ему не сказал и может быть сказать не мог или не хотел. Так и оставалось. Но граф Мусин-Пушкин, бывший тогда Обер-Прокурором Синода, пригласил потом автора к себе обедать. Г. Булгаков, бывший Посланником нашим в Цареграде, будучи также у Пушкина и знаком автору, спросил у него: для чего он ныне Якобинские стихи пишет? Автор не мог понять такого вопроса, но Булгаков объяснил, что он читал те стихи в его сочинениях, и именно в предложении Псалма 81. Автор отвечивал, что никогда не держался Якобинских мыслей и не может понять, почему таковым считают Псалом, царем Давидом написанный? „Однако ж как бы

⁶⁰ «Slavia», 1925, гоѣник IV, сеѣит 1, стр. 76.

⁶¹ Б. В. Томашевский. Строфика Пушкина. Сб. «Пушкин. Исследования и материалы», II, Изд. Академии наук СССР, 1958, стр. 86—87.

то ни было, отвечал Булгаков: такие стихи не по времени — и замолчал. Приметить надобно, что в самое сие время революция французская в жесточайшем была действии и что (как автор узнал гораздо позже) Якобинцы переложили Псалом сей и его рассеяли в народе. Таким образом автор остался в крайней заботливости и не знал, у кого спросить истинную причину сделанного ему впрора.

«По возвращении своем домой, приехал к нему к вечеру Дмитриев, бывший тогда Гвардии Семеновского полка офицером и потом Сенатором; он был сам стихотворец и добрый приятель автору: „Что с вами делается? — спросил он его: вас велено спросить г. Шишковскому, почему осмелились вы написать такие дерзкие стихи и поднести их Императрице? ...»⁶² и т. д.

Уже самое беглое ознакомление с содержанием этой оды показывает, что оно далеко выходит за пределы типично «державинской», даже самой острой сатиры на вельмож. Речь в ней идет непосредственно о самих царях, которых Державин именует «земными богами». Позднее этот термин в поэзии декабристов будет окончательно закреплен как синоним царей. В 1818 г. в таком смысле употребит термин «земные боги» молодой Пушкин в послании к Н. Я. Плюсковой:

На лире скромной, благородной
Земный богов я не хвалил...

Именно этих «земных богов», т. е. всемогущих царей, в оде Державина судит всевышний бог. Он сурово порицает их за то, что у них «покрыты мздою очеса» и вследствие этого они неспособны видеть и даже не хотят знать того, что

Злодейства землю потрясают,
Неправда зыблет небеса...

в то время как их — царей — долг:

...спасать от бед невинных,
Нешаствливым подать покров;
От сильных защищать бессильных,
Исторгнуть бедных из оков.

И следует сказать, что концовка державинской оды, призывающая всевышнего бога внять молению «правых» и сойти на землю, чтобы судить и карать «лукавых», т. е. царей, и затем остаться единым царем земли:

Воскресни боже! Боже правых!
И их молению внемли:

⁶² Объяснения на сочинения Державина, им самим диктованные родной его племяннице Елисавете Николаевне Львовой в 1809 году, ч. I, стр. 10—11.

Приди, суди, карай лукавых,
И будь един царем земли!⁶³

производит впечатление не меньшей остроты, чем концовка пушкинской «Вольности».

Ода Державина «Властителям и судиям» написана в 1787 г. Любопытно в этом отношении провести некоторые сопоставления. В год написания Державиным этой оды Радищев работал над «Путешествием из Петербурга в Москву», а завершил его в следующем, 1788 г. Этот год принес начало французской революции (1789—1794 гг.), а в 1790 г. Радищев выпустил в свет свою книгу. Во всем этом есть какая-то, пока еще не до конца раскрытая закономерность. Само собой разумеется, что в такой обстановке и на таком социально-политическом фоне стихи Державина, как выразился Булгаков, были «не по времени» и действительно производили впечатление «якобинских». В этом отношении показательно, что первая часть сочинений Державина, в которой и заключалась ода «Властителям и судиям», поднесенная автором Екатерине II в 1795 г., пролежала неизданной в кабинете императрицы до ее смерти.

В «Предуведомлении» к I тому своих «Сочинений», изданных в 1808 г., Державин счел необходимым специально заявить об этом обстоятельстве: «Читатели, — пишет он, — благоволят ныне увидеть *первую* часть в том самом порядке, в каком она (кроме картин) в 1795 году блаженной памяти покойной государыне императрице, с посвящением высочайшему имени ее, мною лично поднесена была, но оставалась по кончину в ее кабинете не изданною».⁶⁴

В связи с резко отрицательным отношением Пушкина к казни французскими революционерами Людовика XVI и с той эмоциональной окраской, какая содержится в строках пушкинской «Вольности», посвященных этому событию:

Тебя в свидетели зову,
О мученик ошибок славных,
За предков в шуме бурь недавних
Сложивший царскую главу.

Восходит к смерти Людовик,
В виду безмолвного потомства,
Главой развенчанной приник
К кровавой плахе вероломства.
Молчит закон — народ молчит,
Падет преступная секира...
И се — злодейская порфира
На галлах скованных лежит. —

⁶³ Державин, Сочинения, ч. I, стр. 10—11.

⁶⁴ Там же, стр. IV.

необходимо напомнить одну оду Державина, посвященную также этому событию и, насколько известно, ни разу не сопоставляющуюся с пушкинской «Вольностью». Это ода «На панихиду Людовика XVI».

Звук слышу мусикийский в стене,
 Во мраке гром, во блеске лик.
 Здесь к небу вознесен на троне,
 А там — на плахе — Людовик!
 О ужас! о превратность мира!
 О оборот стыда, честей!
 Попранна там в крови порфира,
 А здесь приносят жертву ей!

 О палачи царя презренны!
 Ответствуйте теперь вы нам,
 Ответствуйте нам, Петионы: ⁶⁵
 По что Монарха и отца,
 Заслуги, веру и законы,
 Попрали вы? О злы сердца!
 По что невинного убили
 И век пятном наш обагрили? ⁶⁶

Сходство эмоциональной окраски строк «Вольности» о казни Людовика XVI с вышеприведенными — державинскими — вплоть до некоторых реминисценций («О ужас! о превратность мира!», «О стыд! о ужас наших дней!») несомненно. Оно лишний раз свидетельствует о том, как хорошо Пушкин знал Державина и как сильна была державинская традиция в лирике Пушкина. Кстати, поэтическая формула «вольности святой», употребленная Пушкиным в оде «Вольность»:

Где крепко с вольностью святой
 Законов мощных сочетанье...

в первый раз в русской поэзии появляется в державинском стихотворении «Цепи», совершенно противоположного с пушкинской одой содержания:

Не сетуй, милая, со груди что твоей
 Сронила невзначай ты цепи дорогие:
 Милее вольности нет в свете для людей;
 Оковы тягостны, хотя они златые.
 Так наслаждайся же здесь ты вольностью святой,
 Свободною живя, как ветерок в полянке... ⁶⁷

Приведенные примеры аналогий и соответствий пушкинской «Вольности» в лирике Державина можно было бы умножить. В то

⁶⁵ Петион де Вильнев, Жером (1756—1794) — один из активных участников Французской буржуазной революции 1789—1794 гг., жирондист.

⁶⁶ Державин, Сочинения, ч. I, сто. 194—195.

⁶⁷ Там же, ч. III, стр. 115.

же время апологетизму просвещенного абсолютизма Державина у Пушкина в его оде противостоит подлинный пафос революционера.

Осязаемые нити идут от лирики Державина и к ряду других пушкинских произведений: стихотворению «Мордвинову» (1826), повторяющему строфы державинского послания «Евгению. Жизнь Званская»; «К вельможе» (1830) — стихотворению, содержащему некоторые державинские реминисценции; «На выздоровление Луккула» (1835) — стихотворению, написанному строфой державинского послания «Ко второму соседу»; наконец, к стихотворению «Я памятник себе воздвиг нерукотворный» (1836), являющемуся своеобразным ответом на державинский «Памятник» и подчеркнуто перекликающемуся с последним своим строфическим строем.⁶⁸

VIII

Путь русской лирики от Державина к Жуковскому и Батюшкову не так уж сложен и длителен, как это может показаться с первого взгляда. Ломка казавшихся незыблемыми традиций поэтики и эстетики классицизма, уже начавшаяся в то время и осязательно дававшая себя знать в творчестве Державина, намечала возможности принципиально новых путей развития русской лирики. Уже Белинский подметил движение державинской лирики от одической традиции к элегической форме, проявившееся в «Водопаде» (II, 9).

Творчество Державина дает в этом отношении много примеров. Таково стихотворение «Арфа» (1798):

Не в летний ль знойный день прохладный ветерок
В легчайшем сне на грудь мою приятно дует?
Не в элаке ли журчит хрустальный ручеек?
Иль милая в тени деревьев меня целует?
Нет! арфу слышу я: ее волшебный звук,
На розах дремлющий, согласьем тихоструйным.
Как эхо мне вдали щекочет нежно слух;
Иль шумом будит вдруг вблизи меня перунным...⁶⁹

Достаточно сравнить это стихотворение хотя бы с таким, как «Вечер» (1806) Жуковского:

Ручей, виющий по светлому песку,
Как тихая твоя гармония приятна!

⁶⁸ О строфическом соответствии названных стихотворений Пушкина с державинскими см.: Б. В. Томашевский. Строфика Пушкина, стр. 49—184

⁶⁹ Державин, Сочинения, ч. III, стр. 110—111.

С каким сверканьем катишься ты в реку!
 Приди, о Муза благодатна!
 В венке из юных роз, с цевницею златой;
 Склонись задумчиво на пенистые воды
 И, звуки оживив, туманный вечер пой
 На лоне дремлющей природы...

чтобы стало ясным, какие новые пути развития русской лирики уже намечались в творчестве Державина.

Державинские строки:

Душа моя! гостя ты мира.
 Не ты ли перната сия? —
 Воспой же бессмертие лира!
 Восстану, восстану и я...⁷⁰

намечают какие-то, пока еще недостаточно определенные точки соприкосновения с последующей философской лирикой Тютчева.⁷¹

Все это свидетельствовало о вторжении в поэзию позднего русского классицизма принципиально новых тенденций, связанных со сложными процессами русского общественно-культурного развития, подготовляющими ту национальную почву, на которой развивались специфически русские варианты общеевропейского сентиментализма, а позднее — романтизма начала XIX в.

Тому были серьезные причины. Несмотря на весьма значительные художественные достижения, поэзия как западноевропейского, так и русского классицизма не оказалась в состоянии подняться до изображения конкретного человека с его живыми человеческими чувствами.

В то же время новые условия жизни и новые общественные отношения, складывавшиеся в связи со сложными социальными переменами в обществе, во главу угла ставили уже не ртвщенное понятие «государства», которое в системе феодализма поглощало живую человеческую личность, но конкретного, живого человека, своим умом, своим сердцем и своими руками активно стремящегося к изменению существующих общественных условий на более лучшие, человеческие и более соответствующие высокому человеческому достоинству.

В связи с этим в западноевропейской литературе уже в середине XVIII в. стало распространяться новое литературное направление, писатели и поэты которого в своих произведениях утверждали ценность внутренней духовной жизни человека, живого челове-

⁷⁰ Там же, ч. I, стр. 297.

⁷¹ Б. М. Эйхенбаум еще в 1924 г. писал: «Я, вообще, думаю, что между Державиным и Тютчевым можно установить большую близость — здесь пролегалта кака-то особая линия русской лирики, развивающаяся независимо от других ее линий» (Б Э й х е н б а у м. Сквозь литературу, 1924, стр. 24).

ского чувства, противопоставляемого рассудочности и рационализму художественного мышления классицизма.

Аналогичные процессы, происходившие в русской общественной и культурной жизни конца XVIII в., сказались и на русской литературе, вызвав к жизни целое направление русского сентиментализма.

Новое содержание, внесенное сентиментализмом в лирику, требовало и новых средств выражения. Это сказалось на жанрах поэзии сентиментализма (элегии, дружеские послания) и на особенностях поэтического языка. Реформаторская деятельность в области языка Карамзина и его последователей заключалась в сближении литературного языка с разговорной речью. Молодой человек, готовящийся стать писателем, по словам Карамзина, «недовольный книгами, должен закрыть их и слушать вокруг себя разговоры, чтобы совершеннее узнать язык». ⁷² Однако основа реформы Карамзина состояла в ориентации не на народную русскую речь, а на язык светского общества, воспринявший некоторые традиции французского языка, который, по мнению Карамзина и его последователей, был более развитым и богатым.

Скоро стала давать себя знать и обратная сторона языковой реформы карамзинистов, вызванная именно этой ориентацией на язык светских салонов с его жеманной искусственностью. Литература засорялась традиционными штампами, применение которых считалось чуть ли не обязательной принадлежностью хорошего вкуса. В лирической поэзии эти особенности стиля проявлялись еще очевиднее.

В пору поэтического созревания молодого Пушкина Карамзин уже терял свое значение как лирический поэт. Высоко оценивая деятельность Карамзина-историка и его прозу, Пушкин уже в Лицее не признавал в нем поэтического дарования. В 1836 г. он прямо писал: «Карамзин не поэт» (XII, 147). Поэзия Карамзина сама по себе не сыграла сколько-нибудь заметной роли в формировании поэтического мира молодого Пушкина.

Если Карамзин, отошедший уже в это время от поэзии, воспринимался главным образом как историк и автор прозаических повестей, то одним из крупнейших лирических поэтов сентиментального направления считался И. И. Дмитриев. Его песни и романсы, положенные на музыку, басни и лирические стихотворения жили в сознании представителей самых различных кругов того времени, пожалуй, больше, чем произведения кого-либо другого из поэтов-современников. Именно этим объясняется обилие упоминаний, цитат

⁷² Н. М. Карамзин, Сочинения, т. 3, изд. А. Смирдина, 1848, стр. 528.

и реминисценций из Дмитриева у молодого Пушкина. Дмитриев в 1810-х годах воспринимался как подлинный большой и признанный авторитет в поэзии. Некоторые его строки возвышаются иногда до подлинного лиризма:

Потом прошла гроза и солнце расцвело,
Все стало ярче и светлее,
Цветы душистые, деревья зеленее...⁷³

Но такие острые поэтические наблюдения и лирические проблески у Дмитриева редки. В основном он, несмотря на значительную сатирическую струю в его творчестве («Чужой толк», «Модная жена», басни), все же типичный поэт-сентименталист, автор нежно-чувствительных романсов вроде прославленного «Голубка» и именно таким вошел в поэтическое сознание лицеиста-Пушкина:

... Ванюша Лафонтен!
Ты здесь — и Дмитриев нежный,
Твой вымысел любя,
Нашел приют надежный
С Крыловым близ тебя.

(«Городок», 1815).

Эта краткая характеристика, пожалуй, не менее остра, чем знаменитая характеристика Вольтера в том же послании.

Пушкин прекрасно знал все творчество Дмитриева. Его письма содержат многочисленную цитацию по памяти дмитриевских стихотворений.⁷⁴ Довольно часто цитатами из Дмитриева Пушкин пользуется в своих критических статьях.⁷⁵ Неоднократно в произведениях Пушкина и эпиграфы из стихотворений Дмитриева.⁷⁶

Большой известностью стихотворений Дмитриева, но, по-видимому, отнюдь не признанием особенной их художественной значимости, можно объяснить довольно частые реминисценции из Дмитриева как в лирике, так и в других пушкинских произведениях. Строка Дмитриева

⁷³ И. И. Дмитриев, Сочинения, ч. II, стр. 8. Ср. у Тютчева:
Зеленеющие нивы
Зеленее под грозой.

⁷⁴ См., например, письма Пушкина: А. И. Тургеневу от 1 декабря 1823 г.; Л. С. Пушкину и П. А. Плетневу от 15 марта 1825 г.; Л. С. Пушкину от мая 1825 г.; П. А. Вяземскому от 27 мая 1826 г., 5 ноября 1830 г., 3 августа 1831 г., и пр.

⁷⁵ См., например, во второй статье об «Истории русского народа» Н. Полевого, 1830 (XI, 123); в статье «Опровержение на критики», 1830 (XI, 158); в статье «Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений», 1830 (XI, 167) и пр.

⁷⁶ См.: «Арап Петра Великого», глава I (1827); «Евгений Онегин», глава VII (1827—1828); «Саложник». Притча (1829).

Вы сами рифмы плести умеете прекрасно...⁷⁷
отразится в первом напечатанном стихотворении Пушкина
«К другу стихотворцу» (1814):

Арист, не тот поэт, кто рифмы плести умеет...

Строфа из дмитриевских «Стансов к Н. М. Карамзину»:

Прочь от нас Катон; Сенека,
Прочь угрюмый Эпиктет!
Без утех для человека
Пуст, несносен был бы свет.⁷⁸ —

поведет к соответствующей пушкинской строфе из «Пирующих студентов» (1815).

«Сокращенный перевод Ювеналовой сатиры о благородстве»
Дмитриева:

А там, в торжественной Эмилий колеснице,
С лавровой ветвью и копием в деснице...⁷⁹
Смотри, как Дамазип и гнусен и бесчинен:
Вдоль места, где его почитет предков прах,
Летит на шестерне, имея бич в руках!
Смотри, как званием возницы он гордится!
И кто же? Консул сам! Кто боле осрамится?⁸⁰ —

несомненно отзовется интонационной своей стороной в качестве
образца «перевода с латинского» в оригинальном пушкинском сти-
хотворении «К Лицинию» (1815):

Лициний, зришь ли ты? на быстрой колеснице,
Увенчан лаврами, в блестящей багрянице...

Традиция сентиментальных описаний сельских упражнений
просвещенного любителя деревенского уединения:

... то в скромном огороде
Душисты рву цветы и гимн пою Природе;
То тропки по шнуру прямые провожу,
То за прививками младых дерев хожу,
То гряды, не стыдясь, сам заступом копаю...⁸¹

найдет свое отражение в пушкинском «Послании к Юдину» (1816):

Туда зарею поспешаю
С смиренным заступом в руках,

⁷⁷ «Трисотин и Вадис». Отрывок из Мольеровой комедии «Les femmes savantes» (И. И. Дмитриев, Сочинения, ч. I, стр. 75).

⁷⁸ И. И. Дмитриев, Сочинения, ч. II, стр. 31.

⁷⁹ Там же, ч. I, стр. 56.

⁸⁰ Там же, стр. 63.

⁸¹ Там же, ч. II, стр. 1—2.

В лугах тропинку извиваю,
Тюльпан и розу поливаю —
И счастлив в утренних трудах...

Подобные отзвуки дмитриевской лирики в подавляющем большинстве случаев относятся именно к лицейскому периоду. В дальнейшем будет иметь место преимущественно сознательная цитация из Дмитриева, причем в большинстве случаев с явно иронической окраской, например в письме к П. А. Вяземскому от 27 мая 1826 г.: «В 4-й песне Онегина я изобразил свою жизнь; когда-нибудь прочтешь его и спросишь с милою улыбкой: где ж мой поэт? в нем дарование приметно — услышишь, милая, в ответ: он удрал в Париж и никогда в проклятую Русь не воротится — ай-да умница» (XIII, 280).⁸²

Несмотря на частые реминисценции из Дмитриева, Пушкин невысоко ценил его поэтическое творчество. В письме к П. А. Вяземскому от 4 ноября 1823 г. (черновик), являющемся откликом на статью последнего «Известия о жизни и стихотворениях И. И. Дмитриева», приложенную к изданию сочинений Дмитриева 1823 г., Пушкин писал: «О Дмитриеве спорить с тобою не стану, хоть все его басни не стоят одной хорошей басни Крыловой, все его сатиры — одного из твоих посланий — [все его песни, мадригалы, оды, элегии] а все прочее [одной] [одного] первого стихотворения Жуковского. Ерм. <ак> такая дрянь [что] мочи нет, сказки [рас<тянуты>] писаны в дурном роде, холодны и растянута — по мне, Дмитриев ниже Нелединского — и [Ка<рамзина>] стократ ниже стихотворца Карамзина» (XIII, 381).

IX

Дальнейшим шагом в сторону еще большего приближения искусства к жизни явилось новое направление начала XIX в., тогда же получившее название романтизма. Очень скоро определилась и различная окраска отдельных сторон этого романтизма.

⁸² Ср. из стихотворения Дмитриева «К Маше» (Сочинения, ч. II, стр. 95—96):

Когда ты, Маша, расцветешь,
Вступая в юношески лета,
Быть может, что стихи найдешь —
Конечно, спрятанны ошибкой —
Прочтешь их с милою улыбкой.
И спросишь: «Где же мой поэт?»
В нем дарования приметны». —
Услышишь, милая, в ответ:
«Нешастные недолголетны;
Его уж нет!»

Некоторые писатели и поэты той поры в своих произведениях отражали настроения тех слоев русского общества, которые не мирились с окружающей их действительностью. Это направление романтизма, вырвавшееся в условиях формирования декабристской идеологии, всем своим пафосом было устремлено в будущее и в этом свете расценивало прошлое и настоящее.

Другие писатели и поэты искали выход из безотрадной действительности в мире пассивной мечты о прекрасном, но невозвратном прошлом и в замкнутом мире глубоко личных переживаний. На этой почве возникала своеобразная поэзия туманной и неопределенной романтики. Наиболее яркое свое выражение она получила в лирике Жуковского. Эти два основных направления русского романтизма начала XIX в. в своеобразных и специфических формах искусства отражали соответствующие направления и в русской общественной мысли преддекабристского периода.

Формировавшейся эстетике прогрессивного направления романтизма с его декабристской окраской была чужда мистическая устремленность пассивного романтизма Жуковского. Еще в самом начале двадцатых годов критики декабристского лагеря в своих статьях о романтизме противопоставляли поэзию большого общественного звучания ограниченной узко личными, индивидуальными переживаниями поэзии Жуковского. Накануне восстания декабристов полемика вокруг поэзии Жуковского приняла особенно острые формы. Декабристская критика, исходя из основного своего положения об общественно-политической функции литературы, отказывалась признать с этой точки зрения воспитательное значение поэзии Жуковского, хотя и соглашалась с тем, что он сыграл свою роль в развитии поэтического языка.

Но была и другая сторона поэтической деятельности Жуковского, которая не нашла своего отражения в оценке его поэзии со стороны декабристского лагеря. Несмотря на ограниченность общественно-политических воззрений Жуковского, огромная историческая заслуга его как поэта состояла в том, что он один из первых в русской поэзии внес в лирику настоящие живые человеческие переживания и тем самым наметил широкие пути для дальнейшего ее развития.

Целый мир новых человеческих чувств и переживаний был открыт Жуковским для русских читателей и благодаря ему прочно вошел в поэзию. В связи с этим необычайно расширился не только круг тем, отражавших новые чувства, но и арсенал жанровых средств их поэтического воспроизведения. Значение этого этапа русского поэтического развития для формирования поэзии молодого Пушкина было исключительно велико.⁸³

⁸³ См.: В. В. Виноградов. Стиль Пушкина, стр. 162 и сл.; Г. А. Гурковский. Очерки по истории русского реализма, ч. 1. Пушкин и русские ро-

Державин при всей значительности его поэзии отходил уже в прошлое, между тем как Жуковский в годы формирования поэтического мира молодого Пушкина еще воспринимался как символ движения поэзии вперед. Именно этим обстоятельством обусловлен выбор Пушкиным Жуковского в качестве своего первого поэтического учителя:

Благослови поэт!.. В тиши Парнасской сени
Я с трепетом склонил пред музами колени:
Опасною тропой с надеждой полетел,
Мне жребий вынул Феб, и лира мой удел.

Творцы бессмертные, питомцы вдохновенья!..
Вы цель мне кажете в туманах отдаленья,
Лечу к неизвестному отважною мечтой,
И, мнится, Гений ваш промчался надо мной!

(«К Жуковскому», 1816).

Эти стихи дают достаточно полное представление о том, каким поэтическим идеалом рисовался Жуковский в сознании молодого Пушкина.

Вместе с тем это чрезвычайно ответственное (мы бы сейчас назвали «программное») послание к Жуковскому свидетельствовало и о сознательном подчеркивании Пушкиным тех моментов поэтического мировоззрения и поэтики Жуковского, которые, являясь наиболее характерными для его идеалистического и мистического восприятия мира, еще не казались в то время чуждыми земной музе Пушкина.

Это в первую очередь выделенная самим Пушкиным в высшей степени характерная для Жуковского поэтическая формула «неизвестного», служащая здесь как бы доказательством готовности ученика следовать и за особенностями поэтики учителя:

Лечу к неизвестному отважною мечтой.

Той же цели служит, вероятно, и пушкинская сознательная цитация наиболее прославленного в ту пору произведения Жуковского:

Вы цель мне кажете в туманах отдаленья.⁸⁴

мантики. Саратов, 1946, стр. 11—75; И. Эйгес. Пушкин и Жуковский. Сб. «Пушкин — родоначальник новой русской литературы», Изд. Академии наук СССР, М., 1941, стр. 193—216, и др.

⁸⁴ Ср.:

Пыль туманит отдаленье,
Светит ратных ополченье...

(«Людмила», 1808).

И в высшей степени характерный для всей поэзии Жуковского образ пролетающего Гения:

И, мнится, Гений ваш промчался надо мной!

Эта мистическая окраска поэзии Жуковского, его постоянные устремления к внезапному, хотя и облеченные в пленительную сладость стихов, вскоре стали отчетливо ясны молодому Пушкину. Уже в IV песне «Руслана и Людмилы» (1817—1820) дана замечательная в этом отношении характеристика поэзии Жуковского:

Поэзии чудесный гений,
Певец таинственных видений...

Непосредственная связь лирики молодого Пушкина с поэтическим миром Жуковского, как закономерным этапом развития русской лирики, несомненна. Об этом неоднократно говорил и сам Пушкин. Это было очевидно и для современников. Но когда П. А. Вяземский из лучших соображений, оберегая поэтическую самостоятельность Пушкина, назвал его «следствием Жуковского»,⁸⁵ Пушкин решительно возразил Вяземскому. Не отрицая того, что он является действительно учеником Жуковского, Пушкин особенно подчеркивает отличие своего пути от пути Жуковского, что было бы невозможным, если бы пушкинская поэзия была только простым следствием поэзии Жуковского. «Я не следствие, а точно ученик его, — писал Пушкин Вяземскому, — и только тем и беру, что не смею сунуться на дорогу его, а бреду проселочной» (XII, 183).

В этом отношении небезынтересно отметить, что даже известный поэтический образ юноши Пушкина — «в дыму столетий»,⁸⁶ — так поразивший своей смелостью и глубиной Батюшкова, был уже отчасти подготовлен почти аналогичным образом Жуковского — «И серафимов тьмы кипят в пылающей пучине».⁸⁷

Однако достаточно сравнить между собой эти два образа — поражающий конкретной обобщенностью исторического воображения образ Пушкина и таящий в себе возможности прозрения каких-то иных, неземных миров образ Жуковского, — чтобы ощутить принципиальную идейную разницу между ними. Поэтому путь Жу-

⁸⁵ «Московский телеграф», 1825, № 4, стр. 346—353.

⁸⁶ См.:

Он духом там — в дыму столетий!

— первая редакция послания «Жуковскому» («Когда к мечтательному миру...»), 1818.

⁸⁷ Последняя строка «Вадима» (В. А. Жуковский, Сочинения, т. 1, изд. 7-е, 1878, стр. 189).

ковского не мог стать и не стал путем всей русской поэзии. И, наоборот, «проселочная дорога» Пушкина на глазах у всех его современников превращается в основной путь развития всей русской литературы.

Путь Жуковского не мог стать путем всей русской поэзии потому, что в основе его творчества и всей его эстетической системы лежали признание зыбкости, неполноты и несовершенства земной жизни и противопоставление всему этому неясного, туманного и неопределенного мистического идеала другой — вечной, полной и совершенной внеземной жизни. При этом сложность и противоречивость поэзии Жуковского заключалась в том, что наряду с отмеченной основной ее направленностью в ней содержались и несомненные тенденции к отражению отдельных сторон живой и конкретной земной жизни во всем богатстве ее проявлений и красок. Так, впечатления от яркого вечернего заката, «вечернего земли преображенья», переданные изумительно конкретными и правдивыми поэтическими красками:

... сей пламень облаков,
По небу тихому летящих,
Сие дрозанье вод блестящих,
Сии картины берегов
В пожаре пышного заката —

влекут за собой размышления, уводящие от этой живой и земной конкретности:

Но то, что слито с сей блестящей красотой —
Сие столь смутное, волнующее нас,
Сей немлемый одной душою
Обворожающего глас,
Сие к далекому стремленье,
Сей мивовавшего привет...

Какой для них язык? .. Горе душа летит,
Все необъятное в единый вздох теснится
И лишь молчанье понятно говорит.⁸⁸

Эта мистическая устремленность Жуковского начинает все более и более беспокоить Пушкина.

В 1820 г. в письме к П. А. Вяземскому он спрашивает: «Читал ли ты последние произведения Жуковского, в бозе почивающего? слышал ты его Голос с того света⁸⁹ и что ты об нем думаешь?» (XIII, 15).

В 1825 г. в письме к Л. С. Пушкину и П. А. Плетневу, говоря о предполагаемой виньетке для готовящегося сборника своих сти-

⁸⁸ В. А. Жуковский, Сочинения, т. 2, изд. 7-е, СПб., 1878, стр. 77.

⁸⁹ «Голос с того света» — стихотворный с мистической окраской перевод Жуковского стихотворения Шиллера, напечатанный в 1818 г. в сборнике «Для немногих».

хотворений, Пушкин заметил: «К стати: что прелестнее строфы Жуковского — Он мнил, что вы с ним однородные — и следующей. Конца не люблю» (XIII, 153).

В этом замечании прекрасно выразилось пушкинское понимание двойственной сущности поэзии Жуковского. Речь идет о стихотворении Жуковского «Мотылек и цветы»,⁹⁰ только что напечатанном в «Северных цветах на 1825 год».⁹¹ Все стихотворение состоит из шести строф. Понравившиеся Пушкину строфы — третья и четвертая:

Он мнил, что вы с ним однородные
Переселенцы с вышины,
Что вам, как и ему, свободные
И крылья и душа даны:
Но вы к земле, цветы, прикованы;
Вам на земле и умереть;
Глаза лишь вами очарованы,
А сердце вам не разогреть.

Конец же стихотворения, который не понравился Пушкину, переводит все стихотворение в обычный для лирики Жуковского двойственный план с несомненной мистической окраской:

О милое воспоминание
О том, чего уж в мире нет!
О дума сердца — упование
На лучший, неизменный свет!

Отзвуки стихов Жуковского прослеживаются и в зрелом творчестве Пушкина, правда, в незначительном количестве и, разумеется, уже не имеющие характер ученичества. Особенно много цитат из Жуковского приведено по памяти в пушкинских письмах. Однако если цитаты из стихотворений Дмитриева в письмах Пушкина носили явно ироническую окраску, то цитатами из Жуковского Пушкин в подавляющем большинстве случаев пользуется для характеристики своих глубоко личных и серьезных переживаний. Передавая свои грустные настроения в связи с переездом из ставшего для него уже привычным Кишинева в Одессу, Пушкин использует при этом стихи Жуковского из его перевода «Шильонского узника» Байрона: «... новая печаль мне сжала грудь — мне стало жаль моих покинутых цепей».⁹² Приехал в Кишинева на не-

⁹⁰ Подзаголовок Жуковского: «Стихи, написанные в альбом Н. И. И. на рисунок, представляющий бабочку, сидящую на букете из pensées и незабудок».

⁹¹ Стр. 357—359; см. также: В. А. Жуковский, Сочинения, т. 2, стр. 389—391.

⁹²

... мне стало жаль
Мои покинутых цепей.

сколько дней, провел их неизъяснимо элегически — и, выехав отсюда навсегда, — о Кишеневе я вздохнул» (XIII, 67).

X

Не менее, а может быть, и более значительна в процессе формирования поэтического мира молодого Пушкина роль Батюшкова.⁹³ В отличие от поэзии Жуковского, неопределенной и туманной, с ее постоянными порываниями в какой-то другой мир, поэзия Батюшкова — насквозь земная. Земной и чувственной в лирике Батюшкова является и любовь, игравшая столь значительную роль в поэзии того времени.

Эпикурейскими и анакреонтическими мотивами далеко не исчерпывалось сложное содержание поэзии Батюшкова, но вероятно, что именно они влекли молодого Пушкина к Батюшкову. Насквозь земной, ясный и определенный ум Пушкина скоро перестал удовлетворяться тихой мечательностью и потусторонними устремлениями Жуковского и обратился к воспевающей земную радость и земные наслаждения поэзии Батюшкова. Таким рисуется в поэтическом воображении Пушкина Батюшков уже в первом послании к нему 1814 г.

По мере созревания Пушкин открывал в лирике Батюшкова новые и новые стороны. В отличие от поэзии Державина, создававшей психологический образ человека XVIII в., поэзия Батюшкова в гораздо большей степени, чем поэзия Жуковского, воссоздавала сложный психологический облик человека начала XIX в. с его противоречивостью и раздвоенностью — качествами, которые отчасти уже нашли свое отражение в поздней лицевой лирике Пушкина и яркую характеристику которым Пушкин дал в известном письме к В. П. Горчакову (1822), говоря о герое своей второй поэмы: «Я в нем хотел изобразить это равнодушие к жизни и к ее наслаждениям, эту преждевременную старость души, которые сделались отличительными чертами молодежи 19-го века» (XIII, 52).

Отсюда в лирике Батюшкова явные настроения трагизма в восприятии жизни, которые так импонировали молодому Пушкину в его элегической лирике последних лицевых лет, вплоть до воспевания легкой смерти среди наслаждений и угасания дара поэ-

На волю я перешагнул —
Я о тюрьме своей вздохнул.

(В. А. Жуковский, Сочинения, т. 2, стр. 343—344). См. также письма к П. А. Вяземскому от 14 октября 1823 г.; Л. С. Пушкину от января — февраля 1825 г. (XIII, 143); П. А. Вяземскому от 26 июля 1828 г. (XIV, 23—24) и пр.

⁹³ См.: В. В. Виноградов. Стиль Пушкина, стр. 146 и сл.; Г. А. Гурковский. Очерки по истории русского реализма, ч. 1, стр. 75—82, 133—139 и сл.

зии — мотивы, как известно, достаточно определенно звучащие в лирике Батюшкова.

Достаточно вспомнить такие ранние стихотворения Пушкина, как «Мое завещание. Друзьям» (1815) и «Кривцову» (1817), чтобы установить закономерность подобных мотивов в период элегических настроений Пушкина последних лет его лицейской жизни и значительную обусловленность их аналогичными мотивами лирики Батюшкова. Что касается мотива угасания дара поэзии, то он также достаточно чувствуется в пушкинской лицейской лирике (ср. «Любовь одна — веселье жизни хладной...», 1816; «Друзьям», 1816; «Элегия», 1816, и др.) и прослеживается даже в более поздней лирике Пушкина (например, «Эпиграмм» к «Руслану и Людмиле»).

Большое значение для лирики Пушкина имели достижения Батюшкова в области стиха. Когда Пушкин говорил о «гармонической точности, отличительной черте школы, основанной Жуковским и Батюшковым» (XI, 110), он имел в виду прежде всего стих Батюшкова, о котором он несколько ранее заметил, что «Батюшков... сделал для русского языка то же самое, что Петрарка для итальянского» (XI, 21).

Отзвуки батюшковской поэзии в ранней лирике Пушкина настолько обильны, что полностью привести их было бы невозможно. Сюда относятся и бессознательное перенесение Пушкиным в свои стихи отдельных поэтических мотивов, образов или даже целых строк из стихотворений Батюшкова, например в «Воспоминаниях в Царском Селе»: «И тихая луна, как лебедь величавый, плывет в серебристых облаках» («Наш лебедь величавый, Плынешь по небесам» — Батюшков, «Мои Пенаты»); «О скальд России вдохновенный» («И лики скальдов вдохновенных» — Батюшков, «На развалинах замка в Швеции»); и построение целых строф по образцу батюшковских, например в «Городке» (1815):

Питомцы юных Граций —
С Державиним потом
Чувствительный Гораций
Является вдвоем.

Ср. Батюшков, «Мои Пенаты»:

В толпе и Муз и Граций,
То с лирой, то с трубой,
Наш Пиндар, наш Гораций
Сливает голос свой.

В «Воспоминаниях» (1815):

Помнишь ли, мой брат по чаше,
Как в отрадной тишине

Мы топили горе наше
В чистом, пенистом вине?

Ср. Батюшков, «Ложный страх»:

Помнишь ли, мой друг бесценный!
Как с Амурами тишком,
Мраком ночи окруженный,
Я к тебе прокрался в дом?

Реминисценции из Батюшкова в зрелой пушкинской лирике почти пропадают, за очень редкими исключениями.

Уже к двадцатым годам Пушкин был равнодушен к поэзии Батюшкова, которую он считал не созревшей и не развившейся окончательно. «Что касается до Батюшкова, — писал он Рылееву в январе 1825 г., — уважим в нем несчастья и несозревшие надежды» (XIII, 135).

XI

Но всем этим еще не ограничиваются связи пушкинской лирики с поэтической традицией его современности: они значительно шире и еще до конца не осмыслены. Речь идет не о простых реминисценциях, столь частых и характерных для поры поэтического созревания Пушкина, но о рождении на основе всех достижений предшествовавшей и современной Пушкину лирической традиции лирики совершенно нового качества и невозможной для всех других поэтов — современников Пушкина — художественной высоты.

В этом смысле показательна, например, связь ранней лирики Пушкина с творчеством второстепенного, хотя яркого и оригинального поэта пушкинской эпохи — Дениса Давыдова. Интересные данные по этому поводу приводит М. В. Юзефович в своих воспоминаниях о встречах с Пушкиным на Кавказе и в Малой Азии в 1829 г. «В бывших у нас литературных беседах, — рассказывает М. В. Юзефович, — я раз сделал Пушкину вопрос, всегда меня занимавший: как он не поддался тогдашнему обаянию Жуковского и Батюшкова и даже в самых первых своих опытах не сделался подражателем ни того, ни другого? Пушкин мне отвечал, что этим он обязан Денису Давыдову, который дал ему почувствовать еще в Лицее возможность быть оригинальным».⁹⁴ Современники передают слова Пушкина, что в молодости своей он «старался подражать Денису Давыдову в кручении стиха и усвоил себе его манеру навсегда».⁹⁵

⁹⁴ Пушкин в воспоминаниях современников. ГИХЛ, 1950, стр. 397.

⁹⁵ «Русский архив», 1884, кн. II, стр. 429. См. также: П. П. Вяземский и А. С. Пушкин (1826—1837) по документам Остафьевского архива и личным воспоминаниям. СПб., 1880, стр. 71.

У Пушкина была изумительная способность: обращаясь к какому-либо поэту с посланием, он не просто имитировал его поэтическую манеру, но в прямом и буквальном смысле как бы вживался в его стиль, создавая тем самым яркую и глубокую характеристику того лица, к которому обращено то или иное послание или стихотворение.

Таков образ Батюшкова-поэта, каким он рисовался лицеисту Пушкину в 1814 г.:

Настрой же лиру. По струнам
Летай игривыми перстами,
Как вешний Зефир по цветам,
И сладострастными стихами,
И тихим шопотом любви
Лилету в свой шалаш зови.

(«К Батюшкову», 1814).

Или воспроизведение характерных особенностей поэтического стиля Жуковского в послании к нему 1816 г.:

Могу ль забыть я час, когда перед тобой
Безмолвный я стоял, и молнией струей —
Душа к возвышенной душе твоей летела
И, тайно съединясь, в восторгах пламенела...

(«К Жуковскому», 1816).

Такова же замечательная поэтическая характеристика стиля поэта-слепца И. И. Козлова:

О милый брат, какие звуки!
В слезах восторга внемлю им.
Небесным пением своим
Он усыпил земные муки;
Тебе он создал новый мир,
Ты в нем и видишь, и летаешь,
И вновь живешь, и обнимаешь
Разбитый юности кумир.

(«Козлову», 1825).

Или противоположная ей, но столь же яркая характеристика поэтического стиля Н. М. Языкова:

Нет, не кастальскою водою
Ты воспоил свою Камену;
Пегас иную Ипокрену
Копытом вышиб пред тобой.
Она не хладной льется влагой,
Но пенится хмельною брагой,
Она размывчива, пьяна,
Как сей напиток благородный,

Слиянье рому и вина,
 Без примеси воды негодной,
 В Тригорском жаждою свободной
 Открытый в наши времена.

(«К Языкову», 1826).

Образ «поэта-партизана» Дениса Давыдова, каким он воспринимался Пушкиным, ярко выражен в таком его стихотворении, как «Денису Давыдову» (1821):

Певец-гусар, ты пел биваки,
 Раздолье ухарских пиров
 И грозную потеху драки,
 И завитки своих усов;
 С веселых струн во дни покоя
 Походную сдувая пыль,
 Ты славил, лиру перестроя,
 Любовь и мирную бутылъ. —

и в обращенном к нему же стихотворении «Недавно я в часы свободы/Устав наездника читал...» (1822):

И вдруг растрепанную тень
 Я вижу прямо пред собою,
 Пьяна, как в самый смерти день,
 Столбом усы, виски горою,
 Жесточкой ментик за спиною
 И кивер чудо набекрень.⁹⁶

Этот «давыдовский» стиль дает себя знать в таких ранних стихотворениях Пушкина, как «Козак» (1814):

Черна шапка на бекрене,
 Весь жулан в пыли.
 Пистолеты при колене,
 Сабля до земли.
 «Не найду в лесу девицы, —
 Думал хват Денис: —
 Уж красавицы в светлицы
 На ночь убрались».

«Слеза» (1815):

Вчера за чашей пуншевою
 С гусаром я сидел,
 И молча с мрачною душою
 На дальний путь глядел...

⁹⁶ Выделенная курсивом Пушкиным строка — слегка измененная цитата из «Песни старого гусара» Давыдова:

Каждый по полю порхает;
 Кивер зверски на бекрень,
 Ментик с вихрями играет.

«Усы» (1816):

На долгих ужинах веселых,
В кругу гусаров поседелых
И черноусых удалцов,
Веселый гость, любовник пылкий,
За чье здоровье бьешь бутылки?
Коня, красавиц и усов.

Сраженья страшный час настанет,
В ряды ядро со треском грянет;
А ты, над ухарским седлом,
Рассудка, памяти не тратьшь:
Сперва кудрявый ус ухватишь,
А саблю верную потом...

Реминисценции из Давыдова встречаются в ранних пушкинских стихотворениях, прямого отношения к «давыдовскому» стилю не имеющих. Например, строки из стихотворения Давыдова «Песня» (1815):⁹⁷

Я люблю кровавый бой!
Я рожден для службы царской!..

отзовутся в таких пушкинских стихотворениях, как «Веселый пир» (1819):

Я люблю вечерний пир,
Где Веселье председатель,
А Свобода, мой кумир,
За столом законодатель...

и «К портрету Чаадаева» (1817—1820?):

Он вышней волею небес
Рожден в оковах службы царской...

Тональность давыдовского «Полу-солдата» (1826):⁹⁸

«Нет, братцы, нет! Полу-солдат
Тот, у кого есть печь с лежанкой,
Жена, полдюжины ребят,
Да щи, да чарка с запеканкой!»
Так говорил наездник наш,
Оторванный судьбы веленьем
От крова мирного, в шалаш,
На сечи, к пламенным стражням...

неожиданно отзовется в пушкинском «Гусаре» (1833):

Скребницей чистил он коня,
А сам ворчал, сердясь не в меру:

⁹⁷ Стихотворение было широко распространено в списках. Впервые напечатано в «Сыне отечества» (1820, т. 66).

⁹⁸ Впервые напечатано в «Московском вестнике» (1827, т. I, № 3).

«Занес же вражий дух меня
 На распроклятую квартиру!
 Здесь человека берегут,
 Как на турецкой перестрелке,
 Насилу щей пустых дадут,
 А уж не думай о горелке...»

Стихотворение Давыдова «Бородинское поле» (1829) было напечатано (без подписи) в «Литературной газете» за 1830 г.,⁹⁹ выпущенной в свет Пушкиным в то время, когда он редактировал газету, заменяя уехавшего в феврале в Москву Дельвига:

О, ринь меня в огонь, ты, опытный в боях,
 Ты, взором, голосом рождающий в полках
 Погибели врагов предчувственные клики.

Но где вы? ... слушаю... Нет отзыва. С полем
 Умчался брани дым, утихнул стук мечей...

Это стихотворение, как и его овеянный славой 1812 г. автор, более чем вероятно (об этом говорит совпадение и тональности, и метра обоих произведений), через несколько лет вспомнилось Пушкину в его тяжелых раздумьях о судьбе одного из героев Отечественной войны — Барклая де Толли — и своеобразно отозвалось в его гениальном стихотворении «Полководец» (1835):

О, вождь несчастливый!.. Суров был жребий твой:
 Все в жертву ты принес земле тебе чужой.
 Непроницаемый для взгляда черни дикой,
 В молчаньи шел один ты с мыслию великой...

Относительно слов Пушкина, что в своей молодости он «старался подражать Денису Давыдову в кручении стиха и усвоил себе эту манеру навсегда», надо иметь в виду, что в то время, когда Пушкин входил в поэзию, русский стих был уже в высокой степени разработан усилиями таких поэтов, как Жуковский и Батюшков, и что именно в этом отношении молодым поэтам особенно трудно было быть оригинальными. Н. А. Полевой вспоминал: «Пушкин рассказывал о себе, что он раз как-то, в начале своего поэтического поприща, представил Батюшкову стихи одного молодого человека, который, по его тогдашнему мнению, оказывал удивительное дарование. Батюшков прочитал пьесу и, равнодушно возвращая ее юному Пушкину, сказал, что он не находит в ней ничего особенного. Это изумило Пушкина: он старался защищать своего молодого приятеля и стал превозносить необычайную гладкость стиха

⁹⁹ «Литературная газета», № 10, 15 февраля 1830 г., стр. 76; ср.: Денис Давыдов, Сочинения в стихах и прозе в 3-х частях, ч. I, изд. 2-е, СПб., 1840, стр. 78.

его. *Да кто теперь не пишет гладких стихов!* — возразил Батюшков. Этот ответ навсегда остался памятным Пушкину». ¹⁰⁰

В этих условиях особенная свобода давидовского непринужденного, логически развивающегося, без всяких вспомогательных приставок и повторений, которыми ради гладкости ритма и рифмы часто грешили даже и крупные поэты, энергического стиха и привлекала Пушкина. Этот стих был действительно оригинальным, он совсем не походил на привычный стих Державина, Жуковского и Батюшкова. В основе его лежала крепко сколоченная бытовая речь, лишенная каких бы то ни было элементов украшательства и ненужных для смысла коротких словечек («уж», «увы» и пр.), которые часто применялись в то время для подгонки строки к заданному метру. Именно эту манеру стиха Пушкин и называл «кручением» стиха. ¹⁰¹ Давыдов действительно был большим мастером подобного стиха:

Бурцов, ёра, забияка,
Собутыльник дорогой!
Ради рома и .. арака,
Посети домишка мой!

(«Бурцеву. Призвание на пунш», 1804).

или:

Ради бога, трубку дай,
Став бутылки перед нами,
Всех наездников сзывай
С закрученными усами!

(«Гусарский пир», 1804).

или:

Ни полслова... Дым столбом...
Ни полслова... Все мертвецки
Пьют, и преклонясь челом,
Засыпают молодецки...

(«Песня старого гусара», 1817).

Именно в этой манере стиха Пушкин и «старался подражать Денису Давыдову». Это явно чувствуется в ранней пушкинской лирике:

Вот пред ним две, три избушки, —
Выломан забор;
Здесь — дорога к деревушке,
Там — в дремучий бор.

(«Козак», 1814).

Пушкин формировался и развивался как поэт в атмосфере богатой и разнообразной поэтической традиции. Изумительному опи-

¹⁰⁰ «Библиотека для чтения», т. XXVI, 1838, январь, отд. 1, стр. 93.

¹⁰¹ Ср. иное толкование этих слов Пушкина в кн.: В. В. Виноградов. Стиль Пушкина, стр. 158—161.

санию летней белой ночи над Невой в «Медном всаднике» уже предшествовало соответствующее описание такой же ночи у Н. И. Гнедича:

Без звезд и без месяца небо ночное сияет,
И пурпур заката сливается с золотом востока...¹⁰²

Пушкин бережно сохранял и творчески развивал наиболее значительные художественные достижения как предшествовавшего, так и современного ему этапов развития русской лирики. На этой основе он создавал свой непревзойденный лирический стиль, который в свою очередь начинал оказывать могучее воздействие на всю современную ему русскую лирику и даже на некоторых из недавних его поэтических учителей.

XII

По вопросу о западноевропейской литературной традиции в лирике Пушкина существует огромная литература, и это естественно, так как русская национальная культура создавалась не в изоляции от общего процесса развития мировой культуры, но в условиях непосредственных и очень сложных взаимоотношений с ней.

Однако наряду с подлинно научными изысканиями в этой области, закономерно рассматривающими творчество Пушкина в русле мировой литературной традиции,¹⁰³ уже издавна наметилась тенденция преувеличенного внимания именно к этой стороне

¹⁰² Н. Гнедич. Стихотворения. СПб., 1832, стр. 69.
Ср. в «Медном всаднике» (1833):

Одна заря сменить другую
Спешит, дав ночи полчаса...

Также:

Вон там, на Неве, под высоким теремом светлым,
Из камня где львы у порога стоят, как живые...
(Гнедич, стр. 66).

Ср. в «Медном всаднике»:

Где над возвышенным крыльцом
С поднятой лапой, как живые,
Стоят два льва сторожевые...

¹⁰³ См.: М. П. Алексеев. Пушкин на Западе. «Пушкин. Временник Пушкинской комиссии», т. 3, Изд. Академии наук СССР, М.—Л., 1937, стр. 104—151; В. М. Жирмунский. 1) Пушкин и западные литературы. «Пушкин. Временник Пушкинской комиссии», т. 3, Изд. Академии наук СССР, М.—Л., 1937, стр. 66—103; 2) Байрон и Пушкин. Л., 1924; Б. В. Томашевский. 1) Пушкин — читатель французских поэтов. Пушкинист, т. IV, М.—Л., 1922, стр. 210—228; 2) Пушкин и французская литература. «Литературное наследство», т. 31—32, М., 1937, стр. 1—76, и др.

пушкинского творчества, приводившая к безмерному преувеличению всевозможных иностранных «воздействий» и «влиятельных» и к поискам этих «воздействий» и «влиятельных» даже в тех случаях, где они фактически не могли иметь места. Эта тенденция восходит в своих истоках непосредственно к пушкинской современности и коренится в характерной для дворянства того времени недооценке национальной русской культуры и преклонении перед культурой западноевропейской все всех ее проявлениях.

Само по себе понятие «влиятельное» (это относится как к западноевропейской, так и к русской литературной традиции) очень широко и в достаточной мере неопределенно. Под него подводятся случаи и прямого ученичества одного поэта у другого с последующим преодолением авторитета учителя, как это имело место во взаимоотношениях Пушкина и Жуковского. С другой стороны, им же объясняются случаи единичных и отнюдь не характерных мелких текстологических совпадений при полном различии особенностей идейного и духовного мира сопоставляемых поэтов. Подобные элементарные решения сложнейших вопросов о взаимоотношениях поэтов разной национальности, разного языка и разных эпох. приводили к принципиально неверным выводам.

Уже сама по себе постановка вопроса о «влиятельности» одного поэта на другого при полном игнорировании тех литературных традиций, в русле которых развивалось творчество обоих поэтов, методологически несостоятельна. Творческий мир всякого крупного поэта создается не в сумме случайных «влиятельных», но как итог органического развития в результате закономерного и длительного воздействия на поэта факторов первостепенного значения, в первую очередь исторического, национального, социально-общественного и культурного порядка. Особенно это относится к рассмотрению возможности «влиятельности» того или иного западноевропейского поэта на русского без учета соответствующей традиции общемирового литературного развития, уже давшей свои плоды на русской почве и ставшей уже частью русского историко-литературного процесса.

Все это приобретает особое значение, когда мы подходим к исследованию такого сложного явления, как лирика Пушкина. Действительно, если при изучении пушкинской драматургии по давней традиции привлекалось почти исключительно творчество Шекспира, а при оценке пушкинских поэм издавна приобретала решающее значение эпическая поэзия Байрона, то при изучении огромной литературы о пушкинской лирике приходится иметь дело с таким количеством не только второстепенных, но третьестепенных и даже десятистепенных имен преимущественно французских лириков и элегиков XVII и XVIII вв., привнесенных в пушкиноведение отмеченной выше тенденцией дореволюционного пушкиноведения,

что в этом потоке совершенно растворяется и исчезает собственная лирика Пушкина.

Это особенно относится к лицейской пушкинской лирике, потому что всякого рода подражания, заимствования и реминисценции из французских поэтов в ранней, ученической лирике Пушкина носили характер примеривания различных стилевых систем, испытания своих сил в различных жанрах, уже представленных в творчестве зрелых поэтов, поисков своего собственного пути в лабиринте дорог и тропок, проложенных и протоптанных предшествующими и русскими, и западноевропейскими поэтами.

Пушкин с детских лет хорошо знал основную классическую французскую поэзию. «А. С. Пушкин, — вспоминает лицеист С. Д. Комовский, — при поступлении в императорский Лицей особенно отличался необыкновенною своею памятью и отличным знанием французского языка и словесности. Ему стоило только прочесть раза два страницу какого-нибудь стихотворения, и он мог уже повторить оное наизусть, без малейшей ошибки».¹⁰⁴

Упоминание иностранных — в первую очередь французских — поэтов в пушкинской лицейской лирике дает если и не полную, то в основном соответствующую действительности картину не столько круга чтения Пушкина того времени в целом, ибо он был значительно шире, сколько круга наиболее прочно вошедших в сознание мальчика Пушкина иностранных поэтов.

На первом месте по количеству и значимости упоминаний о нем — Вольтер, имя которого начинает присутствовать в стихотворениях Пушкина еще с 1813 г. («Монах», 1813; «Бова», 1814; «Городок», «К молодой актрисе», «Послание к Юдину», 1815; «Сон», «Стансы», 1817, и др.). В лицейские годы Вольтер воспринимается Пушкиным как подлинный и прирожденный поэт:

Он Фебом был воспитан,
Издетства стал пиит.

(«Городок», 1815).

В Лицее же Пушкин делает опыты и перевода лирических стихов Вольтера («Стансы», 1817). В зрелые годы Пушкин произвел резкую переоценку всего поэтического наследия Вольтера и решительно отказал ему в праве именоваться поэтом, оставив за ним славу великого философа, влияние же его на последующую поэзию признал положительно вредным. «Ничто не могло быть противоположнее поэзии, — писал Пушкин в 1834 г., — как та философия, которой XVIII век дал свое имя . . . Вольтер, великан сей эпохи, овладел и стихами, как важной отраслью умственной деятельности

¹⁰⁴ Пушкин в воспоминаниях современников, стр. 40.

человека... Он наводнил Париж прелестными безделками, в которых философия говорила общепонятным и шутливым языком, одною рифмою и метром отличавшимся от прозы — и эта легкость казалась верхом поэзии... Влияние Вольтера было неимоверно. Следы великого века (как называли французы век Людовика XIV) исчезают. Истощенная поэзия превращается в мелочные игрушки остроумия» (XI, 271—272).

Лицейская пушкинская характеристика Вольтера изумительна по своей остроте и глубине:

Сын Мома и Минервы,
Фернейский злой крикун.

Вообще, характеристики поэтов, содержащиеся в ранней лирике Пушкина, поражают почти невероятной для пятнадцатилетнего мальчика способностью проникать в самую сущность той или иной поэтической индивидуальности.

Официальная лицейская программа по словесности, особенно классы Кошанского, направляла внимание лицейстов на классические традиции и образцы французской одической поэзии XVII—XVIII вв. Отголоском этого в лицейской лирике Пушкина сохранились такие подражательные стихотворения, как кантата «Леда» (1814) и др. Сам воспитанный на традициях западноевропейского классицизма, Кошанский старался привить вкус к классическим традициям и своим воспитанникам. Вероятно, этим объясняется полемический тон послания Пушкина к Кошанскому (1815).

Собирательному образу воображаемого писателя-классика Пушкин противопоставляет образы представителей легкой эротической поэзии:

Анакреон, Шолье, Парни,
Враги труда, забот, печали,
Не так, бывало, в прежни дни
Своих любовниц воспевали...

Имена Шолье, Парни и еще некоторых других, более мелких французских поэтов (Шапель, Вержье, Грекур и др.) назывались Пушкиным в этот период его поэтического ученичества не столько сами по себе, сколько потому, что все они находились в русле той легкой эротической поэзии, которая на русской почве культивировалась школой Жуковского и Батюшкова. Не случайно, что некоторыми чертами поэзии Парни, как она тогда воспринималась Пушкиным, он характеризует и лично незнакомого ему еще тогда Батюшкова.

Особое место в лирике Пушкина занимают образы античного мира. Лицейские стихотворения Пушкина буквально переполнены

античной терминологией. Уже самое поверхностное знакомство с античными образами в пушкинской лицевой лирике обнаруживает прекрасную осведомленность молодого поэта в греческой и римской мифологии.

Лицевые стихи Пушкина свидетельствуют также и об основательном знакомстве его с античной литературой. Имена Горация, Овидия, Вергилия, Тибулла, Ювенала и других античных поэтов приводятся с меткими характеристиками. Одна только строка о Горации в послании к В. А. Пушкину 1817 г.:

Вдали забав, и нег, и граций,
Как жил бессмертный трус Гораций
В тибурских сумрачных лесах...

столь же остра, лапидарна и ярка, как и приведенные выше строки о Вольтере.

В «Послании Лиде» (1816) даются такие же яркие и блестящие характеристики философов античного мира.

С основными образцами греческой поэзии лицеисты познакомились по хрестоматии Н. Ф. Кошанского «Цветы греческой поэзии», представляющей собой сборник отрывков эпической, драматической и буколической греческой поэзии. Этой хрестоматией пользовались Батюшков и сам Пушкин.

Однако образы античного мира, своеобразно преломленные сквозь призму западноевропейского и русского классицизма, входили в сознание лицеистов не только из хрестоматии Кошанского. Проф. А. Малеев, основываясь на строке пушкинского стихотворения «К Лицинию» (1815):

Свой дух воспламеню Петроном, Ювеналом,

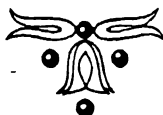
убедительно доказывает, что Пушкин «читал этих писателей не в оригинале, а во французском переводе (древнеримский сатирик I в. по Р. Хр., современник Нерона, Petronius, по фр. Pétrone, откуда и русское Петрон, вместо обычного Петроний).¹⁰⁵

Это очень важное наблюдение отсылает нас к традиции использования античной терминологии и номенклатуры для передачи политического содержания — традиции, сохранявшейся в западноевропейской литературе и публицистике еще со времен Французской буржуазной революции. Стихотворение Пушкина «К Лици-

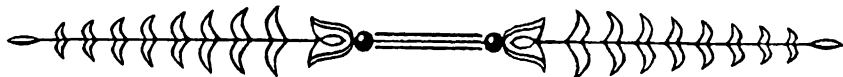
¹⁰⁵ Пушкин, Полное собрание сочинений, т. I, под ред. С. А. Венгерова, 1907, стр. 212.

нию» (1815), построенное на образах римской жизни, — яркое тому свидетельство. В этом отношении Пушкин был сыном своего века.

Проблема использования и воспроизведения мотивов античности в зрелой лирике Пушкина представляет совершенно особый и значительный интерес.¹⁰⁶ Она будет освещена в соответствующих разделах книги.

¹⁰⁶ См.: И. И. Толстой. Пушкин и античность. Ученые записки кафедры русской литературы Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена, вып. XIV, 1938, стр. 71—87; М. М. Покровский. Пушкин и античность. «Пушкин. Временник Пушкинской комиссии», т. 4—5, Изд. Академии наук, М.—Л., 1939, стр. 27—56; Д. П. Якубович. Античность в творчестве Пушкина. «Пушкин. Временник Пушкинской комиссии», т. 6, Изд. Академии наук, М.—Л., 1941, стр. 92—159, и др.

Глава II

ЛИРИКА ЛИЦЕЙСКОЙ ПОРЫ (1813—1817)

*В те дни, когда в садах Лицея
Я безмятежно расцветал,
Читал охотно Апулея,
А Цицерона не читал,
В те дни в таинственных долинах,
Весной, при кликах лебединых,
Близ вод, сиявших в тишине,
Являться муза стала мне.
Моя студенческая келья
Вдруг оварилась: муза в ней
Открыла пир молодых ватей,
Воспела детские веселья,
И славу нашей старинь,
И сердца трепетные сны!*

I

Как это ни покажется на первый взгляд невероятным, но мы и до настоящего времени не имеем полного представления о характере и содержании лицейской лирики Пушкина во всем ее объеме.¹ То, что печатается в различных изданиях под рубрикой «Лицей», не дает точной картины лицейского творчества хотя бы потому, что стихотворения, написанные в Лицее, но подвергшиеся затем неоднократной последующей правке, не всегда воспроизводятся в их

¹ О лицейской лирике Пушкина см.: Д. Д. Благой. Творческий путь Пушкина (1813—1826). Изд. Академии наук СССР, М., 1950, стр. 49—144; Н. К. Пиксанов. Лицейская лирика Пушкина. В кн.: А. С. Пушкин. 1799—1949. Материалы юбилейных торжеств. Изд. Академии наук СССР, М.—Л., 1951, стр. 317—326; Б. Томашевский. Пушкин. Книга первая. Изд. Академии наук СССР, Л., 1956, стр. 47—125; Н. Л. Степанов. Лирика Пушкина. М., 1959, стр. 259—294, и др.

первой редакции, которая к тому же в подавляющем большинстве случаев нам неизвестна.²

С другой стороны, содержание, художественный уровень и характер стиха самых ранних из известных нам лицейских стихотворений Пушкина, печатаемых под 1813 г. («К Наталье», «Монах», «Несчастье Клита»), таковы, что не позволяют рассматривать их в качестве действительно самых ранних стихотворений, написанных поэтом в Лицее, и заставляют предполагать существование целого ряда лицейских стихотворных опытов, до нас не дошедших.

Более того, и то, что нам известно из лицейских пушкинских стихотворений, отнюдь еще не характеризует лицейского творчества Пушкина в полном объеме, так как далеко не все написанное им в Лицее переписывалось им и его товарищами в те или иные рукописные сборники: составленный самим Пушкиным сборник «Жертва Мому, или Лицейская антология» (1814); сборник «Мудрец-поэт, или Лицейская антология» (1814); сборник «„Лицейская антология“, собранная трудами пресловутого ийший³» (1816); сборник стихотворений лицейских поэтов, составленный Горчаковым (1816); такой же сборник, составленный Матюшкиным (1817); сборник «Дух лицейских трубадуров», в который вошли стихотворения Пушкина, Дельвига, Илличевского, Корсакова и Кюхельбекера (1817); наконец, составленный самим Пушкиным в последний год пребывания в Лицее сборник его стихотворений (так называемая «Лицейская тетрадь 1817 года»).

Далеко не все написанное Пушкиным помещалось в лицейских рукописных журналах, дошедших до нас в очень неполном составе: «Императорского Саркосельского Лицея вестник» (1811);⁴ «Неопытное перо»⁵ и «Для удовольствия и пользы» (1812);⁶ «Юные пловцы»⁷ (1813); «Лицейский мудрец» (1813—1816)⁸ — или посылались издателями тех или иных московских и петербургских журналов, в которых Пушкин печатался в лицейские годы («Вестник Европы», «Российский музеум» — в Москве, «Сын отечества» и «Северный наблюдатель» — в Петербурге).

Всего из лицейской лирики Пушкина до нас дошло 131 стихотворение. На самом деле их должно было быть значительно больше.

² В черновой рукописи до нас дошло только одно лицейское стихотворение Пушкина.

³ Псевдоним Илличевского.

⁴ Сохранился № 1.

⁵ Не сохранилось ни одного номера.

⁶ Из двенадцати вышедших номеров сохранилось лишь «Прибавление к 4 номеру».

⁷ Оба вышедших номера до нас не дошли.

⁸ Номера этого журнала за 1813—1814 гг. не сохранились. Дошли до нас №№ 1—3, вышедшие в 1815 г., № 4, вышедший в январе 1816 г.

Творческая история этих стихотворений остается нам почти полностью неизвестной, так как в черновой рукописи до нас дошло только одно стихотворение («К Делии»), в беловых рукописях — около тридцати стихотворений и четыре — в авторизованных копиях. Все остальные лицейские стихотворения Пушкина сохранились лишь в более или менее авторитетных (но не авторизованных) копиях. Из общего числа стихотворений, написанных Пушкиным в Лицее, в лицейские годы напечатано было всего двадцать девять.⁹

В последний год пребывания в Лицее Пушкин задумал издание своих стихотворений отдельным сборником. Для этой цели он с помощью некоторых близких ему товарищей начисто переписал после произведенных исправлений 41 стихотворение из числа еще не напечатанных в журналах в тетрадь, озаглавленную «Стихотворения Александра Пушкина. 1817 года».

Этот задуманный Пушкиным первый сборник стихотворений подготавливался в течение трех лет (1817—1819). За это время стихотворения подвергались неоднократной и значительной переработке, выбрасывались одни, включались другие. В окончательном виде сборник был начисто переписан писарем в 1820 г. для представления в цензуру и содержал уже только 31 стихотворение.

О дальнейшей судьбе этого сборника Пушкин писал П. А. Вяземскому 29 ноября 1824 г.: «... в 1820 г. переписал я свое вранье и намерен был издать его по подписке; напечатал билеты и роздал около сорока. Я проиграл потом рукопись мою Никите Всеволожскому (разумеется, с известным условием). Между тем принужден был бежать из Мекки в Медину, мой Коран пошел по рукам — и донные правоверные ожидают его. Теперь поручил я брату отыскать и перекупить мою рукопись, и тогда приступим к изданию элегий, посланий, смеси» (XIII, 124).

В марте 1825 г. эта рукопись, получившая в пушкиноведении название «тетради Всеволожского», была выкуплена, переслана Пушкину в Михайловское и после авторской переработки, исключения целого ряда лицейских стихотворений и включения стихотворений позднейших годов легла в основу вышедшего в конце 1825 — начале 1826 г. сборника «Стихотворений Александра Пушкина». В нем уже содержалось только 12 лицейских стихотворений.

Такова судьба лицейской лирики Пушкина в печати при жизни поэта. История последующей переработки Пушкиным своих лицейских стихотворений интересна и сама по себе. В дальнейшем к характеру этой переработки придется возвращаться неоднократно.

⁹ За период окончания Лицея и до выхода в свет «Стихотворений Александра Пушкина» (1826) Пушкин напечатал всего четыре лицейских стихотворения.

II

Из первых лицейских стихотворных опытов Пушкина до 1813 г. до нас не дошло ничего. Но о них вспоминают товарищи Пушкина по Лицею. «Как теперь вижу, — пишет в своих записках И. И. Пущин, — тот послеобеденный класс Кошанского, когда, кончивши лекцию несколько раньше урочного часа, профессор сказал: „Теперь, господа, будем пробовать перья: опишите мне пожалуйста розу стихами“. Наши стихи вообще не клеились, а Пушкин мигом прочел два четырехстишия, которые всех нас восхитили. Жаль, что не могу припомнить этого первого поэтического его лепета, Кошанский взял рукопись к себе. Это было чуть ли не в 1811 году, и никак не позже первых месяцев 12-го».¹⁰ В. П. Гаевский со слов других товарищей Пушкина передает, что еще до «Розы»¹¹ поэт написал, состязаясь с Иллчевским, рыцарскую балладу в подражание балладам Жуковского, но и этот опыт не сохранился.¹²

Самые ранние дошедшие до нас лицейские стихотворения Пушкина приурочиваются к 1813 г.

Лицейская лирика Пушкина характеризуется исключительным жанровым многообразием. Создается впечатление сознательных опытов молодого поэта по освоению почти всех уже представленных в поэзии того времени жанров, как бы примеривания их к собственному творчеству. Это имело исключительно большое значение в поисках собственного пути в лирике, собственного лирического стиля. Вместе с тем это жанровое многообразие определяет и особенности того этапа русского поэтического развития, который отличался коренной ломкой прежних жанровых традиций и поисками новых.

Лицейская лирика Пушкина первых лет отличается преобладанием коротких размеров стиха (трехстопные ямб и хорей, двухстопные ямб и дактиль, трехстопный амфибрахий),¹³ что отмечал и сам Пушкин:

В полглава дремля — и зевая,
Шапеля в песнях призывая,
Пишу короткие стихи.
(«Моему Аристарху», 1815).

¹⁰ Записки И. И. Пущина о Пушкине. СПб., 1907, стр. 25—26.

¹¹ Это стихотворение Пушкина было помещено в не дошедшем до нас рукописном журнале «Неопытное перо» (1812).

¹² См.: М. А. Цявловский. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина, т. I, Изд. Академии наук СССР, Л., 1951, стр. 31. В дальнейшем сокращенно: М. А. Цявловский. Летопись..., т. I.

¹³ Н. В. Лапшина, И. К. Романович, Б. И. Ярхо. Метрический справочник к стихотворениям А. С. Пушкина. «Academia», 1934, стр. 59—60.

Этот же самый ранний период пушкинской лирики характеризуется и значительной длиной стихотворений, объясняющейся, конечно, поэтической незрелостью молодого поэта. По мере развития гения Пушкина его стихотворения становятся значительно короче.

В отношении строфики лицейская лирика Пушкина, особенно начальных ее лет, также отличается значительным количеством и разнообразием строфических форм.¹⁴ Дальнейшее развитие лирики Пушкина, особенно к концу жизни, приведет к постепенному преобладанию астрофизма.

Все это вместе взятое свидетельствует, с одной стороны, о периоде сознательного ученичества Пушкина по освоению большинства уже разработанных и русской, и западноевропейской поэтической традицией лирических форм, а с другой — о неорганичности для Пушкина почти всех извне пришедших к нему поэтических шаблонов, от которых он впоследствии и довольно скоро начинает освобождаться.

В самый же ранний период лирического творчества Пушкина эта связанность не свойственными его поэтическому облику извне пришедшими традициями особенно заметна. Уже одно из самых ранних известных нам лицейских пушкинских стихотворений — послание «К Наталье» (1813)¹⁵ служит в этом отношении прекрасной иллюстрацией. Традиции французской эротической поэзии, заключающиеся в искусстве «дать все понять, ничего не называя, прикрывая грубость сюжетов поэтичностью образов, юмором положений, игрой полунамеков»,¹⁶ достаточно откровенно проступают уже в этом еще совсем мальчишеском стихотворении:

Страсть сильнее становится,
И, любовью утомясь,
Я слабею всякой час.
Все к чему-то ум стремится,
А к чему? — никто из нас
Дамам в слух того не скажет,
А уж так и сяк размажет.
Я — по-свойски объяснюсь.
Все любовники желают
И того, чего не знают;
Это свойство их — дивлюсь!

¹⁴ Б. Томашевский. Строфика Пушкина. Сб. «Пушкин. Исследования и материалы», II, Изд. Академии наук СССР, М.—Л., 1958, стр. 109—110.

¹⁵ При жизни Пушкина не печаталось. Наталья — крепостная актриса домашнего театра графа В. В. Толстого в Царском Селе, который посещали лиценсты. Ей, кроме названного, посвящены еще стихотворения Пушкина «К Наташе» и «К молодой актрисе».

¹⁶ Э. Венгерова. Жак Вержье. См.: Пушкин, Полное собрание сочинений, т. I, под ред. С. А. Венгерова, СПб., 1907, стр. 178.

Следует отметить, что эта традиция эротической поэзии «дать все понять, ничего не называя» была разработана уже и в русской лирике XVIII в., особенно в творчестве Державина. Достаточно в этом отношении напомнить хотя бы его «Мельника» («Вечор мне красные девицы / Мешок пшеницы принесли»).¹⁷

Эта эротическая, мадригально-пасторальная струя лицейской лирики Пушкина; столь противоречащая всему его поэтическому облику и несомненно навеянная поэзией французских эпикурейских лириков XVII—XVIII вв. и их русских подражателей, наиболее явственно и неприкрыто дает себя знать в лицейском творчестве Пушкина лишь самых первых лет. Уже с конца 1815 г. начнут появляться элегические мотивы, которые затем станут основными для пушкинской лирики 1816—1817 гг. Но в лирике 1813—1815 гг. эта мадригально-эпикурейская направленность наиболее заметна. Сюда относятся такие стихотворения, как «Рассудок и любовь» (1814)¹⁸ с характерной для французской галантной поэзии куплетной формой, «Опытность» (1814),¹⁹ «Блаженство» (1814),²⁰ «Леда» (1814)²¹ — стихотворение, написанное в духе кантат Ж.-Б. Руссо, «Вода и вино» (1815),²² «Измены» (1815),²³ «К бар. М. А. Дельвиг» (1815)²⁴ — стихотворения, характерные изяществом блестяще усвоенного мадригального стиля, и другие.

Все эти стихотворения, особенно 1813—1814 гг., еще очень незрелы, насквозь подражательны и слабы в отношении самого стиха. Нередки неточные рифмы, например:

Кто с минуту переможет
Хладным разумом любовь,
Время тягостных оков
Ей на крылья не нозложит...

(«Опытность», 1814).

Часто архаика словесного состава не оправдана содержанием стихотворения и свидетельствует о соответствующей ориентации уже не на французскую, но на русскую эпикурейско-анакреонтическую лирику XVIII в., например:

Кто с минуту переможет
Хладным разумом любовь...

¹⁷ Державин, Сочинения, ч. III, стр. 99.

¹⁸ Опубликовано без ведома Пушкина в альманахе «Весенние цветы» (М., 1835).

¹⁹ «Вестник Европы», 1814, № 19.

²⁰ Там же, № 20.

²¹ При жизни Пушкина не печаталось.

²² «Российский музеум», 1815, № 6.

²³ Там же, № 12.

²⁴ При жизни Пушкина не печаталось.

Истину сих правых слов...
 Мнил я в гордости безумной...
 С богом сим в размовке жить...²⁵

Все бытовые и пейзажные детали этих стихотворений полностью традиционны, а самый выбор их всецело определен известным репертуаром книжных образцов, например:

Средь темной рощицы, под тенью лип душистых,
 В высоком тростнике, где частым жемчугом
 Вздучалась пена вод серебристых,
 Колеблюсь тихим ветерком,
 Покров красавицы стыдливой,
 Небрежно кинутый, у берега лежал,
 И прелести ее поток волной игривой
 С весельем орошал.

(«Леда», 1814).

Здесь все еще традиционно: рощица — темная, липы — душистые, тростник — высокий, красавица — стыдливая, волна — игривая и т. д.

Однако и в этих стихотворениях кое-где проглядывает то специфически пушкинское начало, которое для старших поэтических друзей Пушкина уже в это время являлось залогом небывалого в русской поэзии развития богатейших творческих возможностей, заложенных в гениальном мальчишке-поэте. В этом отношении показательно, например, стихотворение «Блаженство»:

В роще сумрачной, тенистой,
 Где журча в траве душистой,
 Светлый бродит ручеек,
 Ночью на простой свирели
 Пел влюбленный пастушок;
 Томный гул унылы трели
 Повторял в глуши долин...

Здесь пока еще все традиционно, все книжно: роща — непременно сумрачная и тенистая; трава — конечно, душистая; ручеек — несомненно, светлый; пастушок — влюбленный; гул — томный; трели — унылые и т. д.

Но уже образ выбежавшего из рощи Сатира останавливает внимание своей живописностью:

Розами рогá обвиты,
 Плющ на черных волосах,
 Козий мех, вином налитый,
 У Сатира на плечах.
 Бог лесов, в дугу склонившись

²⁵ Курсив мой. — Б. Г.

7 Б. П. Городецкий

Над искривленной клюкой,
 За кустами притаившись,
 Слушал песенки ночной,
 В лад качая головой.

Если такие картинно-живописные детали, как

Розами рога обвиты,
 Плющ на черных волосах, —

несомненно, предварены соответствующими достижениями анакреонтики Державина, а особенно Батюшкова:

Стройный стан, кругом обвитый
 Хмелья желтого венцом,
 И пылающи ланиты
 Розы ярким багрецом...
 (Б а т ю ш к о в, «Вакханка»),

то такие детали, как

Бог лесов, в дугу склонившись
 Над искривленной клюкой, —

несомненно, пушкинские. Они возникли как реминисценции детских образных представлений, связанных с другими обитателями лесов в русских народных сказках, с Бабой-Ягой, самое имя которой привычно ассоциируется с неизменным ее атрибутом — клюкой. Так, античные, книжные образы, навеянные русской и западноевропейской анакреонтикой, переплетались с образами из русских сказок, слышанных в детстве.

Содержание стихотворения несложно: влюбленный в Хлою пастушок, забывшись, поет об измене любимой:

А теперь мне жизнь — могила,
 Белый свет душе постыл,
 Грустен лес, поток уныл...
 Хлоя — другу изменила!..
 Я для милой... уж не мил!..

Последняя строка — неизбежная дань утонченной словесной мадригальной традиции XVIII в., присутствующей и в блестящей пушкинской поэтической шутке «Она» (1817):

Но почему ж ты столько огорчен?
 И кто виной? Супруг, отец, конечно...
 — Не то, мой друг! — «Но что ж?» — Я ей не он.

Тоскующему от измены Хлои пастушку Сатир протягивает чашу с вином и дает совет:

Так поди ж теперь с похмелья
 С Купидоном помирись;

Позабудь его обиды
И в объятиях Дориды
Снова счастьем насладись!

И внезапно в этом явно незрелом стихотворении как случайный проблеск блеснет счастливо найденный зрительный образ освещенной луной чаши с вином:

Посмотри ж, как сок прозрачен
Блещет, осветясь луной!

Этот образ, как и деталь с искривленной клюкой склонившегося над ней Сатира, делает все стихотворение несомненным залогом будущих художественных достижений.

Несвойственность и чуждость для поэтической индивидуальности Пушкина подобного рода пасторальной традиции характеризуются хотя бы тем, что от таких стихотворений, как «Рассудок и любовь» и «Красавице, которая нюхала табак», он свободно переходит к опытам в духе русского оссианизма — стихотворениям «Кольна»,²⁶ «Эвлега»²⁷ и «Осгар»,²⁸ все три стихотворения начала 1814 г.

Увлечение Оссианом и черты складывавшегося специфически русского варианта западноевропейского оссианизма дают себя знать уже в конце XVIII в. Песни и поэмы Оссиана переводили почти все значительные поэты начала XIX вв.: Державин, Костров, Капнист, Гнедич, В. Л. Пушкин, Батюшков и другие. Оссианом увлекался А. В. Суворов. В 1792 г. в Москве отдельным изданием вышли избранные поэмы Оссиана в переводе Е. Кострова²⁹ с посвящением Суворову.³⁰

Героический пафос Отечественной войны 1812—1815 гг. еще более обострил внимание к Оссиану с его картинами мужественных подвигов смелых северных воителей. Именно отсюда соответствующие мотивы в «Певце во стане русских воинов» (1812) Жуковского:

Смотрите, в грозной красоте,
Воздушными полками,
Их тени мчатся в высоте
Над нашими шатрами...

²⁶ «Вестник Европы», 1814, № 14.

²⁷ При жизни Пушкина не печаталось.

²⁸ При жизни Пушкина не печаталось.

²⁹ Оссиан, сын Фингалов, Бард третьего века. «Гальские * (* иначе Эрсские, или Ирландские) стихотворения, переведенные с французского Е. Костровым, 1792».

³⁰ «Его Сиятельству Графу Александру Васильевичу Суворову-Рымникскому».

Отсюда же и обращение юноши Пушкина в «Воспоминаниях в Царском Селе» (1814) к Жуковскому как к барду и скальду:

О Скальд России вдохновенный,
Воспевший ратных грозный строй,
В кругу друзей своих, с душой воспламенной,
Взгреми на арфе золотой!

Стихотворение Пушкина «Кольна» (1814) является переработкой поэмы Оссиана «Кольна-Дона», переведенной Костровым и завершающей вторую часть его сборника.³¹ Характер переработки виден хотя бы из следующего сопоставления соответствующих мест начала прозаического перевода Кострова и пушкинского стихотворения: «Источник *Коламона*, которого черные и возмущенные воды, катятся странствовать в отдаленных долинах! Я зрю тебя извиваящаяся между древами, осеняющими чертоги *Каруля*. Тамо обитала дщерь его, прелестная *Кольна-Дона*...» и т. д.³² Ср.:

Источник быстрый Каломоны,
Бегущий к дальним берегам,
Я зрю, твои взмущены волны
Потоком мутным по скалам
При блеске звезд ночных сверкают
Сквозь дремлющий, пустынный лес,
Шумят и корни орошают
Сплетенных в темный кров древес.
Твой мшистый брег любила Кольна...

Обращаясь к оссианическому, требующему налета известной архаики сюжету, Пушкин расцвечивает стих элементами русского архаического стиля XVIII в. Может быть, именно этим стремлением к архаизации вызвана в этом стихотворении и отдаленная реминисценция из Ломоносова:³³

Денница красная выводит
Златое утро в небеса.³⁴

Следует отметить, что данная архаизация вовсе не является характерной чертой стихотворного стиля Пушкина этого периода, но сознательным художественным приемом. В те же месяцы, а может быть и дни, в другом стихотворении, требовавшем совсем иного

³¹ Гальские * (* иначе Эрские, или Ирландские) стихотворения, переведенные с французского Е. Костровым, ч. II, стр. 260—264.

³² Там же, стр. 260.

³³ Ср.: В. В. Виноградов. Стиль Пушкина. М., 1941, стр. 122.

³⁴ Ср. у Ломоносова:

Заря багряною рукою
От утренних спокойных вод
Выводит с солнцем за собою...

словесного оформления, Пушкин употребляет совершенно иной стиль:

Вот пред ним две, три избушки, —
 Выломан забор;
 Здесь — дорога к деревушке,
 Там — в дремучий бор.
 («Козак», 1814).

Несмотря на еще явную незрелость стихотворения «Кольна», здесь уже чувствуются несомненные признаки будущего великого мастера русского стиха. Таковы, например, замечательные по своей выразительности и музыкальности строки:

Близ пепелища все воссели;
 Веселья барды песнь воспели;
 И в пене кубок золотой
 Кругом несется чередой.

Если «Кольна» является непосредственной переработкой перевода из Оссиана, хотя бы из вторых — французских — рук, то следующее «оссианическое» пушкинское стихотворение «Эвлега» (1814) восходит уже не к самому Оссиану, хотя бы и в неточном прозаическом переводе из него Кострова, но к навеянной мотивами поэзии северных скальдов поэме Парни «Isnel et Asléga». Стихотворение Пушкина является переработкой одного из сюжетных мотивов этой поэмы, получившей довольно широкое распространение в России.³⁵

Третье — и последнее — «оссианическое» стихотворение Пушкина «Осгар» (1814) является уже целиком оригинальным и самостоятельным произведением, только навеянным поэзией Оссиана. Черты ученичества Пушкина сказываются в сложном сплаве элементов самых различных поэтических систем. Если начало стихотворения:

По камням гробовым, в туманах полуночи,
 Ступая трепетно усталою ногой,
 По Лоре путник шел, напрасно томны очи
 Ночлега мирного искали в тьме густой...

воспроизводит типично «оссианический» пейзаж в том виде, как он воспринимался русскими подражателями Оссиана, то строки:

Склонясь седым челом над воющим потоком,
 В безмолвии времен он созерцал полет. —

³⁵ См., например: К. Н. Батюшков. Сон воинов. Из поэмы Аснель и Аслега (К. Батюшков. Опыты в стихах и прозе. Стихи, СПб., 1817, стр. 177—179).

ведут нас к Державину,³⁶ а конец стихотворения:

И тихо все вокруг могильного холма!
Лишь в осень хладную, безмесячной порою,
Когда вершины гор тягчит сырая тьма,
В багровом облаке, одеяна туманом,
Над камнем гробовым уныла тень сидит,
И стрелы дребезжат, стучит броня с колчаном,
И клен, зашевелился, таинственно шумит. —

является отдаленным, хотя и несомненным отзвуком из написанной в том же году «Эоловой арфы» Жуковского.

В то же время «Осгар» представляет собой сложный сплав индивидуальных и глубоко личных переживаний Пушкина. Такие строки, как:

Исчезло сладкое навеки очарованье!
Он в мире одинокий, уж нет души родной. . .

являются несомненным предвестием новых элегических настроений 1815—1816 гг., хотя и проявившихся здесь в привычных и традиционных книжных формулах.

Своеобразным и сложным сплавом оссианических мотивов и мотивов, навеянных поэзией Жуковского, является стихотворение «Сраженный рыцарь» (1815).³⁷ Оно начинается воспроизведением традиционного, нарочито-мрачного вечернего пейзажа, нарисованного уже с блестящими будущего пушкинского мастерства и пушкинской музыкальности и звукописи:

Последним сияньем за лесом горя,
Вечерняя тихо потухла заря,
Безмолвна долина глухая;
В тумане пустынном клубится река
Ленивой грядкою идут облака,
Меж ими луна золотая.

Далее следует традиционная картина заброшенного бранного поля, некоторые детали которой будут впоследствии повторены Пушкиным при описании такого же покинутого поля брани в «Руслане и Людмиле». Традиционность и книжная условность этого описания сказываются в картине, когда вокруг погибшего воина, который давно уже истлел и превратился в сухой косяк:

Кольчуги звучат
Погибшего грозою в них кости стучат —

³⁶ Ср.:

Ни вихрь его, ни гром не сломит быстротечный,
И времени полет его не сокрушит.

(«Памятник», 1796).

³⁷ При жизни Пушкина не печаталось.

бродит каким-то чудом оставшийся в живых верный боевой конь:

Вкруг холма обходит друг сильного — конь;
 В очах горделивых померкнул огонь —
 Он бранную голову клонит.
 Беспечным копытом бьет камень долин —
 И смотрит на латы — конь верный один,
 И дико трепещет, и стонет...

Этот мотив верного коня, не оставляющего на поле брани своего сраженного господина, также найдет место в «Руслане и Людмиле»:

Вокруг Руслана ходит конь,
 Поникнув гордой головою,
 В его глазах исчез огонь!
 Не машет гривой золотою,
 Не тешится, не скачет он,
 И ждет, когда Руслан воспрянет...

Мотив верного коня в несколько измененной ситуации будет воспроизведен и в позднейшей «Песне о вещем Олеге» (1822), где, наоборот, первым погибает конь.

Учитывая, вероятно, подражательность этого стихотворения и его зависимость от уже разработанной книжной традиции, Пушкин, готовя в 1825 г. первый сборник своих стихотворений, написал против «Сраженного рыцаря»: «Не надо».

III

В процессе художественного и идейного формирования Пушкина исключительно велика была роль впечатлений, связанных с Отечественной войной 1812—1815 гг. «Умирая на поле битвы „за белого царя и пресвятую богородицу“, как он говорил», писал Герцен, русский народ «умирал на самом деле за неприкосновенность русской земли».³⁸

Именно с такой стороны возникает тема 1812 г. в лирике лицеиста Пушкина:

Вострепещи, тиран! уж близок час паденья!
 Ты в каждом ратнике узришь богатыря...

(«Воспоминания в Царском Селе», 1814).

так же как и тема освобождения русской армией западноевропейских народов из-под ига наполеоновской тирании:

Народы, падшие под бременем оков,
 Тяжелой цепью с восторгом потрясали

³⁸ А. И. Герцен, т. VI, стр. 213.

И с робкой радостью друг друга вопрошали:
«Ужель свободны мы?..»

(«На возвращение государя императора из
Парижа в 1815 году», 1815).

В связи с освободительной ролью русской армии находит объяснение и тот ореол, каким было окружено имя Александра I, принимавшегося в то время за освободителя Европы. Последовавшее после окончания Отечественной войны резкое изменение международного и внутреннего положения России повлекло за собой не менее резкое изменение отношения передового русского общества к царю, что и не замедлило сказаться на последующей лирике Пушкина.³⁹

Менялось отношение и к Наполеону. После его низложения европейские монархи во главе с Александром I организовали «Священный союз» для борьбы против начинавшихся в разных странах революционных и национально-освободительных движений. В это время, особенно после смерти Наполеона (1821), его имя мало-помалу начинало приобретать в прогрессивных кругах западноевропейского и русского обществ иной смысл и уже противопоставлялось «Священному союзу». Забывалось при этом, что Наполеон сам в свое время уничтожил республику и объявил себя императором. Новое осмысление личности и деятельности Наполеона нашло свое отражение в целом ряде произведений как западноевропейской, так и русской лирики: в пушкинской оде на смерть Наполеона (1821), в «Ночном смотре» Жуковского (1836), в «Воздушном корабле» Лермонтова (1840) и др. Но сейчас — в 1814 г. — для пятнадцатилетнего мальчика Наполеон — тиран, а Александр I — герой, который

... с улыбкой примиренья

Грядет с оливою златой.

(«Воспоминания в Царском Селе», 1814).

Все это, равно как и пафос военно-патриотической героики Отечественной войны, нашло свое яркое выражение в значительнейшем произведении пушкинской лирики 1814 г. — «Воспоминаниях в Царском Селе»,⁴⁰ прочитанном самим Пушкиным на публичном лицейском переходном с младшего курса на старший экзамене в присутствии многочисленных гостей и Державина 8 января 1815 г.

Стихотворение было написано Пушкиным для прочтения на экзамене по заданию лицейского профессора Галича. Две последние

³⁹ Ср., например, последующие исправления строк об Александре I в «Воспоминаниях в Царском Селе».

⁴⁰ Впервые, за полной подписью Пушкина, напечатано в «Российском музее» (1815, № 4).

строфы в первоначальной редакции отсутствовали и были дополнительно написаны после известия о согласии Державина лично приехать на экзамен. Присутствовавшие, несомненно, помнили державинское обращение к молодым поэтам в его недавнем «Гимне лироэпическом на прогнание французов из Отечества» (1813):

Младым певцам греметь
 Мои вверю ветхи струны,
 Да черплют с них в свои сердца перуны
 Толь чистых, ревностных огней,
 Как пел я трех царей.

«Воспоминания в Царском Селе» — произведение изумительное для пятнадцатилетнего мальчика, в то же время оно несет на себе явные черты ученичества, совмещая следы воздействия на складывавшуюся собственную и самобытную поэтическую систему молодого Пушкина поэтических систем Державина, Жуковского, Батюшкова и даже Оссиана, воспринятого и преломленного в его русской интерпретации.⁴¹

Стихотворение начинается великолепным по своей стилизации, воспроизводящей обобщенные в сложном сплаве характерные черты поэтики и Державина, и Жуковского, и Батюшкова одновременно, ночным пейзажем Царского Села, музыкально инструментованном звуками с, щ, з, ш, ч, придающими всему отрывку какой-то торжественный и значительный колорит:

Навис покров угрюмой ноши
 На своде дремлющих небес;
 В безмолвной тишине почли дол и роши,
 В седом тумане дальний лес;
 Чуть слышится ручей, бегущий в сень дубравы,
 Чуть дышет ветерок, уснувший на листьях,
 И тихая луна, как лебедь величавый,
 Плывет в серебристых облаках.⁴²

Появление в конце этой строфы луны есть не только элемент пейзажа, но и определенный момент композиционного характера:

⁴¹ Воздействие лексики и поэтических систем Батюшкова, Жуковского и Державина на пушкинские «Воспоминания в Царском Селе» прослежено в книге: В. В. Виноградов. Стиль Пушкина; см также: Г. О. Винокур. Наследство XVIII века в стихотворном языке Пушкина. Сб. «Пушкин — родоначальник новой русской литературы», 1941; Б. Томашевский. Строфика Пушкина.

⁴² Ср.:

Певец Героев, славы,
 В след вихрям и громам,
 Наш лебедь величавый
 Плывешь по небесам.
 (Батюшков. «Моя пенатль»).

она необходима для того, чтобы в ее свете показать и перечислить предметы последующего описания:

Плывет — и бледными лучами
Предметы осветила вдруг.
Аллеи древних лип открылись пред очами,
Проглянули и холм и луг...

После перечисления элементов окрестного пейзажа (холм, луг, тополь, ива, водопады, озеро) Пушкин сразу же показывает царскосельский дворец, который важен для данного стихотворения не столько как жилище царей, сколько как символ военной и политической славы России:

Здесь каждый шаг в душе рождает
Воспомянья прежних лет...

И далее идет перечисление и развернутое описание встречающихся в Царском Селе на каждом шагу памятников военной мощи и славы России: памятник на озере в честь А. Г. Орлова-Чесменского, памятник в честь побед Румянцева. А затем — обобщение и хвала полководцам, утвердившим военную мощь России, и поэтам, прославившим их подвиги: Державину — как певцу Суворова, Петрову — как певцу Румянцева.

От этой картины прошлого века Пушкин переходит к настоящему — к только что закончившейся Отечественной войне:

Блеснул кровавый меч в неукротимой длани
Коварством, дерзостью венчанного царя;
Восстал вселенной бич — и вскоре лютой брани
Зарделась грозная заря.

Здесь характерен эпитет «венчаный», с этого времени всегда сопутствующий у Пушкина образу Наполеона:

Его развенчанную тень.
(«Наполеон», 1821).

Сей ратник, вольностью венчаный.
(«Герой», 1830).

Сей всадник, папою венчаный.
(«Евгений Онегин», гл. X, 1830).

Необходимо отметить уже в этом стихотворении черты складывавшегося образа Наполеона:

Где ты, любимый сын и счастья и Беллоны,
Презревший правды глас и веру, и закон,
В гордыне возмечтав мечем низвергнуть троны?
Исчез, как утром страшный сон!

Ср.:

Исчезнувший, как тень зари.
(«Герой» и «Евгений Онегин», гл. X, 18,0).

Также должно быть отмечено и впервые появляющееся в этом стихотворении у Пушкина слово «бич» как синоним царей:

Ср.:

Восстал вселенной бич. . .

Страшись, о Галлия! Европа! мщенье, мщенье!
Рыдай — твой бич восстал.

(«Наполеон на Эльбе», 1815).

Ср. использование этого образа В. Ф. Раевским в «Певце в темнице» (1822):

Как истукан немой народ
Под игом дремлет в тайном страхе:
Над ним бичей кровавый род
И мысль, и взор — казнят на плахе. . .⁴³

Строки о разрушенной и сгоревшей Москве:

И там, где роскошь обитала,
В сенистых рощах и садах,
Где мирт благоухал, и липа трепетала,
Там ныне угли, пепел, прах. . .

вполне самостоятельны, но, конечно, опираются на уже разработанную поэтическую традицию; ср., например, в послании Батюшкова «К Дашкову»:

И там, — где роскоши рукою,
Дней мира и трудов плоды,
Пред златоглавою Москвою
Воздвиглись храмы и сады; —
Лишь угли, прах и камней горы. . .⁴⁴

Лирическая окраска всей строфы о Москве и особенно строк о детских годах, проведенных в ней, — все это опирается также на уже разработанную поэтическую традицию, хотя бы в «Певце во стане русских воинов» Жуковского.

Строкам Пушкина о поэтах, воспевших военное величие России:

Державин и Петров Героям песнь бряцали
Струнами громозвучных лир, —

⁴³ М. А. Цявловский. Стихотворения Пушкина, обращенные к В. Ф. Раевскому. Сб. «Пушкин. Временник Пушкинской комиссии», т. 6, Изд. Академии наук СССР, 1941, стр. 48.

⁴⁴ К. Батюшков. Опыты в стихах и прозе. Стихи, стр. 78.

предшествует аналогичное упоминание тех же поэтов в названном стихотворении Жуковского.

Такого же характера и обращение к певцу-современнику, с той лишь разницей, что Жуковский в 1812 г. говорил в «Певце во стане русских воинов» о Державине:

О старец! да услышим твой
Днесь голос лебединый...

в то время как Пушкин в конце 1814 г. естественно обращается уже к Жуковскому:

О Скальд России вдохновенный,
Воспевший ратных грозный строй...

и в предпоследней строфе:

Как наших дней певец, славянской Бард дружины.

Переписывая стихотворение для Державина, Пушкин переработал эту строку, приблизив ее к имени певца Екатерины:

Как древних лет певец, как лебедь стран Эллины...

Подготавливая неосуществленное в 1819—1820 гг. издание своих стихотворений отдельным сборником, Пушкин внес в «Воспоминания» ряд исправлений, выбросив вторую и предпоследнюю строфы и устранив восторженное обращение к Александру I в ряде мест.

Имея в виду издание первого сборника своих «Стихотворений» (1826), Пушкин писал брату в марте 1825 г. (и тотчас же вычеркнул это): «[Не напечатать ли в конце *Воспоминания в Царском Селе* с Нотой, что они писаны мною 14<ти> лет — и с выпискою из моих Записок (об Державине) ась?]» (XIII, 159).

В мае того же года он пишет об этом уже более определенно: «Тиснуть *Сарское Село* и с Нотой»⁴⁵ (XIII, 175).

Несмотря на это, «Воспоминания в Царском Селе» в сборнике 1826 г. не появились и никогда впоследствии Пушкиным не перепечатывались.

К этому же циклу пушкинских стихотворений, навеянных событиями 1812—1815 гг., относятся «Наполеон на Эльбе» (1815)⁴⁶ и написанное по заказу министра народного просвещения графа Ра-

⁴⁵ «С Нотой», т. е. с примечанием.

⁴⁶ Написано в апреле—мае 1815 г. под впечатлением появившихся в петербургской печати сообщений о прибытии Наполеона в Париж 20 марта (см.: М. А. Цявловский. Летопись..., т. I, стр. 74). «Наполеон на Эльбе» — первое стихотворение Пушкина, появившееся в петербургской печати («Сын отечества», 1815, ч. 22, № XXV—XXVI).

зумовского стихотворение «На возвращение государя императора из Парижа в 1815» (1815).⁴⁷

Последнее стихотворение создавалось как на основе уже выработанной традиции (Н. И. Гнедич — «Прощание с 1812 годом», В. А. Жуковский — «Императору Александру» и др.), так и личного поэтического опыта («Воспоминания в Царском Селе», «Наполеон на Эльбе»). Строка:

Когда полки врагов покрыли отдаленье —

ведет к Жуковскому:

Пыль туманит отдаленье...

(«Людмила»).

Строки:

Почто, сжимая меч младенческой рукою,
Покрытый ранами, не пал я пред тобою
И славы под крылом на утре не почил? —

несомненно, подготовлены Батюшковым:

Что я, мечтатель ваш счастливый,
На смерть летя против врагов,
Рукой закрыв тяжелу рану
Едва ли на заре сей жизни не увяну.

(«Воспоминание»).

Стихотворение Пушкина в тех его частях, где он, отходя от заданного пафоса, говорит о собственных переживаниях, самобытно, искренно и значительно:

А я... вдали громов, в сени твоей надежной...
Я тихо расцветал, беспечный, безмятежный!
Увы! Мне не судил таинственный предел
Сражаться за тебя под градом вражьих стрел!..
Сыны Бородина, о Кульские герои!
Я видел, как на брань летели ваши строи,
Душой восторженной за братьями спешил.
Почто ж на бранный дол я крови не пролил?..

IV

Чтение Пушкиным своих «Воспоминаний в Царском Селе» на лицейском экзамене 1815 г. было подлинным триумфом молодого поэта. Тотчас же после экзамена, который был воспринят всеми

⁴⁷ Напечатано по представлению В. Л. Пушкина в «Трудах Общества любителей российской словесности при императорском Московском университете» (М., 1817, ч. IX). 28 апреля 1817 г. В. Л. Пушкин читал это стихотворение в «обыкновенном собрании» Общества (М. А. Цявловский. Летопись..., т. I, стр. 115).

присутствовавшими как передача Державиным своей поэтической лиры, Пушкин посылает Державину свое стихотворение, собственноручно переписанное. В этом же месяце Жуковский в Москве читает своим знакомым пушкинское стихотворение, только что полученное В. Л. Пушкиным из Царского Села.⁴⁸ В середине апреля оно было напечатано в «Российском музее»⁴⁹ с замечательной сноской: «За доставление сего подарка благодарим искренно родственников молодого поэта, которого талант так много обещает. И. <здесь> М. <музеума>».

В сентябре Пушкина в Лицее посетил Жуковский. Об этом посещении он писал П. А. Вяземскому: «Я сделал еще приятное знакомство! С нашим молодым чудотворцем Пушкиным. Я был у него на минуту в Сарском селе. Милое, живое творенье! Он мне обрадовался и крепко прижал руку мою к сердцу.⁵⁰ Это надежда нашей словесности. Боюсь только чтобы он, воображив себя зрелым, не помешал себе созреть! Нам всем надобно соединиться, чтобы помочь вырасти этому будущему гиганту, который всех нас перерастет... Он написал ко мне послание, которое отдал мне из рук в руки — прекрасное! Это лучшее его произведение!⁵¹ Но и во всех других виден талант необыкновенный! Его душе нужна пища! Он теперь бродит вокруг чужих идей и картин. Но когда запасется собственными — увидишь, что из него выйдет!»⁵²

По-видимому, в сентябре же П. А. Вяземский писал К. Н. Батюшкову: «Что скажешь о сыне Сергея Львовича? Чудо и все тут. Его „Воспоминания“ скружили нам голову с Жуковским. Какая сила, точность в выражениях, какая твердая и мастерская кисть в картинах. Дай бог ему здоровья и учения, и в нем будет прок, и горе нам. Задавит, каналья!

«Василий Львович, однако же, не поддается и после стихов своего племянника, которые он всегда прочтет с слезами, не забывает никогда прочесть и свои, не чувствуя, что по стихам он племянник перед тем».⁵³

⁴⁸ М. А. Цявловский. Летопись... т. I, стр. 74.

⁴⁹ «Российский музей», 1815, ч. II, № 4, стр. 3—9.

⁵⁰ Об этом свидании с Жуковским Пушкин писал в 1816 г. в послании к нему:

Могу ль забыть я час, когда перед тобой
Безмолвный я стоял, и молнийной струей
Душа к возвышенной душе твоей летела
И, тайно съединясь, в восторгах пламенела...

⁵¹ Послание Пушкина к Жуковскому 1815 г. до нас не дошло.

⁵² «Литературное наследство», т. 58, 1952, стр. 33.

⁵³ Опубликовано Ю. М. Лотманом: Ученые записки Тартуского государственного университета, вып. 98. Труды по русской и славянской филологии,

В декабре того же года сам Державин на вопрос посетившего его С. Т. Аксакова о его занятиях отвечал: «...нового не пишу ничего. Мне время прошло... Скоро явится свету второй Державин: это Пушкин, который уже в лице перецеголял всех писателей». ⁵⁴

Успех Пушкина вызвал послание Дельвига «К А. С. Пушкину», напечатанное в «Российском музее» ⁵⁵ и отразившее то волнение, какое испытывал пятнадцатилетний автор на экзамене:

И ланиты его от приветствия
Удивленной толпы горят пламенем.

Послание Дельвига впервые в печати предсказывало великую будущность молодому поэту:

Пушкин! Он и в лесах не укроется;
Лира выдаст его громким пением,
И от смертных восхитит бессмертного
Аполлон на Олимп торжествующий.

Стихотворение Дельвига вызвало ответное послание Пушкина, ⁵⁶ интересное как по указанию имени первого наставника в поэзии:

Поэтов грешный лик
Умножил я собою...
Мой дядюшка — поэт ⁵⁷
На то мне дал совет
И с музами сосватал. —

так и по отмежеванию от поэтических традиций сентиментализма:

Поэта окружают
С улыбкой остряки.
«Ах, сударь! Мне сказали,
Вы пишете стишки;
Увидеть их нельзя ли?
Вы в них изображали,

III, 1960, стр. 311—312 (Историко-литературные заметки. Неизвестный отзыв о лицейском творчестве Пушкина). Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР, ф. 19, № 28, л. 19 об.

⁵⁴ С. Т. Аксаков, Собрание сочинений, т. II, М., ГИХЛ, 1955, стр. 318.

⁵⁵ «Российский музей», 1815, ч. III, № 9.

⁵⁶ При жизни Пушкина не печаталось.

⁵⁷ Первоначально было:

Ж(уковский), наш поэт,
[На то мне дал совет]
И с Музами сосватал

(I, 369).

Конечно, ручейки,
Конечно, василечик,
Иль тихой ветерочик,
И рощи, и цветки...»

В послании «К Жуковскому» (1816)⁵⁸ Пушкин уже определяет свой будущий путь как путь поэта:

Благослови, поэт!.. В тиши Парнасской сени
Я с трепетом склонил пред музами колени:
Опасною тропой с надеждой полетел,
Мне жребий вынул Феб, и лира мой удел.

Адресованное Жуковскому, стихотворение выдержано в духе его поэтики:

Творцы бессмертные, питомцы вдохновенья!..⁵⁹
Вы цель мне кажете в туманах отдаленья,⁶⁰
Лечу к неизвестному отважною мечтой,
И, мнится, Гений ваш промчался надо мной!

Однако отношение Пушкина к Жуковскому уже в это время было далеко не простым. В стихотворении «Мечтатель» (1815),⁶¹ внешне выдержанном в духе поэтики Жуковского:

И тихой, тихой льется глас;
Дрожат золотые струны.
В глухой, безмолвный мрака час
Поэт мечтатель юный...⁶²

содержится скрытая полемика с «Певцом во стане русских воинов». Если Жуковский в этом стихотворении пишет о себе:

Доселе тихим лишь полям
Моя играла лира...
Вдруг жребий выпал: к знаменам!
Прости, и сладость мира,

⁵⁸ При жизни Пушкина не печаталось.

⁵⁹ Ранее самим Пушкиным в сносках раскрыты их имена: «Сокрытого в веках священный судия» — Карамзин; «славный старец наш, царей певец избранный» — Державин; «И ты, природою на песни обреченный!» — сам Жуковский.

⁶⁰ Ср. в «Людмиле» Жуковского:

Пыль туманит отдаленье...

⁶¹ Впервые напечатано в «Российском музее» (1815, № 9).

⁶² «Мечтатель юный» — формула, довольно устойчивая у Пушкина. Ср. в послании «К Батюшкову» (1814):

Ужель и ты, мечтатель юный,
Расстался с Фебом наконец?

И отчий край, и круг друзей,
 И труд уединенный,
 И все... я там, где стук мечей,
 Где ужасы военные, —

то юный мечтатель в стихотворении Пушкина прямо возражает этому:

Пускай, ударя в звучный щит
 И с видом дерзновенным,
 Мне слава издали грозит
 Перстом окровавленным,
 И бранны вьются знамена,
 И пышет бой кровавый —
 Прелестна сердцу тишина;
 Нейду, нейду за славой.

Это говорит о наметившемся уже в 1815 г. стремлении Пушкина к творческой самостоятельности и начавшихся поисках собственного пути в поэзии, что отчетливо сказалось и на отношении Пушкина в это время к поэзии Батюшкова.

В первом послании «К Батюшкову» (1814)⁶³ Пушкин, удивительно тонко передавая самый характер поэтики Батюшкова:

Уже с венком из роз душистых,
 Меж кудрей вьющихся, златых,
 Под тенью тополов ветвистых
 В кругу красавиц молодых...

вместе с тем достаточно критически относился к автору «Моих пенатов»:

Почто на арфе золотострунной
 Умолкнул радости певец? —

и даже позволял себе советы:

Но, упоен любовью страстной
 И нежных муз не забывай;
 Любви нет боле счастья в мире:
 Люби — и пой ее на лире.

Все это непосредственно вело к образу Батюшкова, каким он представлен в «Тени Фон-Визина» (1815):⁶⁴

В приятной неге, на постеле
 Певец Пенатов молодой
 С венчанной розами главой,
 Едва прикрытый одеялом
 С прелестной Лилою дремал

⁶³ Впервые напечатано в «Российском музее» (1815, № 1).

⁶⁴ При жизни Пушкина не печаталось.

И подрумяненный фиалом
В забвеньи сладостном шептал...⁶⁵

Из всего этого Пушкин в 1815 г. делает следующий вывод, вложенный в уста Фонвизина:

«Когда Хвостов трудиться станет,
А Батюшков спокойно спать,
Наш гений долго не восстанет,
И дело не пойдет на лад».⁶⁶

Стремление к творческой самостоятельности и поиски собственного пути в поэзии дают себя чувствовать в лирике Пушкина все сильнее и сильнее. В послании «Князю А. М. Горчакову» (1814)⁶⁷ традиционной лире, как символу «высокой» поэзии, Пушкин противопоставляет свое «гусиное перо»:

Я петь пустого не умею
Высоко, тонко и хитро,
И в лиру превращать не смею
Мое — гусиное перо!

В послании «Батюшкову» (1815)⁶⁸ соответственно появляется «дудка», подаренная веселым богом, а традиционной поэтической формуле — «петь» — противопоставляется нарочито подчеркнутое, просторечное «дудить»:

Веселый сын Эрмия
Ребенка полюбил,
В дни резвости златые
Мне дудку подарил.
Знакомясь с нею рано,
Дудил я непрестанно;
Нескладно хоть играл,
Но Музам не скупал.

Тенденция снижения «высокости» поэтической традиции сказалась и в «Пирующих студентах» (1814)⁶⁹ — стихотворении, в кото-

⁶⁵ Ср. в «Моих Пенатах» Батюшкова:

Все с утром оживает,
А Лила почивает
На ложе из цветов.

Покойся, друг прелестной,
В объятиях моих!..

⁶⁶ Строка из басни Крылова «Квартет».

⁶⁷ При жизни Пушкина не печаталось

⁶⁸ Впервые напечатано в «Российском музее» (1815, № 6).

⁶⁹ При жизни Пушкина не печаталось.

ром так ярко дала себя знать особая державинская «вещность», настойчиво напоминая о себе в пору самого сильного пушкинского увлечения поэзией Жуковского и Батюшкова.

Самое замечательное в «Пирующих студентах» — это появляющееся умение рисовать образы живых людей. В этом отношении замечательна строфа о Дельвиге, для характеристики которого Пушкин нашел слова и черты, свойственные только ему одному.

Иной тон имеет строфа о первом пушкинском друге — Пущине, для которого отыскиваются слова особенной теплоты и задушевности.

Говоря о Малиновском, Пушкин находит слова и выражения, характерные для гусарского «давыдовского» стиля:

Бутылки, рюмки разобьем
За здравие Платова,
В козачью шапку пунш нальем —
И пить давайте снова!..

Уже в этом раннем стихотворении проявляется пушкинское стремление живописать словами — в строках, посвященных гитаре Корсакова:

Как сладостно в стесненну грудь
Томленье звуков льется!..

и особенно в строках о скрипичной игре Яковлева:

Теперь скрипеть тебе струной
Расстроенной скрипицы?

Конкретные образы и характеристики появляются и в другом стихотворении того же года — «Красавице, которая нюхала табак»: ⁷⁰

Пускай уже седой профессор Геттингена,
На старой кафедре согнувшийся дугой,
Вперив в латинщину глубокой разум свой,
Раскашлявшись, табак толченый
Пихает в длинный нос иссохшею рукой!..

Если эти достаточно яркие образы и носят еще несколько книжный характер и отдают устоявшейся традицией в изображении характеров (старый профессор, забубенный пьяница — драгун, старая красавица), то некоторые образы стихотворения «Городок» (1815) ⁷¹ поражают своей жизненной правдивостью и кажутся прямо выхваченными из жизни.

⁷⁰ При жизни Пушкина не печаталось.

⁷¹ Впервые напечатано в «Российском музее» (1915, № 7).

Таков образ измученного непрерывными службами в страстную неделю дьячка:

Не ведал я покоя,
Увы! ни на часок,
Как будто у налоя
В великий четверток
Измученный дьячок.

Или образ отставного майора:

Вечернею пирушкой
Старик, развеселясь,
За дедовскою кружкой
В прошедшем углубясь,
С очаковской медалью
На раненой груди,
Вспомнит ту баталью,
Где роты впереди
Летел на встречу славы
Но встретился с ядром...

несомненно, опирающийся на предшествующую литературную традицию.⁷²

Начиная примерно с этого времени, темы и мотивы, привносившиеся в пушкинскую лирику книжной традицией, постепенно количественно снижаются, тогда как темы, выраставшие из жизни, количественно увеличиваются.

В этом отношении необходимо отметить несколько ранних пушкинских стихотворений, носящих несомненный налет народности, хотя еще и несколько наивной. Это в первую очередь знаменитый «Романс» (1814).⁷³

⁷² Ср.: Державин — «Философы, пьяный и трезвый»:

Гонялся я за звучной славой,
Встречал я смело ядры лбом...

Ср. также: Батюшков — «Мои Пенаты»:

О старец, убежденный
Годами и трудом,
Трижды уязвленный
На приступе штыком!
Двуструнной балалайкой
Походы прозвени
Про витязя с нагайкой,
Что в жупел и в огни
Летал перед полками,
Как вихорь на полях,
И вокруг его рядами
Враги ложились в прах!

⁷³ Впервые напечатано Б. М. Федоровым в альманахе «Памятник Отчезвенных муз, изданный на 1827 год». Самим Пушкиным впоследствии «Ро-

По силе эмоционального воздействия и своей распространенности «Романс» стоит несравненно выше известного сочинения И. П. Пнина на ту же острую тему: «Вопль невинности, отвергаемой законами» (1802). «Романс» сразу же стал народной песней, потому что то, о чем он рассказывал, правдиво отражало целую сторону жизни крепостного крестьянства. Дворяне лишались по большей части права жениться и выходить замуж по своему выбору. Внебрачные дети были обычным бытовым явлением. В большинстве случаев их ожидала участь, описанная в «Романсе».

В этом еще незрелом и во многом наивном пушкинском стихотворении есть большая искренность:

Дадут покров тебе чужие
И скажут: «Ты для нас чужой!» —
Ты спросишь: «Где ж мои родные?»
И не найдешь семьи родной.

Психологически сложно описано и отношение обесцещенной матери к отцу ребенка:

Быть может, сирота унылый,
Узнаешь, обоймешь отца.
Увы! где он, предатель милый,
Мой незабвенный до конца?

Чтобы понять возможность обрисованной Пушкиным сложной психологической ситуации, уместно вспомнить строки из главы «Медное» «Путешествия из Петербурга в Москву» Радищева, где описывается продажа с публичного торга крепостных крестьян: «...молодица 18 лет, дочь ея и внучка стариков. Зверь лютый, чудовище, изверг! Посмотри на нее, посмотри на румяные ее ланиты, на слезы ликующиеся из ее прелестных очей... На челе ее скорбь, в глазах отчаяние. Она держит младенца, плачевный плод обмана или насилия, но живой слепок прелюбодейного ее отца. Родив его, позабыла отцово зверство, и сердце начало чувствовать к нему нежность».⁷⁴

Психологически сложна и картина возможной будущей встречи матери и сына:

Но что сказала я?.. быть может,
Винтовую ты встретишь мать —
Твой скорбный взор меня встревожит!
Возможно ль сына не узнать?
Ах, если б рок неумолимый

манс» не перепечатывался. См. сопоставление пушкинского «Романса» со стихотворением Гавр. Каменева «Старик» («Муза», 1796, ч. II) в кн.: В. В. Виноградов. Стиль Пушкина, стр. 143.

⁷⁴ А. Н. Радищев, Полное собрание сочинений, т. I, Изд. Академии наук СССР, М.—Л., 1938, стр. 350.

Мою тронулся мольбой...
 Но, может быть, пройдешь ты мимо —
 Навек рассталась я с тобой.

Последняя строфа монолога матери социально остра, а ее заключительные строки полны нежности:

Ты спишь — позволь себя, несчастный,
 К груди прижать в последний раз.
 Закон неправедный, ужасный
 К страданью присуждает нас.
 Пока лета не отогнали
 Беспечной радости твоей —
 Спи, милый! Горькие печали
 Не тронут детства тихих дней!

Особый характер пушкинского «Романса» виден и из его небывалой распространенности: кроме публикации Б. М. Федорова в 1827 г., он издавался при жизни Пушкина не менее 11 раз с нотами и в различных песенниках.⁷⁵

К небольшому циклу лицейских стихотворений, в которых можно заметить сознательное стремление Пушкина отойти от книжной поэтической фразеологии и приблизиться к народной русской речи, относится и небольшое, любопытное во многих отношениях стихотворение «К Наташе» (1814).⁷⁶

Наряду с традиционными сравнениями и эпитетами (нивы — влажные, ручеек — игривый, лес — кудрявый, озеро — волнистое, липы — душистые, лачужка — дымная, клетка — тесная и пр.) в пушкинском стихотворении имеется и ряд народных эпитетов: лето красно, ясны дни и др., причем глагол «вянет» в отношении лета, сменяющегося осенью, делает весь образ свежим и самобытным:

Вянет, вянет лето красно;
 Улетают ясны дни.

В то же время счастливо найденные и верно передающие народные представления об уходящем лете, эти строки находят продолжение в уже привычных и ставших трафаретными формулах:

Стелется туман ненастный
 Ночи в дремлющей тени;
 Опустели влажны нивы,
 Хладен ручеек игривый;
 Лес кудрявый поседел;
 Свод небесный побледнел.

⁷⁵ См.: Н. Синявский и М. Цявловский. Пушкин в печати 1814—1837, М., 1938.

⁷⁶ При жизни Пушкина не печаталось.

Рифмы в этом стихотворении еще недостаточно четки, но отдельные строки и конец стихотворения:

Скоро, скоро холод зимный
Рошу, поле посетит;
Огонек в лачужке дымной
Скоро ярко заблестит. —

создают впечатление свежести и молодой, непосредственной наивности. Образ Лицея — монастыря, характерный для ранних лицейских стихотворений Пушкина, изменяется на образ клетки:

И, как чижик, в клетке тесной,
Дома буду горевать
И Наташу вспоминать.

К тому же циклу лицейских стихотворений, отличающихся явным, хотя еще незрелым и достаточно наивным стремлением к воспроизведению отдельных элементов народности, должен быть отнесен и «Козак» (1814).⁷⁷ После обычного и достаточно «литературного» начала и описания коня, который, конечно, «верный» и с «долгой гривой», вдруг нечто свежее, неожиданно новое и, несомненно, возникшее на основе детских «захаровских» впечатлений от родной русской природы и русской деревни:

Вот пред ним две, три избышки, —
Выломан забор;
Здесь дорога к деревушке,
Там — в дремучий бор.

Так постепенно еще в самые ранние лицейские годы сквозь толщу всякого рода подражательности и книжности — неизбежных для периода ученичества — пробивается и дает свои первые ростки то неповторимо пушкинское лирическое видение и осмысление мира, которое потом расцветет в безмерно прекрасной, подлинно национальной и ярко самобытной зрелой лирике Пушкина.

V

Наступал 1815 год, год фактического завершения Отечественной войны, победоносного вступления русских войск в Париж и возвращения армий на родину. Очевидец рассказывает: «Толчок, данный умам только что происшедшими событиями, или скорее возбуждение, ими произведенное, были очевидны. Именно с момента возвращения русских армий в свою страну либеральные идеи, как говорили тогда, начали распространяться в России...

⁷⁷ Впервые напечатано Пушкиным в «Российском музее» (1815, № 3).

Это новое настроение умов сказывалось преимущественно в тех местах, где были сосредоточены войска, особенно же в С.-Петербург, деловом центре, включавшем многочисленные гарнизоны из отборных войск...

«... я слышал, как люди, возвращавшиеся в С.-Петербург после нескольких лет отсутствия, выражали свое изумление при виде перемены, происшедшей во всем укладе жизни, в речах и даже поступках молодежи этой столицы: она как будто пробудилась к новой жизни, вдохновляясь всем, что было самого благородного и чистого в нравственной и политической атмосфере. Особенно гвардейские офицеры обращали на себя внимание свободой своих суждений и смелостью, с которой они высказывали их, весьма мало заботясь о том, говорили ли они в публичном месте, или в частной гостиной, слушали ли их сторонники или противники их воззрений».⁷⁸

В этой атмосфере складывались идейные основы будущего движения декабристов. «В 1812—1815 годы, — пишет исследователь декабристского движения, — еще не было декабристской литературы как таковой, не было тогда и декабристского движения как сформировавшегося общественно-политического движения эпохи. Но предекабристские идеи в эти годы уже „носились в воздухе“, и они находили отражение в современной литературе, в прозе и в поэзии».⁷⁹

И такие ранние лицейские стихотворения Пушкина, как «К Лицинию», названный уже «Романс» и некоторые другие, несомненно, лежат в русле формировавшейся в эти годы освободительной идеологии.

Стихотворение «К Лицинию» (1815)⁸⁰ — наиболее яркое проявление свободолобивого духа в ранней лицейской лирике Пушкина. Это вполне оригинальное пушкинское произведение, навеянное отдельными мотивами некоторых сатир Ювенала, воспринятых к тому же в их французских переводах.⁸¹ Самостоятельность Пушкина в применении отдельных сатирических мотивов из древнеримской жизни к русской действительности не исключает некоторого налета ученичества, естественного для пятнадцатилетнего

⁷⁸ Н. И. Тургенев. Россия и русские, т. I. Воспоминания изгнанника, М., 1915, стр. 59 и 61.

⁷⁹ В. Базанов. Очерки декабристской литературы, М., 1953, стр. 4—5.

⁸⁰ Впервые напечатано в «Российском музее» (1815, № 5).

⁸¹ Проф. А. Мален по этому поводу пишет: «Из Ювеналовых же сатир к стихотворению „К Лицинию“ подходит более всего третья», но тут же отмечает, что «так как Пушкин не переводил этой сатиры, а стремился воспроизвести только, так сказать, общий тон ее, то приводить из нее текстурные выдержки в параллель со стихами нашего поэта... излишне» (Пушкин, Полное собрание сочинений, т. I, под ред. С. А. Венгерова, стр. 212).

поэта. Кроме отмеченного выше⁸² сходства интонационной стороны пушкинского стихотворения с «Сокращенным переводом Ювеналовой сатиры о благородстве» И. И. Дмитриева:

А там, в торжественной Эмилий колеснице,
С лавровой ветвью и копием в деснице...⁸³

заметны также незначительные следы воздействия и поэтического стиля Батюшкова, например из его стихотворения «На развалинах замка в Швеции»:

И путник, опершись на камень гробовой...
Ср.: И путник, обратив на груды камней око...
или: Уж дубы в пламени, в сосудах мед сверкает...
Ср.: При дубе пламенном, возженном в камельке...⁸⁴

Имя Глицерии («Пускай Глицерия, красавица младая...») названо Батюшковым в стихотворении «Мечта».⁸⁵

Во всем остальном стихотворение Пушкина вполне самостоятельно. В нем отчетливо стремление к архаизации языка, оправданной подзаголовком, так как считалось, что характер языка древнего Рима более правдоподобно передавать средствами древнеславянской архаики.

Одним из самых важных идеологических мотивов стихотворения является ответ философа Дамета на вопрос: «Дамет! куда, скажи, в одежде столь убогой/Средь Рима пышного бредешь своей дорогой?» —

Куда? не знаю сам. Пустыни я ищу,
Среди разврата жить уж боле не хочу...

Увлеченный примером Дамета, автор обращается к своему другу:

Лициний, добрый друг! не лучше ли и нам,
Отдав поклон мечте, Фортуне, суетам,
Седого стойка примером научиться?
Не лучше ль поскорей со градом распроститься
Где все на откупе: законы, правота,
И жены, и мужья, и честь, и красота?
.....
В деревню пренесем отеческих пенатов;
В тенистой рощице, на берегу морском

⁸² См. стр. 70 настоящей книги.

⁸³ И. И. Дмитриев, Сочинения, ч. I, изд. 5-е, М., 1818, стр. 56.

⁸⁴ Ср.: В. В. Виноградов. Стиль Пушкина, стр. 147.

⁸⁵ К. Батюшков. Опыты в стихах и прозе. Стихи, стр. 116.

Найти нетрудно нам красивый, светлый дом,⁸⁶
 Где, больше не страшась народного волнения,
 Под старость отдохнем в тиши уединенья...

Устойчивый образ уединенного домашнего уюта, появившийся в лицейской лирике Пушкина с 1815 г., носит несомненные черты общественного характера — противопоставления частной, независимой личной жизни условностям и официальности жизни высшего общества:

Я нанял светлый дом
 С диваном, с камельком;
 Три комнатки простые —
 В них злата, бронзы нет,
 И ткани выписные
 Не кроют их паркет.
 («Городок», 1815).

или:

Теперь, когда в покое лень,
 Укрыв меня в пустыню сень,
 Своею цепью чувства вяжет,
 И век мой тих, как ясный день,
 Пустого неги украшенья
 Не видя в хижине моей,
 Смотрю с улыбкой сожаленья
 На пышность бедных богачей...
 («Послание к Юдину», 1815).

Но особенно явственно общественная подоплека образа уединенного домашнего уюта, обеспечивающего личную независимость, проступает именно в стихотворении «К Лицинию»:

И там, расположась в уютном уголке,
 При дубе пламенном, возженном в камельке,
 Воспомнив старину за дедовским фиалом,
 Свой дух воспламеню Петроном, Ювеналом,
 В гремющей сатире порок изображу
 И нравы сих веков потомству обнажу.

В лицейской пушкинской лирике 1815—1816 гг. мотив домашней независимости особенно полно и отчетливо проявился в посланиях.

Этот жанр, излюбленный карамзинистами, приобрел в пушкинское время совсем иное звучание. У карамзинистов послания служили средством дружеского общения чувствительных душ, местом излияний чувствительных сердец. В посланиях к друзьям Пушкина и его круга в период общественного подъема 1810—1820 гг.

⁸⁶ Пример изумительного мастерства последующих поправок Пушкина:

В прохладе древних рощ, на берегу морском
 Найти нетрудно нам укромный, светлый дом.

тема дружества развивалась преимущественно как тема единомыслия и солидарности в оценках целого ряда серьезнейших общественных вопросов.

В первом по времени из посланий этого рода — «Князю А. М. Горчакову» (1814) — Пушкин в соответствии с традициями легкой французской эпикурейской поэзии, явно понятыми в том же ключе, что и мотивы домашней независимости, свободы от навязанных обязательств и пр., стремится создать свой собственный поэтический образ, как образ поэта, легко и свободно владеющего стихом, пишущего без всякого труда дружеские послания, не преследующие никакой иной цели, кроме воспевания дружества, лени, любви и частной независимой жизни.

Другое стихотворение этого же цикла — «Послание к Юдину» (1815)⁸⁷ — написано в качестве ответа на вопрос приятеля о жизненных планах по окончании Лицея. Принимаясь за свой ответ в стихах, Пушкин оговаривает трудность поставленной задачи в связи с множественностью планов в юности, когда в воображении одно мечтание сменяется другим:

Но можно ль резвости поэту,
Невольнику мечты младой,
В картине быстрой и живой,
Изобразить в порядке свету
Все то, что в юности златой
Воображение мне кажет?

Первое, на что поэт обращает внимание друга, — это то, что истинное счастье в жизни совсем не однозначно богатству и знатности. Настоящее и подлинное душевное богатство таково, что перед ним самые богатые богачи кажутся бедными и жалкими:

Смотрю с улыбкой сожаленья
На пышность бедных богачей...

В соответствии с этим Пушкин, как и в стихотворении «К Лицинию», провозглашает скромный идеал независимой частной жизни и переходит к описанию «своего» Захарова — описанию, в котором так непосредственно и наивно переплелись неизжитые еще традиции сентиментального карамзинско-дмитриевского пейзажа:

... с балкона
Могу сойти в веселый сад,
Где вместе Флора и Помона
Цветы с плодами мне дарят.

⁸⁷ При жизни Пушкина не печаталось. П. М. Юдин — лицейский товарищ Пушкина.

Вот здесь под дубом наклоненным,
С Горацием и Лафонтеном
В приятных погружен мечтах...⁸⁸

с первыми еще опытами правдивого и верного изображения пейзажа не дворянской усадьбы вообще, но именно захаровского пейзажа:

... мое селенье,
— Мое Захарово; оно
С заборами в реке волнистой
С мостом и рощею тенистой
Зерцалом вод отражено ..

Изображая предполагаемую в будущем приятную и независимую жизнь в этом уголке, молодой поэт начинает фангазировать и при описании традиционного уклада частной усадьбы дворянской жизни не избегает прямого следования за непревзойденным певцом этого уклада — Державиным:

Но вот уж полдень. — В светлой зале
Весельем круглый стол накрыт;
Хлеб-соль на чистом покрывале,
Дымятся щи, вино в бокале,
И щука в скатерти лежит...

«Послание к Юдину» является одним из примеров того, как уже в середине лицейского периода Пушкин, пробираясь и буквально продираясь сквозь густой лес всевозможных внешних воздействий и традиций (французская эпикурейская поэзия, Державин, Карамзин, Дмитриев, Батюшков и пр.), делает первые шаги на пути формирования своего собственного лирического стиля, обеспечивающего широкие возможности как верного изображения действительности, так и правдивой передачи внутренней жизни поэта.

По всей вероятности, именно этим ощущением пробуждающейся самостоятельности в общих вопросах поэзии и собственного творчества вызвана резкая разница в отношении Пушкина в этот переломный 1815 г. к двум лицейским профессорам — Н. Ф. Кошанскому и А. И. Галичу, нашедшая яркое выражение в почти одновременных пушкинских посланиях к тому и другому. Оба профессора сыграли значительную роль в выявлении и развитии поэти-

⁸⁸ Ср.: «Сажусь под тению вяза, растущего против самых окон моих; читаю Ла-Фонтена, Грессета. — Книга из рук моих выпадает, и тонкая дремота на несколько минут покрывает глаза мои флером. : услужливый садовник приносит мне корзинку с благоуханною малиною... Как приятны, освежительны сии сочные плоды щедрой Нагуры!» (Н. М. Карамзин, Сочинения, т. 3, изд. А. Смирдина, СПб., 1848, стр. 462).

ческого дара Пушкина в самые ранние его лицейские годы. С именем Кошанского связан первый лицейский поэтический триумф Пушкина еще в самом начале его школьной жизни, когда, окончив лекцию раньше срока, профессор предложил «пробовать перья», т. е. попробовать свои силы в стихосложении.⁸⁹ А. И. Галич был инициатором выступления Пушкина с «Воспоминаниями в Царском Селе» на лицейском экзамене 1815 г. В своем дневнике (17 марта 1834 г.) Пушкин вспомнил об этом важном эпизоде своей поэтической жизни в связи со случайной встречей с бывшим лицейским наставником: «Вчера было совещание литературное у Греча об издании русского Conversations . . . Тут я встретил доброго⁹⁰ Галича и очень ему обрадовался. Он был некогда моим профессором и ободрял меня на поприще, мною избранном. Он заставил меня написать для экзамена 1814 года⁹¹ мои *Воспоминания в Ц. царском Селе*» (XII, 321—322).

Н. Ф. Кошанский был серьезным ученым. По его «Реторике» получили первоначальные сведения о классической литературе несколько поколений учащейся молодежи того времени. По его хрестоматии «Цветы греческой поэзии» лицеисты, да и не только лицеисты, знакомились с основными образцами греческой поэзии. Однако в годы острого размежевания литературно-общественных сил и начавшейся борьбы между «классиками» и «романтиками» приверженность Кошанского традициям классицизма определила и место его в этой борьбе, и соответствующее отношение к нему со стороны учеников, не разделявших верности учителя заветам классицизма и приветствовавших новые веяния в русской литературе. Все это, несомненно, давало себя знать в классах Кошанского. В этом отношении заслуживает особого внимания сообщение лицейского товарища Пушкина С. Д. Комовского о том, что, «замета необыкновенную и преимущественную склонность Пушкина к поэзии», Кошанский «употребил все средства», чтобы ознакомить его «как можно лучше с теориею языка отечественного и с классическою словесностию древних»,⁹² т. е. воспитать замеченный им ранее кого-либо другого из лицейских профессоров поэтический дар мальчика в духе своих литературных воззрений, что, конечно, встречало сопротивление со стороны самого молодого поэта.

⁸⁹ См. стр. 94 настоящей книги.

⁹⁰ Устойчивый у Пушкина эпитет к имени Галича. Ср. в «Пирующих студентах»: «Мой добрый Галич, vale!» (1814).

⁹¹ В действительности экзамен, на котором выступал Пушкин, состоялся 8 января 1815 г.

⁹² Пушкин в воспоминаниях современников, стр. 41.

Всем этим и объясняется полемический тон послания Пушкина «Моему Аристарху» (1815),⁹³ адресованное Кошанскому:

Помилуй, трезвый Аристарх,
 Моих бахических посланий,
 Не осуждай моих мечтаний
 И чувства в ветренных стихах:
 Плоды веселого досуга.
 Не для бессмертья рождены,
 Но разве так сбережены
 Для самого себя, для друга,
 Или для Хлон молодой.

И в пылу полемики — в полном противоречии с своим собственным, чрезвычайно серьезным уже в то время отношением к литературному труду, но зато в полном соответствии с модной поэтической традицией — Пушкин рисует несомненно выдуманную картину своего творческого процесса:

Уж утра яркое светило
 Поля и рощи озарило;
 Давно пропели петухи;
 В полглаза дремля — и зевая,
 Шапеля в песнях призывая,
 Пишу короткие стихи,
 Среди приятного забвенья
 Склоняюсь в подушку головой,
 И в простоте, без украшенья,
 Мои слагаю извиненья
 Немного сонною рукой...

Назвав Анакреона, Шолье, Парни «врагами труда, забот, печали», Пушкин в довершение всего вызываяще демонстративно объявляет себя их наследником:

И я — неопытный поэт —
 Небрежный ваших рифм наследник,
 За вами крадуся вослед...
 А ты, мой скучный проповедник,
 Умерь ученый вкуса гнев!
 Поди, кричи, брани другого
 И брось ленивца молодого,
 Об нем тихонько пожалев.

Было бы, однако, непростительной ошибкой принимать эту вызывающую браваду слишком прямолинейно и буквально, представляя себе молодого поэта в качестве «врага труда», начисто и решительно отгораживающегося от всяких жизненных забот и печалей во имя ленивой беспечности и любовных наслаждений. Утверждать

⁹³ При жизни Пушкина не печаталось.

это — значило бы не понимать той идейной атмосферы, в которой развивался юноша Пушкин, полностью игнорировать особенности языка и фразеологии того времени и того круга, в котором враждался Пушкин.

Точно так же как появляющийся именно в это время в пушкинской лирике образ домашнего уюта, так и понятие «лени», эпитеты «ленивый», «небрежный» носят несомненный общественный характер. Самый образ «ленивца молодого», человека независимого, не связанного никакими внешними светскими и служебными обязанностями, имеющего право и возможность «лениться», располагать собой и своим временем как заблагорассудится, становится символом частной, свободной, независимой ни от кого жизни.

В таком осмыслении слово «лень», эпитет «ленивый» и образ «ленивца» широко бытуют в ранней пушкинской лирике:

Философом ленивым,
От шума вдалеке,
Живу я в городке,
Безвестностью счастливым.

.
Никто, никто ему
Лениться одному
В постеле не мешает;
Захочет — Аонид
Толпу к себе сзывает.
(«Городок», 1815).

Здесь розовой денницы
Не видя никогда,
Ленясь под одеялом,
С Гибурским мудрецом
Мы часто за бокалом
Проснемся — и заснем.
(«Послание к Галичу», 1815).

Здесь Пушкин погребен; он с музой молодою,
С любовью, ленью провел веселый век...
(«Моя эпитафия», 1815).

Под сенью лени неизвестной
Так нежился певец прелестный,
Когда Вер-Вера воспевал...
.
О вы, любезные певцы,
Сыны беспечности ленивой,
Давно вам отданы венцы
От музы праздности счастливой...
(«Моему Аристарху», 1815).

В непосредственной связи с особым смысловым наполнением слова «лень» употребляется Пушкиным и слово «мак», также часто встречающееся в его ранней лирике в соединении со словом «лень» как символ или синоним ленивого полузабытья:

И в час безмолвной ночи,
 Когда ленивый мак
 Покроет томны очи,
 На ветреных крылах
 Примчись в мой домик тесный...

(«Городок», 1815).

На маках лени, в тихой час,
 Он сладко засыпает...

Так в зимний вечер сладкой сон
 Приходит в мирны сени,
 Венчанный маком, и склонен
 На посох томной лени...

(«Мечтатель», 1815).

Друзья! вам сердце оставляю
 И память прошлых красных дней,
 Окованных счастливой ленью
 На ложе маков и лилей.

(«Мое завещание. Друзьям». 1815).

Именно в таком значении эпитеты «ленивый» и «ленивец», характеризующие свободомыслящего человека, не связанного никакими внешними светскими и официальными условностями и имеющего возможность располагать собой и своим временем, как ему заблагорассудится, приданы Пушкиным образу антипода Кошанского (по своему духовному облику), другому лицейскому профессору — А. И. Галичу в двух посланиях к нему того же 1815 г.:

О Галич, Галич! поспешай!
 Тебя зовут и сон ленивый,
 И друг ни скромный, ни спесивый,
 И кубок полный через край.

(«К Галичу»).⁹⁴

Где ты, ленивец мой?
 Любовник наслажденья!
 Ужель уединенья
 Не мил тебе покой?

(«Послание к Галичу»).⁹⁵

⁹⁴ Напечатано в «Российском музее» (1815, № 8) под заглавием «К Г...у» и с подписью «1... 14—17».

⁹⁵ Напечатано в «Российском музее» (1815, № 10—11) под заглавием «Послание к Г...у» и с подписью «1... 16—14».

Характерное для ранней пушкинской лирики утверждение идеала частной независимой жизни, где можно свободно располагать собой, своими мыслями и своим временем, и связанное с этим противопоставление «придворного философа», который «вельможе знатному с поклоном подносит оду в двести строф» («Князю А. М. Горчакову», 1814), и «поэта с кадильницей наемной» («Сон», 1816) свободному, свободолюбивому и дорожающему своей независимостью поэту, стихи которого «не для бессмертья рождены, но разве так сбережены для самого себя, для друга» («Моему Аристарху», 1815), проведено и в первом послании к Галичу:

Пускай угрюмый рифмовтор,
 Повитый маком и крапивой,
 Холодных од творец ретивый,
 На скучный лад сплетая вздор,
 Зовет обедать генерала, —
 О Галич, верный друг бокала
 И жирных утренних пиров,
 Тебя зову, мудрец ленивый,
 В приют поэзии счастливый,
 Под отдаленный неги кров.

С. А. Венгеров недоумевает: «Что общего между вдумчивым, талантливым философом (А. И. Галичем) и тем кутилой-поэтом, портрет которого дан в посланиях (Пушкина к нему)». ⁹⁶ Однако именно подобным приданием образу Галича некоторых интимно-домашних черт, притом с подчеркнуто дружеской их акцентировкой («мудрец ленивый», «верный друг бокала», «любовник наслаждений», «минутный домосед» и даже самое страшное — «парнасский бродяга»), Пушкин и создает в обоих посланиях образ доброжелательного, общительного, широкого душой, веселого и независимого человека — мыслителя и философа, утверждающего радость жизни, противопоставляемый образу «трезвого Аристарха», «цензора угрюмого», «моего гонителя», «скучного проповедника» в послании того же года, адресованном Н. Ф. Кошанскому и не увидевшем свет по понятным причинам.

Отмеченные особенности обоих посланий к Галичу С. А. Венгеров объясняет «сгущением красок и вообще отвлечением от реальной действительности». ⁹⁷ Обосновывая этот тезис, С. А. Венгеров спрашивает: «Почему скромный Галич завертелся в „вихре света“, каким образом он затесался в „мудрецы придворные?“», ⁹⁸ что, конечно, никоим образом не соответствовало реальным фактам био-

⁹⁶ Пушкин, Полное собрание сочинений, т. I, под ред. С. А. Венгерова, стр. 246.

⁹⁷ Там же, стр. 248.

⁹⁸ Там же.

9 Б. П. Городецкий

графии Галича. Недоуменные вопросы С. А. Венгерова объясняются просто неправильным прочтением им текста пушкинского послания к Галичу. На самом деле происходит как раз обратное. В традициях свободной дружеской беседы, в привычном жанре посланий Пушкин делает ряд предположений о возможном времяпрепровождении Галича в столице и сам же отвечает на них отрицательно, давая в конце образ подлинного Галича. Сначала ставится вопрос:

Скажи — среди столицы
Чем занят ты, мой друг?

И далее идет ряд предположений:

Ужель приют поэта
Теперь средь вихря света,
Вдали родных полей
И ближних, и друзей?
Или, мудрец придворный,
С улыбкою притворной
Пред лентою цветной
Поникнув головой,
С вертушкой слепой
Знакомиться желаешь?
Иль Креза за столом
В куплете заказном
Трусливо величаешь?..

Однако все эти шуточные предположения Пушкин сам же решительно отвергает:

Нет, добрый Галич мой!
Поклоны ты не сроден.
Друг мудрости прямой
Правдив и благороден;
Он любит тишину;
Судьбе своей послушный,
На барскую казну
Взирает равнодушно,
Рублям откупщика
Смеясь веселым часом,
Не снимет колпака
Философ пред Мидасом.
Пускай не дружит он
С Фортуною коварной,
Но Вакхом награжден
Философ благодарный... .

Что же касается якобы «отвлечения от реальной действительности», то С. А. Венгеров не учитывает здесь особой специфики реализма в лирике, особого характера претворения жизни в поэзии.

В самом деле, если рассказать простыми и точными словами, о чем Пушкин пишет Галичу в этом своем послании, ничего не прибавляя и ничего не убавляя, то получится примерно следующее. Пушкин приглашает своего лицейского профессора, постоянно живущего в Петербурге, оставить на время свои дела и заботы, сесть в экипаж и ехать в Царское Село к лицейскому эконому Золотареву, где ждут его молодые друзья, его бывшие ученики и т. д.

В поэтическом преображении вся эта совершенно реальная ситуация выглядит следующим образом:

В тебе трудиться нет охоты,
Садись на тройку злых коней,
Оставь Петрополь и заботы,
Лети в счастливый городок.
Зайди к жиду Золотареву,
В его, всем общий, уголок;
Мы там, собравшись в кружок,
Прольем вина струю багрову,
И с громом двери на замок
Запрет веселье молодое...

Когда ж, вином отягощённый,
С главой, в колени преклоненной,
Захочешь в мире отдохнуть
И, опускаясь в подушку,
Дабы спокойнее заснуть,
Уронишь налитую кружку
На старый бархатный диван, —
Тогда послания, куплеты,
Баллады, басенки, сонеты
Покинут скромный наш карман,
И крепко сон ленива будет!..

Что же получается? Отнюдь не теряя связи с реальной действительностью, лицейская обстановка приобретает совершенно особую окраску: Лицей, а вместе с ним и скромный уголок эконома Золотарева превращаются в «отдаленный неги кров», куда из реального Петербурга, а в этом ракурсе — Петрополя, Галич приглашается не просто ехать, а «лететь» «на тройке злых⁹⁹ коней». В этом «приюте поэзии счастливой» царят «веселье молодое» и поэтическое вдохновение.

Таков опозитивированный мир, создаваемый Пушкиным из совершенно реальных фактов, которые то и дело пробиваются и дают себя знать сквозь эту обобщенную оболочку. Так, становится очевидным, что лицеисты время от времени устраивали подобные пирушки с участием своего профессора в отдаленном помещении эконо-

⁹⁹ Замечателен этот реалистический, обнаруживающий связь с народным сказочным и песенным творчеством эпитет.

нома. Мелькают детали реальной обстановки — «старый бархатный диван» с подушками и пр.

В полном соответствии с действительностью Пушкин сетует на то, что уже давно не было подобных пирушек и лицеисты давно не встречались с Галичем в такой непринужденной обстановке:

Бегут за днями дни
 Без дружеских собраний;
 Веселых пирований
 Веселые сыны
 С тобой разлучены.

Все это вполне соответствовало тому периоду, когда Галич, временно заменявший Кошанского, перестал с июня 1815 г. регулярно бывать в Лицее, и лицеисты, успевшие привыкнуть к нему, стали сноситься с ним лишь письмами и посланиями:

Ужели мне с тобой
 Лишь помощью бумаги
 Минуты провозждать...?

Раскрывается обстановка написания данного послания — у себя в комнате, вечером, лежа на постели, как это любил Пушкин:

Один в камерке тесной,
 Вечерней тишиной
 Хочу, мудрец любезный,
 Беседовать с тобой.

 Морфея в ожиданьи,
 В постели я лежу
 И беглое посланье
 Без строгого старанья
 Предателю пишу.

Интересен в этом послании образ «веселья молодого»:

И с громом двери на замок
 Запрет веселье молодое.

Этот образ, конкретизирующий отвлеченное понятие душевного состояния человека, вообще свойствен пушкинской лирике раннего периода:

Пускай веселье прибежит,
 Махая резвою гремушкой.

 На тихой праздник погребенья
 Я вас обязан пригласить;
 Веселость, друг уединенья,
 Билеты будет разносить...
 («Мое завещание. Друзьям», 1815).

И вот уже, при свете фонарей,
 На бешеной четверке лошадей,
 Стуча, гремя колесами златыми,
 Катится Спесь под окнами моими.
 Я дремлю вновь, вновь улица дрожит —
 На скучный бал *Рассеянье* летит...

И в поздний час ужасный бледный *Страх*
 Не хмурится угрюмо в головах.

(«Сон», 1816).

Я люблю вечерний пир,
 Где *Веселье* председатель...

(«Веселый пир», 1819).

Ты там на шумных вечерах
 Увидишь важное *Безделье*.
Жеманство в тонких кружевах
 И *Глупость* в золотых очках.
 И тяжелой *Знатности* веселье,
 И *Скуку* с картами в руках...

(«Всеволожскому», 1819).

По всей вероятности, это отзвуки уже уходящего в прошлое классицизма, с его олицетворением качеств и свойств человека и принципом построения характера, исходя из одной его черты.

VI

Если немногие стихотворения 1813 г. сохраняют еще характерные черты поэтического детства Пушкина, то лирика 1814 г. и особенно 1815-го отражает расцвет поэтического отрочества Пушкина, а 1816 г. является первым годом блистательных свершений пушкинской поэтической юности.

В этом отношении 1815 г. является в полном смысле слова переломным. Достаточно сравнить основные настроенность и тональность пушкинской лирики этого года с настроенностью и тональностью лирики следующего, 1816 г., чтобы убедиться в этом.

Для лирики 1815 г. характерны такие строки:

Веселье! будь до гроба
 Сопутник верный наш,
 И пусть умрем мы оба
 При стуке полных чаш!

(«К Пущину»).

Нам жизни дни златые
 Не страшно расточать.
 Поделится с забавой

Мы веком остальным,
С волшебницею-славой
И с Вакхом молодым.

(«Послание к Галичу»).

Утверждение радостей и любви не как мучения и страдания, но как украшения жизни — таков, пользуясь термином Белинского, основной «пафос» пушкинской лирики 1815 г. Все это вполне соответствовало тому идеалу поэта — певца легких наслаждений, какой безусловно казался самому Пушкину в это время наиболее близким и его характеру, и цели жизни вообще, и особенностям его поэтического дара.

Достаточно, однако, сопоставить все это с основной тональностью пушкинской лирики 1816 г., чтобы стали очевидными те изменения, какие имели место в творчестве Пушкина при переходе от 1815 к 1816 г. Последний характеризуется такими стихотворениями, как «Осеннее утро» («Поднялся шум; свирелью полевой...»), «Разлука» («Когда пробил последний счастьем час...»), «Элегия» («Счастлив, кто в страсти сам себе...»), «Певец» («Слыхали ль вы за рошей глас ночной...»), «Любовь одна — веселье жизни хладной...», «Элегия» («Я видел смерть; она в молчаньи села...»), «Желание» («Медлительно влекутся дни мои...»), «Друзьям» («К чему, веселые друзья...»), «Элегия» («Я думал, что любовь погасла навсегда...») и другие.

Эта элегическая настроенность начинает понемногу и исподволь давать себя знать уже с конца 1815 г. В этом отношении достаточно назвать такое стихотворение этого года, как «К ней» («Эльвина, милый друг, приди, подай мне руку...»),¹⁰⁰ — едва ли не самое первое стихотворение так называемого «бакунинского» цикла. В нем впервые появляется та пушкинская формула разлуки:

Скажи — увижу ли... на долгую ль разлуку
Я роком осужден? —

которая в 1817 г. будет положена Дельвигом в основу его прощальной лицейской песни:

...На долгую разлуку
Нас тайный рок, быть может, осудил.

Эта поэтическая формула разлуки с незначительными вариациями еще несколько раз появится в лицейской лирике Пушкина этого времени, например:

Я говорил: «Не вечная разлука
Все радости уносит ныне вдаль...»

(«Разлука», 1816).

¹⁰⁰ Напечатано в «Северном наблюдателе» (1817, ч. I, № 11).

В основе этого элегического цикла лежало увлечение Пушкина сестрой своего лицейского товарища — Е. П. Бакуниной. Об этом сам Пушкин вспоминал в отброшенных строфах «Евгения Онегина» (VI, 620):

В те дни... в те дни, когда впервые
Заметил я черты живые
Прелестной девы, и любовь
Младую взволновала кровь,
И я, тоскуя безнадежно,
Томясь обманом пылких снов,
Везде искал ее следов,
Об ней задумывался нежно,
Весь день минутной встречи ждал
И счастье тайных мук узнал...

В этом позднейшем описании все точно, все находит свое подтверждение в пушкинской лицейской лирике.

О тоске и томлении «обманом пылких снов» говорится в стихотворении «Разлука» (1816):

Блеснет ли день за синюю горою,
Взойдет ли ночь с осеннею луною —
Я все тебя, прелестный друг, ищу;
Засну ли я, лишь о тебе мечтаю, —
Одну тебя в неверном вижу сне...:

О поисках следов любимой после ее отъезда осенью из Царского Села в столицу говорится в стихотворении того же года «Осеннее утро»:

Уж нет ее... я был у берегов,
Где милая ходила в вечер ясный;
На берегу, на зелени лугов
Я не нашел чуть видимых следов,
Оставленных ногой ее прекрасной.

Наконец, прямым соответствием со строками «Евгения Онегина» —

Весь день минутной встречи ждал
И счастье тайных мук узнал —

звучит запись в лицейском дневнике Пушкина, где собственное чувство характерно передается как своими стихами, так и стихами Жуковского:

«29 <ноября>. —

Итак я счастлив был, итак я наслаждался,
Отрадой тихою, восторгом упивался...
И где веселья быстрый день?
Промчался летом сновиденья,
Увяла прелесть наслажденья,
И снова вокруг меня угрюмой скуки тень!..¹⁰¹

¹⁰¹ При жизни Пушкина не печаталось.

Я счастлив был! . . . нет я вчера не был счастлив; поутру я мучился ожиданьем, с неописанным волнением стоя под окошком, смотрел на снежную дорогу — ее не видно было! — наконец я потерял надежду, вдруг нечаянно, встречаюсь с нею на лестнице, сладкая минута! . . .

Он пел любовь — но был печален глас.
Увы! он знал любви одну лишь муку! —

Жуковский.¹⁰²

«Как она мила была! как черное платье пристало к милой Бакунинной!»

«Но я не видел ее 18 часов — ах! какое положенье, какая мука. — — —»

«Но я был счастлив 5 минут — —» (XII, 297).

Чем ближе Пушкин будет подходить к 1816 г., тем все сильнее будут звучать элегические ноты в его лирике, та ее элегическая окрашенность, с какой он и выйдет из Лицея и какую впоследствии, исчерпав до конца, сам же и осудит в своей «Вольности»:

Приди, сорви с меня венок,
Разбей изнеженную лиру. . .

Так выявляются отдельные этапы ранней лирики Пушкина, когда он, исчерпав одни возможности поэтического творчества, свойственные данному периоду его развития, переходил к другим и, в свою очередь, исчерпав их, переходил к третьим. «Вакхический» пафос воспевания радостей и наслаждений жизни, окрашивавший пушкинскую лирику 1815 г., сменяется элегическими настроениями 1816 и первой половины 1817 г., а это сменяется свободолюбивой устремленностью 1817—1819 гг.

Весь 1816 год в пушкинской лирике окрашен одним элегическим настроением. За единичными исключениями, вся наиболее значительная лирика этого года представляет собой единый цикл, посвященный трудной и мучительной любви, раскрывающий — от элегии к элегии — всю историю развивающегося чувства.

Элегия «Осеннее утро»¹⁰³ посвящена переживаниям, связанным с отъездом любимой:

Задумчиво бродя в глуши лесов,
Произносил я имя несравненной,
Я звал ее — и глас уединенный
Пустых долин позвал ее вдали.

¹⁰² Цитата из стихотворения Жуковского «Певец».

¹⁰³ При жизни Пушкина не напечаталась.

Позднее, по-видимому в конце 1818 г., перерабатывая элегию, Пушкин изменил последние четыре строки следующим образом:

Задумчиво бродя в глуши лесов,
Произносил я имя незабвенной,
Я звал ее — лишь глас уединенный
Пустых долин [откликнулся] вдали.

Поправка художественно очень тонкая: она усиливает настроение утраты и безнадежности. Смысл первоначальной редакции: поэт звал любимую, и вместе с ним позвало ее и эхо. Смысл окончательной редакции: поэт позвал любимую, но ответа не было, откликнулось одно лишь эхо. Внесенная смысловая поправка усиливала и звуковую сторону стиха, еще более обогащая его музыкальность и уже созданный звукообраз:

... лишь глас уединенный
Пустых долин откликнулся вдали.

Может быть, впервые с такой определенностью и художественной целенаправленностью в раннем творчестве Пушкина сделана попытка установить в этой элегии соответствие между пейзажем и настроением всего стихотворения. Путь к этому в пушкинской лицейской лирике был достаточно сложен.

Пейзаж присутствовал в лирике Пушкина и в предшествующие годы, но настоящего понимания его функции у Пушкина еще не было. Несмотря на отдельные меткие наблюдения и верно схваченные детали, пейзажные зарисовки в ранней лицейской пушкинской лирике носили еще всецело традиционный характер и строились по принципу соответствия тому или иному стилю. Так возникает пейзаж в «народном» стиле в стихотворении «К Наташе» (1814):

Вянет, вянет лето красно;
Улетают ясны дни;
Стелется туман ненастный
Ночи в дремлющей тени;
Опустели элачны нивы,
Хладен ручеек игривый;
Лес кудрявый поседел;
Свод небесный побледнел...

Или «одический» пейзаж, соответствующий торжественному стилю, принятому в «Воспоминаниях в Царском Селе»:

Навис покров угрюмой ночи
На своде дремлющих небес;
В безмолвной тишине почил дол и рощи,
В седом тумане дальний лес;
Чуть слышится ручей, бегущий в сень дубравы,

Чуть дышет ветерок, уснувший на листьях,
И тихая луна, как лебедь величавый,
Плывет в серебристых облаках.

Или «кантатный» пейзаж, соответствующий жеманным стилизациям Ж.-Б. Руссо и его подражателей:

Средь темной рощицы, под тенью лип душистых,
В высоком тростнике, где чистым жемчугом
Вздучалась пена вод серебристых,
Колелясь тихим ветерком,
Покров красавицы стыдливой,
Небрежно кинутый, у берега лежал,
И предести ее поток волной игривой
С весельем орошал.

(«Леда», 1814).

Или «анакреонтический» пейзаж:

Все в таинственном молчаньи,
Холм оделся темнотою,
Ходит в облачном сияньи
Полумесц молодой.
Темных миртов занавеса
Наклонилась к водам;
В их сени, у входа леса,
Чью гробницу вижу там?

(«Гроб Анакреона». 1815).

Или сентиментальный пейзаж во вкусе Карамзина—Дмитриева:

Окошки в сад веселый,
Где липы престарелы
С черемухой цветут;
Где мне в часы полдневны
Березок своды темны
Прохладну сень дают;
Где ландыш белоснежный
Сплелся с фиалкой нежной,
И быстрый ручеек,
В струях неся цветок,
Невидимый для взора,
Лепечет у забора.

(«Городок», 1815).

Или элегический пейзаж в духе Жуковского:

По небу крадется луна,
На холме тьма седает,
На воды пала тишина.
С долины ветер вест,
Молчит певича вешних дней

В пустыне темной рощи,
Стада почили средь полей,
И тих полет полнощи.

(«Мечтатель», 1815).

Или балладный пейзаж в его же стиле:

Последним сияньем за лесом горя,
Вечерняя тихо потухла заря,
Безмолвна долина глухая;
В тумане пустынным клубится река,
Ленивой грядой идут облака,
Меж ими луна золотая.

(«Сраженный рыцарь», 1815).

Однако и в этих мало самостоятельных попытках пейзажных зарисовок нет-нет и мелькнут отдельные проблески уже чисто пушкинской смелости, чисто пушкинского видения мира:

Луна за тучами, и в море спит заря.

(«Остар», 1814).

Или образ носящейся над морем тишины:

Над мрачной Эльбою носилась тишина.¹⁰⁴

(«Наполеон на Эльбе», 1815).

Ярко и самобытно описание вечера в «Городке» (1815):

Когда же на закате
Последний луч зари
Потонет в ярком злате,
И светлые цари
Смеркающейся ночи¹⁰⁵
Плывут по небесам,
И тихо дремлют рощи,
И шорох по лесам...

Начиная с 1815 г. усиливаются попытки воспроизведения в пейзажных зарисовках конкретной действительности. Таково воспроизведение реального захаровского пейзажа в «Послании к Юдину» (1815):

Мне видится мое селенье,
Мое Захарово; оно
С заборами в реке волнистой
С мостом и рощею тенистой

¹⁰⁴ Ср.: «Там... задыхалась тишина» (А. Блок — «Нет имени тебе, мой дальний...»).

¹⁰⁵ Замечательно, что Пушкин здесь употребил именно слово «ночи», а не архаическое «нощи», которое явно напрашивалось как рифма к строке «И тихо дремлют рощи» (ср. рифмовку в стихотворении того же года «Мечтатель»).

Зерцалом вод отражено.
 На холме домик мой; с балкона
 Могу сойти в веселый сад,

Правда, тут же поэтический голос молодого Пушкина срывается на типично сентиментальный карамзинско-дмитриевский пейзажный стиль:

Где вместе Флора и Помона
 Цветы с плодами мне дарят.

 Туда зарею поспешаю
 С смиренным заступом в руках,
 В дугах тропинку извиваю,
 Тюльпан и розу поливаю —
 И счастлив в утренних трудах. . .

Особенно заметна эволюция мастерства пейзажных зарисовок Пушкина в 1816 г. Таково чудесное описание летнего утра в стихотворении «Сон» (1816):

Друзья мои, как утро здесь прекрасно!
 В тиши полей, сквозь тайну сень дубрав,
 Как юный день сияет гордо, ясно!
 Светлеет все; друг друга перегнав,
 Журчат ручьи, блестят брега безмолвны;
 Еще роса над свежей муравой;
 Златых озер недвижно дремлют волны. . .

Или в том же стихотворении изумительное по своей живописности изображение зимнего вечера, когда в наступающем сумраке перестает быть видимой привычная береза за окном:

Случалось ли ненастной вам порой
 Дня зимнего, при позднем, тихом свете,
 Сидеть одним, без свечки в кабинете:
 Все тихо вокруг; березы больше нет;
 Час-от-часу темнеет окон свет;
 На потолке какой-то призрак бродит;
 Бледнеет уголь, и синеватый дым,
 Как легкий пар, в трубу вьясь уходит. . .

Возвращаясь к стихотворению «Осеннее утро», следует еще раз отметить сознательное стремление Пушкина подчинить пейзаж настроению стихотворения:

Уж осени холодной рукою
 Главы берез и лип обнажены,
 Она шумит в дубравах опустелых;
 Там день и ночь кружится желтый лист,
 Стоит туман на волнах охладелых,
 И слышится мгновенный ветра свист.

Характерной чертой этой зарисовки является совмещение новых и свежих образов:

Там день и ночь кружится желтый лист. —

со старыми, традиционными и ставшими уже привычными штампами образами, как:

Стоит туман на волнах охладелых.

При переработке стихотворения в 1818 г. Пушкин заметил это и «охладелые волны» заменил «пожелтелыми нивами» с соответствующим изменением эпитета «желтый» на «мертвый» в предшествующей строке:

Там день и ночь кружится мертвый лист,
Стоит туман на нивах пожелтелых...

Аналогичный по настроению пейзаж мы находим и в другом стихотворении на ту же тему осенней разлуки — «Любовь одна — веселье жизни холодной...».

Этому же отъезду любимой посвящена и элегия «Разлука»: ¹⁰⁶

Когда пробил последний счастью час,
Когда в слезах над бездной я проснулся,
И, трепетный, уже в последний раз
К руке твоей устами прикоснулся...

При последующей правке Пушкин уничтожил во второй строке сомнительное и не характерное для него «над бездной я проснулся», несомненно навеянное поэтикой Жуковского, и вся строфа приобрела следующий вид:

Когда пробил последний счастью час,
Когда в слезах с тобой я расставался
И, трепетный, уже в последний раз
К руке твоей устами прикасался...

В 1825 г., подготавливая свой первый сборник, Пушкин радикально переделал стихотворение, сократив его с 40 до 18 строк и сделав попытку придать ему более общий характер путем исключения всего слишком личного («Да! помню всё; я сердцем ужаснулся...») и напоминающего Лицей («Уныние, губительная скука Пустынника приют не посетят...»). В новой редакции элегия получила и новое заглавие — «Уныние». Но и в такой редакции она не была напечатана Пушкиным.

В лицейской лирике последних лет вместе с темой легкой смерти среди наслаждений, несомненно являвшейся данью поэти-

¹⁰⁶ При жизни Пушкина не печаталась.

ческой моде, заметное звучание приобретает мотив угасания творческого дара. Было ли это вначале реальным мимолетным ощущением Пушкина, всегда ревниво и с повышенным вниманием относившегося к своему поэтическому гению, или это являлось данью поэзии Батюшкова,¹⁰⁷ но этот мотив приглушенно начинает звучать уже в элегии «Любовь одна — веселье жизни холодной...» (1816):

Прервется ли души холодный сон,
Поэзии зажжется ль упоенье, —
Родится жар, и тихо стынет он:
Бесплодное проходит вдохновенье.

К чему мне петь? под кленом полевым
Оставил я пустынному зефиру
Уж навсегда покинутую лиру,
И слабый дар как легкий скрылся дым.

в элегии «Я думал, что любовь погасла навсегда...» (1816):

Весельем позванный в толпу друзей моих,
Хотел на прежний лад настроить резву лиру,
Хотел еще воспеть прелестниц молодых,
Веселье, Вакха и Дельфиру.
Напрасно!.. я молчал; усталая рука
Лежала, томная, на лире непослушной...

в элегии «Опять я ваш, о юные друзья...» (1817):

Чтоб удалить угрюмые страданья,
Напрасно вы несете лиру мне;
Минувших дней погаснули мечтанья,
И умер глас в бесчувственной струне.

Тема угасания поэтического дара прозвучала с новой силой в написанном на Кавказе эпилоге к «Руслану и Людмиле» (1820):

Душа, как прежде, каждый час
Полна томительною думой —
Но огонь поэзии погас.
Ищу напрасно впечатлений:
Она прошла, пора стихов,
Пора любви, веселых снов,
Пора сердечных вдохновений!
Восторгов краткий день протек —
И скрылась от меня навек
Богиня тихих песнопений...

¹⁰⁷ Ср.:

Я чувствую, мой дар в Поэзии погас,
И Муза пламенник небесный потушила...

(К. Батюшков. Опыты в стихах и прозе. Стихи, стр. 30).

и даже в 1825 г., когда Пушкин писал Н. Н. Раевскому-сыну: «Чувствую, что духовные силы мои достигли полного развития, я могу творить» (XIII, 198, 542), при переработке своего лицейского послания 1817 г. он сохранил этот, видимо, характерный для 1817 г. мотив:

Но где же вы, минуты упоенья,
Неизъяснимый сердца жар,
Одушевленный труд и слезы вдохновенья! —
Как дым исчез мой легкой дар.

Переживания Пушкина в этих лицейских элегиях были, конечно, глубоко искренними, но для выражения их он, как и многие другие поэты того времени, часто пользовался привычной фразеологией, доставшейся в наследство в готовых поэтических формулах от карамзинистов, Жуковского и Батюшкова. Так, замечательное стихотворение «Желание» (1816)¹⁰⁸ заканчивается строкой:

Пускай умру, но пусть умру любя! —

зайствованной, по-видимому, бессознательно из стихотворения Н. М. Карамзина «Отставка»:

И ты с восторгом мне внимала;
Рукою... на песке писала:
Люблю-люблю — умру любя!¹⁰⁹

Стихи же, подобные строкам из элегии «Опять я ваш, о юные друзья!» (1817):¹¹⁰

Опали вы, листья вчерашней розы!
Не дождав до месячных лучей.
Умчались вы, дни радости моей!
Умчались вы — невольню льются слезы,
И вяну я на темном утре дней. —

вероятно имел в виду сам Пушкин, когда в предисловии к изданной в 1825 г. первой главе «Евгения Онегина» писал: «Станут осуждать... также некоторые строфы, писанные в утомительном роде новейших элегий, в коих *чувство уныния поглотило все прочее*» (VI, 638) — и когда в том романе (глава II, строфа X) характеризовал стихи Ленского:

Он пел разлуку и печаль,
И нечто, и туманну даль.

¹⁰⁸ Напечатано в альманахе Б. М. Федорова «Памятник Отечественных муз на 1817 год» и более при жизни Пушкина не перепечатывалось.

¹⁰⁹ Н. М. Карамзин, Сочинения, т. 1, стр. 68. В. В. Виноградов напоминает о существовании и других возможных источников этой формулы (см.: Стиль Пушкина, стр. 393).

¹¹⁰ При жизни Пушкина не печаталась.

И романтические розы. . .
Он пел поблеклый жизни цвет,
Без малого в осьмнадцать лет.

Свидетельством известного перелома в этом отношении может, по-видимому, служить послание «К Шишкову»,¹¹¹ написанное предположительно в конце 1816 г. В этом послании останавливает внимание автохарактеристика цикла любовных стихотворений 1815—1816 гг., посвященных Е. П. Бакуниной:

И даже, — каюсь я, — пустынный согрешил, —
Я первой пел любви невинное начало,
Но так таинственно, с таким разбором слов,
С такою скромностью стыдливой,
Что, не краснея боязливо,
Меня бы выслушал и девственный К(озлов).

Это, по-видимому, начало наметившегося отхода от элегической линии в пушкинской лицейской лирике. Действительно, уже следующее, традиционно печатающееся вслед за посланием «К Шишкову» стихотворение характерно своим названием — «Пробуждение»: ¹¹²

Мечты, мечты,
Где ваша сладость?
Где ты, где ты,
Ночная радость?

Эти начальные строки Пушкин впоследствии воспроизвел в добродушно-ироническом контексте «Евгения Онегина» (гл. VI, строфа XLIV):

Мечты, мечты! где ваша сладость?
Где, вечная к ней рифма, младость?
Ужель и вправду наконец
Увял, увял ее венец?

Игнорировать естественную эволюцию Пушкина в эти годы — значит совершать большую ошибку и обречать себя на ненаучность и бесплодность выводов. В 1816 г. в Лицее даже в условиях дружеского общения с гусарскими офицерами, будущими членами тайного общества, Пушкин был еще не таким, каким он стал во вторую половину 1817 г., побывав в Михайловском. В лицейские годы Пушкин, несмотря на то, что он уже был автором «Романса» (1814), еще не так остро, как впоследствии, оценивал положение

¹¹¹ В лицейской редакции стихотворение напечатано Пушкиным не было. После значительной переработки в 1817—1819 и в 1825 гг. стихотворение под заглавием «Ш. . .ву» было напечатано в сборнике стихотворений Пушкина 1826 г. Александр Ардалионович Шишков (1799—1832), племянник А. С. Шишкова и поэт, служил в то время в гренадерском полку.

¹¹² Впервые напечатано в «Северном наблюдателе» (1817, ч. II).

крепостного крестьянства и жизнь крепостной деревни. Последняя еще воспринималась, по-видимому, как необходимое дополнение к дворянской усадьбе. И это понятно, так как Пушкин никогда еще после детских идеалических впечатлений от подмосковного Захарова не был до окончания Лицея в настоящей деревне. Поэтому не случайно, что в своем отрывке «Сон» (1816)¹¹³ Пушкин воспроизводил деревенскую жизнь совсем не в духе будущей «Деревни» (1817), вернее, в духе вступления или первой части ее («Приветству тебя, пустынный уголок. . .»):

В деревне все к томленью клонит сна.
О сладкой сон, ничем не возмущенный!
Один петух, зарею пробужденный,
Свой резкий крик подымет, может быть;
Опасен он — он может разбудить.
Итак, пускай, в сералах удаленны,
Султаны кур гордятся заключенны
Иль поселян сзывают на поля:
Мы спать хотим, любезные друзья.

Но соприкоснувшись по окончании Лицея с реальной деревней, Пушкин принужден был внести существенную поправку в свое прежнее представление о ней:

Но мысль ужасная здесь душу омрачает. . .

до такой степени реальная действительность окажется непохожей на картину, нарисованную им в цитированных строках.

VII

Последние два года, проведенные в Лицее, поразительны по стремительному росту художественного мастерства Пушкина, расширению его кругозора, последовательно сказывающемуся на углублении содержания его лирики, приобретающей все более самостоятельный, самобытный и новаторский характер.

Пушкин постепенно освобождается от воздействия посторонних поэтических систем, влияния привычной поэтической фразеологии. Появляющаяся в его лирике конкретность поэтического мышления уже в эти годы становится залогом последующих достижений его зрелой лирики.

Каждое слово, каждый эпитет, каждое сравнение становятся глубоко обоснованными их действительной, а не умозрительной сущностью. Показательно в этом отношении толкование Г. А. Гу-

¹¹³ При жизни Пушкина не печаталось.

ковским следующих строк из элегии «Опять я ваш, о юные друзья!» (1817):¹¹⁴

Уж я не тот... невидимой стезей —
Ушла пора веселости беспечной,
Ушла навек, и жизни скоротечной
Луч утренний бледнеет надо мной.

Г. А. Гуковский пишет: «... бледнеет никак не в смысле цветового или даже светового определения, а в смысле определения состояния души, воспринимающей луч солнечный (для меня самый свет солнца бледен), а луч солнца, значит, тоже не объективный факт света, исходящего от небесного тела, а ассоциативный комплекс, что-то вроде символа жизни, радости бытия, природы и т. под.»¹¹⁵

Г. А. Гуковский в данном случае неправ. Пушкинская простая метафора основана на сопоставлении перехода от юности к зрелости и от розового утра — к светлому и белому дню (ср. в «Евгении Онегине»: «Так, полдень мой настал...»). В основе этой метафоры лежит совершенно конкретное цветовое и световое впечатление от розового утреннего луча, бледнеющего в белом свете дня. Ср. аналогичные строки Пушкина в незаконченном отрывке «Один, один остался я...» (1822):

Померкла молодость моя
С ее неверными дарами.
Так свечи, в долгу ночь горев
Для резвых юношей и дев,
В конце безумных пирований
Бледнеют пред лучами дня. —

или в «Вакхической песне» (1825):

Как эта лампада бледнеет
Пред ясным восходом зари...

В этом отношении уместно вспомнить спор между Пушкиным и Вяземским в 1825 г. по поводу стихотворения Вяземского «Водопад», посланного им Пушкину для замечаний. Свои суждения о стихотворении Вяземского Пушкин основывал на представлении о реальном водопаде. Имея в виду две заключительные строфы стихотворения:

Ворвавшись в сей предел спокойный
Один свирепствуешь в глуши,
Как средь пустыни вихорь знойный,
Как страсть в святилище души!

¹¹⁴ При жизни Пушкина не печаталась.

¹¹⁵ Г. А. Гуковский. Очерки по истории русского реализма, ч. 1. Пушкин и русские романтики. Саратов, 1946, стр. 99.

Как ты, внезапно разгорится,
 Как ты, растет она в борьбе,
 Терзает лоно, где родится,
 И поглощается в себе. —

Пушкин писал Вяземскому: «Вот видишь ли? Ты сказал об водопаде *огненном* метафорически, т. е. *блистающий, как огонь*, а здесь уж переносишь к жару страстей сей самый водопадный пламень (выражаюсь как нельзя хуже, но ты понимаешь меня)» (XIII, 210). Замечательно само затруднение Пушкина в формулировке своих мыслей. С конкретностью своего поэтического мышления он все стихотворение понял как стихотворение о реальном водопаде, в то время как Вяземский образ этого водопада наполнил аллегорическим содержанием. «Вбей себе в голову, — отвечал он Пушкину, — что этот весь водопад не что иное, как человек, взбитый внезапною страстию» (XIII, 223).

На это Пушкин отвечал, вскрывая неточность образа водопада в стихотворении и с полным основанием объясняя эту неточность не реалистическим, а метафизическим характером этого образа: «Ты признаешься, что в своем водопаде ты более писал о страстном человеке, чем о воде. Отселе и неточность некоторых выражений» (XIII, 226).

Эта конкретность поэтического мышления становится определяющим моментом пушкинского лирического стиля. Предельно выразительны строки в послании «К молодой вдове» (1817):¹¹⁶

Почему, когда вкушаю
 Быстрый обморок любви,
 Иногда я замечаю
 Слезы тайные твои?

«Быстрый обморок любви» — здесь такая же конкретность, как и строки из послания к Жуковскому 1818 г., характеризующие чисто физиологическое ощущение поэтического вдохновения:

И быстрый холод вдохновенья
 Власы подымлет на челе...¹¹⁷

Изумительно ярко и конкретно описание любовного нетерпения в «Письме к Лиде» (1817):¹¹⁸

По скорой поступи моей,
 По сладострастному молчанью,

¹¹⁶ При жизни Пушкина не печаталось.

¹¹⁷ Ср. в стихотворении «В начале жизни школу помню я...» (1830):

Пред ними сам себя я забывал;
 В груди младое сердце билось — холод
 Бежал по мне и кудри подымал...

¹¹⁸ При жизни Пушкина не печаталось.

По смелым, трепетным рукам,
 По воспаленному дыханью
 И жарким, ласковым устам
 Узнай любовника — настали
 Восторги, радости мои!..

Строка о «жарких, ласковых устах» поразительна по своей смелости и экспрессивности, и, конечно, ни Жуковский, ни даже Батюшков не могли бы сказать ничего подобного.

В эти лицейские годы Пушкин делает первые опыты лирического воспроизведения очень сложных и противоречивых чувств и душевных движений:

... мне слезы утешенье;
 Моя душа, плененная тоской,
 В них горькое находит наслажденье.
 Мне дорого любви моей мученье.

(«Желание», 1816).

Горькое наслажденье и мученье, которое становится дорогим для души, — это начало пути, по которому Пушкин в своей зрелой лирике придет к таким свершениям, как:

... Ужель не можно мне,
 Любуясь девою в печальном сладострастье,
 Глазами следовать за ней и в тишине
 Благословлять ее на радость и на счастье...

(«К***», 1832).

или:

Грустен и весел вхожу, ваятель, в твою мастерскую.

(«Художнику», 1836).

Понемногу Пушкин освобождается и от пиетета классической мифологии, какой он отдал неизбежную дань в первые лицейские годы. К 1816 г. становятся возможными строки:

... беспечный сын Парнаса
 В ночной тиши я с рифмою не бьюсь,
 Не вижу ввек ни Феба, ни Пегаса,
 Ни старый двор каких-то старых муз.

(«Сон», 1816).

непосредственно подготовляющие аналогичную картину «Домика в Коломне» (1830):

... Порос крапивою Парнас;
 В отставке Феб живет, а хороводец
 Старушек муз уж не прельщает нас.

Но особенно большим и плодотворным поэтическим достижением Пушкина этих лет является прочно осознанный им и последовательно проводимый в лирике принцип обобщения своих индивидуальных переживаний, возведения частного к общему, понимание того, что подлинное произведение искусства состоит не в точном копировании мгновенных и глубоко личных чувств и душевных движений, но в их обобщении, типизации, посредством чего эти индивидуальные чувства и переживания становятся близкими и понятными для самых широких кругов. В этом отношении пушкинская лирика последних лицейских лет подвергается особенно большой правке и сокращениям в целях удаления из нее всего слишком личного, минутного, преходящего, непонятного для других, которым неизвестен конкретный факт, вызвавший то или иное душевное движение, положенное в основу данного стихотворения.

Примером этому может служить стихотворение «К сну». В связи с особенным характером последующей его переработки приводим первоначальный текст этого стихотворения полностью.

Знакомец милый и старинный,
О сон, хранитель добрый мой!
Где ты? Под кровлею пустынной
Мне ложе стелет уж покой
В безмолвной тишине ночной.
Приди, задуй мою лампаду,
Мои мечты благослови,
До утра только дай отраду
Моей мучительной любви.
Сокрой от памяти унылой
Разлуки грустный приговор,
Пускай увижу милый взор,
Пускай услышу голос милый.
Когда ж умчится ночи мгла,
И ты мои покинешь очи,—
О, если бы душа могла
Забуть любовь до новой ночи.

В такой редакции стихотворение напечатано не было. Позднее Пушкин радикально переделал его. Сокращением всего текста на 5 строк, перестановкой оставшихся и незначительной поправкой в 8-й строке Пушкин добился предельной выразительности:

Морфей, до утра дай отраду
Моей мучительной любви.
Приди, задуй мою лампаду,
Мои мечты благослови!
Сокрой от памяти унылой
Разлуки страшный приговор!
Пускай увижу милый взор,
Пускай услышу голос милый.
Когда ж умчится ночи мгла.

И ты мой покинешь очи,
 О, если бы душа могла
 Забыть любовь до новой ночи!

В такой редакции под заглавием «К Морфею» это стихотворение было опубликовано в «Полярной звезде» на 1824 год и больше Пушкиным не перепечатывалось.

Такой же радикальной позднейшей переработке, в результате которой длинное лицейское стихотворение в 32 строки, будучи последовательно сокращено сначала до 16, а в окончательной редакции до 8 строк, превратилось в один из шедевров пушкинской лирики вообще, подверглось и стихотворение «Друзьям» (1816). В полной первоначальной редакции стихотворение до нас не дошло, но сохранилось отброшенное начало в 16 строк:

Среди беседы вашей шумной
 Один уныл и мрачен я . . .
 На пир раздольный и безумный
 Не призывайте вы меня.
 Любил и я когда-то с вами
 Под звон бокалов пировать
 И гармонически стихами
 Пиров веселье воспевать.
 Но пролетел миг упоений, —
 Я радость светлую забыл,
 Меня печали мрачный гений
 Крылами черными покрыл . . .
 Не кличьте ж вы меня с собою
 Под звон бокалов пировать:
 Я не хочу своей тоскою
 Веселье ваше отравлять.

По-видимому, тогда же Пушкин переработал стихотворение, в результате чего были оставлены только 16 строк, являющиеся, как можно думать, продолжением отброшенного начала:

К чему, веселые друзья,
 Мое тревожить вам молчанье?
 Запев последнее прощанье,
 Уж Муза смолкнула моя:
 Напрасно лиру брал я в руки
 Бряцать веселье на пирах
 И на ослабленных струнах
 Искал потерянные звуки . . .
 Богами вам еще даны
 Златые дни, златые ночи,
 И на любовь устремлены
 Огнем исполненные очи;
 Играйте, пойте, о друзья,
 Утрайте вечер скоротечный;
 И вашей радости беспечной
 Сквозь слезы улыбнуса я.

В Михайловском в 1825 г. Пушкин сократил стихотворение еще наполовину и в таком виде напечатал его в «Стихотворениях Александра Пушкина» (1826):

Богами вам еще даны
Златые дни, златые ночи,
И томных дев устремлены
На вас внимательные очи.
Играйте, пойте, о друзья!
Утраťте вечер скоротечный;
И вашей радости беспечной
Сквозь слезы улыбнуса я.

VIII

Читая в наши дни лицейские стихотворения Пушкина, необходимо все время учитывать, что некоторые из них и самим автором, и его современниками воспринимались совсем по-иному, чем нами, в ином ключе, и что ключ этот для многих слов, выражений, а то и целых стихотворений для нас уже почти утрачен.

Вот, например, коротенькое и на первый взгляд как будто бы совсем простое и понятное стихотворение 1815 г. «Роза»: ¹¹⁹

Где наша роза?
Друзья мои!
Увяла роза,
Дитя зари!..
Не говори:
Вот жизни младость,
Не повтори:
Так вянет радость,
В душе скажи:
Прости! жалею...
И на лилею
Нам укажи.

Вероятно, в 1817 г. Пушкин внес в 6—9-ю строки следующие изменения:

Вот жизни радость,
Не говори:
Так вянет младость,
Цветку скажи...

По-видимому, в 1819 г. Пушкин внес в стихотворение еще некоторые поправки и в такой окончательной редакции напечатал его в сборнике 1826 г.:

Где наша роза,
Друзья мои?
Увяла роза,

¹¹⁹ В первоначальной редакции напечатано не было.

Дитя зари.
 Не говори:
 Так вянет младость!
 Не говори:
 Вот жизни радости!
 Цветку скажи:
 Прости, жалею!
 И на лилею
 Нам укажи.

Все в этом стихотворении как будто бы понятно. Однако комментировавший его в 1907 г. В. Я. Брюсов принужден был «сознаться, что мысль поэта не совсем ясна, и остается неизвестным, в каком смысле противопоставляет он розу — лилии».¹²⁰

Трудности возникают и помимо этого. В стихотворении говорится не о розе вообще, но об увядшей розе. В высшей степени интересно не отмеченное еще обстоятельство, что образ не цветущей, а именно увядшей розы проходит через всю лирику Пушкина, в подавляющем большинстве случаев, когда он говорит о розах, он имеет в виду увядшие розы. Вот несколько примеров из многих.

В стихотворении «Stances» (1814):

Et plus de fleurs, et plus de rose
 L'aimable fille des amours
 Tombe fanée, à peine éclosée;
 Il a fui, le temps des beaux jours!¹²¹

В «Фавне и пастушке» (1814—1816):

О Лида! вянут розы
 Минутная любви...

В элегии «Опять я ваш, о юные друзья!..» (1817):

Опали вы, листья вчерашней розы!
 Не доцвели до месячных лучей.

В «Стансах. (Из Вольтера)» (1817):

Я ей принес увядши розы
 Отрадных юношества дней...

¹²⁰ Пушкин, Полное собрание сочинений, т. I, под ред. С. А. Венгерова, стр. 290.

¹²¹ Перевод:

И нет более цветов, и нет более розы!
 Любезная дочь любви,
 Завянув, падает, едва расцветшая;
 Миновала пора ясных дней!

В стихотворении «Там у леска, за ближнею долиной (1819):

Глядит Эдвин — [под ивою], где с милой
Прощался он, стоит святой чернец,
Поставлен крест над новою могилой,
И на кресте завялых роз венец.

В стихотворении «Платоническая любовь» (1819):

Амур ужели не заглянет
В неосвященный свой приют?
Твоя краса, как роза, вянет;
Минуты юности бегут.

В незавершенном наброске 1825 г.:

Лишь розы увядают,
Амврозией дыша,
[В Эл<изий>] улетает
Их [легкая] душа.

В «Отрывке» (1830):

Не розу Пафосскую,
Росой оживленную,
Я ныне пою;
Не розу Феосскую,
Вином окропленную,
Стихами хвалю;
Но розу счастливую,
На персях увядшую
[Элизы] моей...

Читатели нашего времени воспринимают все эти строки об увядших и отцветающих розах без каких-либо специальных ассоциативных представлений. Между тем современникам Пушкина эти же строки говорили о многом, что уже давно забыто, но было широко известно в то время. Утраченный ныне ключ к пушкинскому пониманию образа увядшей розы состоит, как в свое время указал Ю. Г. Оксман, ссылаясь на специальные исследования в этой области,¹²² в том, что «в греческой антологии роза является символом не только „любви и плодородия“, но и скоропреходящих радостей, непрочности всего земного, а у римских поэтов получает даже эпитет „brevis“».¹²³ Учитывая широкое распространение в литературе, в частной и общественной жизни того времени всякого рода

¹²² Ср.: Ch. Joret. La rose dans l'antiquité et au moyen âge. Paris, 1892; Е. Г. Кагаров. Роза в религии и поэзии античной Греции. Одесса, 1912, стр. 11—12.

¹²³ Юлиан Оксман. Сюжеты Пушкина. (Отрывочные замечания). Пушкинист, IV. М.—Пгр., 1922, стр. 24—27.

мифологических применений, сравнений и уподоблений, можно представить себе широкую известность среди читателей тех лет и подобного рода античной символики цветов.

Что же касается малопонятного для нашего времени смысла противопоставления образа розы, символа «непрочности всего земного и скоропреходящих радостей», образу лилии, то, по мнению Ю. Г. Оксмана, смысл этого противопоставления не только и не столько в том, что лилия всегда считалась эмблемой невинности и чистоты, сколько в воспринятом молодым Пушкиным через «Письма русского путешественника» Карамзина гердеровском толковании образа лилии как символа вечности жизни, вечного круговорота материи в мире, когда одцветающее и отмирающее дает начало расцветающему и нарождающемуся, утверждая тем самым, что «нет смерти в творении; или смерть есть не что иное, как удаление того, что не может быть долее» и т. д.¹²⁴

«Неожиданный философический смысл, смело сообщенный Гердером эмблематическому значению лилии, — пишет Ю. Г. Оксман, — в этом крайне индивидуальном толковании ее и был воспринят в 1815 году молодым поэтом».¹²⁵

Приводя это правдоподобное предположение Ю. Г. Оксмана, необходимо отметить, что эмблематическое значение лилии, символа вечной в своей возобновляемости красоты и расцвета жизни, могло войти в сознание Пушкина и из других источников, помимо Карамзина и Гердера, так оно было распространено в то время.¹²⁶

Так это или не так, но приведенные опыты толкования только одного частного случая пушкинской лицейской лирики — противопоставления розы лилии — лишней раз свидетельствуют о многозначности целого ряда пушкинских слов и выражений, многозначности, которая дошла до нашего времени далеко не в полном своем объеме, оставляя место всякого рода догадкам и предположениям.

Имело место, по-видимому, в поэтическом сознании Пушкина и утраченное ныне особое смысловое наполнение эпитета «седой», чрезвычайно распространенного в лицейской лирике Пушкина:

Иль седым Опекуном
Легкой, миленькой Розины.
(«К Наталье», 1813).

¹²⁴ Н. М. Карамзин, Сочинения, т. 2, стр. 141.

¹²⁵ Юлиан Оксман. Сюжеты Пушкина. (Отрывочные замечания), стр. 27.

¹²⁶ Ср., например, несомненно известное Пушкину по урокам закона божия в Лицее широко популярное место из Евангелия от Луки: «Посмотрите на лилии, как они растут: не трудятся, ни прядут; но говорю вам, что и Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них» (Евангелие от Луки, гл. 12, § 27. Библия, изд. 5-е, СПб., 1900, стр. 1307).

Священник пожилой и с кудрями седыми.
(«К другу стихотворцу», 1814).

Склонясь седым челом над воющим потоком...
(«Осгар», 1814).

Иль моську престарелу,
В подушках поседелу...
(«К сестре», 1814).

Лес кудрявый поседел.
(«К Наташе», 1814).

В седом тумане дальний лес.
(«Воспоминания в Царском Селе», 1814).

Пускай уже седой профессор Геттингена.
(«Красавице, которая нюхала табак», 1814).

Поэт в поэтах первый,
Ты здесь, седой шалун!
(«Городок», 1815).

Лициний, добрый друг! не лучше ли и нам...
Седого стойка примером научиться?
(«К Лицинию», 1815).

Уже на западе седой, одетый мглою,
С равниной синих вод сливался небосклон.
(«Наполеон на Эльбе», 1815).

Простерлась тишина над бездною седою.
(«Наполеон на Эльбе», 1815).

Дай бог, чтоб я, с друзьями
Встречая сотый май,
Покрытый сединами,
Сказал тебе стихами:
Вот кубок; наливай!
(«К Пушкину», 1815).

На холме тьма седеет.
(«Мечтатель», 1815).

Слетим к певцу под сединою
На час послушать старика.
(«Тень Фоя-Визина», 1815).

И черны кудри поседеют,
И старость выщиплет усы.

(«Усы», 1816).

На долгих ужинах веселых,
В кругу гусаров поседелых...

(«Усы», 1816).

Смотрите: Клит, в подушках поседелый...

(«Сон», 1816).

В вечерний час над озером седым
В тоске, слезах, нередко я стенаю...

(«Любовь одна — веселье жизни холодной», 1816).

Я вижу: хмурится Зенон,
И вся его седая свита.

(«Послание Лиде», 1816).

По существу, с осмыслением звучащих в творчестве Пушкина этих обертонов эпохи во многом связана и вся сложнейшая проблема индивидуального литературного языка и стиля Пушкина в их соотношениях со временем и средой.

Таково, например, существенно «ужас» (и производные от него), чрезвычайно часто встречающееся у Пушкина и являющееся несомненным следствием укрепившегося с детских лет восприятия общераспространенных в той среде оценок отдельных сторон якобинской диктатуры.

Слово «ужас» — точный перевод французского слова «terreur», которым почти всегда определяли отношение со стороны консервативного дворянства к неприемлемым для них событиям французской революции.

Такое употребление слова «ужас» было характерным, например, для Карамзина.¹²⁷ Укрепившееся в памяти Пушкина с детских лет, это слово прочно заняло свое место и в его лирике, вплоть до последних лет жизни:

Дай бог, чтоб грозной непогоды
Вблизи ты ужас не видал.

(«К Н. Г. Ломоносову», 1814).

¹²⁷ Ср.: «Париж ныне не то, что он был... Ужасы Революции выгнали из Парижа самых богатейших жителей» (Н. М. Карамзин, Сочинения, т. 2, стр. 455—456). Или: «Наконец мир в Европе. Исчезли ужасы десятилетней войны, которая потрясла основание многих Держав, и, разрушая, угрожала еще большими разрушениями; которая, не ограничиваясь Европою, разливала пламя свое и на все другие части мира, и которая будет славна в летописях под страшным именем войны революционной» (Н. М. Карамзин, Сочинения, т. 1, стр. 525).

И вскоре новый век узрел
И брани новые и ужасы военные.
(«Воспоминания в Царском Селе», 1814).

Ты ужас мира, стыд природы,
Упрек ты богу на земле...
(«Вольность», 1817).

И льдистый ужас полуночи...
(«Наполеон», 1821).

И мрачным ужасом сменные забавы...
(«В вальможе», 1830).

IX

Лицейская лирика Пушкина, если следить за ее развитием год за годом, представляет собой неповторимую картину бурного и изумительно цельного в своем внутреннем единстве роста молодого поэта и в идейном, и в художественном отношениях. Порой этот процесс роста протекал с такой интенсивностью,¹²⁸ что при создании тех или иных стихотворений, естественных именно для этого времени и невозможных по своему характеру для более поздних лет, под пером Пушкина возникали образы, сравнения, сочетания слов, которые по своей глубине и зрелости представляются более естественными для более позднего периода творчества. Пользуясь понятиями нашего времени, можно было бы сказать, что Пушкин в таких случаях работал «в счет последующих годов». В этом смысле пушкинская лицейская лирика, в большинстве своих произведений не опубликованная при его жизни, являлась до некоторой степени своеобразным складом всякого рода поэтических заготовок, время от времени используемых Пушкиным (в ряде случаев бессознательно и по памяти) в своих последующих произведениях.

Приведем лишь несколько примеров, характеризующих связь лицейской лирики Пушкина с его последующим творчеством именно в этом отношении.

¹²⁸ П. В. Анненков, основываясь на рассказах лицейских товарищей Пушкина, пишет, что «к концу лицейского поприща он (Пушкин, — Б. Г.) предается вполне миру фантазии, как говорит один из его соучеников, почти непрерывно задумываясь и сочиняя в классах, в играх, на прогулках... Он даже во сне видел стихи и сам рассказывал, что ему приснилось раз двестише:»

Пускай Глицерия, красавица младая, ..
«Равно всем общая, как чаша круговая»...»

(П. В. Анненков. А. С. Пушкин. Материалы для его биографии и оценки произведений, изд. 2-е. СПб., 1873, стр. 35).

Строки «Эвлеги» (1814):

Что ж медлит он свершить мои надежды?
Для милого я сбросила одежды! —

дадут материал для строфы «Руслана и Людмилы» (1817):

Свершились милые надежды,
Любви готовятся дары;
Падут ревнивые одежды
На цареградские ковры.

Строки «Осгара» (1814):

Покрытый ранами, здесь пал на груди тел.
Он пал — еще рука меча кругом искала,
И крепкий сон веков на сильного слетел. —

в другом контексте будут повторены через год в стихотворении
«На возвращение государя императора из Парижа в 1815 году»
(1815):

Почто, сжимая меч младенческой рукою,
Покрытый ранами, не пал я пред тобою
И славы под крылом наутре не почил?

Строка «Послания к Юдину» (1815):

Мой конь в ряды врагов орлом
Несется с грозным седоком. —

с незначительным изменением будет повторена в «Полтаве» (1828):

И мчится в прахе боевом,
Гордясь могущим седоком.

Строки того же послания:

И все языком, сердцу внятным,
О нежной страсти говорит. —

несомненно, навеянные державинским «Лебедем»,¹²⁹ повторяются
в стихотворении «Друзьям» (1828):

Я смело чувства выражаю,
Языком сердца говорю...

129

Покажут перстом, — и рекут:
«Вот тот летит, что, строя лиру,
Языком сердца говорил...»

(Державин. Сочинения, ч. II, стр. 316).

Строка стихотворения «Моему Аристарху» (1815):

И засветив свою лампаду...

повторится в другом контексте в «Борисе Годунове» (1825):

Засветит он, как я, свою лампаду...

Строки стихотворения «Окно» (1816):

Она с волнением глядела
На темный под холмами путь. —

подготавливают проникновенные строки в стихотворении «Няне» (1826):

Глядишь в забытые ворота
На черный отдаленный путь.

Строки послания «К Дельвигу» (1817):

В младенчестве моем я чувствовать умел,
Всё жизнью вокруг меня дышало,
Всё резвый ум обворожало. —

соответственно подготавливают строки стихотворения «Муза» (1821):

В младенчестве моем она меня любила...

и «Разговора книгопродавца с поэтом» (1824):

Всё волновало нежный ум:
Цветущий луг, луны блистанье,
В часовне ветхой бури шум,
Старушки чудное преданье.

Строки элегии «Любовь одна — веселье жизни хладной» (1816):

Стократ блажен, кто в юности прелестной
Сей быстрый миг поймает на-лету;
Кто к радостям и неге неизвестной
Стыдливую преклонит красоту! —

были позднее повторены с незначительными изменениями в «Гавриилиаде» (1821):

Когда же мы поймали на лету
Крылатый миг небесных упоений
И к радостям на ложе наслаждений
Стыдливую склонили красоту...

Строки «Руслана и Людмилы», песнь V (1817—1820):

Она мне жизнь, она мне радость!
Она мне возвратила вновь
Мою утраченную младость,
И мир, и чистую любовь. —

несомненно, готовят соответствующие строки стихотворения «К ***» (1825):

И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь...

Особенно показательна работа Пушкина над «Евгением Онегиным», для которого предшествовавшая пушкинская лирика была до некоторой степени своеобразной творческой лабораторией.¹³⁰

Приведем только несколько примеров.

Строка стихотворения «К бар. М. А. Дельвиг» (1815):

Но если только буду жив,
Всевышней благодатью Зевеса...

почти без изменения будет перенесена во II строфу I главы (1823):

Всевышней волею Зевеса
Наследник всех своих родных. —

так же как и строки того же стихотворения:

Я напишу вам, баронесса,
В латинском вкусе мадригал,
Чудесный, вовсе без искусства —
Не много истинных похвал,
Но много истинного чувства...

отразятся в XII строфе IV главы (1824):

Давно умолкнувшие чувства;
Но вас хвалить я не хочу;
Я за нее вам отплачу
Признаьем также без искусства.

Строки пятой песни «Руслана и Людмилы» (1817—1820):

И снится вещий сон герою:
Он видит, будто бы княжна
Над страшной бездны глубиною
Стоит недвижна и бледна...

подготавливают в интонационном отношении строки XI строфы V главы (1826):¹³¹

И снится чудный сон Татьяне.
Ей снится, будто бы она
Идет по снеговой поляне,
Печальной мглой окружена...

¹³⁰ О глубокой внутренней связи замысла «Евгения Онегина» с пушкинской лирикой 1817—1823 гг. см. в III и IV главах настоящей работы.

¹³¹ Впервые отмечено Л. В. Пумпянским.

По существу, в этом использовании ранних заготовок в последующем творчестве и заключается проблема так называемых «пушкинских автореминисценций», не понятая ни Вл. Ходасевичем,¹³² ни другими исследователями, шедшими за ним.

В этом отношении заслуживает самого серьезного внимания свидетельство Кс. А. Полевого, рассказывавшего следующее: «Пушкин... диктовал Соболевскому комические стихи в подражание Виргилию... тут я видел, как богат был Пушкин средствами к составлению стихов: он за несколько строк уже готовил мысль или созвучие и находил прямое выражение, незаменимое другим. И это шутя, между разговором!».¹³³

XI

Первая половина 1817 г., года выпуска из Лицея, характеризуется в пушкинской лирике главным образом циклом прощальных посланий к лицейским товарищам и друзьям. Настроения, вызванные предстоящей разлукой, определили и некоторые параллели в посланиях:

В последний раз, быть может, я с тобой,
Задумчиво внимаю шум дубравный,
Над озером иду рука с рукой.
(«Князю А. М. Горчакову», 1817).¹³⁴

и

В последний раз, в тиши уединенья,
Моим стихам внимают наш Пенат!
(«Кюхельбекеру», 1817).

Основной мотив этих посланий — жизненный путь по окончании Лицея. В послании «Князю А. М. Горчакову» этот мотив развертывается на противопоставлении будущей блестящей судьбы князя своей скромной судьбе:

Мой милый друг, мы входим в новый свет;
Но там удел назначен нам не равный,
И розно наш оставим в жизни след.
Тебе рукой Фортуны своенравной
Указан путь и счастливый, и славный, —
Моя стезя печальна и темна.

Будущее Горчакова Пушкин рисует в радужных красках, в то время как, говоря о собственной судьбе, он оставляет себе лишь два утешения в жизни — свой поэтический дар и счастье друзей.

¹³² В. Ф. Ходасевич. Поэтическое хозяйство Пушкина. Л., 1924.

¹³³ Кс. А. Полевой. Записки. СПб., 1888, стр. 199.

¹³⁴ При жизни Пушкина не печаталось.

В этом — первом по написанию — прощальном послании о будущем своем пути Пушкин говорит еще недостаточно определенно:

Ужель лишь мне не ведашь ясных дней?
Нет! и в слезах сокрыто наслажденье,
И в жизни сей мне будет утешенье:
Мой скромный дар и счастье друзей.

Гораздо определеннее говорит Пушкин об этом в стихотворении «В альбом Илличевскому» (1817):¹³⁵

Ах! ведаешь мой добрый гений,
Что предпочел бы я скорей
Бессмертию души моей
Бессмертие своих творений.

И уже совершенно серьезно о своем будущем поэта, причем поэта в «красном», «якобинском», «колпаке», Пушкин говорит в стихотворении «Товарищам» (1817),¹³⁶ обращенном ко всем своим друзьям по Лицею, дружески и шутливо противопоставляя свой путь поэта чиновничьей и военной карьере некоторых своих товарищей.

Наиболее замечательным из всего этого цикла является послание «Кюхельбекеру»:

Прости... где б ни был я: в огне ли смертной битвы,
При мирных ли брегах родимого ручья,
Святому братству верен я!
И пусть... (услышит ли Судьба мои молитвы?)
Пусть будут счастливы все, все твои друзья!

Пушкин сам напечатал это стихотворение в «Невском зрителе» в 1820 г.¹³⁷ под заглавием «Кюхельбекеру» и с пометой: «Лицей, 9 июня 1817» (т. е. день выпускного акта).

В несколько измененной редакции Пушкин перепечатал это стихотворение еще дважды — в своих сборниках 1826 и 1829 гг. — под заглавием «Разлука». Со стороны Пушкина это было актом огромного гражданского мужества и верности не только лицейским традициям, но и традициям декабризма вообще. Не следует забывать, что именно это послание Пушкина Кюхельбекеру и его строки о верности «святому братству» были истолкованы В. Н. Каразиным в его доносе в июне того же 1820 г. министру внутренних дел гр. В. П. Кочубею следующим образом: «Нравственность этого

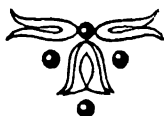
¹³⁵ При жизни Пушкина не печаталось.

¹³⁶ При жизни Пушкина не печаталось.

¹³⁷ «Невский зритель», ч. II (апрель), № 4. Цензурное разрешение 19 апреля. Номер вышел уже после выезда Пушкина из Петербурга, в конце мая.

„святого братства“ и союза вы изволите увидеть из других номеров при сем приложенных, как-то из „Благонамеренного“ стр. 142 в пьесе Баратынского „Прощание“, из „Невского Зрителя“ № 3, стр. 56 „Послание“¹³⁸ и № 4 стр. 68 „К престолице“...¹³⁹ Вообразите, что все это пишут и печатают не развратники, запечатленные уже общим мнением, но молодые люди, едва вышедшие из царских училищ, и подумайте о следствиях такого воспитания!»¹⁴⁰

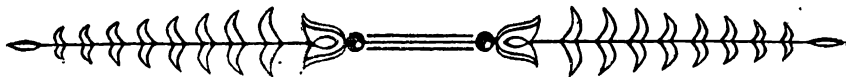
Так создавалась та пушкинская поэзия лицейского братства, которая стала восприниматься уже в его время как широкий символ неразрывного единства людей — единомышленников по духу и задачам общественной борьбы.

¹³⁸ «Послание к б. Дельвигу» Е. Баратынского.

¹³⁹ А. Пушкина.

¹⁴⁰ М. А. Цявловский. Летопись..., т. I, стр. 226—227.

Глава III

МЕЖДУ ЛИЦЕЕМ И ССЫЛКОЙ (1817—1820)

*И я, в закон себе вменяя
Страстей единый произвол,
С толпою чувства разделяя,
Я Музу ревяю привел
На шум пиров и буйных споров,
Грозы полночных дозоров;
И к ним в безумные пиры
Она несла свои дары
И, как Вакханочка, ревилась,
За чашей пела для гостей,
И молодежь минувших дней
За нею буйно волочилась —
А я гордился меж друзей
Подругой ветреной мой.*

I

1817—1820 годы — время блистательного расцвета молодого пушкинского гения и всеобщего внимания к нему. В апреле 1818 г. в открытом публичном собрании Вольного общества любителей словесности, наук и художеств¹ В. К. Кюхельбекер читает свое послание «К Пушкину»:

Счастлив, о Пушкин, кому высокую душу Природа,
Щедрая мать дала, верного друга — мечту,
Пламенный ум и не сердце холодной толпы: он всеилен
В мире своем, он творец! Что ему низких рабов,
Мелких, ничтожных судей, один на другого похожих —
Что ему их приговор?..²

¹ См.: В. Базанов. Вольное общество любителей российской словесности. Петрозаводск, 1949, стр. 131.

² «Благонамеренный», часть третья, июль 1818, № VII, стр. 136.

В сентябре того же года И. И. Дмитриев в письме из Москвы к А. И. Тургеневу просит передать Пушкину, что он его «и по заочности любит, как прекрасный цветок поэзии, который долго не побледнеет».³ В конце года Батюшков, слушавший чтение Пушкиным отрывка из «Руслана и Людмилы» на вечере у Жуковского, был, по свидетельству современников, «поражен неожиданностью и новостью впечатления».⁴ В марте 1819 г. он в письме из Неаполя к А. И. Тургеневу просит Пушкина «именем Ариоста» выслать ему «Руслана и Людмилу», «поэму, исполненную красот и надежды, если он возлюбит славу паче рассеяния».⁵

Это было время наибольшего сближения Пушкина с Жуковским. Тотчас же по окончании Лицея Пушкин передает ему свою «Лицейскую тетрадь» для просмотра переписанных в ней стихотворений.⁶ В августе—сентябре того же года Жуковский возвращает Пушкину эту тетрадь с рядом своих замечаний и помет.⁷

В конце 1818 г. Пушкин поручает своему брату и некоторым приятелям распространять билеты на подготавливаемый к изданию по подписке сборник своих стихотворений. По свидетельству С. А. Соболевского, помогавшего Льву Пушкину в этом деле, цена по подписке за два тома in 12° была определена в 10 рублей, причем Жуковский один взял сто билетов.⁸

Эта близость двух поэтов была закреплена в апреле этого года замечательным пушкинским посланием «Жуковскому» («Когда к мечтательному миру...»)⁹ Посылая П. А. Вяземскому это стихотворение, содержащее в своей первой редакции 44 стиха, Жуковский писал: «Чудесный талант! Какие стихи! Он мучит меня своим даром, как привидение!»¹⁰ В своем ответном письме Жуковскому Вяземский писал: «Стихи чертенка-племянника чудесно-хороши... В дыму столетий! Это выражение город. Я все бы отдал за него, движимое и недвижимое. Какая bestia! Надобно нам посадить его в желтый дом, не то этот бешеный сорванец нас всех заест, нас и

³ М. А. Цявловский. *Летопись...*, т. I, стр. 162.

⁴ Там же, стр. 163.

⁵ Там же, стр. 178.

⁶ Факт установлен Т. Г. Цявловской.

⁷ М. А. Цявловский. *Летопись...*, т. I, стр. 133.

⁸ Там же, стр. 168.

⁹ Впервые напечатано в «Сыне отечества» (1821, № 52) под заглавием «К *** По прочтении изданных им книжек: Для немногих», без подписи и с примечанием Н. И. Греча: «Сочинитель не подписал своего имени, но кто не узнает здесь того поэта, который в такие лета, когда другие еще учатся правилам стихотворства, стал на ряду с нашими первоклассными писателями! Издатель!».

¹⁰ «Русский архив», 1896, № 10, стр. 208; См.: М. А. Цявловский. *Летопись...*, т. I, стр. 153.

отцов наших. Знаешь ли, что Державин испугался бы дыма столетий? О прочих и говорить нечего!»¹¹

Далеко не таким безусловным был отзыв Д. В. Давыдова, получившего это стихотворение от Вяземского.¹² В ответном письме к нему Давыдов писал: «Стихи Пушкина хороши, но не так, как тебе кажутся, и не лучшие из его стихов. Первые четыре <стиха>¹³ для меня непонятны. Но *И быстрый холод вдохновенья/ Власы подъемлет на челе* прекрасно! И меня подрал мороз по коже. От стиха сего до рифмы ясным не узнаю молодого Пушкина.¹⁴ *В дыму столетий чудесно!* но великаны сумрака Карамзина¹⁵... что скажешь? А мысль одинакая. Замечание твое на счет злодейства и с сынами справедливо. Теперь от рифмы окру-

¹¹ П. П. Вяземский. А. С. Пушкин (1816—1825) по документам Остафьевского архива, 1880, стр. 27—28.

¹² Письмо П. А. Вяземского к Д. В. Давыдову до нас не дошло.

¹³ Здесь и далее говорится о тексте первой редакции стихотворения. Первые четыре стиха:

Когда младым воображеньем
Твой гордый гений окрилен,
Тревожит лени праздный сон,
Томясь волшебным упоеньем.

¹⁴ Речь идет о следующих стихах:

Ты прав: творишь ты для немногих/
Не для подкупленных судей
Ревнивой милостью твоей,
Не для сбирателей убогих
Чужих суждений и вестей,
Но для друзей таланта строгих
Священной истины друзей.
Не всякого полюбит счастье,
Не все родился для венцов!
Блажен, кто знает сладострастье
Высоких мыслей и стихов!
Кто наслаждение прекрасный
В завидный получил удел
И твой восторг уразумел,
Восторгом сладостным и ясным!..

¹⁵ Д. В. Давыдов имеет в виду следующее место в «Предисловии» Карамзина к его «Истории Государства Российского»: «...смело можем сказать, что некоторые случаи, картины, характеры нашей Истории любопытны не менее древних. Таковы суть подвиги Святослава, гроза Батыева, восстание Россиян при Донском, падение Новагорода, взятие Казани, торжество народных добродетелей во время Междоцарствия. Великаны сумрака, Олег и сын Игорев... в самом легком начертании сильно действуют на воображение и сердце» (История Государства Российского, т. I, изд. 1-е, СПб., стр. XIII—XIV).

жен до рифмы земной,¹⁶ я слышу Василья Львовича, напев его. Но стих — *И в нем трепещет вдохновенье* — прелестен! Вот мое мнение на счет этих стихов.¹⁷

В результате последующих переработок в 1818—1819 и 1825 гг. стихотворение было сокращено с 44 до 22 стихов и в таком виде напечатано в «Стихотворениях А. Пушкина» (1826). Окончательный текст являет собой высокий пример подлинно совершенного произведения искусства, из которого взыскательный художник удалил все лишнее, все отяжеляющее и затемняющее смысл. Каждый образ целен, каждое слово на своем месте и выполняет определенные функции.

Строки:

Когда к мечтательному миру
Стремясь возвышенной душой —

дают поразительную по своей глубине и афористичности характеристику поэтического мира Жуковского и готовят написанную вскоре после этого (май 1818 г.) надпись «К портрету Жуковского».¹⁸

Замечательное по своей конкретности описание поэтического вдохновения:

Когда сменяются виденья
Перед тобой в волшебной мгле,
И быстрый холод вдохновенья
Власы подымлет на челе —

имеет несомненный автобиографический характер; ср. в стихотворении «В начале жизни школу помню я» (1830):

Пред ними сам себя я забывал;
В груди младое сердце билось — холод
Бежал по мне и кудри подымал.

Строки:

Блажен, кто знает сладострастье
Высоких мыслей и стихов! —

где понятие «сладострастье», ранее употреблявшееся исключительно в аспекте чувственной любви,¹⁹ получает новое, глубокое и

¹⁶ Т. е.:

Он бродит тайно окружен
И благодарными слезами
Карамзину приносит он
Живой души благодаренье
За миг восторга золотой,
За благотворное забвенье
Бесплодной суеты земной...

¹⁷ «Старина и новизна», кн. 22, Пгр., 1917, стр. 26.

¹⁸ Впервые напечатана в «Благонамеренном» (1818, № VII).

¹⁹ Ср.: И сладострастными стихами, / И тихим шопотом любви / Лилету в свой шалаш зови («К Батюшкову», 1814); Дай руку сладострастью / И

обобщенное значение, свидетельствуют о быстром расширении поэтического кругозора Пушкина.

В этом стихотворении Пушкин совершает подлинное чудо поэзии: путем внесения нового смысла в формулу Жуковского «для немногих» он получает возможность утверждения истинного значения самого существа его поэзии, отбрасывая то соотношение ее к узкому кругу царского двора, какое утверждал этой формулой сам Жуковский, и возвращая ее по прямой принадлежности — к кругу действительных ценителей подлинного высокого искусства, которых в то время было действительно немного:

Ты прав, творишь ты для немногих,
 Не для завистливых судей,
 Не для сбирателей убогих
 Чужих суждений и вестей,
 Но для друзей таланта строгих,
 Священной истины друзей.

В окончательном тексте стихотворения оказались отброшенными последние 17 стихов первоначальной редакции.²⁰ Содержание этих строк было обусловлено сильным впечатлением от вышедших весной того же года первых восьми томов «Истории Государства Российского» Карамзина. «Древняя Россия, — писал впоследствии Пушкин в своих автобиографических записках, — казалось найдена Карамзиным, как Америка — Колумбом» (XII, 305). Од-

с чашей круговой / Веди меня ко счастью / Забвения тропой («Городок», 1815); В восторгах неги сладострастной, / Блуждаешь по груди прекрасной, / А грозный ус крутишь другой («Усы», 1816); По скорой поступи моей, / По сладострастному молчанью, / По смелым трепетным рукам, / По воспаленному дыханью, / И жарким, ласковым устам / Узнай любовника... («Письмо к Лиде», 1817) и др.

Смотри, как пламенный поэт,
 Вниманьем сладким упоенный,
 На свиток гения склоненный,
 Читает повесть древних лет!
 Он духом там — в дыму столетий!
 Пред ним волнуются толпой
 Злодейства, мрачной славы дети,
 С сынами доблести прямой!
 От сна воскресшими веками
 Он бродит тайно окружен,
 И благодарными слезами
 Карамзину приносит он
 Живой души благодаренье
 За миг восторга золотой,
 За благодарное забвенье
 Бесплодной суеты земной...
 И в нем трепещет вдохновенье!

нако отношение к «Истории» Карамзина уже и в то время было достаточно сложным. Признавая обилие фактического материала, впервые вводимого Карамзиным в историческое сознание русского общества, и блеск почти художественного повествования, прогрессивно настроенная молодежь протестовала против монархической концепции, открыто проводимой Карамзиным в своем труде.²¹ Это нашло отражение в блестящей пушкинской эпиграмме на карамзинскую историю (1818):²²

В его Истории изящность, простота
Доказывают нам, без всякого пристрастья,
Необходимость самовластья
И прелести кнута.

Не лишено оснований предположение П. О. Морозова о причинах изъятия Пушкиным этих последних 17 строк из окончательной редакции стихотворения в связи с тем, что «откинута часть послания, действительно, не имеет непосредственной связи с его началом и заключает в себе какой-то неясный призыв, обращенный к Жуковскому, искать вдохновения в русской истории и, в частности, — в том „свитке гения“, каким представлялась юноше-поэту книга Карамзина».²³

В первое время после выхода Пушкина из Лицея его лирика, за исключением нескольких значительных стихотворений (ода «Вольность»), не получает сколько-нибудь широкого развития, так как основное место в творческой деятельности Пушкина этого периода занимает работа над «Русланом и Людмилой». Упиваясь жизнью и неожиданной свободой от недавних лицейских уз, Пушкин в это время разбрасывает свои экспромты, надписи, эпиграммы, мадригалы и другие мелкие стихотворения, значительная часть которых до нас, вероятно, не дошла. Эти мелкие, а порой и

²¹ См. в тех же записках: «Молодые якобинцы негодовали...» (XII, 306).

²² При жизни Пушкина эпиграмма не печаталась, но распространялась во множестве списков. Позднее Пушкин отказывался от нее (см. его письмо П. А. Вяземскому от 10 июля 1826 г.), однако в тех же своих автобиографических записках, в основной своей части уничтоженных им самим после первого известия о восстании 14 декабря 1825 г., содержится рассказ, полностью совпадающий с ситуацией, вызванной или этой эпиграммой, или пушкинскими беседами аналогичного содержания с самим Карамзиным: «Однажды начал он (Карамзин) при мне излагать свои любимые парадоксы. Оспоривая его, я сказал: Итак вы рабство предпочитаете свободе. Кара(мзин) вспыхнул и назвал меня своим клеветником. Я замолчал, уважая самый гнев прекрасной души» (XII, 306). См.: Б. В. Томашевский. Эпиграммы Пушкина на Карамзина. Сб. «Пушкин. Исследования и материалы», I, Изд. Академии наук СССР: 1956, стр. 208—215.

²³ Пушкин, Полное собрание сочинений, т. I, под ред. С. А. Венгерова. 1907, стр. 474.

достаточно нескромные стихотворения приносили Пушкину славу несколько необычного характера, нашедшую отражение в характеристике, сделанной П. В. Анненковым, еще заставшим в живых многих свидетелей поэтической юности великого поэта, не видевших за этой внешней стороной скрытой от них большой и напряженной работы Пушкина над своим первым крупным произведением — работы, которая отнимала у него почти все время и все творческие силы.²⁴

Однако среди стихотворений, писавшихся в основной своей части «на случай», встречаются подлинные маленькие шедевры, свидетельствующие о художественном стремительном росте молодого поэта. Таково небольшое стихотворение «К Огаревой, которой митрополит прислал плодов из своего сада» (1817),²⁵ содержащее удивительно смелые, свежие и неожиданно острые образы, основанные на сопоставлении дряхлости старого митрополита и молодости блестящей светской красавицы:

Возможно всё тебе — Харита
Улыбкой Дряхлость победит,
С ума сведет митрополита
И пыл желаний в нем родит.

И он, твой встретив взор волшебный,
Забудет о своем кресте
И нежно станет петь молебны
Твоей небесной красоте.

По существу, такими стихотворениями эротико-атеистического содержания намечались уже в те годы пути, которые скоро приведут Пушкина к «Гавриилиаде» (1821). Ср. также в послании «Тургеневу» (1817):²⁶

Один лишь ты, любовник страстный
И Соломирской и креста,*
То ночью прыгаешь с прекрасной,
То проповедуешь Христа.

Также в стихотворении, обращенном к Н. И. Кривцову (1818):²⁷

Когда сожмешь ты снова руку,
Которая тебе дарит
На скучный путь и на разлуку

²⁴ См.: П. В. Анненков. А. С. Пушкин. Материалы для его биографии и оценки произведений. Изд. 2-е, 1873, стр. 41. В дальнейшем: П. В. Анненков. Материалы.

²⁵ При жизни Пушкина не печаталось.

²⁶ При жизни Пушкина не печаталось.

* Креста, сиречь не Анненского и не Владимирского — а честного и животворящего. (Прим. Пушкина).

²⁷ При жизни Пушкина не печаталось.

Святую Библию Харит?

Да сохранят тебя в чужбине
Христос и верный Купидон!

Мощная лирическая стихия в основном находила свой выход в это время в «Руслане и Людмиле» — поэме, которая как бы вбирала в себя основные лирические переживания Пушкина этих лет и являлась почвой для целого ряда направлений последующей пушкинской лирики. Так, очевидна связь лирического отступления в V песне «Руслана и Людмилы»:

Я помню маленький лужок
Среди березовой дубравы,
Я помню темный вечерок,
Я помню Лиды сон лукавый...
Ах, первый поцелуй любви,
Дрожащий, легкий, торопливый,
Не разогнал, друзья мои,
Ее дремоты терпеливой...

с необработанным черновым наброском того же времени (1819):

Недавно тихим вечерком
Пришел гулять я в рошу нашу
И там у речки под дубком
Увидел спящую Наташу...

С другой стороны, опыт воплощения определенного переживания, сказавшийся в замечательном лирическом отступлении, открывающем VI песнь поэмы и являющемся почти самостоятельным стихотворением:

Ты мне велишь, о друг мой нежный,
На лире легкой и небрежной
Старинны были напевать
И музе верной посвящать
Часы бесценного досуга...
Ты знаешь, милая подруга:
Поссорюсь с ветреной молвой,
Твой друг, блаженством упоенный,
Забыл и труд уединенный,
И звуки лиры дорогой.
От гармонической забавы
Я, негой упоен, отвык...
Дышу тобой — и гордой славы
Невнятен мне призывный клик!
Меня покинул тайный гений
И вымыслов, и сладких дум;
Любовь и жажда наслаждений
Одни преследуют мой ум. —

в какой-то мере впоследствии сказался в соответствующих строках «Желания славы» (1825):

Ты знаешь, милая, желал ли славы я;
Ты знаешь: удален от ветреного света,
Скучая суетным прозванием поэта,
Устав от долгих бурь, я вовсе не внимал
Жужжанью дальнему упреков и похвал.
Могли ль меня молвы тревожить приговоры,
Когда, склонив ко мне точительные взоры
И руку на главу мне тихо наложив,
Шептала ты: скажи, ты любишь, ты счастлив?..

В творчестве Пушкина этих лет шла напряженная работа лирической мысли по подведению итогов прошлому и на этой основе — прокладыванию новых путей лирического осмысления жизни. Еще давали себя знать отзвуки элегических настроений, столь характерных для лирики последних лицейских лет. Эти отзвуки явственны в таком послелицейском стихотворении 1817 г., как «К ***»,²⁸ являющемся одним из последних звеньев так называемого «бакунинского» цикла:

Не спрашивай, за чем унылой думой
Среди забав я часто омрачен,
Зачем на все подьемлю взор угрюмый,
Зачем не мил мне сладкой жизни сон:

Не спрашивай, зачем душой остылой
Я разлюбил веселую любовь
И никого не называю *милой* —
Кто раз любил, уж не полюбит вновь...

Достаточно сравнить настроение этого стихотворения с такими мотивами лицейской элегической лирики, как:

Медлительно влекутся дни мои,
И каждый миг в унылом сердце множит
Все горести несчастливой любви
И все мечты безумия тревожит.

(«Желание», 1816).

или:

Я думал, что любовь погасла навсегда,
Что в сердце злых страстей умолкнул глас мятежный,
Что дружбы наконец отрадная звезда
Страдальца довела до пристани надежной.

(«Элегия», 1816).

чтобы стало ясным, что стихотворения, подобные процитированному, принадлежат к пройденному Пушкиным этапу, но не начинают нового, они как бы устремлены назад, а не вперед.

²⁸ Впервые напечатано в «Стихотворениях Александра Пушкина» (1826).

В то же время в таких стихотворениях этого же периода, как «К ней» (1817),²⁹ уже явственно проступает нечто совершенно новое. Начинается стихотворение традиционной жалобой на угасание поэтического дара в связи с утратой юности и несчастной любовью:

В печальной праздности я лиру забывал,
 Воображение в мечтах не разгоралось,
 С дарами юности мой гений отлетал,
 И сердце медленно хладело, закрывалось...

И вдруг после всего этого — новый мотив, совершенно неожиданный для пушкинской лирики предшествовавших лет:

Но вдруг, как молнии стрела,
 Зажглась в увядшем сердце младость,
 Душа проснулась, ожила,
 Узнала вновь любви надежду, скорбь и радость.
 Все снова расцвело! Я жизнью трепетал;
 Природы вновь восторженный свидетель,
 Живее чувствовал, свободнее дышал,
 Сильней пленяла добродетель...
 Хвала любви, хвала богам!
 Вновь лиры сладостной раздался голос юный,
 И с звонким трепетом проснувшиеся струны
 Несу к твоим ногам!..

Таков новый мотив возрождения, зазвучавший с большой силой в послелицейской лирике Пушкина уже в 1817 г. Подготавливая первый сборник своих стихотворений в 1825 г., Пушкин предполагал включить в него и это стихотворение. Оно сохраняется в цензурном экземпляре сборника, прошедшем просмотр цензора Бирукова. 26 сентября 1825 г. П. А. Плетнев в своем письме к Пушкину сообщает ему содержание разрешенного к печати сборника, где в первом разделе «Элегии» под № XIV значилось данное стихотворение. Пушкин зачеркивает название его (кроме римской цифры) и пишет: «Не нужно». По-видимому, это было вызвано тем, что к данному времени уже было написано стихотворение «Я помню чудное мгновенье», где с несравненно большей силой, глубиной и художественным совершенством разработана та же тема возрождения:

И сердце бьется в упоенье,
 И для него воскресли вновь
 И божество, и вдохновенье,
 И жизнь, и слезы, и любовь.

Но для послелицейского 1817 г. стихотворение «К ней» было весьма значительным шагом вперед в направлении выхода из того

²⁹ При жизни Пушкина не печаталось.

элегического тупика, в каком оказалась лирика Пушкина в последние лицейские годы.³⁰

Так происходит перерождение лирической темы, точнее, приобретение старой темой иной тональности, вызванной новым характером светлого и спокойного восприятия жизни. Особенно ярко это сказалось в стихотворении «Кривцову» (1817).³¹

Д. Д. Благой уже обратил внимание на необыкновенную музыкальность этого стихотворения,³² такого светлого и прозрачного, как тот легкий пепел, упоминанием о котором завершается стихотворение. Но существенно и другое. В черновом автографе «милый друг» назван «умным другом»:

Не пугай мой умный друг...
(II, 527).

а «подруги шалунов» в окончательной редакции стихотворения в отдельных копиях названы «подругами мудрецов» (II, 528). Так некоторые данные черновиков и вариантов, свидетельствующие о характере замысла стихотворения, включают его в тот комплекс произведений, в которых молодой Пушкин отделял себя и своих вольнолюбивых «умных друзей» от «святых невежд, почетных поддєдов/ И мистики придворного кривлянья».³³

В отношении преодоления элегических настроений показательно и стихотворение «Мечтателю» (1818),³⁴ часто ошибочно понимаемое как адресованное какому-то другому лицу³⁵ (например, В. К. Кюхельбекеру³⁶), в то время как оно является убедительным свидетельством сложнейших душевных процессов, происходивших в самом Пушкине.

Стихотворение, несомненно, обращено к самому себе, о чем свидетельствует подчеркнутая автополемика с собственными элегическими стихотворениями предшествовавшего периода, с тем об-

³⁰ Ср.: Н. И. Черняев. Критические статьи и заметки о Пушкине. Харьков, 1900, стр. 51—53.

³¹ Напечатано впервые в «Стихотворениях Александра Пушкина» (1826).

³² Д. Д. Благой. Творческий путь Пушкина (1819—1826). Изд. Академии наук СССР, М.—Л., 1950, стр. 189.

³³ Ср. в набросках плана ненаписанного романа «Русский Пелам» (1834—1835): «Общество умных (И.лья) Дог.ороуков), С.ергей) Труб.седкой), Ник.ита) Мур.авьев) etc)» (VII₂, 974).

³⁴ Впервые напечатано в «Сыне отечества» (1818, № 51).

³⁵ См., например: П. В. Анненков. Материалы, стр. 45.

³⁶ См., например: М. А. Цявловский. Летопись..., т. I, стр. 148.

разом самого себя, какой в данном стихотворении определен формулой «мечтатель»:

Ты в страсти горестной находишь наслажденье;
Тебе приятно слезы лить.
(«Мечтателю», 1818).

Ср.:

Я слезы лью; мне слезы утешенье;
Моя душа, плененная тоской,
В них горькое находит наслажденье.
(«Желание», 1816).

Стихотворение «Мечтателю» декларативно утверждает новое отношение к любви, являясь одним из звеньев общего цикла пушкинских стихотворений, посвященных данной теме

Если в 1816 г. эта тема раскрывалась в строках:

Медлительно влекутся дни мои,
И каждый миг в унылом сердце множит
Все горести несчастливой любви. —
(«Желание»).

то уже в конце этого года Пушкин найдет в себе внутреннюю возможность иронически отнестись к подобного рода любовной лирике:

И даже, — каюсь я, — пустынный согрешил, —
Я первой пел любви невинное начало,
Но так таинственно, с таким разбором слов,
С такою скромностью стыдливой,
Что, не краснея боязливо,
Меня бы выслушал и девственный Козлов.
(«Шинкову»).

В стихотворении 1818 г. «Мечтателю» уже прямо говорится о такого рода любовных переживаниях:

Поверь, не любишь ты, неопытный мечтатель. —

и далее перечисляются приметы настоящей любви, как они рисовались Пушкину в 1818 г.:

О если бы тебя, унылых чувств искатель,
Постигло страшное безумие любви;
Когда б весь яд ее кипел в твоей крови;
Когда бы в долгие часы бессонной ночи,
На ложе, медленно терзаемый тоской,
Ты звал обманчивый покой,
Вотще смыкая скорбны очи,
Покровы жаркие рыдая обнимал
И сохнул в бешенстве бесплодного желанья...

Такие исключительно сильные определения чувства, как «страшное безумие любви», «бешенство бесплодного желанья»,³⁷ были невозможны для автора «Осеннего утра», «Разлуки», «Желания» («Медлительно влекутся дни мои») и «Элегии» («Я думал, что любовь погасла навсегда»).

Но все эти выражения страстного любовного исступления отнюдь не обозначали еще ухода в одну неприкрытую чувственность. Непосредственно после приведенного отрывка идут замечательные строки:

Поверь, тогда б ты не питал
 Не благодарного мечтанья!
 Нет, нет! в слезах упав к ногам
 Своей любовницы надменной,
 Дрожащий, бледный, иступленный,
 Тогда б воскликнул ты к богам:
 «Отдайте, боги, мне рассудок омраченный,
 Возьмите от меня сей образ роковой!
 Довольно я любил; отдайте мне покой!»

Конец стихотворения, следующий за этой мольбой к богам, характерный для появляющегося уже в это время умения Пушкина передавать сложные и противоречивые чувства, не только не отменяет высокого значения подлинной любви в жизни человека, но и еще более его углубляет:

Но мрачная любовь и образ незабвенный
 Остались вечно бы с тобой.

Этот «образ незабвенный» с несомненностью свидетельствует о принадлежности данного стихотворения к тому же «бакунинскому» циклу.

Ср.:

К ручью пришел, мечтами привлеченный;
 Его струи медлительно текли,
 Не трепетал в них образ незабвенный.

(«Осеннее утро», 1816).

Процесс изживания элегического отношения к жизни продолжается в пушкинской лирике и далее. И как естественная реакция на прежнюю элегическую настроенность, в свое время сыгравшую положительную роль в расширении и углублении душевной жизни Пушкина, но сейчас уже сковывающую дальнейшее ее развитие.

³⁷ Эта строка почти буквально повторится в стихотворении «Юрьеву» (1820):

Я нравлюсь юной красоте
 Бесстыдным бешенством желаний.

появляются такие стихотворения, как «Юрьеву» (1820),³⁸ с их почти вызывающей и нарочито подчеркнутой эротической резкостью:

А я, повеса вечно-праздный,
Потомок негров безобразный,
Взрощенный в дикой простоте,
Любви не ведая страданчй,
Я нравлюсь юной красоте
Бесстыдным бешенством желаний;
С невольным пламенем ланит
Украдкой нимфа молодая,
Сама себя не понимая,
На фавна иногда глядит.

Бурное утверждение счастья земной жизни определяет основной пафос и таких стихотворений этого периода, как «Выздоровление» (1818):³⁹

Бессмертные! с каким волненьем
Желанья, жизни огонь по сердцу пробежал!
Я закипел, затрепетал...
Приди, я жду тебя. Здоровья дар благой
Мне снова ниспослали боги,
А с ним и сладкие тревоги
Любви таинственной и шалости младой.

Едва ли есть необходимость в поисках реального прообраза данного стихотворения в лице «прелестницы» Елизаветы Шот-Шедель, посетившей якобы Пушкина во время его болезни в костюме гусара, как это обычно делается со ссылкой на П. И. Бартевева и Б. Л. Модзалевского.⁴⁰

Пушкин сам не настаивал на реальности описываемого им посещения:

Тебя ль я видел, милый друг?
Или неверное то было сновиденье,
Мечтанье смутное, и пламенный недуг
Обманом волновал мое воображенье?

³⁸ Напечатано Ф. Ф. Юрьевым в ограниченном количестве экземпляров, без разрешения цензуры и обозначения года, на двух полулистах бумаги с водяным знаком «1819». На имеющемся в Пушкинском доме экземпляре имеются пометы неизвестной рукой: «А. Пушкин» и «1821» (П. Д., ф. 244, оп. 4, № 1).

³⁹ Впервые напечатано в «Стихотворениях Александра Пушкина» (1826).

⁴⁰ См., например: М. А. Цявловский. Летопись..., т. I, стр. 149; А. С. Пушкин, Собрание сочинений в 10 томах, т. 1, ГИХЛ, 1959, стр. 564.

По всей вероятности, описанное посещение больного Пушкина какой-то «девой нежной» «в одежде воина» является запоздалой реминисценцией из «Моих пенатов» Батюшкова, ср.:

И ты, моя Лилета,
В смиренный уголок,
Приди под вечерок
Тайком переодета!
.....
Накинь мой плащ широкой,
Мечом вооружись
И в полночи глубокой
Внезапно постучись...
Вошла — наряд военный
Упал к ее ногам...⁴¹

Утверждение радости жизни и земного счастья определяет пафос и «Торжества Вакха»⁴² с его яркими, соперничающими с живописью образами щедрого и полнокровного земного здоровья:

Там дале вижу дивный ход!
Звучат веселье тимпаны;
Младые нимфы и сивланы,
Составя шумный хоровод,
Несут недвижимого Силена...
Вино струится, брызжет пена,
И розы сыплются кругом —

и жгучей земной эротикой:

Но воег берег отдаленный.
Власы раскинув по плечам,
Венчанны гроздьем, обнаженны,
Бегут вакханки по горам...
.....
Поют неистовые девы;
Их сладострастные напевы
В сердца вливают жар любви;
Их перси дышат вождельем;
Их очи, полные безумством и томленьем,
Сказали: счастье лови!
Их вдохновенные движенья
Сперва изображают нам
Стыдливость милого смятенья,
Желанье робкое — а там
Восторг и дерзость наслажденья.

Подобные стихотворения с несомненностью свидетельствовали о бурном развитии поэтического гения молодого Пушкина, стре-

⁴¹ К. Батюшков. Опыты в стихах и прозе. Стихи, СПб., 1817, стр. 124—125. Ср.: А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений в 10 томах, т. I, Изд. Академии наук СССР, М., 1956, стр. 503.

⁴² Впервые напечатано в «Стихотворениях Александра Пушкина» (1826).

нительно опережавшего своих недавних учителей. П. В. Анненков передает, что К. Н. Батюшков, «нередко с изумлением» смотревший, «как антологический род поэзии, созданный им на Руси, легко и непринужденно подчиняется перу молодого человека», «судорожно сжал в руках листок бумаги, на котором читал *Послание к Ю-ву (Поклонник ветреных Лаис, 1818 г.)* и проговорил: „О! как стал писать этот злодей!“».⁴³

II

1817—1820 годы были периодом бурной идейной жизни русского общества, деятельности ранних тайных политических кружков и организаций, складывания основных начал декабристской идеологии. Основной тон всему задавала военная офицерская среда. «Блестящее сословие гвардейских офицеров, — писал П. В. Анненков, — давало тогда свой тон и окраску всему молодому поколению, не исключая и тех лиц, которые по роду, службе и призванию к нему не принадлежали. Это сословие создало свой собственный тип изящества и благородства, казавшийся непогрешимым идеалом для целого поколения».⁴⁴

Это была та среда, в которой в основном и вращался Пушкин в период между окончанием Лицея и ссылкой. Уже к первому году пребывания в Петербурге относятся его знакомства с М. Ф. Орловым, А. И. Якубовичем, П. П. Каверинным, С. И. Муравьевым-Апостолом, П. А. Катениным, Ф. Н. Глинкой и другими представителями революционно настроенной петербургской военной молодежи.

Через общение с этими передовыми людьми Пушкин вовлекался в атмосферу деятельности первых тайных декабристских организаций.⁴⁵

Идейная атмосфера, которая окружала Пушкина в эти годы, начинала явственно сказываться и на его лирике. Уже в стихотворении «Простите, верные дубравы» (1817),⁴⁶ навеянном первым по выходе из Лицея посещением Михайловского, начинает складываться тот авторский образ «поклонника дружеской свободы и

⁴³ П. В. Анненков. *Материалы*, стр. 50. Анненков ошибся в датировке: стихотворение «Юрьеву» написано в 1820 г.

⁴⁴ П. В. Анненков. *А. С. Пушкин в Александровскую эпоху*. СПб., 1874, стр. 60.

⁴⁵ См.: Г. Гуковский. 1) *Стиль гражданского романтизма 1800—1810 гг. и творчество молодого Пушкина*. Сб. «Пушкин — родоначальник новой русской литературы», Изд. Академии наук СССР, М.—Л., 1941, стр. 167—192; 2) *Очерки по истории русского реализма*, ч. 1. Пушкин и русские романтики. Саратов, 1946, стр. 143 и сл.

⁴⁶ При жизни Пушкина не печаталось.

ума», какой в «Деревне» (1819) будет определен как «друг человечества»: ⁴⁷

Приду под липовые своды,
На скат тригорского холма,
Поклонник дружеской свободы,
Веселья, граций и ума.

Отзвуки гражданственных настроений отчетливо проступают и в таком, казалось бы, мадригальном стихотворении, как «Краев чужих неопытный любитель» (1817): ⁴⁸

Краев чужих неопытный любитель
И своего всегдашний обвинитель,
Я говорил: в отечестве моем
Где верный ум, где гений мы найдем?
Где гражданин с душою благородной,
Возвышенной и пламенно свободной?..

М. В. Нечкина справедливо видит в этих строках отголоски бесед с побывавшими в заграничных походах гвардейскими офицерами, которые сравнивали жизнь западноевропейских конституционных стран с русской жизнью. ⁴⁹

Об идейном воздействии на Пушкина его новых друзей, указывавших ему на несоответствие искусственно созданного им еще в лицейские годы авторского образа поэта — эпикурейца, изнеженного ленивца — насущным задачам современности, говорит он сам в послании к А. И. Тургеневу («Тургенев, верный покровитель...») (1817): ⁵⁰

К чему смеяться надо мною,
Когда я слабою рукою
На лире с трепетом брожу
И лишь изнеженные звуки
Любви, сей милой сердцу муки,
В струнах незвонких нахожу?

В одном из своих писем к Жуковскому А. И. Тургенев писал, что ежедневно бранит Пушкина за его «леность и нерадение о собственном образовании». ⁵¹

О характере идейного воздействия на Пушкина братьев Тургеневых говорит и запись в дневнике младшего из них — Сергея Ивановича — от 1 декабря (н. ст.) 1817 г.: «Жуковский писал мне, что, судя по портрету, видит он, что в глазах моих блещат либеральные идеи. Он поэт: но я ему скажу по правде, что пропадет талант его, если не всему либеральному посвятит он его. — Только такими

⁴⁷ Вариант: Мудрец печальный.

⁴⁸ При жизни Пушкина не печаталось.

⁴⁹ См.: М. В. Нечкина. Движение декабристов, т. I. Изд. Академии наук СССР, М., 1955, стр. 173—174.

⁵⁰ При жизни Пушкина не печаталось.

⁵¹ М. А. Цявловский. Летопись..., т. I, стр. 142.

стихами можно теперь заслужить бессмертие; восхищая душу, поэты должны просвещать умы. — Мне опять пишут о Пушкине, как о развертывающемся таланте. Ах, да поспешат ему вдохнуть либеральность и вместо оплакиваний самого себя, пусть первая песнь его будет: Свободе». ⁵² О содержании бесед Пушкина в доме Тургеневых дают представление такие, например, строки из одного из писем Н. И. Тургенева С. И. Тургеневу: «„Мы на первой станции образованности“, сказал я недавно молодому Пушкину. „Да, — отвечал он, — мы в Черной Грязи“». ⁵³

Общественно-политическая обстановка в стране, вызванная насильственным введением военных поселений, была достаточно накалена. При проезде из Петербурга в Москву великого князя (будущего императора) Николая Павловича в конце сентября 1817 г. сотни крестьян, стоя на коленях близ Бронниц, умоляли освободить их от введения военных поселений. ⁵⁴ Через несколько дней то же самое повторилось в тех местах при проезде императрицы Марии Федоровны. ⁵⁵ В октябре 1817 г. в Москве на совещаниях членов Союза Спасения, происходивших у М. А. Фонвизина и А. Н. Муравьева, обсуждаются события, вызванные жестокими правительственными мерами при введении военных поселений, и вопрос об убийстве царя. ⁵⁶

Такова была идейная атмосфера в период написания Пушкиным оды «Вольность» (декабрь 1817 г.). ⁵⁷ Современники сохранили свидетельство, что однажды, в ноябре этого года, проезжая с Пушкиным мимо Михайловского замка, П. П. Каверин обратил его внимание на это мрачное здание. ⁵⁸ Ода была начата Пушкиным в декабре на квартире Тургеневых, из окон которой хорошо виден находящийся напротив «забвенью брошенный дворец», и закончена ночью того же дня у себя дома. ⁵⁹

⁵² А. Н. Ш е б у н и н. Пушкин по неопубликованным материалам архива братьев Тургеневых. «Пушкин. Временник Пушкинской комиссии», т. 1, Изд. Академии наук СССР, М., 1936, стр. 197.

⁵³ Там же, стр. 198. «Черная Грязь» — предпоследняя глава «Путешествия из Петербурга в Москву» Радищева.

⁵⁴ М. А. Ц я в л о в с к и й. Летопись..., т. I, стр. 136.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ И. Д. Я к у ш к и н. Записки, статьи, письма. Изд. Академии наук СССР, М., 1951, стр. 17.

⁵⁷ При жизни Пушкина не печаталась, но распространялась во множестве рукописных списков под разнообразными заглавиями: «Ода свободе», «Ода на свободу», «Ода на вольность», «Ода sur la liberté», «Ода Вольности», «Ода Вольности», «Свобода», «На Свободу», «На Вольность», «Песнь к свободе» и пр. (Пз, 1031).

⁵⁸ М. А. Ц я в л о в с к и й. Летопись..., т. I, стр. 144.

⁵⁹ Обоснование датировки, обстоятельство создания, политическую доктрину «Вольности» и соотношение ее с литературной традицией политической оды см.: Б. Т о м а ш е в с к и й. Пушкин. Книга первая, стр. 142—172.

Поэтика «Вольности» соответствует тому заданию, какое Пушкин ставил перед собой в этой оде, подчеркивающей всем своим строем решительный отход от тех поэтических позиций, какие еще недавно казались ему единственно возможными и для его дарования, и для поэзии вообще.⁶⁰ Так, если в недавнем послании к А. И. Тургеневу (ноябрь 1817 г.) Пушкин определял свой еще недавний элегический стиль формулой «изнеженные звуки»:

И лишь изнеженные звуки
Любви, сей милой сердцу муки,
В струнах незвонких нахожу. —

то в «Вольности» содержится уже решительный отказ от этих «изнеженных звуков», которыми можно передавать лишь «муку любви», но которые совершенно недостаточны для воспевания высокого гражданского идеала:

Беги, сокройся от очей,
Цитеры слабая царица!
Где ты, где ты, гроза царей,
Свободы гордая певица? —
Приди, сови с меня венок,
Разбей изнеженную лиру...
Хочу воспеть Свободу миру,
На тронах поразить порок.

В соответствии с этим вся словесная структура нового произведения строится на иных принципах. На смену «изнеженным звукам» недавних элегий («Глас уединенный», «Забвения фиал», «Неверный сон», «Хладный взор», «Наперсница души больной!», «Глас ночной певца любви», «Унылое сердце», «Горести несчастливой любви», «Горькое наслаждение», «Мученье любви» и пр.) приходит суровая поэтика гражданских олицетворений, усиленная патетикой ораторской речи («Неправедная Власть», «Рабства грозный Гений», «Славы роковая страсть», «Кровавая плаха Вероломства», «Преступная секира», «Злодейская порфира», «Сень надежная Закона» и пр.). Широко вводится соответствующая высокой теме словесная архаика (Возвышенный галл,⁶¹ Падшие рабы,

⁶⁰ Сопоставления пушкинской оды с «Вольностью» и «Путешествием из Петербурга в Москву» Радищева см.: Д. Д. Благой. Творческий путь Пушкина (1813—1826). Изд. Академии наук СССР, М., 1950, стр. 157—169.

⁶¹ По вопросу о том, кого Пушкин имел в виду под именем «возвышенного галла», в пушкиноведении нет единого мнения. Наиболее раннее по времени свидетельство близкого знакомого Пушкина С. Д. Полторацкого, дошедшее до нас в записи М. Н. Лонгинова, называет в этой связи автора «Марсельезы» Руже де Лилия. От краткого примечания Н. В. Гербеля в его заграничном издании «Стихотворений А. С. Пушкина, не вошедших в последнее собрание его сочинений» (Берлин, 1861) пошла традиция связывать пушкинского «воз-

Железы, Немошнные слезы, Алчная скупость и пр.). Вводится соответствующий теме ночной пейзаж со звездой полуночи, туманом и мрачной Невой:

Когда на мрачную Неву
Звезда полуночи сверкает,
И беззаботную главу
Спокойный сон отягощает,
Глядит задумчивый певец
На грозно спящий средь тумана
Пустынный памятник тирана,
Забвенью брошенный дворец.

Именно эта ода, вполне соответствовавшая по своему пафосу общественно-политическим устремлениям первых декабристских организаций, более чем какое-либо другое пушкинское произведение этого времени, свидетельствовала о том, насколько прав был И. И. Пущин, говоря, что Пушкин уже в то время «по-своему проповедовал в нашем смысле». ⁶² Однако эмоциональная сила пушкинской оды несравненно глубже, чем ее политические выводы, выдержанные в духе конституционализма начала XIX в. Конец «Вольности», обращенный к царям:

Склонитесь первые главой
Под сень надежную Закона,
И станут вечной стражей трона
Народов вольность и покой. —

не только находится в резком противоречии, но и полностью аннулируется поистине разрушительной силой антимонархического протеста, заключенного в строках:

Самовластительный Злодей!
Тебя, твой трон я ненавижу,
Твою погибель, смерть детей
С жестокой радостью вижу.
Читают на твоём челе
Печать проклятия народы,
Ты ужас мира, стыд природы,
Упрек ты богу на земле.

К кому бы ни обращались эти строки ⁶³ они неизбежно должны были восприниматься в аспекте полного и решительного отрица-

вышенного галла» с именем А. Шенье. Б. В. Томашевский выдвинул имя Экушара Лебрена (см.: Известия Академии наук СССР, Отделение литературы и языка, 1940, № 2, стр. 22—55). В самое последнее время наиболее убедительную аргументацию в пользу Руже де Лиля развернул Ю. Г. Оксман (От «Капитанской дочки» к «Запискам охотника». Саратов, 1959, стр. 184—185 и 199—200).

⁶² Записки И. И. Пущина о Пушкине. СПб., 1907, стр. 45.

⁶³ Более чем вероятно, что они обращены к Наполеону.

ния монархической власти в целом, как античеловечной и не соответствующей идеалу высокой справедливости. По-видимому, такое отношение последней строфы ко всему стихотворению в целом чувствовал и сам Пушкин: в беловом автографе оды, сохранившемся в архиве Тургеневых, рукой Пушкина написана вся ода, за исключением последней строфы. Под последним стихом предпоследней строфы («Погиб увенчанный злодей») «сделана Пушкиным концовка, свидетельствующая о том, что в этом списке поэт сознательно не ввел в текст последнюю строфу, как бы отказываясь от нее. Последняя строфа (ст. 89—96) написана сбоку рукой А. И. Тургенева» (II, 1029).

III

В 1818 г. гвардия возвратилась из Москвы в Петербург. В связи с этим центром общественно-политической жизни снова становилась северная столица. В новый Союз Благоденствия вступают ближайшие друзья и знакомые Пушкина — Н. И. Тургенев, Ф. Н. Глинка, П. Я. Чаадаев и некоторые другие члены ликвидированного Союза Спасения.

Деятельность нового Союза сразу же сказалась на многих сторонах жизни петербургского общества. Яркую характеристику общественных настроений 1818 г. дал сам Пушкин в незаконченном «Романе в письмах» (1828). Владимир** пишет своему другу, сравнивая 1828 г. с 1818-м: «Не я, но ты отстал от своего века — и целым десятилетием. Твои умозрительные и важные рассуждения⁶⁴ принадлежат к 1818 году. В то время строгость правил и политическая экономия были в моде. Мы являлись на балы не снимая шпаг — нам было неприлично танцевать, и некогда заниматься дамами» (VIII₁, 54—55).

Преддекабристский период, как почти всегда бывает в годы большого общественного подъема, характеризовался замечательным расцветом гражданской лирической поэзии, как поэтического рода, наиболее полно обеспечивавшего выражение чувств человека, взволнованного вопросами о жизни его самого и общества, в котором он живет. Это лирическое выражение чувств, преимущественно с романтической окраской, вообще характерно для начальных периодов общественного подъема. Таким оно было и для ранней стадии формирования декабристской идеологии и всего движения дворянских революционеров в целом.

⁶⁴ В предшествовавшем письме друга, на которое отвечает Владимир, друг писал ему: «Хота тебе корчить г. Фобласа и вечно возиться с женщинами. Это недостойно тебя. В этом отношении ты отстал от своего века и сби- ваешься на *ci-devant* (бывшего, — Б. Г.) гвардии хрипуна 1807 г.».

Несмотря на большое разнообразие поэтических дарований того времени — Рылеева и Дельвига, Федора Глинки и Козлова, Жуковского и Кюхельбекера, Батюшкова и Катенина, можно все же выделить некоторые общие черты, связывающие этих поэтов, наметить отдельные идеи, темы и тематические циклы, характеризующие их лирику в целом как поэтический отклик наиболее значительных поэтов эпохи на общественный подъем тех лет. Это прежде всего углубленное внимание к внутреннему, духовному миру человека, признание за ним права на свободу проявления его личности, чувство красоты и радости жизни, культ земной любви как утверждение этой радости и красоты жизни и культ человеческой дружбы как утверждение духовной близости и родственности друзей-единомышленников, напряженные философские раздумья о смысле жизни, мечта об освобождении народа и вера в его великое будущее, глубокий интерес к народному прошлому, обостренное чувство природы как утверждение неповторимого национального начала русской жизни, интерес к народности в самом широком смысле этого слова и т. д.

Весь этот идейный и художественный комплекс становился в это время вместе с самой русской действительностью той почвой, которая питала неповторимую в своем своеобразии лирику Пушкина на этой стадии ее развития.

Это развитие происходило под непосредственным воздействием все более и более усложнявшейся общественной обстановки как реальный отклик поэта на новые задачи и вопросы, выдвигавшиеся самой жизнью, при этом все более и более крепнувший и развивавшийся гений Пушкина содействовал тому, что образ самого поэта, запечатленный в его лирике, становился выражением самых типических черт общенационального характера в его развитии и устремленности в будущее.

Это становится особенно заметным, если мы обратимся к общей задаче создания образа положительного героя — свободолюбца, патриота и борца за светлое будущее народа — задаче огромной важности, во весь рост поставленной перед литературой всем движением декабристов. Попытки решения этой задачи в творчестве наиболее выдающихся поэтов эпохи предпринимались в разных направлениях. Но если в конечном счете вся поэзия декабризма основными своими целями ставила и осуществляла преимущественно агитацию и пропаганду освободительных идей как таковых, далеко не всегда поднимаясь до конкретизации их в художественно воплощенном живом человеческом образе, то именно гражданская лирика Пушкина создавала живой образ свободолюбца, патриота и борца — подлинного героя декабристской эпохи. В первую очередь это — сам автор «Вольности», от своего лица свершающий страшный и справедливый суд над всеми царями вообще и от

своего же имени обращающийся к ним с требованием внять, пока не поздно, урокам истории:

И днесь учитесь, о цари...

Это — неподкупный певец, патриот, который своей благородной лирой никогда не хвалил земных богов:

И силе в гордости свободной
Кадилом лести не кадил.
(«К Н. Я. Пясковой», 1818).⁶⁵

Если он и воспел «на троне добродетель»⁶⁶ в лице императрицы Елизаветы Алексеевны, то лишь потому, что

... неподкупный голос мой
Был эхо русского народа.⁶⁷

Это — безгранично преданный делу свободы поэт, обращающийся к своему другу со словами непоколебимой веры в победу справедливости:

Товарищ, верь: взойдет она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!
(«К Чаадаеву», 1818).⁶⁸

⁶⁵ Впервые напечатано в «Соревнователе просвещения и благотворения» (1819, № 10) под заглавием: «Ответ на вызов написать стихи в честь ее императорского величества государыни императрицы Елизаветы Алексеевны». См.: А. Н. Шабунин. Пушкин и «Общество Елизаветы». «Пушкин. Временник Пушкинской комиссии», т. 1, Изд. Академии наук СССР, М., 1936, стр. 53—90.

⁶⁶ См. характерные для Пушкина колебания при обращении к этой несвойственной ему теме в черновом автографе:

[Я говорил — пускай Де<ржавин>]
[Пускай Жук<овский> нам]
[Когда Жуков<ский> лиру в руки]
[И независимые звуки]
(II, 545).

⁶⁷ Декабрист Ф. Н. Глинка, напечатавший это, по-видимому, внушенное им стихотворение Пушкина в органе Вольного общества любителей словесности, наук и художеств — журнале «Соревнователь просвещения и благотворения», был сторонником разрешения вопроса о конституционной монархии путем низложения Александра I и возведения на престол его жены — императрицы Елизаветы Алексеевны. Принципа конституционной монархии держался в то время и весь Союз Благоденствия. М. В. Нечкина справедливо видит отзвуки конспиративной политической подосновы стихотворения в строке «Елизавету тайно псал»: «почему бы жену императора надо воспевать тайно?», а также в концовке стиха, «говорящей о том, что, восхваляя Елизавету, неподкупный голос Пушкина становится эхом русского народа» (Движение декабристов, т. I, стр. 258).

⁶⁸ Впервые напечатано без разрешения Пушкина М. А. Бестужевым-Рюминым в искаженном и сильно сокращенном виде в альманахе «Сириус. Со-

Создававшийся такими стихотворениями образ благородного и неподкупного борца за счастье народа имел огромное политическое и воспитательное значение: он овладевал умами и возбуждал желание подражать ему.

В июне 1819 г. Пушкин перенес тяжелую болезнь. В. Л. Пушкин писал из Москвы П. А. Вяземскому: «Пожалей о нашем поэте Пушкине. Он болен злою горячкою. Брат мой в отчаянии, и я чрезвычайно огорчен такою печальною вестью. Тургенев пишет вчера, что ему немного лучше, но что опасность еще не миновалась».⁶⁹ Едва оправившись от болезни, Пушкин, «худой, обритый — но живой», выезжает в Михайловское:

От суеты столицы праздной,
От хладных прелестей Невы,
От вредной сплетницы молвы,
От скуки, столь разнообразной,
Меня зовут холмы, луга,
Тенисты клены огорода,
Пустынной речки берега
И деревенская свобода.

(«N. N.», 1819).⁷⁰

В Михайловском Пушкин пробыл до середины августа. Впечатления этого лета от русской деревни, как и более ранние (июль—август 1817 г.), в поэтическом сознании Пушкина преломлялись в двух направлениях. С одной стороны, спокойная деревенская жизнь и природа михайловских и тригорских окрестностей успокаивающе действовали на Пушкина после шума и суеты петербургской жизни (ср. в автобиографических записках 1824 г.: «Вышед из Лицея я почти тотчас уехал в псковскую деревню моей матери. Помню, как обрадовался сельской жизни, русской бане, клубнике и проч.») (XII, 304). Несколько идиллические впечатления такого рода сказались в черновом, необработанном наброске 1818 г.:

Могущий бог садов — паду перед тобой,
Прияп, ты, коему все жертвует в природе (?),

брани сочинений и переводов в стихах и прозе» (кн. I, СПб., 1826). В более расширенной редакции, но также с недопустимыми искажениями Бестужев-Рюмин перепечатал это стихотворение в другом своем альманахе — «Северная звезда» (СПб., 1829) (см. подробно об этом: Пушкин, Полное собрание сочинений, т. II, стр. 1042—1043). Возмущенный Пушкин собирался ответить в печати на этот неблагоприятный поступок Бестужева-Рюмина, но так и не напечатал написанной им по этому поводу заметки (см.: «О публикации Бестужева-Рюмина в «Северной Звезде»», Пушкин, Полное собрание сочинений, т. XI, стр. 82).

⁶⁹ М. А. Цявловский. Летопись..., т. I, стр. 182.

⁷⁰ Впервые напечатано в «Стихотворениях Александра Пушкина» (1826).

Твой лик уродливый поставил я с мольбой
 [В моем смиренном огороде],
 Не с тем, чтоб удалял ты своенравных коз
 И птичек от [плодов] и нежных <и> незрелых,
 Тебя украсил <я> венком <из> диких роз
 При пляске поселян веселых.⁷¹

И в более обработанном, но также незаконченном и оставшемся в черновой рукописи стихотворении того же 1818 г.:

Дубравы, где в тиши свободы
 Встречал я счастьем каждый день,
 Ступаю вновь под ваши своды,
 Под вашу дружескую тень. —
 И для [меня] воскресла радость,
 И душу взволновали вновь
 Моя потерянная младость,
 Тоски мучительная сладость
 [И сердца первая] любовь.
 Любовник муз уединенный,
 В «сени пленительных» дубрав,
 Я был свидетель умиленный
 Ее [младенческих] забав.⁷²

В этом необработанном стихотворении мы как бы заглядываем в самое тайное тайных рождения лирики Пушкина, присутствуем при создании первоначальных, еще смутных очертаний образов, которые потом расцветут в последующем творчестве. Так, строки:

И для [меня] воскресла радость,
 И душу взволновали вновь
 Моя потерянная младость,
 Тоски мучительная сладость
 [И сердца первая] любовь. —

через несколько лет в неизмеримо более совершенном виде оживут в стихотворении «К ***» (1825):

И сердце бьется в упоенье,
 И для него воскресли вновь
 И божество, и вдохновенье,
 И жизнь, и слезы, и любовь.

Строки:

· Любовник муз уединенный,
 В «сени пленительных» дубрав,
 Я был свидетель умиленный
 Ее [младенческих] забав. —

⁷¹ При жизни Пушкина не печатался.

⁷² При жизни Пушкина не печаталось.

будут положены в основу характеристики отношений Ленского и Ольги во II главе «Евгения Онегина» (1823):

Чуть отрок, Ольгою плененный,
Сердечных мук еще не зная,
Он был свидетель умиленный
Ее младенческих забав.

Уже со времени этих первых посещений деревни начинает создаваться тот неповторимый в своей прелести лиризм Тригорского:

Приду под липовые своды,
На скат тригорского холма —
(«Простите, верные дубравы!», 1817).

который через несколько лет так чудесно окрасит пушкинскую лирику его Михайловского изгнания.

К тому же циклу стихотворений, навеянных этими несколько идиллическими впечатлениями от русской природы и деревенской жизни, относится и написанное в Михайловском стихотворение «Домовому» (1819):⁷³

Поместья мирного незримый покровитель,
Тебя молю, мой добрый домовый,
Храни селенье, лес и дикой садик мой
И скромную семью моей обитель!
.....
Останься, тайный страж, в наследственной сени,
Постигни робостью полунощного вора
И от недружеского взора
Счастливый домик охрани!
Ходи вокруг него заботливым дозором,
Люби мой малый сад и берег сонных вод,
И сей укромный огород
С калиткой ветхою, с обрушенным забором!⁷⁴

Такова была одна сторона восприятия деревенской жизни Пушкиным в период между Лицеем и ссылкой. Но уже в 1819 г. в эти идиллические настроения врывается нечто совсем новое, резко и решительно противоречащее и «беспечному миру полей» («Простите, верные дубравы!», 1817), и «пляске поселян веселых» («Могущий бог садов — паду перед тобой», 1818), и «счастливому домику» («Домовому», 1819). Это новое назревало исподволь и

⁷³ Впервые напечатано в альманахе «Полярная звезда на 1824 год».

⁷⁴ Ср. в «Путешествии Онегина»:

Люблю песчаный косогор,
Перед избушкой две рябины,
Калитку, сломанный забор...

постепенно, но могло выявиться так резко и решительно лишь в 1819 г. в связи с тем мироощущением и отношением к жизни, которые начали складываться под воздействием все более и более усложнявшейся общественной обстановки и быстрого идейного и художественного созревания самого Пушкина.

Противопоставление прежнего идиллического отношения к деревенской жизни и нового отношения к ней и легло в основу знаменитого стихотворения «Деревня» (1819).⁷⁵

Стихотворение это создавалось на определенной социально-политической почве.⁷⁶ В связи с общей склонностью Союза Спасения, а затем и Союза Благоденствия первых лет его существования к конституционному разрешению вопроса о монархии задача освобождения крестьян связывалась на первых порах с актом доброй воли самого правительства.

В обществе распространялись слухи, что сам Александр I склонен к этой реформе. «Император Александр, — пишет в своих „Записках“ декабрист И. Д. Якушкин, — стыдился перед Европой, что более 10 миллионов его подданных — рабы, но непоследовательным своим поведением он смущал только умы, нисколько не подвигая дела вперед».⁷⁷ В Обществе, как показывал Пестель на следствии, «с самого начала говорено было о желании даровать свободу крепостным крестьянам и для того пригласить большую часть дворянства к подаанию о том просьбы государю императору», чтобы помочь правительству в этом важном деле. Правда, оговаривал Пестель, «первоначальная мысль о сем была кратковременна: ибо скоро получили мы убеждение, что нельзя будет к тому дво-

⁷⁵ В своем полном виде «Деревня» при жизни Пушкина напечатана не была. 14 стихов из нее (1—8 и 21—26) впервые без разрешения Пушкина с искажениями и сокращениями были напечатаны М. А. Бестужевым-Рюминым в его альманахе «Майский листок» (СПб., 1824) в качестве эпиграфа к стихотворению другого автора. После этого начало «Деревни» (первые 34 стиха — до строки «Но мысль ужасная здесь душу омрачает») было напечатано самим Пушкиным в «Стихотворениях» (1826) под заглавием «Уединение». Не будучи напечатана при жизни Пушкина полностью, «Деревня» распространялась во множестве рукописных списков, зачастую значительно искажавших подлинный текст стихотворения. Например, в списке, принадлежавшем П. А. Вяземскому и дошедшем до нас в составе его Остафьевского архива, стих «И рабство, падшее по мнению царя» читается так: «И рабство падшее и падшего царя». В списке Вяземский исправил это чтение, написав: «по манию царя» (см. подробнее: Пушкин, Полное собрание сочинений, т. II, стр. 1053 и сл.).

⁷⁶ О «Деревне» говорится в каждом обобщающем исследовании творчества Пушкина. Из последних работ см.: Д. Д. Благой. Творческий путь Пушкина (1813—1836). Изд. Академии наук СССР, М., 1950, стр. 170—174; Б. Томашевский. Пушкин. Книга первая, стр. 183—188; Н. Л. Степанов. Лирика Пушкина. М., 1959, стр. 297—309, и др.

⁷⁷ И. Д. Якушкин. Записки, статьи, письма, стр. 21.

рянство склонить», тем не менее «суждения и разговоры о сем продолжались весь 1817, 1818 и 1819 годы».⁷⁸

Один из активнейших пропагандистов этой идеи — Н. И. Тургенев даже поставил вопрос о помощи правительству в деле освобождения крестьян на одном из собраний «Арзамаса». 29 сентября 1817 г. он записал в своем дневнике: «Третьего дня был у нас Арзамас. Нечаянно мы отклонились от литературы и начали говорить о политике внутренней. Все согласны в необходимости уничтожить рабство; но средства предпринимаемые не всем нравятся. Я также желал бы, чтобы это сделалось иным образом; но так как мы не имеем выбора, то надобно принять то, что дают. Надобно всем благоразумным людям споспешествовать правительству в сем добром деле и мыслию, и словом, и делом. Цель добрая; надобно, чтобы средства были сколь можно безвреднее. Споспешествовать не для правительства, а для самой вещи».⁷⁹

Едва ли это было не то самое собрание, на котором молодой Пушкин читал свою стихотворную вступительную речь: «Венец желаниям! Итак я вижу вас, / О други смелых муз, о дивный Арзамас!».⁸⁰

С начала 1818 г. Н. И. Тургенев сам начинает работать над запиской «Нечто о крепостном состоянии в России», предназначенной для подачи Александру I. Законченная в конце этого года, «Записка» Тургенева пролежала у него весь 1819 г. и только в начале 1820 г. была отправлена через Ф. Н. Глинку по назначению.

Такова была общественная атмосфера, которая окружала Пушкина в период создания им «Деревни».

Представляется вероятным, что в условиях самого близкого общения Пушкина с братьями Тургеневыми, какое было в 1818—1819 гг., Пушкин был осведомлен о работе Н. И. Тургенева над его «Запиской» и был знаком с ее содержанием.

Создавая свою «Деревню» на основе личных впечатлений о деревенской жизни в Михайловском, Пушкин в то же время несомненно отталкивался и от «Записки» Н. И. Тургенева, связь с которой явственно прослеживается в пушкинском стихотворении даже в композиционном отношении. Приведем несколько сопоставлений, сохраняющих последовательность изложения «Записки».

⁷⁸ Избранные социально-политические и философские произведения декабристов, т. II. Госполитиздат, М., 1951, стр. 169.

⁷⁹ Там же, т. I, стр. 193.

⁸⁰ По словам Н. И. Тургенева, это собрание состоялось 26—27 сентября (запись 29 сентября: «Третьего дня был у нас Арзамас»). М. А. Цявловский в своей «Летописи...» (т. I, стр. 136), основываясь на данных П. И. Бартечева, определяет дату собрания «Арзамаса», на котором впервые присутствовал Пушкин, так: «Сентябрь. 25(?)... Октябрь. 5(?)».

Н. И. Тургенев, «Нечто о крепостном состоянии в России»:

Здесь рабство представляется нам во всем своем ужасе.

«Деревня» Пушкина:

Здесь Рабство тощее влачится по браздам
Неумолимого Владельца.

Н. И. Тургенев:

Известно, что многие помещики, сверх трех дней работы, берут с крестьян другие подати в натуре и деньгами. Известно, что некоторые заставляют крестьян своих работать не 3, а 4, 5 и даже 6 дней в неделю.

«Деревня»:

Здесь Барство дикое, без чувства, без закона,
Присвоило себе насильственной лозой
И труд, и собственность, и время земледельца.

Н. И. Тургенев:

Кроме крестьян, существует у нас класс людей, который еще яснее носит на себе печать рабства, а именно: *дворовые люди*.

«Деревня»:

Опора милая стареющих отцов,
Младые сыновья, товарищи трудов,
Из хижины родной идут собой умножить
Дворовые толпы измученных рабов.

И даже характерная концовка пушкинского стихотворения:

Увижу ль, о друзья! народ неугнетенный
И Рабство падшее по манию царя...

во многом соответствует завершающему выводу тургеневской «Записки»:

Итак, согласимся в том, что одно только правительство может приступить к улучшению жребия крестьян. Люди, благомыслящие и знающие всю прелесть чувства исполнения обязанности, могут и должны в сем случае содействовать благим намерениям правительства и требованиям Отечества...⁸¹

Все это так. Но насколько содержание пушкинской «Деревни» шире ограниченных задач, положенных в основу «Записки» Н. И. Тургенева!

И конечно, эмоциональная мощь «Деревни» явилась живым откликом не столько на довольно общее тургеневское изложение широко распространенных в то время суждений о необходимости освобождения крестьян, сколько на непосредственные впечатления самого Пушкина, еще заставшего в Михайловском живых свидетелей крепостнических расправ Ганнибалов и Вындомских, когда, как выразительно говорилось в то время, «людей у них выносили на простынях».⁸² В этом отношении стоит сравнить картины пуш-

⁸¹ Избранные социально-политические и философские произведения декабристов, т. I, стр. 218—220.

⁸² П. В. Анненков. А. С. Пушкин в Александровскую эпоху, стр. 12; см. также: Г. М. Девич и Г. М. Фридендер. 1) Пушкин и крестьянские

кинской «Деревни» с некоторыми мотивами деревенской дворянско-поместной жизни у Державина, чтобы стала очевидной резкая и определенная антидворянская направленность пушкинского стихотворения.

Пушкин пишет:

Здесь девы юные цветут
Для прихоти бесчувственной злодея.

Об этой «прихоти» совсем в ином тоне (пожалуй, даже с восхищением и полным знанием дела) говорится у Державина в его приветственной оде, обращенной к откупщику М. С. Голикову:

В вертепе мраморном, прохладном,
В котором льется водоскат,⁸³
На ложе роз благоуханном,
Средь лени, неги и отрад,
Любовью распаленный страстной,
С молодой, веселою, прекрасной
И нежной нимфой ты сидишь;
Она поет, ты страстью таешь,
То с ней в весельи утопаешь,
То, утомлен весельем, спишь.⁸⁴

Пушкин пишет:

Опора милая стареющих отцов,
Младые сыновья, товарищи трудов,
Из хижины родной идут собой умножить
Дворовые толпы измученных рабов.

Об этих дворовых рабах, используя даже это самое слово «раб» как привычное и общепотребительное, Державин пишет в стихотворении «Евгению. Жизнь Званская» как о чем-то обычном, само собой разумеющемся:

Бьет полдня час, рабы служить к столу бегут;
Идет за трапезу гостей хозяйка с хором...

Эта подчеркнутая в пушкинском стихотворении антидворянская направленность была тотчас же замечена и различно оценена дворянской средой, в том числе даже самыми близкими друзьями

волнения 1826 года. «Литературное наследство», т. 58, 1952, стр. 195—210; 2) «Деревня» Пушкина и антикрепостническая мысль конца 1810-х годов. «Литературное наследство», т. 60, кн. I, 1956, стр. 375—392; Г. Дейч. Псковские декабристы. Литературный альманах «На берегах Великой», кн. 5, Псков, 1954, стр. 136—155; Н. А. Малеванов. Волнения крестьян в селе Тригорском в конце XVIII века и стихотворение Пушкина «Деревня». Сб. «Пушкин. Исследования и материалы», II, Изд. Академии наук СССР, М.—Л., 1958, стр. 369—381, и др.

⁸³ Т. е. фонтан.

⁸⁴ Державин, Сочинения, ч. I, стр. 200.

Пушкина, находившими картины крепостного рабства, изображенные в «Деревне», «преувеличенными». Так, А. И. Тургенев писал П. А. Вяземскому: «Прислал ли я тебе „Деревню“ Пушкина? Есть сильные и прелестные стихи, но и преувеличения на счет псковского хамства».⁸⁵

Суждения А. И. Тургенева по поводу «преувеличения на счет псковского хамства» представляют значительный интерес для понимания самого существа творческого метода Пушкина, проявившегося в «Деревне» не в фиксации отдельных фактов и конкретных злоупотреблений именно псковских помещиков-крепостников, но в стремлении дать типизированную для всей русской действительности, обобщенную картину крепостного права в целом.⁸⁶

Высокая, гневная речь, обличающая крепостничество в целом, ведется в «Деревне» от лица автора-гражданина, в том его осмыслении, какое начало складываться уже в 1817 г. в строках стихотворения «Простите, верные дубравы!»:

Приду под липовые своды,
На скат тригорского холма,
Поклонник дружеской свободы,
Веселья, граций и ума.

Теперь этот образ поклонника свободы и ума приобретает еще более высокое качество — «друга человечества», поднимающего свой голос страстного протеста от имени всего человечества. В этом, несомненно, сказалось отражение характернейших традиций высокого гражданского стиля европейского просвещения, что было вполне естественно для пробуждавшейся к новой жизни России XIX в. Гражданские поэты складывавшейся в России дворянской революционности провозглашали свои общественные и этические лозунги, опираясь во многом на словесные формулы, уже созданные реальной революционной борьбой в Западной Европе, преимущественно во Франции конца XVIII в.⁸⁷ Эти формулы, рождавшиеся на конкретной почве французской действительности, приобретали совершенно новое качество и наполнялись иным, ори-

⁸⁵ Письмо от 26 августа 1819 г. Остафьевский архив князей Вяземских, т. I, 1899, стр. 296. «Хамами» братья Тургеневы именовали крепостников-помещиков, см.: Г. М. Д е й ч и Г. М. Ф р и д л е н д е р. «Деревня» Пушкина и антикрепостническая мысль конца 1810-х годов, стр. 376; Н. А. М а л е в а н о в. Волнения крестьян в селе Тригорском в конце XVIII века и стихотворение Пушкина «Деревня», стр. 369—371.

⁸⁶ В этом отношении права М. В. Нечкина, отметившая, что «„Деревня“ была разоблачением *существа* крепостничества, при этом разоблачением, проведенным с большой идейной глубиной, научной полнотой и высокой страстностью. Никак нельзя считать это стихотворение протестом лишь против злоупотреблений крепостников» (Движение декабристов, т. I, стр. 235).

⁸⁷ Ср., например, название газеты Марата — «Друг народа».

гинальным и отличным от первоначального, русским национальным содержанием. Эта традиция сказывалась и в сложной поэтике олицетворений отвлеченных понятий, характерной для русской гражданской поэзии конца XVIII—начала XIX в., корнями своими уходившей также в своеобразный стиль высокого революционного классицизма, созданного атмосферой французской революционной борьбы. Ср. в пушкинской «Деревне»:

Друг человечества печально замечает
Везде Невежества убийственный Позор.
Не видя слез, не внемля стоа,
На пагубу людей избранное Судьбой,
Здесь Барство дикое, без чувства, без закона,
Присвоило себе насильственной лозой
И труд, и собственность, и время земледельца.

Высокий ораторский пафос «Деревни» еще более подчеркнут характерным строем вольного разностопного ямбического стиха, столь неуместного для прежней пушкинской мечтательной и медитативной лирики, но так созвучного страстной патетике ораторской речи в гневных отрицаниях и призывах «Деревни».⁸⁸

Вместе с разработкой приемов патетически страстной ораторской речи, которые потом скажутся в таких позднейших стихотворениях, как «Андрей Шенье» (1825), «Клеветникам России» (1831) и др., в «Деревне» продолжает развиваться и тот проникновенный лиризм природы михайловских окрестностей:

Здесь вижу двух озер лазурные равнины,
Где парус рыбака белеет иногда,
За ними ряд холмов и нивы полосаты,
Вдали рассыпанные хаты,
На влажных берегах бродящие стада,
Овины дымные и мельницы крилаты. —

который потом окрасит пейзажные мотивы «Евгения Онегина» и наиболее полно и ярко проявится в стихотворении «Вновь я посетил...» (1835).

Создававшаяся почти одновременно с завершением работы Н. И. Тургенева над его запиской «Нечто о крепостном состоянии в России» «Деревня» Пушкина, как можно думать, преследовала те же цели воздействия на правительство.⁸⁹ Стихотворение было

⁸⁸ О роли вольных ямбов в пушкинском стихе см.: Г. О. Винокур. Вольные ямбы Пушкина. Пушкин и его современники, вып. XXXVIII—XXXIX, 1930.

⁸⁹ Ср.: «Стихотворение явно было написано для подачи царю, оно задавалось заранее этой целью, в чем нас убеждает его концовка; оно имело адрес — обращалось к императору с открытым настоянием немедленного освобождения» (М. В. Нечкина. Движение декабристов, т. I, стр. 236).

доведено до царя П. Я. Чаадаевым через кн. И. В. Васильчикова в ответ на высказанное Александром I пожелание ознакомиться с какими-нибудь еще не напечатанными стихами Пушкина, «памятного ему еще с Лицея». ⁹⁰ По свидетельству современников, прочитав пушкинскую «Деревню», Александр I сказал Васильчикову: «Remerciez Pouchkine des nobles sentiments, qui inspirent ses vers» («Поблагодарите Пушкина за добрые чувства, вдохновляющие его стихи»), ⁹¹ а в другой передаче: «Faites remercier Pouchkine des bons sentiments, que ses vers inspirent» («Передайте благодарность Пушкину за добрые чувства, которые его стихи вызывают»). ⁹² Предположение П. О. Морозова о том, что слова Александра I о «добрых чувствах» отразились в строке стихотворения «Я памятник воздвиг себе нерукотворный» (1836):

Что чувства добрые я лирой пробуждал... ⁹³

представляется неубедительным.

IV

В сложных и противоречивых условиях конца 1810-х—начала 1820-х годов сама историческая, социальная и культурная обстановка создавала определенный строй мыслей, определенный психологический комплекс, который порой ускользает от внимания исследователей. «Поймут ли, оценят ли прядущие люди весь ужас, всю трагическую сторону нашего существования, — записывает Герцен в своем дневнике, — а между тем наши страдания — почка, из которой разовьется их счастье. Поймут ли они, отчего мы лентяи, отчего ищем всяких наслаждений, пьем вино... и пр.? Отчего руки не поднимаются на большой труд? Отчего в минуту восторга не забываем тоски? .. О, пусть они остановятся с мыслью и с грустью перед камнями, под которыми мы уснем, мы заслужили их грусть.

⁹⁰ В своей работе «Представление „Деревни“ Пушкина Александру I» (извлечение из книги «Политическая лирика Пушкина», подготовлявшейся М. А. Цявловским к печати) М. А. Цявловский высказывает несколько отличное от догадки М. В. Нечкиной предположение, что желание царя «доставить ему ненапечатанные стихи Пушкина носило, в сущности, провокационный характер», так как было высказано Александром I вскоре после написания Пушкиным и молниеносного распространения в столице пушкинской эпиграммы на Аракчеева (Сб. «Пушкин. Исследования и материалы», II, Изд. Академии наук СССР, М.—Л., 1958, стр. 384).

⁹¹ Там же, стр. 383, со ссылкой на рассказ П. Я. Чаадаева, переданный М. Н. Лонгиновым («Русский вестник», 1862, т. 42, стр. 126).

⁹² Там же, с ссылкой на запись Жихарева («Вестник Европы», 1871, т. IV, июль, стр. 196).

⁹³ Пушкин, Полное собрание сочинений, т. I, под ред. С. А. Венгерова, 1907, стр. 534.

...Нас убивает пустота и беспорядок в прошедшем, как в настоящем отсутствие всяких общих интересов».⁹⁴

Близость этой характеристики к психологическому типу, созданному Пушкиным в «Кавказском пленнике», бросается в глаза. Не потому ли передовые люди дворянской России так восторженно приняли «Кавказского пленника», что видели в нем отражение некоторых своих черт?

Вот другое, не менее замечательное высказывание, характеризующее ту же эпоху и ту же среду. Это — пушкинская характеристика Грибоедова и обстановки, вызвавшей отъезд его в Грузию: «Я познакомился с Грибоедовым в 1817 году. Его меланхолический характер, его озлобленный ум, его добродушие, самые его слабости и пороки, неизбежные спутники человечества, — все в нем было необыкновенно привлекательно. Рожденный с честолюбием, равным его дарованиям, долго был он опутан сетями мелочных нужд и неизвестности... Он почувствовал необходимость расчесться единожды навсегда со своею молодостию и круто поворотить свою жизнь. Он простился с Петербургом и с праздною рассеянностью; уехал в Грузию...» (VIII, 461).

Эти пушкинские строки характеризуют не одного только Грибоедова, но и вполне определенный и законченный психологический тип.

Достаточно вспомнить характеристику Онегина, чтобы почувствовать родственность этих типов:

С ним подружился я в то время.
Мне нравились его черты,
Мечтам невольная преданность,
Неподражательная странность,
И резкий охлажденный ум.
Я был озлоблен, он угрюм;
Страстей игру мы знали оба:
Томила жизнь обоих нас;
В обоих сердца жар угас;
Обоих ожидала злоба
Слепой Фортуны и людей
На самом утре наших дней.

Именно в ореоле этой типичности для своей эпохи воспринимали онегинский тип и современники: «... описание воспитания героя, столицы, портреты людей, коих ты узнаешь с первого разу...», — писал в январе 1824 г. П. А. Муханов Рылееву о первой главе «Евгения Онегина».⁹⁵

Далеко не случайно, что, представляя в первой главе «Евгения Онегина» своего «доброего приятеля» петербургским друзьям,

⁹⁴ А. И. Герцен, т. II, 1954, стр. 226—227.

⁹⁵ М. А. Цявловский. Летопись..., т. I, стр. 435.

Пушкин сознательно и подчеркнуто окружает имя своего героя именами деятелей декабристского движения 1817—1820-х гг. П. А. Катенина («Там наш Катенин воскресил / Корнеля гений величавый»), П. П. Каверина («...он уверен, / Что там уж ждет его Каверин»), П. Я. Чаадаева («Второй Чадаев, мой Евгений...»).

Создавая многогранный, очень сложный и противоречивый образ своего героя, Пушкин настойчиво подбирает для его характеристики наиболее типические черты совершенно определенного психологического склада.

Так, часто ложно понимаемые в ироническом свете из-за слишком прямолинейного толкования некоторых сопутствующих пушкинских выражений (например, «чтоб только время проводить») первые деревенские попытки Онегина «порядок новый учредить» приобретают явно типический характер, если сопоставить с ними далеко не единичные аналогичные данные о некоторых членах тайных обществ, являвшихся в то же время и владельцами крестьян.

Побывавший летом 1818 г. в своих имениях, Н. И. Тургенев принимает решение перевести крестьян на оброк. Первым распоряжением приехавшего в 1819 г. в свое смоленское имение И. Д. Якушкина «было уменьшить наполовину господскую запашку».⁹⁶

В свете этого строки:

Ярем он барщины старинной
Оброком легким заменил;
И раб судьбу благословил, —

приобретают значение социально-типической характеристики.

Тот же Якушкин рассказывает, что, по просьбе крестьян, он решил пожить с ними некоторое время и вскоре переехал в деревню: «Соседи тотчас прислали поздравить с приездом, обещая каждый скоро посетить меня; но я через посланных их просил перед ними извинения, что теперь никого из них не могу принять. Меня оставили в покое, но, разумеется, смотрели на меня, как на чудака».⁹⁷

Достаточно сравнить с этим рассказом Якушкина широко известную строфу из «Евгения Онегина»:

Сначала все к нему езжали;
Но так как с заднего крыльца
Обыкновенно подавали
Ему донского жеребца...

⁹⁶ И. Д. Якушкин. Записки, статьи, письма, стр. 25.

⁹⁷ Там же.

Поступком оскорбься таким,
Все дружбу прекратили с ним. —

чтобы стало ясно, что Пушкин, передавая эту ситуацию, воспроизвел здесь не единичный случай, показывающий нелюдимость Онегина, но дал глубокую художественную характеристику складывавшихся к тому времени отношений между представителями старого и нового в тогдашней русской жизни.

Этот комплекс идей, переживаний и настроений, характеризующих духовный склад и образ мыслей «петербургского молодого человека в конце 1819 года»,⁹⁸ каким он рисовался Пушкину в работе над двумя первыми главами «Евгения Онегина» в 1823 г., в основных своих чертах начал складываться в лирике Пушкина уже в период между Лицеем и ссылкой. Образы автора и его друзей в стихотворениях Пушкина этой поры, особенно в его дружеских посланиях, становились объективным отражением характерных черт человека того времени, жизни общества, исторических, общественных и культурных устремлений эпохи.

Черты образа достаточно пресыщенного светской жизнью, свободно мыслящего и критически относящегося ко всему окружающему молодого человека проскальзывают уже в послании «Всеволожскому» (1819),⁹⁹ охарактеризованному в этом послании как «счастливый сын пиров», «балованный дитя Свободы» и

... знаток
В неведомой науке счастья.¹⁰⁰

Напутствуя своего друга перед его поездкой в Москву,

Где наслажденьям знают цену,

Пушкин уже в этом послании предсказывает ему тот путь, на который несколько позднее вступит в пушкинском романе в стихах уставший от светской жизни Евгений:

Всего минутный наблюдатель,
Ты посмеешься под рукой;
Но вскоре, верный обожатель
Забав и лени золотой,
Держась моего совета
И волю всей душой любя,
Оставишь круг большого света
И жить решишься для себя.

⁹⁸ Предисловие Пушкина к первой главе «Евгения Онегина» (1825).

⁹⁹ Впервые напечатано в «Стихотворениях Александра Пушкина» (1826).

¹⁰⁰ Ср. в «Евгении Онегине» (гл. I, строфа VIII):

Но в чем он истинный был гений,
Что знал он тверже всех наук,
Была наука страсти нежной...

В начале послания Пушкин обращается к своему другу со словами, явно определяющими строй мыслей обоих друзей и характер их привычных бесед, что подчеркивается словом «итак», подразумевающим повторность высказываемых суждений:

Итак, от наших берегов,
От мертвой области рабов,
Капральства, прихотей и моды
Ты скачешь в мирную Москву.

Тот же мотив добровольного отказа от суеты большого света — в «Послании к кн. Горчакову» (1819):¹⁰¹

Как ты, мой друг, в неопытные лета,
Опасною прельщенный суетой,
Терял я жизнь и чувства и покой;
Но угорел в чаду большого света
И отдохнуть убрался я домой.

в «Стансах Толстому» (1819):¹⁰²

Философ ранний, ты бежишь
Пиров и наслаждений жизни,
На игры младости глядишь
С молчаньем хладным укоризны.

Ты милые забавы света
На грусть и скуку променял
И на лампаду Эпиктета
Златой Горациев фиал.

Особенно примечательны сложившиеся в лирике этих лет и ярко проявившиеся в послании к кн. Горчакову противопоставления двух непримиримо противоположных и враждебных лагерей тогдашнего светского общества, непосредственно предваряющие основной пафос грибоедовского «Горя от ума»:

И, признаюсь, мне во сто крат милее
Младых повес счастливая семья,
Где ум кипит, где в мыслях волен я,
Где спорю вслух, где чувствую живее,
И где мы все — прекрасного друзья,
Чем вялые, бездушные собранья,
Где ум хранит невольное молчанье,
Где холодом сердца поражены,
Где Бутурлин — невежд законодатель,
Где Шепинг — царь, а скука — председатель,
Где глупостью единой все равны.
Я помню их, детей самолюбивых,
Злых без ума, без гордости спесивых,
И, разглядев, тиранов модных зал,
Чуждаюсь их укоров и похвал!..

¹⁰¹ При жизни Пушкина не печаталось.

¹⁰² Впервые напечатано в «Стихотворениях Александра Пушкина» (1826).

Последующие строки этого послания прямо готовят соответствующие картины светского общества в VIII главе «Евгения Онегина»:

Когда в кругу Лаис благочестивых
Затянутый невежда-генерал
С трудом острит французский мадригал,
Глядя на всех с нахальством благосклонным,
И все вокруг и дремлют, и молчат,
Крутят усы и шпорами бренчат,
Да изредка с улыбкою зевают...

V

1820 год — знаменательный год как в истории освободительного движения вообще, так и в личной жизни Пушкина. В России этот год был озаглавлен широкими крестьянскими волнениями, охватившими значительное число губерний, и восстанием Семеновского полка. На Западе он был отмечен революционными движениями в Испании, Португалии, восстаниями в Неаполе, Пьемонте и рядом других национально-освободительных движений. В истории декабризма это был год окончательной победы в Союзе Благоденствия республиканской идеи. В личной жизни Пушкина он принес высылку поэта из Петербурга.

В начале этого года на заседании Коренной думы Союза Благоденствия было принято решение о республиканской форме правления будущей России, а на одном из следующих заседаний обсуждался вопрос о цареубийстве. На цареубийстве, как необходимой предпосылке введения республиканского строя, особенно активно настаивал Никита Муравьев, против этого решения восставал Илья Долгоруков.

Осведомленность Пушкина в делах тайного общества именно этого периода явственно сказалась в X главе «Евгения Онегина», где совершенно определенно говорится об атмосфере, царившей в Союзе Благоденствия именно в начале 1820 г., когда на очередь встал вопрос о «цареубийственном кинжале» и когда «беспокойный Никита» настаивал на его применении, а «осторожный Илья» отговаривал от этого шага. Упоминание о том, что «цареубийственный кинжал» «казалось молча обнажал» «меланхолический Якушкин», добровольно бравший на себя обязанность цареубийцы еще в 1817 г. на Московском совещании Союза Спасения, лишний раз свидетельствует о самом тесном общении Пушкина с подавляющим большинством руководящих участников движения. Ведь почти ни с кем из участников тайных совещаний начала 1820 г., кроме И. Д. Якушкина, с которым Пушкин вновь встретился вскоре в Каменке, он более уже не встречался, так как иных уже не было в живых, а другие были «далече». Из недавно опубликованных

показаний декабриста И. Н. Горсткина¹⁰³ с несомненностью устанавливается неоднократное посещение Пушкиным все-таки, по-видимому, не «собраний Союза Благоденствия у Ильи Долгорукова», как пишет опубликовавшая этот документ М. В. Нечкина,¹⁰⁴ а просто «вечеров» у И. А. Долгорукова, подобных «вечерам» у Никиты Муравьева, о которых сообщает тот же Горсткин и на которых он «встречал частенько лица, отнюдь не принадлежавшие обществу».¹⁰⁵

Не будучи членом тайного общества, Пушкин был осведомлен о многом, по-видимому, в несравненно большей степени, чем это представляется сейчас по сохранившимся и дошедшим до нас документам. Впоследствии Пушкин имел все основания объяснить уничтожение своих автобиографических записок после получения известия о декабрьских событиях тем, что «они могли замешать многих и, может быть, умножить число жертв» (XII, 432). Та же X глава «Евгения Онегина» содержит совершенно определенное и недвусмысленное автопризнание Пушкина, что он бывал в среде членов Союза Благоденствия и даже читал там свои «ноэли».

Политическая активность Пушкина этого времени поразительна. Лицемерное обещание Александра I в речи на открытии Польского сейма в марте 1818 г. распространить конституционную форму правления на всю Россию в качестве отклика тотчас же вызывает пушкинское стихотворение «Сказки. Noël» (1818) («Урал в Россию скачет / Кочующий деспот...»),¹⁰⁶ где обещания царя открыто объявляются «сказками».

Дошедшие до Петербурга в апреле 1819 г. сообщения об убийстве в Мангейме 11 (23) марта студентом Зандом реакционного писателя и агента Священного союза Августа Коцебу, а также впечатления от осуществленных под личным руководством Аракчеева бесчеловечных по своей исключительной жестокости казней над участниками военного восстания в Чугуевском уланском полку в августе того же года своим непосредственным откликом вызывают эпиграммы Пушкина на Аракчеева (1819):¹⁰⁷

В столице он — капрал, в Чугуеве — Нерон:
Кинжала Зандова везде достоин он.

¹⁰³ «Литературное наследство», т. 58, 1952, стр. 155—162.

¹⁰⁴ Там же, стр. 159.

¹⁰⁵ Там же.

¹⁰⁶ Стихотворение при жизни Пушкина не печаталось, но широко распространялось во множестве рукописных списков под различными заглавиями: «Ура или Возвращение Александра из Конгресса», «На возврат государя», «Басня» и пр.

¹⁰⁷ При жизни Пушкина не печаталась. См. об этом: М. А. Цявловский и др. 1) Эпиграмма Пушкина на Аракчеева, «Литературный критик», 1940, № 7—8, стр. 217—229; 2) Представление «Деревни» Пушкина Александру I, стр. 382—385.

и на А. С. Стурдзу (1819):¹⁰⁸

Холоп венчанного солдата,
Благодари свою судьбу
Ты стоишь лавров Герострата
И смерти немца Коцебу.

Первые же сообщения о начавшейся в январе 1820 г. в Испании военной революции немедленно отзываются в пушкинской лирике стихотворением «Мне бой знаком — люблю я звук мечей» (февраль 1820 г.)¹⁰⁹ с замечательной концовкой, свежо и неожиданно переводящей традиционную и давно уже разработанную в русской поэзии «военную» тему в область глубоко личной, интимной лирики, соединяющей воедино мотивы цветущей молодости, верности идеалам борьбы за свободу и любви:

Во цвете лет свободы верный воин,
Перед собой кто смерти не видал,
Тот полного веселья не вкушал
И милых жен лобзаний не достоин.

Едва доходит до Петербурга из Парижа известие об убийстве в феврале того же года Лувелем герцога Беррийского, как Пушкин уже показывает друзьям и знакомым в театре портрет Лувеля с своей надписью: «Урок царям».

Создававшееся в обществе представление о том, что на всякое общественно-политическое событие¹¹⁰ или примечательное литературное явление¹¹¹ Пушкин тотчас же откликнется эпитаграммой или каким-либо иным острым общественно-литературным выступлением, приводило к тому, что когда издатель «Отечественных записок» П. П. Свиньин напечатал в «Сыне отечества» (1818, т. 49, № 39—40) статью «Поездка в Грузию»¹¹² с льстивым по адресу Аракчеева стихотворным эпитаграммом к ней, П. А. Вяземский писал из Варшавы А. И. Тургеневу: «Ведь это, ей-богу, стыдное дело, что мне из-за границы должно отправлять вашу политику. У вас под носом режут и грабят; Свиньин полоскается в грязи и пишет

¹⁰⁸ При жизни Пушкина не печаталась.

¹⁰⁹ При жизни Пушкина не печаталось.

¹¹⁰ См. эпитаграммы на Александра I («Воспитанный под барабаном»), на Аракчеева («Всей России притеснитель»), на кн. Голицына («Вот Хвостовой покровитель»), и др.

¹¹¹ См. эпитаграммы на Карамзина («Послушайте: я сказку вам начну» и «В его „Истории“ изящность, простота»), на Качевовского («Бессмертную руку раздавленный Зоил»), и др.

¹¹² Поместье Аракчеева.

стихи, и еще какие,¹¹³ а вы ни слова, как будто не ваше дело. Да чего же смотрит Сверчок, полуночный бутушник? При каждом таком бесчинстве должен он крикнуть эпитаграмму.¹¹⁴

Гражданская лирика Пушкина и его эпитаграммы получали в эти годы широчайшее распространение:

Тогда гремел, звучней, чем пушки,
Своим стихом лицейский Пушкин —

писал впоследствии Ф. Н. Глинка.¹¹⁵

М. П. Бестужев-Рюмин в своих показаниях Следственной комиссии по делу декабристов говорил: «Рукописных экземпляров вольнодумческих сочинений Пушкина и прочих столько по полкам, что это нас самих удивляло».¹¹⁶ И. Д. Якушкин в своих «Записках» рассказывает о встречах с Пушкиным в Каменке: «Я ему прочел его Noël „Урал в Россию скачет“, и он очень удивился, как я его знаю, а между тем все его ненапечатанные сочинения: *Деревня*, *Кинжал*, *Четырехстишие к Аракчееву*, *Послание к Петру Чадаеву* и много других, были не только всем известны, но в то время не было сколько-нибудь грамотного прапорщика в армии, который не знал их наизусть».¹¹⁷

Все это не могло не обратить на Пушкина внимание правительства. По Петербургу стали распространяться разного рода слухи и сплетни, иногда доходившие до Пушкина и вызывавшие соответствующую реакцию с его стороны. В своем черновом и, по-видимому, неотосланном письме к Александру I из Михайловского начала июля—сентября 1825 г. Пушкин откровенно рассказал

113

Я весь объехал белый свет:
Зрел Лондон, Лиссабон, Рим, Трою,
Дивился многому умом,
Но только в Грузии одним
Был счастлив сердцем и душою
И сожалел, что не поэт!

¹¹⁴ Остафьевский архив, т. I, 1899, стр. 129—130.

¹¹⁵ «Стихи о бывшем Семеновском полку». Поэзия декабристов. Библиотека поэта, Большая серия, Л., 1950, стр. 602; см. также: М. В. Нечкина. Движение декабристов, т. I, стр. 123. Слова «лицейский Пушкин» М. В. Нечкина понимает буквально: «Пушкин кончил Лицей в 1817 г., следовательно, речь идет о более ранних годах» (там же). С этим нельзя согласиться. В пушкинской лицейской лирике отсутствуют стихи, которые в политическом отношении гремели бы «звучнее, чем пушки». Ф. Н. Глинка имеет в виду стихи 1817—1820 гг. «Лицейским», или «молодым», называли в это время Пушкина в отличие от его дяди — В. Л. Пушкина, также поэта.

¹¹⁶ Восстание декабристов. Материалы, т. IX, М., 1950, стр. 118.

¹¹⁷ Записки И. Д. Якушкина, изд. 3-е. СПб., 1905, стр. 50. В издании «Записки, статьи, письма декабриста И. Д. Якушкина» (Изд. Академии наук СССР, М., 1951, стр. 41) данная цитата приведена с искажением (вместо «ненапечатанных» — «напечатанных»).

о своих переживаниях этого времени: «Необдуманнные речи, сатирические стихи [обратили на меня внимание в обществе], распространялись сплетни, будто я был отведен в тайную канцелярию и выгсечен.¹¹⁸ До меня позже всех дошли эти сплетни, сделавшиеся общим достоянием, я почувствовал себя опозоренным в общественном мнении, я впал в отчаяние, дрался на дуэли — мне было 20 лет в 1820 <году> — я размышлял, не следует ли мне покончить с собой или убить — V.¹¹⁹ В первом случае я только подтвердил бы сплетни, меня бесчестившие, во втором — я не отомстил бы за себя, потому что оскорбления не было, я совершил бы преступление, я принес бы жертву мнению света, которое я презираю, человека, от которого зависело все и дарования которого невольно внушали мне почтение.

«Таковы были мои размышления. Я поделился ими с одним другом, и он вполне согласился со мною.¹²⁰ — Он посоветовал мне предпринять шаги перед властями в целях реабилитации — я чувствовал бесполезность этого.

«Я решил тогда вкладывать в свои речи и писания столько неприличия, столько дерзости, что власть вынуждена была бы наконец отнестись ко мне, как к преступнику; я надеялся на Сибирь или на крепость, как на средство к восстановлению чести» (XIII, 227—228 и 548—549).

Дошедшие до нас данные об обстоятельствах высылки Пушкина из Петербурга¹²¹ дают основание предположить, что в деле смягчения участи Пушкина роль Союза Благоденствия в лице члена его Коренной думы (и одновременно чиновника особых поручений при Петербургском военном генерал-губернаторе гр. М. А. Милорадовиче) Ф. Н. Глинки была исключительно велика. В хлопотах за Пушкина принимали непосредственное участие также Н. И. Гнедич, Н. М. Карамзин, В. А. Жуковский, П. Я. Чаадаев и другие.

¹¹⁸ Ср. в доносе В. Н. Каразина министру внутренних дел гр. Кочубею 31 марта — 2 апреля 1820 г.: «Что скажем о нынешнем воспитании... В самом Лицее Царскосельском государь воспитывает себе и отечеству недоброжелателей... это доказывает почти все вышедшие оттуда. Говорят, что один из них Пушкин по высоч(айшему) пов(елению) секретно наказан» (В. Базанов. Вольное общество любителей российской словесности, стр. 176).

¹¹⁹ Слово не дописано: после V — волнистая черта. Некоторые исследователи рассматривают букву как начало слов: *Votre Majesté* (Ваше величество).

¹²⁰ По-видимому, с П. Я. Чаадаевым.

¹²¹ См. об этом: Ю. Г. Оксман. К истории высылки Пушкина из Петербурга в 1820 г. «Пушкин. Временник Пушкинской комиссии», т. 1, 1936, стр. 191—195; В. Базанов. Вольное общество любителей российской словесности, стр. 173—188; М. В. Нечкина. Движение декабристов, т. I, стр. 260—269, и др.

В двадцатых числах апреля 1820 г. Пушкин в письме к П. А. Вяземскому пишет: «Петербург душен для поэта. Я жажду краев чужих; авось полуденный воздух оживит мою душу» (XIII, 15), а 6 мая он уже отправляется к месту своей новой службы — в распоряжение генерала Инзова, в Екатеринослав.

Как бы напутствием молодому поэту прозвучали напечатанные вслед за его отъездом в «Соревнователе просвещения и благотворения» («Труды Вольного общества любителей российской словесности», 1820, № IV, стр. 71—78)¹²² строки стихотворения В. К. Кюхельбекера «Поэты», посвященные Пушкину:

И ты, — наш юный Корифей,
 Певец любви, певец Руслана!
 Что для тебя шипенье змей,
 Что крик и Филина, и Врана? —
 Лети и вырвись из тумана,
 Из тьмы завистливых времен.

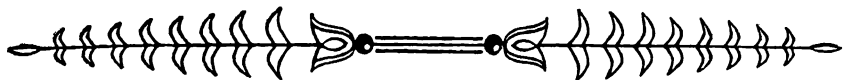
И наконец, еще более значительным приветствием отправившемуся в ссылку поэту, а равно и утверждением его значения не только для преходящей современности, но и для последующих поколений прозвучало стихотворение Ф. Н. Глинки «К Пушкину», напечатанное в сентябре 1820 г. в «Сыне отечества» вслед за эпиграммой к «Руслану и Людмиле»:

Судьбы и времени седого
 Не бойся, молодой певец!
 Следы исчезнут поколений,
 Но жив талант, бессмертен гений!..¹²³

¹²² Выход в свет этого номера «Соревнователя просвещения и благотворения» датируется: «Май. 11... Июнь 3» (М. А. Цявловский. Летопись..., т. I, стр. 219). Ср. там же, стр. 215.

¹²³ «Сын отечества», 1820, ч. 64, № XXXVIII, стр. 231—233. Ради конспирации в сноске к заглавию Глинка писал: «Стихи сии написаны за год пред сим по прочтении двух первых Песней Руслана и Людмилы».

Глава IV

ЛИРИКА ЮЖНОЙ ССЫЛКИ (1820—1824)

*Но я отстал от их союза
И вдалеке бежал. . . она за мной.
Как часто ласковая Муза
Мне услаждала путь немой
Волшебством тайного рассказа!
Как часто, по скалам Кавказа,
Она Ленорой, при луне,
Со мной скакала на коне!
Как часто по брегам Тавриды
Она меня во мле ночной
Водила слушать шум морской,
Немолчный шопот Нериды,
Глубокой, вечный хор валов,
Хвалебный гимн отцу миров.*

I

Период 1820—1824 гг. в развитии пушкинской лирики имеет особое значение. В течение этих лет во всем творчестве Пушкина произошел беспрецедентный по своим масштабам и темпам осуществления переход от романтики «Руслана и Людмилы» к реалистическим картинам первых глав «Евгения Онегина». В области лирики этот период характеризуется изживанием элегической темы и поисками нового содержания и новых средств лирического выражения, которые в недалеком будущем приведут к свершениям михайловского периода.

Стремительность художественного развития Пушкина в эти годы поразительна. От «Руслана и Людмилы» (1820) до выхода в свет первой главы «Евгения Онегина» (1825) каждое следующее произведение Пушкина открывало для русского общества все новые и новые художественные миры. «Кавказский пленник» (1822) занял умы живым очерком характера, замечательного своей новизной и остро ощущавшейся связью с современной жизнью. «Бах-

чисарайский фонтан» поразило воображение описаниями роскошной южной природы и живой передачей всех оттенков любовных переживаний. Первая глава «Евгения Онегина» каким-то волшебством переносила читателей от романтических фонтанов и роз Бахчисарая к реалистическим зимним картинам северной столицы и вводила в сознание русского общества еще более сложный характер, связанный с героем «Кавказского пленника» какими-то неуловимыми чертами внутреннего сходства и в то же время лишенный привычного для литературных героев того времени ореола романтики и как бы естественно вырвавшийся из всей той сложной, пестрой и противоречивой петербургской жизни, с таким блеском произведенной в первой главе романа в стихах.

Время от времени, особенно в начале этого периода, еще появляются отдельные лирические стихотворения в духе прежней элегической традиции. Таковы элегии «Гроб юноши» (1821)¹ и «Умолкну скоро я!.. Но если в день печали» (1821).²

Элегия «Гроб юноши» соответствует широко распространенной в поэзии 1800—1810-х годов теме ранней смерти юноши-поэта.³ Традиция, идущая еще от П. В. Анненкова, рассматривает это стихотворение как отклик на смерть лицеиста Н. А. Корсакова, скончавшегося во Флоренции в сентябре 1820 г.⁴ Этому не противоречит и описание гробницы, выдержанное в черновом автографе в духе кладбищенской романтики Жуковского:

[Не воззовет!... его гробница
Уединенна и темна —
На урне спит ночная птица —
<И> близ хлома <?> журчит волна...]

(II₂, 700).

В последующих вариантах урна сохраняется, но вместе с ней появляются совсем не характерные для романтического итальянского пейзажа две березы:

[Развесистые <?>] две [березы]
[Под сенью] рощи [гробовой]
[На урну] <?> [слезы].

(II₂, 700).

¹ Впервые напечатано в «Стихотворениях Александра Пушкина» (1826).

² Там же.

³ Ср. стихотворения Пушкина лицейского периода: «Мое завещание. Друзьям» (1815), «Певец» (1816). «Любовь одна — веселье жизни холодной» (1816), «Я видел смерть; она в молчании села» (1816) и др.

⁴ Ср. в стихотворении «19 октября» (1825):

Он не пришел, кудрявый наш певец,
С огнем в очах, с гитарой сладкогласной:
Под миртами Италии прекрасной
Он тихо спит...

В окончательном тексте вместо берез появляется старая липа:

Там, на краю большой дороги,
Где липа старая шумит,
Забыв сердечные тревоги,
Наш бедный юноша лежит...

И еще одна деталь — малина, сообщающая всему пейзажу несомненно русский колорит:

Напрасно утром за малиной
К ручью красавица с корзиной
Идет и в холод ключевой
Пугливо ногу опускает:
Ничто его не вызывает
Из мирной сени грбовой...

Все это привело Б. В. Томашевского к попытке пересмотра традиции соотнесения стихотворения с личностью Корсакова.⁵ Однако первоначальный стимул к возникновению замысла и законченное произведение могут значительно отличаться друг от друга, хотя бы в данном случае и потому, что Пушкин писал не стихотворение «На смерть Корсакова» в духе XVIII в., а элегию, навеянную этой смертью.

В этом отношении ближе к истине П. В. Анненков, который, отметив, что «стихотворение навеяно, быть может, известием о смерти одного из лицейских товарищей Пушкина, Корсакова», оговорил в то же время, что «частный случай, какой бы он ни был, является здесь в светлом отражении поэзии и искусства».⁶ Не случайно достигнутое Пушкиным сочетание русского колорита пейзажа с его романтической окраской было использовано впоследствии при описании могилы романтика Ленского.

Таким же отзвуком изживаемой элегической традиции является и стихотворение «Умолкну скоро я!.. Но если в день печали» (1821). Связь этого стихотворения с элегической настроенностью лицейской лирики Пушкина 1816—1817 гг. отчетливо видна в ранних редакциях его:

Нет, поздно, милый друг, узнал я наслажденье:
Ничто души моей уже не воскресит;
И сердцу чуждо упоенье.
Твой взор, твой нежный взор меня не веселит —
Увял во цвете лет!.. Но если в день печали
Задумчивой игрой мне струны отвечали;

⁵ См.: А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах, т. II, Изд. Академии наук СССР, М., 1956, стр. 404.

⁶ А. С. Пушкин, Сочинения, т. II, изд. П. В. Анненкова, СПб., 1855, стр. 311.

Но если юноши, внимая молча мне,
 Дивились долгому любви моей мученью,
 И девы, нежному предавшись умиленью,
 Печальные стихи твердили в тишине
 И сердца моего язык любили страстный...

(III, 693).

И так же как это было со стихотворением «Гроб юноши», романтическая концовка данной элегии:

Когда меня навек обымет смертный сон,
 Над урною моей промолви с умилением:
 Оч мною был любим, он мне был одолжен
 И песен и любви последним вдохновеньем —

найдет соответствие в предсмертной романтической элегии Ленского:

А я — быть может, я гробницы
 Сойду в таинственную сень.

 Придешь ли, дева красоты,
 Слезу пролить над ранней урной
 И думать: он меня любил,
 Он мне единой посвятил
 Рассвет печальный жизни бурной!..

(«Евгений Онегин», гл. VI, строфа XXII).

II

Южный период пушкинского творчества характеризуется таким мощным расцветом лирической стихии, таким широким разливом лиризма, что его поток уже не могут вместить только собственно лирические стихотворения, он захватывает и поэмы, которые становятся подлинно лирическими поэмами.

Повествовательная ткань «Кавказского пленника» насквозь лирична. Это видно не только из давно установленных прямых соответствий фабулы, сюжета и основной настроенности поэмы с известными моментами личной биографии Пушкина и не только из того, что многие куски текста вполне могут быть воспроизведены как отдельные лирические стихотворения.⁷ Непосредственная

⁷ В одной из первоначальных редакций после стихов «Без упоенья, без желаний / Я вяну жертвою страстей» следовало:

Я пережил мои желанья,
 Я разлюбил мои мечты;
 Остались мне одни страданья,
 Плоды душевной пустоты).
 Безмолвно жребию послушный)

связь поэмы с лирикой Пушкина этого периода характеризуется рядом прямых соответствий, которые показывают, на какой лирической основе возникали те или иные моменты поэмы. Слова Пленника, обращенные к Черкешенке, о том, что и в объятиях ее он не может забыть другую, соответствуют ситуации, положенной в основу ранее написанного стихотворения «Дорида» (1819):⁸

В ее объятиях я негу пил душой;
Восторги быстрые восторгами сменялись,
Желанья гасли вдруг и снова разгорались;
Я таял; но среди неверной темноты
Другие милые мне виделись черты,
И весь я полон был таинственной печали,
И имя чуждое уста мои шептали.

Глубоко личное происхождение лиризма «Бахчисарайского фонтана»⁹ проступает в строках, выпущенных Пушкиным в прижизненных публикациях поэмы:

Я помню столь же милый взгляд
И красоту еще земную,
Все думы сердца к ней летят,
Об ней в изгнании тоскую — ...
[Безумец!] полно! перестань,
Не оживляй тоски напрасной,
Мятежным снам любви несчастной
Заплачена тобою дань —
Опомнись; долго ль, узник томный,
Тебе оковы добывать
И в свете лирою нескромной
Свое безумство разглашать?
(IV, 170—171).

Ко времени пребывания Пушкина с семейством генерала Раевского в Гурзуфе летом 1820 г. относятся два характерных в этом отношении стихотворения: «Увы! зачем она блистает»¹⁰ и «К ***» («Зачем безвременную скуку»)¹¹.

По установившейся традиции оба этих стихотворения относят обычно к средней дочери генерала — болезненной Елене Раевской.

В<лачу увядший мой венец> —
Ж<иву печальный, равнодушный>,
И<жду придет ли мой конец>
(IV, 357).

Ср.: С. М. Бонди. Неосуществленное послание Пушкина к «Зеленой Лампе». «Пушкин. Временник Пушкинской комиссии», т. 1, стр. 36.

⁸ Впервые напечатано в «Невском зрителе» (1820, февраль).

⁹ См.: Л. П. Гроссман. У истоков «Бахчисарайского фонтана». Сб. «Пушкин. Исследования и материалы, III, Изд. Академии наук СССР, М.—Л., 1960, стр. 49—100.

¹⁰ Впервые напечатано в альманахе «Полярная звезда на 1823 год».

¹¹ Впервые напечатано в «Московском вестнике» (1827, ч. 1, № 2).

Более вероятно предположение Б. В. Томашевского о том, что Пушкин имел в виду старшую дочь Раевских — Екатерину.¹² Ее болезнь и была причиной поездки в Крым всего семейства. Напомним, что именно Е. Н. Раевскую Пушкин имел в виду в элегии «Редет облаков летучая гряда» (1820).¹³ Связь этого стихотворения с личностью Екатерины Раевской, вышедшей в мае 1821 г. замуж за М. Ф. Орлова, Б. В. Томашевский установил путем сопоставления строк стихотворения, говорящих о вечерней звезде:

Звезда печальная, вечерняя звезда!

Люблю твой слабый свет в небесной вышине:
Он думы разбудил, уснувшие во мне:
Я помню твой восход, знакомое светило,
Над мирною страной, где все для сердца мило...

Там некогда в горах, сердечной думы полный,
Над морем я влачил задумчивую лень,
Когда на хижины сходила ночи тень —
И дева юная во мгле тебя искала
И именем своим подругам называла —

с неопубликованным письмом М. Ф. Орлова к жене из Кишинева в Одессу 3 июля 1823 г.¹⁴

Оберегая тайну своего чувства, Пушкин, перепечатывая первое стихотворение («Увы! зачем она блистает») в сборнике 1826 г., датировал его 1819 г., а перепечатывая второе стихотворение («Зачем безвременную скуку») в сборнике 1829 г., отнес его к 1821 г., т. е. в отношении обоих стихотворений полностью исключил возможность соотнесения их со своим пребыванием среди семейства Раевских в Гурзуфе в 1820 г.

Эти элегии 1820 г. являются несомненным и значительным шагом вперед по сравнению с элегическими циклами последних лицейских лет. Однако эта же самая лицейская лирика несомненно сыграла свою большую роль, ставя перед Пушкиным-лицеистом задачи лирического преображения глубоко личных чувств и выработки поэтических средств их художественного воплощения. Поэтому многие достижения пушкинской лицейской элегической лирики должны рассматриваться как необходимые ступени, по которым Пушкин поднимался к еще более совершенным и глубоким созданиям своей лирики последующего периода.

Расширение диапазона лирического творчества Пушкина при этом вступало в противоречие с традиционными и привычными

¹² См.: Пушкин, Полное собрание сочинений в 10 томах, т. II, стр. 397.

¹³ Впервые напечатано в альманахе «Полярная звезда на 1824 год».

¹⁴ См.: Б. Томашевский. Пушкин. Книга первая, стр. 488.

лирическими жанрами, оказавшимися явно недостаточными для передачи чувств и настроений человека новой эпохи и отражения в лирике новой действительности. Поэтому в пушкинской лирике, начиная с южного периода, происходит характерный процесс стирания границ между освященными длительной традицией лирическими жанрами. Этому сопутствует и начавшийся в то же время процесс упрощения всей стиховой структуры лирического стихотворения. На смену многообразию стихотворных размеров — преимущественно коротких — лицейского периода приходят размеры средней длины.¹⁵ Происходит также и упрощение строфической структуры стихотворения. Вместо разнообразия строфических форм предшествовавших периодов начинают преобладать преимущественно простые четверостишия в различных их вариациях.¹⁶

III

Лирические темы южного периода приобретали иной характер в связи с резким изменением условий жизни. «Разница между обычными впечатлениями городской жизни, — писал П. В. Анненков, — и впечатлениями пребывания на Кавказе (и вообще на юге, — Б. Г.) ... была неизмерима... С изменением природы и внешней обстановки изменялось в нем и течение мыслей».¹⁷

Совершенно новая, яркая и красочная южная природа окружала Пушкина в это тяжелое для него время. «Проснувшись, увидел я картину пленительную: — описывал он свои первые крымские впечатления в письме к Дельвигу, — разноцветные горы сияли; плоские кровли хижин татарских издали казались ульями, прилепленными к горам; тополи, как зеленые колонны, стройно возвышались между ими; с права огромный Аю-Даг... и кругом это синее, чистое небо и светлое море, и блеск и воздух полуденный» (XIII, 251).

Разительная разница между этой сияющей южной природой и холодными туманами северной столицы окрашивала все первоначальные впечатления Пушкина от новой окружавшей его обстановки:

Далече северной столицы
Забыл я вечный ваш туман
(«Из письма к Н. И. Гведичу», 1821).

¹⁵ Стихов средней длины в период 1817—1824 гг. 80% от всех стихов против 41% в лицейский период (Н. В. Лапшина, И. К. Романович, Б. И. Ярхо. Метрический справочник к стихотворениям А. С. Пушкина. „Academia“, 1934, стр. 63).

¹⁶ Б. В. Томашевский. Строфика Пушкина. Сб. «Пушкин. Исследования и материалы», II, Изд. Академии наук СССР, 1958, стр. 110.

¹⁷ П. В. Анненков. Материалы, стр. 68—69.

На этой основе возникало контрастное противопоставление северной («там») и южной («здесь») природы:

Зима дышала там — а с вешней теплотою
Здесь солнце ясное катилось надо мною;
Младую зеленью пестрел увядший луг;
Свободные поля взрывал уж ранний плуг.¹⁸

(«К Овидию», 1821).

Контрастное противопоставление севера и юга в сознании Пушкина и его современников порой приобретало символическое значение с явно выраженной политической окраской. В незаконченном стихотворении «Элеферия, пред тобой» (1821),¹⁹ основываясь на двойном значении греческого слова «Элеферия», означающего и женское имя, и свободу, Пушкин писал:

Твоей красоте
Вредна холодная Россия.

То же значение намёка политического характера имела для современников и строка первой главы «Евгения Онегина» (1823):

Но вреден север для меня.

В августе 1825 г. Вяземский писал Пушкину в Михайловское: «Будем беспристрастны: не сам ли ты частью виноват в своем положении? Ты сажал цветы, не сообразясь с климатом. Мороз сделал свое, вот и все!» (XIII, 221). Какие-то отзвуки этой символики, несомненно, имеются и в отзыве Дельвига о пушкинской «Прозерпине»: «Подобных цветов мороз не тронет» (XIII, 108), и в строках самого Пушкина, обращенных к Дельвигу (1829):

Кто на снегах возродил Феокритовы нежные розы?

Так создавался глубокий пушкинский лиризм южной природы с ее яркими и радостными красками:

... и моря блеск лазурный,
И ясные, как радость, небеса.

(«Кто видел край, где роскошью природ», 1821).

¹⁸ Ср. с последней строкой и с эпитетом «свободные поля» иное по эмоциональному отношению к описываемому изображение северной пахоты в «Деревне» (1819):

Склонясь на чуждый плуг, покорствуя бичам,
Здесь Рабство тощее влачится по браздам
Неумолимого Владельца.

¹⁹ При жизни Пушкина не печаталось.

На этом фоне в окружении радостной природы юга возникали новые движения сердца:

А там, меж хижинок татар...
 Какой во мне проснулся жар!
 Какой волшебною тоскою
 Стеснялась пламенная грудь!
 Но, муза! прошлое забудь.

(«Отрывки из путешествия Оленина»).

В этом отношении чрезвычайно важной представляется вся обстановка и окружение Пушкина во время его поездки с семейством генерала Н. Н. Раевского на Кавказ и в Крым, с конца мая и по первые числа сентября 1820 г., особенно его пребывание в Гурзуфе с двадцатых чисел августа по первые числа сентября.

Целый комплекс душевных переживаний этих нескольких недель определил направление пушкинской лирики на длительное время. Этот период в лирическом развитии Пушкина важен еще и в том отношении, что все сердечные и душевные движения его, в силу их уже не литературного, а глубоко жизненного происхождения, требовали и нового лирического выражения, когда привычные, навеянные литературной традицией поэтические образы оказывались непригодными для передачи выраставшего из жизни содержания.

Рассказ старого инвалида о пребывании в плену у черкесов,²⁰ услышанный во время прогулки в горы, в соединении с образом М. Н. Раевской — идеалом Пушкинской Черкешенки²¹ — и переживаниями, вызванными тяжестью неожиданной ссылки и оставленными в России сердечными привязанностями, становится основой начатой в Гурзуфе поэмы, в которой Пушкин, опираясь на этот выраставший из самой жизни материал, смог подняться до очень значительных обобщений.

Услышанное в семействе Раевских предание о бахчисарайском «фонтане слез» в соединении с новыми сердечными переживаниями и яркими впечатлениями от красочной крымской природы приводит к замыслу новой поэмы о любовной трагедии, разыгравшейся, по преданию, когда-то в Бахчисарае.

Целый комплекс глубоко личных переживаний, связанных с пребыванием в Гурзуфе, становится основой изумительного лирического цикла, создававшегося в 1820—1821 гг. на почве гурзуфских настроений.²²

²⁰ М. А. Цявловский. Летопись..., т. I, стр. 232.

²¹ В. И. Туманский. Стихотворения и письма. СПб., 1912, стр. 272.

²² «Увы! зачем она блистает» (1820), «К ***» (1820), «Неренда» (1820). «Редеет облаков летучая гряда» (1820), «Земля и море» (1821), «Муза» (1821), «Дева» (1821), «Дионея» (1821), «Приметы» (1821).

Характерной особенностью этого цикла является антологическая окраска большинства входящих в него стихотворений.²³ И в этом была своя закономерность.

IV

Ко времени пребывания Пушкина в Крыму многие уголки его еще сохраняли следы древней греческой культуры. Так называемая Митридатова гробница недалеко от Керчи²⁴ и развалины древней Пантикапеи,²⁵ остатки древнего храма Артемиды и храма Орестеи около Георгиевского монастыря напоминали об античной древности.

Это вызывало соответствующие ассоциации. Рассказывая в письме к брату о своем посещении С. М. Броневского на его даче под Феодосией, Пушкин писал: «Теперь он . . . подобно Старику Виргилия, разводит сад на берегу моря, не далеко от города. Виноград и миндаль составляют его доход» (XIII, 19).

На основе впечатлений подобного рода возникали замыслы таких стихотворений, как «Приметы» (1821):²⁶

Старайся наблюдать различные приметы:
Пастух и земледел в младенческие леты,
Взглянув на небеса, на западную тень,
Умеют уж предречь и ветер, и ясный день,
И майские дожди, младых полей отраду,
И мразов ранний хлад, опасный винограду . . .

Антологические ассоциации (земледелы, пастухи с их свирелями) подводили к античному образу Музы — богини, преподавшей поэту еще в детстве первые уроки игры на свирели:

В младенчестве моем она меня любила
И семистольную цевницу мне вручила.
Она внимала мне с улыбкой — и слегка,
По звонким скважинам пустого тростника,
Уже наигрывал я слабыми перстами
И гимны важные, внушенные богами,
И песни мирные фригийских пастухов. . .

(«Муза», 1821).²⁷

²³ Почти все из перечисленных стихотворений этого цикла, за исключением первых двух («Увы! зачем она блистает» и «К ***»), печатались впоследствии самим Пушкиным как «Подражания древним».

²⁴ Митридат VII, царь Босфорский и Понтийский (ум. в I в. до н. э.). Митридатова гробница — гора, на которой он, по преданию, закололся.

²⁵ Греческая колония, столица Босфорского царства (V в. до н. э.). На ее развалинах впоследствии была основана Керчь.

²⁶ Впервые напечатано в «Стихотворениях Александра Пушкина» (1826).

²⁷ Впервые напечатано в «Сыне отечества» (1821, № 23).

Образ Музы появляется и в послании «Чаадаеву» (1821):

Богини мира, вновь явились Музы мне
И независимым досугам улынулись;
Цевницы брошенной уста мои коснулись;
Старинный звук меня обрадовал — и вновь
Пою мои мечты, природу и любовь,
И дружбу верную, и милые предметы,
Пленявшие меня в младенческие леты,
В те дни, когда, еще незнаемый никем,
Не зная ни забот, ни цели, ни систем,
Я пеньем оглашал приют забав и лени
И царскосельские хранительные сени.

Так возникает в лирике Пушкина мотив начальных лет его лицейского поэтического творчества.

Другое стихотворение примерно того же времени — «Наперсница волшебной старины» (1821—1822),²⁸ повторяя некоторые образы, уже присутствующие в раннем отрывке «Сон» (1815), намечает пути поэтической разработки темы общения поэта с Музой в различные периоды его жизни.

Восприятие Пушкиным крымской природы сквозь призму античных ассоциаций отразилось и на соответствующих строках IV строфы VIII главы «Евгения Онегина»:

Как часто по брегам Тавриды
Она меня во мгле ночной
Водила слушать шум морской,
Немолчный шопот Нереиды,
Глубокой, вечный хор валов,
Хвалебный гимн отцу миров.

Эти же ассоциации окрашивали соответственно и переживания, связанные с пребыванием в Гурзуфе:²⁹

Там на берегу, где дремлет лес священный,
Твое я имя повторял.

На этой основе в лирике Пушкина возникал цикл чрезвычайно своеобразных стихотворений с антологической окраской, отнюдь не являвшихся подражаниями древним образцам (кроме стихотворения «Земля и море»), но говоривших языком тонких и сложных ассоциаций о глубоко личных переживаниях поэта. Та или иная конкретность, вызвавшая в свое время к жизни то или иное сти-

²⁸ При жизни Пушкина не печаталось.

²⁹ Гурзуф — греческая Юрзуфита — был когда-то греческой колонией, перешедшей в XIV в. к генуэзцам, а потом к туркам, закрепившим за ней название Юрзуф.

хотворение, порой явственно просвечивает сквозь антологическую окраску текста. Так, в стихотворении «Нереида» (1829)³⁰ строка:

Сокрытый меж олив, едва я смел дохнуть. —

записанная в такой редакции в беловом автографе и впервые так напечатанная,³¹ со всей определенностью соотносила место действия эпизода, описанного в стихотворении, с оливковой рощей на берегу моря около дома Ришелье, где жили Раевские.³²

Объединяя большинство стихотворений этого цикла под рубрикой «Подражания древним», а иногда и соединяя некоторые из них под общим заглавием «Эпиграммы во вкусе древних»,³³ Пушкин следовал в понимании характерных особенностей творчества древних поэтов общим взглядам своего времени, которые основную отличительную черту античной поэзии видели в так называемой «пластичности», т. е. в способности звуками и их сочетаниями создавать почти зрительное представление описываемого предмета. Говоря о шестистопном ямбе, выбранном Пушкиным для своих антологических стихотворений, Белинский писал, имея в виду пушкинскую «Нереиду»: «Пушкин воспользовался им, словно дорогим паросским мрамором, для чудных изваяний, *видимых слухом...* *Прислушайтесь* к этим звукам, — и вам покажется, что вы *видите* перед собою превосходную античную статую» (VII, 324).

И действительно, то, что сделал Пушкин на протяжении только шести строк для воссоздания почти зрительного представления показанного в «Нереиде» эпизода, поразительно. Прежде всего замечателен эпитет «зеленых волн», открывающий стихотворение и сообщающий ему в соединении с утренней зарей удивительную красочность и какое-то неуловимое ощущение утренней тишины и покоя ясной морской глади:

Среди зеленых волн, лобзающих Тавриду,
На утренней заре я видел Нереиду.

Эпитет «зеленые волны» — именно зеленые, а не традиционные и привычные в поэзии синие или голубые — сообщает всей картине

³⁰ Впервые напечатано в альманахе «Полярная звезда на 1824 год» и перепечатано в «Литературных листках» того же года (№ IV).

³¹ В сборнике «Стихотворения Александра Пушкина» (1826) эта строка напечатана уже так:

Сокрытый меж дерев, едва я смел дохнуть.

³² Прекрасный знаток Крыма, Б. В. Томашевский пишет: «Остатки этой рощи существуют и ныне» (Пушкин. Книга первая, стр. 487).

³³ Так, в автографе объединены стихотворения: «Среди зеленых волн, лобзающих Тавриду» и «Редеет облаков летучая гряда».

удивительную свежесть и конкретность. Легкие архаизмы («лобзающих», «сокрытый», «младую», «воздымала», «власов»), сознательно введенные в качестве привычной дани традиции востроизведения античной фразеологии, уравниваются моментами современной бытовой речи («едва я смел дохнуть», «пену ... струю выжимала»). Все стихотворение инструментовано мягким звуком л, являющимся, как можно думать, своеобразным звукообразом, возникавшим в творческом сознании Пушкина в связи с представлением о зеленых волнах, лобзающих гурзуфские берега:

Над ясной влагою — полубогиня грудь
Младую, белую как лебедь, воздымала.

В эту общую музыкально-звуковую ткань только в первых двух строках врывается несколько сочетаний, организованных звуком р, как можно думать, связанным с звуковым образом, возникавшим в связи со словом «Нереида»:

Среди зеленых волн, лобзающих Тавриду,
На утренней заре я видел Нереиду.

Эпизод в оливковой роще («Сокрытый меж олив, едва я смел дохнуть»), послуживший первоначальным стимулом к замыслу «Нереиды», в самом стихотворении обобщен до такой степени, что сам по себе уже ни в какой мере не может являться материалом (хотя бы и дополнительным) к пониманию произведения в целом. Личные переживания Пушкина, очищенные и претворенные в горниле поэзии, легли в основу произведения искусства, которое получило от художника свою собственную жизнь и с этого момента подлежит пониманию и раскрытию лишь на основе законов, управляющих жизнью искусства, как особой формы человеческой деятельности.

Таково и изумительно пластичное стихотворение того же антологического цикла «Дева» (1821),³⁴ являющееся как бы мгновенным, закрепленным и сохраненным на века чудесной силой искусства, вечно живым слепком одного из моментов действительной жизни:

Я говорил тебе: страшися девы милой!
Я знал, она сердца влечет невольной силой.
Неосторожный друг! я знал, нельзя при ней
Иную замечать, иных искать очей...

Попытка Л. Н. Майкова соотносить это стихотворение с характером одной из кишиневских знакомых Пушкина³⁵ сводила сти-

³⁴ Впервые напечатано в «Соревнователе просвещения и благотворения» (1825, ч. XXIX, № III).

³⁵ Л. Н. Майков. Пушкин. 1899, стр. 105—106.

хотворение до степени бытовой зарисовки и игнорировала обобщающий характер подлинного произведения искусства. В этом отношении прав Н. О. Лернер, который по поводу догадки Л. Н. Майкова писал, что «нет оснований искать в этой пьесе автобиографический элемент. Как ни была значительна субъективность Пушкина, нельзя видеть в каждом душевном переживании отражения реальных событий его личной жизни».³⁶ То же относится и к таким антологическим пушкинским стихотворениям, как «Красавица перед зеркалом» (1821),³⁷ «Дионея»³⁸ и другим произведениям этого цикла.

Переживания этого периода в соединении с непосредственным восприятием южной природы во всем ее величии и блеске оставили неизгладимый след в памяти Пушкина.

Дважды по возвращении из Крыма Пушкин предпринимал попытки лирически осмыслить и соединить все эти переживания и впечатления в одном, по-видимому, значительном по объему стихотворении, но оба раза оставлял замысел незавершенным. Первая попытка — начало незавершенного большого стихотворения «Кто видел край, где роскошью природы» (1821):³⁹

Кто видел край, где роскошью природы
Оживлены дубравы и луга,
Где весело шумят (и) блестя воды
И мирные ласкают берега,
Где на холмы под лавровые своды
Не смеют лечь угрюмые снега?

И там, где мирт шумит над падшей урной,
Увижу ль вновь сквозь темные леса
И своды скал, и моря блеск лазурный,
И ясные, как радость, небеса?
Утихнет ли волнение жизни бурной?
Минувших лет воскреснет ли краса?
Приду ли вновь под сладостные тени
Душой уснуть на лоне мирной лени?

В черновой рукописи мотив возвращения был разработан подробнее:

Приду ли вновь, поклонник Муз и мира —
Забыв Молву и света суеты
На берегах веселого Салгира
Вспоминать души моей мечты?

(II₂, 667).

³⁶ Пушкин, Полное собрание сочинений, т. II, под ред. С. А. Венгерова, 1908, стр. 557.

³⁷ Впервые напечатано в «Соревнователе просвещения и благотворения» (1825, ч. XXIX, № III).

³⁸ Впервые напечатано в «Новостях литературы» (1825, кн. XI).

³⁹ При жизни Пушкина не печаталось

Пушкин оставил этот замысел незавершенным. От второй попытки вернуться к лирическому обобщению крымских переживаний сохранилось лишь несколько черновых отрывков незавершенного стихотворения, которому сам Пушкин дал в рукописи заглавие «Таврида» с датой «1822» и эпитафией из Гете: «Gieb meine Jugend mir zurück!» («Возврати мне мою юность!»).

Характер этого замысла⁴⁰ в основных чертах раскрывается в прозаической записи стихотворения: «Страсти мои утихают, тишина царствует» <?> в душе моей — ненависть, раскаянье все исчезает — любовь одушевл(ение) <?>» (II₂, 758).

О реализации этого замысла отчасти говорят сохранившиеся три отрывка. Первый непосредственно связан с приведенной прозаической записью:

Ты вновь со мною, наслажденье;
[В душе] утихло мрачных дум
Однообразное волненье!
Воскресли чувства, ясен ум.
Какой-то негой неизвестной,
Какой-то грустью полон я;
Одушевленные поля,
Холмы Тавриды, край прелестный —
Я [снова] посещаю [вас]...
Пью томно воздух сладострастья,
Как будто слышу близкой глас
Давно затерянного счастья.

Второй отрывок:

Счастливым край, где блещут воды,
Лаская пышные брега...

представляет собой переработку в другом размере начала более раннего стихотворения «Кто видел край, где роскошью природы» (1821).

Наконец, следующие два отрывка примечательны по своей дальнейшей судьбе в истории текста первой главы «Евгения Онегина»:

За нею по наклону гор
Я шел дорогой неизвестной,
И примечал мой робкой взор
Следы ноги ее прелестной —
Зачем не смел ее следов
Коснуться жаркими устами, —
Кропя им жгучими <?> [слезами <?>]

⁴⁰ См.: Б. В. Томашевский. «Таврида» Пушкина. Ученые записки Ленинградского государственного университета, № 122, серия филологических наук, вып. 16, 1949, стр. 97—124.

Нет, никогда средь бурных дней
 Мятежной юности моей
 Я не желал [с таким] волнением
 Лобзать уста молодых Цирцей
 И перси, полные томленьем.

Сохранилась позднейшая переработка этого текста онегинской строфой:

Ты помнишь море пред грозною
 Как я завидовал волнам
 Бегущим бурною чредою
 К твоим пленительным <?> ногам
 И как желал бы я с волнами
 Коснуться ног твоих устами
 Нет никогда средь <бурных дней>
 Кипящей младости м<оей>
 Я не желал <с таким волнением>
 Л<обзать уста молодых Цирцей>
 <И перси полные томленьем>
 Нет никогда.

(II₂, 763).

Но замысел и этого стихотворения не был доведен до конца. Отдельные мотивы того и другого были использованы в заключительных строках «Бахчисарайского фонтана» — поэмы, которая теснейшим образом связана со всем кругом пушкинской лирики 1820—1822 гг.

V

После нескольких месяцев счастливой жизни, проведенных на Кавказе, в Крыму и в Каменке, создавших какую-то иллюзию личной свободы,⁴¹ острее переживалось чувство вседневной связанности и зависимости от чуждой воли. В таких условиях создавался своеобразный романтически окрашенный лиризм изгнания, переплетавшийся с горьким лиризмом измены друзей и любви.

Мотив измены друзей и любви находил отражение и в первой южной поэме:

Когда я погибал, безвинный, безотрадный,
 И шопот клеветы внимал со всех сторон,
 Когда кинжал измены хладный,
 Когда любви тяжелый сон.
 Меня терзали и томили...

⁴¹ Ср. в письме к Л. С. Пушкину 24 сентября 1820 г.: «Суди, был ли я счастлив: свободная, беспечная жизнь в кругу милого семейства; ... счастливое, полуденное небо; прелестный край...» (XIII, 19).

и в самом образе Пленника:

Людей и свет изведал он,
И знал неверной жизни цену.
В сердцах друзей нашел измену,
В мечтах любви безумный сон...

Как своеобразный внутренний протест против изгнания насильственного постепенно начинал складываться лиризм изгнания добровольного:⁴²

Твой глас достиг уединенья,
Где я сокрылся от гоненья
Ханжи и гордого глупца...
(«Из письма Гнедичу», 1821).

или:

Оставя шумный круг безумцев молодых,
В изгнании моем я не жалел об них;
Вздохнув, оставил я другие заблужденья,
Врагов моих предал проклятию забвенья,
И, сети разорвав, где бился я в плену,
Для сердца новую вкушаю тишину.
(«Чаадаеву», 1821).

В связи с этим острее начинала восприниматься вся прошлая жизнь, которая в свете недавних обид представляла как длинная цепь несправедливостей, злобной клеветы, гоненья, измены друзей, неверности любви. В целом создавался своеобразный и сложный психологический комплекс, внутренне обосновывавший необходимость разрыва опутывавших поэта сетей и бегства в добровольное изгнание.

Показательно в этом отношении недоработанное и оставшееся в черновой рукописи стихотворение «Мне вас не жаль, года весны моей» (1820):⁴³

Мне вас не жаль, года весны моей,
Протекшие в мечтах любви напрасной, —
Мне вас не жаль, о таинства ночей,
Воспетые цевницей сладострастной:

[Мне вас не жаль], неверные друзья,
Венки пиров и чаши круговые, —
Мне вас не жаль, изменницы молодые, —
Задумчивый, забав чуждаюсь я...

⁴² Формула «добровольное изгнание» принадлежит самому Пушкину. См. в «Цыганах»:

А я... одно мое желанье
С тобой делить любовь, досуг
И добровольное изгнание!

⁴³ При жизни Пушкина не печаталось. Относится ко времени пребывания в Гурзуфе.

Интересен вариант второй строки:

... года весны моей,
Протекшие в мятежном заблужденьи
(II₂, 626).

Здесь впервые в лирике Пушкина намечается тема, развивающаяся далее в ряде стихотворений:

Ищу вознаградить в объятиях свободы
Мятежной младостью утраченные годы...
(«Чаадаеву», 1821).

Мой друг, забыты мной следы минувших лет
И радости моей мятежное течение.
(«Мой друг, забыты мной следы минувших лет», 1821).

и вплоть до «Воспоминания» (1828):

Я вижу в праздности, в неистовых пирах,
В безумстве гибельной свободы,
В неволе, бедности, в гоненьи <?> [и] в степях
Мои утраченные [годы]⁴⁴

Впервые намечается здесь и тема неверности друзей молодости:

[Мне вас не жаль], неверные друзья —

впоследствии получившая такое значительное развитие в пушкинской лирике:

Пускай мне дружба изменила,
Как изменяла мне любовь,
(«Ф. Н. Глинке», 1822).⁴⁵

и далее вплоть до:

Я слышу вновь друзей предательский привет
На играх Вакха и Киприды,
Вновь сердцу наносит хладный свет
[Неотразимые обиды]⁴⁶

Стихотворение «Мне вас не жаль, года весны моей» еще носит несомненные следы зависимости от лирической традиции последних лицейских лет, поэтому достаточно противоречиво, с одной стороны:

Мне вас не жаль, года весны моей,
Протекшие в мечтах любви напрасной...

⁴⁴ Отброшенные в печати строки стихотворения.

⁴⁵ При жизни Пушкина не печаталось.

⁴⁶ Отброшенные в печати строки стихотворения «Воспоминание» (1818).

с другой:

Придите вновь, года моей весны!

Сходные настроения легли в основу и знаменитой элегии «Погасло дневное светило» (1820),⁴⁷ по-видимому вчерне набросанной в ночь с 18 на 19 августа 1820 г. во время морского переезда с Раевскими из Феодосии в Гурзуф, но окончательно отделанной в Гурзуфе, почти одновременно со стихотворением «Мне вас не жаль, года весны моей».

В первых строках элегии определяется как бы основной музыкальный тон всего стихотворения:

Погасло дневное светило;
На море синее вечерний пал туман.
Шумы, шуми, послушное ветрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океан.

Последние две строки повторяются в стихотворении еще дважды, замыкая собой каждый раз законченную в смысловом отношении часть текста.

Стихотворение отражает настроения и ожидания Пушкина в связи с происшедшей переменой всей его жизни в том духе, как он сам писал Вяземскому незадолго перед отъездом из столицы: «Петербург душен для поэта. Я жажду краев чужих; авось полуденный воздух оживит мою душу» (XIII, 15):

Я вижу берег отдаленный,
Земли полуденной волшебные края;
С волненьем и тоской туда стремлюся я,
Воспоминанием упоенный.

Поэтому мотив добровольного бегства здесь присутствует как необходимая и организующая доминанта всего стихотворения:

Искатель новых впечатлений,
Я вас бежал, отечески края;
Я вас бежал, питомцы наслаждений,
Минутной младости минутные друзья.

В связи с этим впервые намечаются некоторые черты психологического склада, сходного с характером, который вскоре займет воображение Пушкина в «Кавказском пленнике»:

Лети, корабль, неси меня к пределам дальным
По грозной прихоти обманчивых морей,
Но только не к брегам печальным
Туманной родины моей,

⁴⁷ Впервые напечатано в «Сыне отечества» (1820, № 46) с пометой «Черное море. 1820. Сентябрь».

Страны, где пламенем страстей
 Впервые чувства разгарались,
 Где музы нежные мне тайно улыбались,
 Где рано в бурях отцвела
 Моя потерянная младость,
 Где легкокрылая мне изменила радость
 И сердце хладное страданью предала.

Ср. в «Кавказском пленнике»:

В Россию дальний путь ведет,
 В страну, где пламенную младость
 Он гордо начал без забот;
 Где первую познал он радость,
 Где много милого любил,
 Где обнял грозное страданье,
 Где бурной жизнью погубил
 Надежду, радость и желанье...⁴⁸

VI

Возвращение Пушкина из Крыма в Кишинев и воспринятая им здесь широко распространенная в Бессарабии легенда о пребывании римского поэта Овидия в ссылке именно в этих местах⁴⁹ и чуть ли даже не в Аккермане или расположенном вблизи Овидиополе дали новое направление в лирической разработке Пушкиным темы своей ссылки.

И. П. Липранди передает, что Овидий очень занимал Пушкина в то время, что первые книги, взятые поэтом из его библиотеки, были сочинения Овидия во французском переводе и что эти книги оставались у Пушкина по 1823 г.⁵⁰ Липранди утверждает также, что уже тогда Пушкин отвергал легенду об Аккермане или Овидиополе как месте ссылки Овидия.⁵¹ О том, что неизвестная могила Овидия находится где-то на Дунае, а не на Днестре, Пушкин мог помнить еще по поэме Радищева «Бова»,⁵² знакомство с ко-

⁴⁸ Сопоставление стихотворения «Погасло дневное светило» с «Кавказским пленником» см.: В. В. Виноградов. Стиль Пушкина. М., 1941, стр. 212—213; Д. Д. Благой. Творческий путь Пушкина (1813—1826). Изд. Академии наук СССР, М., 1950, стр. 256—257; Б. Томашевский. Пушкин. Книга первая, стр. 388—391, и др.

⁴⁹ Напомним, что именем Овидия была названа основанная А. В. Суворовым в 1793 г. Овидиопольская крепость на левом берегу Днестровского лимана, теперь село Овидиополь.

⁵⁰ Пушкин в воспоминаниях современников. ГИХЛ, 1950, стр. 260.

⁵¹ Там же.

⁵² Ср.:

Со Днепра пойдем к Дунаю;
 На могиле древней мшистой
 Мы несчастного Назона
 Слезу жаркую изроним.

(А. Н. Радищев, Полное собрание сочинений, т. I, Изд. Академии наук СССР, М., 1938, стр. 32).

Ср.: Д. Д. Благой. Творческий путь Пушкина (1813—1826), стр. 293.

торой уже в лицейские годы устанавливается одноименным пушкинским стихотворением 1814 г.

К строкам об Овидии в первой главе «Евгения Онегина» (1823)⁵³ Пушкин предполагал дать примечание: «Мнение, будто бы Овидий был сослан в нынешний Акерман, ни на чем не основано. В своих элегиях *Ex Ponto* он ясно назначает местом своего пребывания город *Томы* при самом устье Дуная» (VI, 653).

Однако, несмотря на очевидность того, что Овидий не жил ни в Аккермане, ни в Овидиополе, ни вообще в Бессарабии, эти места все же оказывались овеянными его именем. Об этом хорошо сказал в своих бессарабских воспоминаниях А. Ф. Вельтман: «Дорога к Аккерману тянется по бесплодной земле, напитанной солью... За песчаную степью открываются перед нами почерневшие от времени башни замка Аккерманского... За лиманами виден Овидиополь, мнимое местожительство римского певца-изгнанника... Посетив впоследствии и Мангалию на берегу Черного моря, которая также принимается за *Томы*, место обители Назона во время изгнания, нельзя было не сказать:

Зачем нам знать, где жил изгнанник сей,
И прах его влачить с кладбища на кладбище?
Он жил, он пел, и вечное жилище
Поэта в памяти людей!»⁵⁴

Такое же поэтическое допущение делает и Пушкин в стихотворении «Баратынскому. Из Бессарабии» (1822):⁵⁵

Сия пустынная страна
Священна для души поэта:
Она Державиным воспета
И славой русской полна.
Еще доньше тень Назона
Дунайских ищет берегов;
Она летит на сладкий зов
Питомцев Муз и Аполлона,
И с нею часто при луне
Брожу вдоль берега крутого...

53

... Была наука страсти нежной,
Которую воспел Назон,
За что страдальцем кончил он
Свой век блестящий и мятежный
В Молдавии, в глуши степей,
Вдали Италии своей.

⁵⁴ Л. Майков. Пушкин. СПб., 1899, стр. 108—109. Стихи самого Вельтмана; см.: А. Ф. Вельтман. Странник, т. I. М., 1831, стр. 94.

⁵⁵ Впервые напечатано в альманахе «Северные цветы на 1826 год».

Образ Овидия при этом, воспринимавшийся ранее лишь в качестве певца любви,⁵⁶ теперь приобретал черты поэта-изгнанника, который, несмотря на слабость своего характера и постоянные унижительные мольбы Августу о прощении, все же был овеян в сознании Пушкина ореолом симпатии, как поэт, подвергшийся несправедливому гонению. Именно таким чувством овеян рассказ об Овидии в «Цыганах» (1824):

Он был уже летами стар,
Но млад и жив душой незлобной —
Имел он песен дивный дар
И голос, шуму вод подобный —
И полюбили все его,
И жил он на берегах Дуная,
Не обижая никого,
Людей рассказами пленяя. . .

Но он к заботам жизни бедной
Привыкнуть никогда не мог;
Скитался он иссохший, бледный,
Он говорил, что гневный бог
Его карал за преступленье. . .
Он ждал: придет ли избавленье.
И все несчастный тосковал,
Бродя по берегам Дуная,
Да горьки слезы проливал,
Свой дальний град вспоминая. . .

Этот созданный одним поэтом-изгнанником образ другого поэта-изгнанника, беспрецедентный в западноевропейской литературе об Овидии и, вероятно, даже не совсем соответствующий описываемой исторической действительности, наполнен таким глубоко личным, пушкинским горьким лиризмом изгнания, овеян такой теплой симпатией, проникнут таким глубоким пониманием трагизма судьбы гонимого поэта, что ответная реплика Алеко на этот рассказ Старика переводит все содержание рассказанного эпизода в плоскость глубоко личных переживаний самого Пушкина и его, схожей с овидиевой, личной судьбы:

Так вот судьба твоих сынов,
О Рим, о громкая держава!
Певец любви, певец богов,
Скажи мне, что такое слава?
Могильный гул, хвалебный глас,
Из рода в роды звук бегущий?
Или под сенью дымной кущи
Цыгана дикого рассказ?

⁵⁶ Ср. в отрывке «Сон» (1816):

Пускай любовь Овидии поют.

С такой смысловой наполненностью и лирической окрашенностью имя Овидия входит в лирику Пушкина, а сама тема Овидия в изгнании, помимо своего исторического значения, приобретает в пушкинской лирике южного периода глубоко личный и во многом автобиографический характер.

И. П. Липранди в своих воспоминаниях сохранил некоторые данные, характеризующие историю создания центрального произведения этого своеобразного «овидиева цикла» в пушкинской лирике — послания «К Овидию» (1821).⁵⁷

13 декабря 1821 г. Липранди отправился по служебным делам в Аккерман и Измаил. Вместе с ним поехал и Пушкин. После двухдневного пребывания в Аккермане Пушкин и Липранди на рассвете 17 декабря приезжают в Татар-Бунар.⁵⁸ «Пока нам варили курицу, — рассказывает Липранди, — ... Пушкин что-то писал; по обычаю, на маленьких лоскутках бумаги и как ни попало складывал их по карманам, вынимал опять, просматривал и т. д. Я его не спрашивал, что он записывает, а он, зная, что я не знаток стихов, ничего не говорил. Помню очень хорошо, что он жалел, что не захватил с собой какого-то тома Овидия».⁵⁹

В тот же день вечером Пушкин с Липранди добрались до Измаила. Возвратившись поздно ночью домой, Липранди «застал Пушкина на диване с поджатыми ногами, окруженного множеством лоскутков бумаги». На шутивное замечание Липранди «он засмеялся, подобрал все кое-как, положил под подушку».⁶⁰ На другой день, рассказывает Липранди, «Пушкин проснулся ранее меня. Открыв глаза, я увидел, что он сидел на вчерашнем месте, в том же положении, совершенно еще не одетый, и лоскутки бумаги около него. В этот момент он держал в руках перо, которым как бы бил такт, читая что-то; то понижал, то подымал голову. Увидев меня проснувшимся же, он собрал свои лоскутки, стал одеваться».⁶¹ Вечером этого дня, когда Липранди ложился спать, Пушкин сказал ему, что он «с полчаса посидит, чтобы кое-что записать для памяти».⁶² 21 декабря Липранди с Пушкиным выехали обратно в Кишинев. По дороге «Пушкин что-то приговаривал».⁶³ 23 декабря они вернулись в Кишинев.⁶⁴ В течение последующих двух дней Пушкин приводил в порядок свои записи, сводя их воедино, а на

⁵⁷ Впервые напечатано в альманахе «Полярная звезда на 1823 год».

⁵⁸ Пушкин в воспоминаниях современников, стр. 263.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Там же, стр. 264.

⁶¹ Там же.

⁶² Там же, стр. 265.

⁶³ Там же.

⁶⁴ М. А. Цявловский. Летопись..., т. I, стр. 321.

третий день проставил дату «1821 дек. 26» под перебеленным текстом стихотворения (П₂, 728).

Черновой автограф в основных чертах совпадает с окончательным текстом стихотворения. Разночтения интересны для понимания творческого процесса, но не столь существенны для содержания произведения в целом.

Начало стихотворения:

Овидий, я живу близ тихих берегов,
Которым изгнанных отеческих богов
Ты некогда принес и пепел свой оставил. —

основано на уже указанном поэтическом допущении считать местом изгнания Овидия не только одну какую-либо географическую точку на Дунае, но — в более широком плане — всю область северного Причерноморья от устья Дуная до устья Днестра. Это допущение общности мест изгнания Овидия и самого Пушкина дало возможность построить центральную часть стихотворения на чрезвычайно остром и блестяще выполненном Пушкиным противопоставлении двух различных восприятий одного и того же края: с одной стороны — южанином Овидием, с другой — северянином Пушкиным.⁶⁵

Вслед за приведенным началом стихотворения Пушкин говорит, что творения Овидия, где он рассказывает о своем изгнании, прославили и самый этот край, который в его восприятии предстает в таком мрачном освещении:

Ты живо впечатлел в моем воображеньи
Пустыню мрачную, поэта заточенье,
Туманный свод небес, обычные снега
И краткой теплотой согретые луга.

Там нивы без теней, холмы без винограда...

Антитеза строится следующим образом. Указав, что он посетил ныне те самые места, где когда-то жил Овидий, Пушкин говорит, что он возобновил в памяти описания этих мест у Овидия, чтобы своими глазами проверить нарисованные там картины. Но произошло неожиданное: места, когда-то казавшиеся такими суровыми южанину, теперь радовали «привыкшие к снегам угрюмой полуночи» глаза северянина:

Здесь долго светится небесная лазурь;
Здесь кратко царствует жестокость зимних бурь.
На скифских берегах переселенец новый,
Сын юга, виноград блистает пурпуровый.

⁶⁵ Ср.: В. В. Виноградов. Стиль Пушкина, стр. 442—443.

Уж пасмурный декабрь на русские луга
 Слойми расстилал пушистые снега;
 Зима дышала там — а с вешней теплотою
 Здесь солнце ясное катилось надо мною;
 Младую зеленью пестрел увядший луг;
 Свободные поля взрывал уж ранний плуг...

Антитеза развертывается дальше, переходя от различия восприятия одного и того же предмета на самих воспринимающих, она углубляется, рисуя различные характеры и душевный склад того и другого. «Златой Италии роскошный гражданин» Овидий, «привыкнув розами венчать свои власы и в неге проводить беспечные часы», оказался сломленным тяжестью изгнания:

Ты в тяжкой горести далекой дружбе пишешь:
 «О возвратите мне священный град отцов
 И тени мирные наследственных садов!
 О други, Августу мольбы мои несите,
 Карающую длань слезами отклоните...»

Этому надломленному образу противопоставлен мужественный авторский образ:

Суровый славянин, я слез не проливал,
 Но понимаю их; изгнанник самовольный,
 И светом, и собой, и жизнью недовольный...

Имея в виду униженные мольбы Овидия об освобождении, Пушкин в конце белого автографа, сравнивая себя с римским поэтом, твердо и недвусмысленно писал:

Не славой — участью я равен был тебе.
 Но не унижил век изменой беззаконной
 Ни гордой совести, ни лиры непреклонной.⁶⁶

Тема «сурового славянина», который стойко и твердо переносит изгнание, становится определяющим мотивом для всего

⁶⁶ Предвидя препятствия со стороны цензуры, Пушкин, посылая стихотворение А. А. Бестужеву для «Полярной звезды», заменил две последние строки следующими, которые и завершили стихотворение в печати:

Здесь, лирой северной пустыни оглашая,
 Скитался я в те дни, как на брега Дуная
 Великодушный грек свободу вызывал,
 И не единый друг мне в мире не внимал;
 Но чуждые холмы, поля и рощи сонны,
 И музы мирные мне были благосклонны.

По освященной личной волей поэта традиции послание «К Овидию» в такой редакции печатается и в наше время, с приведением под строкой или в комментариях и первоначального конца стихотворения.

цикла пушкинских стихотворений, так или иначе связанных с именем Овидия:

В стране, где Юлией венчанный
И хитрым Августом изгнанный
Овидий мрачны дни влачил;
Где элегическую лиру
Глухому своему кумиру
Он малодушно посвятил;
Далече северной столицы
Забыл я вечный ваш туман,
И вольный глас моей цевницы
Тревожит сонных молдаван.
Все тот же я — как был и прежде;
С поклоном не хожу к невежде,
С Орловым спорю, мало пью,
Октавию — в слепой надежде —
Молебнов лести не пою.

(Из письма к Н. И. Гнедичу, 1821) ⁶⁷

Та же тема победы над тяжелыми обстоятельствами жизни составляет основу и замечательного послания к Чаадаеву (1821): ⁶⁸

Оставя шумный круг безумцев молодых,
В изгнании моем я не жалел об них;
Вдохнув, оставил я другие заблужденья,
Врагов моих предал проклятию забвенья,
И, сети разорвав, где бился я в плену,
Для сердца новую вкушаю тишину
В уединении мой своенравный гений
Познал и тихой труд, и жажду размышлений.
Владею днем моим; с порядком дружен ум;
Учусь удерживать вниманье долгих дум;
Ищу вознаградить в объятиях свободы
Мятежной младостью утраченные годы
И в просвещении стать с веком наровне. ⁶⁹

Замысел этого послания, по-видимому, связан с получением Пушкиным в начале апреля 1821 г. не дошедшего до нас письма от Чаадаева. В своем дневнике Пушкин записывает: «Получил письмо от Чаадаева. — Друг мой, упреки твои жестоки и несправедливы; никогда я тебя не забуду. Твоя дружба мне заменила счастье. — Одного тебя может любить холодная душа моя. Жалею, что не получил он моих писем: они его бы обрадовали. — Мне надобно его видеть» (XII, 303).

⁶⁷ При жизни Пушкина не печаталось.

⁶⁸ Впервые напечатано в «Сыне отечества» (1821, № 35).

⁶⁹ П. В. Анненков пишет: «Любопытен только вопрос — что значило тогда в русском обществе: стать с веком наровне?» (Пушкин в Александровскую эпоху СПб., 1874, стр. 156).

Из этой записи, как из зерна, развивается центральная часть послания, обращенная непосредственно к Чаадаеву:

Ты был целителем моих душевных сил;
 О неизменный друг, тебе я посвятил
 И краткий век, уже испытанный Судьбою,
 И чувства — может быть спасенные тобою!
 Ты сердце знал мое во цвете юных дней;
 Ты видел, как потом в волнении страстей
 Я тайно изнывал, страдалец утомленный,
 В минуту гибели над бездной потаенной
 Ты поддержал меня недремлющей рукой;
 Ты другу заменил надежду и покой,
 Во глубину души вникая строгим взором,
 Ты оживлял ее советом иль укором;
 Твой жар воспламенял к высокому любовь;
 Терпенье смелое во мне рождалось вновь;
 Уж голос клеветы не мог меня обидеть,
 Умел я презирать, умея ненавидеть.

Последние строки замечательны. Эта в прямом смысле слова «антиовидиевская» тенденция дала себя знать и в цитированном выше стихотворении «Из письма к Гнедичу»:

Для Муз и дружбы жив поэт.
 Его враги ему презренны —
 Он Музу битвой площадной
 Не унижает пред народом;
 И поучительной лозой
 Зоила хлещет — мимоходом.

Так, намеченная в «овидиевом цикле» антитеза двух характеров, двух типов творческого мышления разрешалась утверждением не пассивного — овидиевского, — а активного — пушкинского — отношения к действительности, а это, в свою очередь, приводило к активизации попыток действительного вторжения в общественную жизнь единственно возможными для Пушкина того времени средствами литературной сатиры. «Уголовное обвинение, по твоим словам, — писал Пушкин Вяземскому 1 сентября 1822 г., — выходит из пределов поэзии; я не согласен. Куда не достает меч законов, туда достает бич сатиры» (XIII, 43).

В этом отношении крайне интересен несущественный замысел большого пушкинского послания (1821), обращенного к Вяземскому — общепризнанному в то время поэту-сатирику. По черновому автографу можно, с известной степенью вероятности, восстановить ход мысли Пушкина.

Работа над посланием (II₂, 677—681) начинается с обращения к Вяземскому:

Язвительный поэт, остряк замысловатый,
 Веселостью, умом и шутками богатый,
 Завидую тебе, сатирик смелый наш.

Из последующих строк видно, чем вызвана эта зависть:

Клим пошлою меня щекотит остротой.
Кто Фирс? ничтожный шут, красавец молодой,
Жеманный говорун, когда-то бывший в моде,
Толстому верный друг по греческой методе.
«Ну можно ль» комара тотчас не раздавить
И в грязь словцом одним глупца не превратить?»

Однако тут же и выясняется сатирическая неподготовленность автора:

А шутку не могу придумать я другую,
Как только отослать Толстого к ...

и Пушкин приводит нарочито грубое продолжение из репертуара поэтики Баркова:

Так точно трусивший буян обняком
Решит в харчевне спор надежным кулаком.

Не так обстоит дело у настоящего сатирика:

Едва лукавый ум твой поймает звуки,
Он рифму грозную невольно затвердит,
И память темное прозвание «сохранит» <?>

Между тем влечение к сатире у автора большое:

Когда б еще я был рифмач миролюбивый,
Никем не знаемый Парнасса гость учтивый,
Довольный изредка журнальной похвалой,
Или фабулист или смиренный лирик.
Но Феб во гневе мне промовил: будь сатирик.
С тех <пор> бесплодный жар в груди моей горит,
Браниться жажду я — рука моя свербит.

В этих условиях естественна просьба к Вяземскому:

Будь мне наставником в насмешливой науке.

Такова, по-видимому, последовательность развития мысли, положенной в основу замысла послания. Попытки построения положительной реконструкции первой редакции всецело условны, так как в рукописи отрывки не всегда согласованы между собой.

Отказавшись от завершения своего замысла, Пушкин перебелил из него лишь шесть строк, но и те оставил недоработанными:

Язвительный поэт, остряк замысловатый,
И блеском [колких слов], и шутками богатый,
Счастливый Вяземский, завидую тебе.

Ты право получил, благодаря судьбе,
Смеяться весело над Злобою ревнивой,
Невежество разить анафемой игривой.⁷⁰

Значение этого незавершенного сатирического опыта очень велико. С него начинается путь, по которому Пушкин еще на юге придет к таким совершенным созданиям своей сатирической лирики, как его первое «Послание цензору». Представляется закономерным, что строка цитированного послания к Вяземскому:

Невежество разить анафемой игривой. —

будет преемственно развернута в «Послании цензору» в блестящей характеристике Фонвизина:

В глазах монархини сатирик превосходный
Невежество казнил в комедии народной.

Письма Пушкина этого периода полны жалоб на цензуру. В сентябре 1821 г. он пишет Н. И. Гречу: «Вчера видел я в С<ыне> О<тчества> мое послание к Ч-ву; уж эта мне цензура!» (XIII, 32).

В связи с полемикой, возникшей вокруг «Кавказского пленника», в 1822 г. появилась статья П. А. Вяземского «О Кавказском Пленнике, повести соч. А. Пушкина», где он писал: «Кстати о строгих толкователях, или, правильнее *перетолкователях*, заметим, что, может быть, они поморщатся и от нового произведения Поэта пылкого и кипящего жизнью. Пускай их мертвая оледенелость не уживается с горячностью дарования во цвете юности и силы, но мы, с своей стороны, уговаривать будем Поэта следовать независимым вдохновениям своей поэтической Эгерии, в полном уверении, что бдительная цензура, которую нельзя упрекнуть у нас в потворстве, умеет и без помощи посторонней удерживать Писателей в пределах дозволенного».⁷¹

На эту статью Вяземского Пушкин откликнулся в письме к нему в феврале 1823 г.: «Благодарю за щелчок цензуре, но она и не этого стоит: стыдно, что благороднейший класс народа, класс мыслящий как бы то ни было, подвержен самовольной расправе трусливого дурака. Мы смеемся, а кажется лучше бы дельно приняться за Бируковых; пора дать вес своему мнению и заставить правительство уважать нашим [мнением] голосом — презрение к русским писателям нестерпимо; подумай об этом на досуге, да соединимся — дайте нам цензуру строгую, согласен, но не бессмысленную» (XIII, 57).

⁷⁰ При жизни Пушкина не печаталось.

⁷¹ «Сын отчества», 1822, ч. 82, № XLIX, стр. 123—124; см.: П. А. Вяземский, Полное собрание сочинений, т. I, 1878, стр. 77.

В такой атмосфере зарождался замысел первого пушкинского «Послания цензору» (1822).⁷² Может показаться несколько неожиданным, что Пушкин, которого в эти годы никак нельзя было упрекнуть в консервативности общественно-политических взглядов, в этом «Послании» писал:

Не бойся: не хочу, прельщенный мыслью ложной,
Цензуру поносить хулой неосторожной;
Что нужно Лондону, то рано для Москвы.⁷³

Это впечатление усиливается при знакомстве с черновым текстом, где Пушкин уже явно выступает противником отмены цензуры вообще:

Потребности Ума не всюду таковы
Сегодня разреши свободу нам тисненья
Что завтра выдет в свет: Баркова сочиненья. —

(II₂, 783).

тем более, что еще Радищев настаивал на необходимости введения полной свободы книгопечатания и полного уничтожения предварительной цензуры.⁷⁴

Однако не следует упрощать вопроса неисторичным сравнением пушкинских мыслей 1820-х годов с радищевскими суждениями конца XVIII в. Следует выяснить, против каких отрицательных сторон цензурной деятельности выступал Пушкин в это время.⁷⁵

Первый цензурный устав, характерный для «дней Александровых прекрасного начала», был утвержден в 1804 г. В нем говорилось: «Цензура в запрещении печатания или пропуска книг и сочинений руководствуется благородным снисхождением, удаляясь всякого пристрастного толкования сочинений или мест в оных, которые по какому-либо мнимым причинам кажутся подлежащим запрещению. Когда место, подверженное сомнению, имеет двойкий смысл, в таком случае лучше истолковать оное выгоднейшим для сочинителя образом, нежели его преследовать».⁷⁶

⁷² При жизни Пушкина не печаталось.

⁷³ Ср. несколько иное толкование позиции Пушкина в отношении цензуры, отразившейся в «Послании цензору» (1822), в работе: Б. В. Томашевский. Из пушкинских рукописей. «Литературное наследство», № 16—18, 1934, стр. 284—286.

⁷⁴ См.: А. Н. Радищев, Полное собрание сочинений, т. I, стр. 330.

⁷⁵ О взглядах Пушкина на цензуру в 30-х годах см. в работе: Б. П. Горюдецкий. «Путешествие из Москвы в Петербург» А. С. Пушкина. Сб. «Пушкин. Исследования и материалы», III, Изд. Академии наук СССР, М.—Л., 1960, стр. 262—266.

⁷⁶ Статья 21. Цитируется по: Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 год. СПб., 1862, стр. 82.

Такого рода цензуру и имел в виду Пушкин, когда писал:

Но цензор гражданин, и сан его священный:
Он должен ум иметь прямой и просвещенный;
Полезной Истине пути не заграждает,
Живой поэзии резвиться не мешает.
Он друг писателю, пред знатью не труслив,
Благоразумен, тверд, свободен, справедлив.

Хотя первый цензурный устав был отменен лишь в 1826 г., в период последекабрьской реакции, но фактически отход от либеральных начал, положенных в основу первого цензурного устава, становился все более и более очевидным:

А ты, глупец и трус, что делаешь ты с нами?
Где должно б умствовать, ты хлопаешь глазами;
Не понимая нас, мараешь и дерешь;
Ты черным белое по прихоти зовешь;
Сатиру пасквилом, поэзию развратом,
Глас правды мятежом, Куницына Маратом

Поэтому строки:

... перед тобой зеркало:
Дней Александровых прекрасное начало. —

имели совершенно определенный политический и конкретно-исторический смысл сопоставления второй половины александровского царствования с мрачными днями Павла I:

Ужели к тем годам мы снова обратимся,
Когда никто не смел Отечество назвать,⁷⁷
И в рабстве ползали и люди, и печать?

В своей сатире Пушкин сознательно опирается на традиции лучших сатириков своего и прошедшего времени. Строки:

А ты, глупец и трус, что делаешь ты с нами?
Где должно б умствовать, ты хлопаешь глазами. —

ведут к сатирической традиции Державина:

Осел останется ослом,
Хотя осыпь его звездами;
Где должно действовать умом,
Он только хлопает ушами.

(«Вельможа»).

⁷⁷ По указу Павла I некоторые слова, допуславшие возможность революционных применений, как например слово «отечество», были запрещены к употреблению. Вместо слова «отечество» предписывалось употреблять слово «государство».

Конец же пушкинского послания:

... если невозможно
Тебе скорей домой убраться осторожно,
И службою своей ты нужен для царя,
Хоть умного себе возьми секретаря —

отправляется от крыловской сатирической традиции:

Я слышал — правда ль — будто встарь
Судей таких видали,
Которые весьма умны бывали,
Пока у них был умный секретарь.

(«Оракул»).

VII

Удаленный из столицы, Пушкин очутился в еще более накаленной атмосфере южного декабризма и развертывавшегося национально-освободительного движения в Греции, Молдавии и Валахии, самым непосредственным образом отражавшегося на всей жизни южной России.

Уже на исходе 1820 г. в Валахии вспыхнуло восстание, возглавленное Тодором Владимиреско. Оно как бы явилось сигналом к началу Гетерии — широкого движения во имя освобождения Греции. Движение ширилось и разрасталось. Через Одессу, Тирасполь и Бендеры в южные области России хлынул поток беженцев из Греции, Молдавии и Валахии. «Когда я приехал в Кишинев, — вспоминал А. Ф. Вельтман о весне 1821 г., — это был уже не тот город, который я оставил за два или за три месяца. Народ кишел уже в нем. Вместо двенадцати тысяч жителей тут было уже до пятидесяти тысяч на пространстве четырех квадратных верст... население всей Бессарабии по крайней мере удвоилось. Кишинев был в это время бассейном князей и вельможных бояр из Константинополя и двух княжеств... На каждом шагу загорался разговор о делах греческих: участие было необыкновенное. Новости разносились, как электрическая искра по всему греческому миру Кишинева».⁷⁸

В такой атмосфере создавался цикл пушкинских лирических стихотворений, являвшихся отражением в обобщенном виде ряда событий, связанных с национально-освободительной борьбой, разгоравшейся близ этих мест.

⁷⁸ Л. Майков. Пушкин, стр. 117—118.

От сербских воевод, поселившихся в Кишиневе, Пушкин, по свидетельству современников, слышал рассказы о народных восстаниях против турецкого ига и о их героях.⁷⁹ Рассказы воссоздавали образы сильных и мужественных людей со сложными и противоречивыми характерами. Таков был образ героя сербского национально-освободительного движения Георгия Черного, воспроизведенный Пушкиным в стихотворении «Дочери Карагеоргия» (1820),⁸⁰ написанном уже через две недели по приезде в Кишинев.⁸¹ Романтический характер Георгия, Пётровича, убившего, по преданию, своего отца за отказ примкнуть к народному восстанию против турецкого ига⁸² и за то прозванного «Черным» («Кара»),⁸³ определил и романтическую окраску пушкинского стихотворения, обращенного к дочери героя:

Гроза луны,⁸⁴ свободы воин,
 Покрытый кровию святой,⁸⁵
 Чудесный твой отец, преступник и герой,
 И ужаса людей, и славы был достоин.
 Тебя, младенца, он ласкал
 На пламенной груди рукой окровавленной;
 Твоей игрушкой был кинжал —
 Братоубийством изощренный...

 Но ты, прекрасная, ты бурный век отца
 Смирненной жизнью пред небом искупила:
 С могилы грозной к небесам
 Она, как сладкий фиалим,
 Как чистая любви молитва, восходила.⁸⁶

Движение гетеристов ширилось. В феврале 1821 г. Александр Ипсиланти в Яссах издал прокламацию о начавшемся восстании.

⁷⁹ М. А. Цявловский. Летопись..., т. I, стр. 254; см. также: Л. Майков. Пушкин, стр. 133.

⁸⁰ Впервые напечатано в «Стихотворениях Александра Пушкина» (1826).

⁸¹ Пушкин приехал в Кишинев 21 сентября 1820 г.

⁸² Ср. «Песню о Георгии Черном» в «Песнях западных славян» Пушкина.

⁸³ Ср.:

Догадалась она <мать>, завопила:
 «Будь же богом проклят ты, черный,
 Коль убил ты отца родного!»
 С той поры Георгий Петрович
 У людей прозывается Черный.

(«Песня о Георгии Черном»).

⁸⁴ Т. е. Турция.

⁸⁵ К этой строке в беловом автографе Пушкиным сделана сноска: «Отца и брата».

⁸⁶ По свидетельству И. П. Липранди и А. Ф. Вельтмана, Пушкин лично не знал дочери Георгия Петровича, жившей в то время в Хотине, недалеко от Кишинева.

«Уведомляю тебя о происшедствиях, — писал Пушкин в одном из своих писем в марте 1821 г., — которые будут иметь следствия, важные не только для нашего края, но и для всей Европы. Греция восстала и провозгласила свою свободу... Восторг умов дошел до высочайшей степени, все мысли устремлены к одному предмету — к независимости древнего Отечества. В Одессах я уже не застал любопытного зрелища: в лавках, на улицах, в трактирах везде собирались толпы греков, все продавали за ничто свое имущество, покупали сабли, ружьи, пистолеты, все говорили об Леониде, об Фемистокле, все шли в войско счастливица Ипсиланти» (XIII, 22—23).

2 апреля Пушкин записывает в дневнике: «Вечер провел у Н. С. — прелестная гречанка. Говорили об А. Ипсиланти; между пятью греками, я один говорил как грек — все отчаявались в успехе предприятия *Этерии*. Я твердо уверен, что Греция восторжествует, и 25,000,000 турков оставят цветущую страну Эллады законным наследникам Гомера и Фемистокла» (XII, 302).

Между тем военные дела гетеристов развивались далеко не успешно. В июне 1821 г. отряд греческих повстанцев под начальством Иордаки Олимбиотти был разбит турками под Драгошанами. Через короткое время греки были разбиты при деревне Скуляны, понеся большие потери. В июле В. П. Горчаков, по поручению начальства посетивший Скуляны для собирания сведений о военных делах в этом районе, передает Пушкину подробности сражения. Таковы были предпосылки к созданию стихотворения «Гречанка верная! не плачь, — он пал героем» (1821):⁸⁷

Гречанка верная! не плачь, — он пал героем,
 Свинец врага в его вонзился грудь.
 Не плачь — не ты ль ему сама пред первым боем
 Назначила кровавый Чести путь?
 Тогда, тяжелую предчувствуя [разлуку],
 Супруг тебе простер торжественную руку,
 Младенца своего в слезах благословил,
 Но знамя черное Свободой восшумело.
 Как Аристокитон, он миртом меч обвил
 Он в сечу ринулся — и падши совершил
 Великое, святое дело.

В связи с греческими событиями приобретал большую остроту вопрос о позиции России. Александр Ипсиланти серьезно рассчитывал на поддержку русской армии. В его прокламации, обращенной к греческому населению Турции, говорилось, как писал Пушкин в цитированном письме, «что Феникс Греции воспрянет из своего пепла, что час гибели для Турции настал и проч., и что

⁸⁷ При жизни Пушкина не печаталось.

Великая держава (т. е. Россия, — Б. Г.) одобряет подвиг великодушный!». Это свое письмо Пушкин заканчивал так: «Важный вопрос: что станет делать Россия; зайдем ли мы Молдавию и Валахию под видом миролюбивых посредников; перейдем ли мы за Дунай союзниками греков и врагами их врагов?» (XIII, 24).

В июне русское посольство в Константинополе, в котором служил С. И. Тургенев, выехало в Россию. В августе Пушкин пишет письмо временно находившемуся тогда в Одессе проездом из Константинополя С. И. Тургеневу, где просит, чтобы А. И. Тургенев в Петербурге повременил хлопотать о его возвращении из ссылки: «Если есть надежда на войну, ради Христа, оставьте меня в Бессарабии» (XIII, 32). Слухи о намерении Пушкина принять непосредственное участие в развертывавшихся событиях на стороне греков доходили и до столицы. М. П. Погодин в одном из своих писем сообщал в августе 1821 г. о Пушкине: «Кстати, я слышал от верных людей, что он ускользнул к грекам».⁸⁸

Таковы были условия, в которых создавалось стихотворение «Война» (1821).⁸⁹ Это очень сложное и внутренне противоречивое произведение. Оно непосредственно связано с целым комплексом столь же сложных и противоречивых переживаний Пушкина этого периода, когда многое в его судьбе еще оставалось неясным и для него самого, когда процесс перерастания им прежних, вынесенных из Лицея представлений о жизни еще не был закончен, когда, наконец, насильственно вырванный из привычной обстановки, он крайне тяжело переживал все случившееся с ним. Все это и отразилось в стихотворении:

И все умрет со мной: надежды юных дней,
Священный сердца жар, к высокому стремленье,
Воспоминание и брата и друзей,
И мыслей творческих напрасное волненье,
И ты, и ты, любовь!..

В стихотворении еще нет строгого и прямолинейного выражения общественной активности во имя определенной политической цели, т. е. нет еще всеопределяющего устремления бойца. Желание принять участие в войне вызывается прежде всего стремлением вырваться из обстановки, мертвящей душу, не сулящей никакого выхода, никакого просвета:

Я так, жертва злой отравы:
Покой бежит меня, нет власти над собой,
И тягостная лень душою овладела...

⁸⁸ М. А. Цявловский. *Летопись...*, т. I, стр. 311.

⁸⁹ Впервые напечатано в альманахе «Полярная звезда на 1823 год» под названием «Мечта война».

Что ж медлит ужас боевой?
 Что ж битва первая еще не закипела?

Отсюда и ожидание от войны освежающего воздействия на душу поэта:

И сколько сильных впечатлений
 Для жаждущей души моей!
 Стремленье бурных ополчений,
 Тревоги стана, звук мечей,
 И в роковом огне сражений
 Паденье ратных и вождей!
 Предметы гордых песнопений
 Разбудят мой уснувший гений! —

т. е. ожидание от войны прежде всего поэтических вдохновений, а уже потом — воинской славы, если она достанется на долю поэта:

Все ново будет мне: простая сень шатра,
 Огни врагов, их чуждое взыванье,
 Вечерний барабан, гром пушек, визг ядра
 И смерти грозной ожиданье.
 Родишься ль ты во мне, слепая славы страсть,
 Ты, жажда гибели, свирепый жар героев?
 Венок ли мне двойной достанется на часть,⁹⁰
 Кончину ль темную судил мне жребий боев?

Международная обстановка в этот период была напряжена до крайности. В марте 1819 г. прогремело на всю Европу убийство в Мангейме студентом Карлом Зандом немецкого реакционного писателя Августа Коцебу.⁹¹ В феврале 1820 г. не менее громким эхом отозвалась убийство Пьером Лувелем наследника французского престола герцога Беррийского. События следовали за событиями. Июнь 1820 г. ознаменовался началом революции в Неаполе. В июле того же года король Фердинанд I присягает на верность конституции. Напряженной была политическая обстановка и в самой России. В октябре 1820 г. произошло восстание в Семеновском полку, в самой военной столице империи. В непосредственной близости от места ссылки Пушкина, в Екатеринославской губернии и на Дону, происходили непрерывные подавлявшиеся военной силой крестьянские волнения. О них Пушкин, несомненно, слышал, проезжая по этим местам на Кавказ с Раевскими.

По приезде из Крыма в Кишинев Пушкин очутился в самом центре политической жизни всей южной России. В самом Кишиневе Пушкин непосредственно общался с такими видными деятелями кишиневской ячейки Южной управы Союза Благоденствия, как М. Ф. Орлов, П. С. Пушкин, К. А. Охотников и др.

⁹⁰ Двойной венок, т. е. венок поэта и венок героя.

⁹¹ Казнь К. Занда состоялась в Мангейме в мае 1820 г.

В период пребывания в Каменке, с ноября 1820 г. по февраль 1821 г., Пушкин общался с В. Л. Давыдовым и приехавшим сюда И. Д. Якушкиным, а во время кратковременной поездки с братьями Давыдовыми в Тульчин — военный центр южного заговора — с Н. В. Басаргиным, А. П. Юшневским и, возможно, с П. И. Пестелем.

«Время мое протекает, — писал Пушкин Н. И. Гнедичу о своем пребывании в Каменке, — между аристократическими обедами и демагогическими спорами» (XIII, 20). О характере этих споров и каменских разговоров дает представление оставшееся в черновом виде послание к В. Л. Давыдову (1821).⁹² Рассказав о своем обязательном говении и причастии на Страстной неделе в качестве чиновника канцелярии генерала Инзова, Пушкин продолжает, обращаясь к В. Л. Давыдову:

Вот эвхаристия [другая],⁹³
 Когда и ты, и милый брат,⁹⁴
 Перед камином надевая
 Демократический халат,
 Спасенья чашу наполняли
 Беспенной, мерзлою струей,
 И за здоровье тех и той⁹⁵
 До дна, до капли выпивали! . .
 Но те в Неаполе шалят,
 А та едва ли там воскреснет. . .⁹⁶
 Народы тишины хотят,
 И долго их ярем не треснет.
 Ужель надежды луч исчез?
 Но нет! — Мы счастьем насладимся,
 Кривой чашей причастимся —
 И я скажу: Христос воскрес.⁹⁷

⁹² При жизни Пушкина не печаталось.

⁹³ Эвхаристия — причастие (греч.).

⁹⁴ А. Л. Давыдов.

⁹⁵ Те — итальянские карбонарии, та — свобода.

⁹⁶ Неаполитанское восстание было подавлено в марте 1821 г. австрийскими войсками, вступившими 11 (23) марта в Неаполь. Послание Пушкина к Давыдову датируется 1—10 апреля этого же года.

⁹⁷ По поводу последних строк о «кривой чаше» М. В. Нечкина пишет: «Во второй половине 1820 г. на организованных Пестелем регулярных („устроенных“) заседаниях Тульчинской управы Союза Благоденствия. . . вопросы о республиканской программе и новых, революционных способах действия широко обсуждались. Решение действовать „посредством войск“ уже было тут усвоено. . . Кишиневской управе, как, впрочем, вероятно, и Тульчинской, переворот никак не представлялся „мирным“, торжественным шествием войск по улицам и площадям столицы среди каскада цветов и ликующей толпы собравшихся зрителей» (М. В. Нечкина. Движение декабристов, т. I. Изд. Академии наук СССР, М., 1955, стр. 315—316).

Те же надежды на возможный успех революционных событий определили пафос и другого стихотворения того же года — «Генералу Пушкину» (1821):⁹⁸

В дыму, в крови, сквозь тучи стрел
Теперь твоя дорога;⁹⁹
Но ты предвидишь свой удел,
Грядущий наш Квируга!¹⁰⁰
И скоро, скоро смолкнет брань
Средь рабского народа,¹⁰¹
Ты молоток возьмешь во длань
И воззовешь: свобода!¹⁰²

В марте 1821 г. П. И. Пестель организует Южное тайное общество. В это время Пушкин часто общается с Пестелем. 9 апреля он записывает в дневнике: «Утро провел я с Пестелем, умный человек во всем смысле этого слова... Мы с ним имели разговор метафизической, политической, нравственный и проч. Он один из самых оригинальных умов, которых я знаю» (XII, 303).

В такой обстановке и в таких условиях создавалось самое сильное революционное стихотворение Пушкина южного периода — «Кинжал» (1821).¹⁰³

В системе политических взглядов Пушкина было одно, по-видимому, характерное для его эпохи противоречие. Признавая законность индивидуального политического убийства во имя высокой общественной цели, прославляя такие акты индивидуального рево-

⁹⁸ При жизни Пушкина не печаталось. Бригадный генерал П. С. Пущин — видный член кишиневской ячейки Южной управы Союза Благоденствия. Никак нельзя согласиться с мнением Т. Г. Цявловской, что «несвойственный Пушкину патетический тон стихотворения заставляет видеть в этом послании лукавую шутку над Пушкиным; он был человеком ограниченным, и „Пушкин неоднократно подсмеивался“ над ним («Русский архив», 1866, стлб. 1258); утверждение, что Пущин сам, а не окружающие провидят в нем вождя революции, — говорит о том же» (А. С. Пушкин, Собрание сочинений в 10 томах, т. 1, 1959, стр. 581).

⁹⁹ Вероятно, в связи с предположением о возможных военных действиях России против Турции.

¹⁰⁰ Генерал Квируга — один из руководителей испанской военной революции.

¹⁰¹ Имеются в виду события в Греции.

¹⁰² П. С. Пущин — основатель и глава кишиневской масонской ложи «Овидий». В кишиневском дневнике Пушкина имеется запись о принятии его в эту ложу 4 мая 1821 г. (XII, 303). Из того обстоятельства, что основателем и главой этой ложи был член Союза Благоденствия, можно предположить, что основана она была для политической пропаганды. Это отчасти подтверждает и Пушкин в своем письме к Жуковскому 1826 г.: «Я был массон в Киш. (иневской) ложе, т. е. в той, за которую уничтожены в России все ложи» (XIII, 257).

¹⁰³ При жизни Пушкина не печаталось.

люционного террора, как убийство Зандом Кодебу или Лувелем герцога Беррийского,¹⁰⁴ Пушкин и в это время, и на протяжении всей своей жизни отрицательно относился к тактике революционного террора якобинцев. Это, в частности, отразилось и на семантическом ореоле, которым у Пушкина окружено слово «ужас», обычно применяемое им для характеристики именно этой стороны Французской революции. Все это нашло отражение и в данном стихотворении. Высоко превознося самоотверженный поступок Занда:

О юный праведник, избранник роковой,
О Занд, твой век угас на плахе;
Но добродетели святой
Остался глас в казенном прахе. —

Пушкин в то же время резко отрицательно характеризовал Марата и оправдывал его убийство Шарлоттой Кордэ:

Исчадь мятежей подымлет злобный крик:
Презренный, мрачный и кровавый,
Над трупом Вольности безглавый
Палач уродливый возник.¹⁰⁵
Апостол гибели, усталому Аиду
Перстом он жертву назначал,
Но вышний суд ему послал
Тебя и деву Эвмениду.

Основному заданию стихотворения — возвеличить кинжал как крайнее средство борьбы за высшую справедливость — подчинено и его звуковое оформление. Высокому пафосу этой борьбы соответствуют торжественность и величавость сдержанно-гневной ораторской интонации:

Лемносский бог тебя сковал
Для рук бессмертной Немезиды,
Свободы тайный страж, карающий кинжал,
Последний судия Позора и Обиды.

По-видимому, сложный звуковой образ, возникавший в связи со словом «кинжал» и блеском его лезвия, сказался и на словесной инструментровке строк о нем:

Как адской луч, как молния богов,
Немое лезвие злодею в очи блещет —

¹⁰⁴ Вскоре после получения в Петербурге известия об убийстве герцога Беррийского Пушкин в театре показывал знакомым портрет Лувеля со своей надписью: «Урок царям».

¹⁰⁵ Варианты:

Как <царь> <?> Марат воссел [над <прзб>] над плахою <кровавой>
Как <царь> <?> Марат воссел клеймен бесчестной славой

(II, 647).

и, наоборот, звуковые ассоциации, связанные с образом Марата (мрачным и кровавым — в восприятии Пушкина), обусловили строки иного звучания:

Презренный, мрачный и кровавый,
Над трупом Вольности безглавой
Палач уродливый возник.

Эта своеобразно окрашенная личным пушкинским пафосом борьбы за высшие общественные идеалы лирика, несмотря на внутреннюю ее противоречивость, приобретала остро политическое значение. Такие стихотворения, как «Кинжал», хотел или не хотел того сам Пушкин,¹⁰⁶ должны были восприниматься в аспекте соответствующих ассоциаций.¹⁰⁷

Так же воспринимались и такие пушкинские стихотворения, как «Узник» (1822).¹⁰⁸ Стихотворение создавалось как очень сложное производное целого ряда различных и разновременных впечатлений, настроений и переживаний. Самое раннее впечатление от железных решеток на окнах относится еще к первым дням пребывания Пушкина в Кишиневе в 1820 г., когда он поселяется в доме, занимаемом Инзовым, в двух комнатках с железными решетками на окнах. Живя в Кишиневе, Пушкин неоднократно посещал местный острог.¹⁰⁹ Сюда же должен быть отнесен и эпизод, представляющийся, со слов современников, в следующем виде: «Пушкин ходит в острог — „разговаривать с арестантами, расспрашивать об их удалстве“ ... Однажды вечером „главный первостатейный каторжник“¹¹⁰ сказал Пушкину, что ночью он бежит: „клетка надломлена, настанет ночь, а мы ночные птицы и вольные!“ ... „Многих переловили, а мой друг убежал“, — вспоминал Пушкин».¹¹¹ К этому времени относится и первый набросок плана

¹⁰⁶ В апреле 1826 г. Пушкин писал Жуковскому: «Вяземский» пишет мне, что друзья мои в отношении властей изверились во мне: напрасно. Я обещал Н. Николаю М. Михайловичу Карамзину» два года ничего не писать противу правительства и не писал. *Кинжал* не против правительства писан, и хоть стихи и не совсем чисты в отношении слога, но намерение в них безгрешно» (XIII, 167).

¹⁰⁷ Декабрист П. Громницкий на следствии показал, что М. П. Бестужев-Рюмин, «агитируя за царевбийство», читал стихи Пушкина „Кинжал“» (см.: Б. Мейлах. Пушкин и его эпоха. М., 1958, стр. 355).

¹⁰⁸ Впервые напечатано в «Стихотворениях Александра Пушкина» (ч. III, 1832).

¹⁰⁹ См. запись в дневнике Пушкина от 26 мая 1821 г.: «После обеда приехали ко мне Пушкин, Алексеев и Пестель — потом был я в здешнем остроге» (XII, 303).

¹¹⁰ Тарас Кирилов? См. запись в дневнике Пушкина от 26 мая 1821 г. (XII, 303).

¹¹¹ М. А. Цявловский. Летопись..., т. I, стр. 298.

неосуществленной Пушкиным поэмы о разбойниках. В феврале 1822 г. был арестован и заключен в Тираспольскую крепость В. Ф. Раевский. В марте Раевский из крепости пишет послание «К друзьям в Кишинев», а в июле при личном свидании с И. П. Липранди отдает ему для передачи Пушкину стихотворение «Певец в темнице».

Из всего этого сложного комплекса переживаний и впечатлений, наиболее значительным моментом которого был арест В. Ф. Раевского,¹¹² возникал замысел стихотворения глубочайшего обобщения, где личные мотивы и непосредственные впечатления от действительности поднимались до степени огромной типизации.

В черновой рукописи явственнее проступает связь этого стихотворения с фактами конкретной действительности:

И тихо и грустно в темнице глухой!..¹¹³
Пленен, обескрылен орел молодой..

(II, 790).

Также в аспекте огромного обобщения воспринималось и небольшое стихотворение «Птичка» (1823). Замыслу стихотворения предшествовали следующие события.

В январе 1823 г. Пушкин обратился к министру иностранных дел К. В. Нессельроде с просьбой об отпуске на два или три месяца для свидания с родными в Петербурге. Пушкин предполагал быть в столице к Пасхе («На светлом празднике весны»). В феврале на докладе Нессельроде Александру I о просьбе Пушкина ставится помета: «Отказать». В начале апреля Инзов извещает Пушкина о полученном отказе на просьбу об отпуске, и уже 5 апреля Пушкин пишет Вяземскому: «Мои надежды не сбылись: мне нынешний год нельзя будет приехать ни в Москву, ни в Петербург» (XIII, 61), а 13 мая — Н. И. Гнедичу: «Знаете ли вы трогательный обычай русского мужика в светлое воскресенье выпустить на волю птичку? вот вам стихи на это —

В чужбине свято наблюдаю
Родной обычай старины:
На волю птичку отпускаю
На светлом празднике весны.
Я стал доступен утешенью:

¹¹² В. Г. Базанов пишет: «В известном стихотворении „Узник“ можно видеть намек на вполне реального узника» (В. Г. Базанов. В. Ф. Раевский. 1949, стр. 86).

¹¹³ Ср. те же слова в наброске неосуществленного стихотворения Пушкина, обращенного к В. Ф. Раевскому:

Не даром ты ко мне воззвал
Из глубины глухой темницы
(I, 470).

Зачем на бога мне роптать,
 Когда хоть одному творенью
 Могу я волю даровать?

«Напечатают ли без имени в С.<ыне> О.<течества>?» (XIII, 63).

Однако цензор А. И. Красовский не разрешил напечатать это стихотворение в «Сыне отечества», и оно появилось в «Литературных листках» Ф. В. Булгарина под заглавием «На выпуск птички» с примечанием от издателя: «Сие относится к тем благодетелям человечества, которые употребляют свои достатки на выкуп из тюрьмы невинных должников, и проч.». Поставленная под стихотворением давно уже знакомая всем подпись «А. П.» сильнее всяких комментариев говорила о подлинном смысле стихотворения.

В условиях возбужденного общественного самосознания такие стихотворения, как «Кинжал», «Узник», «Птичка» и некоторые другие, а также соответствующие места из «Кавказского пленника» и «Братьев разбойников» воспринимались в аспекте большой политической обобщенности. Так, в мае 1823 г. П. А. Вяземский писал А. И. Тургеневу о «Братьях разбойниках»: «Более всего понравилось мне: бред больного брата и сцепление увещаний в отношении старика с состраданием оставшегося брата к старикам. Я благодарил его и за то, что он не отнимает у нас, бедных заключенных, надежду плавать и с кандалами на ногах».¹¹⁴ Он же в 1828 г. писал жене о полученном им и Пушкиным отказе ехать в действующую армию: «Мне душно здесь, я в лес хочу».¹¹⁵

VIII

Между тем внешнеполитическая обстановка все более и более осложнялась. В марте 1821 г. австрийские войска вступили в Неаполь для подавления революции. В апреле того же года в «Сыне отечества» было опубликовано официальное сообщение русского правительства, содержавшее резкое осуждение греческого восстания.¹¹⁶

В конце 1822 г. в Вероне был созван конгресс организованного европейскими монархами во главе с Александром I Священного союза для совместных действий к сохранению существующего строя в государствах Европы. На Веронском конгрессе правительствами России, Австрии, Пруссии и Франции был подписан протокол о подавлении революции в Испании. В конце 1823 г. был арестован глава испанской революции Риего.

¹¹⁴ Остафьевский архив князей Вяземских, т. II, 1899, стр. 327.

¹¹⁵ Пушкин, Полное собрание сочинений, т. XIV, стр. 12.

¹¹⁶ «Сын отечества», 1821, ч. 69, № XV, стр. 50.

Все это не могло не сказаться на лирике Пушкина, в неизмеримо более сильной степени, чем другие жанры, непосредственно отражавшей его настроения и его отношение к действительности. Особенно явственно это сказалось на происшедшей в эти годы радикальной переоценке исторического значения деятельности Наполеона.

В условиях победы реакции в Европе и усиления деятельности Священного союза само имя Наполеона, особенно после его смерти, мало-помалу начинало приобретать в прогрессивных кругах европейского общества иной смысл и уже противопоставлялось реакционному Священному союзу.

Это новое осмысление личности и деятельности Наполеона наиболее яркое выражение в русских условиях получило в оде Пушкина «Наполеон»,¹¹⁷ замысел которой возник в связи с получением известия о смерти Наполеона.

Наполеон умер 23 апреля (5 мая) 1821 г. До Пушкина известие об этом дошло значительно позднее. В одной из его тетрадей сохранилась запись «18 juillet 1821, nouvelle de la mort de Napoléon».¹¹⁸ К этому времени относятся набросок программы стихотворения и первоначальный черновой текст его.

Уже в первых строках этого черногого текста сформулирована основная мысль стихотворения о разительной противоречивости облика и всей деятельности Наполеона:

Великолепная могила! ..
Над урной, где твой прах зарыт,
Народов Ненависть <почила> <?>
И свет бессм<ертия> <?> горит —

Далее идет прозаическая запись плана последующего содержания стихотворения:

«Народы спрашивают Тот ли который — Где <?> он...
Угас тот, который то и то — и Россию...»

Но да не упрекнет его русской.... Россия славна
— бедная Франция в унижении — Он об ней мыслил —
Остр<ов> Ел.<ены> — Там он думал об том»

Последующее движение пушкинской мысли, отраженное в черновике, заключая в себе множество интересных вариантов, в основном соответствует окончательному тексту и частично является развитием приведенного наброска плана.

К сентябрю — ноябрю 1821 г. относится окончательная обработка первоначальной редакции оды. В этой редакции отсутствовали

¹¹⁷ Впервые напечатано в «Стихотворениях Александра Пушкина» (1826) с большими цензурными пропусками.

¹¹⁸ Перевод: «18 июля 1821, известие о смерти Наполеона» (Рукою Пушкина. М.—Л., 1935, стр. 292).

строфы XIII и XIV, перенесенные Пушкиным в текст оды в 1824 г. из ранней редакции стихотворения «К морю».¹¹⁹

Ода Пушкина поразительна как свидетельство той решительной переоценки исторического значения Наполеона, которая произошла в сознании западноевропейского и русского обществ спустя лишь шесть лет после окончания Отечественной войны 1812—1815 гг., и особенно той социальной чуткости, с какой пришел к этой переоценке сам Пушкин, еще в 1815 г. заставлявший Наполеона «свирепо прошептать» следующий гимн своему недавнему противнику — Александру I:

Полнощи царь младой! — ты двинул ополченья,
И гибель вслед пошла кровавым знаменам,
Отозвалось могущего паденье,
И мир земле, и радость небесам,
А мне — позор и заточенье!
(«Наполеон на Эльбе», 1815).

«Чему удивляться, — писал Белинский, — что шестнадцатилетний мальчик так смотрел на Наполеона в то время, как на него так же точно смотрели и престарелые и возмужавшие поэты! Гораздо удивительнее, что этот мальчик, через пять лет после того, сказал о Наполеоне». И, приведя выписку из пушкинской оды, Белинский продолжал: «Эти стихи и особенно этот взгляд на Наполеона, как освежительная гроза, раздались в 1821 году над полем русской литературы, заросшим сорными травами общих мест, и многие поэты, престарелые и возмужалые, прислушивались к нему с удивлением, подняв встревоженные головы вверх, словно гуся на гром» (VII, 280).

Так Пушкин в своих суждениях о Наполеоне включался в общую — западноевропейскую и русскую — традицию переоценки Наполеона, исходившую отнюдь не из стремления воздать должное человеку, уничтожившему в свое время республику и объявившему себя императором, но из отрицания той реакционной политики, которая осуществлялась в международных масштабах Священным союзом во главе с Александром I.¹²⁰ Именно этим обстоятель-

¹¹⁹ См.: Н. В. Измайлов. Строфы о Наполеоне и Байроне в стихотворении «К морю». «Пушкин. Временник Пушкинской комиссии», т. 6, Изд. Академии наук, СССР, 1941, стр. 28.

¹²⁰ В качестве явного и очень тонкого свидетельства скрытой оппозиционности Онегина существующему положению вещей Пушкин показывает в его деревенском кабинете статуэтку Наполеона:

И столбик с куклою чугунной
Под шляпой с пасмурным челом,
С руками сжатыми крестом.

(«Евгений Онегин», гл. VII, строфа XIX).

ством и следует объяснить снятие Пушкиным эпитафия «*Ingrata patria...*»,¹²¹ первоначально поставленного в черновике, но противоречившего всему замыслу и содержанию стихотворения в целом.

Ода начинается с признания за Наполеоном права именоваться в потомстве «великим» («Угас великой человек») и одновременного утверждения необходимости произвести уже историческую оценку его деятельности:

И для изгнанника вселенной
Уже потомство настает.

Суд потомства призван дать справедливую оценку двух резко противоположных сторон деятельности и облика Наполеона:

Над урной, где твой прах лежит,
Народов ненависть почилла,
И луч бессмертия горит.

С огромной силой ода воспроизводит этапы блистательного пути Наполеона, по которому он шел к всеевропейскому могуществу:

Когда надеждой озаренный
От рабства пробудился мир,
И галл десницей разъяренной
Низвергнул ветхий свой кумир;
Когда на площади мятежной
Во прахе царский труп лежал,
И день великий, неизбежный —
Свободы яркий день вставал —¹²²

Тогда в волненьи бурь народных
Предвидя чудный свой удел,
В его надеждах благородных
Ты человечество презрел.

Далее в соответствии с планом («бедная Франция в унижении») дается изумительно яркий образ французского народа, в блеске и славе наполеоновских побед не замечающего своих обитых лаврами цепей:

И Франция, добыча славы,
Пленный устремила взор,
Забыв надежды величавы,
На свой блистательный позор.

¹²¹ «Неблагодарное общество...» (лат.).

¹²² Ср. разницу отношения к этому же событию в оде «Вольность» (1817):

Восходит к смерти Людовик
В виду безмолвного потомства,
Главой развенчанной приник
К кровавой плахе Вероломства.
Молчит Закон — народ молчит,
Падет преступная секира...

С IX строфы в соответствии с планом («Россия славна») содержание оды определяется победой России, непонятой Наполеоном, и утверждением ее морального превосходства над врагом:

Настали времена другие,
Исчезни, краткий наш позор!¹²³
Благослови Москву, Россия!¹²⁴
Война по гроб — наш договор!

Величие народной победы над Наполеоном («В Москве не царь, в Москве Россия!») дополнительно подчеркнута в XII строфе:

И длань народной Немезиды
Подъяту видит великан...¹²⁵

В соответствии с наметкой плана («Но да не упрекнет его русской») в черновой рукописи появляются строки:

- Не русской лиры звук свободный
Укором в сей день
(II₂, 713).

Вместо этого окончательный текст дает более обобщенное завершение всей оды в целом:

Да будет омрачен позором
Сей малодушный, кто в сей день
Безумным возмутит укором
Его развенчанную тень!
Хвала! оң русскому народу

¹²³ Позор Тильзитского мира.

¹²⁴ В черновой рукописи эти строки читаются так:

Настали времена другие!
Исчезни краткой наш позор,
В Москве не царь, «в Москве Россия!» <?>
Война по гроб наш до«говор»!

Смысл этого варианта: в Тильзите царь заключил позорный для России мир с Наполеоном, в Москве народ отстоял свою свободу.

¹²⁵ Путь, пройденный Пушкиным с 1815 по 1821 г. в осмыслении Отечественной войны, отчетливо виден при сопоставлении этих строк с соответствующим местом стихотворения «На возвращение государя императора из Парижа в 1815 году» (1815):

Тебе, наш храбрый царь, хвала, благодаренье!
Когда полки врагов покрыли отдаленье,
Во броню ополчась, вложив пернатый шлем,
Колена преклонив пред вышним алтарем,
Ты браней меч извлек и клятву дал святую
От ига оградить страну свою родную.

Высокий жребий указал,¹²⁶
И миру вечную свободу
Из мрака ссылки завещал.

Смысл строк о человеке. «чьей памятью кровавой / Мир долго, долго будет полн», в какой-то степени проясняется в свете письма Е. Н. Орловой своему брату А. Н. Раевскому от 23 ноября 1821 г., т. е. как раз того времени, когда Пушкин кончил оду «Наполеон»: ¹²⁷ «Мы очень часто видим Пушкина, который приходит спорить с мужем о всевозможных предметах. Его теперешний конек — вечный мир аббата Сен-Пьера. Он убежден, что правительства, совершенствуясь, постепенно водворят вечный и всеобщий мир и что тогда не будет проливаться иной крови, как только кровь людей с сильными характерами и страстями, с предприимчивым духом, которых мы теперь называем великими людьми, а тогда будут считать лишь нарушителями общественного спокойствия».¹²⁸

К этому же времени, по-видимому, относится и запись Пушкина о вечном мире: «1. Невозможно, чтобы люди со временем не уразумели смешную жестокость войны, как они уразумели существо рабства, царской власти и т. д. Они увидят, что наше предназначение — есть, жить и быть свободными... 3. Что же до великих страстей и великих военных талантов, то на это всегда будет гильотина, т. к. обществу мало заботы до восхищения великими комбинациями победоносного генерала — имеются иные дела — и не для того поставили себя под защиту законов» (XII, 189 и 480).

Тема Наполеона, его личности и его роли в историческом процессе еще долго будет занимать Пушкина. Замечательную попытку противопоставить интеллект и волю этого Владыки Запада ординарной личности Владыки полунощи — Александра I Пушкин предпринял в незаконченном стихотворении «Недвижный страж дремал на царственном пороге» (1824),¹²⁹ изображавшем русского царя после Веронского конгресса, где были приняты решения о подавлении соединенной военной силой европейских монархов ряда революционных и национально-освободительных движений в различных странах Европы.

Общественные настроения в Европе и России того времени хорошо охарактеризовал декабрист П. Г. Каховский в своем письме

¹²⁶ Т. е. высокий жребий победы и нравственного величия.

¹²⁷ 12 ноября Е. Н. Орлова писала А. Н. Раевскому о Пушкине: «Он только-что кончил оду на Наполеона, которая, по моему скромному мнению, хороша, сколько я могу судить, слышав ее частью один раз» (М. А. Цявловский. Летопись..., I, стр. 316 Подлинник на франц. языке).

¹²⁸ Там же, стр. 317. Подлинник на франц. языке.

¹²⁹ При жизни Пушкина не печаталось

из крепости 24 февраля 1826 г. к генералу В. В. Левашову: «Император Александр многое обещал нам; он, можно сказать, исполински двинул умы народа к священным правам, принадлежащим человечеству. Впоследствии он переменял свои правила и намерения; народы ужаснулись, но уже семена проросли и глубоко пустили корни. Последняя половина прошлого столетия и события нашего века столь богаты различными переворотами в правлениях, что мы не имеем нужды ссылаться в века отдаленные. Мы свидетели великих происшествий... Свободу проповедовали нам и манифесты, и воззвания, и приказы! Нас манили, и мы, добрым сердцем, поверили, не щадили ни крови своей, ни имуществ. Наполеон низринут! Бурбоны, призванные на престол Франции, покоряясь обстоятельствам, дали конституцию народу храброму, великодушному! и присягнули ему забыть все прошлое. Монархи соединились в Священный союз; составились конгрессы, возвестили народам, что они съезжаются для совещания о уравнивании классов и водворении политической свободы. Но скоро цель конгрессов открылась, скоро увидели народы, сколько много они обмануты. Монархи лишь думали о удержании власти неограниченной, о поддержании расшатавшихся тронов своих, о погублении и последней искры свободы и просвещения. Оскорбленные народы потребовали обещанного им принадлежащего, — и цепи и темницы стали их достоянием!.. Тюрьмы Пиемонта, Сардинии, Неаполя, вообще всей Италии, Германии наполнились окованными гражданами. И судьба народов стала столь тягостной, что они пожалели время прошлое и благословляют память завоевателя Наполеона!»¹³⁰

Этот момент европейской истории и воспроизводит Пушкин в своем стихотворении:

Недвижный страж дремал на царственном пороге,
 Владыка севера один в своем чертоге
 Безмолвно бодрствовал, и жребии земли
 В увенчанной главе стесненные лежали,
 Чредою выпадали
 И миру тихую неволю в дар несли, —
 И делу своему Владыка сам дивился.
 Се благо, думал он, и взор его носился
 От Тибровых валов до Вислы и Невы,
 От саркосельских лип¹³¹ до башен Гибралтара:
 Все молча ждет удара,
 Все пало — под ярем склонились все главы.

¹³⁰ Избранные социально-политические и философские произведения декабристов, т. I, Госполитиздат, М., 1951, стр. 502—504.

¹³¹ Первоначальный вариант:

От замка Грузина...
 (Грузино — имение Аракчеева).

Среди этих дум русского царя

Раздался бой полночи —
 И се внезапный гость в чертог царя предстал.
 То был сей чудный муж, посланник провиденья,
 Свершитель роковой безвестного вельня,
 Сей всадник, перед кем склонилися цари,
 Мятежной Вольности наследник и убийца,
 Сей хладный кровопийца,
 Сей царь, исчезнувший, как сон, как тень зари.

Стихотворение осталось незаконченным. Результаты встречи главы Священного союза с тенью Наполеона остались неизвестными, как и весь замысел Пушкина в целом.

Характеристика Наполеона будет повторена в X главе «Евгения Онегина» (1830):

Сей муж судьбы, сей странник бранный,
 Пред кем унизились цари,
 Сей всадник, Папою венчаный,
 Исчезнувший, как тень зари.

и в стихотворении «Герой» (1830):

Все он, все он — пришлец сей бранный,
 Пред кем смирились цари,
 Сей ратник, вольностью венчаный,
 Исчезнувший, как тень зари.

Идеалистические формулы — «посланник провиденья» и «свершитель роковой безвестного вельня» — применены здесь к Наполеону явно по традиции. Какого-либо внутреннего содержания Пушкин в них уже не вкладывал. Процесс изживания подобных представлений о выдающихся личностях отчетливо виден по необработанному черновому наброску 1823 г.:

Бывало в сладком ослеплень
 Я верил избр.<анным> душам,
 Я мнил — их тай<ное> рожденье
 Угодно [властным] небесам,
 На них указывало мнеье —
 Едва приблизился я к ним...¹³²

и по другому необработанному черновому наброску первой половины 1824 г., по-видимому, также имевшему в виду Наполеона:

Зачем ты послан был и кто тебя послал?
 Чего, добра иль зла, ты верный был свершитель?
 Зачем потух, зачем блистал,
 Земли чудесный посетитель?...¹³³

¹³² При жизни Пушкина не печатался.

¹³³ При жизни Пушкина не печатался

В стихотворении 1830 г. «Герой» формула «избранный» приобретает уже совершенно иное, конкретно-историческое значение.

IX

Процесс разгрома национально-освободительных движений в Западной Европе, в свое время позволявший деятелям русских тайных обществ надеяться на воздействие их результатов и на революционное движение в самой России, шел не останавливаясь. Уже в 1823 г. Пушкин имел основания писать в черновом наброске незавершенного стихотворения:

Кто, волны, вас остановил,
Кто оковал [ваш] бег могучий,
Кто в пруд безмолвный и дремучий
Поток мятежный обратил?..¹³⁴

В связи с этим в личных переживаниях Пушкина и в его творчестве в этот период происходили в высшей степени сложные, порой противоречивые и не поддающиеся сведению их в какую-то стройную и прямолинейно развивающуюся систему процессы.

Попытка осмысления своего места как поэта в общем процессе русской жизни и борьбы передовых ее представителей с темными силами видна в черновом наброске начала несуществленного послания к В. Ф. Раевскому (1822):¹³⁵

Не тем горжусь я, мой певец,
Что [привлекать] умел стихами
[Вниманье] [пламенных] [сердец],
Играя смехом и слезами.

Не тем, что у столба сатиры¹³⁶
Разврат и злобу я казнил,
И что грозящий голос лиры
Неправду в ужас приводил...¹³⁷

Стихотворение обрывается недоработанной строфой:

Иная, [высшая] [награда]
Была мне роком суждена...

¹³⁴ При жизни Пушкина не печаталось.

¹³⁵ При жизни Пушкина не печаталось. Отнесение стихотворения к В. Ф. Раевскому установлено М. А. Цявловским (Стихотворения Пушкина, обращенные к В. Ф. Раевскому. «Пушкин. Временник Пушкинской комиссии», т. 6, 1941, стр. 41, 44—45).

¹³⁶ Вариант:

Не тем, что мой кинжал

¹³⁷ Вариант:

Тирана в ужас приводил
(II₂, 766).

Что это была за награда, остается неясным.

В черновой рукописи другого, также незавершенного послания к В. Ф. Раевскому (1822)¹³⁸ среди текста имеется трудно поддающаяся чтению прозаическая запись плана продолжения стихотворения:

Ко всему <?> была <?> охота <?>
 Ко всему охладел
 Ветренный я стал бесчувствен <?>
 Теперь пою <?> утрату <?>
 И это смешно —
 Как мертвец я <?> охладел <?>
 Хочу возобновить дружбу
 Любовь
 Труды [не могу]
 (II₂, 778).

Черновой автограф незаконченного стихотворения не дает связного текста, и недостаточно ясна в нем последовательность отдельных строф. Всякое объединение их в связное стихотворение всегда условно.¹³⁹

Значение этих недоработанных и слабо связанных между собой строф и строфических заготовок вовсе не в том, что по ним можно реконструировать какое-то более или менее связное стихотворение, что почти невозможно, а в том, что они, с одной стороны, дают представление о характере личных переживаний и настроений Пушкина этого времени, а с другой — намечают пути, по которым будет развиваться творческая мысль Пушкина в дальнейшем. Так строфа:

Свою печать утратил резвый нрав,
 Душа час от часу немеет;
 В ней чувств уж нет. Так легкой лист дубрав
 В ключах кавказских каменеет. —

с незначительными изменениями будет повторена в альбоме Онегина (1827) для его характеристики:

Цветок полей, листок дубрав
 В ручье Кавказском каменеет.
 В волненьи жизни так мертвец
 И ветрянный и нежный нрав.

Строфа:

Я говорил пред хладною толпой
 Языком Истины [свободной],
 Но для толпы ничтожной и глухой
 Смешон глас сердца благородный. —

¹³⁸ При жизни Пушкина не печаталось.

¹³⁹ Ср.: Пушкин, Полное собрание сочинений, II, стр. 265—266; А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений в 10 томах, т. II, 1956, стр. 119—120; А. С. Пушкин, Собрание сочинений в 10 томах, т. I, 1959, стр. 518—519.

Еще более решительно и остро развивается и углубляется мотив «хладной толпы», для которой «смешон глас сердца благородный»:

[И взор я бросил на] людей,
Увидел их надменных, низких,
[Жестоких] ветреных судей.
Глушцов, всегда злодейству близких.
Пред боязливой их толпой,
[Жестокой] суетной, холодной,
[Смешон] [глас] правды благо(родны)й,
Напрасен опыт вековой.

И далее — с максимальным приближением к формулировкам стихотворения «Свободы сеятель пустынный»:

Вы правы, мудрые народы,
К чему свободы воля(ный) клич!
Стадам не нужен дар свободы,
[Их должно резать или стричь],
Наследство их из рода в роды
Ярмо с гремушками (да бич).

В этом незавершенном стихотворении впервые появляется и самый первоначальный набросок образа «демона» как попытка образной конкретизации и художественного олицетворения отвлеченной идеи отрицания. Сначала демон не назван этим именем, он — просто «Он»:

Мое беспечное незнанье
Он размышленьями смущал
И я его существованье
С своим невинным сочелал.

В процессе дальнейшей работы Пушкина над рукописью «Он» превращается в «демона»:

Мое спокойное незнанье
Строптивый демон¹⁴² возмущал.

Далее Пушкин раскрывает то, что его влекло к нему:

Он непрестанно обещал
Истолковать мне все творенье
И разгадать добро и зло.

(11, 805—806).

Образ пушкинского «демона» как средство художественной конкретизации и образного олицетворения отвлеченной идеи отрицания и переоценки мира, обобщенной до такой философской глубины («истолковать все творенье и разгадать добро и зло»), вклю-

¹⁴² Вариант: лукавый демон.

чается в соответствующую традицию мировой литературы, последним звеном которой перед пушкинским «Демоном» был гётевский «Фауст».¹⁴³ Это намеревался подчеркнуть и сам Пушкин в незавершенной и не опубликованной при его жизни заметке 1825 г. о своем стихотворении «Демон»: «Недаром великий Гете, — писал он, — называет вечного врага человечества *духом отрицающим*. И Пушкин не хотел ли в своем демоне олицетворить сей дух *отрицания или сомнения?*» (XI, 30).

Таков был путь Пушкина к стихотворению «Демон» (1823),¹⁴⁴ где образ «демона» приобрел полную завершенность в качестве абсолютно новой и оригинальной трактовки этой темы мировой литературной традиции.

Стихотворение изумительно построено, причем звуковое его оформление всецело обусловлено особенностями содержания. В 24 строках его содержится 39 звуков *в*, в среднем почти по два на стих. В то же время на эти же 24 строки падает всего лишь 12 звуков *р*, по одному на два стиха. Более пристальное изучение текста обнаруживает, что основная масса звуков *в* падает на первую половину стихотворения (22 *в* на 12 строк), говорящую о «мечтателе молодом», которому «были новы все впечатленья бытия»:

В те дни, когда мне были новы
Все впечатленья бытия —
И взоры дев, и шум дубровы,
И ночью пенье соловья —
Когда возвышенные чувства,
Свобода, слава и любовь
И вдохновенные искусства
Так сильно волновали кровь, —
Часы надежд и наслаждений
Тоской внезапной осеня,
Тогда какой-то злобный гений
Стал тайно навещать меня. —

в то время как основное количество звуков *р* (9 *р* на 12 строк) падает на вторую половину стихотворения, посвященную характеристике прямо противоположного образа «злобного гения»:

Печальны были наши встречи:
Его улыбка, чудный взгляд,
Его язвительные речи
Вливали в душу хладный яд.

¹⁴³ Интерес Пушкина этого времени к «Фаусту» Гёте обнаруживается и в эпиграфе из «Пролога в театре», предпосланном стихотворению «Таврида» (1822), и в «Сцене из Фауста» (1825).

¹⁴⁴ Впервые печатается с ошибками в «Мнемозине» (ч. III, 1824) под заглавием «Мой Демон» и перепечатывается с исправлениями в «Северных цветах» на 1825 год.

Неистощимой клеветою
 Он провиденье искушал;
 Он звал прекрасное мечтою;
 Он вдохновенье презирал;
 Не верил он любви, свободе;
 На жизнь насмешливо глядел —
 И ничего во всей природе
 Благословить он не хотел.

В этом, несомненно, есть какая-то, пока еще не до конца ясная закономерность.

При своем появлении в печати стихотворение произвело огромное впечатление. «Обнимаю тебя за твоего Демона», — писал Жуковский Пушкину.

Кем-то были пущены слухи о реальном прототипе данного стихотворения в лице А. Н. Раевского. Эти слухи проникли и в журналы. В 1825 г. Пушкин хотел ответить на все эти толки специальным выступлением в печати, но не довел своего решения до конца. «[Думаю, что критик ошибся], — писал он в черновике подготавливаемой по этому поводу анонимной заметки, — многие того же мнения, иные даже указывали на лицо, которое Пушкин будто бы хотел изобразить в своем странном стихотворении. Кажется, они неправы, по крайней мере вижу я в „Демоне“ цель иную, более нравственную». И далее Пушкин так ясно, как это было возможно в подцензурных условиях, сказал, по существу, то, о чем позднее более прямо и резко говорил Герцен, имея в виду два периода в русской жизни и жизни Пушкина, каждый из которых отмечен пушкинским посланием к Чаадаеву (1818 и 1824 гг.), и о неизмеримой пропасти между этими двумя посланиями, вызванной тем, что «между ними проща... жизнь целого поколения, с надеждой ринувшегося вперед и грубо отброшенного назад».¹⁴⁵ Пушкин писал: «В лучшее время жизни сердце, еще не охлажденное опытом, доступно для прекрасного. Оно легкомерно и нежно. Мало-помалу вечные противуречия сущности рождают в нем сомнения, чувство непродолжительное. Оно исчезает, уничтожив навсегда лучшие надежды и поэтические предрассудки души... И Пушкин не хотел ли в своем демоне олицетворить сей дух отрицания или сомнения? и в приятной картине начертал [отличительные признаки и] печальное влияние [оного] на нравственность нашего века» (XI, 30).

В аспекте общественно-исторической проблематики понял пушкинское стихотворение и Белинский, писавший еще при жизни поэта о его «Демоне», что «это стихотворение, в котором так неизмеримо глубоко выражена идея сомнения, рано или поздно бы-

¹⁴⁵ А. Н. Герцен, т. IX, 1956, стр. 146.

вающего уделом всякого чувствующего и мыслящего существа» (I, 366). Сравнивая пушкинского «Демона», как характерное явление духовной жизни эпохи 1820-х годов, и лермонтовского демона из «Сказки для детей» (1839—1841), Белинский утверждал и различную их роль в жизни того и другого периодов, вызванную различным социально-политическим содержанием этих двух эпох общественного развития. Различие их между собой Белинский видел в том, что лермонтовский демон, в противоположность пушкинскому, «отрицает для утверждения, разрушает для созидания; он наводит на человека сомнение не в действительности истины, как истины, красоты, как красоты, блага, как блага, но как этой истины, этой красоты, этого блага... он тем и страшен, тем и могущ, что едва родив в вас сомнение в том, что доселе считали вы непременно истинною, как уже кажется вам издавека идеал новой истины... Это демон движения, вечного обновления, вечного возрождения... Этого демона Пушкин не знал» (VII, 555).

X

Недоработанное стихотворение «Мое беспечное незнание» явилось отправным моментом для создания и другого, крайне важного для понимания настроений Пушкина 1823 г. стихотворения — «Свободы сеятель пустынный» (1823).¹⁴⁶

Закономерность появления этого стихотворения в пушкинском творчестве именно этого времени (конец ноября 1823 г.) отметил сам Пушкин, посылая его в письме к А. И. Тургеневу 1 декабря этого года. Сообщая несколько строф своей оды «Наполеон», в их числе и последнюю, Пушкин писал: «Эта строфа ныне не имеет смысла, но она писана в начале 1821 года — впрочем это мой последний либеральный бред, я закаялся и написал на днях подражание басни умеренного демократа И<исуса> Х<риста> (Изыде сеятель сеяти семена своя)». Далее приводится полный текст стихотворения. В черновике письма более определенно говорится о международной и внутренней обстановке, вырвавшей у Пушкина столь горькие слова о народах, которых «не разбудит чести клич»: «Это последн<ий> либераль<ный> бред — на днях я закаялся и смотря на запад Европы и вокруг себя обратился к Эвангелию источнику и произнес сию притчу в подражание басни Иисусовой» (XIII, 79, 385).

Слова «смотря на запад Европы и вокруг себя» знаменательны именно для данного времени. Если в 1820 г. Пушкин еще призывал

¹⁴⁶ При жизни Пушкина не печаталось. Слово «пустынный» употреблено здесь Пушкиным в значении «одинокий».

своих петербургских друзей «нюхать гишпанского табаку» (XIII, 21), т. е. следовать примеру испанской революционной армии, а в 1821 г. члена кишиневской ячейки Южной управы Союза Благоденствия П. С. Пущина называл «грядущим нашим Квиругой» («Генералу Пушкину», 1821), то поражение испанской революции в 1823 г.¹⁴⁷ и резкое усиление реакции во внутренней политике царского правительства в России в корне изменяли политическую ситуацию. Известного рода переоценка эффективности и самой возможности вооруженного восстания, осуществляемого во имя народа, но без его участия, была в этот период характерна не только для Пушкина, но и для ряда виднейших деятелей декабристского движения, в их числе и для Пестеля.¹⁴⁸

Строки стихотворения:

Паситесь, мирные народы!
Вас не разбудит чести клич.
К чему стадам дары свободы? —

говорили не об отходе от политических идеалов народной свободы; их не поколебала для Пушкина даже катастрофа 14 декабря. Это было трезвое признание невозможности осуществления в новых условиях прежних надежд на близкую революцию в России, воспринятых в среде царскосельских, петербургских и каменных свобододолюбцев-энтузиастов. Это было признание несостоятельности того политического романтизма, который мог еще в конце 1821 г. внушить Пушкину замысел высокой трагедии с центральным образом свобододолюбивого героя — «друга народа» — Вадима. В конце 1823 г., наблюдая за трагедией усмиренной Европы, где

Все молча ждет удара,
Все пало — под ярем склонились все главы. —

(«Недвижный страж дремал на царственном пороге», 1824).

и трезво расценивая это как крушение своих прежних надежд, Пушкин с горечью констатировал, что

... потерял я только время,
Благие мысли и труды...

¹⁴⁷ В первых числах октября 1823 г. в Тульчине было получено известие об аресте главы испанской революции Риего.

¹⁴⁸ Во второй половине ноября 1823 г. на очередном заседании Южного общества, на котором присутствовали П. И. Пестель, В. Л. Давыдов, С. Г. Волконский, С. И. Муравьев-Апостол и М. П. Бестужев-Рюмин, говорили о «необходимости введения конституционного порядка в России посредством временного правления», так как «испанцы сделали ошибку в том, что они королю вверили введение... конституции» (из показаний Пестеля и Волконского Следственному комитету) (М. А. Цявловский и др. Летопись..., т. I, стр. 417).

Это было мужественное признание недостаточности и неполноценности сил и средств одних героев-свободолюбцев, одиноко выступающих без привлечения широких масс народа к делу народного освобождения.

Поэтому формула — «Паситесь, мирные народы!» — продиктована отнюдь не презрением к этим народам, но сознанием того, что, несмотря на огромные силы, таящиеся в них, они все еще смиренно позволяют себя «резать или стричь».

XI

Преодоление Пушкиным политического романтизма закономерно сопровождалось преодолением и внеисторического художественного романтизма в его творчестве. Соприкосновение с реальной народной жизнью, начавшееся с выезда из Петербурга и путешествия с Раевскими по казачьим станицам по пути на Кавказ, общение в Кишиневе с рядом деятелей, причастных к национально-освободительному движению в Греции, Молдавии и Валахии, интерес к народному творчеству, как один из важнейших моментов содержания и поэтики западноевропейского и русского романтизма, наконец, воздействие такого страстного поборника русской самобытности, каким был В. Ф. Раевский, — все это способствовало углублению того историзма мышления, который с этого времени становится определяющим моментом пушкинского творческого метода.

Этот все более и более развивавшийся и углублявшийся историзм художественного мышления Пушкина в лирике южного периода наиболее полно проявил себя в жанре, казалось бы, наименее свойственном до этого времени Пушкину, но который в данных условиях своим сочетанием моментов эпического повествования и лирической окраски его предоставлял широкие возможности в этом отношении, — балладе. Обращение к этому жанру, наиболее излюбленному Жуковским, одновременно говорило и о полном освобождении Пушкина от остатков какого бы то ни было воздействия творческого метода своего недавнего учителя, ибо две наиболее крупные и художественно совершенные баллады, написанные Пушкиным на юге, — «Черная шаль» и «Песнь о вещем Олеге» — представляют собой, по существу, выигранный бой, данный противнику на его же собственной территории.

«Черная шаль» (1820)¹⁴⁹ — одно из самых популярных произведе-

¹⁴⁹ Впервые напечатано с ошибками в «Сыне отечества» (1821, № 15) с подзаголовком «Молдавская песня»; перепечатано в «Благонамеренном» (1821, № 10) с примечанием в сноске: «Напечатано с ошибками в 15 № Сына Отечества. Прим. Соч.»

дений Пушкина при его жизни. Уже почти через месяц по ее написанию В. П. Горчаков в декабре 1820 г. диктует ее офицерам в Тульчине.¹⁵⁰ Положенная на музыку в 1823 г. композитором А. Н. Верстовским, «Черная шаль» облетела всю Россию и получила самое широкое распространение в качестве популярной песни. Исследователи румынского и молдавского народного творчества стали записывать народные варианты этой песни, что вызвало предположение о том, что сам Пушкин написал свое стихотворение на основе каких-то народных песенных источников. Начались поиски этих источников, что вызвало даже специальную обширную литературу по данному вопросу.¹⁵¹ Поиски источников «Черной шали» в фольклоре не привели к какому-либо существенным результатам, если не считать самого неожиданного, но, по-видимому, наиболее вероятного результата, что записанные фольклорные песенные варианты являются не источниками пушкинского стихотворения, но как раз наоборот — его следствием.

Так была похоронена легенда о народных источниках «Черной шали». В то же время исследователи пушкинского творчества обнаружили реальные и несомненные соответствия этого стихотворения с некоторыми особенностями балладного творчества Жуковского.¹⁵² Оказалось, что исключительно редкий для всей русской поэзии того времени размер, которым написана «Черная шаль», — двестиштыри четырехстопного амфибрахия с мужским окончанием — в наиболее близком к пушкинскому стихотворению соответствии был применен Жуковским в его балладе «Мщенье» (1816),¹⁵³ напечатанной в феврале 1820 г. в «Невском зрителе».

Б. В. Томашевский справедливо полагает, что «зависимость „Черной шали“ от „Мщенья“ очевидна и что «между этими произведениями налицо и тематическая переключка».¹⁵⁴

¹⁵⁰ М. А. Цявловский. Летопись..., т. I, стр. 271.

¹⁵¹ См., например: А. И. Яценко и Мирский. Черная шаль А. С. Пушкина и румынская песня. Известия Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук, т. XI, кн. 4, 1906, стр. 372—378.

¹⁵² См. сопоставление «Черной шали» с балладой Жуковского «Мщенье»: В. В. Виноградов. Стиль Пушкина, стр. 355.

¹⁵³ См.: Б. В. Томашевский. Строфика Пушкина. Сб. «Пушкин. Исследования и материалы», II, Изд. Академии наук СССР, М.—Л., 1958, стр. 57—58.

¹⁵⁴ «Так, второе двестиштыри „Мщенья“ предопределяет двестиштыри „Черной шали“:

Мой раб, как настала вечерняя мгла,
В дунайские волны их бросил тела.

(Б. В. Томашевский. Строфика Пушкина,
стр. 58).

Однако вывод, сделанный Б. В. Томашевским из всех этих сопоставлений¹⁵⁵ (если только несколько ироническая его окраска не имеет подтекста, близкого к моему пониманию проблемы), не способствует, по моему мнению, правильному определению истинного места и значения «Черной шали» в творчестве Пушкина этого периода.

Я думаю, что Пушкин и не ставил перед собой задачи написания «песни», несмотря на первоначальный подзаголовок стихотворения, по-видимому, сознательно направляющий внимание неискушенного читателя несколько в иную сторону от истинной. Тем более, не стояла задача создания и песни «народной». То, что Пушкин умел и мог это делать, доказывает опыт его «Романса» (1814), с его несколько наивным, но несомненным и глубоким лиризмом, составляющим определяющую основу всякой подлинно народной песни.

Как раз этого качества в «Черной шали» нет совсем. Вместо этого в пушкинской балладе проступает нескрываемая и нарочито подчеркнутая тенденция создания комически гротескного и пародийного впечатления от всем известных литературных приемов, наиболее отчетливо проявившихся именно в балладном творчестве Жуковского, с его убийствами и всяческими романтическими ужасами. Герой пушкинской «баллады» глядит «как безумный» на черную шаль, его «хладную» душу «терзает» печаль. Измену его возлюбленной открывает ему «презренный еврей», которому герой дает «злата» и «проклинает его». Далее герой «мчится на быстром коне». В нем молчит «кроткая жалость». Вступив на порог изменницы, он «весь изнемог». При виде того, как «неверную деву лобзал армянин», герой «не взвидел света», «булат загремел», и «прервать поделуя злодей не успел». Особенно нарочито «ужасно» звучит «кровавая» строфа:

Безглавое тело я долго топтал,
И молча на деву, бледнея, взирал.

и подчеркнуто театральный заключительный жест героя:

С главы ее мертвой сняв черную шаль,
Отер я безмольно кровавую сталь...

Впечатление нарочитости дополнительно усиливается подчеркнуто пестрым национальным составом действующих лиц стихотворения, характеризующим в гротескном освещении ту «смесь одежд

¹⁵⁵ «Таким образом, проблема создания песни на основе „местного колорита“ Молдавии разрешалась Пушкиным в духе баллад Жуковского» (Б. В. Томашевский. Строфика Пушкина, стр. 58).

и лиц, племен, наречий, состояний», какая окружала Пушкина в его южной ссылке. Рассказ ведется от лица какого-то придубайского владетельного феодала-молдаванина; об измене его возлюбленной — гречанки — с армянином герою сообщает еврей и пр.

Если игнорировать этот сознательный прием литературной имитации, мистификации и пародирования и принимать стихотворение, что называется, «всерьез», то оно становится настолько нестерпимо сентиментальным, что совершенно выпадает из общего процесса развития пушкинского творчества этого периода.

Если баллада о черной шали значительна для понимания логики художественного развития Пушкина в ее негативном плане, т. е. как отрицание определенной литературной традиции, то другая баллада — «Песнь о вещем Олеге» — вдвойне значительна в ее позитивном плане как утверждение совершенно иной литературной традиции.

Значительность «Песни о вещем Олеге» (1822)¹⁵⁶ в том, что эта баллада является едва ли не первым пушкинским произведением, написанным в результате изучения подлинного исторического источника.¹⁵⁷

«Песнь о вещем Олеге» написана почти одновременно с думой Рылеева «Олег Вещий», во всяком случае, вскоре после опубликования последней.¹⁵⁸ Помимо даты написания, проставленной в пушкинской рукописи,¹⁵⁹ это видно из сноски к слову «щит» в строке «Твой щит на вратах Цареграда» белого автографа: «но не с гербом России, как некто сказал [для рифмы с Византии]¹⁶⁰ во первых, потому что во время Олега Рос<сия> не имела еще герба. Наш Дв<углавый> Ор<ел> есть герб Р.<имской> империи и знаменует разделение ее на Зап.<адную> и Вост.<очную>. У нас же он нич<его> не значит» (II₂, 741).

И дума Рылеева, и пушкинская баллада в основном построены на летописном материале. В обращении к историческим источникам в художественных целях Рылеев является даже предшественником Пушкина. Но какая разница между ними в использовании исторического материала!

¹⁵⁶ Впервые напечатана в альманахе «Северные цветы на 1825 год».

¹⁵⁷ Стихотворение «К Овидию» (1821) написано на основе литературных источников.

¹⁵⁸ Дума Рылеева «Олег Вещий» впервые напечатана в «Новостях литературы» (1822, кн. 1, № 11).

¹⁵⁹ 1 марта 1822 г.

¹⁶⁰ У Рылеева в его думе:

Но в трепет гордой Византии
И в память всем векам,
Прибил свой щит с гербом России
К царьградским воротам.

Использование источников, приводимых Карамзиным, как правило, у Рылеева недостаточно точное. Зачастую он произвольно обращается с историческими фактами, заставляя их служить своим политическим целям. Этим объясняется и случай с пресловутым щитом. Для Рылеева в данном случае важен был не исторический язычник Олег, а русский князь Олег, носитель идеи русской государственности и русского патриотизма.

Дума Рылеева построена на прямом авторском рассказе о событии. Присутствие автора неоднократно подчеркивается моментами морально-оценочного порядка. Впечатление подлинности значительно и нарочито усиливается примечанием. Все это создает впечатление подлинной исторической достоверности как всего повествования в целом, так и отдельных его деталей, даже и в тех случаях, когда они основаны на легенде, достоверность которой опровергнута самим же Карамзиным. Приведем только один пример. Предпринятый Олегом решающий штурм Царьграда Рылеев описывает так:

Меж тем, замыслив приступ смелый,
Ладьи свои Олег,
Развив на каждой парус белый,
Вдруг выдвинул на брег.
«Идем, друзья!» — рек князь России
Геройским племенам —
И шел по суше к Византии,
Как в море по волнам.

Эта картина основана на следующем сообщении Карамзина: «В летописи сказано, что Олег поставил суда свои на колеса и силою одного ветра, на распущенных парусах, сухим путем шел со флотом к Константинополю». Однако тотчас же Карамзин и отводит это красивое предание: «Может быть, он хотел сделать то же, что сделал после Магомет II: велел воинам тащить суда берегом в гавань, чтобы приступить к стенам городским; а баснословие, вымыслив действие парусов на сухом пути, обратило трудное, но возможное дело, в чудесное и невероятное».¹⁶¹

Разительно противоположный метод интерпретации исторического материала наблюдается у Пушкина. Помимо краткого сообщения о смерти Олега и связанной с ней древней легенде в «Истории Государства Российского»,¹⁶² Карамзин еще задолго до этого в статье «О случаях и характерах в Российской Истории, которые могут быть предметом Художеств» подробно изложил содержание этой легенды. «Такова есть басня, — пишет Карамзин, — о смерти

¹⁶¹ «История Государства Российского», т. I, изд. 1-е, СПб., стр. 132.

¹⁶² Там же, стр. 142—143.

Олеговой. Волхвы предсказали ему, что он умрет от любимого коня своего. Геройство не спасало тогда людей от суеверия: Олег, поверив волхвам, удалил от себя любимого коня; вспомнил об нем через несколько лет — узнал, что он умер — захотел видеть его кости — и толкнув ногою череп, сказал: „Это ли для меня опасно?“ Но змея скрывалась в черепе, ужалила Олега в ногу, и Герой, победитель Греческой Империи, умер от насекомого» <1>. ¹⁶³

В противоположность этому сухому изложению подчеркнута «басенного» события пушкинская «Песнь о вещем Олеге» уже своим названием воссоздает поэтический летописно-былинный характер повествования. ¹⁶⁴ Это впечатление усиливается характерным былинным вступлением и концовкой всего стихотворения. Поэтому пушкинская «Песнь» и не производит впечатления подчеркнутой исторической достоверности изображаемого события — это была, легенда, «песнь».

В то же время «Песнь» Пушкина несравненно более исторична, чем рылеевская дума, исторична в лучшем смысле этого слова, ибо она передает характер и колорит седой славянской древности с таким художественным совершенством, что, несмотря на всю свою историческую условность, ¹⁶⁵ она надолго определила представление ряда поколений о временах незапамятной славянской древности.

При всем том «Песнь о вещем Олеге» — произведение, полное подлинного и глубокого лиризма. ¹⁶⁶ И несмотря на то, что, подготавливая текст стихотворения к печати, Пушкин к строкам:

«Волхвы не боятся могучих владык,
А княжеский дар им не нужен;
Правдив и свободен их вещий язык
И с волей небесною дружен...»

сделал следующее указание: «NB в пес<ни> о вещ<ем> Ол.<еге> строфа Волхвы не боятся и пр. должна быть вся означена „—“.

¹⁶³ «Вестник Европы», 1802, ч. VI, декабрь, № 24, стр. 294; ср.: Карамзин, Сочинения, т. III, изд. А. Смирдина, СПб., 1848, стр. 554—555.

¹⁶⁴ В. В. Виноградов пишет: «Не подлежит сомнению, что Пушкин, создавая свою „Песнь“, ориентировался, главным образом, на летописную повесть» (Стиль Пушкина, стр. 432). См.: К. А. Немировская. «Песнь о вещем Олеге» и летописное сказание. Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена, т. 76, Кафедра русского языка, Л., 1949, стр. 13—56.

¹⁶⁵ «Можем верить и не верить, — пишет Карамзин, — что Олег в самом деле был ужален змеею на могиле любимого коня его; но мнимое пророчество волхов или кудесников есть явная народная басня, достойная замечания по своей древности» («История Государства Российского», т. I, стр. 142, 143).

¹⁶⁶ См.: Г. А. Гук ов с к и й. Очерки по истории русского реализма, ч. 1. Пушкин и русские романтики. Саратов, 1946, стр. 277—280; А. С л о н и м с к и й. Мастерство Пушкина. М., 1959, стр. 41—46, и др.

Это ответ кудесника, а не мои рассуждения»,¹⁶⁷ как раз эти строки и отражали личные переживания и состояние духа Пушкина этого времени.

XII

Вторжение живой жизни в пушкинскую лирику, приводившее к утверждению в качестве основного содержания ее не традиционный книжный поэтический образ и не аллегорическое воплощение какой-либо отвлеченной идеи, но конкретную земную действительность во всем многообразии ее проявлений — от мировой трагедии Наполеона, «мучимого казнию покоя», до увиденной сквозь чащу оливковой рощи на утренней заре молодой девушки, живо напомнившей образ древней Нерейды, — все это приводило к ломке прежних романтических представлений о действительности и к необходимости выработки новых воззрений на жизнь, в самых глубоких ее философских основах.

В этом отношении стихотворение «Демон» явилось лишь одним из звеньев целого ряда лирических опытов Пушкина (большая часть незавершенных) постановки и поэтического разрешения сложнейших проблем жизни, ее смысла, цели и значения.

Предположительно к середине 1822 г. относится работа Пушкина над стихотворением «Люблю ваш сумрак неизвестный»,¹⁶⁸ крайне любопытным в этом смысле по некоторым особенностям своей творческой истории.

Содержание стихотворения органически соответствует настроениям Пушкина 1822—1823 гг., периода от возвращения из поездки с Раевскими по Кавказу и Крыму и до переезда в Одессу. Оно возникло на основе сомнений в возможности какой-то иной, помимо земной, потусторонней жизни человека.

Ничтожество! печальный мрак,
Отчаянья приют ужасный
Ты чуждо мне...

так начинается серия черновых набросков, относящихся к началу стихотворения:

Ты сердцу непонятный мрак,
Приют отчаянья слепого,
Ничтожество! пустой призрак,
Не алчу твоего покровя.
Ты чуждо сердцу моему,
Бессмертной мысли человека...

¹⁶⁷ Рукою Пушкина, стр. 230.

¹⁶⁸ Впервые напечатано в «Московском телеграфе» (1826, ч. 7, № 1) под заглавием «Элегия».

И далее:

Ужель исчезну навсегда
Ужель

(II₂, 749).

Весь этот комплекс настроений связан в данном стихотворении с мотивом земной любви:

Но, улетев в миры иные,
Ужели с ризой гробовой
Все чувства брошу я земные
И чужд мне будет мир земной?

[Ужель минувших] впечатлений
Не сохранит душа моя,
Не буду ведать сожалений,
Мою любовь забуду я?
(II₂, 751).

В черновом автографе сохранились следы соотнесения этих сердечных движений с кавказскими и крымскими переживаниями. Строки перебеленной редакции:

Так путник, с вышины внимая
Ручьев альпийских вечный шум —
(II₂, 756).

в черновике читались:

Ручьев Кавказских вечный шум
(II₂, 750).

И еще более определенно в другом месте:

Так если [мне] можно
[Оттоль], [где вечный свет го<рит>]
Оттоль, где [счастье] непреложно
Мой дух к Юрзуфу прилетит.
(II₂, 754).

Перебеляя черновой текст, Пушкин, как это он делал всегда, тщательно устранил все эти местные черты и все, что имело непосредственное отношение к его личности и его личным переживаниям.

К этому же циклу лирических философских раздумий о смысле жизни, основанных в то же время на вполне конкретных земных переживаниях, относится и незавершенное стихотворение «Надеждой сладостной младенчески дыша» (1823):¹⁶⁹

Надеждой сладостной младенчески дыша,
Когда бы верил я, что некогда душа,

¹⁶⁹ При жизни Пушкина не печаталось.

От тленья убежав, уносит мысли вечны,
 И память, и любовь в пустыни бесконечны, —
 Клянусь! давно бы я оставил этот мир:
 Я сокрушил бы жизнь, уродливый кумир,
 И улетел в страну свободы, наслаждений,
 В страну, где смерти нет, где нет предрассуждений,¹⁷⁰
 Где мысль одна плавает в небесной чистоте...
 Но тщетно предаюсь обманчивой мечте;
 Мой ум упорствует, надежду презирает...
 Ничтожество меня за гробом ожидает...
 Как, ничего! Ни мысль, ни первая любовь!
 Мне страшно!.. И на жизнь гляжу печален вновь,
 И долго жить хочу, чтоб долго образ милый
 Таился и пылал в душе моей унылой.

И, наконец, в также незавершенном стихотворении «Придет ужасный [час]... твои небесны очи» (1823)¹⁷¹ намечается возможность победы любви над смертью:

Придет ужасный [час]... твои небесны очи
 Покроются, мой друг, туманом вечной ночи,
 Молчанье вечное твои сомкнет уста,
 Ты навсегда сойдешь в те мрачные места,
 Где прадедов твоих почиют мощи хладны.
 Но я, дотоле твой поклонник безотрадный),
 В обитель скорбную сойду [я] за тобой
 И сяду близ тебя, печальный и немой,
 У милых <?> ног твоих — себе их на колена
 Сложу — и буду ждать [печаль(но)]... [но чего?]
 Чтоб силою мечтанья моего

XIII

Значение пушкинского образа демона для характеристики наиболее типических черт общественно-психологического склада человека того времени было ясно наиболее вдумчивым современникам. В. Ф. Одоевский писал в четвертой книжке «Мнемозины»: «С каким сумрачным наслаждением читал я произведение, где Поэт России так живо олицетворил те непонятные чувствования, которые холодят нашу душу посреди восторгов самых пламенных».¹⁷² Если вспомнить, что писал Пушкин о характере своего Пленника¹⁷³ и ту

¹⁷⁰ Варианты:

Страну, где нет царей, где нет предрассуждений.
 Страну, где нет оков, где нет предрассуждений.

¹⁷¹ При жизни Пушкина не печаталось.

¹⁷² «Мнемозина», ч. IV, М., 1825.

¹⁷³ «Я в нем хотел изобразить это равнодушие к жизни и к ее наслаждениям, эту преждевременную старость души, которые сделались отличительными чертами молодежи 19-го века» (XIII, 52).

параллель, которую он провел между этим образом и характером Евгения Онегина в предисловии к первой главе романа (1825),¹⁷⁴ станет ясно, что стихотворение «Демон», как и целый ряд других стихотворений этого периода, воспроизводящих отдельные черты характера человека конца 10-х—начала 20-х годов, находилось в русле той огромной внутренней работы Пушкина над созданием этого характера в задуманном и уже осуществлявшемся в то время стихотворном романе. Отсюда и целый ряд параллелей в текстах охарактеризованных выше стихотворений и черновиков «Евгения Онегина».

Сложные процессы, происходившие в пушкинской лирике и связанные с задачами выявления, конкретизации и образного олицетворения противоречивых черт характера человека его времени, не оставались незамеченными для современников. Характеризуя пушкинские стихи, напечатанные в альманахе «Полярная звезда на 1824 год»,¹⁷⁵ П. А. Вяземский писал А. А. Бестужеву: «Стихи Пушкина прелесть! точно свежий, сочный, душистый персик! Но мало в них питательного... Смотрите на Пушкина! И его грызет червь, но все-таки жизнь выбрасывает из него отпрыски цветущие».¹⁷⁶

Связь лирики Пушкина этого периода с характерами, создававшимися в его южных поэмах и начатом тогда же романе в стихах, особенно наглядна и убедительна. В этом отношении любопытный материал дают два пушкинских стихотворения 1821 г. — «Умолкну скоро я!.. но если в день печали» и «Мой друг, забыты мной следы минувших лет», создававшихся почти одновременно, одно за другим.¹⁷⁷

Стихотворение «Мой друг, забыты мной следы минувших лет»¹⁷⁸ основано на столкновении двух психологических типов —

¹⁷⁴ «Станут осуждать и антипоэтический характер главного лица, сбивающегося на Кавказского Пленника» (VI, 638).

¹⁷⁵ В «Полярной звезде на 1824 год» были напечатаны следующие стихотворения Пушкина: «К Другьям», «Нереида», «В альбом малютке», «К Морфею», «Элегия» («Редеет облаков летучая гряда»), «Отрывок из послания к В. Л. П.», «Домовому», «Элегия» («Простишь ли мне ревнивые мечты») и «Надпись к портрету» (Вяземского).

¹⁷⁶ «Русская старина», т. 60, 1888, ноябрь, стр. 323.

¹⁷⁷ В черновом автографе стихотворения «Умолкну скоро я!.. но если в день печали» имеется дата «23 авг. 1821», причем ранее было «24 авг.». По-видимому, стихотворение написано поздно ночью, когда Пушкин колебался в дате, но поставил все-таки «23 августа», т. е. до полуночи (II₂, 692). Черновой автограф стихотворения «Мой друг, забыты мной следы минувших лет» начинается датой «24 в ночь авг.» (II₂, 694). Перебелено же было стихотворение на следующий день, о чем говорит дата белового автографа: «25 авг. 1821» (II₂, 696).

¹⁷⁸ Впервые напечатано в «Новостях литературы» (1825, кн. XI, № 3).

героя с мятежной юностью и тяжелым опытом ранее пережитой любви и героини с невинной и чистой душой, рожденной для любви и счастья:

Душа твоя чиста; унынье чуждо ей;
 Светла, как ясный день, младенческая совесть.
 К чему тебе внимать безумства и страстей
 Незанимательную повесть?
 Она твой тихий ум невольно возмутит;
 Ты слезы будешь лить, ты сердцем содрогнешься;
 Доверчивой любви беспечность улетит,
 И ты моей любви... быть может ужаснешься.

Так рождается уже достаточно отчетливо намеченная в этом стихотворении психологическая ситуация,¹⁷⁹ которая найдет свое последующее развитие в ряде пушкинских поэм, начиная с «Кавказского пленника». Она найдет свое выражение и в пушкинском романе в стихах.

Сходный психологический склад героя с охлажденной душой и тяжелым любовным опытом мятежной молодости первоначально был намечен и в стихотворении «Умолкну скоро я!.. но если в день печали»,¹⁸⁰ об этом говорит начало стихотворения в его первой белой редакции:

Нет поздно, милый друг, узнал я наслажденье:
 Ничто души моей уже не воскресит;
 И сердцу чуждо упоенье.
 Твой взор, твой нежный взор меня не веселит —
 Увял во цвете лет!..

(II₂, 693).

Однако в окончательной редакции этот мотив снят, и стихотворение развивается в традиционном для пушкинской элегической лирики последних лицейских лет ключе обращения к любимой с просьбой вспомнить о любви преждевременно покинувшего мир молодого поэта над его ранней урной:

Когда меня навек обьет смертный сон,
 Над урною моей промолви с умиленьем:
 Он мною был любим, он мне был одолжен
 И песен и любви последним вдохновеньем.

Не случайно поэтому, что элегические просьбы к любимой вспомнить о нем над его ранней урной в этом стихотворении не-

¹⁷⁹ Попытку обосновать эту ситуацию реальными фактами биографии Пушкина времени его пребывания в Крыму в 1820 г. сделал П. Е. Щеголев в своей книге «Из жизни и творчества Пушкина» (1931, стр. 193—194).

¹⁸⁰ Впервые напечатано в «Стихотворениях Александра Пушкина» (1826).

посредственно предваряют романтические стихи Ленского, написанные им накануне дуэли:

Забудет мир меня; но ты
Придешь ли, дева красоты,
Слезу пролить над ранней урной
И думать: он меня любил,
Он мне единой посвятил
Рассвет печальный жизни бурной!..

К этому процессу создания в пушкинской лирике характера молодого человека его времени, а вместе с тем и предварительной наметки путей к образу героя романа в стихах имеет известное отношение и стихотворение «Кокетке» (1821),¹⁸¹ с этой стороны не привлекавшее внимания исследователей. А между тем созданный в нем характер в своих отдельных чертах чрезвычайно близок к тому образу «петербургского молодого человека в конце 1819 года», который всецело занял внимание Пушкина с мая 1823 г.:

[И вы поверить мне могли,
Как простодушная Аньеса?
В каком романе вы нашли,
Чтоб умер от любви повеса?]
Послушайте: вам тридцать лет,
Да, тридцать лет — немногим боле.
Мне за двадцать; я видел свет;
Кружился долго в нем на воле;
Уж клятвы, слезы мне смешны;
Проказы утомить успели;¹⁸²
Вам также с вашей стороны
Измены верно надоели;
Остепенясь, мы охладели,
Не к стати нам учиться вновь.
Мы знаем: вечная любовь
Живет едва ли три недели...¹⁸³

Тот же мотив в стихотворении «Приятелю» (1821):¹⁸⁴

... ты не ревнив,
Я слишком ветрен и ленив,
Твоя красавица не дура;

¹⁸¹ При жизни Пушкина не печаталось.

¹⁸² Ср. в «Евгении Онегине» (гл. I, строфа XXXVII):

Нет: рано чувства в нем остыли,
Ему наскучил света шум;
Красавицы не долго были
Предмет его привычных дум;
Измены утомить успели...

¹⁸³ Ср. в «Евгении Онегине» (гл. IV, строфа XIV):

Я, сколько ни любил бы вас,
Привыкнув, разлюблю тотчас...

¹⁸⁴ Впервые напечатано в «Стихотворениях Александра Пушкина» (1826).

Я вижу все и не сержусь:
Она прелестная Лаура,
Да я в Петрарки не гожусь.

и в другом стихотворении, посвященном тому же кишиневскому приятелю, — «Алексееву»: ¹⁸⁵

Свободы друг миролюбивый,
В толпе красавиц молодых,
Я, равнодушный и ленивый,
Своих богов не вижу в них.

Теперь уж мне влюбляться трудно,
Вздыхать неловко и смешно,
Надежде верить безрассудно,
Мужей обманывать грешно. ¹⁸⁶

Так, сложнейшие проблемы внутренней жизни современного человека, со всеми противоречиями его духа, уже переплескивали русло пушкинской лирики, настойчиво требуя своего воплощения в повествовании более широкого плана, а это влекло к замыслу реалистического стихотворного романа, во вместительной и просторной раме которого, как в спокойном и плавном течении великой реки сливаются воедино десятки и сотни мельчайших речек и ручьев, сливались и соединялись темы, чувства, мысли и наблюдения десятков и сотен отдельных лирических стихотворений Пушкина.

XIV

Последний год пребывания Пушкина на юге был ознаменован несколькими стихотворениями, являющимися шедеврами пушкинской любовной лирики. В октябре 1823 г. написано стихотворение «Ночь», ¹⁸⁷ изумительное по глубине и силе выражения душевного чувства, отраженного в конкретном описании процесса создания самого стихотворения:

Мой голос для тебя и ласковый и томный
Тревожит позднее молчанье ночи темной. ¹⁸⁸
Близ ложа моего печальная свеча
Горит; мои стихи, сливаясь и журча,
Текут, ручьи любви; текут полны тобою.
Во тьме твои глаза блистают предо мною...

¹⁸⁵ Впервые напечатано в альманахе «Полярная звезда на 1825 год».

¹⁸⁶ Ср. в «Евгении Онегине» (гл. IV, строфа X):

В красавиц он уж не влюблялся,
А волочился как нибудь;
Откажут — мигом утешался;
Изменят — рад был отдохнуть.

¹⁸⁷ Впервые напечатано в «Стихотворениях Александра Пушкина» (1826).

¹⁸⁸ В процессе создания стихотворений Пушкин обычно произносил вслух отдельные строки, проверяя их звучание (см. настоящую работу, стр. 26—27).

К ноябрю этого же года относится стихотворение «Простишь ли мне ревнивые мечты»,¹⁸⁹ посвященное описанию жгучих мучений ревности:

Мой милый друг, не мучь меня, молю:
 Не знаешь ты, как сильно я люблю,
 Не знаешь ты, как тяжело я страдаю.

По-видимому, к этому стихотворению, где поэт укоряет свою возлюбленную за то, что она порой мучает его притворным равнодушием, следует отнести — по его внутренней связи с ним — и недоработанное стихотворение того же времени «Как наше сердце своенравно» (1823):¹⁹⁰

Как наше сердце своенравно!
 томимый вновь,
 Я умолял тебя недавно
 Обманывать мою любовь,
 Участьем, нежностью притворной
 Одушевлять свой дивный взгляд,
 Играть душой моей покорной,
 В нее вливать огонь и яд...

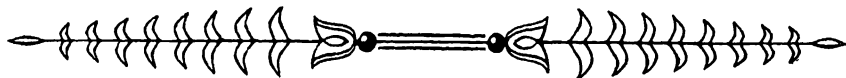
Стихотворение «Простишь ли мне ревнивые мечты» связывается с XVI строфой VI главы «Евгения Онегина», написанной в Михайловском после получения известия о смерти Амалии Ризнич и не вошедшей в окончательный текст романа по своему автобиографическому характеру:

Я не хочу пустой укорой
 Могилы возмущать покой;
 Тебя уж нет, о ты, которой
 Я в бурях жизни молодой
 Обязан опытом ужасным
 И рая мигом сладострастным.
 Как учат слабое дитя,
 Ты душу вожню, мутя,
 Учила горести глубокой.
 Ты негой волновала кровь,
 Ты воспалила в ней любовь
 И пламя ревности жестокой;
 Но он прошел, сей тяжкий день:
 Почий, мучительная тень!

(VI, 611).

¹⁸⁹ Впервые напечатано с ошибками в «Полярной звезде на 1824 год» и по просьбе Пушкина перепечатано Булгариным в «Литературных листках» (1824, № 4) с исправлением ошибок и опущением строк 26—28, имеющих автобиографический характер.

¹⁹⁰ При жизни Пушкина не печаталось.

Глава V

ОТ МИХАЙЛОВСКОГО ДО БОЛДИНА (1824—1830)

*Прощай же, море! Не забуду
Твоей торжественной красы
И долю, долю помнить буду
Твой гул в вечерние часы.*

*В леса, в пустыни молчаливы
Пренесу, тобою полн,
Твои скалы, твои заливы,
И блеск, и тень, и говор волн.*

I

1824—1830-е годы, особенно их начальный — михайловский — и конечный — болдинский — периоды, характеризуются необычайным количественным и качественным расцветом пушкинской лирики. В этот период был завершён переход от романтизма к реализму не только в драме и поэмах Пушкина, но и в его лирике. Важнейшим фактором в этом отношении явилось то утверждение принципа народности во всех областях искусства и жизни, к которому Пушкин приходил в эти годы, та новая обстановка, которая стала окружать его в связи с переездом с романтического юга в «далекий северный уезд». Именно так расценивал эволюцию своего творчества в эти годы сам Пушкин:

*В ту пору мне казались нужны
Пустыни, волн края жемчужны,
И моря шум, и груды скал,
И гордой девы идеал,
И безмянные страданья...
Другие дни, другие сны;
Смирись вы, моей весны
Высокопарные мечтанья,
И в потический бокал
Воды я много подмешал.*

Иные нужны мне картины:
 Люблю песчаный косогор,
 Перед избушкой две рябины,
 Калитку, сломанный забор,
 На небе серенькие тучи,
 Перед гумном соломы кучи —
 Да пруд под сенью ив густых,
 Раздолье уток молодых. . .

(«Отрывки из путешествия Онегина»).

Этот переломный для всего творчества Пушкина переход от «свободной стихии» южного моря «в тень лесов сосновых» явился главным мотивом стихотворения «К морю»,¹ в ранней редакции носившего название «Прощание с морем».²

История создания этого стихотворения довольно сложна.³

Ранняя его редакция, действительно носившая характер прощания с морем, возникла в последние дни пребывания Пушкина в Одессе перед высылкой в Псковскую губернию. Последняя строфа свидетельствовала о том, что Пушкин уже был осведомлен о месте своей новой ссылки:⁴

В леса, в пустыни молчаливы. . .

Стихотворение говорило и об отказе от планов побега за границу, занимавших мысли Пушкина в 1823 и начале 1824 гг.:⁵

Не удалось навек оставить
 Мне скучный, неподвижный брег. . .

Первоначальная редакция стихотворения интересна в двух отношениях: в ней еще отсутствует горькая оценка действительности:

Судьба земли повсюду та же:
 Где благо, там уже на страже
 Иль просвещенье, иль тиран, —

¹ Впервые целиком и в окончательной редакции напечатано в альманахе «Мнемозина» (т. IV, М., 1825, вышел в свет в октябре 1825 г.).

² Под таким названием были напечатаны 7 стихов этого стихотворения (начиная со стиха «Ревн, волнуясь непогодой», кончая стихом «Мир опустел. . .») в № 1 «Московского телеграфа» за 1825 г. в качестве дополнения к переводу статьи В. Скотта «Характер лорда Байрона».

³ См. об этом: Н. В. Измайлов. Строфы о Наполеоне и Байроне в стихотворении Пушкина «К морю». «Пушкин. Временник Пушкинской комиссии», т. 6, 1941, стр. 21—29; Т. Г. Цявловская. Автограф стихотворения «К морю». Сб. «Пушкин. Исследования и материалы», I, Изд. Академии наук СССР, М.—Л., 1956, стр. 187—207.

⁴ Ср.: Н. В. Измайлов. Строфы о Наполеоне и Байроне в стихотворении Пушкина «К морю», стр. 25.

⁵ См. I строфу I главы «Евгения Онегина», а также письмо к Л. С. Пушкину от января—февраля 1824 г.

вызванная тяжелыми переживаниями, связанными с первыми впечатлениями от Михайловского, и строфы о Наполеоне и Байроне, которые были написаны в процессе доработки стихотворения.

Строфы, посвященные Байрону, показательны для происходившей именно в это время переоценки отношения к личности и творчеству великого английского поэта, от которого, по собственному признанию Пушкина, он на юге «с ума сходил». Между тем, узнав о смерти Байрона, Пушкин ограничился в мае—июне 1824 г. лишь краткой памятной записью.⁶ Зная поуже отношение Пушкина к Байрону, А. И. Тургенев писал Вяземскому: «...смерть его <Байрона>, в виду всей возрождающейся Греции, конечно, завидная и поэтическая. Пушкин, верно, схватит момент сей и воспользуется случаем».⁷

Однако Пушкин «не схватил момента», несмотря на настоятельные требования Вяземского. 6 июня 1824 г. Вяземский писал жене, жившей на даче в Одессе: «Кланяйся Пушкину и заставь его тотчас писать на смерть Байрона, а то и денег не пришлю».⁸ Через десять дней он пишет вновь: «Кланяюсь Пушкину и ожидаю его надгробной песни Байрону».⁹ 21 июня: «Пушкин, я чаю, сердится, что не присылаю ему денег. Пускай он мне пришлет скорее стихи на смерть Байрона».¹⁰ 27 июня В. Ф. Вяземская пишет мужу: «Пушкин ни за что не хочет писать на смерть Байрона; мне кажется, что он слишком занят и главное слишком увлечен, чтобы заниматься чем-нибудь другим, кроме своего Онегина».¹¹

В эти же дни Пушкин сам известил Вяземского о новом своем отношении к Байрону: «Гений Байрона бледнел с его молодостию. В своих трагедиях, не выключая и Каина, он уже не тот пламенный демон, который создал Гяура и Чильд Гарольда ... Его поэзия видимо изменялась. Он весь создан был наизусть; постепенности в нем не было, он вдруг созрел и возмужал — пропел и замолчал; и первые звуки его уже ему не возвратились — после 4-й песни Child-Harold Байрона мы не слышали, а писал какой-то другой поэт с высоким человеческим талантом». И далее, как будто прямо имея в виду приведенное выше романтическое суждение А. И. Тургенева о поэтическом характере смерти Байрона «в виду всей возрождающейся Греции», Пушкин продолжает, трезво оценивая создавшееся в Греции положение: «Твоя мысль воспеть его смерть в 5-ой песни его Героя прелестна — но мне не

⁶ «1824 19/7 avr. mort de Byron» (Рукою Пушкина. М., 1935, стр. 301).

⁷ Остафьевский архив, т. III, стр. 51.

⁸ Там же, т. V₁, стр. 11.

⁹ Там же, стр. 15.

¹⁰ Там же, стр. 17.

¹¹ Там же, т. V₂, стр. 112. Подлинник на франц. языке.

по силам — Греция мне огадила. О судьбе греков позволено рассуждать, как о судьбе моей братья негров, можно тем и другим желать освобождения от рабства нестерпимого. Но чтобы все просвещенные европейские народы бредили Грецией — это непростительное ребячество. Иезуиты натолковали нам о Фемистокле и Перикле, а мы вообразили, что пакостный народ, состоящий из разбойников и лавошников, есть законнорожденный их потомок и наследник их школьной славы. Ты скажешь, что я переменял свое мнение, приехал бы ты к нам в Одессу посмотреть на соотечественников Мильтиада и ты бы со мною согласился. . . Обещаю тебе однако ж вирши на смерть его превосходительства» (XIII, 99).

Пушкин так и не сдержал этого обещания, ограничившись двумя строфами о Байроне в стихотворении «К морю». Сообщая их Вяземскому, он писал: «Посылаю тебе маленькое поминовенье за упокой души раба божия Байрона. Я было и целую панихиду затеял, да скучно писать про себя — или справляясь в уме с таблицей умножения глупости Бирукова, разделенного на Красовского» (XIII, 111).

Это замечание Пушкина, что он не написал более развернутого стихотворения о смерти Байрона, потому что «скучно писать про себя», чрезвычайно значительно. Оно говорит о том, что тема гибели Байрона в сознании Пушкина приобрела характер исключительно большого обобщения, включая в себя и личную судьбу Пушкина, и оценку всей его эпохи:

Мир опустел. . . Теперь куда же
 Меня б ты вынес, океан?
 Судьба людей повсюду та же:
 Где благо, там уже на страже
 Иль просвещенье, иль тиран.

Политическая острота трех последних строк была настолько очевидна, что, «справляясь в уме с таблицей умножения глупости Бирукова, разделенного на Красовского», Пушкин в тексте «Мнемозины» ограничил эту остроту лишь двумя начальными словами — «Мир опустел» — с последующими тремя строками точек.

В сборнике 1826 г. Пушкин опубликовал и вторую строку, но в издании 1829 г. возвратился к первоначальному тексту, так как при отсутствии последних строк этот текст производил более художественно-полноценное впечатление, чем риторический вопрос, обращенный к океану, терявший свой смысл в условиях незавершенной строфы.

Поэтому установившаяся в советском пушкиноведении традиция воспроизведения данной строфы в ее полном виде вполне закономерна, так как она восстанавливает подлинный текст Пуш-

кина, освобождая его от цензурных самоограничений, а сетования М. Гофмана, который, ссылаясь на первопечатный текст, якобы отражавший «окончательно творческую волю, окончательно выражение творческого замысла, к которому нечего прибавить», обвинял «авторов-редакторов» в самовольных «нелепых прибавлениях»,¹² являются научно несостоятельными.

II

Весь конец 1824 г. в лирике Пушкина ознаменован воспоминаниями о недавно оставленном юге. Таково поразительное по своей выразительности и краткости стихотворение «Виноград».¹³ Рукописи дают представление об основных моментах процесса создания этого шедевра пушкинской лирики.

Самые ранние наброски показывают, что мысль Пушкина в начале отталкивалась от сходства продолговатых виноградин с девичьими пальцами:

Напоминает
Персты девичьи <?>
Напоминает красотой
—
Похожий дивною красой
На персты девы молодой
—
Продолговатый и прозрачный
Как персты девы молодой

Удовлетворившись найденным сравнением, Пушкин продолжает развертывать самый образ винограда:

Дитя моей долины злачной
—
Краса моей долины злачной
—
Висящий — под горой
—
В кистях висящий под горой

Намечаются тут же оставленные попытки включить в стихотворение образы и других южных плодов:

И зре(лы) <?> — фиги золотые
И шелковицы ранний плод

¹² См.: М. Гофман. Пушкин. Пгр., 1922, стр. 67—68.

¹³ Впервые напечатано в «Стихотворениях Александра Пушкина» (1826).

Оставив эти попытки, без нужды усложняющие основной замысел, Пушкин возвращается к образу винограда, подчеркивая его связанность с любимым им осенним временем года:

К <?> чему <?> жалеть о ранних <?> розах
Увядших с легкою <?> <весной> <?>
И виноград на цепких <?> лозах
В кистях висящий под горой.

Понемногу вырисовывается основной состав стихотворения:

Не стану я жалеть о розах,
Увядших с легкою <весной> <?>;
Мне виноград милей на лозах,
В кистях висящий под горой

Краса моей долины златной,
Отрада¹⁴ осени златой,
Продолговатый и прозрачный
Как персты девы молодой.

(II₂, 870—872).

И наконец, незначительные поправки создают окончательный текст, неповторимый по своей краткости, выразительности и красоте.

К этим же стихотворениям о юге, написанным в начальный период михайловской ссылки, относится и стихотворение «Фонтану Бахчисарайского дворца»,¹⁵ вскрывающее своеобразный характер поэтического преображения Пушкиным реальной действительности, точнее, переключение реальности действительной в другую реальность — поэтическую.

Впечатление Пушкина от реального фонтана Бахчисарайского дворца, в том состоянии, в каком он застал его летом 1820 г., резко отличаются от образа, лежащего в основе данного стихотворения. «В Бахчисарай приехал я больной, — писал Пушкин в письме к Дельвигу. — Я прежде слышал о странном памятнике влюбленного Хана. К** поэтически описывала мне его, называя la fontaine des larmes. Вошел во дворец, увидел я испорченный фонтан; из заржавой железной трубки по каплям падала вода» (XIII, 250).

В условиях исключительно тяжелой для Пушкина первой осени михайловской ссылки была естественна поэтизация южных воспоминаний. Ход работы над стихотворением представляется в сле-

¹⁴ Варианты: надежда; утеха.

¹⁵ Впервые напечатано в «Стихотворениях Александра Пушкина» (1826)

Для уяснения характера той эволюции, которая происходила во взглядах Пушкина после 1823 г. и завершалась в условиях михайловской ссылки, представляется чрезвычайно существенным его послание к Чаадаеву («К чему холодные сомненья») ¹⁶ 1824 г.

В первых публикациях этого стихотворения Пушкин проставлял дату и указывал место написания: «1820. Морской берег Тавриды» («Северная пчела»), «С морского берега Тавриды» («Стихотворения А. Пушкина», 1826). Еще более определенно Пушкин сообщал об этом в письме к Дельвигу, условно датированном 1824—1825 гг. и появившемся в альманахе «Северные цветы на 1826 год» под заглавием «Отрывок из письма А. С. Пушкина к Д.»: «Путешествие по Тавриде прочел я с чрезвычайным удовольствием. Я был на полуострове в тот же год и почти в то же время, как и И. М. Муравьев-Апостол. Очень жалею, что мы не встретились. Оставляю в стороне остроумные его изыскания; для проверки оных потребны обширные сведения самого автора. Но знаешь ли, что более всего поразило меня в этой книге? различие наших впечатлений. Посуди сам. Из Азии переехали мы в Европу* на корабле. Я тотчас отправился на так называемую Митридатову Гробницу (развалины какой-то башни), там сорвал цветок для памяти и на другой день потерял <его> без всякого сожаления. Развалины Пантикапеи не сильнее действовали на мое воображение. Я видел следы улиц, полузаросший ров, старые кирпичи — и только...

«...Георгиевский монастырь и его крутая лестница к морю оставили во мне сильное впечатление. Тут же видел я и баснословные развалины храма Дианы. Видно мифологические предания счастливее для меня воспоминаний исторических; по крайней мере тут посетили меня рифмы, я думал стихами [о**]. Вот они

К чему холодные сомненья и проч.»

(XIII, 250—252).

Сообщение Пушкина, что данное послание к Чаадаеву было написано в 1820 г. на развалинах храма Дианы у мыса Георгиевского монастыря, недостаточно точно. «Путешествие по Тавриде» И. М. Муравьева-Апостола, которое упоминается Пушкиным, вышло в свет в 1823 г., через три года после посещения Крыма самим Пушкиным. Пушкин прочел его лишь в конце 1824 г. Только в начале ноября этого года в письме к брату он просит выслать ему эту книгу. Поэтому полемика с Муравьевым-Апосто-

¹⁶ Впервые напечатано в «Северной пчеле» от 27 января 1825 г. (№ 12); вошло без изменения в состав «Отрывка из письма А. С. Пушкина к Д. Дельвигу», напечатанного в альманахе «Северные цветы на 1826 год».

* Из Тамани в Керчь. (Прим. Пушкина).

лом («К чему холодные сомненья?»), высказавшим в своей книге сомнение в правомерности соотнесения развалин у Георгиевского монастыря с именем Дианы, могла иметь место лишь по прочтении самой книги, т. е. не ранее 1824 г.

Представляется, однако, вероятным, что на этих развалинах, связанных преданием с именами Ореста и Пилада и величием их дружбы, Пушкин действительно вспомнил свою дружбу с Чаадаевым и первое свое послание к нему (1818), где говорилось об «обломках самовластья», а позднее, уже в 1824 г., написал стихотворение, соединившее воедино и впечатления от крымских развалин («Я верю: здесь был грозный храм»), и содержание мифологического предания («На сих развалинах свершилось / Святое дружбы торжество»), и воспоминания о дружбе с Чаадаевым и о своем первом послании к нему, так ярко отразившим вольнолюбивые мечты их юности, и теперешние свои настроения, столь отличные от прошлых:

Но в сердце. бурями смиренном,
Теперь и лень и тишина,
И, в умиленье вдохновенном,
На камне, дружбой освященном,
Пишу я наши имена.

Второе послание к Чаадаеву важно как свидетельство нового этапа в отношениях Пушкина к жизни. Герцен пишет, ошибочно соотнося данное стихотворение с последекабрьской действительностью (что в условиях общеевропейской реакции 1823—1824 гг. не меняет существа дела): «Безмерно печально сличение двух посланий Пушкина к Чаадаеву; между ними прошла не только их жизнь, но целая эпоха, жизнь целого поколения, с надеждой ринувшегося вперед и грубо отброшенного назад».¹⁷

Среди этих тяжелых испытаний, выпавших на долю Пушкина в годы михайловской ссылки, единственным просветом и спасительным выходом была поэзия, которая и помогла ему устоять и сохранить душевные силы. Позднее, через десять лет, посетив вновь те места, где он провел «изгнанником два года незаметных», Пушкин вспоминал об этом времени так:

... вы во мне прияли
Усталого пришельца — я еще
Был молод — но уже судьба и страсти
Меня борьбой неравной истомили.
[Я зрел врага в бесстрашном <?> судии,
Изменника в товарище, пожавшем
Мне руку на пиру, — всяк предо мной
Казался мне изменник или враг. —]

¹⁷ А. И. Герцен, т. IX, стр. 146.

Утрачена в бесплодных испытаньях
 Была моя неопытная <?> младость —
 И бурные кипели в сердце чувства
 И ненависть и грезы мести бледной.
 [Но здесь меня таинственным щитом
 Святое провиденье осенило,
 Поэзия, как ангел — [утешитель], —
 Спасла меня; и я воскрес душой]¹⁸

В этом отношении особенно значительным представляется то новое понимание высокого назначения искусства, объединяющего народы даже в условиях их политической враждебности, которое нашло выражение в недоработанном стихотворении, обращенном к польскому поэту графу Олизару (1824),¹⁹ увлекавшемуся в то время М. Н. Раевской:

И тот не наш, кто с девою вашей
 Кольцом заветным сопряжен;
 Не выпьем мы заветной чашей
 Здоровье ваших красных жен;
 [И наша дева молодая,
 Привлекши сердце поляка,
 [Отвергнет,] [гордостью пылая,
 Любовь народного врага.

Но глас поэзии чудесной
 Сердца враждебные дружит —
 Перед улыбкою небесной
 Земная ненависть <?> молчит.
 При сладких <?> звуках вдохновенья,
 При песнях <лир>...
 И восстают благословенья,
 На племена <?> [ни]сходит мир...

III

Для уяснения особенностей пушкинской лирики этого периода важен учет новой жизненной обстановки в связи с переездом с юга в Михайловское.

«Все, что напоминает мне море, — писал Пушкин В. Ф. Вяземской в октябре 1824 г., — наводит на меня грусть — журчанье ручья причиняет мне боль в буквальном смысле слова — думаю, что голубое небо заставило бы меня плакать от бешенства; но

¹⁸ Отброшенное окончание стихотворения «Вновь я посетил», 1835 (III₂, 996).

¹⁹ При жизни Пушкина не печаталось. О графе Густаве Олизаре и его отношениях с Пушкиным см.: С. С. Ланда. А. С. Пушкин в печати Польской Народной Республики в 1949—1954 годах. Сб. «Пушкин. Исследования и материалы», I, Изд. Академии наук СССР, М.—Л., 1956, стр. 435—437.

слава <богу> небо у нас сивое, а луна точная репка» (XIII, 114, 532).

В условиях такой настроенности создается одно из самых трагических стихотворений пушкинской лирики этого периода — «Ненастный день потух; ненастной ночи мгла» (1824), опубликованное Пушкиным с нарочито неверным (для маскировки адресата) отнесением к 1823 г.²⁰ явно противоречащим резко подчеркнутому в стихотворении противопоставлению северной природы южной:

Ненастный день потух; ненастной ночи мгла
По небу стелется одеждою свинцовой;
Как привидение, за рощею сосновой
 Луна туманная взошла...
Все мрачную тоску на душу мне наводит.
Далеко, там, луна в сиянии восходит;
Там воздух напоен вечерней теплотой;
Там море движется роскошной пеленой
 Под голубыми небесами...

Это стихотворение входит в замечательный цикл лирики Пушкина, связанный с именем Е. К. Воронцовой. Каждое стихотворение этого цикла непосредственно вырастает из совершенно определенного комплекса пушкинских переживаний и связано с той или иной конкретной жизненной ситуацией. Таково стихотворение «Сожженное письмо» (декабрь 1824 г.—январь 1825 г.),²¹ последовательно воспроизводящее в зрительно-ощутимых образах все этапы сожжения письма, хранящего на сургучной печати отиск заветного перстня:

Уж пламя жадное листы твои приемлет...
Минуту!.. вспыхнули! пылают — легкой дым
Виясь теряется с молением моим.
Уж перстня верного утрата впечатленья,
Растопленный сургуч кипит... О провиденье!
Свершилось! Темные свернулись листы;
На легком пепле их заветные черты
Белеют...

Непосредственно связано с этим мотивом сожжения письма и недоработанное стихотворение «Пускай увенчанной любовью красоты» (сентябрь—декабрь 1824 г.),²² говорящее о счастье чело- века, спокойно хранящего в золотой оправе портрет любимой и ее тайные письма — «награды долгой муки», тогда как:

...в тихие часы томительной разлуки
Ничто, ничто моих не радует очей,

²⁰ Впервые напечатано в «Стихотворениях Александра Пушкина», 1826.

²¹ Там же.

²² При жизни Пушкина не печаталось.

И ни единый дар возлюбленной моей,
Святой залог любви, утеха грусти нежной —
Не лечит ран любви безумной, безнадежной.

Значителен по своей автобиографичности замысел черногого наброска стихотворения «Младенцу» (октябрь 1824):²³

Дитя, не смею над тобой
Произносить благословенья.
[Ты] взором, [мирною <?> душой,
[Небесный] ангел утешенья.²⁴

Да будут ясны дни твой,
Как [милый] взор <твой> <?> ныне ясен.
[Меж] [лу<чших> <?>] жребиев земли
Да [б<удет>] жребий твой прекрасен.

Рукопись дает представление о возможных путях дальнейшей работы над стихотворением. Обращаясь к младенцу, поэт мысленно говорит ему, что тот никогда впоследствии не узнает истинной причины его таинственной любви к нему:

Я не скажу тебе за чем

Я не скажу тебе причины

Ты равнодушно обо мне,
Дитя, современем услышишь

Моей таинственной любви
Я не скажу тебе причины

Прощай, дитя, моей любви
Я не скажу тебе причины

Мысль поэта обращается к матери младенца, с которой он впоследствии уже никогда не увидится:

И клевета ей образ <мой> <?>

И клевета неверно ей
Быть может образ мой опишет

²³ При жизни Пушкина не печаталось.

²⁴ «Ангел утешенья» еще раз появится в пушкинских набросках, связанных с именем Е. К. Воронцовой (1825):

В пещере тайной, в день гоненья,
Читал я сладостный Коран,
Внезапно ангел утешенья
Влетев, принес мне талисман.

Б. <ыть> м. <ожет>, о судьбе моей
Она современем услышит.

(II₂, 883—885).

Опасения, что образ поэта может дойти до матери младенца в искаженном клеветой виде, объединяют эти строки в единый комплекс со стихотворениями «Коварность» и «Желание славы», связанными с именем А. Н. Раевского.

Отношения А. Н. Раевского к Пушкину были противоречивы и далеко не искренни.

С одной стороны, как свидетельствует ряд современников, А. Н. Раевский явился одной из причин высылки Пушкина из Одессы.²⁵

С другой стороны, он писал Пушкину 21 августа 1824 г.: «... расскажу вам о Татьяне.²⁶ Она приняла живейшее участие в вашем несчастии; она поручила мне сказать вам об этом, я пишу вам с ее согласия. Ее нежная и добрая душа видит лишь несправедливость, жертвою которой вы стали, она выразила мне это со всей чувствительностью и грацией, свойственными характеру Татьяны». И далее: «Ради бога, дорогой друг, не предавайтесь отчаянию, берегитесь, чтобы оно не ослабило вашего прекрасного дарования, заботьтесь о себе, будьте терпеливы: ваше положение изменится к лучшему. Поймут несправедливость той суровой меры, которую применили к вам. Ваш долг перед самим собой, перед другими, даже перед вашей родиной — не падать духом; не забывайте, что вы — украшение нашей зарождающейся литературы и что временные невзгоды, жертвою которых вы оказались, не могут повредить вашей литературной славе» (XIII, 106—107, 530).

На этой почве создаются такие стихотворения, как «Коварность» (18 октября 1824 г.):²⁷

Но если сам презренной клеветы
Ты про него невидимым был эхом;
Но если цепь ему накинул ты
И сонного врагу предал со смехом,

²⁵ Гр. П. И. Капнист пишет: «Дядя мой <гр. А. В. Капнист> мне сказал, что <Александр Николаевич> Раевский был невольной причиной высылки Пушкина... из Одессы... Александр Николаевич Раевский был отличен графией в окружавшей ее среде, и она относилась к нему симпатичнее, чем к другим, но, как это нередко бывало в маневрах большого света, прикрытием Александру Николаевичу Раевскому служил друг его, молодой, но уже гремевший в то время славою на всю Россию поэт Пушкин» («Русская старина», т. 98, 1899, стр. 242—243).

²⁶ Этим именем героини пушкинского романа в стихах в переписке Пушкина с А. Н. Раевским замаскировано называлась Е. К. Воронцова.

²⁷ Впервые напечатано в «Московском вестнике» (1828, т. VIII, № VI).

И он прочел в немой душе твоей
 Всё тайное своим печальным взором, —
 Тогда ступай, не трать пустых речей —
 Ты осужден последним приговором.

Эти же настроения порождают и такое стихотворение, как «Желание славы» (1825).²⁸ Как было сказано в предшествующей главе (см. стр. 278), черновые наброски начальных строк этого стихотворения восходят еще к 1823 г., т. е. до начала близости с Е. К. Воронцовой, но тогда они относились к другому лицу, о котором говорилось в настоящем времени, и имели совершенно иной характер.

Сейчас же, в Михайловском, переноса несправедливость нового изгнания и остро переживая всю тяжесть разлуки, Пушкин воспользовался этим началом для стихотворения совершенно иного звучания, в котором он развивал один из мотивов незаконченного стихотворения «Младенцу» («Быть может, о судьбе моей / Она современным услышит»):

... И что же? Слезы, муки,
 Измены, клевета, всё на главу мою
 Обрушилось вдруг... Что я, где я? Стою,
 Как путник, молнией постигнутый в пустыне,²⁹
 И все передо мной затмилось! И ныне
 Я новым для меня желанием томим:
 Желая славы я, чтоб именем моим
 Твой слух был поражен всечасно, чтоб ты мною
 Окружена была, чтоб громкою молвою
 Все, все вокруг тебя звучало обо мне...

Сложнейший комплекс настроений, связанных с памятью о женщине, вызвавшей самое сильное чувство в жизни Пушкина, с тяжестью и мраком ссылки, ощущением блеска уже окружавшей его славы, слезами воспаленной любовью к нему молодой девушки в его деревенском изгнании, красотой собственного творчества и затаенной мечтой о мщении тем, кто безжалостно изломал его жизнь, вызывает и такое потрясающее своей силой, соединенной с предельной краткостью стихотворение 1825 г.:

Всё в жертву памяти твоей:
 И голос лиры вдохновенной,
 И слезы девы воспаленной,
 И трепет ревности моей,
 И славы блеск, и мрак изгнания,

²⁸ Впервые напечатано в «Соревнователе просвещения и благотворения» (1825, ч. XXX, № 6).

²⁹ Образ путника в пустыне — вероятно, результат работы в то время над «Подражаниями Корану».

И светлых мыслей красота,
И мщенье, бурная мечта
Ожесточенного страдания.³⁰

В этом стихотворении за каждым словом чувствуется подлинная действительность, но все это в целом овеяно пафосом огромного обобщения, где ничего конкретного как будто бы и не названо и в то же время все обусловлено этой конкретностью.

К тому же циклу, связанному с именем Е. К. Воронцовой, относятся и такие стихотворения, как «Храни меня, мой талисман» (1825),³¹ содержащее конкретное указание на день вручения Е. К. Воронцовой заветного перстня-талисмана («Ты в день печали³² был мне дан») и сохранившее следы не оставленных Пушкиным и в Михайловском мыслей о побеге за границу («В уединенных чуждых стран»), как «Талисман» (1827)³³ и, наконец, как знаменитое «Прощание» (1830).

IV

Новое изгнание в глухую деревню чрезвычайно тяжело переживалось Пушкиным. Он знал, что могла означать в условиях русского царизма ссылка в родовое поместье. Память подсказывала ему примеры, когда такое заточение кончалось либо смертью сосланного, либо его полной духовной опустошенностью. Серьезность положения сознавали и друзья Пушкина. «Как можно такими крутыми мерами поддразнивать и вызывать отчаяние человека! — писал в августе 1824 г. П. А. Вяземский А. И. Тургеневу. — Кто творец этого бесчеловечного убийства? Или не убийство — заточить пылкого, кипучего юношу в деревне русской?.. Да и заточают ли те, которые вовлекли власть в эту меру, что есть ссылка в деревне на Руси? Должно точно быть богатырем духовным, чтобы устоять против этой пытки».³⁴

В таких условиях вновь оживали оставленные в Одессе мысли о побеге за границу и находили лирическое выражение в небольшом цикле стихотворений на эту тему.

Таково недоработанное стихотворение «Презрев и голос <?> укоризны» (1824),³⁵ содержащее обращение к брату, посвященному в планы бегства:

Мой брат, в опасный день разлуки
Все думы сердца — о тебе.

³⁰ При жизни Пушкина не печаталось.

³¹ При жизни Пушкина не печаталось.

³² Т. е. в день расставанья.

³³ Впервые напечатано в «Альбоме северных муз на 1828 год».

³⁴ Остафьевский архив, т. III, стр. 73.

³⁵ При жизни Пушкина не печаталось.

В последний <раз> сожжем же руки
И покоримся мы судьбе.
Благослови побег поэта...

и предчувствие своей гибели на чужбине:

Умолкнет он под небом дальным...
Угаснет в чуждой стороне.

Таково стихотворение «П. А. О.***»³⁶ (1827).³⁷

Но и в дали, в краю чужом
Я буду мыслью всегдашней
Бродить Тригорского кругом,
В лугах, у реки, над холмом,
В саду под сенью лип домашней.

Но и здесь при мысли о своей судьбе появляются тоскливые ноты предчувствия гибели на чужбине:

Когда померкнет ясный, день,
Одна из глубины могильной
Так иногда в родную сень
Летит тоскующая тень
На милых бросить взор умильный.

Пушкин устоял и перед лицом новых испытаний. В противовес желанию, появлявшемуся не раз в минуты слабости, преодолеть трудности бегством на чужбину создается своеобразный лиризм деревенского изгнания в родовом гнезде Ганнибалов:

В деревне, где Петра питомец,
Царей, цариц любимый раб
И их забытый однодomeц,
Скрывался прадед мой Арап,
Где, позабыв Елисаветы
И двор и пышные обеты,
Под сенью липовых аллей
Он думал в охлажденны леты
О дальней Африке своей,
Я жду тебя. Тебя со мною
Обнимет в сельском шалаше
Мой брат по крови, по душе,
Шалун, замеченный тобою;
И муз возвышенный пророк,
Наш Дельвиг всё для нас оставит
И наша троица прославит
Изгнанья темный уголок.
Надзор обманет караульный,
Восхвалим вольности дары

³⁶ Прасковье Александровне Осиповой.

³⁷ Впервые напечатано в альманахе «Северные цветы на 1829 год».

И нашей юности разгульной
 Пробудим шумные пиры,
 Вниманье дружное преклоним
 Ко звону рюмок и стихов,
 И скуку зимних вечеров
 Вином и песнями прогоним.

(«К Язкову», 1824).³⁸

Так создавался комплекс лирических настроений, из которых процветает и неповторимая лирика Михайловского и Тригорского, с их липовыми аллеями, рощами и склонами холмов, и поэзия ганнибаловских предков («Арап Петра Великого»³⁹), и лирика дружества, окрашенного лиризмом изгнания («19 октября»), и поэзия деревенских вечеров («Зимний вечер»), и вся любовная лирика этих лет, скрашивавшая закованные дни поэта, от полушутливых-полусерьезных признаний («Признание») до таких перлов мировой поэзии, как «Я помню чудное мгновенье».

Стихотворение «К ***» (1825),⁴⁰ несмотря на обширную литературу о нем,⁴¹ тщательно собравшую и детально изучившую все, что нам известно о женщине, внушившей поэту это стихотворение, и о характере ее отношений с Пушкиным, до сих пор продолжает оставаться одной из загадок мирового искусства и способно вызывать только чувство предельного восхищения своей неповторимой красотой, до того совершенной, что она представляется единственно возможной для передачи вложенного в нее содержания.

³⁸ Впервые напечатано в «Литературной газете» (1830, № 16).

³⁹ Черты образа Ибрагима уже намечаются в лирике этих лет (1824):

Как жениться задумал царской арап,
 Меж боярынь арап похаживает,
 На боярышен арап поглядывает.
 Что выбрал арап себе сударушку,
 Черный ворон белую лебедушку.
 А как он-то арап чернешенек,
 А она-то душа белешенька.

(При жизни Пушкина не печаталось).

⁴⁰ Впервые напечатано в альманахе «Северные цветы на 1827 год».

⁴¹ Из последних наблюдений над этим стихотворением см.: В. Виноградов. О стиле Пушкина. «Литературное наследство», № 16—18, 1934, стр. 156—160 (ср. в его книге: Стиль Пушкина, М., 1941, стр. 398—402); А. И. Белецкий. Из наблюдений над стихотворными текстами А. С. Пушкина. Филологический сборник Киевского государственного университета им. Т. Г. Шевченко, 1953, № 5; ср. его же: К анализу лирического произведения (из наблюдений над стихотворением А. С. Пушкина «Я помню чудное мгновенье»). Сб. «Русская литература в школе», Киев, 1954; Н. Л. Степанов. Лирика Пушкина. М., 1959, стр. 327—346; Б. Томашевский. Пушкин. Книга вторая. Материалы к монографии (1824—1837). Изд. Академии наук СССР, М.—Л., 1961, стр. 73—84.

Загадка данного стихотворения состоит в том, что все известное нам о личности А. П. Керн и об отношении к ней Пушкина, несмотря на весь огромный пиетет женщины, оказавшейся в состоянии вызвать в душе поэта чувство, ставшее основой невыразимо прекрасного произведения искусства, ни в какой мере и ни в какой степени не приближает нас к постижению той тайны искусства, которая делает это стихотворение типическим для великого множества аналогичных ситуаций и способным облагораживать и овеать красотой чувства миллионы людей.

Действительно, все, что нам известно об отношениях Пушкина с А. П. Керн, говорит не только о кратковременности его чувства к ней, но — и это главное — о том, что, остывнув, это чувство не превратилось в сокровище и святыню,⁴² не стало тем заветным душевным богатством поэта, которое способно вызывать к жизни такие свершения, как «Для берегов отчизны дальней» и «Прощание» («В последний раз твой образ милый»).

Это свидетельствует о том, что внезапное и кратковременное появление «мимолетного виденья» в образе «гения чистой красоты», мелькнувшего среди мрака заточенья, когда дни поэта тянулись «без слез, без жизни, без любви», могло воскресить в его душе «и божество, и вдохновенье, / И жизнь, и слезы, и любовь» только в том случае, когда все это было уже пережито им ранее.

Такого рода переживания имели место в первый период ссылки Пушкина — они-то и создали тот его душевный опыт, без которого немислимо было появление впоследствии и «Прощания», и таких потрясающих проникновений в глубины человеческого духа, как «Заклинание» и «Для берегов отчизны дальней». Они создали и тот душевный опыт, без которого не могло появиться и стихотворение «Я помню чудное мгновенье».

Не следует понимать все это слишком упрощенно, в том смысле, что для создания стихотворения реальный образ А. П. Керн и отношения к ней Пушкина были мало существенны. Без них, разумеется, не было бы и стихотворения. Но стихотворения в том его виде, в каком оно существует, не было бы и в том случае, если бы встрече с А. П. Керн не предшествовало прошлое Пушкина и весь тяжелый опыт его изгнания. Реальный образ А. П. Керн как бы вновь воскресил душу поэта, раскрыл перед

⁴² Ср.:

И думай, что во дни разлуки,
В моей изменчивой судьбе,
Твоя печальная пустыня,
Последний звук твоих речей
Одно сокровище, святыня,
Одна любовь души моей.
(«Посвящение» к «Полтаве», 1828)

ним красоту не только безвозвратно ушедшего прошлого, но и настоящего, о чем прямо и точно сказано в стихотворении:

Душе настало пробужденье.

Внезапное явление красоты, ярко осветившей мрак заточенья, помимо своего непосредственного — биографического — значения для Пушкина, явилось стимулом к обобщению всего ранее пережитого душевного опыта, связанного с недавней и еще остро переживавшейся разлукой, тяжестью нового изгнания и жаждой счастья.

Именно поэтому оказываются мало плодотворными попытки раскрытия содержания этого стихотворения, исходя только из одного образа А. П. Керн и отношения к ней Пушкина, при игнорировании момента огромного обобщения, при котором конкретный образ А. П. Керн и конкретные отношения к ней Пушкина как бы отодвигаются в сторону, уступая место не менее реальному, но предельно обобщенному и просветленному поэзией образу любви вообще, способной разогнать тяжелый мрак изгнания и пробудить душу человека к новой жизни.

Предельная обобщенность определила и весь образный строй стихотворения, перенося центр смысловой тяжести с образа «виденья» на момент пробуждения души поэта. Тщетно пытались бы мы составить хотя бы даже приблизительное представление о конкретных чертах реального образа живого человека, о встречах с которым говорится в стихотворении. Самое большее, что мы узнаем, — это то, что у него нежный голос и милые, а во втором случае еще более обобщенно — небесные, черты. Все остальное тонет в предельно обобщенных образах «мимолетного виденья» и «гения чистой красоты», повторенных дважды.

В противоположность этому все, что говорится о самом поэте, в высшей степени конкретно. Мы узнаем о тревогах шумной суеты его прежней жизни, о порыве мятежных бурь, завершившемся мраком заточенья в глуши, о том, что в изгнании дни его тянулись тихо «без божества, без вдохновенья», без любви и что, наконец, «душе настало пробужденье» и вновь возвратилось ощущение всей полноты жизни.

То, что весь этот перелом в душе поэта не явился только следствием случайной встречи с прекрасной женщиной, но отражал определенную жизненную закономерность, показывает характер целого ряда стихотворений этого времени, в частности, настроения, лежащие в основе знаменитого цикла «Подражаний Корана», написанного за полгода до этого.

Завершающее этот цикл девятое стихотворение полно такой жизнеутверждающей силы, что должно быть расценено как несомненное свидетельство начавшегося уже в конце 1824 г. процесса преодоления Пушкиным тяжелых переживаний и быстро идущего восстановления его душевных сил. Только так могут быть поняты знаменательные строки об усталом путнике, долго блуждавшем в пустыне и нашедшем, наконец, животворный источник, который спас ему жизнь, вдохнул в душу новые силы и помог продолжать путь:

И чудо в пустыне тогда совершилось:
Минувшее в новой красе оживилось.

И чувствует путник и силу, и радость;
В крови заиграла воскресшая младость;
Святые восторги наполнили грудь:
И с богом он дале пускается в путь.

Достаточно сравнить эти строки, относящиеся к концу 1824 г., с заключительными строками стихотворения «Я помню чудное мгновенье», написанными лишь несколькими месяцами позднее:

Душе настало пробужденье.

И сердце бьется в упоенье,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь. —

чтобы почувствовать совершенно одинаковую их тональность, чтобы стала совершенно очевидной реальная общность почвы, их породившей.

Именно поэтому проблему стихотворения «Я помню чудное мгновенье» следует решать, как бы повернув ее другой стороной: не случайная встреча с А. П. Керн пробудила душу поэта и заставила минувшее оживиться в новой красе, а, наоборот, тот процесс оживления и восстановления душевных сил поэта, который начался несколько ранее, полностью обусловил и все основные характерные особенности и внутреннее содержание стихотворения, вызванного встречей с А. П. Керн.

Поразительно непревзойденное совершенство формы стихотворения, как бы сливающейся с его содержанием, становящейся одним из его моментов. Все стихотворение, говорящее о двукратном явлении мимолетного виденья, выдержано в соответствующем этому образу звуковом выражении. Звуковой состав стихотворения построен на мягких звуках и включает только 15 рокочущих звуков *р* на 24 стиха. Показательно при этом, что наибольшее

число звуков *p* падает на строки, говорящие не о мимолетном видении, а о тревожной жизни поэта.

Не случайным являются и особенности строфического построения стихотворения, говорящего о «гении чистой красоты» и как бы овеянного звучанием этой словесной формулы: из шести строф стихотворения четыре (1-я, 2-я, 3-я и 5-я) выдержаны в рифмах, созвучных конечному звучанию конечного слова этой формулы: ты—красоты; суеты—черты; мечты—черты; ты—красоты, при этом конечные строфы данного ряда (1-я и 5-я) имеют одинаковую рифмовку: ты—красоты.⁴³

Все это создает впечатление изумительной стройности стихотворения.

Литературные параллели, часто проводившиеся в связи с этим стихотворением, мало плодотворны. Ничего существенного в отношении пушкинского образа «мимолетного виденья» не вносит воспоминание А. П. Керн о том, что в одном из писем к ней ее тригорской кузины А. Н. Вульф, когда Пушкин уже жил в Михайловском, он приписал сбоку из Байрона: «Une image, qui a passé devant nous, que nous avons vue et que nous ne reverrons jamais» («Видение пронеслось мимо нас, мы видели его и никогда опять не увидим»)⁴⁴. Точно так же пушкинский образ «гения чистой красоты» не имеет ничего общего с мистико-идеалистической сущностью этого образа в поэзии Жуковского и наполнен совершенно иным содержанием.

К тому же и вспомнил Пушкин в Михайловском об этом образе несколько в ином ассоциативном ключе. В. В. Виноградов отметил впервые,⁴⁵ что образ «гений чистой красоты» вспомнился Пушкину в это время не столько в непосредственной связи со стихотворением Жуковского «Лалла-Рук» (1821), сколько под впечатлением его статьи «Рафаэлева Мадонна (Из письма о Дрезденской галлерее)», напечатанной в «Полярной звезде на 1824 год»⁴⁶ и воспроизводившей распространенную в то время легенду о явлении во сне Рафаэлю девы Марии в качестве непосредственного стимула к созданию знаменитой картины «Сикстинская Мадонна». Эта легенда вошла в книгу В. Ваккенродера и Л. Тика «Phantasien über die Kunst» (1814).⁴⁷ Несмотря на то,

⁴³ Некоторые наблюдения над формой стихотворения «Я помню чудное мгновенье» см. в книге: А. Л. Слонимский. Мастерство Пушкина. М., 1959, стр. 76.

⁴⁴ См.: Л. Н. Майков. Пушкин. СПб., 1899, стр. 238; ср.: Б. Л. Модзалевский. Анна Петровна Керн. Л., 1924, стр. 46.

⁴⁵ В. Виноградов. О стиле Пушкина, стр. 158.

⁴⁶ Альманах вышел в свет в декабре 1824—январе 1825 г.

⁴⁷ Phantasien über die Kunst, von einem Kunstliebenden Klosterbrüder, Herausgegeben von L. Tieck, Neue veränderte Auflage, Berlin, 1814.

что эта книга была переведена на русский язык С. П. Шевыревым, В. П. Титовым и Н. А. Мельгуновым лишь в 1826 г.,⁴⁸ она была широко известна русским кругам, прекрасно осведомленным в западноевропейской литературной жизни и по ее более ранним изданиям.⁴⁹ Именно эту легенду и воспроизвел Жуковский в своей статье.

V

Создававшийся в поэзии Пушкина лиризм деревенского изгнания был настолько совершенен и художественно впечатляющ, что живо захватил и другого поэта — Н. М. Языкова, посетившего Тригорское летом 1826 г. и в ряде своих стихотворений оставившего живые поэтические описания Михайловского и Тригорского и той атмосферы, какая окружала Пушкина в его новой ссылке.⁵⁰ Об этой своеобразной и неповторимой, полной ощущения молодости, чувства дружелюбия и любви, силы и горячих надежд атмосфере, создававшейся в Михайловском и Тригорском в 1825—1826 гг. в связи с приездом туда опального поэта и во многом скрашивавшей тяжесть его новой ссылки, он сам писал осенью 1824 г. в послании к А. Н. Вульффу:

Запируем уж, молчи!
Чудо — жизнь анахорета!
В Троегорском до ночи,
А в Михайловском до света;
Дни любви посвящены,
Ночью царствуют стаканы,
Мы же — то смертельно пьяны,
То мертвецки влюблены.

Такой была реальная действительность, вызвавшая к жизни знаменитую «Вакхическую песню» (1825),⁵¹ явившуюся уже не простым описанием задушевных дружеских пирушек, как это было в стихотворениях Языкова, но глубоким обобщением, до которого Языков не поднимался, — обобщением, с огромной силой утверждавшим правоту и необходимость той смелой и беззаветной

⁴⁸ Об искусстве и художниках. Размышления отшельника, любителя изящного, изданные Л. Тиком. Перевод с немецкого. М., 1826.

⁴⁹ См. «Послесловие» П. Н. Сакулина в издании: Об искусстве и художниках. Размышления отшельника, любителя изящного, изданные Л. Тиком. С послесловием и примечаниями П. Н. Сакулина. М., МСМХIV.

⁵⁰ См. стихотворения Языкова: «Послание А. С. Пушкину» («О ты, чья дружба мне дороже»), «Тригорское», «К няне А. С. Пушкина», «На смерть няни А. С. Пушкина», «Баронессе Евпр. Ник. Вревской», «П. А. Осиповой». См. также стихотворения Пушкина: «К Языкову» (1824), «К Языкову» (1826), «К Языкову» (1828).

⁵¹ Впервые напечатано в «Стихотворениях Александра Пушкина» (1826).

борьбы с темными силами, которую самоотверженно вели братья, друзья и товарищи по духу, обобщением, прозвучавшим, по опубликовании стихотворения в год казни декабристов, как мощный призыв к бодрости, полный горячей веры в грядущую неизбежную победу света над тьмой, свободного человеческого разума над всеми темными силами жизни:

Подыдем стаканы, содвинем их разом!
 Да здравствуют музы, да здравствует разум!
 Ты, солнце святое, гори!
 Как эта лампада бледнеет
 Пред ясным восходом зари,
 Так ложная мудрость мерцает и тлеет
 Пред солнцем бессмертным ума.
 Да здравствует солнце, да скроется тьма!

Вершиной этого цикла пушкинских стихотворений, овеянных лиризмом изгнания, является «19 октября»⁵² — стихотворение, намечающее многие мотивы позднейшей пушкинской лирики. Оно начинается изумительно яркой картиной осенней природы, так полно гармонирующей с настроениями поэта:

Роняет лес багряный свой убор,
 Среbrит мороз увянувшее поле,
 Проглянет день как будто по неволе
 И скроется за край окружных гор.
 Пылай, камин, в моей пустынной келье;
 А ты, вино, осенней стужи друг,
 Пролой мне в грудь отрадное похмелье,
 Минутное забвенье горьких мук.

После этих строк в первоначальной белой рукописи следовало 32 стиха, выпущенных в окончательной редакции, но крайне интересных для понимания движения пушкинской мысли и мастерства, которое заставило его опустить эти стихи, прекрасные сами по себе, но излишне детализирующие содержание и потомуотяжеляющие все стихотворение в целом (II₂, 968—969).

После строфы о царе («Простим ему неправоe гоненье: / Он взял Париж, он основал Лицей») следовали известные строки об А. П. Куницыне, опущенные по цензурным соображениям:

Куницыну дань сердца и вина!
 Он создал нас, он воспитал наш пламень.
 Поставлен им краеугольный камень,
 Им чистая лампада возжена...

⁵² Впервые напечатано в альманахе «Северные цветы на 1827 год». В первоначальном тексте по требованию Бенкендорфа опущена 17-я строфа (стихи 129—136-й); в стихах 70-м, 73-м и 86-м фамилии и в стихе 103-м имя заменены звездочками.

Вспомнив отдельно о каждом из своих ближайших товарищей по Лицею: рано скончавшемся Н. А. Корсакове («Он не пришел, кудрявый наш певец»), отважном мореплавателе Ф. Ф. Матюшкине («Сидишь ли ты в кругу своих друзей»), первом лицейском друге И. И. Пущине («Поэта дом опальный, / О Пушкин мой, ты первый посетил»), блестящем дипломате А. М. Горчакове («Ты, Горчаков, счастливец с первых дней»), ближайшем, после Пущина, товарище лицейских лет А. А. Дельвиге («Когда постиг меня судьбины гнев») и В. К. Кюхельбекере («Служенье муз не терпит суеты»), а также и о своей собственной судьбе, — Пушкин обращается ко всем своим друзьям с общим приветствием, приобретающим обобщающий характер утверждения высокого братского союза друзей — единомышленников по духу:

Друзья мои, прекрасен наш союз!
Он как душа неразделим и вечен —
Неколебим, свободен и беспечен
Срастался он под сенью дружных муз.
Куда бы нас ни бросила судьбина,
И счастье куда б ни повело,
Всё те же мы: нам целый мир чужбина;
Отечество нам Царское Село.

Если учесть то содержание, какое Пушкин вкладывал в формулу «святого братства» лицейстов,⁵³ а также и политический смысл формулы «лицейского духа», пущенной в обиход Ф. В. Булгариным, то определенная общественно-политическая направленность этой строфы становится очевидной.

Воспоминания о двух товарищах-поэтах — Дельвиге и Кюхельбекере — приводят Пушкина к мысли о сущности прекрасного вообще, носящей характер важной эстетической декларации, существенной для понимания той новой эстетической системы, к какой поэт приходил в своем творчестве именно в этот период:

Служенье муз не терпит суеты;
Прекрасное должно быть величаво.

Иными словами, Пушкин определяет и утверждает основные черты и признаки высокого объективного искусства, заключающиеся в примате обобщающего начала над мелочью несущественных деталей, не способствующих пониманию сущности явления жизни в его общечеловеческой значимости («... должно быть ве-

⁵³ Ср.:

Где б ни был я: в огне ли смертной битвы,
При мирных ли брегах родимого ручья,
Святому братству верен я.

(«Разлука», 1817).

лично»), а затемняющих его общий и глубокий смысл мелкими фактами, носящими характер дешевой злободневности («... не терпит суеты»), далеко не всегда являющейся признаком подлинного пафоса современности в искусстве.

Именно так должна быть понята формула Пушкина о прекрасном в свете его известной полемики со статьей В. Кюхельбекера «О направлении нашей Поэзии, особенно лирической в последнее десятилетие».⁵⁴ Иное понимание пушкинской формулы означало бы игнорирование существа самой полемики с Кюхельбекером.

Полемизируя с Кюхельбекером, воскрешавшим положение о поэтическом восторге как необходимом условии высокой поэзии, Пушкин заметил: «Критик смешивает вдохновение с восторгом. — Нет; решительно нет: восторг исключает спокойствие, необходимое условие прекрасного. Восторг не предполагает силы ума, располагающей частей в их отношении к целому. Восторг непродолжителен, непостоянен, следственно не в силе произвести истинное великое совершенство (без которого нет лирической поэзии)» (XI, 41—42).

Суждение Пушкина в его возражениях на названную статью Кюхельбекера о том, что необходимым условием подлинного искусства является умение располагать части «в их отношении к целому», полностью соответствует основному требованию реализма о выявлении наиболее существенных сторон предмета, характеризующих не отдельные его части, но их совокупность в целом. То же следует сказать и о пушкинском суждении о том, что «спокойствие» (в отличие от «непродолжительности» и «непостоянства» скоропреходящего восторга) является «необходимым условием прекрасного». Нетрудно увидеть в этих положениях полное смысловое соответствие с пушкинской формулой: «Пре красное должно быть величаво».

Последующие лирические отклики Пушкина на день 19 октября отражают стремительно меняющуюся общественно-политическую обстановку и состояние духа самого Пушкина.

14 октября 1827 г. Пушкин встречается на станции Залазы с пересылавшимся в другую тюрьму В. К. Кюхельбекером.⁵⁵ Под

⁵⁴ Мнемозина, ч. II, М., 1824, стр. 29—44.

⁵⁵ В своих автобиографических записях Пушкин рассказал об этой встрече так: «... вдруг подъехали 4 тройки с фельдъегерем... Я вышел взглянуть на них. Один из арестантов стоял опершись у колонны. К нему подошел высокий, бледный и худой молодой человек с черною бородою, в фризовой шинеле... Увидев меня, он с живостию на меня взглянул. Я невольно обратился к нему. Мы пристально смотрим друг на друга — и я узнаю К. Кюхельбекера. Мы кинулись друг другу в объятия. Жандармы нас растащили.

живым впечатлением этой встречи создается стихотворение «19 октября 1827»,⁵⁶ приобретающее характер приветствия сосланным в Сибирь декабристам:

Бог помочь вам, друзья мои,
И в бурях, и в житейской горе,
В краю чужом,⁵⁷ в пустынном море,⁵⁸
И в мрачных пропастях земли.⁵⁹

Горьким ощущением резко изменившейся обстановки, утраты близких друзей и тяжелыми предчувствиями наполнено стихотворение, посвященное лицейской годовщине 1831 г.:⁶⁰

Чем чаще празднует лицей
Свою святую годовщину,
Тем робче старый круг друзей
В семью стесняется едину,
Тем реже он; тем праздник наш
В своем веселии мрачнее;
Тем глуше звон заздравных чаш,
И наши песни тем грустнее...

Шесть мест упраздненных стоят,
Шести друзей не узрим боле...⁶¹

И мнится, очередь за мной,
Зовет меня мой Дельви́г милый,
Товарищ юности живой,
Товарищ юности унылой,
Товарищ песен молодых,
Пиров и чистых помышлений,
Туда, в толпу теней родных
Навек от нас утекший гений.⁶²

Еще более мрачными настроениями овеяно последнее стихотворение Пушкина, посвященное лицейской годовщине 1836 г.⁶³

Фельдъегер взял меня за руку с угрозами и ругательством — я его не слышал. К. Кюхельбекеру сделалось дурно. Жандармы дали ему воды, посадили в тележку и ускакали. — Я поехал в свою сторону. На следующей станции узнал я, что их везут из Шлиссельбурга — но куда же?» (XII, 307).

⁵⁶ Впервые напечатано, по-видимому, без ведома Пушкина Воейковым в «Славянине» (1830, т. 15, № XIII).

⁵⁷ Дипломат С. Г. Ломоносов.

⁵⁸ Моряк Ф. Ф. Матюшкин.

⁵⁹ Декабристы И. И. Пущин и В. К. Кюхельбекер.

⁶⁰ При жизни Пушкина не печаталось.

⁶¹ Н. Г. Ржевский (1817), Н. А. Корсаков (1820), К. Д. Костенский, С. С. Есаков, П. Ф. Саврасов, А. А. Дельви́г (1831). Пушкин не был осведомлен о смерти С. Ф. Брогайо.

⁶² 21 января 1831 г. Пушкин писал Плетневу в связи со смертью Дельви́га: «Грустно, тоска. Вот первая смерть мною оплаканная... никто на свете не был мне ближе Дельви́га. Изво всех связей детства он один оставался на виду... Без него мы точно осиротели» (XIV, 147).

⁶³ При жизни Пушкина не печаталось.

Празднование происходило на квартире «лицейского старосты» М. Л. Яковлева. Присутствовали все 11 бывших лицейств первого выпуска, оказавшихся в то время в Петербурге.⁶⁴ По расказу одного из них, Пушкин «извинился перед товарищами, что прочтет им пьесу, не вполне доделанную, развернул лист бумаги, помолчал немного и только что начал, при всеобщей тишине, свою удивительную строфу:

Была пора: наш праздник молодой
Сиял, шумел и розами венчался,

как слезы покатались из глаз его. Он положил бумагу на стол и отошел в угол комнаты на диван».⁶⁵

Стихотворение начинается изумительно ярким противопоставлением двух периодов в жизни России — периода надежд и периода разочарований:

Теперь не то: разгульный праздник наш .
С приходом лет, как мы, перебесился,
Он присмирел, утих, остепенился,
Стал глуше звон его заздравных чаш;
Меж нами речь не так игриво льется.
Просторнее, грустнее мы сидим,
И реже смех средь песен раздается,
И чаще мы вздыхаем и молчим.

Пушкин дает ярчайшую характеристику крупнейших общественно-политических событий, потрясавших мир за все это время:

Припомните, о други, с той поры,
Когда наш круг судьбы соединили,
Чему, чему свидетели мы были!
Игралища таинственной игры,
Метались смущенные народы;
И высились и падали цари;
И кровь людей то Славы, то Свободы,
То Гордости багрила алтари.

Стихотворение обрывается неполной строкой о восстании 14 декабря 1825 г.:

И новый царь, суровый и могучий,
На рубеже Европы бодро стал,
[И над землей] сошлись новы тучи,
И ураган их

⁶⁴ П. Юдин, П. Мясоедов, П. Гревениц, М. Яковлев, А. Мартынов, М. Корф, А. Пушкин, А. Илличевский, С. Комовский, Ф. Стевен, К. Данзас.

⁶⁵ П. В. Анненков. Материалы, стр. 417.

Действительно, тот образ поэта, видящего почти оскорбление для себя в приравнивании результатов его поэтического вдохновения к продаваемому товару, какой нарисован Пушкиным в нарочито сгущенных тонах:

Блажен, кто молча был поэт
И, терном славы не увитый,
Презренной чернью забытый,
Без имени покинул свет! —

объективно соответствует образу романтика Ленского и тому авторскому образу своего раннего «романтического» периода, какой нарисован Пушкиным в «Отрывках из путешествия Онегина». Поэтому переведенный в регистр нарочито делового, к тому же прозаического, языка ответ поэта на предложение книгопродавца продать ему рукопись новой поэмы объективно равнозначен пушкинскому утверждению нового отношения к жизни, даже в самых прозаических ее аспектах, какой содержится в тех же «Отрывках из путешествия Онегина»:

Иные нужны мне картины:
Люблю песчаный косогор,
Перед избушкой две рябины. . .

«Разговор» написан в шутовском тоне, но включает моменты глубоко личных переживаний Пушкина и некоторыми своими сторонами связан с предшествовавшей пушкинской лирикой.

Поэтическое достоинство «Разговора», несмотря на его вызывающий тон в отношении некоторых общепринятых положений и даже отдельных личностей,⁶⁸ было сразу же признано. «Читал Онегина и Разговор, служащий ему предисловием: несравненно! — писал Пушкину Жуковский. — По данному мне полномочию предлагаю тебе первое место на русском Парнассе» (XIII, 120).

Одним из вершинных моментов не только пушкинской лирики михайловского периода, но и его лирики в целом является цикл «Подражания Корану» (1824).⁶⁹ Слово «подражания» здесь всецело условно. Перелагая в стихи некоторые суры Корана,⁷⁰ Пушкин не стремился к точности воспроизведения содержания и сло-

⁶⁸ Например, издателя «Дамского журнала» князя Шаликова в строке, в первопечатном тексте читавшейся так:

Пускай их <т. е. женщин> Шаликов поет. . .

⁶⁹ Впервые напечатано в «Стихотворениях Александра Пушкина» (1826).

⁷⁰ В русском переводе М. Веревкина (1790). См.: К. С. Кашталева. «Подражания Корану» Пушкина и их первоисточник. Записки Коллегии востоковедения АН СССР (Mémoires du Comité des Orientalistes), т. V, 1930, стр. 243—270.

весной структуры оригинала, часто далеко отходя от него и используя его лишь как средство воспроизведения собственных мыслей и переживаний.

Тем не менее глубочайшее проникновение Пушкина не только в характер восточной поэзии, но и в самый дух исламизма вообще привело к тому, что пушкинские «Подражания», порой почти неузнаваемо трансформируя подлинник, несравненно ближе к нему по духу воспроизведения самых характерных черт народов, создавших его, чем многие, даже самые точные переводы.⁷¹

«Подражания Корану» создавались в самые тяжелые месяцы михайловской ссылки (сентябрь—ноябрь 1824 г.), когда серьезная ссора с отцом⁷² привела к тому, что Пушкин почти все свое время проводил в Тригоровском, где и писались «Подражания», посвященные в связи с этим владелице имения П. А. Осиповой и сохранившие явные следы всей этой ситуации:

Нет, не покинул я тебя.
Кого же в сень успокоенья
Я ввел, главу его любя,
И скрыл от зоркого гоненья?⁷³

Конец этого стихотворения также несомненно автобиографичен⁷⁴ и во многом подготавливает почву для последующего «Пророка»:

Не я ль в день жажды напоил
Тебя пустынными водами?
Не я ль язык твой одарил
Могучей властью над умами?⁷⁵
Мужайся ж, презирай обман,
Стезю правды бодро следуй,

⁷¹ О «Подражаниях Корану» см.: Н. И. Черняев. «Пророк» Пушкина в связи с его же «Подражаниями Корану». М., 1898; Н. Ф. Сумцов. Исследования о поэзии А. С. Пушкина. Харьков, 1900, стр. 5—27; Н. О. Лернер. «Подражания Корану» (Пушкин, Полное собрание сочинений, т. III, под ред. С. А. Венгерова, 1909, стр. 536—544); В. В. Виноградов. Стиль Пушкина, стр. 493—495; Г. А. Гуковский. Очерки по истории русского реализма, ч. 1. Пушкин и русские романтики. Саратов, 1946, стр. 241—244; А. Слонимский. Мастерство Пушкина, стр. 139—143; Б. Томашевский. Пушкин. Книга вторая, стр. 18—45.

⁷² См. письмо Пушкина к псковскому губернатору барону Б. А. Адеркасу от конца октября и В. А. Жуковскому от 31 октября 1824 г.

⁷³ «Сень успокоенья», которая скрыла человека «от зоркого гоненья» — моменты явно биографического характера. Мотив «гоненья» в оригинале отсутствует.

⁷⁴ Мотив «власти над умами» в оригинале отсутствует.

⁷⁵ Пушкин имел все основания писать А. Х. Бенкендорфу в 1830 г.: «Могу сказать, что в последнее пятилетие царствования покойного государя я имел на все сословие литераторов гораздо более влияния, чем министерство, несмотря на неизмеримое неравенство средств» (XIV, 280).

Люби сирот, и мой Коран
Дрожащей твари проповедауй.⁷⁶

Поразительна сила изображения бесславного поединка могучего гения тьмы с богом и победа последнего в IV «Подражании»:

С тобою древле, о всеильный,
Могучий состязаться мнил,
Безумной гордостью обильный,
Но ты, господь, его смирил.
Ты рек: я миру жизнь дарую,
Я смертью землю наказую,
На все подъята длань моя
Я также, рек он, жизнь дарую,
И также смертью наказую:
С тобою, боже, равен я.
Но смолкла похвальба порока
От слова гнева твоего:
Подъемлю солнце я с востока,
С заката подыми его!

Обобщающая мощь этих строк настолько велика, что при восприятии их совершенно пропадают какие бы то ни было религиозные ассоциации, тем более связанные с исламом, уступая место представлению о непрестанной борьбе света с тьмой и неизбежной победе первого, знаменующей торжество человеческого разума над темными силами жизни, как об этом сказано в «Вакхической песне».

Пафос огромного обобщения, составляющий смысловую и стилистическую основу этого цикла, имеет очень мало общего с элементарным методом применений и иносказаний. Поэтому представляется спорным толкование отдельных стихотворений данного цикла в качестве зашифрованных иносказаний политического характера, например объяснение VI «Подражания» как пересказа соответствующих мест Корана, которому «придан такой характер, чтобы его можно было понять, как изображение будущей победы единомышленников поэта».⁷⁷

Вряд ли Пушкин, так еще недавно тяжело переживший крушение надежд на победу революции, что отразилось в таких стихо-

⁷⁶ Ср. в «Пророке» (1826):

И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей.

⁷⁷ А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений в 10 томах, т. II, 1956, стр. 422; см. также: Собрание сочинений в 10 томах, т. 2, ГИХЛ, 1959, стр. 671.

творениях, как «Кто, волны, вас остановил», «Свободы сеятель пустынный», «Телега жизни», «Недвижный страж дремал на царственном пороге», мог в конце 1824 г. думать даже в самой общей форме о будущей победе декабристов, когда вопрос о выступлении не ставился в повестку дня даже и руководителями движения.

Это отнюдь не говорит об отсутствии в лирике Пушкина михайловского периода мотивов общественного характера. Эти мотивы находили свое выражение в очень сложном и противоречивом аспекте, будучи преломленными сквозь призму настроений и переживаний данного периода. Ярким примером является стихотворение «Андрей Шенье» (май—июнь 1829 г.).⁷⁸

Андрей Шенье, который, как писал Пушкин, «погиб жертвою»⁷⁹ французской революции» (XI, 35), был в антиякобинском лагере и этим был близок Пушкину.⁸⁰ Соответствие в оценках событий Французской революции обоими поэтами ясно ощущается в примечании Пушкина к строке «Совет правителей бесславных»: «Chénier avait mérité la haine des factieux. Il avait célébré Charlotte Corday, flétri Collot d'Herbois, attaque Robespierre» (II, 402). («Шенье заслужил ненависть мятежников. Он прославлял Шарлотту Кордэ, клеймил Колло д'Эрбуа, нападал на Робеспьера»). В соответствии с этим «пламенный трибун», о котором говорит Шенье в предсмертном стихотворении, вложенном Пушкиным в его уста:

И пламенный трибун предрек, восторга полный,
Перерождение земли, —

является никем иным, как Мирабо,⁸¹ а слова Шенье о кинжале и деве-Эвмениде —

... ты славил Немезиду;
Ты пел Маратовым жрецам
Кинжал и деву-Эвмениду! —⁸²

⁷⁸ Впервые напечатано в «Стихотворениях Александра Пушкина» (1826) с исключением, по цензурным условиям, стихов 21—64-го и 150-го.

⁷⁹ Вариант: одной из благороднейших жертв.

⁸⁰ Об отношении Пушкина к А. Шенье см.: Б. Томашевский. Пушкин. Книга вторая, стр. 65—73.

⁸¹ Вариант:

И дивный Мир (або) предрек, надежды полный,
Освобождение земли
(II, 939).

⁸² Шарлотту Кордэ.

в точности совпадают с соответствующими строками пушкинского «Кинжала»:

Апостол гибели⁸³ усталому Аиду
Перстом он жертвы назначал
Но вышний суд ему послал
Тебя⁸⁴ и дему Эвмениду.

Однако дело не столько в этих соответствиях, сколько в том, что, работая над стихотворением, Пушкин в изображаемые им картины Французской революции привносил свои думы о русской действительности, а говоря о судьбе самого Шенье, невольно проводил параллели и со своей собственной судьбой. Поэтому стихотворение приобретало автобиографический характер, и, посылая его Вяземскому в июле 1825 г., Пушкин имел основание написать: «Читал ты моего А. Шенье в темнице? Суди о нем, как езуит — по намерению» (XIII, 188).

Действительно, такие стихи, как:

Куда, куда завлек меня враждебный гений?
Рожденный для любви, для мирных искушений,
Зачем я покидал безвестной жизни тень,
Свободу, и друзей, и сладостную лень? —

могли относиться, как к Шенье, так и к самому Пушкину, и находили прямое соответствие в творчестве последнего. Так, еще в 1823 г. в I главе романа в стихах Пушкин писал:

Я был рожден для жизни мирной,
Для деревенской тишины:
В глуши звучнее голос лирный,
Живее творческие сны.

Строка же:

Мой проклиная век, утраченный в пирах —

через три года будет почти текстуально воспроизведена в отброшенном продолжении «Воспоминания»:

Я вижу в праздности, в неистовых пирах,
В безумстве гибельной свободы,
В неволе, бедности, в гоненьи <?> [и] в степях
Мои утраченные [годы]
(III₂, 651).

В то же время — и здесь особенно явственно сказывается противоречивость пушкинских переживаний данного периода — несом-

⁸³ Марат.

⁸⁴ Кинжал.

ненно близкими самому Пушкину являются и слова совершенно противоположного звучания, вложенные в уста Шенье:

О, нет!
Умолкни, ропот малодушный!
Гордись и радуйся, поэт:
Ты не поник главой послушной
Перед позором наших лет...

И уже совсем в личном — пушкинском — плане звучало вложенное в уста Шенье гневное восклицание по адресу Робеспьера, которое в условиях пушкинской современности легко могло быть переадресовано и Александру I:

Гордись, гордись, певец; а ты, свирепый зверь,
Моей главой играй теперь:
Она в твоих когтях. Но слушай, знай, безбожный:
Мой крик, мой ярый смех преследует тебя!
Пей нашу кровь, живи, губя:
Ты все пигмей, пигмей ничтожный.
И час придет... и он уж недалек:
Падешь, тиран! Негодованье
Воспрянет наконец. Отечества рыданье
Разбудит утомленный рок.

Что это действительно так, свидетельствует письмо Пушкина П. А. Плетневу от 4—6 декабря 1825 г., написанное по получении известия о смерти Александра I: «Душа! я пророк, ей-богу пророк! Я Андрея Шенье велю напечатать церковными буквами во имя отца и сына etc». (XIII, 249).

Стихотворение с цензурными сокращениями появилось в печати после разгрома декабристского движения. Однако не пропущенные цензурой места широко распространились в рукописных списках под заголовком «На 14 декабря». Прямое соответствие с недавними событиями видели в следующих стихах:

Я зрел твоих сынов гражданскую отвагу,
Я слышал братский их обет,
Великодушную присягу
И самовластную бестрепетный ответ, —

и особенно:

О горе! о безумный сон!
Где вольность и закон? Над нами
Единый властвует топор.
Мы свергнули царей. Убийцу с палачами
Избрали мы в цари. О ужас! о позор!

Возможность применений к недавним событиям заключали и следующие строки пропущенного цензурой текста:

Оплачьте, милье, мой жребий в тишине;
Страхитесь возбудить слезами подозренье;
В наш век, вы знаете, и слезы преступленье:
О брате сожалеть не смеет ныне брат.

В этих стихах могли усматривать намеки на реальную последекабрьскую действительность. «Не было почти ни одной аристократической семьи, — писал Герцен об этом времени, — которая не имела бы близких родственников в числе сосланных, и почти ни одна не осмелилась надеть траур или выказать свою скорбь».⁸⁵

Против Пушкина было возбуждено судебное дело по обвинению его в распространении стихотворения, посвященного недавнему восстанию. Следствие длилось весь 1827 г. В своих неоднократных письменных показаниях Пушкин подробно осветил всю фактическую сторону стихотворения:

«Сии стихи действительно сочинены мною. Они были написаны гораздо прежде последних мятежей и помещены в Элегии *Андрей Шенье*, напечатанной с пропусками в собрании моих Стихотворений.

«Они явно относятся к Французской революции, коей А. Шенье погиб жертвою. Он говорит:

Я славил твой небесный гром,
Когда он разметал поворную твердыню

«Взятие Бастилии, воспетое Андреем Шенье.

Я слышал братский их обет,
Великодушную присягу
И самовластия бестрепетный ответ —

«Присяга du jeu de raume,⁸⁶ и ответ Мирабо: *allez dire à votre maitre etc.*⁸⁷

И пламенный трибун и проч.

«Он же, Мирабо.

Уже в бессмертный Пантеон
Святых изгнанников входили славны тени

«Перенесение тел Вольтера и Руссо в Пантеон.

Мы свергнули царей — — —

в 1793.

Убийцу с палачами
Избрали мы в цари

Робеспьера и конвент.

«Все сии стихи никак, без явной бессмыслицы, не могут относиться к 14 декабря».⁸⁸

⁸⁵ А. И. Герцен, т. VII, 1956, стр. 84 и 214. Оригинал на французском языке.

⁸⁶ Перевод: В зале для игры в мяч (франц.).

⁸⁷ Перевод: Идите и скажите вашему господину (франц.).

⁸⁸ Рукою Пушкина. М., 1935, стр. 745—746; см. также дополнительные показания Пушкина (там же, стр. 746—748).

VII

Длительное время после катастрофы 14 декабря 1825 г. Пушкин совсем не писал лирических стихотворений. Вся стихия лиризма, составлявшая сущность его поэтического творчества, переключалась в образы «Евгения Онегина», над которым Пушкин продолжал работать в то время.

События последнего времени и тяжелые переживания, связанные с ними, явственно и решительно изменяли окраску всего повествования романа. С V главы в романе начинают сгущаться тени. Пророческий сон Татьяны, полный мрачных предчувствий («... страшно тени / Сгустились...» — гл. V, строфа XXI), убийство Ленского («Дохнула буря, цвет прекрасный / Увял на утренней заре, / Потух огонь на алтаре!..» — гл. VI, строфа XXXI) и как венец всего этого — прощание с молодостью и ощущение начала какого-то нового периода жизни (гл. VI, строфа XLV):

Так, полдень мой настал, и нужно
Мне в том сознаться, вижу я.
Но так и быть: простимся дружно,
О юность легкая моя!..

Довольно! С ясной душой
Пускаюсь ныне в новый путь
От жизни прошлой отдохнуть.

Первое написанное Пушкиным после длительного перерыва значительное лирическое стихотворение — элегия «Под небом голубым страны своей родной» (июль 1826 г.)⁸⁹ — сочетает глубоко личные переживания с переживаниями, вызванными декабристской катастрофой.

Первый беловой автограф стихотворения имеет заглавие в виде даты — «29 июля 1826».⁹⁰ Самая значительная особенность этого автографа — имеющиеся под текстом пометы:

Усл. о см. 25
Усл. о с. Р. П. М. К. Б. 24. (III, 576).

Первая помета расшифровывалась до сих пор следующим образом: «Усл.<ышал> о см.<ерти А. Ризнич> 25 <июля>». В самое последнее время Т. Г. Цявловская предложила новое чтение: «Усл. о С. 25», что может означать и: «Усл.<ышал> о С<ибири> 25».⁹¹ Вторая помета расшифровывается так: «Усл.<ышал>

⁸⁹ Впервые напечатано в альманахе «Северные цветы на 1828 год».

⁹⁰ Во втором беловом автографе заглавие изменено: «Элегия».

⁹¹ А. С. Пушкин, Собрание сочинений в десяти томах, т. 2, 1959, стр. 688.

о с.<мерти> Р.<ылеева>, П.<естеля>, М.<уравьева>, К.<аховского>, Б.<естужева> 24 <июля>».⁹²

Неясность в чтении первой пометы в соотношении с элегией «Под небом голубым...» не так в данном случае существенна. По-видимому, Пушкин узнал о смерти А. Ризнич значительно раньше.⁹³ Существеннее то, что, зная об этой смерти, Пушкин выразил свое отношение к ней лишь под непосредственным впечатлением от известия о казни декабристов. Таким образом, и в этом случае в данной элегии мы имеем очень сложное переплетение глубоко личных переживаний Пушкина с его переживаниями общественного порядка.

VIII

13 июля 1826 г. состоялась казнь над пятерыми главарями восстания. Непосредственным откликом на это явилось создание знаменитого пушкинского «Пророка» (24 июля—3 сентября 1826 г.).⁹⁴

Образная система «Пророка» выростала из всей предшествовавшей пушкинской лирики михайловской ссылки и времени работы над «Подражаниями Корану». Уже в первом из стихотворений этого цикла намечена тема пророка, посланного для утверждения высшей истины:

Не я ль язык твой одарил
Могучей властью над умами?

Мужайся ж, презирай обман,
Стезю правды бодро следуй,
Люби сирот, и мой Коран
Дрожащей твари проповедуй.

Пушкинский образ пророка продолжал и развивал в новых последекабрьских условиях ту традицию иносказательных использований библейских мотивов, которая была намечена декабристской лирикой, где образ поэта-певца синонимически сближался с образом библейского пророка.⁹⁵ В стихотворении «Пророчество»

⁹² Декабристы были повешены 13 июля.

⁹³ Амалия Ризнич умерла в Италии в мае 1825 г. К середине июня известие о ее кончине дошло до Одессы. 5 июля 1825 г. датировано стихотворение В. И. Туманского «На кончину Р.*... Сонет (посв. А. С. Пушкину)»: Можно думать, что слова пушкинской элегии «Из равнодушных уст я слышал смерти весть» относятся именно к Туманскому и его сонету.

⁹⁴ Впервые напечатано в «Московском вестнике» (1828, № 3).

⁹⁵ См.: Г. А. Гукóвский. Очерки по истории русского реализма, часть 1, стр. 215—240.

(1822) В. Кюхельбекер писал:

На то ль тебе я пламень дал
И силу воздвигать народы?
Встань, певец, пророк свободы!
Вспрянь! возвести, что я вещал!⁹⁶

Мотив путника в пустыне был непосредственно связан с глубоко личными переживаниями Пушкина и также возникал на основе его работы над восточными образами Корана:

Не я ль в день жажды напоил
Тебя пустынными водами?

(I «Подражание Корану», 1824).

И путник усталый на бога роптал:
Он жаждой томился и тени алкал.
В пустыне блуждая три дня и три ночи...

(IX «Подражание Корану», 1824).

Оба эти мотива — томившегося жаждой путника в пустыне и пророка, одаренного могучей властью над умами, — уже намеченные в предшествовавшей пушкинской лирике, объединялись воедино в новом стихотворении, где путник, влачившийся в мрачной пустыне и томимый уже духовною жаждой, превращался в пророка, способного жечь сердца глаголом высшей правды. Дополнительные детали, характеризовавшие превращение путника в пророка, появились в связи с мотивами из книги библейского пророка Исаии.⁹⁷ Чтобы показать мастерство Пушкина в интерпретации этого материала, приведем с некоторыми сокращениями соответствующие места из шестой главы этой книги: «... видел я господя, сидящего на престоле высоком и превознесенном... Вокруг него стояли серафимы: у каждого из них по шести крыл... И сказал я: горе мне! Погиб я! ибо я человек с нечистыми устами... Тогда прилетел ко мне один из серафимов, и в руке у него горящий уголь, который он взял клещами с жертвенника, и коснулся уст моих и сказал: вот, это коснулось уст твоих, и беззаконие твое удалено от тебя... И услышал я голос господя, говорящего: кого мне послать? и кто пойдет для нас? И я сказал: вот я, пошли меня. И сказал он: „Пойди и скажи этому народу: слухом услы-

⁹⁶ В. К. Кюхельбекер, Избранные произведения, Библиотека поэта, Малая серия, изд. 3-е, 1959, стр. 123.

⁹⁷ Библия во французском переводе была у Пушкина в Михайловском. См. письма его к брату от 20-х чисел ноября и 4 декабря 1824 г. (Пушкин, Полное собрание сочинений, т. XIII, стр. 123 и 127).

шите — и не уразумеете, и очами смотреть будете — и не увидите» и т. д.⁹⁸

В лирике Пушкина этого времени «Пророк» занимает исключительно важное место.⁹⁹ В условиях наступившей гнетущей реакции он с огромной силой утверждал правоту дела казненных, продолжая линию, уже определившуюся в «Вакхической песне», и провозглашал верность идеалам декабристов, намечая путь к последующему «Ариону».

Будучи напечатанным, «Пророк» приобретал характер общественной декларации, с которой Пушкин входил в новую — последекабрьскую — действительность:

«Встань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моею,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей».

Новая действительность оказывалась несравненно более сложной, чем это представлялось ранее. Поражение декабристов не поколебало веры Пушкина в конечное торжество их целей и не изменило его отношения к самодержавию. Однако Пушкину, как и многим из его современников, казалось, что суровый урок, данный самодержавию декабристами, будет в какой-то мере учтен новым царем. Соответствующие мысли Пушкин и развил в заказанной ему записке «О народном воспитании» (1826).

Показательно, что в этой записке Пушкин даже не счел нужным скрыть свое истинное отношение к событиям 14 декабря. «Вероятно, — писал он, — братья, друзья, товарищи погибших успокоятся временем и размышлением, поймут необходимость и простят оной в душе своей» (XI, 43). Нельзя понять последнюю фразу иначе, как утверждение справедливости дела декабристов, с одной стороны, и признание исторической неизбежности поражения их в связи с ограниченностью средств и несвоевременностью выступления — с другой.

Последекабрьская действительность выдвигала ряд совершенно новых задач и приводила к известному смещению плоскостей не-

⁹⁸ Библия, или книги священного писания Ветхого и Нового завета в русском переводе с параллельными местами. Изд. 5-е, СПб., 1900, стр. 848. Мы дали текст Библии не на церковнославянском, а на русском языке, как более близкий французскому изданию.

⁹⁹ См.: Н. И. Чернышев. «Пророк» Пушкина в связи с его же «Подражаниями Корану», стр. 17 и сл.; Н. Ф. Сумцов. А. С. Пушкин. Исследования о поэзии А. С. Пушкина, стр. 5—27; Н. О. Лернер. «Пророк» (Пушкин, Полное собрание сочинений, т. IV, под ред. С. А. Венгерова, 1900, стр. I—VIII); Валерий Брюсов. Мой Пушкин. М.—Л., 1929, стр. 279—297; Н. А. Степанов. Лирика Пушкина, стр. 347—365, и др.

которых прежних общественно-исторических представлений. Целый комплекс важнейших проблем, выдвигавшихся современностью, начинал ассоциироваться в сознании передовых людей того времени с личностью Петра I как монарха-преобразователя.

Для дворянских революционеров последекабрьского периода проблема Петра I была важна как проблема возможности революционных преобразований, осуществляемых непосредственно самодержавной властью. Эта проблема стала особенно актуальной в первые годы после разгрома декабристов. Отдал ей дань и Пушкин.

Ему казалось, что новый царь ждет от него — поэта — иных речей, чем от «лукавого льстеца», который

... скажет: презирай народ,
Гнет природы голос нежный,
... скажет: просвещенья плод —
Разврат и некий дух мятежный!

(«Друзьям», 1828).

Так создавалась почва, на которой выростал ряд стихотворений Пушкина с политической окраской.

Первым стихотворением в этом ряду стоят «Стансы» (22 декабря 1826 г.).¹⁰⁰

Стихотворение начинается многозначительной исторической параллелью между началом царствования Николая I, переступившего на пути к престолу через кровь декабристов, и «началом славных дней Петра», также омраченных мятежами и казнями. Эта аналогия в свете последующих заслуг Петра перед Россией приводит к историческому оптимизму и в отношении перспектив нового царствования:

В надежде славы и добра
Гляжу вперед я без боязни

По своей основной направленности «Стансы», являясь политической программой нового царствования, как бы развертываемой поэтом перед новым царем, полностью соответствуют кругу проблем, положенных в основу записки «О народном воспитании». Сознательно¹⁰¹ привнеся прямо противоположное содержание в реакционную формулу о просвещении высочайшего манифеста от 13 июля 1826 г. («Не просвещению, но праздности ума, более

¹⁰⁰ Впервые напечатано в «Московском вестнике» (1828, № 1).

¹⁰¹ «Я был в затруднении, — рассказывал впоследствии Пушкин А. Н. Вульф, — когда Николай спросил мое мнение о сем предмете Мне бы легко было написать то, чего хотели, но не надобно же пропускать такого случая, чтоб сделать добро» (Л. Майков в Пушкин, стр. 177).

вредной чем праздность телесных сил, недостатку твердых познаний должно приписать сие своеволие мыслей, источник буйных страстей, сию пагубную роскошь полупознаний, сей порыв в мечтательные крайности, коих начало есть порча нравов, а конец — погибель»), Пушкин писал в этой записке: «Скажем более: одно просвещение в состоянии удержать новые безумства, новые общественные бедствия» (XI, 44). В соответствии с этим в «Стансах» утверждается прямая апология просвещения как общественно-политической основы нового царствования, подкрепленная высоким авторитетом Петра:

Самодержавною рукою
Он смело сеял просвещение.

«Стансы» заканчиваются советом Николаю быть, подобно своему великому пращуру, незлобным памятью, т. е. освободить сосланных в Сибирь декабристов.

До какой степени смелым в создававшейся после 14 декабря обстановке было пушкинское утверждение о просвещении, как единственно разумной основе нового царствования, свидетельствует письмо Бенкендорфа к Пушкину от 23 декабря 1826 г., где Бенкендорф, имея в виду пушкинскую записку «О народном воспитании», писал: «... принятое Вами правило, будто бы просвещение и гений служат исключительным основанием совершенства, есть правило опасное для общего спокойствия, завлекшее Вас самих на край пропасти и повергшее в оную толикое число молодых людей» (XIII, 315).

На это письмо Пушкин отозвался в конце 1827 г.—начале 1828 г. в неожиданном контексте стихотворения «Друзьям», где в строфе, передающей советы «лукавого льстеца» царю, почти дословно изложено содержание приведенного в письме Бенкендорфа отзыва о вреде просвещения:

Он скажет: просвещенья плод —
Разврат и некий дух мятежный!

Стихотворение «Друзьям»,¹⁰² отражавшее тогдашние иллюзии Пушкина в отношении личности нового царя, было вызвано превратным толкованием со стороны даже близких Пушкину современников его «Стансов» как откровенно льстивого стихотворения. Не понял это выступление Пушкина и П. А. Катенин, упрекнув-

¹⁰² При жизни Пушкина не печаталось. 5 марта 1828 г. Бенкендорф писал Пушкину: «Что же касается до стихотворения Вашего, под заглавием: „Друзьям“, то его величество совершенно доволен им, но не желает, чтобы оно было напечатано» (XIV, 6).

ший поэта в своей стихотворной повести «Старая быль» и сопровождавшем ее послании к Пушкину чуть ли не в измене прежним идеалам. На эти упреки Пушкин отозвался своим «Ответом Катенину» (1828).¹⁰³

Для понимания всей сложности общественно-политических позиций Пушкина этого времени исключительно важно стихотворение «Герой» (1830),¹⁰⁴ вызывавшее на всем протяжении от его опубликования и до наших дней столь противоречивое отношение к себе и как следует не осмысленное и до настоящего времени. Посылая его М. П. Погодину из Болдина для напечатания, Пушкин поставил строжайшее условие сохранения полной тайны его авторства. Пушкин писал: «Напечатайте, где хотите, хоть в Ведомостях¹⁰⁵ — но прошу вас и требую именем нашей дружбы не объявлять никому моего имени. Если московская цензура не пропустит ее,¹⁰⁶ то перешлите Дельвигу, но так же без моего имени и не моей рукой переписанную» (XIV, 121—122).

Погодин свято выполнил волю поэта. Стихотворение было напечатано в «Телескопе» без подписи и никогда, нигде и никем до смерти Пушкина не связывалось с его именем. Тайну авторства Пушкина Погодин раскрыл лишь после смерти поэта в связи с подготовкой первого посмертного издания его сочинений. В марте 1837 г. он писал Вяземскому: «Вот вам еще стихотворение, которое Пушкин прислал мне в 1830 году из Нижегородской деревни, во время холеры. Кажется, никто не знает, что оно принадлежит ему. Судя по некоторым обстоятельствам... очень кстати перепечатать его теперь в Современнике.¹⁰⁷ В этом стихотворении самая тонкая и великая похвала нашему славному царю. Клеветники увидят, какие чувства питал к нему Пушкин, не хотевший, однако ж, продраться со льстецами».¹⁰⁸

Дата, выставленная в печати под стихотворением — «29 сентября 1830. Москва», — не имеет отношения ко времени его написания. Это день приезда Николая I в охваченную холерной эпидемией Москву. Именно в связи с этим и проведена в пушкинском стихотворении аналогия с посещением Наполеоном в 1799 г. чумного госпиталя.

¹⁰³ Впервые напечатано в альманахе «Северные цветы на 1829 год».

¹⁰⁴ Впервые напечатано без подписи в «Телескопе» (1831, № 1).

¹⁰⁵ Т. е. в «Московских ведомостях».

¹⁰⁶ «Апокалипсическую песнь», как в этом письме Пушкин назвал стихотворение «Герой».

¹⁰⁷ За подписью Пушкина стихотворение впервые было напечатано в «Современнике» (1837, № 1).

¹⁰⁸ Сочинения Пушкина, т. II, под ред. П. О. Морозова, изд. «Просвещение», 1903, стр. 498.

Приведенное суждение Погодина о «Герое» решительным образом сказалось на характере последующих попыток интерпретации стихотворения. По большей части истолкование его вплоть до самых последних изданий ограничивалось кратким комментарием без серьезных попыток проникнуть в замысел поэта.

Попробуем подойти к решению проблемы, исходя из самого текста стихотворения. О Николае I и его приезде в Москву в стихотворении не говорится ни слова. Единственным моментом, намекающим на связь стихотворения с этим событием, является выставленная в конце его дата.

Если отбросить дату, стихотворение целиком будет посвящено только Наполеону. На вопрос Друга, что́ из всех сторон личности Наполеона и всех этапов его деятельности наиболее всего поражает ум, Поэт приводит посещение Наполеоном чумного госпиталя:

... Небесами
Клянусь: кто жизньнюю своей
Играл пред сумрачным недугом,
Чтоб ободрить угасший взор,
Клянусь, тот будет небу другом,
Каков бы ни был приговор
Земли слепой...

Это и вызывает приведенную Другом и подкрепленную в стихотворении точной ссылкой на источник (*Mémoires de Bourrienne*) серьезную историческую поправку, заключающуюся в том, что подобное представление о Наполеоне не соответствует истине, что такого случая в действительности не было, что он просто выдуман.

На эту апелляцию к исторической правде Поэт и обрушивает в стихотворении свое негодование:

Да будет проклят правды свет,
Когда посредственности хладной,
Завистливой, к соблазну жадной,
Он угрождает праздно! — Нет!
Тьмы низких истин мне дороже
Нас возвышающий обман...
Оставь герою сердце! Что же
Он будет без него? Тиран...

Попробуем разобраться в существе возражений Поэта и выдвинутой им концепции, состоящей в том, что обман, если только он морально возвышает человека, поднимает и укрепляет его дух, то в таком случае он выше, чище и дороже истины.

Основной, бесспорный вывод из всего этого заключается в том, что Поэт не отрицает существа поправки Друга, он только негодует, что истина была все же обнаружена, так как она уничтожила обаяние легенды и сняла ореол с главы героя. Лишенный легенды,

овевающей его имя, и без ореола вокруг главы герой превращается в простого тирана. Поэтому требование Поэта оставить герою сердце имеет только один смысл: оставить в неприкосновенности легенду, не разрушать ее.

Дата, проставленная в конце, переводит стихотворение в другой план, она совмещает плоскости Наполеона и Николая и тем самым утверждает полную идентичность аналогичных ситуаций и необходимость одинаковой оценки их.

Смысл всего этого и существо замысла Пушкина в какой-то мере проясняются в свете той шумихи, какая была поднята официозной — да и не только официозной — печатью вокруг этого жеста Николая, всецело рассчитанного на внешний эффект.

Даже в «Литературной газете» (№ 58 от 13 октября 1830 г.) были напечатаны анонимные стихи под названием «Утешитель»:

Москва уныла: смерти страх
Престольный град опустошает:
Но кто в нее, взвивая прах,
На встречу ужаса влетает?
Петров потомок, *царь*, как он
Бесстрашный духом, скорбный сердцем,
Летит, услыша Русских стон,
Венчатся душ их *самодержцем*.

Вместо подписи под стихотворением было проставлено «Москва». Стихотворение ввело в заблуждение Третье отделение именно потому, что оно появилось в «Литературной газете». На следующий день М. Я. фон Фок уже сообщал Бенкендорфу: «В „Литературной Газете“ было напечатано прелестное четверостишие <1> на императора, должно быть — Пушкина или Баратынского. Оно подписано: Москва, но что замечательно, — эти стихи являются первою похвалою, которую сие общество молодых людей напечатало в знак внимания к императору».¹⁰⁹

Знал Пушкин, отрезанный в Болдине от окружающего мира, или не знал об этой публикации в «Литературной газете», в данном случае не так существенно. Существенно то, что своим стихотворением и проведенной в ней аналогией он дал всей ситуации соответствующую исторической правде оценку.

В то же время стихотворение «Герой» продолжало линию, намеченную «Стансами», состоявшую в напоминании облеченному безграничной властью над людьми монарху, что у него такое же, как и у всех, человеческое сердце, способное предохранять его от

¹⁰⁹ Б. Л. Модзалевский. Пушкин под тайным надзором. Изд. 3-е, 1925, стр. 99—100. (Оригинал на франц. языке). См. также: Пушкин. Письма, т. II, ред. Б. Л. Модзалевского, 1928, стр. 480.

несправедливых действий. В «Стансах» это выражено последней строфой, призывавшей нового царя быть незлобным памятью, с намеком на необходимость облегчения судьбы сосланных в Сибирь декабристов. В «Герое» то же самое выражено последними словами Поэта:

Оставь герою сердца! Что же
Он будет без него? Тиран...

и заключительной репликой Друга, оборванной многозначительным многоточием:

Утешься...

Через несколько дней после создания стихотворения Пушкин писал Вяземскому: «Каков государь? молодец! того и гляди, что наших каторжников простит — дай бог ему здоровье» (XIV, 122).

Стихотворение «Герой» органически выросло из всего комплекса настроений и переживаний Пушкина данного периода. Об этом говорят и соотношения данного стихотворения с создававшимися в то же время X главой «Евгения Онегина», откуда в несколько измененном виде в стихотворение перенесено четверостишие о Наполеоне:

Все он, все он — пришлец сей бранный,
Пред кем смирился цари,
Сей ратник, вольностью венчанный,
Исчезнувший, как тень зари.¹¹⁰

а также и отдельная строка о нем же:

Сев, мучим казнию покоя.¹¹¹

— и «Пиром во время чумы»:

Клейменный мощною чумою,
Царицею болезней...¹¹²

Истинное отношение Пушкина ко всей этой ситуации становится очевидным при сопоставлении «Героя» с «Пиром во время

¹¹⁰ Ср. в X главе «Евгения Онегина»:

Сей муж судьбы, сей странник бранный,
Пред кем унизились цари,
Сей всадник, Папою венчанный,
Исчезнувший, как тень зари.

¹¹¹ Ср. там же:

Измучен казнию покоя.

¹¹² Ср. в «Пире во время чумы»:

Царица грозная, Чума
Теперь идет на нас сама...

чумы», где подлинно мужественное равнодушие к опасности облекалось в формы исключительно большой обобщенности, приобретавшей все черты характеристики мрачной эпохи и бесстрашного презрения к ее враждебным силам:

Есть упоение в бою,
И бездны мрачной на краю,
И в разъяренном океане,
Средь грозных волн и бурной тьмы
И в аравийском урагане,
И в дуновении Чумы...

В последний раз Пушкин напомнил царю, что он может быть не только тираном, но и человеком с сердцем, подобно его пращуру, в десятую годовщину восстания декабристов, открывая первый номер нового своего журнала «Современник» знаменательным стихотворением «Пир Петра Первого» (1835).¹¹³

IX

Весь 1827 г. в лирике Пушкина прошел под знаком памяти о сосланных в Сибирь декабристах. Этот год начинался стихотворением «Во глубине сибирских руд».¹¹⁴

Безошибочное чувство истории позволило Пушкину дать поразительно верную оценку исторического значения всего декабристского движения в целом:

Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье.

Стихотворение напоминало узникам о том, что они не одиноки, что у них есть множество друзей, которые радостно их встретят, когда рухнут темницы:

И братья меч вам отдадут.

Среди сосланных были ближайшие друзья Пушкина по лицу — И. И. Пущин и В. К. Кюхельбекер. Мысль о лицейской дружбе начинала переплетаться с мыслью о судьбе сосланных декабристов.

С этого времени в пушкинской лирике начинает создаваться устойчивый образ соратника декабристов, избегнувшего гибели и сохраняющего верность движению. В лирике Пушкина происходит знаменательное сочетание личного и общественного начал — пере-

¹¹³ См. стр. 426—427 настоящей работы.

¹¹⁴ При жизни Пушкина не печаталось.

плетение в единое целое лиризма верности лицейскому братству и лиризма изгнания друзей-декабристов.

Слова «Гимна на окончание Лицея» Дельвига о гордом терпенье через десять лет были повторены Пушкиным в обращении ко всем декабристам:

Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье...

В условиях жестокой последекабрьской реакции, когда порицание участников восстания становилось необходимым признаком политической лояльности, мужество Пушкина в открытом утверждении своей связи с сосланными в Сибирь декабристами было поразительно. В этом отношении Пушкин был почти одинок в своей среде. Так, например, П. А. Вяземский писал ему в июне 1826 г. в связи со смертью Н. М. Карамзина: «хотя ты и шалун и грешил иногда эпиграммами против Карамзина, чтобы сорвать улыбку с некоторых сорванцов и подлецов, но без сомнения ты оплакал его смерть сердцем и умом» (XIII, 284). На это Пушкин отвечал ему с изумительной прямотой: «Кого ты называешь сорванцами и подлецами? Ах, милый... слышишь обвинение, не слыша оправдания, и решишь: это Шемякин суд! Есть ли уж Вяземский etc, так что-же прочие? Грустно, брат, так грустно, что хоть сей час в петлю» (XIII, 286).

О своей кровной духовной связи с декабристами и со всем движением в целом Пушкин так прямо и открыто, как это только можно было сделать в цензурных условиях, заявил в стихотворении «Арион» (16 июля 1827 г.), написанном на третий день после первой годовщины казни над декабристами¹¹⁵ и опубликованном в 1830 г. без подписи в № 43 только что созданного в этом году органа Пушкина и его друзей — «Литературной газеты».

В основу этого стихотворения Пушкин положил известный античный миф о древнегреческом поэте и певце Арионе, обладавшем столь высоким искусством пения и игры на лире, что когда, спасаясь от посягавших на его жизнь корабельщиков, он бросился в море, то подплывший дельфин принял его на свою спину и вынес невредимым на берег.¹¹⁶

Пушкин решительным образом изменил ситуацию античной легенды. Пушкинский певец на челне окружен друзьями, а не вра-

¹¹⁵ 13 июля 1826 г.

¹¹⁶ О возможных источниках пушкинского стихотворения см.: Г. С. Глeбoв. Об «Арионе». «Пушкин. Временник Пушкинской комиссии», т. 6, 1941, стр. 296—304.

ждебными корабельщиками. Плывущие дружно стремятся к единой цели, направляемые уверенной рукой «кормщика умного».¹¹⁷

Певец пел пловцам песни, полные веры в торжество общего дела:

А я — беспечной веры полн —
Пловцам я пел...

В стихотворении появляется приобретающий характер огромного исторического обобщения образ грозового «вихря»:

Погиб и кормщик и пловец! —
Лишь я, таинственный певец,
На берег выброшен грозою,
Я гимны прежние пою
И ризу влажную мою
Сушу на солнце под скалою.

До какой степени устойчивым был у Пушкина этот образ декабристского движения и его участников, включая самого поэта (челн — парус — певец), свидетельствует целый ряд его реминисценций в стихотворениях этого времени, не имеющих прямого отношения к основной теме, например в «Акафисте Екатерине Николаевне Карамзиной» (31 июля 1827 г.):¹¹⁸

Земли достигнув наконец,
От бурь спасенный провиденьем,
Святой владычице пловец
Свой дар несет с благоговеньем...

в переведенном им в сентябре того же года неизданном стихотворении А. Шенье, отвечавшем в то время настроениям Пушкина, — «Близ мест, где царствует Венеция златая»:¹¹⁹

На море жизненном, где бури так жестоко
Преследуют во мгле мой парус одинокой,
Как он,¹²⁰ без отзыва утешно я пою¹²¹
И тайные стихи обдумывать люблю.

¹¹⁷ В образе «кормщика умного» Пушкин, несомненно, имел в виду П. И. Пестеля. Ср. запись Пушкина в его кишиневском дневнике: «9 апреля <1821>, утро провел я с Пестелем, умный человек во всем смысле этого слова... Он один из самых оригинальных умов, которых я знаю» (XI, 303).

¹¹⁸ При жизни Пушкина не печаталось.

¹¹⁹ Впервые, напечатано в «Невском альманахе на 1828 год».

¹²⁰ Гондольер.

¹²¹ Вариант:

Как он, над бездною, без эха я пою
(III, 601).

Так уже в 1827 г. намечается путь к стихотворению «Эхо» (1831):

Тебе ж нет отзыва... Таков
И ты, поэт!

Непосредственно с образом грозового шумного вихря связано содержание и стихотворения «Аквилон», помеченного в белой редакции, может быть умышленно, 1824 г. (II₂, 911), но явно связанного с грозными событиями 1825 г.,¹²² доработанного в 1830 г. в Болдине и напечатанного лишь в январе 1837 г.¹²³ Такой длительный промежуток между созданием стихотворения, которое, как можно думать, относится ко времени не ранее декабря 1825 г.,¹²⁴ и его опубликованием говорит о значительности содержания и о прямой связи его с современностью.

О внутренней связи стихотворений «Арион» и «Аквилон» говорит и то, что сам Пушкин соединил их вместе в одной из своих черновых записей, назначение которой недостаточно ясно:

[За чем ты бурн.ый Аквилон]
[Нас было много <на челне>] — —¹²⁵

В обоих стихотворениях говорится о промчавшейся разрушительной грозе:

Недавно черных туч грядой
Свод неба глухо облакался,
Недавно дуб над высотой
В красе надменной величался.

Но ты поднялся, ты взыграл,
Ты прошумел грозой и славой —
И бурны тучи разогнал,
И дуб низвергнул величавый. —

но и там и тут описание бури и грозы завершается образом солнца, играющим столь большую роль в лирике Пушкина:¹²⁶

Пускай же солнца ясный лик
Отныне радостью блистает,

¹²² Вряд ли можно считать убедительным предположение Б. В. Томашевского о возможности написания стихотворения «по получении известия о смерти Александра I» (А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений в 10 томах, т. II, 1956, стр. 424). Позднее сам Б. В. Томашевский начал отходить от такой интерпретации данного стихотворения. (Пушкин. Книга вторая, стр. 49—51).

¹²³ «Литературные прибавления к Русскому инвалиду» (1837, № 1, 2 января с датой «1824»).

¹²⁴ Ср.: Н. В. Измайлов. Лирические циклы в поэзии Пушкина 30-х годов. Сб. «Пушкин. Исследования и материалы», II, Изд. Академии наук СССР, 1958, стр. 15—16 и 41.

¹²⁵ Рукою Пушкина, стр. 279. Впервые обратил внимание на эту запись Пушкина Г. С. Глебов. Он же первый подверг сомнению дату (1824), выставленную самим Пушкиным в автографе «Аквилона», см.: Г. С. Глебов. Об «Арионе», стр. 304.

¹²⁶ Ср.:

Ты, солнце святое, гори!
(«Вакхическая песня»).

И облачком зефир играет,
И тихо вылетят тростник.

О значительности содержания стихотворения говорит и то, что аквилон¹²⁷ прошумел не только грозой, но и славой:

Ты прошумел грозой и славой.

Трагические события 1825—1826 гг. наложили сильнейший отпечаток на всю последующую пушкинскую лирику. Тяжелые настроения первых последекабрьских лет непосредственно отразились и на таком стихотворении, как «В степи мирской, печальной и безбрежной» (1827),¹²⁸ где можно усмотреть связь с посланиями Пушкина в Сибирь, поддерживавшими дух изгнанников:

Кастальский ключ волною вдохновенья
В степи мирской изгнанников поит.
Последний ключ — холодный ключ Забвенья,
Он слаще всех жар сердца утолит.

Реминисценции казни над декабристами, несомненно, чувствуются и в незаконченном стихотворении «Какая ночь! Мороз трескучий» (1827),¹²⁹ реалистически воспроизводящем события казней времени Ивана Грозного:

И вся Москва покойно спит,
Забыв волнение боязни.
А площадь в сумраке ночном
Стоит, полна вчерашней казни.
Мучений свежий след кругом...
.....
[Недавно кровь со всех сторон
Струюю тощей снег багрила,]
Но смерть коснулась к ним, как сон,
Свою добычу захватила...

Ситуация, лежащая в основе данного отрывка (молодой опричник, спешащий на свидание по залитой кровью площади), могла быть навеяна и коронацией Николая I в Москве непосредственно после казни над декабристами.

Новая последекабрьская действительность сказывалась и на доработке стихотворений, начатых до 14 декабря 1825 г. Первая черновая редакция стихотворения, обращенного к И. И. Пущину («Мой первый друг, мой друг бесценный»),¹³⁰ относящаяся к ян-

¹²⁷ Сильный ветер, возникающий на больших водных пространствах.

¹²⁸ При жизни Пушкина не печаталось.

¹²⁹ При жизни Пушкина не печаталось.

¹³⁰ При жизни Пушкина не печаталось.

варю—августу 1825 г., во многом носила характер воспоминаний о лицейской жизни:

Скажи, куда девались годы,
Дни упований и свободы,
Скажи, что наши? что друзья?
Где ж эти липовые своды?
Где ж молодость? где ты? где я?

(III, 582)

На окончательную редакцию стихотворения, записанную 13 декабря 1826 г. — в канун годовщины восстания, — лег печальный отблеск сибирского заточения:

Молю святое провиденье:
Да голос мой душе твоей
Дарует то же утешенье,
Да озарит он заточенье
Лучом лицейских ясных дней!

Стремление поддержать бодрость духа сосланных в Сибирь заметно и в последующие годы. Узнав в 1828 г. о смерти первенца М. Н. Волконской, Пушкин посылает ей в Сибирь стихотворение «Эпитафия младенца»,¹³¹ дошедшее до нее лишь в 1829 г.

Наиболее ярким свидетельством того значения, какое имело это постоянное стремление Пушкина поддержать бодрость духа сибирских изгнанников, явилось ответное стихотворение А. И. Одоевского на пушкинское послание в Сибирь 1827 г.:

Струн вещей пламенные звуки
До слуха нашего дошли.
К мечам рванулись наши руки,
Но лишь оковы обрели...

В этом отношении глубоко верной характеристикой общественного значения пушкинской лирики последекабрьского периода являются проникновенные слова Герцена о том, что «только звонкая и широкая песнь Пушкина раздавалась в долинах рабства и мучений; эта песнь продолжала эпоху прошлую, наполнила своими мужественными звуками настоящее и посылала свой голос в далекое будущее. Поэзия Пушкина была залогом и утешением».¹³²

Особенную остроту в условиях последекабрьской действительности приобретала проблема ценности человеческой личности,

¹³¹ При жизни Пушкина не печаталось. Эпитафия высечена на надгробном памятнике Н. Волконскому на кладбище Александровской лавры в Ленинграде.

¹³² А. И. Герцен, т. VII, 1956, стр. 84 и 214—215. Оригинал на франц. языке.

места человека в мире, его права на жизнь и права на его жизнь со стороны другого человека.

Глубоким обобщением этой проблемы в художественных образах явилось стихотворение «Анчар» (1828).¹³³

«Анчар» — одно из высших достижений мировой лирической поэзии. Поразительны сила и глубина мысли этого стихотворения, соединенные с предельной сжатостью словесного выражения.¹³⁴

Черновая рукопись «Анчара» имеет точную дату написания: «9 ноября. 1828. Малинники». Так Пушкин обыкновенно делал с особенно важными для него произведениями, как бы закрепляя их внутреннюю связь с временем.¹³⁵ Написанное в 1828 г. стихотворение впервые было напечатано лишь спустя четыре года. Так Пушкин поступал с произведениями, особенно близко соотносившимися с действительностью.

Стихотворение, несомненно, отражает определенные стороны этой действительности. По своей обобщенности оно неизмеримо шире и глубже прямых и непосредственных соответствий, поэтому отдельные опыты по раскрытию внутренней связи «Анчара», например с кругом проблем, лежащих в основе «Ответа Катенину» (10 ноября 1828 г.), вызванные непосредственной близостью их написания, при всем значении для характеристики отдельных сторон обоих стихотворений едва ли в состоянии наметить пути к осмыслению «Анчара» во всей сложности его соотношений с действительностью.

В пушкиноведческой литературе намечен большой перечень писателей, из произведений которых Пушкин мог почерпнуть сведения о ядовитом дереве, растущем на острове Ява.¹³⁶ Кроме этих,

¹³³ Впервые напечатано в альманахе «Северные цветы на 1832 год».

¹³⁴ Об «Анчаре» существует обширная литература, посвященная главным образом вопросам об источниках этого стихотворения. Из обобщающих работ последнего времени, определяющих историко-литературное значение стихотворения в общем процессе творчества Пушкина, см.: Н. В. Измайлов. Из истории пушкинского текста. «Пушкин и его современники», вып. XXXI—XXXII, 1927, стр. 3—14; В. В. Виноградов. О стиле Пушкина, стр. 143—148 (а также в его книге «Стиль Пушкина», стр. 422—426); Д. Д. Благой. «Анчар» А. С. Пушкина. Сб. «Академику В. В. Виноградову к его шестидесятилетию», Изд. Академии наук СССР, М., 1956, стр. 94—126 (а также в его книге «Литература и действительность», М., 1959, стр. 335—365); А. И. Белецкий. Из наблюдений над стихотворными текстами А. С. Пушкина («Анчар»), стр. 5—19, и др.

¹³⁵ В отдельных случаях дата выносилась и в печатный текст. См., например, дату дня рождения Пушкина, выставленную перед текстом стихотворения «Дар напрасный, дар случайный».

¹³⁶ Мильвуа, Бальзак, Э. Сю — во французской литературе; Э. Дарвин, Байрон, Кольридж, Д. Кольман — в английской.

чисто литературных источников, названо значительное количество и специальных научных трудов, откуда Пушкин также мог извлечь нужные для него данные.¹³⁷ Процесс настойчивых поисков «источников» пушкинского стихотворения продолжается и до настоящего времени.¹³⁸

Погоня за «источниками», девять десятых из которых к тому же не имеют никаких точек соприкосновения с пушкинским стихотворением, только запутывала существо дела, так как, увлекая исследователей на путь новых и новых поисков, она уводила их от самого предмета исследования — стихотворения Пушкина.

По-видимому, в настоящее время вопрос об источнике фактических данных пушкинского стихотворения может считаться решенным в пользу сокращенного русского перевода статьи Фурша.¹³⁹ Аргументируя возможность знакомства Пушкина со статьями, затерянными на страницах основательно забытых в пушкинское время журналов XVIII в., Д. Д. Благой пишет: «Более чем вероятно, что Пушкин при его неизменном интересе к русской литературе и периодике XVIII века мог прочесть эту заметку в «Детском чтении» или в «Музе»; но если он познакомился с сообщением Фурша и через западноевропейскую прессу (французские или английские журналы), это ничего не меняет по существу».¹⁴⁰

Последняя оговорка сделана из осторожности и, может быть, не так уж и нужна. Незначительное обстоятельство, а именно: что «Анчар» написан в Малинниках, имеет существенное значение при решении вопроса об источниках в пользу старых журналов XVIII в., которые Пушкин мог просматривать в Малинниках. Об

¹³⁷ Статья голландского врача Ф. Фурша, напечатанная в декабрьском номере английского журнала «London Magazine» за 1783 г.; сокращенный перевод ее на русский язык, который трижды воспроизводился в русских журналах: «Детское чтение для сердца и разума», 1786 г. (ч. VII); второе издание этого журнала в 1819 г. (т. VII); журнал «Муза» за 1796 г. (ч. III, стр. 183—186).

¹³⁸ См.: В. Г. Боголюбова. Еще раз об источниках «Анчара». Сб. «Пушкин. Исследования и материалы», II, Изд. Академии наук СССР, М.—Л., 1958, стр. 310—323.

¹³⁹ Е. П. Привалова в кандидатской диссертации «„Детское чтение для сердца и разума“ Новикова — первый русский детский журнал» (1943) «высказала мнение, что возможно предположить знакомство Пушкина со статьей „О некотором ядовитом дереве, находящемся на острове Яве в Ост-Индии“ (1786, ч. VII, стр. 101—109), очень близкой по содержанию к „Анчару“ (тезис 23)» (П. Н. Берков. История русской журналистики XVIII века. Изд. Академии наук СССР, М.—Л., 1952, стр. 430).

¹⁴⁰ Д. Благой. Анчар, древо яда. Сб. «Литература и действительность», М., 1959, стр. 344.

этом он сам писал в стихотворении, навеянном пребыванием его в Малинниках в следующий свой приезд туда в ноябре 1829 г.:

Зима. Что делать нам в деревне? Я встречаю
Слугу, несущего мне утром чашку чаю,
Вопросами: тепло ль? утихла ли метель?
Пороша есть иль нет? и можно ли постель
Покинуть для седла, иль лучше до обеда
Возиться с старыми журналами соседа?

Наличие в Малинниках, Павловском и Бернове — поместьях, расположенных по-соседству, — старых книг и журналов подтверждается и пушкинским «Романом в письмах» (1829), до мелочей воспроизводящим домашний быт в названных имениях того времени.

Доказать документально, что Пушкин знакомился с «Детским чтением» 1786 г. именно в Малинниках и именно в этот свой приезд, разумеется, нельзя, да вряд ли это и существенно, но совпадение ситуаций делает эту возможность вполне реальной.

Статья в журнале рассказывала об этом дереве типично журнальным языком того времени, приводя ряд конкретных сведений, явственно совпадающих с пушкинской их интерпретацией. Детальное сопоставление фактической стороны «Анчара» Пушкина с пересказом статьи Фурша в «Детском чтении» сделал Д. Д. Благой в названной работе, поэтому возвращаться к этому нет смысла. Что-либо похожее на сюжетное построение пушкинского стихотворения в журнале отсутствует полностью.

Закомство с этим рассказом, поразившим воображение Пушкина своей мрачной экзотикой, явилось первоначальным импульсом к замыслу стихотворения. Именно только к замыслу, потому что на пути от него к окончательному воплощению в художественных образах сухие фактические данные о древе яда, имевшиеся в журнале, сохраняя свою реальность, приобретали совершенно новую окраску, превращаясь в систему образов чудовищной силы и целенаправленности.

Для того чтобы представить себе тот психологический комплекс, какой обусловил особенности пушкинской интерпретации сухих журнальных сведений об осужденных на смерть преступниках, которым предоставлялась возможность использовать последний шанс к спасению путем похода за ядом к дереву Упас, необходимо хотя бы в самых общих чертах представить себе круг мыслей, переживаний и настроений Пушкина, определявших его взаимоотношения с действительностью этого, а может быть, и более раннего времени.

Круг этот был настолько широк и сложен, что едва ли может быть определен даже и приблизительно. Однако если принять во

внимание, что данный период начинается таким событием, как разгром движения декабристов, решительным образом сказавшимся на всем духовном облике целого поколения, пережившего этот разгром, можно, не боясь впасть в ошибку, наметить одну доминанту, которая начинала — и чем дальше, тем все сильнее и сильнее — определять окраску духовной жизни лучших людей, переживших катастрофу 1825 г.

Это было ощущение гнетущей внешней силы, которая влечет людей на гибель и с которой нет сил бороться. Именно это ощущение вывало у Пушкина в 1826 г. страшные слова о том, что:

На всех стихиях человек —
Тиран, предатель или узник.

Здесь уже намечено противопоставление всемогущего тирана и бессильного сопротивляться узника, в конечном счете — раба.¹⁴¹ Эта антитеза в том же году получила и другое выражение в официальной записке «О народном воспитании»: «Должно надеяться, — писал Пушкин, — что люди, разделявшие образ мыслей заговорщиков, образумились; что, с одной стороны, они увидели ничтожность своих замыслов и средств, с другой — необъятную силу правительства, основанную на силе вещей. Вероятно, братья, друзья, товарищи погибших успокоятся временем и размышлением, поймут необходимость и простят оной в душе своей» (XI, 43).

Данная здесь характеристика причин поражения восстания глубоко исторична. Несоответствие «необъятной силы правительства» и «ничтожности средств» восставших является, по мысли Пушкина, трагической «необходимостью» данного исторического этапа, которую нужно «понять» и «простить оной в душе своей», так как она в настоящее время непреодолима.

Все это и явилось той психологической почвой, которая обусловила особенности стихотворения Пушкина об анчаре, потрясающего по силе проявления пушкинского гуманизма в его самом высшем и просветленном виде.

Не следует искать в этом стихотворении каких-либо прямых соответствий с охарактеризованным выше кругом мыслей, переживаний и настроений Пушкина предшествовавшего периода. Их нет, но именно они и создали ту атмосферу, которая позволила Пушкину, отталкиваясь от всей показанной в стихотворении ситуации,

¹⁴¹ Ср. в стихотворении «Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит» (1834):

Давно, усталый раб, замыслил я побег
В обитель дальнюю трудов и чистых нег.

подняться до постановки огромной проблемы о праве человека на жизнь и о праве на его жизнь со стороны другого человека.

Стихотворение трагично по существу, но этот трагизм его лишь подчеркивает значительность основной проблемы. Трагизм создается тремя моментами. Первый заключается в том, что к ядовитому дереву, к которому «и птица не летит», «и тигр нейдет», и даже «вихорь черный», если он «на древо смерти набежит», то «мчится прочь уже тлетворный», человек посылает другого человека одним своим «властным взглядом», в полной мере отдавая себе отчет в последствиях этого акта.

Второй момент вырастает из первого и состоит в том, что посланный — такой же человек, как и пославший его, — «послушно в путь потек», так же, как и первый, прекрасно зная о вытекающих отсюда роковых последствиях для себя.

Третий момент состоит в том, что владыка («царь», как в первопечатном тексте, или «князь» — в последующих воспроизведениях ¹⁴² — для смысла стихотворения это не суть важно), пославший равного себе человека на верную гибель, равнодушно принял ее, как нечто должное, и с принесенным ядом разослал эту гибель широко вокруг, умножая и всемерно усиливая содеянное зло.

Ощущение чудовищности всего этого, создаваемое стихотворением, настолько велико и сильно, что вопрос об отношении ко всему этому самого Пушкина не может даже и ставиться. Стихотворение гневным и страстным голосом, несмотря на удивительное спокойствие его стиля, кричит о недопустимости данной ситуации в человеческом обществе.

Точно так же не может быть спора о том, сочувствует ли Пушкин или равнодушен к своему герою-рабу. Дело даже не в одном эпитете «бедный», якобы утверждающем сочувствие Пушкина погибшему рабу. Горячее, кровное и открытое пушкинское сочувствие человеку, обреченному на гибель ради интересов владыки, составляет психологическую основу всего стихотворения, ибо не будь этого авторского сочувствия, не было бы не только ощущения огромного трагизма повествования, но и самого стихотворения в том виде, в каком оно существует.

«Анчар» изумителен по совершенству своей художественной формы. Давно уже было сделано ¹⁴³ наблюдение, что своеобразный

¹⁴² См. развернувшуюся полемику по вопросу о правильности воспроизведения данного места «Анчара»: Н. В. Измайлов. Из истории пушкинского текста, стр. 3—14; Д. Д. Благой. «Анчар» А. С. Пушкина, стр. 94—116; Н. В. Измайлов. Лирические циклы в поэзии Пушкина 30-х годов, стр. 19; Д. Д. Благой. Анчар, древо яда, стр. 337—338.

¹⁴³ См.: Д. Выгодский. Из эвфонических наблюдений («Бахчисарайский фонтан»). Пушкинист, IV, М.—Пгр., 1922, стр. 52; см. также: Д. Благой. Анчар, древо яда, стр. 353—354.

звукообраз, по-видимому, возникший в творческом сознании Пушкина в связи с звучанием самого слова «анчар» (н, ч, р), сказался на всей звуковой структуре стихотворения, особенно на первой его строфе, где непосредственно названо это имя, обилием звуков ч в соединении со звуками н и р, что отнюдь не является случайностью, но определенной звуковой закономерностью, придающей всему стихотворению своеобразный мрачный колорит:

В пустыне чахлой и скупой,
На почве, зноем раскаленной,
Анчар, как грозный часовой,
Стоит — один во всей вселенной.

Поразительные по своей конкретности и впечатляемости такие черты Анчара, как мертвая зелень ветвей или почти зрительно ощутимое описание стекающего сквозь его кору яда, который:

... застывает ввечеру
Густой прозрачную смолою, —

со всей определенностью свидетельствуют, что, создавая самый образ Анчара, Пушкин не вкладывал в него никакой символики, но рисовал подлинно реалистический образ определенного дерева, вокруг которого и разворачивалась описанная им человеческая трагедия.

Х

Один из аспектов пушкинских раздумий о себе самом и о своем месте в новых условиях жизни конца двадцатых—начала тридцатых годов нашел отражение в стихотворении «Моя родословная» (1830),¹⁴⁴ имеющем исключительно большое значение для понимания общественных взглядов Пушкина того времени.

Об обстоятельствах, вызвавших написание стихотворения, Пушкин писал через год Бенкендорфу: «Около года тому назад в одной из наших газет была напечатана сатирическая статья,¹⁴⁵ в которой говорилось о некоем литераторе, претендующем на благородное происхождение, в то время как он лишь мещанин в дворянстве.¹⁴⁶ К этому было прибавлено, что мать его — мулатка, отец

¹⁴⁴ При жизни Пушкина не печаталось.

¹⁴⁵ «Северная пчела» (1830, № 94). Статья Ф. В. Булгарина «Второе письмо из Карлова на Каменный Остров».

¹⁴⁶ Ср.:

Решил Фиглярин вдохновенный:
Я во дворянстве мещанин.
(«Моя родословная»).

которой, бедный негритенок, был куплен матросом за бутылку рома.¹⁴⁷ Хотя Петр Великий вовсе не похож на пьяного матроса,¹⁴⁸ это достаточно ясно указывало на меня, ибо среди русских литераторов один я имею в числе своих предков негра... я счел своим долгом ответить *анонимному* сатирику, что и сделал в стихах, и притом очень круто... несколько списков моего ответа пошло по рукам, о чем я не жалею, так как не отказываюсь ни от одного его слова... Однако, ввиду того, что стихи мои могут быть приняты за косвенную сатиру на происхождение некоторых известных фамилий,¹⁴⁹ если не знать, что это очень сдержанный ответ на заслуживающий крайнего порицания вызов, я счел своим долгом открыто объяснить вам в чем дело, и приложить при сем стихотворение, о котором идет речь» (XIV, 242, 442).

Выходка Булгарина сильно задела Пушкина. В не напечатанной при его жизни статье «Опровержение на критики» он сделал попытку наметить некоторые основные моменты своей родословной, которые были развиты и в рассматриваемом стихотворении. Пушкин писал: «[В одной газете официально сказано было, что я мещанин во дворянстве. Справедливее было бы сказать дворянин во мещанстве.] Род мой один из самых старинных дворянских. Мы приходим от прусского выходца Радши или Рачи, человека знатного (мужа честна, говорит летописец), приехавшего в Россию во время княжества свят.<ого> Александра Ярославича Невского...¹⁵⁰

147 Ср.:

Решил Фиглярин, сидя дома,
Что черный дед мой Ганнибал
Был куплен за бутылку рома
И в руки шкиперу попал.

148 Ср.:

Сей шкипер был тот шкипер славный,
Кем наша двинулась земля,
Кто придал мощно бег державный
Рулю родного корабля.

149 Ср.:

Не торговал мой дед блинами (князь А. Д. Меншиков),
Не ваксил царских сапогов (граф И. П. Кутайсов),
Не пел с придворными дьячками (граф А. Г. Разумовский),
В князья не прыгал из хохлов (князь А. А. Безбородко),
И не был беглым он солдатом
Австрийских пудренных дружин (И. Клейнмихель).

150 Ср.:

Мой предок Рача мышцей бранной
Святому Невскому служил;

В малом числе знатных родов, уцелевших от кровавых опал царя Ивана Васильевича, историограф именует и Пушкиных...¹⁵¹ Г. Г. Пушкин, тот самый, который выведен в моей трагедии,¹⁵² принадлежит к числу самых замечательных лиц той эпохи... Другой Пушкин во время междоусобия, начальствуя отдельным войском, по словам Карамзина, один с <М. П.> Измайловым сделал честно свое дело.¹⁵³ При избрании Романовых на царство 4 Пушкиных подписались под избирательною грамотою...¹⁵⁴ При Петре они были в оппозиции, и один из них, стольник Федор Алексеевич, был замешан в заговоре Циклера и казнен вместе с ним и Соковининым...¹⁵⁵ дед мой Лев Александрович, во время мятежа 1762 года, остался верен Петру III — не хотел присягнуть Екатерине, и был посажен в крепость вместе с Измайловым...¹⁵⁶ Через 2 года выпущен по приказанию Екатерины... Он уже никогда не вступал в службу и жил в Москве и своих деревнях»¹⁵⁷ (XI, 160—161).

Однако стихотворение Пушкина несравненно значительнее, чем простой ответ на оскорбительную выходку Булгарина. Оно непосредственно отражает взгляды Пушкина этого времени на

¹⁵¹ Ср.:

Его потомство гнев венчанный,
Иван IV пощадил.

¹⁵² В «Борисе Годунове».

¹⁵³ Ср.:

Водились Пушкины с царями;
Из них был славен не один,
Когда тягался с поляками
Нижегородский мещанин.

¹⁵⁴ Ср.:

Когда Романовых на царство
Звал в грамоте своей народ,
Мы к оной руку приложили...

¹⁵⁵ Ср.:

В родню свою неукротим,
С Петром мой пращур не поладил
И был за то повешен им.

¹⁵⁶ Ср.:

Мой дед, когда мятеж поднялся
Средь Петергофского двора,
Как Миних, верен оставался
Паденью третьего Петра.
Попали в честь тогда Орловы,
А дед мой в крепость, в карантин.

¹⁵⁷ Ср.:

И присмирел наш род суровый,
И я родился мещанин.

русское дворянство, его место в общенародной жизни и на себя самого как представителя этого сословия.

Пушкин резко различал старинное русское дворянство, которое «ныне, по причине раздробленных имений, составляет у нас род среднего состояния, состояния почтенного, трудолюбивого и просвещенного, состоянию, коему принадлежит и большая часть наших литераторов» (XI, 173), и новую «аристокрацию», которая «с трудом может назвать и своего деда» (VIII, 42).¹⁵⁸

Происхождение этой новой аристократии Пушкин возводил непосредственно ко времени Петра I и Екатерины II и ее фаворитов: «Отселе произошли сии огромные имения вовсе неизвестных фамилий и совершенное отсутствие чести и честности в высшем классе народа» (XI, 16).

Новая знать, созданная самодержавием и поэтому всецело зависящая от него, постепенно вытесняла старое дворянство, возникшее ранее самодержавия и в силу этого, как думал Пушкин, менее от него зависимое. Начало упадка старого дворянства Пушкин связывал с некоторыми реформами Петра.

Все это говорит о том, что специфически пушкинская постановка проблемы старинного русского дворянства и разрешение ее в такой именно плоскости были не чем иным, как своеобразным выражением политической оппозиции по отношению не только к новой «аристокрации», но и к самому самодержавию, которое в условиях отсутствия независимости в высшем классе общества неизбежно превращается в тиранию.

Отсюда стремление Пушкина обосновать необходимость существования дворянства в государстве кровными интересами самого народа, с которым у дворянства, по мысли Пушкина, гораздо более прочные связи и близкие отношения, нежели с самодержавной властью. Более того, само по себе дворянство, по мысли Пушкина, не есть чужеродное и враждебное народу сословие, поставленное властью над народом в целях его угнетения, но является выделенным самим народом высшим его сословием, призванным оберегать и защищать народные интересы.¹⁵⁹

В современных же условиях дворянство составляет род третьего сословия, примыкая, с одной стороны, к крестьянству,¹⁶⁰

¹⁵⁸ Ср.:

Понятна мне времен превратность,
Не прекословлю, право, ей:
У нас нова рождением знатность,
И чем новее, тем знатней.

¹⁵⁹ См.: Пушкин, Полное собрание сочинений, т. XII, стр. 205.

¹⁶⁰ «Будучи беден, как и почти все наше старинное дворянство, он подымая нос уверял, что никогда не женится или возьмет за себя княжну рюриковой

а с другой — к просвещенному и трудолюбивому сословию мещан, добывающему средства к существованию своим личным трудом. Отсюда подчеркнуто оппозиционное и по отношению к новой знати, и к царскому двору утверждение своей принадлежности к мещанству в «Моей родословной»:

Я грамотей и стихотворец,
Я Пушкин просто, не Мусин,¹⁶¹
Я не богач, не царедворец,
Я сам большой: я мещанин.

Формула «мещанин» в таком ее демократическом понимании приобретала все качества народности, что подкреплялось соответствующими историческими аналогиями и ссылками на крестьянина Ломоносова и «выборного человека от всего государства» (VIII, 53) мещанина Минина, имена которых «вдвоем перевесят, может быть, все наши старинные родословные» (XI, 162).

Этой же проблемы роли и места старого родовитого дворянства в русской истории и народной жизни Пушкин касается вновь в «Родословной моего героя» (1836).¹⁶² — переработанном в самостоятельное стихотворение отрывке из начатой в 1833 г. и незаконченной поэмы.¹⁶³ Утверждение собственного демократизма, наметенное в «Моей родословной», здесь сформулировано со всей определенностью:

Я сам — хоть в книжках и словесно
Собратья надо мной трунят —
Я мещанин, как вам известно,
И в этом смысле демократ.

Сатирическая острота стихотворения¹⁶⁴ была направлена против ненавистой Пушкину новой дворянской чиновной аристократии, ронявшей лучшие народные и моральные традиции старого дворянства:

Гордятся (как общей пользы друг)
Красою собственных заслуг,
Звездой дворянского дяди,¹⁶⁵
Иль приглашением на бал
Туда, где дед ваш не бывал, —

крови, именно одну из княжен Елецких, коих отцы и братья, как известно, ныне пашут сами и, встречаясь друг с другом на своих бороздах, отряхают сохи и говорят: „Бог помочь, князь Антип [Кузмич], а сколько твое княжое здоровье сегодня напыхало?“ — Спасибо, князь Ерема Авдеевич» (VIII, 410).

¹⁶¹ Ветвь рода Пушкиных, возведенная в графское достоинство.

¹⁶² Впервые напечатано в «Современнике» (1836, т. III).

¹⁶³ См.: О. С. Соловьева. «Езерский» и «Медный всадник». История текста. Сб. «Пушкин. Исследования и материалы», III, Изд. Академии наук СССР, М.—Л., 1960, стр. 268—344.

¹⁶⁴ Опубликовано в «Современнике» с подзаголовком «Отрывок из сатирической поэмы».

¹⁶⁵ Намек на чиновное происхождение знатности новых дворянских родов.

и против реакционной клики Булгарина, проводившей под прикрытием показного, а на деле ложного демократизма систематическую и ожесточенную борьбу с Пушкиным и группировавшимися вокруг него писателями, огульно зачисляя их в категорию «аристократов»:

Мне жаль, что тех родов боярских
Бледнеет блеск и никнет дух...

Что их поносит и Фиглярин...
Что геральдического льва
Демократическим копытом
Теперь лягает и осел:
Дух века вот куда зашел!

В сознании Пушкина объединялись в одну антинародную и антиморальную группу такие люди, как Булгарин, «для коих все равно: бегать ли им под орлом французским, или русским языком позорить все русское — были бы только сыты» (XI, 206), и такие представители чиновной дворянской аристократии, как министр народного просвещения С. С. Уваров, забывший в своих карьеристских устремлениях бывшие арзамасские традиции. Объединение Булгарина и Уварова в одну группу противников Пушкина косвенно подтверждается хотя бы и тем, что клеветнический рассказ о происхождении Пушкина от проданного за бутылку рома негра Булгарин слышал именно от Уварова.¹⁶⁶

В силу всего этого замечательное стихотворение Пушкина «На выздоровление Лукулла» (1835)¹⁶⁷ должно рассматриваться как серьезнейшее и глубоко принципиальное общественно-политическое выступление Пушкина последних лет его жизни, как одно из звеньев в общей цепи его борьбы с антинародными и антиморальными общественными тенденциями, подходят ли они под формулу «ubi bene, ibi patria»,¹⁶⁸ что имело место в отношении политического переметчика Булгарина, или свидетельствуют о «совершенном отсутствии чести и честности в высшем классе народа» (XI, 16), что было в данном случае.

Сатира Пушкина была вызвана неприличным поведением Уварова во время болезни графа Шереметева, наследником которого он являлся. Стихотворение чрезвычайно интересно как совершенный образец пушкинской сатиры зрелого периода его творчества.

¹⁶⁶ Н. И. Греч пишет: «Однажды, кажется, у А. Н. Оленина, Уваров, не любивший Пушкина, гордого и не низкопоклонного, сказал о нем: „что он хвалится своим происхождением от негра Аннибала, которого продали в Кронштадте (Петру Великому) за бутылку рома!“ Булгарин, услышав это, не преминул воспользоваться случаем и повторил в „Северной Пчеле“ этот отзыв» (Записки о моей жизни. СПб., 1886, стр. 456—457).

¹⁶⁷ Впервые напечатано в «Московском наблюдателе» (1835, т. IV, кн. II).

¹⁶⁸ Где хорошо, там и родина (лат.).

Стилистический его состав¹⁶⁹ сложен, тщательно продуман и всецело соответствует поставленной задаче. Имя Лукулла, подзаголовок «Подражание латинскому» и соответствующая, характерная для русских переводов с античных образцов фразеология вводили пушкинское стихотворение в мировую сатирическую традицию, возглавленную именами Горация и Ювенала. С другой стороны, вторая стилевая линия, чуть-чуть, но достаточно определенно намеченная элементами деловой речи современности («сургуч», «казенные дрова»), придавала стихотворению явный налет этой современности и позволяла, более того — приглашала, за внешне античными образами сатиры прозревать конкретных лиц из современной жизни.

Наконец, сознательно подчеркнутая апелляция к державинской сатирической традиции, заключающаяся в воспроизведении типичной для Державина строфы широко известного его стихотворения «Ко второму соседу»,¹⁷⁰ почти точным соответствием самого названия пушкинского стихотворения также широко известному названию державинского стихотворения («На выздоровление Мецената»), не говоря уже о некоторых сознательно введенных элементах державинского стиля, — все это вводило пушкинское стихотворение в русскую национальную сатирическую традицию XVIII в., освященную высоким авторитетом Державина, и предохраняло поэта от обвинений в сатире «на личность». Ссылкой на державинскую сатирическую традицию Пушкин отводил от себя обвинения в том, что его сатира направлена конкретно на одного Уварова отстаивая право сатирического поэта высмеивать в обобщенных образах те или иные общественные пороки. В черновом и, по-видимому, не отосланном письме к А. Н. Мордвинову (?) он говорил: «Невозможно написать сатирическую оду, без того чтобы злоязычие тотчас не нашло в ней намека. Державин в своем „Вельможе“ нарисовал сибарита, утопающего в сладостолубии, [глухого к воплям народа] и восклицającego:

Мне миг покоя моего
Приятней, чем в истории веки.

«Эти стихи применяли к Потемкину и к другим [между тем, все эти выражения были общими местами, которые повторялись тысячу раз...] В сущности, то были пороки знатного вельможи, и я не догадываюсь, насколько Державин был неповинен в каких-либо личных нападках».

Основываясь на этом, Пушкин решительно отводил от себя всякие обвинения в сатире «на личность», ссылаясь на обобщен-

¹⁶⁹ См.: В. В. Виноградов. Стиль Пушкина, стр. 510—512.

¹⁷⁰ См.: Б. В. Томашевский. Строфика Пушкина, стр. 91.

ный характер созданного им образа. «В образе низкого скупца, — писал он далее в том же письме, — пройдохи, ворующего казенные дрова, подающего жене фальшивые счета, подхалима, ставшего нянькой в домах знатных вельмож, и т. д., — публика, говорят, узнала вельможу, человека богатого, человека, удостоенного важной должности...»

«Я прошу только, чтобы мне доказали, что я его назвал, — какая черта моей оды может быть к нему применена...»

«Мне неважно, права ли публика или не права. Что для меня очень важно, — это доказать, что никогда и ничем я не намекал решительно никому на то, что моя ода направлена против кого бы то ни было» (XVI, 78—79, 378).

XI

В такой сложной, трудной и противоречивой обстановке в пушкинской лирике возникает и получает крайне своеобразное разрешение тема поэта и его роли в общественной жизни. Возникнув сначала как следствие глубоких раздумий Пушкина о своем личном месте в новых жизненных условиях, эта тема приобретает характер широкого обобщения, становясь темой об одиночестве художника во враждебном ему обществе и о его праве на самостоятельность творчества.

О внешней стороне своего, как поэта, положения в обществе Пушкин писал в имеющем автобиографический характер «Отрывке» (1830): «Зло самое горькое, самое нестерпимое для стихотворца — есть его звание, прозвище, каким он заклеймен и которое никогда его не покидает. — Публика смотрит на него как на свою собственность, считает себя в праве требовать от него отчета в малейшем шаге. По ее мнению, он рожден для ее удовольствия, и дышет для того только, чтоб подбирать рифмы. Требуют ли обстоятельства присутствия его в деревне — при возвращении его первый встречный спрашивает его: не привезли ли вы нам чего-нибудь нового? — Явится ль он в армию, чтоб взглянуть на друзей и родственников¹⁷¹ — публика требует непременно от него поэмы на последнюю победу, и газетчики сердятся, почему долго заставляяет он себя ждать. Задумается ли он о расстроенных своих делах, о предположении семейственном, о болезни милого ему человека — тотчас уже пошлая улыбка сопровождает пошлое восклицание: верно изволите сочинять... один из моих приятелей, известный стихотворец, признавался, что сии приветствия, вопросы... до такой степени

¹⁷¹ Ср. поездку Пушкина к действующей на Кавказе армии в 1829 г.

бесили его, что поминутно принужден он был удерживаться от какой-нибудь грубости...¹⁷² Мой приятель был самый простой и обыкновенный человек, хотя и стихотворец. Когда находила на него такая дрянь (так называл он вдохновение), то он запирался в своей комнате и писал в постеле с утра до позднего вечера, одевался на скоро, чтоб пообедать в ресторации, выезжал часа на три, возвратившись, опять ложился в постелью и писал до петухов. Это продолжалось у него недели 2, 3 — много месяц, и случалось единожды в год всегда осенью. Приятель мой уверял меня, что он только тогда и знал истинное счастье» (VIII, 409—410).

На почве таких настроений возникает стихотворение «Поэт».¹⁷³ «Я убежал в деревню, — писал Пушкин М. П. Погодину во второй половине августа 1827 г., — гочуя рифмы.

Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон,
В заботах суетного света
Он малодушно погружен;
Молчит его святая лира;
Душа вкушает хладный сон,
И меж детей ничтожных мира,
Быть может, всех ничтожней он...»

(XIII, 339—340).

Несравненно сложнее, чем в области взаимоотношений Пушкина со светским обществом, обстояло дело в отношении посягательств на свободу его творчества со стороны правительства. Еще в конце 1826 г. Бенкендорф в отзыве о пушкинской записке «О народном воспитании» от имени царя четко определил идеологические границы как творчества, так и всей деятельности Пушкина: «Нравственность, прилежное служение, усердие предпочтеть должно просвещению неопытному, безнравственному и бесполезному» (XIII, 315).

¹⁷² Ср. в «Ответе анониму» (1830):

Холодная толпа взирает на поэта,
Как на заезжего фигляра: если он
Глубоко выразит сердечный, тяжкий стон,
И выстраданный стих, пронзительно-унылый,
Ударит по сердцам с неведомою силой, —
Она в ладони бьет и хвалит, иль порой
Неблагосклонно кивает головой.
Постигнет ли певца незапное волнение,
Утрата скорбная, изгнание, заточенье, —
«Тем лучше, — говорят любители искусств, —
Тем лучше! наберет он новых дум и чувств
И нам их передаст»...

¹⁷³ Впервые напечатано в «Московском вестнике» (1827, т. VI, № XXIII).

В связи с поездкой Пушкина к действующей армии в 1829 г. «Северная пчела», несомненно по инициативе III Отделения, организовала на своих страницах длительную кампанию по систематическому напоминанию Пушкину о том, что от него ожидают поэтических произведений, которые воспевали бы непопулярные в обществе военные действия Николая в духе официозного патриотизма.¹⁷⁴

Пушкин понимал, чего от него требовали. Незначительное количество небольших и случайных по своей тематике стихотворений, опубликованных им в связи с этой поездкой, — был его ответ на произведенное давление.

Ощущение скованности и несвободы творчества становилось в этот период определенным моментом самосознания Пушкина. Так возникла в пушкинской лирике тема, утверждавшая идеальную свободу художника и его право на независимое творчество, — тема, определявшая основную общественно-политическую и художественную направленность таких стихотворений, как «Чернь» (1828).¹⁷⁵

Утверждение права поэта на свободу и независимость творчества приводило Пушкина к страстным и намеренно резким поэтическим декларациям, подчеркивавшим особое место художника в обществе:

Во градах ваших с улиц шумных
Сметают сор — полезный труд! —
Но, позабыв свое служенье,
Алтарь и жертвоприношенья,
Жрецы ль у вас метлу берут?

Поэтому формула:

Не для житейского волненья,
Не для корысти, не для битв,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуков сладких и молитв —

не имеет ничего общего с теорией искусства для искусства, но заключает страстный протест против оков, налагаемых на творчество поэта властью, и в демонстративно и намеренно заостренных формулировках утверждает высокое право художника на свободу и независимость творчества.

По поводу данного стихотворения делались самые разнообразные выводы. Характерно в этом отношении истолкование его либерально-дворянской критикой. Опираясь на это стихотворение, А. В. Дружинин обосновывал свою «артистическую» теорию поэ-

¹⁷⁴ «Северная пчела», 16 ноября 1829 г., № 138.

¹⁷⁵ Впервые напечатано в «Московском вестнике» (1829, т. 1). В последующих публикациях этого стихотворения Пушкин печатал его под заглавием «Поэт и толпа».

зии. «Теория артистическая, — писал он, — проповедующая нам, что искусство служит и должно служить само себе целью, опирается на умозрения, по нашему убеждению, неопровержимые. Руководствуясь ею, поэт, подобно поэту, воспетому Пушкиным, признает себя созданным не для житейского волнения, но для молитв, сладких звуков и вдохновения... Песнь его не имеет в себе преднамеренной житейской морали и каких-либо других выводов, примененных к выгодам его современников, она служит сама по себе наградой, целью и значением».¹⁷⁶ Превратно истолковывая некоторые выражения пушкинского стихотворения, С. П. Шевырев утверждал, что «Пушкин написал эту пиесу под влиянием художественной теории Шеллинга, проповедовавшей освобождение искусства».¹⁷⁷ Эту версию развил П. В. Анненков, который писал: «Сущность теории (Шеллинга, — Б. Г.) состояла в весьма строгом взгляде, как на призвание художника, так и на задачу самого искусства. Последнее определяла она проявлением бесконечного в ограниченных или конечных формах и создавала ему таким образом цель высокую, независимую от требований современности. Идеальное понимание искусства само собой приводило к мысли об исключительном и важном значении художника... Как служитель изящного, он не принадлежал толпе, не разделяя ее стремлений и не признавал ее нужд. Под действием этой теории, имевшей на Пушкина сильное влияние, написал он свое стихотворение: „Чернь“».¹⁷⁸

Так создавалась легенда о Пушкине — апологете чистого искусства. Суждения Анненкова относятся к 1855 г. В 1888 г. критик-«почвеник» Н. Н. Страхов, принимая в конечном счете дружинско-анненковское толкование стихотворения «Чернь» как свидетельства сознательного отхода Пушкина от народа, предложил новое объяснение причин этого отхода без апелляции к Шеллингу: «Говорят, в Москве, — писал он, — в это время начало распространяться немецкое учение о великом значении поэтов, и некоторые приписывают влиянию этого учения тогдашние высокомерные стихотворения Пушкина. Кажется, однако же, они могут быть вполне объяснены тем, что совершалось тогда с самим Пушкиным. Прямо из своей собственной жизни он вынес горькую необходимость уединиться от народа, так или иначе перенести его равнодушие и остаться самим собою».¹⁷⁹ На позициях отрицания какого бы то

¹⁷⁶ А. В. Дружинин, *Собрание сочинений*, т. VII, СПб., 1865, стр. 214.

¹⁷⁷ Л. Майков, *Пушкин*, стр. 343—344.

¹⁷⁸ П. В. Анненков, *Материалы*, стр. 170.

¹⁷⁹ Н. Страхов, *Заметки о Пушкине и других поэтах*. СПб., 1888, стр. 8—9.

ни было общественного значения творчества Пушкина стоял Д. И. Писарев, субъективно исходя при этом из своеобразно понятых задач борьбы против лагеря либерально-дворянской критики. По поводу искаженно понятого им стихотворения «Чернь» он восклицал: «Ну, а ты, возвышенный кретин,¹⁸⁰ ты — сын небес, ты в чем варишь себе пищу, в горшке или в Бельведерском кузмире?». Все это делалось с целью подвести читателей к выводу о том, что «никто из русских поэтов не может внушить своим читателям такого беспредельного равнодушия к народным страданиям, такого глубокого презрения к честной бедности и такого систематического отвращения к полезному труду, как Пушкин».¹⁸¹

Совершенно чудовищным было искажение данного стихотворения декадентской и символистской критикой, увидевшей в Пушкине чуть ли не предшественника Ницше. «Пушкин, — писал Д. С. Мережковский в 1897 г., — ...противопоставляет первобытного человека современной культуре. Той же современной культуре, основанной на власти черни, на демократическом понятии равенства и большинства голосов, противопоставляет он... самовластную волю единого — творца или разрушителя, пророка или героя. Полубог и укрощенная им стихия — таков второй главный мотив пушкинской поэзии... Пушкин — ...как враг черни, как рыцарь вечного духовного аристократизма... Пушкин и здесь, как и во всем, тверд, ясен и верен природе своей до конца:

Молчи, бессмысленный народ,
Поденщик, раб нужды, забот!
Несносен мне твой ропот дерзкий.
Ты червь земли, не сын небес...»¹⁸²

В эти же годы в борьбе против декадентской критики коснулся данного стихотворения Пушкина и Г. В. Плеханов. Отталкиваясь от полемики Белинского со сторонниками теории чистого искусства, Плеханов на основе цикла стихотворений Пушкина о поэте, в частности стихотворения «Чернь», выдвинул положение о том, что Пушкин в последний период жизни сознательно уходил в область чистого искусства, но что этот момент творчества Пушкина свидетельствовал о его «разладе» с окружающей средой и об оппозиционности поэта самодержавному строю. Эти суждения Плеханова вытекали из его положения о том, что в России теория чистого искусства не всегда играла отрицательную роль.

¹⁸⁰ Писарев имеет здесь в виду поэта — героя стихотворения «Чернь».

¹⁸¹ Д. И. Писарев, Полное собрание сочинений, т. 5, изд. 4-е, 1904, стр. 108—110.

¹⁸² Д. Мережковский. Вечные спутники. СПб., 1897, стр. 499—500.

«Поставив так вопрос в отношении Пушкина, — пишет современный исследователь, — Плеханов, по сути дела, отверг и осудил взгляд на Пушкина 20-х годов как сторонника „чистого искусства“. Однако он недостаточно четко обосновал свою мысль. Сделать это помешало ему убеждение в том, что может существовать некое свободное от „житейских интересов“ искусство».¹⁸³

В 1899 г. Л. Н. Майков предложил новое толкование пушкинского стихотворения, положившее начало правильному осмыслению как самого стихотворения, так и обстоятельств, способствовавших появлению подобных мотивов в творчестве Пушкина. Л. Н. Майков писал: «... по возвращении Пушкина из ссылки различные обстоятельства обязывали его к особой осторожности, чтобы не подвергаться новым стеснениям: это было время, когда он получал моральные и литературные наставления даже от такого любителя словесности, как граф Бенкендорф, и оказывался в необходимости оправдываться против выговоров. Не может подлежать сомнению, что стихотворение „Чернь“ есть именно ответ со стороны поэта его непризнанным, лицемерным судьям, как в обществе, так и в журналистике».¹⁸⁴

Правильность суждений Л. Н. Майкова о том, что Пушкин обращался в этом стихотворении не к народной массе, но к пустой толпе светской черни, подтверждается эпизодом, дошедшим до нас в воспоминаниях С. П. Шевырева: «Пушкин терпеть не мог, когда с ним говорили о стихах его и просили что-нибудь прочесть в большом свете. У княгини Зинаиды Волконской бывали литературные собрания понедельничные; на одном из них пристали к Пушкину, чтобы прочесть. В досаде он прочел „Чернь“ и, кончив, с сердцем сказал: „В другой раз не станут просить“».¹⁸⁵

О том, что «народ», называемый в данном стихотворении также «черню», не является народом в обычном понимании этого слова, т. е. народной массой, говорит и самый текст стихотворения:

Поэт по лире вдохновенной
 Рукой рассеянной бряцал.
 Он пел — а хладный и надменный¹⁸⁶
 Кругом народ непосвященный
 Ему бессмысленно внимал.
 И толковала чернь тупая...

Соотнести эпитет «надменный» к подлинному народу нельзя без явной бессмыслицы. С другой стороны, о подлинном народе и

¹⁸³ Б. И. Бурсов. Плеханов. «История русской критики», т. II, Изд. Академии наук СССР, М.—Л., 1958, стр. 536.

¹⁸⁴ Л. Майков. Пушкин, стр. 346—347.

¹⁸⁵ Там же, стр. 331.

¹⁸⁶ Курсив мой, — Б. Г.

его соотношениях с поэтом-певцом Пушкин писал в другом, оставшемся недоработанным стихотворении того же времени (1827):

Блажен в златом кругу вельмож
Пиит, внимаемый царями...

Он украшает их пиры...

Меж тем, за тяжкими <?> дверями,
Теснясь у черного <?> крыльца,
Народ, [гоняемый] слугами,
Поодаль слушает певца.¹⁸⁷

Проблема свободы и независимости творчества не потеряла для Пушкина остроты и в середине тридцатых годов. Она поставлена и в незаконченной поэме «Езерский» (1833):

Зачем крутится ветр в овраге
Подъемлет лист и пыль несет,
Когда корабль в недвижной влаге
Его дыханья жадно ждет?
Зачем от гор и мимо башен
Летит орел, тяжел и страшен,
На черный пень? Спроси его.
Зачем Арапа своего
Младая любит Дездемона,
Как месяц любит ночи мглу?
Затем, что ветру и орлу
И сердцу девы нет закона.
Гордись: таков и ты поэт,
И для тебя условий нет.¹⁸⁸

В «Египетских ночах» (1835) Чарский дает импровизатору тему — «поэт сам избирает предметы для своих песен; толпа не имеет права управлять его вдохновением», — составившую предмет импровизации итальянца:

[Поэт идет]: открыты вежды,
Но он не видит никого;
А между тем за край одежды
Прохожий дергает его...
«Скажи: зачем без цели бродишь?»
Едва достиг ты высоты,
И вот уж долу взор низводишь
И низойти стремишься ты.
На стройный мир ты смотришь смутно;
Бесплодный жар тебя томит;
Предмет ничтожный поминутно
Тебя тревожит и манит.
Стремиться к небу должен гений,
Обязан истинный поэт
Для вдохновенных песнопений
Избрать возвышенный предмет».

¹⁸⁷ При жизни Пушкина не печаталось.

¹⁸⁸ При жизни Пушкина не печаталась.

Для ответа поэта «прохожему» Пушкин несколько расширяет и перерабатывает приведенную выше строфу из «Езерского»:

... ветру и орлу
И сердцу девы нет закона.
Таков поэт: как Аквилон
Что хочет, то и носит он —
Орлу подобно, он летает
И, не спросясь ни у кого,
Как Дездемона избирает
Кумир для сердца своего.¹⁸⁹

В высшей степени симптоматичны слова «прохожего» о «ничтожном предмете», который «поминутно» «манит» к себе поэта. Один из адресов, по которым направляются эти слова, с очевидностью вскрывается ответом Пушкина заместителю Бенкендорфа по III Отделению А. Н. Мордвинову на его письмо от 29 июля 1833 г.: «Его величество... изъявил высочайшую свою волю знать, что побуждает Вас к поездке в Оренбург и Казань, и по какой причине хотите Вы оставить занятия, здесь на Вас возложенные?» (XV, 69).

На этот запрос царя Пушкин отвечал, ссылаясь на необходимость закончить давно начатую книгу: «Мне самому совестно тратить время на суетные занятия, но что делать? они одни доставляют мне независимость и способ прожить с моим семейством в Петербурге, где труды мои, благодаря государя, имеют цель более важную и полезную» (XV, 70).

Что же касается до совета «прохожего» об избрании «возвышенного предмета» для «вдохновенных песнопений», то и эта назойливая опека имеет свой адрес. Еще в ноябре 1824 г. Жуковский писал Пушкину: «По данному мне полномочию предлагаю тебе первое место на русском Парнассе. И какое место, есть ли с *высокою гения соединишь и высоту цели*» (XIII, 120). В апреле 1825 г. он вновь повторяет это в связи с отзывом о «Цыганах»: «Скажи, чего ты хочешь от своего гения? Какую память хочешь оставить о себе отечеству, которому так нужно высокое» (XIII, 165). Через год Жуковский настаивает на этом с еще большей решительностью: «... я ненавижу все, что ты написал возмутительного для порядка и нравственности... Талант ничто. Главное: величие нравственное» (XIII, 271).

Конец двадцатых годов был переломным временем в отношениях к Пушкину со стороны широких общественных кругов и журнальной критики. Почти общее непонимание новых путей, по которым шел Пушкин в своем творчестве уже в это время, было использо-

¹⁸⁹ При жизни Пушкина не печаталось.

вано реакционным лагерем для доказательства «падения» таланта Пушкина. Несмотря на расцвет его лирики, Пушкин крайне неохотно в это время печатал свои новые лирические произведения, что давало повод к разговорам об ослаблении творческой силы поэта и угасании его поэтического гения. «Журналы на меня озлоблены, — писал Пушкин в одной из своих заметок 1830 г. — Для публики я уже не имею главной привлекательности: молодости и новизны литературного имени» (XI, 154).

В свои суждения того же года о холодности публики к поэзии Баратынского Пушкин, несомненно, вкладывал и много личной горечи. «Никогда не старался он, — писал Пушкин, — малодушно угождать господствующему вкусу и требованиям мгновенной моды, никогда не прибегал к шарлатанству, преувеличению для произведения большего эффекта, никогда не пренебрегал трудом неблагодарным, редко замеченным, трудом отделки и отчетливости, никогда не тащился по пятам увлекающего свой век Гения, подбирая им оброненные колосья; он шел своею дорогой один и независим» (XI, 186).

Художественным обобщением всех этих горьких настроений Пушкина явился его сонет «Поэту» (1830):¹⁹⁰

Поэт! не дорожи любовью народной,
Восторженных похвал пройдет минутный шум;
Услышишь суд глупца и смех толпы холодной,
Но ты останься тверд, спокоен и угрюм.
Ты царь: живи один...

Вместе с тем сонет со всей определенностью говорил и о твердости Пушкина, с какой он оценивал значение своего собственного творчества и верности пути, им избранного:

... Дорогою свободной
Иди, куда влечет тебя свободный ум,
Усовершенствуя плоды любимых дум,
Не требуя наград за подвиг благородный.

Они в самом тебе. Ты сам свой высший суд;
Всех строже оценить умешь ты свой труд.
Ты им доволен ли, взыскательный художник?

Доволен? Так пускай толпа его бранит
И плюет на алтарь, где твой огонь горит,
И в детской резвости колеблет твой треножник.

Пушкинский сонет появился в печати в самый разгар разнузданной и враждебной Пушкину полемики вокруг только что вышедшего в свет «Бориса Годунова». В № 7 петербургской газеты «Le Furet de Saint-Petersbourg» от 25 января 1831 г. было напеча-

¹⁹⁰ Впервые напечатан в альманахе «Северные цветы на 1831 год».

тано, за подписью «Ел...» «Письмо к издателю», где говорилось, что статья о пушкинской трагедии в предыдущем номере этой газеты навела на мысль перевести на французский язык сонет Пушкина, появившийся недавно в альманахе «Северные цветы». При письме был напечатан и перевод сонета.¹⁹¹ Таким образом, смысл и значение пушкинского стихотворения были верно поняты и оценены наиболее чуткими современниками.

Этим же ощущением одиночества поэта в обществе, которое не понимает его, наполнено и следующее стихотворение Пушкина о поэте и о его месте в жизни — «Эхо» (1831):¹⁹²

Тебе ж нет отзыва... Таков
И ты, поэт!

Лирический цикл Пушкина о поэте завершается итоговым стихотворением «Я памятник себе воздвиг нерукотворный» (1836), имеющим исключительное значение для уяснения переживаний Пушкина последнего года его жизни.¹⁹³

Последние годы жизни, сопровождавшиеся огромным творческим подъемом, были предельно тяжелы для Пушкина. Всеобщее признание и хор беспрерывных похвал, сопровождавшие начало его творческого пути, сменились злобной травлей со стороны булгаринской клики, всеобщим непониманием сложнейших процессов, происходивших в пушкинском творчестве, и суждениями о смерти Пушкина как поэта.

В этих условиях подведение итогов своей творческой жизни и собственная оценка всего сделанного, которой только и доверял Пушкин в это время:

Ты сам свой высший суд;
Всех строже оценить умешь ты свой труд, —

становились насущной потребностью. Это Пушкин и осуществил, создав стихотворение, содержащее строгую и взыскательную самооценку всего своего пути художника.

¹⁹¹ Покойный Я. И. Ясинский в беседе со мной высказал вероятное предположение, что перевод сонета был выполнен Е. М. Хитрово (El'ise). Эта догадка, может быть, подтверждается аналогичной подписью Е. М. Хитрово (El) под некоторыми из ее писем к Пушкину. См., например, ее письмо от 9 мая 1830 г.

¹⁹² Впервые напечатано в альманахе «Северные цветы на 1832 год».

¹⁹³ О стихотворении «Я памятник себе воздвиг нерукотворный» существует обширная литература. Из последних работ о нем см.: И. Фейнберг. Памятник. «Литературный критик», 1939, № 5, стр. 86—97; Д. П. Якубович. Черновой автограф трех последних строф «Памятника». «Пушкин. Временник Пушкинской комиссии», т. 3, 1937, стр. 3—8; В. Б. Шкловский. Заметки о прозе русских классиков. Изд. 2-е, М., 1955, стр. 21—25; Б. С. Мейлах. Пушкин и его эпоха, стр. 513—518, и др.

Впервые начальные слова оды Горация «Ехеги monumentum» пришли на память Пушкину еще во время работы над II главой «Евгения Онегина» в 1823 г.

Соответствующие стихи XXXIX и XL строф этой главы читаются так:

Быть может (лестная надежда!),
Укажет будущий невежда
На мой прославленный портрет,
И молвит: то-то был Поэт!..

Последние четыре стиха в незаконченном варианте читались:

И этот юный стих небрежный
Переживет мой век мятежный.
Могу ль воскликнуть, «о друзья» —
Воздвигнул памятник <и> я. —

причем последний стих первоначально цитировал начало оды Горация:

Могу ль воскликнуть, «о друзья» —
Ехеги monumentum я.

(VI, 300).

Прошло тринадцать лет, и Пушкин вновь вспомнил оду Горация. За это время многое изменилось. Изменился и сам поэт.

Теперь он уже отправлялся не от самой оды Горация, слишком далеко отстоявшей от него и по времени, и по своим задачам. Горацианская традиция подведения итогов творческого пути художника была уже представлена на русской почве такими высокими образцами, как «Памятник» Державина, открыто назвавшего Пушкина своим преемником и благословившего его на трудный путь поэта.

В этих условиях обращение к державинскому образцу, точнее, подчеркнутое напоминание о нем, были вполне закономерны, более того, приобретали определенный и глубокий смысл утверждения высокой преемственности поэтического подвига.

Это Пушкин и осуществил, построив свое стихотворение в точном соответствии с державинским образцом¹⁹⁴ — соответствии, достигающем до прямого следования смысловому развитию во всех пяти строфах и даже нарочито подчеркнутой цитации державинских начал большинства строф.¹⁹⁵

¹⁹⁴ Пять четырехстишных строф (у Горация их четыре) шестистопного ямба с одним отличием в четвертом стихе каждой из строф, написанном четырехстопным ямбом.

¹⁹⁵ «Я памятник себе воздвиг нерукотворный» (у Державина: «Я памятник себе воздвиг чудесный, вечный»); «Нет, весь я не умру — душа в заветной лире» (у Державина: «Так! — весь я не умру: но часть меня большая»);

Однако подчеркивая свою преемственность от державинской поэтической традиции, второй своей задачей в этом стихотворении Пушкин ставил утверждение и коренного отличия своих задач как поэта от задач, стоявших перед Державиным, что вызвано разительным отличием своего «жесточкого века» от державинского.

Свое отличие от Державина и своих задач от державинских Пушкин открыто утверждает на протяжении всего стихотворения. Если в первой строфе величие созданного им памятника Державин определяет тем, что он тверже металлов и выше пирамид, и тем, что его не сокрушит полет времени, то величие своего памятника Пушкин определяет подчеркнуто общественным моментом — тем, что к нему никогда не зарастет народная тропа, и тем, что в силу этого ценность всего созданного поэтом несравненно значительнее, чем все самодержавие в целом («Вознесся выше он главою непокорной / Александрийского столпа»).¹⁹⁶

Если память о себе в народе («Всяк будет помнить то в народах неисчетных») Державин обосновывает тем, что он первый в русской поэзии («в забавном Русском слоге») воспел Екатерину II («дерзнул... о добродетелях Фелицы возгласить»), писал в своих одах о боге и с улыбкой говорил царям истину («В сердечной простоте беседовать о боге, / И истину царям с улыбкой говорить»), то Пушкин в прямую противоположность этому свое право на общенародную память («Слух обо мне пройдет по всей Руси великой, / И назовет меня всяк сущий в ней язык») утверждает тем, что

... в мой жестокой век восславил я Свободу¹⁹⁷
И милость к падшим призывал.¹⁹⁸

Последняя, пятая строфа пушкинского стихотворения особенно замечательна по своей разительной противоположности с аналогичной державинской. Если Державин в традиционном обращении к Музе признает за ней право уже сейчас возгордиться «заслужою справедливой» и самой венчать свое чело нимбом бессмертия («Не принужденною рукой не торопливой / Чело твое зарей бессмертия венчай»), то Пушкин, перифразируя строку своего сонета «Поэту»

«Слух обо мне пройдет по всей Руси великой» (у Державина: «Слух пройдет обо мне от Белых вод до Черных»).

¹⁹⁶ Александровская колонна против Зимнего дворца в Петербурге, поставленная в честь императора Александра I.

¹⁹⁷ Вариант:

Что вслед Радищеву восславил я Свободу
(III, 1035).

¹⁹⁸ Т. е. заступничество за декабристов в ряде стихотворений («Стансы», «Герой», «Пир Петра Первого»).

23 Б. П. Городецкий

(«Не требуя наград за подвиг благородный»), просит Музу не требовать венца («Обиды не страшась, не требуя венца»).¹⁹⁹ Если Державин признает за своей Музой право презирать тех, кто ее презрит («И презрит кто тебя, сама тех презирай»), то Пушкин также в соответствии с мыслью, выраженной уже в сонете «Поэту» («Услышишь суд глупца и смех толпы холодной, / Но ты останься тверд, спокоен и угрюм»), обращается к Музе с просьбой равнодушно относиться к обидам и клевете и не оспаривать глупца.

Стихотворение, не опубликованное поэтом при жизни, появилось в печати лишь в 1841 г. в посмертном собрании сочинений Пушкина, искаженное переделками Жуковского. «Александрейский столп» был заменен «Наполеоновым столпом», что не имело смысла, так как никакого «Наполеонова столпа» не существовало. Особенно большим искажением подверглась четвертая строфа, которая приобрела следующий вид:

И долго буду тем народу я любезен,
 Что чувства добрые я лирой пробуждал,
 Что прелестью живой стихов я был полезен,
 И милость к падшим призывал.²⁰⁰

В такой редакции эта строфа и была выбита на постаменте памятника Пушкину, воздвигнутого в Москве на Тверском бульваре в 1880 г.

Лишь Великая Октябрьская социалистическая революция восстановила на памятнике подлинный пушкинский текст и глубоко правдивую пушкинскую самооценку всего бессмертного дела его жизни.

XII

Конец двадцатых — начало тридцатых годов в лирике Пушкина ознаменованы усилением мотивов грусти, что было отмечено уже Белинским в качестве наиболее национальной черты зрелой пушкинской поэзии.

Утверждая это, Белинский имел в виду общие — исторические и социальные — тяжелые условия русской народной жизни, приводившие к тому, что настроение грусти превращалось в «общий мотив нашей поэзии — и народной и художественной» (V, 125).

¹⁹⁹ Вариант:

Изгнанья не страшась, не требуя венца.

(III₂, 1034).

²⁰⁰ Сочинения Александра Пушкина, т. IX, СПб., MDCCCXLI, стр. 121—122.

Может быть, ни в одном из своих произведений Пушкин не отразил с такой силой связь своих грустных настроений с общими тяжелыми условиями русской жизни николаевской России, как в стихотворении «Дорожные жалобы» (1829).²⁰¹

1828—1830-е годы — время непрерывных скитаний Пушкина по России, в конечном счете отражавших тревожные настроения поэта, не находившего покойного места в жизни.

По-видимому, эти же настроения сказались и на решении Пушкина в писавшейся в это же время VIII главе «Евгения Онегина» отправить своего героя в скитания по России:

Им овладело беспокойство,
Охота к перемене мест
(Весьма мучительное свойство,
Немногих добровольный крест).

«Охота к перемене мест» самого Пушкина обратила на себя внимание властей. Встретясь с ним однажды в это время, Бенкендорф заметил: «Vous êtes toujours sur les grands chemins» («Вы вечно на больших дорогах») (XIV, 72, 402).

Все это и составило основу стихотворения «Дорожные жалобы»:

Не в наследственной берлоге,²⁰²
Не средь отческих могил,
На большой мне, знать, дороге
Умереть господь судил.²⁰³

В стихотворении перечисляются самые разнообразные опасности, подстерегающие поэта в скитаниях по большим дорогам:

Иль чума меня подцепит,
Иль мороз окостенит,
Иль мне в лоб шлагбаум влепит²⁰⁴
Неповоротный инвалид.

Иль в лесу под нож злодею
Попадуся в стороне,
Иль со скуки околею
Где-нибудь в карантине.

²⁰¹ Впервые напечатано в альманахе «Северные цветы на 1832 год».

²⁰² Вариант:

Не в Москве, не в Таганроге
(в Таганроге умер Александр I).

²⁰³ Ср. в письме к П. В. Нащокину от 10 января 1836 г.: «Думаю побывать в Москве, коли не околею на дороге» (XVI, 73).

²⁰⁴ Строка удивительно ярко инструментована на основе звучания стержневого ее слова «влепит»: «иль мне в лоб шлагбаум влепит».

В вариантах рукописи эти опасности охарактеризованы еще более полно:

Иль в землянке
 В сакле, в хате, под шатром
 Иль припадке
 Иль в молд(авской) лихорадке

Или ночью в грязной луже,
 Иль на станции пустой,
 Что еще гораздо хуже,
 У зрителя, больной
 (III, 752—753).

В свете всех этих тягот неустроенной дорожной жизни такими трогательно-грустными представляются мечты поэта о минимальном покое и домашнем уюте, о естественном сне ночью и о привычном утреннем чае:

То ли дело, братцы, дома! ..

Оборванная многозначительным многоточием, эта строка имеет определенный смысл, заключающийся в том, что все это еще очень далеко от него, да и дома-то, по существу, у него нет совсем. Поэтому завершающая все стихотворение строка, также оборванная многоточием:

Ну, пошел же, погоняй! ..

воспринимается не как пожелание, обращенное к ямщику, чтобы тот поскорее привез его «домой», но как тоскливое, сознание невозможности этого, а отсюда стремления забыть хотя бы быстрой ездой.²⁰⁵

Это было время, когда Пушкин особенно остро начинал ощущать всю неустроенность своей личной судьбы. «Жизнь моя, доселе такая кочующая, такая бурная...» — писал он о своей прошлой жизни в одном из писем конца 1826 г. (XIII, 311, 562). «Заблуждения моей ранней молодости, — писал он в другом письме в начале 1830 г., — представились моему воображению; они были слишком тяжки и сами по себе, а клевета их еще усилила; молва о них, к несчастью, широко распространилась» (XIV, 75, 404).

Отсюда характерная для пушкинской лирики 1826—1830 гг. тема воспоминаний о прошлой жизни, а в известном отношении и переоценка ее. Таково стихотворение «Воспоминание» (1828).²⁰⁶

Первоначально озаглавленное «Бессонница» и написанное в середине мая, оно поразительно ярко передает характер петербург-

²⁰⁵ Ср.: Г. А. Гукowski. Пушкин и проблемы реалистического стиля. М., 1957, стр. 124—128.

²⁰⁶ Впервые напечатано в альманахе «Северные цветы на 1829 год».

ских белых бессонных ночей и длинную цепь воспоминаний, тревоживших в это время поэта:

Когда для смертного умолкнет шумный день,
И на немые стогны града
Полупрозрачная наляжет ночи тень
И сон, дневных трудов награда,
В то время для меня влatchатся в тишине
Часы томительного бдeнья:
В бездействии ночном живей горят во мне
Змеи сердечной угрызенья;
Мечты кипят; в уме, подавленном тоской,
Теснится тяжких дум избыток;
Воспоминание безмолвно предо мной
Свой длинный развивает свиток...

В рукописи стихотворение имеет не до конца доработанное продолжение ярко автобиографического характера, становящегося очевидным при сопоставлении с основными фактами прошлой жизни Пушкина:

Я вижу в праздности, в неистовых пирах,
В безумстве гибельной свободы,
В неволе, бедности, в гоненьи <?> [и] в степях
Мои утраченные [годы].
Я слышу вновь друзей предательский привет
На играх Вакха и Киприды,
Вновь сердцу наносит хладный свет
[Неотразимые обиды].
Я слышу . жужжанье клеветы,
Решенья глупости лукавой,
И шопот зависти, и легкой суеты
Укор веселый и кровавый.
И нет отрады мне — и тихо предо мной
Встают два призрака младые,
Две тени милые — два данные судьбой
Мне ангела во дни былые. —
Но оба с крыльями, и с пламенным мечом —
И стерегут — и мстят мне оба —
И оба говорят мне мертвым языком
О тайнах счастья и гроба.²⁰⁷

Как всегда он это делал со стихотворениями чересчур личного и интимного характера, Пушкин отбрасывает все продолжение, слишком прозрачно говорившее о широко известных фактах его прошлой жизни, и этим исключением придав оставшемуся основному тексту характер исключительно большой обобщенности.

²⁰⁷ В черновом автографе две последние строки читаются так:

И мертвую любовь питает их <?> огнем
Неумирающая злоба
(III, 655).

Что касается последних строк о двух милых тенях, данных поэту судьбой в жизни, то одна из них, по-видимому, Амалия Ризнич, скончавшаяся в Италии в 1825 г.²⁰⁸ О другой трудно сказать что-либо определенное, имея в виду в высокой степени присущее лирике Пушкина стремление к обобщению реальных жизненных фактов.²⁰⁹

Через неделю после «Воспоминания», в день своего рождения (26 мая), Пушкин пишет одно из самых трагических своих стихотворений «Дар напрасный, дар случайный» (1828):²¹⁰

Цели нет передо мною:
Сердце пусто, празден ум,
И томит меня тоскою
Однозвучный жизни шум.

Е. М. Хитрово сообщила текст стихотворения митрополиту Филарету, который не замедлил откликнуться на него стихами своего сочинения, в которых, по выражению Вяземского,²¹¹ он «пародировал или, лучше сказать, палинодировал» пушкинские стихи.²¹² По-видимому, Пушкин в очень сложных и трудных условиях, когда с него фактически не было снято обвинение в авторстве «Гаврилиады», учел серьезность создавшегося положения и ответил Филарету стихами «В часы забав иль праздной скуки» (1830), напечатав их в «Литературной газете» от 25 февраля 1830 г. с пометой «19 января 1830. С.-Петербург»:

Твоим огнем душа пала
Отвергла мрак земных сует.
И внимлет арфе серафима
В священном ужасе поэт.²¹³

²⁰⁸ Ср. стихотворение «Под небом голубым страны своей родной» (1826).

²⁰⁹ Ср. стихотворение «Прощание» (1830), где о живой женщине (Е. К. Воронцовой) и поэте говорится так, как если бы они были разлучены смертью:

Уж ты для своего поэта
Могильным сумраком одета,
И для тебя твой друг угас.

²¹⁰ Впервые напечатано в «Северных цветах на 1830 год».

²¹¹ Остафьевский архив, т. III, стр. 192.

²¹² Ср.:

Не напрасно, не случайно
Жизнь от бога мне дана...

²¹³ Стихотворение было перепечатано Пушкиным в сборнике своих стихотворений 1832 г., где оно, по словам Н. В. Измайлова, «принимало иной, обобщенный смысл, уже не относящийся к Филарету, — смысл обращения поэта к своему гению-руководителю, воплощающему в себе моральное чувство; оно близко по мысли к „Пророку“ 1826 года и относится, конечно, к ряду произведений на тему о назначении поэта, образующих в творчестве Пушкина

Характерно, что в день написания ответа Филарету (19 января) Пушкин пишет и другое стихотворение, диаметрально противоположное первому по силе утверждения в нем земной человеческой любви — «Нет, я не дорожу мятежным наслаждением» (1830).²¹⁴

О значительности и глубине лирических раздумий Пушкина над пережитым этапом жизни говорит и его работа в 1828—1829 гг. над замыслом большого обобщающего стихотворения, воспроизводящего строфу «Воспоминаний в Царском Селе» (1814) и носящего то же название.²¹⁵ Стихотворение осталось незавершенным, но в конце 1829 г. Пушкин начал перебелять законченную часть, поставив под текстом²¹⁶ знаменательную дату: «14 дек. 1829 С. П. Б.»:

Воспоминаньями смущенный,
Исполнен сладкою тоской,
Сады прекрасные, под сумрак ваш священный
Вхожу с поникшею главой.
Так отрок библии, [безумный] расточитель,
До капли истощив раскаянья фиал,
Увидев наконец родимую обитель,
Главой поник и зарыдал...

1828 год был одним из самых тяжелых для Пушкина. В июне этого года в результате рассмотрения в Сенате (11 июня) и в Государственном Совете (28 июня) дела о пушкинском стихотворении «Андрей Шеньев» принимается решение об учреждении за Пушкиным секретного надзора. О ряде деталей этого рассмотрения Пушкин, вероятно, мог узнать от А. Н. Оленина, являвшегося членом Государственного Совета.²¹⁷ В августе того же года Пушкин дважды вызывался к петербургскому военному губернатору П. В. Голенищеву-Кутузову для дачи показаний по обвинению его в авторстве «Гарриилады».

Все это решительным образом сказалось на характере стихотворения «Предчувствие» (июнь—август 1828),²¹⁸ где удивительно такой внутренне единый, хотя внешне и не объединенный цикл» (Сб. «Пушкин. Исследования и материалы, II, Изд. Академии наук СССР, М.—Л., 1958, стр. 13).

²¹⁴ При жизни Пушкина не печаталось.

²¹⁵ «Воспоминания в Царском Селе». При жизни Пушкина не печаталось.

²¹⁶ Под стихом 32-м «Екатерининских орлов».

²¹⁷ О взаимоотношениях Пушкина и А. Н. Оленина см.: Ф. Я. Прийма. Пушкин и кружок А. Н. Оленина. Сб. «Пушкин. Исследования и материалы», II, Изд. Академии наук СССР, М.—Л., 1958, стр. 229—246.

²¹⁸ Впервые напечатано в альманахе «Северные цветы на 1829 год». О работе Пушкина над этим стихотворением см.: Т. Г. Цявловская. Дневник А. А. Олениной. Сб. «Пушкин. Исследования и материалы», II, Изд. Академии наук СССР, М.—Л., 1958, стр. 259—260.

ярко передана грозовая атмосфера, сгущавшаяся вокруг Пушкина в эти дни:

Снова тучи надо мною
Собралися в тишине;
Рок завистливой бедою
Угрожает снова мне...

И — как бодрый, мощный выход из этого предчувствия беды — следующие строки, полные ощущения собственной силы:

Сохраню ль к судьбе презренье?
Понесу ль навстречу ей
Непреклонность и терпенье
Гордой юности моей?

Здесь не случайна и апелляция к своей гордой юности, сознательно подчеркнутая созвучием с собственным посланием к декабристам 1827 г. («Во глубине сибирских руд»):

Храните гордое терпенье.

и с лицейским прощальным гимном 1817 г.:

В несчастье гордое терпенье,
А в счастье всем равно любовь.

Глубокий и органически присущий Пушкину личный и исторический оптимизм, заставлявший его искать и находить выход из трудного, казавшегося подчас безнадежным положения в широких философских обобщениях общечеловеческого характера, в свете которых личный момент становился частью более широкого процесса общеисторической и общекультурной жизни, во всей своей силе сказался и в таком проникнутом грустью стихотворении этого времени, как «Брожу ли я вдоль улиц шумных» (1829).²¹⁹

По-видимому, данное стихотворение непосредственно связано с каким-то определенным и конкретным моментом глубоко личных переживаний Пушкина этого времени. Об этом говорит подчеркнута точная, вплоть до минут, дата его написания: «26 дек<абря> 1829 С. П. Б. 3 часа 5 м<инут>» (III₂, 790).

Черновой автограф, не заключая в себе каких-либо существенных отклонений от окончательного текста стихотворения, в то же время дает поразительно яркую картину движения пушкинской мысли от фиксации мотивов глубоко личного характера до широких философских обобщений общечеловеческого значения.

²¹⁹ Впервые напечатано в «Литературной газете» от 6 января 1830 г., № 2.

Первым и непосредственным стимулом к написанию стихотворения явилась неотвязная дума о смерти. Самые ранние подступы к работе говорят об этом со всей определенностью:

Куда б ни

Куда б меня мой

мысль о смерти
По всюду <?>

Куда б меня мой <рок> <?> мятежный
Не мчал по земной —
Но мысль о смерти неизбежной
Всегда б<лизка> <?> всегда со мной

Кружусь ли я с толпой мятежной,
Вкушаю ль сладостный покой —
Но мысль о смерти неизбежной
Всегда б<лизка> <?> всегда со мной.

Далее мысли поэта развиваются в такой последовательности. При взгляде на старый дуб возникает мысль о том, что он:

Переживет меня конечно
Как пережил моих отцов.

Лаская младенца, поэт уже думает:

Пора мне тлеть, ему цвести.

Пируя с друзьями, поэт обеспокоен мыслью:

И кто ж из нас.²²⁰

Предположения о конкретном месте, где его настигнет смерть:

[Умру ли в поле] иль в волнах
Страна [родная иль чужбина]
Мой примет охладелый прах —

прерываются мыслью о бесполезности всех этих гаданий:

[Они судьбы не переломят]

отсюда вывод о безразличии для бесчувственного тела места его последнего успокоения и одновременно признание, что все же

к родному пределу
Спокойней ближе почивать.

²²⁰ Ср. в «19 октября» (1825):

Кому ж из нас под старость день Лицея
Торжествовать придется одному?

Представления о своей будущей мирной могиле у родимого предела сначала ограничиваются картиной сияющей вечной прелестью и равнодушной к сменам поколений природы:

Вокруг	исхода
Пусть будет мир	стоять
И равнодушная природа	
Знакомой прелестью сиять.	

Вскоре эта картина оживляется мотивом новой молодой жизни, которая на фоне сияющей безмолвной прелестью равнодушной природы будет играть у гробового входа, как бы утверждая этим вечный жизненный поток, каждая человеческая жизнь для которого лишь исчезающе малая частица общего величавого и никогда не останавливающегося в своем развитии потока общемировой жизни:

Пусть там у гробового входа
Младая будет жизнь играть,
И равнодушная природа
Безмолвной <?> прелестью сиять.
(III₂, 784—789).

И в окончательном тексте:

И пусть у гробового входа
Младая будет жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вечною сиять.

XIII

1 мая 1829 г., получив неопределенный ответ от матери своей будущей невесты, Н. И. Гончаровой, Пушкин уехал к действующей на Кавказе русской армии. Через год в письме к ней же Пушкин писал об этом так: «... я сделал предложение, ваш ответ, при всей его неопределенности, на мгновение свел меня с ума; в ту же ночь я уехал в армию; вы спросите меня — зачем? клянусь вам, не знаю, — но какая-то непроизвольная тоска гнала меня из Москвы» (XIV, 75, 404).

Другой причиной поездки Пушкина было желание повидать брата, служившего в действующей кавказской армии, и некоторых друзей — декабристов, переведенных из Сибири на Кавказ.

Пушкин отправился на Кавказ, не испросив на то полагающегося разрешения. Власти ограничились установлением за ним секретного надзора, учитывая возможную пользу для себя в случае, если бы поэт под впечатлением поездки воспел ратные подвиги Николая в непопулярной в народе турецкой войне. В этих целях была осуществлена целая система напоминаний Пушкину,

чего от него ждут. Газета «Тифлисские ведомости» писала: «Надежды наши исполнились: Пушкин посетил Грузию. Он недолго был в Тифлисе; желая видеть войну, он испросил дозволения находиться в походе при действующих войсках, и 16-го июня прибыл в лагерь при Искан-су... Теперь читающая публика наша соединяет самые приятные надежды с пребыванием А. С. Пушкина в стане Кавказских войск и вопрошает: чем любимый Поэт наш, свидетель кровавых битв, подарит нас из стана военного? Подобно Горацию, поручавшему друга своего опасной стихии моря, мы просим судьбу сохранить нашего Поэта среди ужасов брани».²²¹

По возвращении Пушкина в Петербург «Северная пчела» писала: «Александр Сергеевич Пушкин возвратился в здешнюю столицу из Арзрума. Он был на блистательном поприще побед и торжеств Русского воинства, наслаждался зрелищем, любопытным для каждого, особенно для Русского. Многие почитатели его Музы надеются, что он обогатит нашу Словесность каким-нибудь произведением, вдохновенным под тенью военных шатров, в виду неприступных гор и твердынь, на которых мощная рука Эриванского героя²²² водрузила Русские знамена».²²³

Помня эпилог «Кавказского пленника», содержавший панегирические строки о А. П. Ермолове, Паскевич, несомненно, ожидал чего-либо подобного и о себе. Этого не случилось. Пушкин ограничился в отношении Паскевича полным молчанием. В ответ на посланный Жуковским экземпляр брошюры «На взятие Варшавы. Три стихотворения В. Жуковского и А. Пушкина» (1831) Паскевич в своем ответе Жуковскому писал, с нескрываемой горечью вспоминая молчание о нем Пушкина после похода 1829 г.: «Так померкнула заря достопамятных событий Персидской и Турецкой войн, и голос выпренного вдохновения едва едва отозвался в Отечестве в честь тогдашних успехов наших».²²⁴

И действительно, из всего цикла пушкинских стихотворений, связанных с его поездкой на Кавказ и к действующей армии, опубликованных в разных изданиях²²⁵ и объединенных в третьей части сборника «Стихотворений А. Пушкина» (1832), ни одно не

²²¹ «Тифлиссские ведомости», 1829, № 29. Перепечатано в «Северной пчеле» (1829, № 88).

²²² Т. е. Паскевича.

²²³ «Северная пчела», 16 ноября 1829 г., № 138.

²²⁴ «Русский архив», 1875, кн. III, № 11, стр. 369.

²²⁵ «Калмычке» («Литературная газета», 1830, № 38), «Из Гафиза» (альманах «Царское Село», 1830), «Кавказ» («Литературная газета», 1831, № 1), «Обвал» («Северные цветы на 1831 год»), «На холмах Грузии» («Северные цветы на 1831 год»), «Монастырь на Казбеке» («Северные цветы на 1831 год»), «Дон» («Литературные прибавления к Русскому инвалиду», 1831, № 83) и «Делибаш» («Северные цветы на 1832 год»).

содержит не только восхваления турецкой войны, но даже и более или менее серьезного упоминания о ней.²²⁶

Сама действительность, окружавшая Пушкина на Северном Кавказе, впечатления от его дикой и суровой природы — все это наводило его на мысли и ассоциации, прямо противоположные той официозной идеологии, которую ожидали найти в пушкинских стихах, навеянных его путешествием.²²⁷

Эти впечатления были тем более действенны, что ложились на душу поэта, в достаточной степени подготовленную к их восприимчивости в соответствующем свете: и тревогами последних лет жизни, и ожиданиями встреч с переведенными сюда из Сибири ссыльными друзьями-декабристами.

Ощущения давящей души тесноты кавказских ущелий не покидали Пушкина на всем пути по кавказским дорогам: «Здесь, так узко, так узко, пишет один путешественник,²²⁸ что не только видишь, но кажется чувствуешь тесноту» (VIII, 451). Эти ощущения непосредственно ассоциировались с представлениями о темнице или тюрьме:

Тесно и душно.
В диком ущелье —
Тучи да снег.

Небо чуть видно,
Как из тюрьмы.²²⁹

(«Страшно и скучно», 1829).

С другой стороны, мощный Терек, стесненный в своем беге дикими скалами и стремящийся разрушить их, наводил на цепь других ассоциаций:

Меж горных <стен> <?> несется Терек,
Волнами точит дикий берег,
Клопочет вокруг огромных скал,
То здесь, [то там] дорогу роет,
Как зверь живой, рвет и воет.²³⁰

²²⁶ «Олегов щит» («Северные цветы на 1830 год») непосредственно с поездкой Пушкина не связан. Нельзя его считать и восхвалением турецкой войны.

²²⁷ «В Газете (политической) побранили меня не на шутку за то, что по возвращении моем напечатал я стихотворение, не относившееся ко взятию Арарума» (Вторая редакция предисловия к «Путешествию в Арарум», VIII, 1024).

²²⁸ Н. А. Нефедьев (см. его «Записки во время поездки на Кавказ и в Грузию в 1827 году», 1829).

²²⁹ При жизни Пушкина не печаталось. Вариант чернового автографа:

Как из темницы
Небо чуть светит
(III, 799).

²³⁰ При жизни Пушкина не печаталось.

Эти ощущения и представления, соединяясь воедино, создавали почву для таких многозначительных стихотворений, как «Кавказ» (1829), где реалистическое воспроизведение подлинной действительности, углубленное личными переживаниями поэта, наполнялось новым пафосом огромного обобщения.

Образ Терека, которым заканчивается это стихотворение:

Играет и воеет, как зверь молодой,
Завидевший пищу из клетки железной;
И бьется о берег в вражде бесполезной,
И лижет утесы голодной воляй. . .
Вотще! нет ни пищи ему, ни отрады:
Теснят его грозно немые громады —

так ясно и прозрачно, как это только могло быть осуществлено в жестоких подцензурных условиях того времени, ставит тему *угнетения вообще* с такой силой, с такой целенаправленностью доносит ее до читателя с помощью всего арсенала соответствующих художественных средств, сравнений и эпитетов,²³¹ что одного этого достаточно, чтобы считать данное стихотворение ответственной общественной декларацией Пушкина на рубеже тридцатых годов. В процессе работы над ним Пушкин, по-видимому, сдерживал себя от более прямых и острых формулировок. Так, в одном из вариантов перебеленного текста две последние строки значительно сильнее, чем в печатном тексте, подчеркивали политическую остроту образа:

Вотще! нет ни пищи ему ни свободы
Теснят его молча кремнистые своды.

(III₂, 791).

Слово «свободы» яснее, чем слово «отрады», передавало замысел Пушкина, а упоминание о «сводах» неизбежно влекло за собой ассоциативные представления о тюремных сводах.

Еще более явно политическая направленность стихотворения сказалась в незаконченной строфе, начатой Пушкиным уже после того, как он проставил дату его окончательной доработки («20 сент. <ября 1830 г.>»):

Так буйную вольность законы теснят,
Так дикое племя [под] властью тоскует,
Так ныне безмолвный Кавказ негодует,
Так чуждые силы его тяготят. . .

(III₂, 792).

Пушкин оставил работу над этой строфой, так как в тех условиях, в каких он создавал стихотворение, и для той цели, какую

²³¹ «играет в свирепом весельи»; «как зверь молодой»; «из клетки железной»; «и бьется о берег в вражде бесполезной»; «теснят его грозно немые громады» и пр.

он преследовал при этом, тот предельно обобщенный образ *всякого угнетения вообще*, каким заканчивалось стихотворение, полностью соответствовал поставленной цели и был в той мере понятен, в какой это требовалось по замыслу Пушкина.

Если стихотворение «Кавказ» говорит о могучих усилиях Терек, бессильного преодолеть теснящие его громады скал, то другое стихотворение того же времени — «Обвал» (1829) — рассказывает о его победе над преградившим его путь снежным обвалом.

Как и «Кавказ», это стихотворение глубоко реалистично. Оно представляет собой яркий пример того, как самые обыкновенные явления действительности приобретают в лирике Пушкина характер огромных и широчайших обобщений.

Стихотворение основано на фактах, описанных Пушкиным в первой главе «Путешествия в Арзрум»: «Дорога шла через обвал, обрушившийся в конце июня 1827 года. Таковые случаи бывают обыкновенно каждые семь лет. Огромная глыба, свалясь, засыпала ущелие на целую версту, и заперудила Терек. Часовые, стоявшие ниже, слышали ужасный грохот и увидели, что река быстро мелела и в четверть часа совсем утихла и истошилась. Терек прорылся сквозь обвал не прежде, как через два часа. То-то был он ужасен!.. В это время услышал я глухой грохот. „Это обвал“ сказал мне г. Огарев». Я оглянулся и увидел в стороне груды снега, которая осыпалась и медленно съезжала с крутизны» (VIII, 453).

Этот обычный в тех условиях факт в стихотворении Пушкина обобщался до степени многозначного символа могучих усилий, преодолевающих препятствие:

Оттоль сорвался раз обвал,
И с тяжким грохотом упал,
И всю теснину между скал
Загородил,
И Терек могущий вал
Остановил.

Вдруг, истошась и присмирив,
О Терек, ты прервал свой рев;
Но задних волн упорный гнев
Прошиб снега...
Ты затопил, освирепев,
Свои берега.

Конец же стихотворения:

И долго прорванный обвал
Неталой грудью лежал,
И Терек злой под ним бежал,
И пылью вод
И шумной пеной орошал
Ледяный свод.

И путь по нем широкий шел:
 И конь скакал, и влекся вол,
 И своего верблюда вёл
 Степной купец,
 Где ныне мчится лишь Эол,
 Небес жилец, —

воспроизводящий картину успокоившейся после стихийного потрясения природы, если не в целом, то в какой-то степени близок таким многозначительным и многозначным концовкам, как в «Аквилоне» (1825?):

Но ты поднялся, ты выиграл,
 Ты прошумел грозой и славой —
 И бурны тучи разогнал,
 И дуб низвергнул величавый.

Пускай же солнца ясный лик
 Отныне радостью блистает,
 И облачком зефир играет,
 И тихо вылетят тростник.

или в «Туче» (1835):

Ты небо недавно кругом облегала,
 И молния грозно тебя обвивала;
 И ты издавала таинственный гром
 И алчную землю поила дождем.

Довольно, сокройся! Пора миновалась,
 Земля освежилась, и буря промчалась,
 И вечер, лаская листочки древес,
 Тебя с успокоенных гонит небес.

Поразительно удачное для данной темы строфическое построение стихотворения, основанное на коротких, обрывающихся резкими мужскими рифмами строках, заполненных предельно короткими и столь же отрывистыми словами, создает почти чувственно-ощутимое впечатление от падения тяжелых глыб.

Путешествие не успокоило Пушкина. Впечатление от одного солнечного утра после бури легло в основу стихотворения «Монастырь на Казбеке», говорившего, как и многие другие, о неудовлетворенности жизнью. В «Путешествии в Арзрум» Пушкин рассказал об этом так: «Утром, проезжая мимо Казбека, увидел я чудное зрелище. Белые, оборванные тучи перетягивались через вершину горы, и уединенный монастырь, озаренный лучами солнца, казалось плавал в воздухе, несомый облаками» (VIII, 482). В стихотворении эта картина соотнесена с личными переживаниями поэта:

Высоко над семью гор,
 Казбек, твой царственный шатер

Сияет вечными лучами.
Твой монастырь за облаками,
Как в небе реющий ковчег,
Парит, чуть видный, над горами

Далекий, возделенный брег!
Туда б, сказав прости ущелью,
Подняться к вольной вышине!
Туда б, в заоблачную келью,
В соседство бога скрыться мне! . . .²³²

XIV

Время — лучший целитель. Личная лирика Пушкина, почти полностью заглушенная тяжелыми переживаниями, вызванными катастрофой 14 декабря 1825 г.; начинает вновь вступать в свои права уже со времени возвращения поэта из ссылки. К последним месяцам 1826 г. относится характерное в этом отношении стихотворение, названное Пушкиным в печати «Отрывок из Андрея Шенья»,²³³ хотя только один эпиграф (Tel j'étais autre fois et tel je suis encor),²³⁴ воспроизведенный и в первой строке, принадлежит французскому поэту. Все же стихотворение в целом совершенно оригинально и удивительно ярко передает настроения Пушкина по возвращении из долгой ссылки:²³⁵

Каков я прежде был, таков и ныне я:
Беспечный, влюбчивый. Вы знаете, друзья,
Могу ль на красоту взирать без умиления,
Без рсбкой нежности и тайного волнения.
Уж мало ли любовь играла в жизни мной?
Уж мало ль бился я, как ястреб молодой,
В обманчивых сетях, раскинутых Кипридой,
А не исправленный стократною обидой,
Я новым идолам несу мои мольбы.²³⁶

²³² Окончание стихотворения в первой белой редакции было иным:

О пристань, о желанный брег! . .
Туда б, в заоблачную келью,
Туда б в соседство неба, мне . . .
Сказав *прощай* земли ущелью
И там исчезнуть в вышине.

(III₂, 794).

²³³ Впервые напечатано в «Стихотворениях Александра Пушкина» (т. III, 1832) с датой: «1828».

²³⁴ Перевод: Таков был я прежде, таков и теперь.

²³⁵ О датировке этого стихотворения см.: Т. Г. Цявловская. Дневник А. А. Олениной, стр. 287—289.

²³⁶ В автографе 1826 г. стихотворение имеет окончание, не поддающееся в настоящее время прочтению. При переписке стихотворения в 1828 г. Пушкин опустил его.

Этим «новым идолам» посвящен в лирике Пушкина первых лет по возвращении из ссылки ряд небольших циклов далеко не равноценных стихотворений. К 1828 г. относится несколько стихотворений, связанных с именем А. А. Олениной. В биографическом отношении связи Пушкина с семьей и кружком одного из культурнейших людей своего времени, знатока русской древности, почетного председателя Академии художеств, директора Публичной библиотеки А. Н. Оленина исследованы довольно подробно.²³⁷ Так же с достаточной полнотой изучены и отношения Пушкина к его дочери — А. А. Олениной.²³⁸

Лирический цикл, связанный с ее именем, говорит о не особенно глубоко и скоро прошедшем чувстве поэта, что и сказалось на содержании и характере внушенных ею стихотворений. Это первая редакция (1828) стихотворения «Вы избалованы природой», в начале 1829 г. в переработанном виде записанного в альбом Е. Н. Ушаковой;²³⁹ оставшееся незаконченным стихотворение «Увы! язык любви болтливый»; небольшое стихотворение «То Dawe Esqr»,²⁴⁰ обращенное к знаменитому портретисту Дау с предложением рисовать «Олениной черты», так как «Лишь юности и красоты / Поклонником быть должен гений»; стихотворение мадригального типа «Ты и вы»,²⁴¹ вызванное случайной обмолвкой А. А. Олениной; «Ее глаза»²⁴² — стихотворное сравнение глаз А. О. Россети и А. А. Олениной, и некоторые другие.

И среди этого цикла — такой шедевр пушкинской лирики, как «Не пой, красавица, при мне» (1828).²⁴³ Стихотворение навеяно исполнением А. А. Олениной обрабатываемой в то время М. И. Глинкой мелодии грузинской песни, сообщенной композитору приехавшим в Петербург из Персии А. С. Грибоедовым.²⁴⁴

Однако это стихотворение только формально соотносится с А. А. Олениной, так как в основе его лежит воспоминание о другом лице:

Увы! напоминают мне
Твои жестокие напевы

²³⁷ См.: Ф. Я. Прийма. Пушкин и кружок А. Н. Оленина, стр. 229—246.

²³⁸ См.: Т. Г. Цявловская. Дневник А. А. Олениной, стр. 247—292.

²³⁹ Там же, стр. 251—252. Стихотворение впервые опубликовано в «Галатее» (1829, т. 1, № 5, в отделе стихотворений 1829 г.).

²⁴⁰ Впервые опубликовано в альманахе «Северные цветы на 1829 год».

²⁴¹ Там же.

²⁴² Впервые опубликовано без ведома Пушкина и с искажениями М. А. Бестужевым-Рюминым в альманахе «Северная звезда» (1829).

²⁴³ Впервые опубликовано в альманахе «Северные цветы на 1829 год».

²⁴⁴ Предположение о соотношении слова «красавица» с именем А. А. Олениной было высказано М. А. Цявловским еще в 1914 г. («Два автографа Пушкина», М., 1914, стр. 10) и доказано Т. Г. Цявловской в названной выше ее статье (стр. 256—257).

И степь, и ночь — и при луне
 Черты далекой, бедной девы...

Я призрак милый, роковой,
 Тебя увидев, забываю;
 Но ты поешь — и предо мной
 Его я вновь воображаю.

Впервые соотнесение этих строк с именем М. Н. Раевской-Волконской, находившейся в то время в Сибири, было сделано Н. О. Лернером,²⁴⁵ сблизившим строку «Черты далекой, бедной девы» с вариантами «Посвящения» поэмы «Полтава» («Твоя далекая пустыня»), законченной в том же году. О связи данного стихотворения не столько с Грузией, где Пушкин к этому времени лично еще не был, сколько с Кавказом, где он побывал с семейством Раевских летом 1820 г., говорит и не вошедшая в окончательный текст строфа:

Напоминают мне оне
 Кавказа гордые вершины,
 Лихих чеченцев на коне
 И закубанские равнины —

(III₂, 659).

вычеркнутая Пушкиным как явное соотнесение с совершенно конкретной действительностью.

Воспоминания об этой действительности вновь со всей силой завладели творческим сознанием Пушкина во время его поездки на Кавказ в 1829 г. О своем посещении района Минеральных Вод позднее он писал в «Путешествии в Арзрум»: «... мне было жаль их прежнего, дикого состояния; мне было жаль крутых каменных тропинок, кустарников и неогороженных пропастей, над которыми, бывало, я карабкался. С грустью оставил я воды, и отправился обратно в Георгиевск. Скоро настала ночь. Чистое небо усеялось миллионами звезд. Я ехал берегом Поджумка. Здесь, бывало сживал со мною А. Р. <аевский>, прислушиваясь к мелодии вод» (VIII₁, 447).

Эти воспоминания легли в основу одного из величайших шедевров мировой лирической поэзии — стихотворения «На холмах Грузии лежит ночная мгла» (1829).²⁴⁶

О связи этого стихотворения с кавказскими воспоминаниями Пушкина говорит первая его черновая редакция:

Все тихо — на Кавказ идет ночная мгла,
 Восходят звезды надо мною.

²⁴⁵ См.: Пушкин, Полное собрание сочинений, т. IV, под ред. С. А. Венгерова, 1910, стр. LXVIII.

²⁴⁶ Впервые напечатано в альманахе «Северные цветы на 1831 год».

Мне грустно и легко — печаль моя светла,
Печаль моя полна тобою,

Тобой, одной тобой — унынья моего
Ничто не мучит, не тревожит,
И сердце вновь горит и любит оттого,
Что не любить оно не может.

[Прошли за днями дни — сокрылось много лет.
Где вы, бесценные созданья?
Иные далеко, иных уж в мире нет,
Со мной одни воспоминанья.]

Я твой по-прежнему, тебя люблю я вновь
И без надежд и без желаний,
Как пламень жертвенный чиста моя любовь
И нежность девственных мечтаний.

(III₂, 722—723).²⁴⁷

В процессе работы Пушкин вычеркнул третью строфу, как можно думать, по двояким причинам: с одной стороны, она была слишком автобиографична, с другой — недостаточно связана с предшествовавшей и последующей строфами.²⁴⁸ Таким образом, в первой черновой редакции Пушкин оставил стихотворение в составе трех строф (I, II и IV).

Независимо от этого вычеркнутая строфа представляет исключительный интерес для понимания всего стихотворения в целом.²⁴⁹
Строка

Прошли за днями дни — сокрылось много лет. —

явно говорит о воспоминаниях, относящихся к давнему времени.
Строка

Иные далеко, иных уж в мире нет. —

²⁴⁷ Здесь не отмечено исключение Пушкиным вычеркнутой третьей строфы («Прошли за днями дни...»), на что указала М. П. Султан-Шах в своей статье «М. Н. Волконская о Пушкине в ее письмах 1830—1832 годов» (Сб. «Пушкин. Исследования и материалы», I, Изд. Академии наук СССР, М.—Л., 1956, стр. 264—265).

²⁴⁸ Ср.: С. М. Бонди. Новые страницы Пушкина. 1931, стр. 26; М. П. Султан-Шах. М. Н. Волконская о Пушкине в ее письмах 1830—1832 годов, стр. 265.

²⁴⁹ Вопрос об адресате стихотворения издавна привлекал внимание исследователей. Назывались имена Н. Н. Гончаровой (П. И. Баргенов, «Русский архив», 1881, кн. III, вып. 2, стр. 468 и др.; в последнее время — М. П. Султан-Шах в названной выше работе), Е. Н. Ушаковой (А. С. Пушкин, Сочинения, т. VIII, под ред. П. А. Ефремова, 1905, стр. 304), Елены Н. Раевской (Е. Г. Вейденбаум, «Русский архив», 1905, кн. 1, № 4, стр. 676—677), М. Н. Раевской (П. Е. Щеголев, «Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук», 1903, т. VIII, кн. 4, стр. 376—379; «Из жизни и творчества Пушкина», 1931, стр. 345—346; Т. Г. Цявловская, см.: А. С. Пушкин, Собрание сочинений в 10 томах, т. 2, 1959, стр. 710).

более чем вероятно имеет в виду М. Н. Раевскую, последовавшую за мужем-декабристом в Сибирь. Пушкин перефразировал здесь свой эпиграф из Саади, предпосланный к «Бахчисарайскому фонтану»: «Многие, так же как и я, посещали сей фонтан; но иных уже нет, другие странствуют далече». Через год Пушкин вспомнит об этом же в непосредственной связи с декабристами:

Иных уж нет, а те далече,
Как Сади некогда сказал.
(«Евгений Онегин», гл. VIII, стр. LI).

Вычеркнув третью строфу, Пушкин во второй черновой редакции стихотворения отказался и от второй строфы, соединив воедино лишь первую и четвертую:

Все тихо — на Кавказ идет ночная мгла;
Мерцают звезды предо мною.
Мне грустно и легко — печаль моя светла;
Печаль моя полна тобою.

Я твой попрежнему — тебя люблю я вновь.
И без надежд, и без желаний,
Как пламень жертвенный чиста моя любовь
И нежность девственных мечтаний.
(III₂, 724).

Стихотворение получилось удивительно цельное и стройное, говорящее, с одной стороны, о продолжающейся любви к далекой, а с другой стороны, полное восхищения ее самоотверженным подвигом, перед которым любовь поэта горит как чистый жертвенный пламень — «без надежд и без желаний». От этого все стихотворение овеяно чувством грусти и светлой печали.

Однако стихотворение в такой редакции было все обращено в прошлое. Завершающая его строфа была слишком прозрачна и таила в себе возможности применений, нежелательных в пору, когда вопрос о руке Н. Н. Гончаровой не был еще решен положительно.²⁵⁰ Пушкин отказывается от этой строфы и заменяет ее второй, ранее исключенной. Одновременно в первой строфе Кавказ заменяется Грузией и ее рекой — Арагвой:

На холмах Грузии лежит ночная мгла;
Шумит Арагва предо мною.
Мне грустно и легко; печаль моя светла;
Печаль моя полна тобою,

²⁵⁰ Т. Г. Цвяловская справедливо замечает, что слова «по-прежнему», «вновь» «не могли быть обращены к шестнадцатилетней Гончаровой, с которой Пушкин познакомился только в 1828 году» (А. С. Пушкин, Собрание сочинений в 10 томах, т. 2, 1959, стр. 710).

Тобой, одной тобой... Унынья моего
 Ничто не мучит, не тревожит,
 И сердце вновь горит и любит — оттого,
 Что не любить оно не может.

В таком виде стихотворение и было напечатано под заголовком «Отрывок». Создавая эту окончательную, предельно обобщенную редакцию, Пушкин ничем не поступался в отношении того глубокого внутреннего содержания, какое он вкладывал в свои стихи. И в этом его виде стихотворение говорило о давней любви, вспыхнувшей с новой силой в связи с нахлынувшими воспоминаниями. В то же время оно могло быть понято и как относящееся к новому чувству поэта.

Еще до напечатания стихотворения Пушкин сообщил его некоторым своим знакомым. В. Ф. Вяземская, систематически посылавшая М. Н. Волконской в Сибирь все значительные литературные новинки, переслала ей в копии и это стихотворение с указанием, что оно обращено к Н. Н. Гончаровой, в то время уже невесте Пушкина.²⁵¹ По-видимому, М. Н. Волконская так и не узнала истины. Ее отзывы об этом стихотворении в письмах к В. Ф. Вяземской и Э. А. Волконской²⁵² содержат оттенок скрытой грустной обиды.

XV

Конец 1829 г. в лирике Пушкина был ознаменован созданием двух стихотворений о любви, столь совершенных и прекрасных, что их одним было бы достаточно для признания их автора великим поэтом. Оба они относятся к Каролине Собаньской, с которой Пушкин после долгого перерыва со времени их одесского знакомства вновь встретился в Петербурге.²⁵³

О характере этой новой их встречи говорит черновое письмо Пушкина от 2 февраля 1830 г.: «Сегодня 9-я годовщина дня, когда я вас увидел в первый раз. Этот день был решающим в моей жизни. Чем более я об этом думаю, тем более убеждаюсь, что мое существование неразрывно связано с вашим; я рожден,

²⁵¹ Предложение Пушкина было принято 6 апреля 1830 г.

²⁵² Письма полностью не опубликованы. В выдержках, касающихся Пушкина, они приведены (и в оригинале, и в переводах) в работе М. П. Султан-Шах «М. Н. Волконская о Пушкине в ее письмах 1830—1832 годов».

²⁵³ Истинное значение К. Собаньской в жизни и творчестве Пушкина установлено Т. Г. Зенгер-Цявловской («Три письма Пушкина к неизвестной». «Звенья», кн. 2, 1933, стр. 201—221; вторичная публикация этих писем с обширным комментарием к ним: «Рукою Пушкина», стр. 179—208). См. также: В. Базилевич. Автограф «Что в имени тебе моем?». «Литературное наследство», № 16—18, 1934, стр. 876—879.

чтобы любить вас и следовать за вами — всякая другая забота с моей стороны — заблуждение или безрассудство; вдали от вас меня лишь грызет мысль о счастье, которым я не сумел насытиться» (XIV, 62, 399). И в другом, также сохранившемся в черновике письме, написанном в тот же день: «Счастье так мало создано для меня, что я не признал его, когда оно было передо мною... Вам обязан я тем, что познал все, что есть самого судорожного и мучительного в любовном опьянении, и все, что есть в нем самого ошеломляющего. От всего этого у меня осталась лишь слабость выздоравливающего, одна привязанность, очень нежная, очень искренняя, — и немного робости, которую я не могу побороть» (XIV, 64, 400).

Из этого комплекса переживаний, так ярко и полно охарактеризованных в данном письме, и рождается одно из самых совершенных произведений пушкинской лирики:

Я вас любил: любовь еще, быть может,
В душе моей угасла не совсем;
Но пусть она вас больше не тревожит;
Я не хочу печалить вас ничем.
Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим;
Я вас любил, так искренно, так нежно,
Как дай вам бог любимой быть другим.²⁵⁴

Об обстоятельствах написания другого стихотворения, посвященного К. Собаньской и записанного Пушкиным в ее альбоме 5 января 1830 г., говорит помета Собаньской на обороте альбомного листа с пушкинским стихотворением: «Par Alexandre Pouchkine à qui je demandais d'écrire son nom sur une page de mon livre de souvenir. 5 janvier 1830 à Pétersbourg» («Написано Александром Пушкиным, которого я просила написать свое имя на листке моего альбома. 5 января 1830 г. в Петербурге»).²⁵⁵ Ответом на эту просьбу Собаньской и явилось стихотворение:

Что в имени тебе моем?
Оно умрет, как шум печальный
Волны, плеснувшей в берег дальный,
Как звук ночной в лесу глухом...²⁵⁶

Номер «Литературной газеты», где было напечатано это стихотворение, вышел в свет 6 апреля 1830 г., в тот самый день, когда предложение Пушкина Н. Н. Гончаровой было, наконец, принято.

²⁵⁴ Впервые напечатано в альманахе «Северные цветы на 1830 год».

²⁵⁵ Воспроизведение автографа Пушкина и помет К. Собаньской см.: В. Базилевич. Автограф «Что в имени тебе моем?», стр. 877.

²⁵⁶ Впервые напечатано в «Литературной газете» (1830, № 20).

Незадолго перед этим, в двадцатых числах декабря 1829 г. вышли в свет «Северные цветы на 1830 год» с другим стихотворением, посвященным Собаньской, — «Я вас любил: любовь еще, быть может, / В душе моей угасла не совсем». Все это усложняло и без того напряженную атмосферу, создававшуюся вокруг Пушкина. «Заблуждения моей ранней молодости представились моему воображению, — писал Пушкин в эти дни Н. И. Гончаровой, — они были слишком тяжки и сами по себе, а клевета их еще усилила: молва о них, к несчастью, широко распространилась» (XIV, 75, 404).

Еще более определенно Пушкин писал об этом несколько позднее П. А. Плетневу: «...московские сплетни доходят до ушей невесты и ее матери — отसेде размолвки, колкие обиняки, ненадежные примирения» (XIV, 110).

Все это создавало атмосферу, учет которой необходим для понимания таких стихотворений, как «Когда в объятия мои» (1830),²⁵⁷ которое, судя по первоначальным черновым наброскам, должно было начинаться стихом:

Не упрекай меня, друг нежный
(III, 826)

Стихотворение достаточно ярко воспроизводит сложную обстановку, в какой жил Пушкин в это время:

Безмолвна, от стесненных рук
Освобождая стан свой гибкой,²⁵⁸
Ты отвечаешь, милый друг,
Мне недоверчивой улыбкой;
Прилежно в памяти храня
Измен печальные преданья,
Ты без участия и вниманья
Уныло слушаешь меня...

XVI

В конце августа 1830 г. Пушкин отправился в село Болдино Лукояновского уезда Нижегородской губернии, чтобы войти во владение подаренной ему отцом деревней. О настроениях, с которыми он уезжал туда, говорит его письмо к П. А. Плетневу: «Милый мой, расскажу тебе все, что у меня на душе: грустно, тоска, тоска... Осень подходит. Это любимое мое время — здоровье мое

²⁵⁷ При жизни Пушкина не печаталось

²⁵⁸ Ср. в письме Пушкина невесте от 20 июля 1830 г.: «...целую ручки Наталье Ивановне... и вам так же, мой ангел, раз вы не позволяете мне обнять вас» (XIV, 102, 413).

обыкновенно крепнет — пора моих литературных трудов настает... Еду в деревню, бог весть, буду ли там иметь время заниматься, и душевное спокойствие, без которого ничего не произведешь... Чорт меня догадал бредить о счастье, как будто я для него создан» (XIV, 110).

Лирика Пушкина этой осени поднимается до небывалых высот философских обобщений и художественного совершенства. Раздумья поэта о своей жизни, приобретающие характер общечеловеческой значимости, его размышления о судьбах родины и оценки окружающей действительности — все это, преображенное искусством и превращенное великой силой художника в чистейшее золото поэзии, становилось подлинным художественным зеркалом современности и жизни того времени с необозримыми просторами необъятной империи, по которым в вихрях метели едет сбившийся с дороги путник, с ее темными ночами, в которых затерянный в бесконечных пространствах и измученный бессонными думами одинокий поэт стремится понять смысл тяжелой и несправедливой жизни с ее страшными противоречиями — от пышных графских имений до нищего мужичонки с убогим детским гробом под мышкой.

В ночной осенней тишине старого, давно нежилого дома, прерываемой лишь ночными звуками — от однообразного хода часов, неторопливо и безостановочно сбрасывающих в вечность минуты, дни и годы уходящей жизни, до мышинной беготни по разошедшемуся полу, как и два года назад в бессонные петербургские белые ночи, когда в подавленном тоской уме теснился избыток тяжких дум, в душе поэта рождались воспоминания о прожитой половине жизни.

Как и два года назад, когда в день своего рождения поэт писал горькие строки о том, что его томит

Однозвучный жизни шум. —

так и сейчас, вслушиваясь в ночные шорохи, вглядываясь в окружающий мрак, поэт снова и снова думал о смысле уходящей жизни, ассоциировавшейся в этой обстановке с бесцельной мышинной беготней. Так рождались строки «Стихов, сочиненных ночью во время бессонницы» (октябрь 1830 г.).²⁵⁹

Почти физически ощутимо передавая ритм однообразного и безостановочного отстукивания часового маятника:

Хód — ча — сов — лишь — бдно — звúч — ный
Рáз — да — ёг — ся — блíz — ме — ня — ,

²⁵⁹ При жизни Пушкина не печаталось.

всей своей звуковой структурой основанной на нагнетении звуков ч, ш, щ и близких к ним ж и з, воссоздавая впечатления шумов и шорохов ночи:

Спящей ночи трепетанье,
Жизни мышья беготня...
Что тревожишь ты меня? —

многократным и настойчивым повторением одних и тех же тревожных вопросов:

Что тревожишь ты меня?
Что ты значишь, скучный шопот?
От меня чего ты хочешь?
Ты зовешь или пророчишь? —

создавая представление о жизненной важности всех этих вопросов для поэта, стихотворение с предельной силой передавало ощущение тревоги и тоски, охватывавших Пушкина в темные осенние ночи тридцатого года, а вместе с тем утверждало и подлинно пушкинское мужество, которое не позволяло ему склонить голову перед всей сложностью выдвигавшихся самой жизнью и казавшихся неразрешимыми вопросов:

Я понять тебя хочу,
Смысла я в тебе ищу . .

Как огромное обобщение переживаний Пушкина этого времени, переведенных на специфически образный язык искусства, возникло стихотворение «Бесы» (1830)²⁶⁰ — своеобразный итог пушкинских раздумий о жуткой жизни николаевской России. Эти думы о судьбах страны в сложнейших условиях последекабрьской действительности мучили не одного Пушкина. «Я убежден, что вы можете принести бесконечную пользу несчастной, сбившейся с пути России», — писал ему Чаадаев в марте—апреле 1829 г. (XIV, 44, 394). В октябре—ноябре того же года Пушкин делает первые наброски «Бесов». Окончательное завершение стихотворение получает болдинской осенью 1830 г.²⁶¹

Первоначальные наброски говорили о путнике в третьем лице:

Путник едет <в> чистом поле
Путник <?> едет в темном поле
Путник <?> едет в белом <?> поле. . .

(III₂, 832).

²⁶⁰ Впервые напечатано в альманахе «Северные цветы на 1832 год».

²⁶¹ Дата перебеленного автографа — 7 сентября 1830 г.

В связи с необходимостью реалистически обосновать диалог путника с ямщиком (Пошел, пошел — — Мы сбились, барин — — — и т. д.) в перебеляемой рукописи появляется сначала

Едем, едем в чистом поле
(III₂, 834).

и, наконец, окончательно:

Еду, еду в чистом поле.

О дороге, с которой сбился путник, сначала говорится в единственном числе:

Дорогу снегом занесло
Всю дорогу занесло —
(III₂, 835).

и, наконец, как в окончательном тексте, во множественном числе:

Все дороги занесло.

Эта формула, не поступаясь реалистичностью изображаемого, в то же время способствовала приданию описываемым событиям большей обобщенности. Поэтому слова окончательного текста:

Хоть убей, следа не видно;
Сбились мы. Что делать нам! —

несмотря на то, что они вложены в уста ямщика, воспринимаются как эмоции путника, а в конечном счете автора, образ которого в стихотворении полностью сливается с образом путника. Эта соотнесенность эмоций путника и автора уже намечена в самом начале стихотворения строками:

Страшно, страшно поневоле
Средь неведомых равнин!

Она подчеркивается восклицанием:

Сил нам нет кружиться доле.

и особенно последней строкой стихотворения, которая в читательском восприятии определенно связывается с эмоциями самого автора:

Мчатся бесы рой за роем
В беспредельной вышине,
Визгом жалобным и воем
Надрывая сердце мне...

«Бесы» — чрезвычайно многоплановое произведение пушкинской лирики. Это — и реалистическая картина метели, в которой кружится сбившийся с дороги одинокий путник. Это — и итог горьких раздумий Пушкина о путях современной ему России. Это в конечном счете — и стихотворение о самом себе, о своем месте в жизни, о своем отношении к окружающей действительности.

Ограничивать стихотворение лишь одним его аспектом, например реалистическим воспроизведением метели и заблудившегося в ней путника — значит безмерно упрощать его, игнорируя всю его глубину. Рассматривать стихотворение лишь с точки зрения пушкинской философии истории — значит сводить полнокровное реалистическое произведение до степени аллюзии и искать в нем, если не аллегории, то абсолютно не свойственной ему символики. Видеть в нем лишь отражение одного из моментов личной биографии Пушкина — значит скатиться на позиции антинаучного биографического метода в изучении творчества художника. В стихотворении есть и то, и другое, и третье, но в то же время в полном и взаимоисключающем виде нет ни того, ни другого, ни третьего. Все стихотворение — сложнейший сплав самых многообразных элементов пушкинского отношения к жизни, к своей судьбе, к окружающей действительности; и все это переплавлено в единое целое, обусловленное определенными общественными сторонами русской жизни и жизни самого Пушкина, без чего стихотворение не может быть понято до конца во всей его глубине.

XVII

Осень 1830 г. явилась для Пушкина в полном и прямом смысле этого слова рубежом, отделявшим все его прошлое от начинавшегося совершенно нового периода жизни, временем подведения итогов предшествовавшей жизни и временем его прощания с тем прошлым, которое не могло быть взято в начинающуюся новую жизнь и должно было как бы умереть, превратившись в тщательно скрытое и недоступное для других, но дорогое сердцу воспоминание.

В лирике Пушкина это сказалось на создании целого ряда стихотворений, где тема прощания с прошлым, мучительно и трудно отрываемым от сердца, нашла свое прямое выражение с таким непревзойденным художественным совершенством, с такой глубиной и обобщенностью, какие возможны лишь для произведений, отражающих самые дорогие и самые жизненно значительные движения сердца поэта.

Это прошлое для Пушкина воплощалось в двух дорогих сердцу образах, о которых он писал в 1828 г. в «Воспоминании» и строки о которых выключил как слишком личные:

... и тихо предо мной
 Встают два призрака младые,
 Две тени милые — два данные судьбой,
 Мне ангела во дни былые —
 Но оба с крыльями, и с пламенным мечом —
 И стерегут — и мстят мне оба —
 И оба говорят мне мертвым языком
 О тайнах счастья и гроба.

Одна из этих женщин уже умерла, и тень ее витала над Пушкиным, когда он писал в 1826 г. строки элегии:

Под небом голубым страны своей родной
 Она томилась, увядала...
 Увяла наконец, и верно надо мной
 Младая тень уже летала...

Другая была настолько далека и недоступна — и в связи с ее положением, а тем более с новым этапом жизни самого Пушкина, — что как бы умерла для поэта, равно как и он для нее:

Уж ты для своего поэта
 Могильным сумраком одета,
 И для тебя твой друг угас.

И то и другое роднило и сближало эти два образа как бесценное богатство души, с которым надо было проститься навеки и схоронить как можно глубже от постороннего взора.

Это Пушкин и делал в ряде стихотворений, которые создавал для себя и никогда не печатал при жизни. Два из них посвящены женщине, покинувшей жизнь, одно — посвящено живой, но также навсегда ушедшей из жизни поэта.

Стихотворение «Заклинание» (17 октября 1830 г.) с потрясающей силой говорит о могуществе давней любви над душой поэта, — любви, над которой не властна и смерть:

Явись, возлюбленная тень,
 Как ты была перед разлукой,
 Бледна, холодна, как зимний день,
 Искажена последней мукой...

 Зову тебя не для того,
 Чтоб укорять людей, чья злоба
 Убила друга моего,²⁶²

²⁶² Сомнения в том, что данное стихотворение относится к А. Ризнич, следует считать изжитыми. Ср. намек на роль мужа А. Ризнич, своим без-

Иль чтоб изведать тайны гроба,
 Не для того, что иногда
 Сомненьем мучусь. . .²⁶³ но тоскуя
 Хочу сказать, что всё люблю я,
 Что все я твой: сюда, сюда!

Это стихотворение утверждает совершенно отличное отношение к смерти любимого человека, чем это было выражено в элегии «Под небом голубым страны своей родной», написанной под первым впечатлением от этой смерти и под непосредственным и сильным воздействием полученного известия о казни руководителей восстания 14 декабря, заглушившего и подавившего на время все другие чувства в душе поэта.

То же утверждение силы любви, над которой не властна смерть, как это имело место в «Заклинании», составляет основу и элегии «Для берегов отчизны дальной» (27 ноября 1830 г.), посвященной той же женщине.

Элегия начинается замедленно-плавными звуками, полными светлой грусти и чем-то напоминающими глубокое звучание торжественного и печального хора:

Для берегов отчизны дальной
 Ты покидала край чужой;
 В час незабвенный, в час печальный
 Я долго плакал пред тобой.

Такие слова и выражения, как «хладеющие руки», «горькое лобзанье», «томленье страшное разлуки», придают картине расставания особую глубину и значительность. Она еще более углубляется моментом, имеющим непосредственное отношение к биографии Пушкина, — воспоминанием о том, что покидавшая чужой край для берегов отчизны звала за собой и поэта из края его мрачного изгнания:

Но ты от горького лобзанья
 Свои уста оторвала;
 Из края мрачного изгнанья
 Ты в край иной меня звала.

душным отношением к жене ускорившего смерть молодой женщины, в сонете «На кончину Р.Кизич» В. И. Туманского:

К твоим стопам с горячностью друга
 Склонялся мир — твои оковы нес,
 Но Гименей, как северный мороз,
 Убил цветок полуденного юга.

²⁶³ Пушкин имел в виду свою элегию «Под небом голубым страны своей родной» (1826), которая заканчивалась строками:

Для бедной, легковерной тени,
 Для сладкой памяти невозвратимых дней
 Не нахожу ни слез, ни пени.

Через все стихотворение проходит образ сияющего в голубом блеске неба Италии:

Ты говорила: «В день свиданья
Под небом вечно голубым,
В тени олив, любви лобзанья
Мы вновь, мой друг, соединим».

Образ сияющего в голубом блеске неба Италии возникал на основе личных воспоминаний о южном небе. «Проснувшись, — писал Пушкин в «Отрывке из письма к Д.», — увидел я картину пленительную: разноцветные горы сияли... и кругом это синее, чистое небо, и светлое море, и блеск, и воздух полуденный» (IV, 175).

Этот же образ повторен в «Отрывках из путешествия Онегина»:

Вы мне предстали в блеске брачном:
На небе синем и прозрачном
Сияли груди ваших гор...

О связи образа неба Италии в стихотворении «Для берегов отчизны дальней» с этими воспоминаниями говорит и дважды повторенная «тень олив», никогда — ни до этого, ни после — не употреблявшаяся им в связи с описанием Италии и итальянской природы. Последняя всегда ассоциировалась у Пушкина с лаврами, миртами и кипарисами, и именно они, но никак не оливы, неизменно входили в соответствующие описания.

В качестве характерной черты итальянского пейзажа оливы названы только в данном стихотворении. Появление их здесь также всецело обусловлено сложными ассоциациями глубоко личного характера.

Строка «Нереиды» (1820) —

Сокрытый меж дерев, едва я смел дохнуть —

первоначально читалась —

Сокрытый меж олив, едва я смел дохнуть —

и имела в виду реальную оливковую рощу, которая еще росла во времена Пушкина на берегу моря, неподалеку от дома Ришелье, где жил поэт с семейством Раевских. Об этой оливковой роще Пушкин писал и в незавершенном стихотворении:

Там на берегу, где дремлет лес священный,
Твое я имя повторял;
Там часто я бродил уединенный
И в даль глядел... и милой встречи ждал.

Несмотря на то, что черный цвет не назван совсем, он все же присутствует в стихотворении, создаваемый общим его колоритом.

Сочетанием голубого блеска с ощущением темноты и определяется ясно ощущаемая цветовая гамма этого изумительного стихотворения:

Но там, увы, где неба своды
Сияют в блеске голубом,
Где [тень олив легла] на воды,
Заснула ты последним сном.

И опять, как в «Заклинании», все стихотворение завершается утверждением силы любви, над которой бессильна смерть:

Твоя краса, твои страданья
Исчезли в урне гробовой —
А с «ними» поцелуй свиданья...
Но жду его; он за тобой...

Как бы дополнением к этому ожиданию поцелуя, исчезнувшего в гробовой урне, воспринимаются строки более раннего стихотворения, обычно датируемого 1826 г., — «Как счастлив я, когда могу покинуть»: ²⁶⁴

Ее глаза то меркнут, то блистают,
Как на небе мерцающие звезды;
Дыханья нет из уст ее, но сколь
Пронзительно сих влажных синих уст
Прохладное лобзанье без дыханья.
Томительно и сладко — в летний зной
Холодный мед не столько сладок жажде.
Когда она игривыми перстами
Кудрей моих касается, тогда
Мгновенный холод, как ужас, пробегает
Мне голову...

Стихотворение это обычно рассматривается как набросок одной из сцен задуманной в Михайловском «Русалки», а именно эпизода встречи князя со своей бывшей возлюбленной, теперь — русалкой. Это подтверждается и всеми деталями повествования: и упоминанием о докучном шуме царского двора, который князь покидает, чтобы посетить берега молчаливых вод, и ожиданием появления русалки, поднимающейся со дна речного, как золотая рыбка.

Поэтому в данном описании загробного поцелуя нет ничего иррационального. Это всего-навсего оставленная самим поэтом попытка раскрыть в реалистических образах содержание одного из сказочных мотивов, и мы не упомянули бы о ней в связи с «про-

²⁶⁴ При жизни Пушкина не печаталось.

щальным» циклом²⁶⁵ стихотворений болдинской осени 1830 г., если бы в этих строках не чувствовалось что-то такое, что говорит о том, что перед нами не просто опыт реалистического воспроизведения сказочного мотива, но отражение каких-то непосредственных и очень глубоких переживаний самого поэта:

...и сердце громко бьется,
Томительной любовью замирая.
И в этот миг я рад оставить жизнь,
Хочу стонать и пить ее лобзанье...—

и если бы перед текстом этого стихотворного отрывка (в правом верхнем углу) не стояла пушкинская помета: «23 Nov<embre> С<ело> Козаково <?> EW», содержащая, кроме обозначения даты и места написания, и две французские, сплетенные вензелем буквы, которыми Пушкин в своих рукописях обозначал имя и фамилию Е. К. Воронцовой (III₁, 579).

К стихотворному отрывку «Как счастлив я, когда могу покинуть» непосредственно и очень тесно примыкает пятнадцатое стихотворение из цикла «Песен западных славян» — «Яныш Королевич»,²⁶⁶ признаваемое оригинальным произведением Пушкина и датированное 1833—1834 гг.

О возможности соотнесения «Яныша Королевича» с тем же кругом переживаний, который лег в основу отрывка «Как счастлив я, когда могу покинуть» и который, как нам кажется, связан с воспоминаниями о Е. К. Воронцовой, говорят и некоторые моменты жизни Пушкина 1834 г., когда прошлое снова ворвалось в его жизнь неожиданным письмом Е. К. Воронцовой от 26 декабря 1833 г., полученным поэтом в январе 1834 г.

«Право не знаю,—начинает Е. К. Воронцова свое письмо с просьбой об участии в благотворительном альманахе,—должна ли я писать вам и будет ли мое письмо встречено приветливой улыбкой, или же тем скучающим взглядом, каким с первых же слов начинают искать в конце страницы имя навязчивого автора... могу ли я не напомнить вам о наших прежних дружеских отношениях, воспоминание о которых вы, может быть, еще сохранили... Будьте же добры не слишком досадовать на меня, и, если мне необходимо выступать в защиту своего дела, прошу вас, в оправдание моей назойливости и возврата к прошлому, принять во внимание, что воспоминания — это богатство старости, и что ваша старинная знакомая придает большую цену этому богатству» (XV, 101, 320).

²⁶⁵ Выражение Н. В. Измайлова См. его работу «Лирические циклы в поэзии Пушкина 30-х годов», стр. 17.

²⁶⁶ Впервые напечатано в «Библиотеке для чтения» (1835, т. IX, кн. 15).

Пушкин ответил 5 марта 1834 г. Письмо его кончалось так: «Осмелюсь ли, графиня, сказать Вам о том мгновении счастья, которое я испытал, получив Ваше письмо, при одной мысли, что Вы не совсем забыли самого преданного из Ваших рабов».²⁶⁷ «Стоявшая под одесским письмом неразборчивая подпись не затруднила Пушкина, — пишет М. П. Алексеев, опубликовавший в советской печати это до сих пор неизвестное письмо Пушкина, — содержащиеся в письме приглушенные воспоминания о былом и апелляция к старой дружбе были столь понятны и оправданы. В безупречном по своей светскости ответном письме Пушкина сквозь комплиментарные фразы и привычные стилистические формулы также просвечивает нечто большее, чем вынужденный ответ „докучной“ просительнице».²⁶⁸

В этих условиях стихотворение, рассказывающее о том, как королевич Яныш полюбил красавицу Елицу, как затем он женился на другой, как Елица кинулась в реку и превратилась в водяную царичу, и особенно конец его, описывающий последнее свидание Яныша с водяной царичей, которая спрашивает королевича:

«Расскажи-ка мне лучше хорошенько,
Каково, счастливо ль поживаешь
С новой любовью, молодой женою?»
Отвечает Яныш королевич:
«Против солнышка луна не прогреет,
Против милой жена не утешит» —

кажутся глубже и значительнее, чем простое воспроизведение известного сказочного мотива.

Так стихотворение, на первый взгляд не имеющее никакого отношения к личной жизни Пушкина, неожиданно позволяет соприкоснуться с некоторыми очень глубокими, серьезными и тяжелыми моментами его личной биографии, тщательно скрывавшимися им на всем протяжении его семейной жизни от постороннего взора и не нашедшими отражения ни в его письмах, ни в каких-либо других его материалах и документах.

Так, еще раз в лирике Пушкина представлено очень сложное переплетение воспоминаний и реминисценций, связанных и с ушедшей навсегда из жизни женщиной, и живой, но утраченной для него навеки «дальней подругой», как он ее назвал в третьем стихотворении Болдинского «прощального» цикла, — стихотворении, которое в списке, составленном для издания третьей части «Стихотворений А. Пушкина» 1832 г., обозначено: «К Е. В.».²⁶⁹

²⁶⁷ Известия Академии наук СССР, Отделение литературы и языка, т. XV, вып. 3, 1956, стр. 251.

²⁶⁸ Там же, стр. 254.

²⁶⁹ «Рукою Пушкина», стр. 257.

Под этим обозначением Пушкин записал стихотворение «Прощание»²⁷⁰ (5 октября 1830 г.), которое в другом, аналогичном списке того же времени обозначено его первой строкой («В последний раз») с неверной датой — 1829.²⁷¹

Горькое чувство прощания навсегда с все еще любимым человеком находит в этом стихотворении свое предельно точное выражение в словах, говорящих о смерти, но будучи отнесенными к живому человеку, выражающих всю глубину вызванных этим прощанием переживаний:

Бегут меняясь наши лета,
Меняя все, меняя нас,
Уж ты для своего поэта
Могильным сумраком одета,
И для тебя твой друг угас.

То же самое чувство невозвратной утраты в следующей строфе находит другое образное выражение, вызванное воспоминанием о недавней встрече с пересылаемым в другую тюрьму лицейским другом — декабристом В. К. Кюхельбекером:²⁷²

Прими же, дальная подруга,
Прощанье сердца моего,
Как овдовевшая супруга,
Как друг, обнявший молча друга
Пред заточением его.²⁷³

Так образное выражение глубоко личного чувства, связанного с прощанием навеки с любимым человеком, усиливалось и углублялось мотивами социально-общественного порядка.

То обстоятельство, что Пушкин, отказавшись от напечатания этого стихотворения в качестве литературного произведения, все же разрешил композитору Есаулову опубликовать его в виде романса, т. е. в совершенно ином качестве, следует признать сознательным шагом самого Пушкина, преследовавшим определенные цели.

Потрясающая сила и глубина чувства этих прощальных стихотворений, которыми Пушкин отрывал от своего сердца все самое

²⁷⁰ Впервые напечатано в виде текста к романсу Есаулова, вышедшему в свет в конце 1830—начале 1831 г. Ср.: Н. В. Измайлов. Лирические циклы в поэзии Пушкина 30-х годов, стр. 18 (прим. 21).

²⁷¹ «Рукою Пушкина», стр. 260.

²⁷² См. стр. 303—304 настоящей работы.

²⁷³ Вариант:

Перед изгнанием его.
(III, 843).

дорогое, чем он жил до сих пор, несравнимы с тем признанием несколько холодноватого совершенства своей невесты, какое содер-
жится в сонете «Мадона» (8 июля 1830 г.):²⁷⁴

Чистойшей прелести чистойший образец.

Это чувствовал и сам Пушкин, не обольщавшийся относи-
тельно чувства Н. Н. Гончаровой к себе: «Только привычка и
длительная близость, — писал он матери невесты, — могли бы
помочь мне заслужить расположение вашей дочери; я могу на-
деяться возбудить современем ее привязанность, но ничем не могу
ей понравиться; если она согласится отдать мне свою руку,
я увижу в этом лишь доказательство спокойного безразличия ее
сердца» (XIV, 76, 404). «Я хладнокровно взвесил выгоды и не-
выгоды состояния, мною избираемого, — писал Пушкин одному
из своих друзей. — Молодость моя прошла шумно и бесплодно.
До сих пор я жил иначе как обыкновенно живут. Счастья мне не
было. . . К тому же я женюсь без упоения, без ребяческого очаро-
вания. Будущность является мне не в розах, но в строгой нагоде
своей. Горести не удивят меня: они входят в мои домашние рас-
четы. Всякая радость будет мне неожиданностью» (XIV, 150—151).

Из комплекса таких переживаний рождались полные светлой и
прозрачной грусти строки «Элегии» (8 сентября 1830 г.)²⁷⁵ с ха-
рактерным для Пушкина мужественным выходом из нее:

Безумных лет угасшее веселье
Мне тяжело, как смутное похмелье.
Но, как вино — печаль минувших дней
В моей душе чем старе, тем сильней.
Мой путь уныл. Сулит мне труд и горе
Грядущего волнуемое море.

Но не хочу, о други, умирать;
Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать;
И ведаю, мне будут наслажденья
Меж горестей, забот и тревоженья:
Порой опять гармонией упьюсь,
Над вымыслом слезами обольюсь,
И может быть — на мой закат печальный
Блеснет любовь улыбкою прощальной.

Настроения Пушкина, вызванные решительным переломом во
всей его жизни, нашли отражение и в совершенно оригинальном,
но опубликованном для затушевания глубоко личного его характера

²⁷⁴ Впервые напечатано в альманахе «Сиротка. Литературный альманах на
1831 год, изданный в пользу заведения призрения бедных сирот».

²⁷⁵ Впервые напечатано в «Библиотеке для чтения» (1834, т. VI, кн. X).

в качестве перевода с английского грустном стихотворении «Цыганы» (1830):²⁷⁶

Здравствуй, счастливое племя!
Узнаю твои костры;
Я бы сам в иное время
Провождал сии шатры.

Завтра с первыми лучами
Ваш исчезнет вольный след,
Вы уйдете — но за вами
Не пойдет уж ваш поэт. . .

И, наконец, как своеобразный синтез этих переживаний, очищенных от всего узко личного и обобщенных могуществом поэзии, как преодоление печали и утверждение той жажды простого человеческого счастья, которая всегда жила в душе Пушкина, воспринимается маленькое и чудесное по теплоте и искренности чувства стихотворение «Из Baggy Cornwall» (сентябрь—ноябрь 1830 г.).²⁷⁷ Оно не относится отдельно ни к одной из тех женщин, которых любил Пушкин и в прошлом, и в настоящем. Поэт обращается ко всем им вместе и к каждой в отдельности с благодарностью за то солнце, какое они зажгли в его жизни, со словами приветия и пожелания счастья:

Будь же счастлива, Мери,
Солнце жизни моей!
Ни тоски, ни потери,
Ни ненастных дней
Пусть не ведает Мери.

Глубокая мгла николаевской реакции, которая окружала Пушкина на переходе от двадцатых к тридцатым годам, и особенности его личной судьбы этого времени сказались на мрачном колорите большинства основных его лирических стихотворений 1830 г. и таких шедевров его лирики, как «Заклинание», «Для берегов отчизны дальней» и «Прощание».

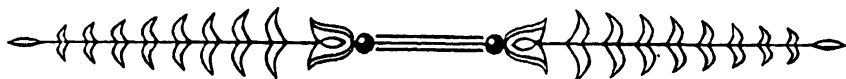
Однако мрачный колорит, естественный в тех условиях, полностью преодолевался тем глубоким жизненным оптимизмом, который всегда жил в душе Пушкина и нашел свое выражение в строках:

Но не хочу, о други, умирать;
Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать.

С этим утверждением жизни Пушкин переходил рубеж тридцатых годов.

²⁷⁶ Впервые напечатано: «Денница. Альманах на 1831 год, изданный М. Максимовичем».

²⁷⁷ Там же.

Глава VI

ЛИРИКА ТРИДЦАТЫХ ГОДОВ (1831—1836)

*... Мой путь уныл. Сулит мне труд и горе
Грядущего волнуемое море.*

*Но не хочу, о други, умирать;
Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать;
И ведаю, мне будут наслажденья
Меж горестей, забот и тревоженья:
Порой опять гармонией упьюсь,
Над вымыслом слезами обольюсь,
И может быть — на мой закат печальный
Блеснет любовь улыбкою прощальной.*

I

Последний этап в развитии лирики Пушкина протекал в сложных и противоречивых условиях общественного и культурного развития тридцатых годов. Новая эпоха требовала нового содержания в поэзии и искусстве, новых форм его выражения. Пушкин сознательно шел навстречу этим запросам жизни. В его лирике происходят сложнейшие и еще не достаточно изученные процессы устойчивых поисков новых путей творчества, которые отвечали бы новым требованиям эпохи.¹

Положение Пушкина в эти годы было очень сложным. Если демократически настроенная молодежь, пытавшаяся и в этот период вновь вступить на путь тайных заговоров и тайных обществ,² видела в певце «Деревни» и «Вольности» символ движения вперед,

¹ См., например: Лидия Гинзбург. Поздняя лирика Пушкина. «Звезда», 1936, № 10, стр. 160—176; Б. Мейлах. Новый эстетический идеал. «Пушкин и его эпоха». 1958, стр. 429—648, и др.

² Кружки Сунгурова, братьев Критских и др.

то и представители старшего поколения дворянских революционеров, уделевшие после 14 декабря и пытавшиеся определить свое место в новых условиях общественного развития, также имели свои виды на Пушкина.

«Я убежден, что вы можете принести бесконечную пользу несчастной, сбившейся с пути России, — писал Пушкину Чаадаев. — Не измените своему предназначению, друг мой» (XIV, 44, 394).

Однако поиски Чаадаевым новых путей духовной жизни и общественной деятельности, направленные по линии признания возможности некоей социальной религии, и увлечение западноевропейским католицизмом закономерно приводили к полному отрицанию смысла русской жизни и русской истории, к отрицанию народности, а вследствие этого к потере национальной почвы и полной безнадёжности.

Такой путь не мог быть путем Пушкина. В ответном и, по-видимому, не отосланном письме к Чаадаеву, помеченном знаменательным днем 19 октября 1836 г., он писал, основываясь на некоторых своих исторических и политических воззрениях, складывавшихся к этому времени в более или менее цельную систему: «... вы знаете, что я далеко не во всем согласен с вами. Нет сомнения, что Схизма³ отъединила нас от остальной Европы и что мы не принимали участия ни в одном из великих событий, которые ее потрясали, но у нас было свое особое предназначение. Это Россия, это ее необъятные пространства поглотили монгольское нашествие. Татары не посмели перейти наши западные границы и оставить нас в тылу. Они отошли к своим пустыням, и христианская цивилизация была спасена. Для достижения этой цели мы должны были вести совершенно особое существование, которое, оставив нас христианами, сделало нас, однако, совершенно чуждыми христианскому миру, так что нашим мученичеством энергичное развитие католической Европы было избавлено от всяких помех... Что же касается нашей исторической ничтожности, то я решительно не могу с вами согласиться. Войны Олега и Святослава и даже удельные усобицы — разве это не та жизнь, полная кипучего брожения и пылкой и беспредельной деятельности, которой отличается юность всех народов? Татарское нашествие — печальное и великое зрелище. Пробуждение России, развитие ее могущества, ее движения к единству (к русскому единству, разумеется), оба Ивана, величественная драма, начавшаяся в Угличе и закончившаяся в Ипатьевском монастыре, — как, неужели все это не история, а лишь бледный и полузабытый сон? А Петр Великий, который один есть целая всемирная история! А Екатерина II, которая поставила Рос-

³ Разделение церквей.

сию на пороге Европы? А Александр, который привел нас в Париж? и (положа руку на сердце) разве не находите вы чего-то значительного в теперешнем положении России, чего-то такого, что поразит будущего историка? ... я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя; как литератора — меня раздражают, как человек с предрассудками — я оскорблен, — но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество, или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам бог ее дал» (XVI, 171—172, 393).

Продолжая углублять и развивать свою оценку причин поражения восстания 14 декабря 1825 г., к которой он пришел еще в 1826 г. («ничтожность средств» борцов за новое, с одной стороны, и «необъятная сила правительства» — с другой), Пушкин в своем самом глубоком творении последнего периода — поэме «Медный всадник» (1833) вновь, уже средствами художественных образов, утвердил свой взгляд на существующее соотношение сил в стране, как на «историческую необходимость», которую надо «понять» и «простить оной в душе своей», но которая в данных условиях и в данных обстоятельствах исторически призвана ограждать общенациональное единство России:

Красуйся, град Петров, и стой
Неколебимо как Россия,
Да умирится же с тобой
И побежденная стихия...

Одновременно Пушкин создает в лице Петра I и его ожившего «кумира» образ такой эмоционально гнетущей, подавляющей и преследующей человека силы, что нельзя освободиться от мысли о том, что за всем этим повествованием о стихийном бедствии, постигшем столицу империи, и о сумасшествии маленького человека, бросившего гневные слова обвинения в лицо всемогущего монарха, кроется нечто неизмеримо большее, чем правдивый и реалистический рассказ об всем этом. Одних этих строк —

И, озарен луною бледной,
Простерши руку в вышине,
За ним несется Всадник Медный
На звонко-скачущем коне;
И во всю ночь безумец бедный,
Куда стопы ни обращал,
За ним повсюду Всадник Медный
С тяжелым топотом скакал —

было бы достаточно для запрещения поэмы.

Такое же сложное переплетение, точнее, — взаимопроникновение объективного и субъективного начал, когда за внешне объективной

и реалистической картиной природы, несомненно, присутствует некий подтекст, возникший на почве глубоко личных переживаний Пушкина этого периода, чувствуется и в небольшом, но крайне значительном стихотворении этих лет — «Туча» (1835):⁴

Ты небо недавно кругом облегала,
И молния грозно тебя обвивала;
И ты издавала таинственный гром
И алчную землю поила дождем.

Довольно, сокройся! Пора миновалась,
Земля освежилась, и буря промчалась,
И ветер, лаская листочки деревьев,
Тебя с успокоенных гонит небес.

Нужно сделать большое усилие над собой, чтобы в этой вполне реалистической картине природы, освеженной недавно промчавшейся бурей, не почувствовать отражения более широкой действительности, тем более, что недавние грозные общественно-политические события, имевшие место десять лет назад, уже не раз ассоциировались в творческом сознании Пушкина с промчавшейся грозой и бурей и воспроизводились им в соответствующем контексте («Аквилон», «Арион»). Наиболее замечательным моментом данного стихотворения являются слова об освеженной бурей земле. Они не случайны и всецело соответствуют всем представлениям и высказываниям Пушкина об историческом значении дела декабристов («Не пропадет ваш скорбный труд»). Все же стихотворение в целом в высшей степени показательно для характеристики душевного состояния Пушкина этого времени.

В забитой и неподвижной России после катастрофы на Сенатской площади происходили сложные процессы. Непрерывно нараставший стихийный протест крестьянства, еще недостаточно зрелый, чтобы проявить себя в формах широкого движения, наподобие пугачевского или революционной ситуации 1859—1861 гг., давал себя знать в начале 30-х годов неорганизованными голодными бунтами и восстаниями в военных поселениях.

Эти события наводили Пушкина на соответствующие исторические аналогии («История Пугачева», «Капитанская дочка»). С неменьшим вниманием он всматривался и в то, что происходило на Западе. События во Франции приковывали всеобщее внимание, вызывая различные отклики в различных слоях русского общества. В аспекте революционной романтики встретили первые вести об июльских событиях в Париже представители второго поколения дворянских революционеров, к которым принадлежали и Герцен, и Огарев, и Лермонтов.

⁴ Впервые напечатано в «Московском наблюдателе» (1835, ч. II, кн. II).

Далеко не такими были оценки этих событий со стороны Пушкина. Отрицательное отношение к буржуазному характеру западноевропейского общественного развития всецело определяло его политические позиции того времени:

... вокруг тебя
 Всё новое кипит, блоее истребя.
 Свидетелями быв вчерашнего паденья,
 Едва опомнились младые поколенья.
 Жестоких опытов собирая поздний плод,
 Они торопятся с расходом свесть приход.
 Им некогда шутить, обедать у Темиры,
 Иль спорить о стихах.

(«К вельможе», 1830).

Та же сложность общественно-политических позиций Пушкина наблюдается и в его отношениях к польским событиям 1830—1831 гг. Известно, с какой восторженностью встретило первые известия о варшавском восстании молодое, демократически настроенное поколение Герцена, Огарева, Лермонтова, связывавшее эти события с общеполитическим положением Европы в 1830 г. и с надеждами на близкую революцию в самой России: «Мы радовались каждому поражению Дибича, не верили неудачам поляков».⁵

Симпатии к польскому восстанию 1830—1831 гг. со стороны демократически и революционно настроенных кругов русского общества были вызваны тем, что оно действительно явилось одним из проявлений польского национально-освободительного движения против русского царизма.⁶ В этом отношении оправданными были строки стихотворения А. И. Одоевского, вызванные первыми известиями о польском восстании, где он объединяет конечные цели и польского, и русского народов в их общей борьбе за свободу и независимость:

Вы слышите! на Висле брань кипит!
 Там с Русью лях воюет за свободу
 И в шуме битв поет за упокой
 Несчастных жертв, проливших луч святой
 В спасенье русскому народу.⁷

Однако в связи со слабостью и незрелостью польской буржуазии руководство в восстании скоро захватила консервативная польская аристократия, которая воспрепятствовала превращению восстания в революцию. На этом его этапе, как говорил Ф. Эн-

⁵ А. И. Герцен, т. VIII, 1956, стр. 134.

⁶ См.: Большая советская энциклопедия, изд. 2-е, т. 33, стр. 664—665; т. 34, стр. 33.

⁷ Поэзия декабристов. Библиотека поэта, Большая серия, Л., 1950, стр. 425.

гельс, «восстание 1830 г. не было ни национальной революцией... ни социальной или политической революцией; оно ничего не изменяло во внутреннем положении народа; это была консервативная революция».⁸ Созданное захватившей власть шляхтой консервативное правительство Адама Чарторыйского стремилось свести все восстание к задаче восстановления Польского государства в границах Речи Посполитой 1772 г. путем отделения Польши от России и захвата украинских, белорусских и литовских земель.

Только учитывая все эти обстоятельства, можно правильно понять позицию, занятую Пушкиным в отношении развертывавшихся в Польше событий. «Грустно было слышать толки московского общества во время последнего польского возмущения, — писал он в 1834—1835 гг. — Гадко было видеть бездушного читателя французских газет, улыбающегося при вести о наших неудачах» (XI, 482). Пушкин сознательно стремился при этом встать на общенациональную точку зрения, совпадавшую, кстати сказать, и с взглядами декабристов по польскому вопросу.⁹

Стремясь встать на точку зрения, защищавшую национальные интересы России, Пушкин утверждал необходимость этого даже при наличии иного, чем официальный, образа мыслей. «Все это хорошо в поэтическом отношении, — писал он П. А. Вяземскому. — Но все-таки.. наша медленность мучительна. Для нас мятеж Польши есть дело семейственное, старинная, наследственная распря; мы не можем судить ее по впечатлениям европейским, каков бы ни был, впрочем, наш образ мыслей» (XIV, 169).

Говоря о том, что взаимоотношения России и Польши есть «дело семейственное», Пушкин не противоречил тем самым идее всеславянского единения, которая была близка идеологии дворянской революционности от декабристов до Герцена и нашла свое выражение в создании самостоятельной декабристской организации — Общества соединенных славян.¹⁰ «Намерение наше, — показывал на допросе один из руководителей этого общества поляк Юлиан Люблинский, — было соединить все славянские народы и составить федеративную республику».¹¹

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 4, 1955, стр. 492.

⁹ См., например, суждения по этому вопросу Н. И. Тургенева в его «Теории политики» (Архив братьев Тургеневых, вып. 5, Пгр., 1921, стр. 396—397).

¹⁰ См.: М. В. Нечкина. 1) Общество соединенных славян. М.—Л., 1927; 2) Движение декабристов, т. II, Изд. Академии наук СССР, М., 1955, стр. 133—182.

¹¹ М. В. Нечкина. Движение декабристов, т. II, стр. 151. «Союз славянских республик, — пишет М. В. Нечкина, — представлялся основателям Славянского общества оживленной федерацией с бурно растущей промышленностью, кипучей торговлей, мощными торговыми портами на берегах четырех морей — Черного, Белого, Балтийского и Адриатического» (стр. 149).

Идею будущего демократического всеславянского объединения имел в виду и Адам Мицкевич, говоривший, по словам Пушкина,

...о временах грядущих,
Когда народы, распри позабыв,
В великую семью соединятся.

Из этого комплекса мыслей, представлений и переживаний возникла замысел стихотворений «Перед гробницею святой», «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина» как утверждение идеи всеславянского единения, с одной стороны, и национального величия, славы и могущества России — с другой.

Стихотворение «Перед гробницею святой»¹² было написано в мае—июне 1831 г., в период затяжных неудач русской армии в Польше и опасений иностранного вмешательства в русско-польские дела. «Теперь время чуть ли не столь же грозное, как в 1812 году», — заметил Пушкин в разговоре с гр. Е. Е. Комаровским.¹³ «Того и гляди, навяжется на нас Европа», — писал он в это же время П. А. Вяземскому (XIV, 169). Этими обстоятельствами и было вызвано воспоминание Пушкина о великой роли Кутузова в Отечественной войне 1812 г. и обращение к нему с просьбой указать среди современных полководцев того, кто мог бы быть его преемником в это тяжелое для России время:

О, старец грозный! На мгновенье
Явись у двери гробовой,
Явись, вдохни восторг и рвенье
Полкам, оставленным тобой!

Явись и дланию своей
Нам укажи в толпе вождей,
Кто твой наследник, твой избранный!

Конец стихотворения говорит о том, что в это время Пушкин не видел среди военачальников достойного преемника Кутузова:

Но храм — в молчанье погружен,
И тих твоей могилы бранной
Невозмутимый, вечный сон...

Стихотворение не могло быть опубликовано в связи с содержащейся в нем пессимистической оценкой современных тяжелых военных обстоятельств России. И только после взятия Варшавы Пушкин сообщил текст стихотворения дочери Кутузова Е. М. Хитрово с указанием, что «стихи эти были написаны в такую минуту,

¹² Впервые в объеме трех первых строф и со словами «и проч.» напечатано Пушкиным в «Современнике» (1836, т. IV) в тексте «Объяснения» (по поводу напечатанного в т. III «Современника» стихотворения «Полководец»).

¹³ «Русский архив», 1879, I, стр. 385.

когда позволительно было пасть духом — слава богу, это время миновало» (XIV, 225, 436).

Очевидно, Пушкин просил Е. М. Хитрово не распространять стихотворения, так как других рукописных списков его, кроме пушкинского автографа в указанном письме к Хитрово, за это время не обнаружено. Не опубликовал его и сам Пушкин. И только в 1836 г., когда в связи с напечатанным в третьей книжке «Современника» пушкинским стихотворением «Полководец» появилась специальная брошюра одного из родственников Кутузова, содержащая обвинения Пушкина чуть ли не в клевете на великого героя 1812 г., Пушкин в следующей книжке «Современника» выступил с «Объяснением», в конце которого говорил: «Слава Кутузова не имеет нужды в похвале чьей бы то ни было, а мнение стихотворца не может ни возвысить, ни унижить того, кто низложил Наполеона и вознес Россию на ту степень, на которой она явилась в 1813 году. Но не могу не огорчиться, когда в смиренной хвале моей вождю, забытому Жуковским,¹⁴ соотечественники мои могли подозревать низкую и преступную сатиру — на того, кто некогда внушил мне следующие стихи, конечно недостойные великой тени, но искренние и излиянные из души». Далее приводились первые три строфы стихотворения, завершенные словами «и проч.» (XII, 134).

Польское восстание 1830—1831 гг., преследовавшее в конечном счете отделение Польши от России и отторжение от последней украинских, белорусских и литовских земель, вызывало сочувственные отношения к себе со стороны западноевропейских реакционных правительств. Показательно, что те же самые правительства Западной Европы, которые в течение всего последовавшего после падения Наполеона периода неуклонно проводили политику Священного союза по подавлению национально-освободительных и революционных движений на западе и юге Европы, намеревались активно поддержать польское восстание, рассчитывая при благоприятном его исходе на политическое и военное ослабление России.

Соответствующие речи, произносившиеся во французской палате депутатов («О чем шумите вы, народные витии?»;¹⁵ «Но вы, мутители палат...»¹⁶), и последовавшее занятие русскими войсками Варшавы, совпавшее с годовщиной Бородинского сражения

¹⁴ В стихотворении Жуковского «Певец во стане русских воинов» (1812) Барклай-де-Толли не был назван совсем. Список имен участников Бородинского сражения Жуковский в этом стихотворении неоднократно менял в зависимости от складывавшейся военной обстановки и от отношения высших кругов к тому или иному генералу.

¹⁵ «Клеветникам России».

¹⁶ «Бородинская годовщина».

26 августа, вызвали стихотворения Пушкина «Клеветникам России» (1831) и «Бородинская годовщина» (1831).¹⁷

Отрицательные оценки политической позиции Пушкина, вызванные в некоторых кругах русского общества этими стихотворениями,¹⁸ были обусловлены излишне прямолинейным их истолкованием.

Политической основой этих стихотворений явилось утверждение Пушкиным того «принципа невмешательства» (le principe de la non-intervention), который, противостоя в международных отношениях основанной на принципе легитимизма и декларированной Священным союзом политике вмешательства во внутренние дела других государств, являлся, по Пушкину, следствием июльской революции 1830 г. «Из недр революций 1830 г., — писал Пушкин Е. М. Хитрово, — возник великий принцип — принцип невмешательства, который заменит принцип легитимизма, нарушенный от одного конца Европы до другого» (XIV, 150, 424).

В этом отношении стихотворения Пушкина по их отнюдь не монархической основе должны быть сопоставлены с известным откликом Ф. И. Тютчева на эти же события, где высокий общенациональный пафос событий подчеркнуто противопоставлялся узкомонархической точке зрения:

Не за коран самодержавья
Кровь русская лилась рекой.
.....
Другая мысль, другая вера
У русских билась в груди:
Грозой спасительной примера
Державы целость соблюсти,
Славян родные поколенья
Под знамя русское собрать
И весть на подвиг просвещенья
Единомысленную рать...¹⁹

С брошюрой «На взятие Варшавы» — в оригинале или по одному из немецких ее переводов²⁰ — познакомился находившийся

¹⁷ Оба стихотворения впервые напечатаны вместе со стихотворением Жуковского «Русская песнь на взятие Варшавы» в брошюре «На взятие Варшавы. Три стихотворения В. Жуковского и А. Пушкина». СПб., 1831 (цензурное разрешение 7 сентября).

¹⁸ В своей «Старой записной книжке» П. А. Вяземский записал 15 сентября 1831 г.: «... в той атмосфере невидимые силы нашептывают мысли, суждения, вдохновения, чувства. Будь у нас гласность печати, никогда Жуковский не подумал бы, Пушкин не осмелился бы воспеть победы Паскевича» (П. А. Вяземский, Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 158).

¹⁹ Ф. И. Тютчев, Полное собрание сочинений, изд. А. Ф. Маркса, СПб., 1913, стр. 183.

²⁰ См.: «Пушкин. 1834 год», Л., 1934, стр. 70—72; см. также «Рукою Пушкина», М., 1935, стр. 550—551.

за границей А. Мицкевич. В одном из стихотворений, включенных в качестве вводного эпизода в третью часть поэмы «Дзяды»,²¹ вышедшей в Париже в январе 1833 г. и перепечатанной вместе с циклом этих стихотворений в четвертом томе парижского издания «Собрания сочинений» Мицкевича, содержалась резкая и гневная отповедь польского поэта тем русским кругам, которые так или иначе поддерживали политику русского царизма по подавлению польского восстания. Это «Собрание сочинений» Мицкевича было привезено в подарок Пушкину возвратившимся из-за границы С. Соболевским.

Уезжая в августе 1833 г. в Оренбургскую губернию, Пушкин захватил с собой четвертый том этого издания, а на обратном пути в Болдине переписал на польском языке в свою рабочую тетрадь три стихотворения Мицкевича — «Олешкевич», «Русским друзьям» и «Памятник Петра Великого» (неполностью), — непосредственно относившиеся как к нему самому, так и к содержанию задуманной поэмы «Медный всадник».²²

В стихотворении Мицкевича «Русским друзьям» содержались строки, в которых можно было усмотреть намеки как на самого Пушкина, так и на некоторых из его друзей. Мицкевич писал:

Быть может, кто-нибудь из вас, чином, орденом обесслав-
ленный,

Вольную душу продал за царскую ласку
И теперь у его порога отбивает поклоны.

Быть может продажным языком славит его торжество
И радуется страданиям своих друзей...²³

Через год Пушкин откликнулся на эти строки²⁴ не доведенным до конца стихотворением «Он между нами жил» (1834),²⁵ удивив-

²¹ «Русским друзьям», «Дорога в Россию», «Предместья столицы», «Петербург», «Памятник Петра Великого», «Смотр войскам», «Олешкевич».

²² См.: «Рукою Пушкина», стр. 535—551.

²³ Перевод Н. К. Гудзия. «Пушкин: 1834 год». Л., 1934, стр. 72; ср. «Рукою Пушкина», стр. 548.

²⁴ С. С. Ланда в своем обзоре «А. С. Пушкин в печати Польской Народной Республики в 1949—1954 годах» приводит интересные данные о том, что польский исследователь М. Якубец «оспаривает установленное в литературе о Пушкине и Мицкевиче мнение, что последние строки... стихотворения Пушкина («Он между нами жил...») представляют собой ответ на стихотворение Мицкевича «К русским друзьям». «Польский исследователь, — пишет далее С. С. Ланда, — высказывает догадку, что таким поводом явилось для Пушкина впечатление его от драмы Юлиуша Словацкого «Кордион», изданной анонимно в Париже в 1834 году; в польских кругах многие считали автором ее Мицкевича. Пушкину была известна эта драма Ю. Словацкого, так как экземпляр ее находился в его библиотеке и был им разрезан» (Сб. «Пушкин. Исследования и материалы», I, Изд. Академии наук СССР, 1956, стр. 420).

²⁵ При жизни Пушкина не печаталось.

тельно объективным, нисколько не обидным для великого польского поэта, а, наоборот, выражающим надежду на возможность восстановления прежнего взаимопонимания.

Почти фразеологически точным воспроизведением некоторых слов и выражений Мицкевича Пушкин сознательно добивался впечатления прямого ответа на стихотворение польского поэта:

Мы жадно слушали поэта. Он
Ушел на запад — и благословеньем
Его мы проводили. Но теперь
Наш мирный гость нам стал врагом — и ядом
Стихи свои, в угоду черни буйной,
Он напояет.²⁶ Издали до нас
Доходит голос злобного поэта,²⁷
Знакомый голос!..²⁸ боже! осяти
В нем сердце правдою твоей и миром
И возврати ему

Слова «черни буйной» никакого отношения к польскому народу не имеют. Как в стихотворениях «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина», Пушкин имеет в виду «мутителей палат» западноевропейских парламентов, призывавших к вмешательству в русско-польские дела в интересах «черни буйной», т. е. европейских правящих кругов.²⁹

II

Тридцатые годы — период нового по сравнению с декабристской эпохой социального содержания, новых задач, встававших перед литературой и искусством, новых требований, предъявлявшихся к ним со стороны общества. Целый этап в развитии русской ответственности и русской национальной культуры уступал свое место другому под натиском крепнувших новых социальных сил. В эти годы Пушкин, почти совершенно отказавшийся от опубликования в печати новых лирических произведений, продолжал восприни-

²⁶ Ср.:

Теперь я выливаю в мир кубок яда.
Едка и жгуча горечь моей речи...

²⁷ Ср.:

Если до вас издадека от вольных народов
На север, дойдут эти жалобные песни...

²⁸ Ср.:

Узнаете меня по голосу... Пока я был в оковах,
Ползая тихо, как уж, я хитрил с тираном,
Но вам открыл то, что тайлось в душе...

²⁹ Ср. употребление слова «чернь» в стихотворении «Поэт и толпа» (1828).

маться широкими читательскими кругами как поэт, остановившийся в своем развитии, целиком исчерпавший себя.

Между тем прежде пушкинское поэтическое начало, разжиженное, обесиленное, лишенное содержания и почти превратившееся в одну форму, опошленное в целом потоке стихов «под Пушкина» его многочисленных поэтических эпигонов, продолжало наводить литературу никому не нужными произведениями в то время, когда общество ждало нового содержания от искусства и новых средств его выражения.

Именно здесь следует искать истоки и причины резкой перемены отношения к Пушкину, который по традиции продолжал восприниматься как признанный глава этого внешне «пушкинского», а на самом деле уже антипушкинского направления, со стороны демократической критики того времени, в том числе и Белинского. «Тридцатым годом кончился, — писал Белинский в 1834 г., — или, лучше сказать, внезапно оборвался период *Пушкинский*... Его сотрудники, его товарищи по художественной деятельности, допевали свои старые песенки, свои обычные мечты, но уже никто не слушал их... Период *Пушкинский* отличался какою-то бешеною манией к стихотворству; период новый, еще в самом своем начале, оказал решительную наклонность к прозе... *Романтизм* — вот первое слово, огласившее *Пушкинский* период; *народность* — вот альфа и омега нового периода» (I, 87—91).

Однако лирическое творчество самого Пушкина не прекращалось, оно только переставало быть заметным для других из-за его почти полного молчания как лирического поэта.

Охлаждение общества к Баратынскому Пушкин объяснял его непрекращающимся ростом и совершенствованием, в силу чего поэт переставал быть понимаем читателями, не поспевавшими за его развитием. В заметке о Баратынском (1830), представляющей значительный автобиографический интерес, Пушкин писал: «Понятия, чувства 18-летнего поэта еще близки и сродны всякому, молодые читатели понимают его и с восхищением в его произведениях узнают собственные чувства и мысли, выраженные ясно, живо и гармонически. Но лета идут — юный поэт мужает, талант его растет, понятия становятся выше, чувства изменяются. Песни его уже не те. А читатели те же и разве только сделались холоднее сердцем и равнодушнее к поэзии жизни.³⁰ Поэт отделяется от них, и мало-помалу уединяется совершенно. Он творит — для самого себя

³⁰ А. А. Ахматова обратила внимание на связь этих мыслей Пушкина с содержанием письма к нему Е. А. Баратынского конца февраля—начала марта 1828 г. (А. А. А х м а т о в а, «Каменный гость» Пушкина. Сб. «Пушкин. Исследования и материалы», II, Изд. Академии наук СССР, М.—Л., 1958, стр. 186).

и если изредка еще обнаруживает свои произведения, то встречает холодность, невнимание и находит отголосок своим звукам только в сердцах некоторых поклонников поэзии, как он уединенных, затерянных в свете» (XI, 185).

Таким поэтом, творящим «для самого себя», становился Пушкин в последний период жизни. «Вообще пишу много для себя, а печатаю по неволе и единственно для денег, — писал он М. П. Погодину в 1834 г., — охота являться перед публикою, которая вас не понимает» (XV, 124).

В этот период намечаются два основных русла, по которым развивается лирика Пушкина. Лирические произведения, относящиеся к первому руслу, доводятся до предельной обобщенности, превращаясь в произведения, отвечающие тем или иным конкретным задачам и требованиям современной жизни. Такие стихи преимущественно и появлялись в печати («Клеветникам России», «Бородинская годовщина», «На выздоровление Лукулла», «Пир Петра Первого»).

Другие стихи, слишком личные, слишком интимные, Пушкин, как правило, даже и не доводил до завершения, оставляя их «для самого себя» — «К***» («Нет, нет, не должен я, не смею, не могу»), «Когда б не смутное влеченье», «Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит», «Я думал, сердце позабыло», «Из Пиндемонти» и др.

Некоторые пушкинские лирические замыслы той поры вызывались, как можно думать, серьезными особенностями новой полосы его жизни, прояснившимися для него слишком поздно, однако уже подмеченными современниками. Так, уже в конце 1831 г. в № VI «Телескопа» (цензурное разрешение 1 декабря 1831 г.) появилось стихотворение Н. Ф. Павлова «К N. N.»:

Нет, ты не поняла поэта,
И не понять тебе его:
Зачем же спрашивать ответа
Ему у сердца твоего!

Не для небесных вдохновений,
Не для любви созрела ты;
Но для безжизненных волнений,
Но для мертвящей суеты...³¹

Это стихотворение современниками сразу же было соотнесено с Н. Н. Пушкиной. Кроме его содержания, об этом говорило и название (к N. N.), и беглое упоминание о картине Рафаэля, ассоциировавшееся с сонетом Пушкина «Мадона», и, наконец, явные ремини-

³¹ «Телескоп», 1831, ч. VI, № 21, стр. 90—91; см. также: В. В. Калаш. Русские поэты о Пушкине. 1899, стр. 277—278.

К этому же разряду неопубликованных стихотворений «для самого себя» относится и «К***» («Нет, нет, не должен я, не смею, не могу», 1832), полное тихой грусти, светлой печали, отречения от собственного счастья — сложных чувств, вызванных мелькнувшей красотой в образе милой молодой девушки:

... Ужель не можно мне,
 Любуясь девою в печальном сладострастье,
 Глазами следовать за ней и в тишине
 Благословлять ее на радость и на счастье,
 И сердцем ей желать все блага жизни сей,
 Веселый мир души, беспечные досуги,
 Все — даже счастье того, кто избран ей,
 Кто милой деве даст название супруги.

III

Еще более мучительными были ощущения сложности, противоречивости своего общественного положения в условиях тридцатых годов, когда автор «Вольности» и «Деревни» силою обстоятельств оказался вовлеченным в пошлую и пустую жизнь высоких придворных сфер.

Чувство отчуждения от окружающей среды и непреодолимое стремление вырваться из нее становились определяющими для Пушкина этого времени. Уже в середине 1834 г. он пришел к выводу: «Я не должен был вступать в службу» (XV, 156). Ощущение духоты окружающей среды приводило к одному характерному для этих лет желанию: «Ух, кабы мне удрать на чистый воздух» (XV, 159).

Все эти чувства и переживания, приобретая порой в высшей степени обобщенный характер, отражались в лирике Пушкина тридцатых годов в ряде стихотворений, часть из которых, не предназначавшаяся для печати, прямо говорила о них, другая же часть ставила аналогичные проблемы и отражала те же самые чувства в образах, на первый взгляд не имеющих прямого отношения ко всему этому, но при более пристальном взглядывании обнаруживающих свою близость и общую почву, их породившую.

К числу этих стихотворений относится и такое, в высшей степени показательное для переживаний Пушкина данного времени,³⁴ как «Не дай мне бог сойти с ума» (1833?).³⁵

³⁴ Н. В. Измайлов пишет: «Стихотворение это принято датировать 1833 годом — по давней традиции, идущей от Анненкова, но которая не имеет твердых оснований... Правильнее, быть может, отнести его к 1835—1836 годам, сопоставляя со стихотворениями „Странник“ и „Из Пиндемонти“» (Сб. «Пушкин. Исследования и материалы», II, Изд. Академии наук СССР, М.—Л., 1958, стр. 37).

³⁵ При жизни Пушкина не печаталось.

Недоверие к уму было, может быть, наиболее характерной чертой русского царизма второй половины александровского и всего николаевского царствования. Еще Грибоедов, работая над своей комедией, ярко отразил эту ситуацию, выразительно охарактеризованную им первоначальным, поразительным по социальной глубине и политической остроте названием: «Горе уму». Смысл, какой Грибоедов вкладывал в эту формулу, легко раскрывается на целом ряде выразительных примеров. В 1824 г. М. С. Воронцов, обиженный эпиграммами Пушкина, пишет министру иностранных дел К. В. Нессельроде: «Я не могу пожаловаться на Пушкина за что-нибудь ... напротив, казалось, он стал гораздо сдержаннее и умереннее прежнего, но собственный интерес молодого человека, не лишенного дарований и которого недостатки происходят скорее от ума, нежели от сердца, заставляют меня желать его удаления из Одессы».³⁶ В том же году Вяземский писал жене в Одессу по адресу Пушкина: «Скажи ему, чтобы он не дурачился, то-есть не умничал, ибо в уме или от ума у нас и бывают все глупости».³⁷

До какой степени измененное название грибоедовской комедии «Горе от ума» соответствовало правительственным оценкам значения ума в жизни николаевской империи, показывает ответ Бенкендорфа на пушкинскую записку «О народном воспитании» (1826): «... принятое Вами правило, будто бы просвещение и гений (т. е. ум, — Б. Г.) служат исключительным основанием совершенству, есть правило опасное для общего спокойствия, завлекшее Вас самих на край пропасти» (XIII, 315). В декабре 1823 г. Пушкин спрашивал в письме Вяземского: «Что такое Грибоедов? Мне сказывали, что он написал комедию на Чадаева» (XIII, 81). Вся ситуация грибоедовской комедии полностью повторилась в личной судьбе Чадаева, которого в 1836 г. Николай I действительно объявил сумасшедшим за его знаменитое «Философическое письмо».

Десятилетие, протекшее между появлением грибоедовской комедии, катастрофой на Сенатской площади и казнью главарей восстания, с одной стороны, и «Философическим письмом» Чадаева — с другой, было жутким и страшным. Ни в какое другое время не произносились так часто и так упорно слова: «сумасшествие» и «сошел с ума».

Замечательный художник Чертков из гоголевского «Портрета» сходит с ума. Бедный чиновник Поприщин из «Записок сумасшедшего» также сходит с ума, не будучи в состоянии понять, отчего все что ни есть лучшего в жизни достается только камер-юнкерам или генералам. После перенесенных потрясений «помутился

³⁶ Пушкин и н. Письма, т. I, под ред. Б. Л. Модзалевского, 1926, стр. 313. Оригинал на франц. языке. Курсив мой, — Б. Г.

³⁷ «Остафьевский архив», т. V, вып. 1, стр. 24. Курсив мой, — Б. Г.

в разуме» художник Пискарев и перерезал горло бритвой. И после рассказа об этой трагедии чистой человеческой души на всю Россию раздался страстный крик потрясенного автора: «О, не верьте этому Невскому проспекту!»

Невский проспект становился символом императорской столицы, по ночным улицам которой бродит мертвый чиновник, ищущий свою украденную шинель, где обыкновенный человеческий нос превращается в действительного статского советника, скромный чиновник — в испанского короля Фердинанда VIII, где преуспевают пошляки Пироговы и сходят с ума незаметные канцеляристы на мысли о том, «отчего же происходят все эти разности».

Сходит с ума мельник из «Русалки», не перенесший разрушения семьи и смерти дочери. Социальная острота происшедшей трагедии звучит в его ответе на вопрос князя: «Не хочешь ли пойти в мой терем?»:

В твой терем? нет! Спасибо!
Заманишь, а потом меня, пожалуй,
Удавишь...

Германн из «Пиковой дамы» сходит с ума, не будучи в состоянии осуществить мечту своей жизни. Евгений из «Медного всадника» кончает сумасшествием, раздавленный железной силой самодержавия.

Сам Пушкин, потрясенный этой страшной действительностью, писал:

Не дай мне бог сойти с ума,
Нет, легче посох и сума;
Нет, легче труд и глад. —

непосредственно связывая это с плотно обступавшей его душевной атмосферой:

Когда б оставили меня
На воле...

из которой не было сил вырваться:

Да вот беда: сойди с ума,
И страшен будешь как чума,
Как раз тебя запрут,
Посадят на цепь дурака
И сквозь решетку как зверка
Дразнить тебя придут —

и с памятью о дорогих сердцу друзьях-декабристах —

А ночью слышать буду я
Не голос яркий соловья,
Не шум глухой дубров —

А крик товарищей моих
 Да брань смогрителей ночных,
 Да визг, да звон оков.

Из этой враждебной атмосферы был лишь один путь освобождения — бегство с семьей в родовую деревню. Этот выход был почти невозможен. Но Пушкин мечтал о нем. «Дай бог тебя мне увидеть здоровою, — писал он жене в 1834 г., — детей целых и живых! да плюнуть на Петербург, да подать в отставку, да удрать в Болдино, да жить барином! Неприятна зависимость; особенно когда лет 20 человек был независим» (XV, 150).

Из этого комплекса настроений рождались строки стихотворения, обращенного к жене: «Пора, мой друг, пора! [покою] сердце просит» (1834):³⁸

На свете счастья нет, но есть покой и воля.
 Давно завидная мечтается мне доля —
 Давно, усталый раб, замыслил я побег
 В обитель дальнюю трудов и чистых нег.

Стихотворение, слишком личное, чтобы можно было его напечатать, осталось незавершенным. В рукописи сохранился план неосуществленного его продолжения: «Юность не имеет нужды в *at home*,³⁹ зрелый возраст ужасается своего уединения. Блажен кто находит подругу — тогда удались он домой.

«О скоро ли перенесу я мои пенаты в деревню — поля, сад, крестьяне, книги; труды поэтические — семья, любовь etc. — религия, смерть» (III₂, 941).

Непосредственно к этим мыслям Пушкина о покое и воле, которые найдет он в своей родовой деревне, куда перенесет любимые книги и где, наконец, сумеет обеспечить свободу творчества, к которой так стремился в последний период жизни, примыкает стихотворение «Когда за городом, задумчив, я брожу» (1835).⁴⁰

В противопоставлении публичного городского кладбища, на котором:

... гниют все мертвецды столицы,
 В болоте кое-как стесненные рядком,
 Как гости жадные за нищенским столом —

родовому деревенскому:

Где дремлют мертвые в торжественном покое —

и где ничто суетное, мелкое и дешевое не оскорбляет величия смерти, с огромной силой отразилось то же, давно назревавшее

³⁸ При жизни Пушкина не печаталось.

³⁹ *Доме* (англ.).

⁴⁰ При жизни Пушкина не печаталось.

отращение к душевной атмосфере светской жизни и стремление вырваться из нее, которые легли в основу неосуществленного продолжения стихотворения «Пора, мой друг, пора! [покою] сердце просит».

Окончание стихотворения «Когда за городом, задумчив, я брожу», сознательно оборванное на середине строки:

Стоит широко дуб над важными гробами,
Колеблясь и шумя...

придает ему особую торжественность и глубину.

Этим художественным приемом Пушкин неоднократно пользовался для завершения наиболее значительных стихотворений:

Никто ее любви небесной не достоин.
Не правда ль: ты одна... ты плачешь... Я спокоен;
.
Но если.
(«Ненастный день потух», 1824).

Оставь герою сердце! Что же
Он будет без него? Тиран...
Друг
Утешься
(«Герой», 1830).

Громада двинулась и рассекает волны.

XII

Плывет. Куда ж нам плыть?
.
(«Осень», 1833).

... Но пусть мой внук
Услышит ваш приветный шум, когда,
С приятельской беседы возвращаясь,
Веселых и приятных мыслей полон,
Пройдет он мимо вас во мраке ночи
И обо мне вспомнит.
(«Вновь я посетил...», 1835).

По прихоти своей скитаться здесь и там,
Дивясь божественным природы красотам,
И пред созданными искусств и вдохновенья
Трепеща радостно в восторгах умиленья.
— Вот счастье! вот права...
[(«Из Пиндемонти»), 1836].

Если стихотворения «Не дай мне бог сойти с ума», «Пора, мой друг, пора!» и «Когда за городом, задумчив, я брожу» с исключительной искренностью отражают субъективные настроения Пушкина, задыхавшегося в душевной атмосфере петербургской светской и придворной жизни, то стихотворение «(Из Пиндемонти)»

(1836)⁴¹ те же настроения поднимает до высот огромного социально-философского обобщения, приобретающего все свойства объективной характеристики целой эпохи, обманувшей возлагавшиеся на нее надежды современников.

Несмотря на приданный из цензурных соображений заголовок, говорящий как будто бы о заимствовании из Пиндемонте, стихотворение Пушкина совершенно оригинально.⁴² Оно отражает всю глубину разочарования в результатах европейских буржуазных революций, казавшихся такими многообещающими вначале, а в итоге втаптывавших в грязь священные лозунги Свободы, Равенства и Братства⁴³ в бесконечных и бесплодных парламентских прениях:

Все это, видите ль, слова, слова, слова.*

В этих условиях, когда лучшие надежды человечества оборачивались бесчеловечной буржуазной лжедемократией, для духовно усталого поэта становилось безразличным:

Зависеть от царя, зависеть от народа —⁴⁴
Не все ли нам равно?⁴⁵

Всю глубину и всю меру усталости и разочарования поэта в общественно-политических итогах своего века отражает конец стихотворения, в страстных, намеренно резких и подчеркнута заостренных формулировках утверждающий его стремление к полной независимости от каких бы то ни было внешних уз:

... Никому
Отчета не давать, себе лишь самому
Служить и угождать; для власти, для ливрен
Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи;

⁴¹ При жизни Пушкина не печаталось.

⁴² Это подтверждается, в частности, и тем, что первоначально Пушкин шамеревался вместо имени Пиндемонте поставить имя А. Мюссе: «(из Alfred Musset)» (III₂, 1032).

⁴³ Первоначально стихотворение начиналось так:

При звучных именах Равенства и Свободы,
Как будто опьянев, беснуются народы...
Но мало я ценю зазорные права,
От коих не одна кружится голова.

(III₂, 1029—1030).

* Hamlet, (Прим. Пушкина).

⁴⁴ Т. е. от западноевропейской парламентской демократии.

⁴⁵ Вариант:

Равно мне тягостно

(III₂, 1031).

По прихоти своей скитаться здесь и там,
 Дивясь божественным природы красотам,
 И пред созданными искусства и вдохновенья
 Трещеца радостно в восторгах умиленья.
 — Вот счастье! вот права...

Тема одиночества и непонятости поэта в современных ему условиях жизни, отчетливо намеченная уже в цикле пушкинских стихотворений о поэте и имеющая для Пушкина столь значительный автобиографический характер, в последний период его жизни приобретала еще более сложный характер, поднимаясь до значительных обобщений в постановке философской проблемы роли и значения гения в истории человеческого общества:

О люди! Жалкий род, достойный слез и смеха!
 Жрецы минутного, поклонники успеха!
 Как часто мимо вас проходит человек,
 Над кем ругается слепой и буйный век,
 Но чей высокий лик в грядущем поколенья
 Поэта приведет в восторг и в умиленья.

Эта проблема непонятого современниками гения неоднократно разрабатывалась Пушкиным в последний период его жизни. Наиболее полное и художественно совершенное выражение она получила в стихотворении «Полководец» (1835),⁴⁶ говорящем о военачальнике, чей великий подвиг не был оценен по достоинству современниками, но заслужил благодарность последующего поколения.⁴⁷ В «Объяснении», напечатанном в «Современнике» в ответ на обвинения его в преувеличении заслуг Барклая-де-Толли и в умалении значения Кутузова, Пушкин писал: «Минута, когда Барклай принужден был уступить начальство над войсками, была радостна для России, но тем не менее тяжела для его стойческого сердца. Его отступление, которое ныне является ясным и необходимым действием, казалось вовсе не таковым: не только роптал народ ожесточенный и негодующий, но даже опытные воины горько упрекали его и почти в глаза называли изменником. Барклай, не внушающий доверенности войску, ему подвластному, окруженный враждою, язвимый злоречием, но убежденный в самого себя, молча идущий к сокровенной цели и уступающий власть, не успев оправдать себя перед глазами России, останется навсегда в истории высоко поэтическим лицом» (XII, 133—134).

⁴⁶ Впервые напечатано (без подписи) в «Современнике» (1836, т. III).

⁴⁷ См.: В. А. Мануйлов и Л. Б. Модзалевский. «Полководец» Пушкина. «Пушкин. Временник Пушкинской комиссии», т. 4—5, 1939, стр. 125—164.

Стоическая твердость Барклая была близка и понятна самому Пушкину, что отразилось на упорном стремлении поэта дать этому моменту наиболее глубокое, полное и точное словесное выражение:

Непроницаемый для взгляда черни дикой,
В молчаньи шел один ты с мыслию великой...

Своими криками преследуя тебя,⁴⁸
Народ таинственно спасаемый тобою,
Ругался над твоей священной сединою.

И долго, укреплен могущим убежденьем,⁴⁹
Ты был непоколебим пред общим заблужденьем...

Глубоко личный характер всех этих моментов обнаруживается и прямым соответствием их с завершающей строфой стихотворения «Я памятник себе воздвиг нерукотворный», где еще более прямо и открыто поставлена та же проблема непонятого современниками гения, твердо и равнодушно переносящего обиды и клевету:

Веленью божию, о муза, будь послушна,
Обиды не страшась, не требуя венца,
Хвалу и клевету приемли равнодушно,
И не оспоривай глупца.

IV

Тридцатые годы со всей очевидностью свидетельствуют о том, что в своей лирике Пушкин шел от утверждения радости жизни к утверждению трагического характера жизни. Однако утверждение трагического начала жизни не приводило к безнадежности и отрицанию смысла жизни. Сила органически присущего Пушкину глубокого жизненного оптимизма была столь велика, что и в самых трагических сторбнах жизни Пушкин открывал такую красоту и такое стремление к развитию, которые во многом смягчали ощущение трагизма и, не преодолевая его окончательно, предохраняли поэта от безнадежного пессимизма.

⁴⁸ Варианты:

Ты шел — и лаяли невежды на тебя —
Ты шел — и лаяла толпа вокруг тебя —

⁴⁹ Варианты:

Но крепкий внутренним могущим убежденьем
И долго укреплен могущим убежденьем
В искусство веруя и силен убежденьем
Но веруя в себя и силен убежденьем
И веруя в себя и силен убежденьем

(III, 959—963).

В этом отношении показательно стихотворение «...Вновь я посетил» (1835)⁵⁰ — одно из высочайших достижений пушкинской лирики тридцатых годов, целиком вырвавшееся из тяжелых переживаний Пушкина последних лет его жизни.

Осень 1835 г. была тяжелой для Пушкина. Домашние обстоятельства его были особенно сложны в это время. В начале сентября он уехал в Михайловское для работы и в середине месяца писал оттуда жене: «Вот уж неделя как я тебя оставил, милый мой друг; а толку в том не вижу. Писать не начинал и не знаю, когда начну. За то беспрестанно думаю о тебе, и ничего путного не думаю... Эдак я и осень мою прогуляю, и коли бог не пошлет нам порядочных морозов, то возвращусь к тебе не сделав ничего» (XVI, 47). Через неделю он вновь пишет о том же: «...я все беспокоюсь и ничего не пишу, а время идет. Ты не можешь вообразить, как живо работает воображение, когда сидим одни между четырех стен, или ходим по лесам, когда никто не мешает нам думать, думать до того, что голова закружится» (XVI, 48). 25 сентября он пишет вновь: «Вообрази, что до сих пор не написал я ни строчки; а все потому что не спокоен. В Михайловском нашел я все по старому, кроме того, что нет уж в нем няни моей, и что около знакомых старых сосен поднялась во время моего отсутствия, молодая, сосновая семья, на которую досадно мне смотреть, как иногда досадно мне видеть молодых кавалергардов на балах, на которых уже не пляшу. Но делать нечего; все кругом меня говорит, что я старею» (XVI, 50).

В Михайловском Пушкина обступили старые воспоминания о его пребывании здесь десять лет назад. «Как подумаю, — писал он несколько позднее П. А. Осиповой, — что уже 10 лет протекло со времени этого несчастного возмущения, мне кажется, что все я видел во сне. Сколько событий, сколько перемен во всем, начиная с моих собственных мнений, моего положения и проч., и проч.» (XVI, 68, 376).

Еще позднее он писал П. В. Нащокину: «Мое семейство умножается, растет, шумит около меня. Теперь, кажется, и на жизнь нечего роптать и [смерти] старости нечего бояться. Холостяку в свете скучно: ему досадно видеть новые, молодые поколения; один отец семейства смотрит без зависти на молодость, его окружающую» (XVI, 73).

Из комплекса всех этих мыслей, воспоминаний и настроений рождались строки стихотворения:

... Вновь я посетил
Тот уголок земли, где я провел

⁵⁰ При жизни Пушкина не печаталось.

Изгнанником два года незаметных.
 Уж десять лет ушло с тех пор — и много
 Переменилось в жизни для меня,
 И сам, покорный общему закону,
 Переменился я...

И в соответствии со своими мыслями, частично выраженными и в приведенном письме к Нащокину о вечной красоте жизни, о смене поколений, как о непреходящем условии развития жизни, и о ничтожности каждого из этих поколений перед лицом вечной, всеобъемлющей и непрерывно развивающейся жизни Пушкин завершал стихотворение горячим приветием этой вечно развивающейся и вечно обновляющейся жизни:

Здравствуй, племя
 Младое, незнакомое! не я
 Увижу твой могучий поздний возраст,
 Когда перерастешь моих знакомцев
 И старую главу их заслонишь
 От глаз прохожего. Но пусть мой внук
 Услышит ваш приветный шум, когда,
 С приятельской беседы возвращаясь,
 Веселых и приятных мыслей полон,
 Пройдет он мимо вас во мраке ночи
 И обо мне вспомянет.

V

В лирике Пушкина тридцатых годов особенно интенсивно развивается начавшийся несколько ранее процесс перехода от субъективизма лирического творчества к лирике, отражающей все богатство и сложность объективного мира. В связи с этим намечаются серьезные сдвиги и в жанровой структуре, все более и более приближающейся к повествовательной форме. С этого времени форма повествования становится одним из основных жанров пушкинской лирики, предоставляя поэту широкие возможности к включению в сферу лирического творчества моментов исторического, общекультурного и общечеловеческого характера.

Показательным в этом отношении представляется обращение Пушкина к общечеловеческим проблемам, преимущественно западноевропейской и восточной общекультурной традиции.

Начало этого процесса восходит еще к михайловскому периоду, когда была написана «Сцена из Фауста»⁵¹ и задуманы четыре из пяти «маленьких трагедий», завершенных позднее, в болдинскую осень.

⁵¹ Впервые напечатана в «Московском вестнике» (1828, ч. IX, № 9) с пропуском, по требованию Николая I, стихов 110—111.

Нет никаких оснований сближать «Сцену из Фауста» Пушкина с философской драмой Гёте ни в тематическом, ни в стилистическом отношениях. Это совершенно самостоятельное пушкинское создание, лишь использующее образы Фауста и Мефистофеля для воспроизведения ситуации, никаких соответствий с произведением Гёте не имеющей.

В основу этой сцены Пушкин положил те же самые мысли о характерных чертах духовного склада людей начала XIX в., что и в своем «Демоне» (1823), в котором, по его же собственным словам, хотел олицетворить «дух отрицания или сомнения» и показать «[отличительные признаки и] печальное влияние [оного] на нравственность нашего века» (XI, 30). В этом отношении естественным было обращение к «Фаусту», в котором для Пушкина в наибольшей степени воплощался дух новейшего времени, как в «Илиаде» — дух классической древности.

Эти черты духовного склада, характерные для людей его времени, Пушкин находил и в себе. «Тебе скучно в Петербурге, — писал он Вяземскому, — а мне скучно в деревне. Скука есть одна из принадлежностей мыслящего существа. Как быть?» (XIII, 176).
Ср.:

Фауст

Мне скучно, бес.

Мефистофель

Что делать, Фауст?

Таков вам положен предел,
Его же никто не преступает.
Вся тварь разумная скачует...

В то же время пушкинская «Сцена» вскрывает и такие сложные противоречия в душе современного человека, какие совершенно отсутствуют в духовном облике героя Гёте. На вопрос Мефистофеля:

Когда красавица твоя
Была в восторге, в упоенье.

.....
Что думал ты в такое время,
Когда не думает никто?
Сказать ли? —

Фауст отвечает:

Говори. Ну, что?

И Мефистофель с такой неприкрытой обнаженностью раскрывает самые тайные и глубинные движения души своего собеседника, что тот в испуге останавливает его:

Сокройся, адское творенье!
Беги от взора моего!

Переход Пушкина к непосредственному отражению в лирике всей сложности объективного мира открывал широкие возможности для проявления и в лирическом творчестве того историзма художественного мышления, который начинал в полной мере складываться именно с этих лет. Одним из наиболее ярких проявлений этого в лирике Пушкина является его послание «К вельможе» (1830).⁵²

Видный сановник, член Государственного Совета, бывший при Екатерине II посланником в Сардинии, Неаполе и Венеции, Н. Б. Юсупов (1750—1831) в пушкинское время уже отошел от государственных дел и жил на покое в своем богатом подмосковном имении Архангельское.⁵³

Послание «К вельможе» является тонкой и острой характеристикой самого Н. Б. Юсупова, основные этапы жизненного пути которого давали возможность Пушкину развернуть широкое полотно общеевропейской жизни почти за сорок лет, как бы перелистать страницы великой книги европейской истории. Со страниц этой книги живыми встают и Ферней, где «циник поседелый» (Вольтер),

Свое владычество на Севере любя,
Могильным голосом приветствовал тебя,

и Версаль, где «Армида молодая» (Мария-Антуанетта)

Не ведая, чему судьбой обречена,⁵⁴
Резвилась, ветреным двором окружена,

и Лондон с его двухпалатным парламентским представительством:

Твой взор
Прилежно разобрал сей двойственный собор,

и умственная жизнь Франции, овеянная именами «Энциклопедии скептического причета» — д'Ольбаха, Морле, Гальяни, Дидро и Бомарше; и Испания, где «лавры зыблются» и «апельсины зреют». После всех этих картин спокойной жизни:

вихорь бури,
Падение всего, союз ума и фурий —

грозные европейские события 1789—1793 и последующих лет, с пер-

⁵² Впервые напечатано в «Литературной газете» (1830, № 30, 26 мая) (день рождения Пушкина).

⁵³ См. интересное исследование: К. В. Сивков. Бюджет крупного собственника-крепостника первой трети XIX в. Исторические записки, т. IX. Изд. Академии наук СССР, М., 1940, стр. 125—152.

⁵⁴ Мария-Антуанетта казнена в 1793 г.

вым этапом Французской революции («Свободой грозною воздвигнутый закон»),⁵⁵ якобинской диктатурой («И мрачным ужасом смененные забавы»),⁵⁶ последующим захватом власти Наполеоном («Преобразился мир при громах новой славы»),⁵⁷ перенесением праха Вольтера в Пантеон,⁵⁸ наконец, установлением нового буржуазного порядка в послереволюционной Европе, вызывавшего отрицательное отношение к себе со стороны Пушкина уже в это время.

И в этом особенно ярко сказалась политическая зоркость Пушкина: послание «К вельможе» является свидетельством отчетливого признания им уже в это время безвозвратно наступающего заката пышной дворянской культуры, глядящей уже только в прошлое.

Нарисовав предельно яркую и впечатляющую картину непрестанного движения общеевропейской жизни, Пушкин, возвращаясь к духовному облику Юсупова, который в данном случае приобрел обобщенный характер представителя закатывавшейся и всецело обращенной в прошлое дворянской культуры,⁵⁹ заканчивает послание такой выразительной характеристикой, которая, сохраняя всю свою связанность с обликом Юсупова, далеко выходила за эти рамки, становясь характеристикой и всей уходящей дворянской культуры:

Беспечно окружась Корреджием, Кановой,
Ты, не участвуя в волнениях мирских,
Порой насмешливо в окно глядишь на них,
И видишь оборот во всем кругообразный

⁵⁵ Ср. в «Андрее Шенье» (1825):

Оковы падали. Закон,

На вольность опершись, провозгласил равенство...

⁵⁶ Ср. там же:

О горе, о безумный сон!
Где вольность и закон? Над нами
Единый властвует топор.

⁵⁷ Ср. в оде «Наполеон» (1821):

И Франция, добыча славы,
Пленный устремила взор,
Забыв надежды величавы,
На свой блистательный повор.

⁵⁸ Ср. в «Андрее Шенье» (1825):

Уже в бессмертный Пантеон
Святых изгнанников входили славны тени

⁵⁹ Что, кстати, вполне соответствовало действительности. Неизвестный современник, оставивший кое-какие воспоминания о Юсупове, пишет о своем представлении ему в 1824 г.: «Помню эти огромные залы, убранные во вкусе Людовика XV, множество картин и статуй, множество грубой челяди; наконец, кабинет сибарита, его пресыщенную, сонную фигуру, белый шляфор и церемонию его пудрения головы» («Русская старина», 1892, № 7, стр. 9).

Так, вихорь дел забыв для муз и неги праздной,
 В тени порфирных бань и мраморных палат,
 Вельможи римские встречали свой закат.
 И к ним издалека то воин, то оратор,
 То консул молодой, то сумрачный диктатор⁶⁰
 Являлись день — другой роскошно отдохнуть,
 Вздохнуть о пристани и вновь пуститься в путь.

Один из современников, характеризую Юсупова, писал о нем как о человеке, «оставившем по себе память одного из неисправимых представителей времен регентства (*du bon vieux temps*)», и выражал удивление тому, что «Пушкин не нашел в России, к кому обратиться с прекрасными своими стихами».⁶¹ Однако если бы Пушкин и решил обратиться со стихами к другому вельможе, скажем, к Мордвинову, или Ермолову, или Сперанскому, то не получилось бы именно такого стихотворения, а вышло бы нечто совсем иное.⁶²

Кроме того, отношения Пушкина к Юсупову были сложнее, чем обычно представляется. М. А. Максимович, которому Пушкин передавал некоторые привходящие подробности, связанные с созданием стихотворения, заметил ему по поводу того, каким он изобразил Юсупова в своем послании: «Но ведь вы его изобразили пустым человеком», на что будто бы Пушкин ответил: «Ничего, не догадается».⁶³

Думается, что в данном случае Пушкин просто слукавил или отмахнулся незначащей отговоркой, не желая пускаться в подробности. Отношение к Юсупову в пушкинском послании далеко не такое простое, как это представляется с первого взгляда. С одной стороны, у Максимовича были известные основания сделать вывод, какой он сделал. Характеризуя «долгий ясный век» Юсупова, Пушкин прежде всего отмечает отсутствие в нем чего-либо выходящего за пределы «золотой середины». Юсупов в своей жизни искал только «возможного», если и «проказил», то только «умеренно». Даже успехи по службе доставались ему не как следствие выдающихся способностей, а как-то по инерции, в связи с благоприобретенным по рождению высоким общественным положением:

Чредою шли к тебе забавы и чины.

⁶⁰ См. носящие автобиографический характер варианты:

То молодой поэт приветливо входил

*

То стойк, то поэт

(III₂. 822—823).

⁶¹ «Русская старина», 1892, № 7, стр. 9.

⁶² См., например, стихотворение «Мордвинову» (1826).

⁶³ «Русский архив», 1887, кн. III, № 11, стр. 454.

Отметив, что за границей Юсупов пробовал пополнять свой умственный багаж беседами с такими умами, как Дидро, Пушкин тотчас же оговаривает, что в основе этого лежало лишь простое любопытство:

И скромно ты внимал
За чашей медленной афею иль деиству,
Как любопытный скиф афинскому софисту.

Однако достаточно было проникательному Бомарше, который «угадал» истинные интересы своего собеседника, рассказать «в пленительных словах»:

... о ножках, о глазах,
О неге той страны, где небо вечно ясно,
Где жизнь ленивая проходит сладострастно —

как

ты, встревоженный, в Севиллу полетел.

И в то время, как знакомство с передовым общественным устройством Англии («Пружины смелые гражданственности новой»), по-видимому, не особенно увлекло Юсупова:

Скучая, может быть, над Темзою скупой,
Ты думал дале плыть —

эрудиция и заинтересованность его в любовных похождениях в Испании поистине безгранична:

О, расскажи ж ты мне, как жены там умеют
С любовью набожность умильно сочетать;
Из-под мантильи знак условный подавать;
Скажи, как падает письмо из-за решетки,
Как золотом усыплен надзор угрюмой тетки...

Описав далее все, что увидел Юсупов в потрясенной социальными переворотами Франции («Ты видел вихорь бури...») и то новое в жизни, что явилось следствием этих переворотов:

Смотри: вокруг тебя
Все новое кипит —

Пушкин тотчас же делает характерное сравнение:

Один всё тот же ты. Ступия за твой порог,
Я вдруг переносусь во дни Екатерины.

Позднее, в одной из своих статей 1836 г., Пушкин писал: «Глупец один не изменяется, ибо время не приносит ему развития, а опыты для него не существуют» (XII, 34). Хотел или не хотел Пушкин в 1830 г. сделать подобный вывод из своих слов: «Один

все тот же ты» — неизвестно, но мы вправе сопоставить эти две формулы, может быть, с некоторым смягчением второй из них в пользу Юсупова. И тут мы подходим ко второй стороне вопроса — Юсупов воспринимался Пушкиным с его как бы эстетической стороны, в качестве великолепного и уже редкого образца человеческой личности, созданной определенными условиями и в определенную эпоху, — условиями, которые исчезают и уже более не повторяются. И самые слабости, и теневые стороны этой личности становились для Пушкина качествами не столько самого Юсупова, сколько качествами и свойствами целого поколения русского дворянства, целой уходившей на глазах Пушкина в историю эпохи русской жизни.

Пушкинское определение самой основной, самой характерной, самой всеопределяющей черты личности Юсупова:

счастливым человек,
Для жизни ты живешь —

могло относиться только к человеку, который уже самым рождением своим был более чем обеспечен на всю жизнь, навсегда избавлен от каких бы то ни было забот материального порядка. Эта формула не сразу далась Пушкину. Черновой автограф передает следующий ход пушкинской мысли:

Люблю я жизнь твою
*
там я буду тебя слушать, и учиться от тебя
*
Для жизни ты живешь
(III₂, 806).

В связи с наметившейся в лирике Пушкина тенденцией выхода за пределы русской культуры к темам мирового звучания исключительный интерес представляет относящееся к болдинской осени 1830 г. и оставшееся незавершенным стихотворение «В начале жизни школу помню я».⁶⁴

Традиция возводить содержание этого незаконченного произведения к эпохе раннего итальянского Возрождения⁶⁵ или даже позднего средневековья⁶⁶ идет от Белинского, который, рецензируя в 1841 г. последние три тома посмертного издания сочинений Пушкина и доверившись данному Жуковским в этом издании произ-

⁶⁴ При жизни Пушкина не печаталось.

⁶⁵ См., например: А. С. Пушкин, Собрание сочинений в 10 томах, т. 2, 1959, стр. 726.

⁶⁶ См., например: Г. А. Жуковский. Пушкин и проблемы реалистического стиля, стр. 280.

вольному и неверному названию данного стихотворения⁶⁷ «Подражания Данту»,⁶⁸ писал: «„Подражание Данту“ для не знающих итальянского языка верно показывает, что такое Дант как поэт. ... Но теперь, после двух небольших отрывков Пушкина из Данта,⁶⁹ ясно видно, что стоит только стать на католическую точку зрения, чтоб увидеть в Данте великого поэта. Прислушайтесь внимательным слухом к этим откровениям задумчивого, тяжело страстного итальянца, которого душа так и рвется к обаяниям искусства и жизни, несмотря на весь свой католический страх греха и соблазна» (V, 270).

Обратимся к тексту стихотворения и к тем его моментам, которые давали основание исследователям относить его содержание к эпохе раннего итальянского Возрождения или позднего средневековья.

В связи с этим напомним давно установленный факт, что с содержанием «Божественной комедии» пушкинское стихотворение не имеет никаких соответствий, кроме того, что оно написано терциями. Однако «Домик в Коломне» написан октавами, а между тем мы сделали бы большую ошибку, отталкиваясь при анализе этого произведения от соответствующей традиции данной строфы в итальянской литературе.

Между тем нельзя отделаться от впечатления, что начало стихотворения действительно передает черты не русской, а западно-европейской жизни:

Смирная, одетая убого,
 Но видом величаяв жена
 Над школою надзор хранила строго.

 Ее чела я помню покрывало
 И очи, светлые как небеса.
 Но я вникал в ее беседы мало...

Вслушиваясь в эти слова, в их интонации, вдумываясь в их содержание, мы не столько поймем, сколько почувствуем ясно ощутимый, хотя и трудно поддающийся определению оттенок западно-европейской речевой традиции, как мы ощущаем все это в песенке Мери из «Пира во время чумы», где речь идет не о русских, а именно об английских — и только об английских — церкви и школе.

В то же время во всем отрывке полностью отсутствуют моменты, которые давали бы основание соотносить его содержание

⁶⁷ У Пушкина в рукописи название отсутствует.

⁶⁸ Сочинения Александра Пушкина, т. IX, СПб., МДСССХLI, стр. 172.

⁶⁹ Под общим заголовком «Подражания Данту» вместе с данным стихотворением был объединен отрывок «И дале мы пошли — и страх обнял меня», также написанный терциями.

только с итальянской действительностью. Монахиня — руководительница школы при католическом монастыре, ее внешний и внутренний облик, вплоть до характерного для западноевропейской монахинь покрывала на голове, — все это с одинаковым основанием может быть отнесено к любой западноевропейской католической стране, где традиция монастырского воспитания была широко распространена еще и в XIX в.

Описание великолепного сада со множеством мраморных статуй также не дает бесспорных оснований для соотнесения его только с одной итальянской действительностью. Такие сады имелись в любой стране Западной Европы. Широко были представлены они и в России XVIII в. В этой связи достаточно напомнить хотя бы знаменитый Юсупов сад в Москве, куда водили гулять мальчика Пушкина.⁷⁰ Этот сад назван и в пушкинской программе автобиографии: «Первые впечатления. Юсупов сад — Землетрясение» (XII, 308). Такие же сады имелись и в Царском Селе, в непосредственной близости от Лицея. В «Воспоминаниях в Царском Селе» (1829) Пушкин писал об этих садах Екатерины:

... Ее любимые сады
Стоят населены чертогами, вратами,
Столпами, башнями, кумирами богов.

Что же касается стремления видеть в слове «бесы», которым в стихотворении «В начале жизни школу помню я» названы статуи античных богов и богинь («То были двух бесов изображенья»), отражение религиозного мышления человека средневековья по отношению к языческим идеалам античности, то и оно неубедительно. Примеры подобного словоупотребления в изобилии дает и русская действительность XVII и XVIII вв. Так именно простой народ называл мраморные статуи, которыми Петр I украшал свой Летний сад.

Таким образом, основания для точного соотнесения пушкинского стихотворения именно с итальянской действительностью эпохи средневековья или Возрождения далеко не достаточны. Да едва ли для понимания этого стихотворения и нужно точное географическое и временное его приурочивание. В этом отношении так же обстоит дело и с «маленькими трагедиями», действие которых развертывается в нарочито обще очерченных хронологических

⁷⁰ «План его, обнаруженный лишь в советское время, показывает, что он был распланирован более чем на десятине наподобие версальских садов, с правильными аллеями и круглым прудом, к которому спускались ступени двух лестниц... В саду, несомненно, были традиционная беседка, грот, искусственные руины, статуи... В пожар 1812 г. Юсупов сад сгорел» (Пушкинская Москва. Путеводитель, 1937, стр. 122).

и географических границах. Трудно сказать точно, в какой стране происходит действие «Скупого рыцаря», да это, может быть, и не так нужно для раскрытия замысла Пушкина. События, показанные в «Каменном госте», с одинаковым успехом могли иметь место и в XVI, и в XVII в., но точные хронологические рамки, пожалуй, и не внесли бы ничего нового в характер взаимоотношений Дон Гуана, Лауры и Доны Анны.

Откуда бы художник ни брал материал для своего произведения, этот материал всегда отвечает его внутренней настроенности и его художественным потребностям.

В каких бы направлениях ни простирались наши усилия в поисках географических соответствий данному стихотворению, как бы точно мы ни определяли хронологические границы его содержания, нельзя игнорировать совершенно явные соответствия его текста с целым рядом содержащихся в поэзии Пушкина описаний его творческого процесса, точнее, его формирования как поэта.

Впечатления героя стихотворения от прелести природы и произведений искусства, пробуждавших в нем художника:

Любил я светлых вод и листьев шум,
И белые в тени дерев кумиры.

.....
Пред ними сам себя я забывал;
В груди младое сердце билось — холод
Бежал по мне и кудри подымал —

полностью соответствуют аналогичным признаниям самого Пушкина о пробуждении в нем поэта:

Вновь нежным отроком, то пылким, то ленивым,
Мечтанья смутные в груди моей тая,
Скитаясь по лугам, по рошам молчаливым,
Поэтом забываюсь я.

(«Воспоминания в Царском Селе», 1829).

Почти физиологически точное описание состояния вдохновения:

... холод
Бежал по мне и кудри подымал —

неоднократно приводилось Пушкиным как свойственное ему самому:

Когда сменяются виденья
Перед тобой в волшебной мгле,
И быстрый холод вдохновенья
Власы подымлет на челе.

(«Жуковскому», 1818).

Повышенно-эмоциональное восприятие героем стихотворения высоких и совершенных произведений искусства:

Все наводило сладкий некий страх
Мне на сердце; и слезы вдохновенья,
При виде их, рождались на глазах —

было свойственно и самому Пушкину:

Порой опять гармонией упьюсь,
Над вымыслом слезами обольюсь —
(«Элегия», 1830).

оно отмечено им в качестве свойства подлинного художника в «Мопарте и Сальери»:

Ребенком будучи, когда высоко
Звучал орган в старинной церкви нашей,
Я слушал и заслушивался — слезы
Невольные и сладкие текли.

Эти соотношения легко умножить вплоть до последних терцин, наделяющих отрока-художника чертами, во многом свойственными и самому Пушкину лицейских лет:

Безвестных наслаждений темный голод
Меня терзал — уныние и лень
Меня сковали — тщетно был я молод.

[Средь отроков] я молча целый день
Бродил угрюмый — всё кумиры сада
На душу мне свою бросали тень.

В основе всякого подлинного произведения искусства лежат мысли и чувства, так или иначе пережитые самим художником. В процессе становления обобщенного художественного образа эти моменты еще более усложняются всем жизненным опытом художника, приобретая характер, порой даже не вызывающий ассоциаций биографического порядка.

Это говорит о том, что перед нами, по-видимому, начало большого и сложного произведения, возможно автобиографического характера, в котором процесс пробуждения творческого начала в ребенке и становление художника должны были раскрываться на обобщенном фоне западноевропейской жизни.

VI

Повествовательная форма в последние годы жизни Пушкина ставится основным жанром его лирики. Нет оснований для каких бы то ни было суждений о затухании лирического начала

в творчестве Пушкина этого времени. Пушкинский лиризм, в наиболее полном и чистом своем выражении проявлявшийся до сих пор главным образом в области субъективной лирики, теперь переключался в повествовательные лирические жанры, которые, как показал пример стихотворения «В начале жизни школу помню я», предоставляли все возможности не только для эпического рассказа, но и для выражения самых глубоких и сложных личных переживаний и настроений поэта.

В этом отношении заслуживает самого серьезного и пристального внимания во многом до сих пор загадочное стихотворение «Странник» (1835—1836),⁷¹ являющееся далеко отступающим от оригинала⁷² переложением первых трех страниц написанной в прозе книги английского религиозного писателя и проповедника Джона Бениана (John Bunyan, 1628—1688) «The Pilgrim's progress».⁷³ Пушкина, вероятно, привлекала и колоритная личность непримиримого пуританина, ярко отразившаяся в его написанной в тюрьме религиозно-мистической книге, которая в конечном счете в образах бегства от земной юдоли к вечности и богу отражала в какой-то степени и общественные тенденции протестантизма в тяжелых условиях преследований со стороны господствующей церкви и власти.

Стихотворение Пушкина, как это диктуется и самим жанром лирического повествования, в высокой степени примечательно в двух отношениях — воспроизведением эпохи и духовного мира людей того времени, и глубоко личными настроениями и переживаниями, которыми поэт окрашивает свое повествование.⁷⁴

Что касается первого момента, т. е. воспроизведения самого духа эпохи, то на великое мастерство Пушкина в этом отношении указал уже Достоевский в своей «пушкинской» речи 1880 г.

«Это почти буквальное переложение, — говорил Достоевский, — первых трех страниц из странной мистической книги, написанной в прозе, одного древнего английского религиозного сектатора, — но разве это только переложение? В грустной и восторженной музыке

⁷¹ При жизни Пушкина не печаталось.

⁷² Ср.: А. Габричевский. «Странник» Пушкина и его отношение к английскому подлиннику. «Пушкин и его современники», вып. XIX—XX, 1914, стр. 40—48.

⁷³ Третье издание русского перевода «Сочинений Иоанна Бюниана» (1819, в четырех частях) имеется в библиотеке Пушкина. В первой части содержится «Путешествие Христианина к блаженной вечности» (Б. Л. Модзалевский. Библиотека А. С. Пушкина. Библиографическое описание. «Пушкин и его современники», вып. IX—X, 1910, стр. 17, № 59).

⁷⁴ См.: Н. В. Измайлов. Лирические циклы в поэзии Пушкина 30-х годов, стр. 33—34.

этих стихов самая душа северного протестантизма, английского ересиарха, безбрежного мистика, с его тупым, мрачным и непреодолимым стремлением и со всем безудержем мистического мечтания. Читая эти странные стихи, вам как бы слышится дух веков реформации, вам понятен становится этот воинственный огонь начинавшегося протестантизма, понятна становится, наконец, самая история, и не мыслью только, а как будто вы сами там были, прошли мимо вооруженного стана сектантов, пели с ними их гимны, плакали с ними в их мистических восторгах и веровали вместе с ними в то, во что они поверили.⁷⁵

Вместе с тем пушкинское стихотворение (которое именно в силу этого перестает быть только «переложением» и становится оригинальным произведением самого поэта), несомненно, отражает и глубоко личные переживания Пушкина в это тяжелое для него время. В нем как бы скипелись и соединились воедино и настроения, владевшие поэтом в стихотворении «Не дай мне бог сойти с ума», и размышления о жизни в стихотворении «Когда за городом, задумчив, я брожу», и грустные мысли об участи непонятого современниками носителя высокого духовного начала в «Полководце», и, наконец, ощущение непереносимой тяжести и духоты окружающей действительности, выходом из чего может явиться только бегство, как это отразилось в стихотворениях «(Из Пиндемонти)» и «Пора, мой друг, пора! [покою] сердце просит». Примечательно, что соответствующая строка «Странника»:

Как узник, из тюрьмы замысливший побег —

и особенно ее вариант —

Как раб, замысливший побег —

(III₂, 982).

почти в точности совпадают и с соответствующей строкой стихотворения «Пора, мой друг, пора!»:

Давно, усталый раб, замыслил я побег.

Такой же характер воспроизведения личного момента в повествовании, восходящем в сюжетном отношении к чужому оригиналу, имеет и потрясающее по силе чувства и его художественного выражения стихотворение «Подражание италиянскому» (1836).⁷⁶

⁷⁵ Ф. М. Достоевский, Полное собрание сочинений, т. 12, 1883, стр. 429.

⁷⁶ При жизни Пушкина не печаталось.

Стихотворение является свободным переложением сонета о смерти предателя Иуды итальянского поэта Франческо Джинни (Fr. Gianni), воспринятому во французском его переводе.⁷⁷ Предательство всегда чрезвычайно остро и болезненно воспринималось Пушкиным.⁷⁸ Мотив предательства друзей становится одним из важнейших моментов лирики Пушкина, начиная с периода его южной ссылки. В стихотворении «Коварность» (1824) Пушкин писал о предательстве человека, которого долгое время считал своим другом:

Но если цепь ему накинул ты
И сонного врагу предал со смехом,
И он прочел в немой душе твоей.
Все тайное своим печальным взором, —

Тогда ступай, не трать пустых речей —
Ты осужден последним приговором.

Мотив клеветы и предательства дает себя знать в лирике Пушкина до последних лет жизни поэта. Этим личным моментом обусловлена та огромная трагическая сила, какую Пушкин вложил в стихотворение:

И сатана, привстав, с веселием на лике
Лобзанием своим насквозь прожег уста,
В предательскую ночь лобзавшие Христа.

Повествовательная форма давала возможность разработки в лирике и острых проблем общественно-политического характера. В последние годы жизни Пушкин заинтересовывается образом библейской народной героини Юдифи, убившей врага своего народа Олоферна, военачальника ассирийского царя Навуходоносора. От замысла, по-видимому, большого лирического произведения на эту тему остался лишь отрывок «Когда владыка ассирийский» (1835)⁷⁹ исключительно высокого художественного достоинства. В качестве источника фактического материала Пушкин обратился к Библии. В четвертой главе «Книги Иудифь» о подвиге Юдифи рассказывается так: «Сыны Израиля, жившие в Иудее, услышавши обо всем, что сделал с народами Олоферн, военачальник Ассирийского царя Навуходоносора... очень, очень испугались его... Они послали во все пределы Самарии... в равнину Салимскую... заняли восходы в нагорную страну, потому что чрез них был вход в Иудею, и легко было им воспрепятствовать приходящим, так как

⁷⁷ См. Б. Томашевский. Источник стихотворения «Как с древа сорвался предатель-ученик». «Пушкин и его современники», вып. XXXVIII—XXXIX, 1930, стр. 78—81.

⁷⁸ Ср.: Н. В. Измайлов. Лирические циклы в поэзии Пушкина 30-х годов, стр. 34—35.

⁷⁹ При жизни Пушкина не печаталось.

тесен был проход даже для двух человек... посыпали пеплом свои головы, разостлали пред господом свои вретича, облекли жертвенник во вретиче... Между тем Олоферну... дано было знать, что сыны Израиля... заложили входы в нагорную страну и укрепили стенами всякую вершину высокой горы».⁸⁰

Этот отрывок Пушкин начал переключивать в стихи непередаваемо высокого совершенства:

Во все пределы Иудеи
Проникнул трепет. Иереи
Одели вретичем алтарь.
Народ завыл, объятый страхом,
[Главы покрыв] золой и прахом,
И внял ему всевышний царь.

Притек сатрап к ущельям горным
И зрит: их узкие врата
Замком замкнуты непокорным;
Стеной, <как> поясом узорным,
Препоясалась высота.

И над тесниной торжествуя,
Как муж на страже, в тишине
Стоит, белеясь, Ветилуя
В недостижимой высоте...

Впечатление библейской архаики, кроме собственных имен (владыка ассирийский, Олоферн, Израиль, Иудея, Ветилуя), достигается также характерными словосочетаниями: казнию казнил; замком замкнуты; грозой грозитя высота⁸¹ и др.

Будучи законченным, это произведение говорило бы о высоких народных духовных и моральных качествах, о стойкости народа в борьбе с угнетателями всякого рода, а героический облик Юдифи соответствовал бы по своей общественной функции образу Полины из незавершенного «Рославлева» (1831), мечтавшей в годы Отечественной войны убить Наполеона, тайно пробравшись в его лагерь.

Точно так же подлинный исторический факт, найденный Пушкиным у Голицева⁸² в процессе работы над материалами для «Истории Петра I», говоривший о том, что «Петр, простив многих знатных преступников, пригласил их к своему столу и пушечной пальбою праздновал с ними свое примирение» (X, 7), дал воз-

⁸⁰ Библия, или книги священного писания Ветхого и Нового завета в русском переводе, с параллельными местами, изд. 5-е, СПб., 1900, стр. 597—598.

⁸¹ Вариант к строке:

Препоясалась высота.

⁸² Опиравшегося, в свою очередь, на Ломоносова.

можность Пушкину в стихотворении «Пир Петра Первого» (1835), открывавшем первую книжку нового журнала Пушкина «Современник», сохраняя все звучание воспроизведения объективной исторической действительности, явиться и важной политической декларацией, напоминавшей царю в десятую годовщину декабрьского восстания о знаменательном факте из биографии его пращура, продолжая в этом отношении политическую линию, уже намеченную «Стансами» (1826), «Полтавой» (1828) и «Героем» (1830). На вопрос — что отмечает великий царь своим пиром:

Годовщину ли Полтавы
Торжествует государь,
День, как жизнь своей державы
Спас от Карла русский царь?
Родила ль Екатерина?
Имениница ль она,
Чудотворца-исполина
Чернобровая жена? —

поэт отвечает:

Нет! Он с подданным мирится;
Виноватому вину
Отпуская, веселится;
Кружку пенит с ним одну
И в чело его целует,
Светел сердцем и лицом;
И прощенье торжествует,
Как победу над врагом.⁸³

Высокое моральное значение освобождения томящихся в Сибири декабристов Пушкин, таким образом, сопоставлял по государственной важности с таким огромным событием, как победа в Полтавской битве.

VII

Раздвигая границы лирики, сознательно отвечая в этом отношении на запросы времени, Пушкин открывал совершенно новые возможности лирического развития, путем включения в сферу лирики огромных пластов живой народной жизни.

⁸³ Ср. в «Полтаве»:

Пирует Петр. И горд и ясен
И славы полон взор его.
И царский пир его прекрасен.
При кликах войска своего,
В шатре своем он угощает
Своих вождей, вождей чужих,
И славных пленников ласкает,
И за учителей своих
Заздравный кубок подымает.

Это было единственным верным путем литературного развития в новых условиях русской жизни. «Невозможны уже были никакие иллюзии, — писал Герцен о последекабрьской действительности. — Народ остался безучастным зрителем 14 декабря. Каждый сознательный человек видел страшные последствия полного разрыва между Россией национальной и Россией европеизированной. Всякая живая связь между обоими лагерями была оборвана, ее надлежало восстановить, но каким образом? В этом-то и состоял великий вопрос».⁸⁴

Поэтому путь, по которому пошел Пушкин в тридцатые годы, был единственно верным путем, так как он отвечал коренным задачам общественно-исторического развития России.

Народность, понимаемая не в качестве элементарной стилизации под так называемый «народный язык» и не как новое воспроизведение старых мотивов народных сказок, былин и песен, но как подлинное и глубокое проникновение в народную душу, показ этой народной души не извне, а как бы изнутри ее, народность в таком именно ее понимании начинает все глубже и органичнее проникать в пушкинскую лирику тридцатых годов.⁸⁵

Начало этого процесса восходит к годам михайловской ссылки поэта и к тому миру образов народной жизни и народного творчества, какой окружал Пушкина в это время. Стихия народного творчества повседневно давала о себе знать то в песнях и сказаниях слепцов и странников у ворот Святогорского монастыря, то в старинном обряде крестьянской свадьбы, то в сказках няни. Позднее Пушкин вспоминал о них:

Мастерица ведь была
И откуда что брала.
А куды разумны шутки,
Приговорки, прибаутки,
Небылицы, былины
Православной старины! . .
Слушать, так душе отрадно.
И не пил бы и не ел,
Все бы слушал да сидел.
Кто придумал их так ладно? . .⁸⁶

Сказки и песни, записанные Пушкиным в Михайловском, не только воспринимались им в их эстетической значимости, но и

⁸⁴ А. И. Герцен, т. VII, стр. 84 и 214. Оригинал на франц. языке.

⁸⁵ См.: Б. Томашевский. Пушкин и народность. «Пушкин — родоначальник новой русской литературы», М.—Л., 1941, стр. 67—100; В. В. Виноградов. Стиль Пушкина, стр. 99—102, и др.

⁸⁶ «Свят Иван, как пить мы станем» (1833). При жизни Пушкина не печаталось.

раскрывали основные черты русского народного характера и русской национальной истории.

Это воздействие народного творчества сыграло в художественном развитии Пушкина совершенно исключительную роль. Оно помогло ему несравненно глубже, чем это имело место у любого из его современников, поставить и разрешить проблему народности. «Есть образ мыслей и чувствований, — писал Пушкин, — есть тьма обычаев, поверий и привычек, принадлежащих исключительно какому-нибудь народу». Все это придает «каждому народу особенную физиономию, которая более или менее отражается в зеркале поэзии» (XI, 40).

Особенности русского народного склада и характера с этого времени начинают отражаться с особенной силой и красотой «в зеркале поэзии» самого Пушкина.

Чтобы почувствовать это принципиально новое ощущение подлинной народности, к какому подходил Пушкин, достаточно сравнить между собой стихотворения Пушкина и Языкова, обращенные к одному и тому же человеку из народа — няне Пушкина Арине Родионовне.

Вспоминая о дружеских пирушках в Михайловском летом 1826 г., Языков писал:

Мы пировали. Не дичилась
Ты нашей доли — и порой
К своей весне переносилась
Разгоряченную мечтой;
Любила слушать наши хоры,
Живые звуки чуждых стран,
Речей напоры и отпоры,
И звон стакана об стакан.

Уже в словах «не дичилась» проскользнуло покровительственное отношение барина к человеку из народа, который только «пришел к столу»⁸⁷ по приглашению бар, — человека, который хотя и слушает «живые звуки чуждых стран» (иностранный язык), но не понимает их. Далее идет прямая параллель с пушкинским зимним вечером:

Садись-ка, добрая старушка,
И с нами бражничай давай! —
Ты Расскажи нам: в дни былые,
Не правда ль? не на эту стать
Твои бояре молодые
Любили ночи коротать?..⁸⁸

87

... стол украшен
Богатством вин и сельских брашен,
И ты, пришедшая к столу!

88 Н. М. Языков. Стихотворения. СПб., 1833, стр. 205—206.

Достаточно сравнить эти строки с аналогичными пушкинскими, чтобы стала очевидной явная разница между ними: не в средствах поэтического выражения, а в самом отношении к человеку, к которому обращены оба стихотворения. Языковское приглашение — «Садись-ка, добрая старушка» — все же является приглашением к барскому столу («Садись-ка»). В этом контексте обращение «добрая старушка» звучит явно покровительственно, а слово «бразничать» навеяно желанием выразиться в «народном» духе. Просьба рассказать о кутежах «молодых бояр» «в дни былые» в такой форме могла быть обращена только к старому доброму слуге, для которого воспоминания о жизни господ являются воспоминаниями и о его личной жизни — другой жизни у него не было.

Иное мы видим в пушкинском «Зимнем вечере» (1825).⁸⁹ Начало стихотворения настолько зрительно-ощутимо воспроизводит бедную обстановку лачужки, где коротает вечер опальный поэт («То по кровле обветшалай / Вдруг соломой зашумит»), что обращение к старой няне — «моя старушка» — звучит исключительно тепло, как обращение к родному человеку, лишенное какого бы то ни было привкуса барственности, что, несомненно, есть в языковской формуле «добрый старушки»: И, наконец, просьба:

Спой мне песню, как синица
Тихо за морем жила;⁹⁰
Спой мне песню, как девица
За водой поутру шла. —

настолько задушевна, так много в ней искреннего желания развеять свою печаль звуками давно любимых и близких сердцу песен, что она звучит как сердечная просьба к родному человеку помочь в сердечной тоске, разделить печаль.⁹¹

Через десять лет, вновь посетив Михайловское, Пушкин вспоминал об этих зимних вечерах своей деревенской ссылки:

Не буду вечером под шумом бури
Внимать ее рассказам, затверженным
С издетства мной — но все приятных сердцу,
Как песни давние или страницы

⁸⁹ Впервые напечатано в альманахе «Северные цветы на 1830 год».

⁹⁰ Л. И. Поливанов в стихах о жившей за морем синице вскрыл отражение реальных переживаний Пушкина и его воспоминаний о далекой любимой женщине (Сочинения Пушкина, т. I, изд. Л. И. Поливанова, 1887, стр. 214); см. также: Пушкин, Полное собрание сочинений, т. III, под ред. С. А. Венгера, 1909 (прим. П. О. Морозова); В. В. Виноградов. Стиль Пушкина, стр. 439.

⁹¹ См. также чудесное, оставшееся недоработанным и не увидевшее света при жизни Пушкина другое его стихотворение, обращенное к няне, — «Подруга дней моих суровых» (1826).

Любимой старой книги, в коих знаем —
Какое слово где стоит.

Бывало

Ее простые речи и советы
И полные любви укоризны
Усталое мне сердце ободряли
Отрадой тихой.⁹²

Стихотворением «Зимний вечер» открывается цикл не связанных между собой тематически, но родственных по духу народности как законченных, так и оставшихся незавершенными лирических стихотворений Пушкина о простых людях из народа и о красоте родной русской природы.

К этому циклу относится и народная баллада «Жених» (1825),⁹³ замечательная по опыту разработки и использования всего богатства современного русского бытового народного языка:⁹⁴

Вдруг слышу крик и конский топ...
Подъехали к крылечку.
Я поскорее дверью хлоп,
И спряталась за печку.

Использование оборотов народного разговорного языка становится с этого времени обычным в поэзии Пушкина. Такова строка из V главы (1826) «Евгения Онегина»:

Людская молвь и конский топ —

вызвавшая насмешки критика «Вестника Европы». В первом полном издании романа Пушкин сделал к этой строке примечание: «В журналах осуждали слова: *хлоп*, *молвь* и *топ*, как неудачное нововведение. Слова сии коренные русские... Не должно мешать свободе нашего богатого и прекрасного языка».⁹⁵

Следствием этого все более и более укреплявшегося проникновенного интереса Пушкина к народу, его жизни, истории, языку и творчеству явилось создание в первый последекабрьский год трех

⁹² Строки чернового автографа стихотворения «Вновь я посетил» (1835), не вошедшее в окончательную редакцию (III₂, 995—996).

⁹³ Впервые напечатано в «Московском вестнике» (1827, ч. 4, № XIII).

⁹⁴ См.: А. М. Кукулевич и Л. М. Лотман. Из творческой истории баллады Пушкина «Жених». «Пушкин. Временник Пушкинской комиссии», т. 6, 1941, стр. 72—91; Б. Томашевский. Пушкин. Книга вторая, стр. 97—105, и др.

⁹⁵ Евгений Онегин, роман в стихах. Сочинение Александра Пушкина. СПб., 1833, стр. 269—270.

замечательных песен о Стеньке Разине, построенных всецело в традициях русской народной исторической песни:

Что не конский топ, не людская молвь,
 Не труба трубача с поля слышится,
 А погодушка свищет, гудит,
 Свищет, гудит, заливается.
 Зазывает меня, Стеньку Разина,
 Погулять по морю, по синему...

После «Бориса Годунова» это был глубоко знаменательный шаг на пути к подлинной народности творчества.⁹⁶ «Песни о Стеньке Разине» были запрещены царской цензурой. В 1827 г. Бенкендорф писал Пушкину: «*Песни о Стеньке Разине*, при всем поэтическом своем достоинстве, по содержанию своему не приличны к напечатанию. Сверх того церковь проклинает Разина, равно как и Пугачева» (XIII, 336).

Стремление проникнуть в душу народа обусловило интерес Пушкина не только к историческим, но и к современным русским народным песням. В этом отношении замечательна настойчивая работа Пушкина над выявлением характерных черт общенародного духа в обычной ямщицкой песне — в стихотворении «Зимняя дорога» (1826):⁹⁷

[Молодого] ^[пение живое] ямщика
 —
 Сердце русское простое
 [Слышно] в [песни] ямщика.
 —
 [Чувство] [русское простое]
 [Слышно] в песнях ямщика
 —
 [Что <то> слышится живое <?>]
 В [т<ихих> <?>] песнях ямщика
 (III, 585).

И, наконец, в окончательном тексте:

Что-то слышится родное
 В долгих песнях ямщика:
 То разгулье удалое,
 То сердечная тоска...

⁹⁶ См.: Д. Благой. Творческий путь Пушкина (1813—1826). Изд. Академии наук СССР, М.—Л., 1950, стр. 515—531; Л. П. Гроссман. Степан Разин в творчестве Пушкина. Ученые записки Московского городского педагогического института им. В. П. Потемкина, т. 20, вып. 2, 1953, стр. 68—76 и др.

⁹⁷ Впервые напечатано в «Московском вестнике» (1828, ч. 7, № IV).

Стихотворение «Зимняя дорога» замечательно по своему построению и звуковой своей стороне. Внутренней своей ритмикой оно тонко передает различные оттенки настроений и характера описываемой действительности. Протяжная — долгая — песня ямщика передана замедленным ритмом строк, заполненных многосложными словами с обилием гласных звуков:

То разгулье удалое,
То сердечная тоска.

После этих замедленных строк следующая строфа, построенная на основе коротких слов, собранных в краткие, отрывистые предложения, столь же явственно передает ритм движения возка по зимней дороге:

Ни огня, ни черной хаты,
Глушь и снег... На встречу мне
Только версты полосаты
Попадаютя одне.

Ночной зимний пейзаж, залитый печальным лунным светом, передан соответствующим звучанием строк, окрашенных многократным повторением мягкого звука л:

На печальные поляны
Льет печально свет она.

В лирике Пушкина начинает создаваться глубокий и проникновенный образ родной русской природы во всем многообразии ее черт и оттенков.

Замечательно одно из незавершенных стихотворений этого рода, которое, если верить памяти М. П. Погодина,⁹⁸ Пушкин хотел назвать «Осеннее чувство» (1828).⁹⁹ Оно интересно как опыт своеобразного синтеза основных пушкинских представлений о русской осенней природе, вобравший в себя отдельные мотивы, уже имевшиеся в пушкинской лирике, и наметивший ряд новых, какие найдут место в последующих произведениях поэта:

Как быстро в поле, вкруг открытом,
Подкован вновь, мой конь бежит!
Как звонко под его копытом
Земля промерзлая звучит!
Полезен русскому здоровью
Наш укрепительный мороз:
Ланиты ярче вешних роз,
Играют холодом и кровью.

⁹⁸ См.: Пушкин, Полное собрание сочинений, т. III₂, стр. 1173.

⁹⁹ При жизни Пушкина не печаталось.

Печальны лес и дол завялый,
 Проглянет день — и уж темно,
 И, будто путник запоздалый,
 Стучится буря к нам в окно...

Здесь сведены воедино отдельные мотивы таких стихотворений, как «19 октября» (1825):

Проглянет день как будто по неволе
 И скроется за край окружающих гор.

«Зимний вечер» (1825):

То, как путник запоздалый,
 К нам в окошко застучит.

намечены некоторые мотивы позднейших «Осени» (1833):

Ведут ко мне коня; в раздолии открытом,
 Махая гривой, он всадника несет,
 И звонко под его блистающим копытом
 Звонит промерзлый дол, и трескается лед.

 Здоровью моему полезен русский холод

и «Медного всадника» (1833):

Девичьи лица ярче роз.

Отмеченные острым глазом великого художника подлинно народные черты русской женщины, не боящейся ни мороза, ни ударов судьбы, появятся в замечательном стихотворении «Зима. Что делать нам в деревне?» (1829):¹⁰⁰

И дева в сумерки выходит на крыльцо:
 Открыты шея, грудь, и выюга ей в лицо!
 Но бури севера не вредны русской розе.
 Как жарко поцелуй пылает на морозе!
 Как дева русская свежа в пыли снегов!

и в VII главе «Евгения Онегина»:

Нейдет она зиму встречать,
 Морозной пылью подышать
 И первым снегом с кровли бани
 Умыть лицо, плеча и грудь.

Гоголь писал, что у Пушкина в каждом слове — «бездна странства». Двумя строками Пушкин не столько нарисовал, сколько дал почувствовать замечательный по своей цельности и националь-

¹⁰⁰ Впервые напечатано в альманахе «Северные цветы на 1830 год».

ным особенностям русский деревенский зимний пейзаж с невысокой баней, с крыши которой девушки достают пригоршнями первый снег, чтобы, по народным обычаям, умыться им и приобрести его свежесть.

Поразителен по своей красоте и подлинно русскому характеру и пейзаж в стихотворении «Зимнее утро» (1829),¹⁰¹ написанном на другой день после стихотворения «Зима. Что делать нам в деревне?»:

Под голубыми небесами
Великолепными коврами,
Блестя на солнце, снег лежит;
Прозрачный лес один чернеет,
И ель сквозь иней зеленеет,
И речка подо льдом блестит.

Утверждением все более и более укреплявшегося чувства близости к народу явилось стихотворение «Румяный критик мой, насмешник толстопузый» (1830),¹⁰² основанное на сопоставлении двух резко противоположных точек зрения на современную русскую действительность.¹⁰³

Стихотворение построено на диалоге автора с его собеседником, по-видимому, упрекавшим поэта за чересчур правдивое воспроизведение деревенской жизни.

Стремление к воспроизведению русской народной жизни без всяких прикрас все сильнее проявлялось в творчестве Пушкина по мере его все более глубокого проникновения в русскую действительность и в жизнь русской деревни. Продолжительное пребывание в Михайловском и непрерывные поездки по России в 1826—1830 гг. имели в этом отношении исключительно большое значение. В незаконченных «Записках молодого человека»,¹⁰⁴ относящихся именно к этому времени (1829—1830), дается следующая картина русской деревни: «Я сел под окно. Виду никакого... Кое-где двести яблони, две-три рябины, окруженные худым забором... На улице играют в бабки златовласые замаранные ребятишки. Против меня старуха сидит перед избою подгорюнившись. Изредка поют петухи. Собаки валяются на солнце, или бродят, высунув язык и опустя хвост... Какая скука! Иду гулять в поле. — Развалившийся колодезь. Около его — мелкая лужица... Я пошел по большой дороге — справа тощій оземь, слева кустарник и болото. Кругом

¹⁰¹ Впервые напечатано в альманахе «Царское Село. Альманах на 1830 год».

¹⁰² При жизни Пушкина не печаталось.

¹⁰³ См.: Б. С. Мейлах. Об одном стихотворении Пушкина. «Русская литература», 1958, № 1, стр. 112—116.

¹⁰⁴ При жизни Пушкина не печаталось.

плоское пространство. Навстречу одни полосатые версты. В небесах медленное солнце, кое-где облако. Какая скука!» (VIII₁, 404).

Нетрудно заметить, что за этим внешне спокойным и почти протокольно точным описанием деревенской природы встает и описание деревенской жизни во всей ее убогости и нищете. Тесно прижатые друг к другу избы. Редкие деревья окружены худым забором. Колодезь развалился. Вокруг кустарник и болото. Унылость и убогое однообразие картины подчеркивается неподвижной фигурой сидящей перед избой пригорюнившейся старухи.

От этого описания — прямой путь к стихотворению «Румяный критик мой, насмешник толстопузый», где убогость и нищета крестьянской жизни еще более подчеркивается унылым осенним пейзажем:

Смотри, какой здесь вид: избышек ряд убогой,
За ними чернозем, равнины скат отлогой,
Над ними серых туч густая полоса.
... На дворе у низкого забора
Два бедных дерева стоят в отраду взора,
Два только дерева И то из них одно
Дождливой осенью совсем обнажено.

Под стать этой невеселой картине и убогая жизнь нищего и забитого крестьянства:

... На дворе живой собаки нет.
Вот, правда, мужичок, за ним две бабы вслед.
Без шапки он; несет подмышкой гроб ребенка.

Нарисованная здесь картина еще более мрачна, чем в первом случае. Если там играют на улице замаранные ребятишки, то здесь появляется гроб ребенка. Если в первом случае старуха сидит пригорюнившись, то здесь она сопровождает мужика, несущего гроб ребенка.

Тяжесть крестьянской жизни такова, что даже и смерть воспринимается только как новая забота, которую надо поскорее страхнуть с себя:

И кличет издали ленивого попенка,
Чтоб тот отца позвал да церковь отворил.
Скорей! ждять некогда! давно бы схоронил.

Если Пушкин, нарисовав такую мрачную картину убогой жизни забитой русской деревни, не дал еще в этом стихотворении общающей формулы, характеризующей в одном слове все стороны этой горькой жизни, то он сделал это в своей «Истории села Горюхина», где одним названием села уже намечен путь к некрасовским нищим, голодным и разоренным деревням — Горелову, Неелову, Неурожайке-тожь.

Путь русской литературы от «Румяного критика» и «Истории села Горюхина» к Некрасову намечен Пушкиным не только названием села. Теплое отношение Пушкина к крестьянским ребятишкам, которых он увидел не только замаранными, но и златовласыми, уже предвещало некрасовскую поэзию крестьянских детей, а похороны ребенка в пушкинском стихотворении — похороны крестьянина, занимающие такое видное место в лирике Некрасова. Так, оба полюса многострадальной жизни русского крестьянина — от златоволосого детства до крестьянской могилы — уже намечены в русской литературе лирикой Пушкина.

Вершиной пушкинской лирики родной русской природы, изображением которой никогда не является для Пушкина самоцелью, но всегда подготавливает почву для широких обобщений — личного («19 октября», 1825), общественного («Румяный критик мой...») или философского («Вновь я посетил») характеров, несомненно, является знаменитая «Осень» (1833),¹⁰⁵ непревзойденное по своему совершенству и глубине мысли стихотворение, в котором утверждение красоты родной русской природы переплетается с ощущением могучего чувства жизни, и все вместе сливается в мощном гимне свободному человеческому творчеству.

Мастерство, зоркость и наблюдательность Пушкина в изображении отдельных сторон и деталей широкой картины русской осенней природы поразительны. Показателен путь, которым великий художник шел к двум только словам — «дорога промерзает». Пробуя в черновом наброске иной, чем окончательно выбранный, размер, Пушкин записывает:

Дорог промерзли колен
И стук <?>

Начинается развертывание этого мотива:

Недавно топкая¹⁰⁶ дорога
Промерзла¹⁰⁷ глыбами, по ней
Гремят копыта лошадей

Мотив обогащается тонкой деталью:

Промерзла глыбами — прозрачный, хрупкий¹⁰⁸ лед
В глубоких колеях

¹⁰⁵ При жизни Пушкина не печаталось.

¹⁰⁶ Вариант грязная.

¹⁰⁷ Вариант: замерзла.

¹⁰⁸ Вариант: тонкий.

Найденная деталь усложняется:

Промерзла глыбами и тонкой <?> лед стеклом
В глубоких колеях трещит¹⁰⁹ под колесом.

В результате всей этой работы Пушкин отказывается от ставшего излишне детализированным образом зимней дороги и ограничивается только двумя словами в строке:

Дохнул осенний хлад — дорога промерзает.

Счастлива найденная и отброшенная деталь этого образа — трескающийся лед — будет использована в девятой октаве, которая начнет создаваться, отправляясь от незавершенного наброска 1828 г.:

Как быстро в поле, вокруг открытом,
Подкован вновь, мой конь бежит!
Как звонко под его копытом
Земля промерзлая звучит!

В окончательном тексте Пушкин добивается предельной звуковой выразительности образов звенящей промерзлой земли и трескающегося под копытом коня льда:

Ведут ко мне коня; в раздолии открытом,
Махая гривую, он всадника несет,
И звонко под его блистающим копытом
Звенит промерзлый дол, и трескается лед.

Так же поразительны по своему звуковому и красочному совершенству образы русской золотой осени:

Унылая пора! очей очарованье!
Приятна мне твоя прощальная краса —
Люблю я пышное природы увяданье,
В багрец и в золото одетые леса...

Осень была любимейшим временем творчества Пушкина. Творчество — всегда утверждение жизни. Поэтому изумительное описание картин увядающей природы, переходящее в еще более поразительное по своей глубине описание процесса творческого вдохновения, воспринимается не как изображение печального умирания, но как мощное утверждение жизни:

... и в сладкой тишине
Я сладко усыплен моим воображеньем,
И пробуждается поэзия во мне:

¹⁰⁹ Вариант: хрустит (III₂, 918—919).

Душа стесняется лирическим волнением,
Трепещет и звучит, и ищет, как во сне,
Излиться наконец свободным проявлением...

Это непревзойденное в мировой литературе описание творческого процесса завершается могучим по своему обобщающему характеру образом корабля, всегда ассоциирующимся в воображении людей с дерзновениями смелого человеческого духа и открытием новых земель и материков — с утверждением жизни и ее движением в неизведанную даль.

VIII

«Драма, — писал Пушкин в 1830 г., — родилась на площади и составляла увеселение народное». Со временем «драма оставила площадь и перенеслась в чертоги по требованию образованного, избранного общества». Следствием этого явилось то, что «драма оставила язык общепонятный и приняла наречие модное, избранное, утонченное» (XI, 178).

Аналогичный процесс Пушкин видел и в других областях поэзии. Подобное положение, однако, не могло оставаться вечным. В связи с развитием человеческого общества назревает необходимость соответствующих изменений и в искусстве. «В зрелой словесности приходит время, когда умы, наскуча однообразными произведениями искусства, ограниченным кругом языка, условленного, избранного, обращаются к свежим вымыслам народным и к странному просторечию, сначала презренному» (XI, 73).

Так возникает, по мнению Пушкина, обратный процесс движения поэзии — от изысканности, сложности и напыщенности светского общества к просторечию народному. Этот процесс Пушкин связывал с веком романтизма на Западе, а в России — со своей современностью. Поэтому его борьба за простоту искусства была тем самым борьбой за народность искусства.

Непревзойденным образом величавой простоты в искусстве, носящей все черты подлинной народности, Пушкин считал «поэзию древних», т. е. античную поэзию, в связи с упадком искусства в средних веках. Новый расцвет поэзии в эпоху Возрождения, по мнению Пушкина, не возвратил поэзии ее простоту и, наоборот, только усложнил ее новыми украшениями.

Проблема возрождения простоты античной поэзии начинала восприниматься как часть общей проблемы утверждения народности искусства.

Античные мотивы, преломленные сквозь призму французской эротической поэзии, присутствовали еще в пушкинской лицейской

лирике, но тогда они играли в его творчестве совершенно иную роль.

Образы античной древности, воспринятые уже со стороны их простоты и свежести, начали особенно занимать воображение Пушкина на юге («Нереида», 1820; «Муза», 1821).

Новое, ещё более глубокое усиление интереса Пушкина к античной поэзии и к возможности воскрешения лучших ее традиций на русской почве относится к тридцатым годам и отчасти вызвано завершившимся в это время переводом Н. Н. Гнедича «Илиады» Гомера размером подлинника.¹¹⁰ «Когда писатели, — писал Пушкин в 1830 г., — избалованные минутными успехами, большею частью устремились на блестящие безделки; когда талант чуждается труда, а мода пренебрегает образцами величавой древности; когда поэзия не есть благоговейное служение, но токмо легкомысленное занятие: с чувством глубоким уважения и благодарности взирали на поэта, посвятившего гордо лучшие годы жизни исключительно труду, бескорыстным вдохновениям, и совершению единого, высокого подвига» (XI, 88).

Лирика болдинской осени 1830 г. включает в себя характерный в этом отношении небольшой цикл чудесных коротких антологических стихотворений, написанных гекзаметром. Они говорят о разных вещах — о рифме, об одной из царскосельских статуй, о детстве Ломоносова, о завершении работы над «Евгением Онегиным», но их всех объединяет единое и глубокое чувство античности в том ее понимании, какое создавалось поздним русским классицизмом. Проникновение Пушкина в этот античный дух в таком именно его варианте было настолько совершенно, что в своих антологических стихотворениях он не только воспроизводил иллюзию «умолкнувшего звука божественной эллинской речи» («На перевод Илиады»), но и создавал по аналогии с греческими собственными античными мифы, как это он сделал в чудесном стихотворении о рождении Рифмы.

Первый опыт реализации этого замысла содержался в незавершенном стихотворении 1828 г. «Рифма, звучная подруга»,¹¹¹ для которого Пушкин избрал строфу, предоставлявшую широчайшие возможности применения рифмовки — и прямой, и перекрестной во всем богатстве и разнообразии русской рифмы:

В прежни дни твой милый лепет
Усмирял сердечный трепет —
Усыпляя мою печаль,

¹¹⁰ См. стихотворение Пушкина: «Гнедичу» («С Гомером долго ты беседовал один»), 1832.

¹¹¹ При жизни Пушкина не печаталось.

Ты [ласкалась], ты манила,
И [от] мира уводила
В очарованную даль.

Античная поэзия не имела рифмы. Пушкин хорошо знал об этом, но все же не мог отказаться от поэтического замысла создания оригинального мифа о рождении нимфы Рифмы от любовного союза Аполлона и богини памяти — Мнемозины:

Феб однажды [у] Адмета
Близ тенистого Тайгета
Стадо пас, угрюм и сир.
[Он бродил] во мраке леса,
[И никто], страшась Зевеса,
[Из богинь иль из] богов
Навещать его не смели —
Бога лиры и свирели,
Бога света и стихов.

Помня первые свиданья,
Усладить его страданья
Мнемозина притекла.
И подруга Аполлона
В тихой (?) роще Геликона
[Плод восторгов] родила.

Стихотворение осталось незавершенным, и Пушкин прекратил работу над ним, как можно думать, потому, что в данном его решении оно отзывалось давно пройденным этапом, напоминая такие ранние его аналогичные опыты, как «Торжество Вакха» (1818) и «Прозерпина» (1824), в то время как уже к южному периоду относилась его опыты воспроизведения античных мотивов в формах, максимально соответствовавших самому духу того времени («Внемли, о Гелиос, серебряным луком звенящий», 1823).

Болдинской осенью 1830 г. Пушкин вновь вернулся к этому замыслу, решив его уже в гекзаметрах и создав чудесное стихотворение «Рифма»,¹¹² основанное на глубоком и оригинальном ассонансе: нимфа—рифма, и заменив Мнемозину нимфой Эхо:

Эхо, бессонная нимфа, скиталась по берегу Пеней.
Феб, увидев ее, страстию к ней воспыал.
Нимфа плод понесла восторгов влюбленного бога;
Меж говорливых наяд, мучась, она родила
Милую дочь. Ее прияла сама Мнемозина.
Резвая дева росла в хоре богинь—аонид,
Матери чуткой подобна, послушна памяти строгой,
Музам мила; на земле Рифмой зовется она.

В этом найденном Пушкиным гениальном решении все замечательно: и гекзаметрический размер стихотворения, и определенная

¹¹² Впервые напечатано в альманахе «Северные цветы на 1832 год».

эстетическая целомудренность в том, что о рождении рифмы рассказывается безрифменной речью, и эпитет «бессонная» к слову «нимфа», сразу создающий удивительно цельный и запоминающийся образ Эхо, и то, что восприимницей Рифмы явилась богиня памяти Мнемозина.

Такое же гениальное решение было найдено Пушкиным и в другом антологическом стихотворении, посвященном царскосельской бронзовой скульптуре девушки с разбитым кувшином. Фонтан этот в царскосельском парке, выполненный П. П. Соколовым, уже сам по себе не вызывает ассоциаций с басней Лафонтена о молочнице Перетте, так как фигура девушки решена художником в сугубо обобщенных классических формах, с привнесением, однако, в нее такой жизненности и душевной теплоты, что скульптура по своей художественной выразительности далеко выходит за границы эстетических норм искусства классицизма, наглядно свидетельствуя о том, что лучшие достижения классицизма способны были входить как момент эстетической преемственности и в более поздние художественные системы.

Лучшей характеристикой скульптуры Соколова в этом отношении и является стихотворение Пушкина «Царскосельская статуя».¹¹³

Стихотворение «Отрок»,¹¹⁴ посвященное суровому детству Ломоносова, показательное для более или менее постоянного на всем протяжении жизни Пушкина его взгляда на Ломоносова как на гениального ученого. Об этой стороне деятельности и творческого облика Ломоносова и говорит стихотворение:

Будешь умы уловлять, будешь помощник царям.

Стихотворение выдержано в традициях ломоносовского стиля. Впечатление этого стиля создается несколькими архаическими словами, ненавязчиво вкрапленными в общую ткань пушкинской речи: «студеное море», «отрок», «мрежи», «умы уловлять». В вариантах стихотворения это стремление Пушкина воссоздать характерные черты стиля и языка ломоносовского времени проступает еще явственнее. Вместо «Будешь умы уловлять» — было «Будешь ловитель умов»; вместо «будешь помощник царям» стояло «будешь подвижник Петру» (III₂, 846).

Гениальное стихотворение «Груд»,¹¹⁵ посвященное окончанию работы над «Евгением Онегиным», настолько совершенно в худо-

¹¹³ Впервые напечатано в альманахе «Северные цветы на 1832 год».

¹¹⁴ Там же.

¹¹⁵ Там же.

жественном отношении и по глубине обобщения чувств, испытанных великим поэтом в связи с завершением многолетнего труда, что приобрело все качества характеристики душевного состояния, испытываемого в условиях, когда труд становится подлинным делом жизни, и окончание этого труда воспринимается одновременно и с чувством радости, и с каким-то сложным ощущением того, что из жизни ушло что-то дорогое и любимое, что жизнь до начала нового труда стала чем-то беднее:

Миг вожделенный настал: окончен мой труд многолетний.

Что ж непонятная грусть тайно тревожит меня?

Или, свой подвиг свершив, я стою, как поленщик ненужный,

Плату принявший свою, чуждый работе другой?

Или жаль мне труда, молчаливого спутника ночи,

Друга Авроры златой, друга пенатов святых?

Плодотворность этих замечательных пушкинских опытов, состоящих главным образом не только и не столько в воспроизведении античных мотивов в русской поэзии, сколько в поисках новых, более простых по форме и более совершенных по степени приближения поэтической речи к прекрасной простоте подлинной народности средств лирического выражения, обеспечивала успех последующей исключительно интересной работы Пушкина в этой области, поднявшей проблему воспроизведения античности в русской поэзии на новую, неизмеримо более высокую ступень.

Те задачи, которые Пушкин при этом ставил перед собою в воспроизведении подлинного духа античной простоты, воспринимавшейся им в качестве простоты подлинной народности, чуждой ненужной сложности и затемняющей дело искусственности выражений, отчасти видны из его блестящей характеристики аналогичных опытов Дельвига: «Какую силу воображения должно иметь, дабы так совершенно перенестись из 19 столетия в золотой век, и какое необыкновенное *чутье* изящного, дабы так угадать греческую поэзию сквозь латинские подражания или немецкие переводы, эту роскошь, эту негу, эту прелесть, более отрицательную, чем положительную, которая не допускает ничего напряженного в чувствах; тонкого, запутанного в мыслях; лишнего, неестественного в описаниях!» (XI, 58).

К последним годам жизни Пушкина относится ряд значительнейших антологических стихотворений, как воспроизводящих с большим или меньшим приближением к оригиналу содержание, дух и характер образцов греческой лирики, так и совершенно оригинальных опытов Пушкина по освоению русской поэзией лучших традиций, выработанных древнегреческими поэтами, в первую очередь предельной краткости и ясности выражений в передаче достаточно сложных душевных переживаний.

Пушкин не обращался непосредственно к греческим оригиналам. В своей работе он пользовался их французскими переводами, содержащимися в имевшейся в его библиотеке книге «*Banquet des Savans, par Athénée. traduit par Lefebvre de Villebrune. Paris. 1789*», являющейся переводом на французский язык сборника древнегреческого поэта Афenea (III в. до н. э.) «*Deiphosphistai*» («Пир ученых»).

Результаты этой работы поразительны. Не отходя далеко от подлинника, устраняя длинноты, прозаизмы и неизбежные в поэзии древних моральные наставления и правоучения, Пушкин подчас неуловимыми средствами достигает изумительной образности, живописности и пластичности.

Таково стихотворение «Из Ксенофана Колофонского» (1832),¹¹⁶ дающее поразительно яркую картину скромного пира, с воспроизведением не только предметов окружающей обстановки, которые Пушкин делает видимыми посредством неуловимых штрихов и эпитетов, отсутствующих в подлиннике («Чистый лоснится пол; стеклянные чаши блистают»), но и некоторых черт образов его участников, которые также становятся видимыми («иной обоняет, жажмурясь, ладана сладостный дым»).

Интересны в этом отношении по большей части не печатавшиеся при его жизни и переводы Пушкина из Анакреона,¹¹⁷ опирающиеся не только на французскую, но и на русскую традицию. Русская анакреонтика к этому времени имела уже немалые достижения. XVIII век представляет в этом отношении ряд опытов, несомненно, предвещающих последующие свершения Пушкина.¹¹⁸

Основываясь на своем восприятии античных образцов, угаданных по французским их переводам, и на собственных опытах по воспроизведению их на русском языке, Пушкин в последние годы жизни создает ряд замечательных, глубоко оригинальных лирических стихотворений, где лучшие традиции античной поэзии, в первую очередь предельная краткость формы и кристальная ясность содержания, становились законными и неотъемлемыми моментами и русской лирической традиции.

Таково замечательное по совершенству формы и психологически тонкому воспроизведению целой гаммы мгновенно сменя-

¹¹⁶ Впервые напечатано в «Библиотеке для чтения» (1834. т. V, кн. 8).

¹¹⁷ См.: «Из Анакреона» («Узнают коней ретивых»); «Ода LVI (Из Анакреона)» («Поредели, побелели»); «Ода LVII» («Что же сухо в чаше дно?»).

¹¹⁸ См., например, соответственно переводы из Анакреона Н. А. Львова (1751—1803): «Ода LV о любовниках» («На бедре, прожженном сталью»); «Ода LVI на старость» («И виски уж поседели»); «Ода LVII на оргии» («Скорей подай мне чару!»).

ющих друг друга настроений и переживаний молодой влюбленной девушки четверостишие (1835):¹¹⁹

Юношу, горько рыдая, ревнивая дева бранила;
К ней на плечо преклонен, юноша вдруг задремал.
Дева тотчас умолкла, сон его легкий лелея,
И улыбалась ему, тихие слезы лия.

Таково и изумительное по глубоко правдивому воспроизведению таких противоречивых душевных состояний, как грусть и веселость одновременно, стихотворение «Художнику» (1836),¹²⁰ связанное с посещением мастерской скульптора Орловского¹²¹ и навеянными этим посещением воспоминаниями о «друге художников»¹²² Дельвиге:

Грустен и весел вхожу, ваятель, в твою мастерскую.
Весело мне. Но меж тем в толпе молчаливых кумиров —
Грустен гуляю: со мной доброго Дельвига нет;
В темной могиле почил художников друг и советник.
Как бы он обнял тебя! как бы гордился тобой!

Если антологический характер стихотворения и его гекзаметрическое строение в данном случае полностью отвечают предмету описания — характеру мастерской, где сами статуи —

Сколько богов, и богинь, и героев!.. Вот Зевс Громовержец,
Вот из подлобья глядит, дуя в цевницу, сатир...

Тут Аполлон — идеал, там Ниобея — печаль. —

напоминают об античности, как и воспоминания о Дельвиге с его замечательными опытами в антологическом роде, то в других случаях функция антологической традиции при воспроизведении сюжета из русской действительности может быть совсем иной. Таковы, например, две надписи Пушкина к известным статуям скульпторов Н. С. Пименова («Играющий в бабки») и А. В. Логановского («Играющий в свайку»), привлечшим внимание Пушкина на очередной выставке, открывшейся в Академии художеств в конце 1836 года.¹²³

¹¹⁹ При жизни Пушкина не печаталось.

¹²⁰ При жизни Пушкина не печаталось.

¹²¹ Скульптор Б. Орловский — автор статуй Кутузова и Барклая-де-Толли, установленных к 25-летию Отечественной войны (1837) у Казанского собора. В 1836 г. оригиналы их находились еще в мастерской скульптора.

¹²² См. идилию Дельвига «Изобретение ваяния» и др.

¹²³ Надписи Пушкина «На статую играющего в бабки» и «На статую играющего в свайку» впервые были опубликованы Н. В. Кукольниковым в составе его обзорной статьи об этой выставке («Художественная газета», 1836, № 9.—10).

Гекзаметры этих пушкинских надписей в соединении со ссылкой в тексте на типично русский характер воспроизведенной игры:

раздайся, народ любопытный,
Врозь расступись, не мешай русской удалой игре —

тонко характеризуют основное внутреннее художественное противоречие статуй, заключающееся в том, что воспроизведение типических моментов русской национальной жизни («бабки» и «свайка») ваятели разрешили не в русских самобытных образах, но в строгих традициях классической античной культуры.

IX

Опыты Пушкина по приданию русской лирике предельной краткости формы и ясности выражения — качеств, столь свойственных античной поэзии, шли в направлении создания поэзии мысли, соответствовавшей общим устремлениям новой эпохи.

В связи с новыми задачами, требовавшими и новых средств выражения, в пушкинском лирическом творчестве тридцатых годов происходят в высшей степени сложные процессы. В основном они характеризуются настойчивыми поисками таких средств лирического выражения, которые обеспечивали бы и в лирике постановку и разрешение принципиально тех же задач, какие выдвигались жизнью перед русской прозой.

Для Пушкина, писателя лирического по существу, речь могла идти не столько о полном вытеснении поэзии прозой в целях обеспечения максимальных возможностей выражения мысли, сколько о придании и лирике тех новых качеств, которые обеспечивали бы ее существование и возможности развития и в свете новых задач, выдвигавшихся жизнью.

И, наоборот, поскольку поэзия в русских национальных условиях достигла своего расцвета раньше прозы, поскольку некоторые проблемы правдивого, в конечном счете реалистического отображения жизни были уже не только поставлены, но и начали плодотворно разрешаться русской поэзией, постольку стимулирование именно этих процессов в последней имело прямое и непосредственное значение и для развития русской прозы.

В связи с этим в пушкинском лирическом творчестве тридцатых годов намечаются такие особенности развития, которые открывают возможность максимального сближения поэзии с прозой в области решения аналогичных задач.

Лирика Пушкина этого времени, значительно сокращающаяся в количественном отношении, достигает небывалых высот в качественном отношении.

Усилия Пушкина по приданию лирике новых качеств, которые способствовали бы разрешению в ней новых задач, шли в нескольких направлениях. Прежде всего вставала проблема максимального упрощения стиха путем отвлечения от него всего лишнего, преследующего лишь цели украшения, без нужд затемняющего смысл.

«Мы не только еще не подумали, — писал Пушкин, — приблизить поэтический слог к благородной простоте, но и прозе стараемся придать напыщенность, поэзию же, освобожденную от условных украшений стихотворства, мы еще не понимаем» (XI, 73). В качестве одного из таких «условных украшений стихотворства» Пушкин воспринимал рифму. Античная поэзия рифмы не знала. Появление последней в эпоху Возрождения Пушкин не рассматривал как особенно большое достижение; более того, в самой природе рифмы он отмечал несомненные опасности, подстерегавшие поэзию в ее последующем развитии. «Сие новое украшение стиха, — писал он, — с первого взгляда столь мало значущее, имело важное влияние на словесность новейших народов... Трубадуры играли рифмою, изобретали для нее все возможные изменения стихов, придумывали самые затруднительные формы... От сего произошла необходимая натяжка выражения, какое-то жеманство, вовсе неизвестное древним» (XI, 37).

«Думаю, — писал Пушкин в незаконченном „Путешествии из Москвы в Петербург“ (1834), — что со временем мы обратимся к белому стиху» (XI, 263). Попытки Пушкина в этом направлении начинают осуществляться уже со второй половины двадцатых годов. Вся антологическая лирика Пушкина, за очень редкими исключениями, лишена рифм. За столь же редкими исключениями, лишены рифм и «Песни западных славян». Из крупных лирических стихотворений тридцатых годов безрифменным стихом написаны такие замечательные, как «Он между нами жил» (1834), «Вновь я посетил» (1835) и целый ряд незаконченных лирических набросков.

Однако переход к белому безрифменному стиху, по-видимому, не рассматривался Пушкиным в качестве универсальной меры по устранению всех условностей жанра, неизбежных и неотвратимых в стихотворной форме, именно потому, что она стихотворная, а не прозаическая форма, имеющая право на самостоятельное существование наравне с последней. «Почему же статуи раскрашенные нравятся нам менее чисто мраморных и медных? — писал Пушкин о закономерных условностях различных областей искусств. — Почему поэт предпочитает выражать мысли свои стихами?» (XI, 177).

В этом отношении приобретает большой интерес другая линия, намеченная Пушкиным в тридцатые годы и заключающаяся не

в устранении рифмы, как таковой, а в придании ей нового качества, в сильнейшей степени сказывающегося на всей смысловой стороне стиха. Это, в частности, появляющиеся в тридцатые годы опыты по написанию целых стихотворений со сплошной мужской рифмой («Обвал», 1829; «Эхо», 1831; «Не дай мне бог сойти с ума», 1833—1836),¹²⁴ столь не свойственной лирике Пушкина ее предшествовавших этапов.

По поводу стихотворения Лермонтова «Валерик» Белинский писал: «Оно отличается этою стальной прозаичностью выражения, которая составляет отличительный характер поэзии Лермонтова и которой причина заключалась в его мощной способности смотреть прямыми глазами на всякую истину, на всякое чувство, в его отвращении прикрашивать их» (VI, 489—490).

В свете этих суждений Белинского о «стальной прозаичности выражения», которая обуславливается особенностями взгляда поэта на жизнь, указанные процессы изменения самой структуры пушкинского стиха в тридцатые годы, заключающиеся в устранении из него моментов, которые были свойственны ему на субъективно-элегическом этапе развития пушкинской лирики, и, наоборот, в придании простоты, ясности и особо энергического тона, — все это приобретает характер несомненной и явной закономерности в отношении движения русской поэзии к лермонтовскому началу активного вторжения в жизнь. И в этом плане особенное значение приобретает суждение Белинского, высказанное в 1841 г., что «теперь многие пишут стихи и гладкие, и гармонические, и легкие; но пушкинский стих напомнила нам только муза Лермонтова» (V, 556).

Преобладание тем широкого общественно-философского звучания над узко субъективной лирикой Пушкина тридцатых годов бросается в глаза. Одно за другим появляются такие лирические стихотворения, как «Анчар» (1828), «Обвал» (1829), «К вельможе» (1830), «Клеветникам России» (1831), «Полководец» (1835), «Мирская власть» (1836) и другие, в которых глубокая мысль и кристально прозрачная ясность содержания соединялись с предельной простотой и краткостью поэтической формы. Освобожденный от излишних украшательств, максимально приближенный к обычным нормам разговорной речи, стих становился послушным и безотказным средством для выражения самых сложных мыслей, настроений и переживаний. Порой пропадало и привычное ощущение стиха, как чего-то несравненно более искусственного, чем обычная прозаическая речь, до такой степени он становился незаметен и прост.

¹²⁴ Факт, отмеченный в свое время Г. О. Винокуром.

Так стиралась граница между обычной разговорной и стихотворной речью. Новый русский прозаический язык рождался в пушкинской поэзии. Подготовленные той внутренней свободой стихотворной поэтической речи, которая была достигнута Пушкиным в последний период его жизни, легко и свободно ложились на бумагу слова, предложения и периоды прозаического повествования «Пиковой дамы», «Египетских ночей» и «Капитанской дочки».

«Пиковая дама» еще печаталась в типографии Смирдина,¹²⁵ когда О. И. Сенковский взволнованно писал Пушкину в январе—феврале 1834 г.: «Уступая моей просьбе, Смирдин доставил мне две первые главы вашей повести: я перечитал их три раза, столько нашел я в них прелести... Я не могу опомниться от этих двух глав... Вы создаете нечто новое, вы начинаете новую эпоху в литературе, которую вы уже прославили в другой отрасли... повторяю вам—вы положили начало новой прозе—можете в этом не сомневаться... Именно всеобщего русского языка недоставало нашей прозе, и его-то я нашел в вашей повести. Это язык ваших стихов, одинаково понятных и доставляющих наслаждение всем слоям общества, который вы переносите в вашу прозу рассказчика; я узнаю в ней тот же язык, и тот же вкус, ту же прелесть» (XV, 110, 321—322).

Так писал один из наблюдательных современников, открыто утверждая, что своей прозой великий поэт начинал новую эпоху в литературе.

Изучение сложнейших и специальных вопросов о рождении пушкинской прозы, всецело обусловленной пушкинскими достижениями в области поэзии, выходит за пределы данного исследования.

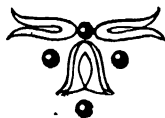
Период известной депрессии, вызванный резким изменением отношения к Пушкину-поэту в связи с новыми запросами и требованиями жизни, ответа на которые не находили в его более ранних созданиях, в условиях, когда Пушкин почти совершенно перестал появляться в печати с новыми стихотворениями и стал поэтому восприниматься как поэт, закончивший свой творческий путь,—этот период к 1835—1836 гг. завершился, переходя в новый мощный подъем пушкинского творчества уже в другой области—области русской прозы.

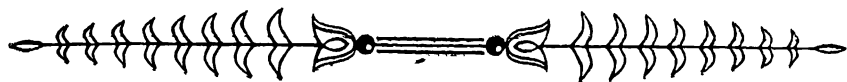
Создав новую русскую поэзию, возведя ее до мировых высот художественного и идейного совершенства и временно отойдя от нее, Пушкин, отвечая на запросы и требования жизни, вновь начинал вести за собой всю русскую литературу как зачинатель

¹²⁵ «Пиковая дама» впервые появилась в «Библиотеке для чтения» (1834, т. II, кн. 3).

и родоначальник русской художественной прозы и русского романа, обеспечивших в своем последующем развитии за русской литературой ее мировое значение.

Трагическая гибель оборвала этот величественный путь в тот самый момент, когда мощный гений Пушкина достигал своего полного и высшего развития.

УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А. С. ПУШКИНА

- Акафист Екатерине Николаевне Карамзиной («Земли достигнув наконец») 326
- Аквилон («Зачем ты, грозный аквилон») 327, 367, 392
- Александр Радищев 39
- Алексееву («Мой милый, как несправедливы») 276
- Андрей Шенье («Меж тем, как изумленный мир») 12, 195, 310, 312, 313, 359, 368, 415
- Анчар («В пустыне чахлой и скупой») 330—332, 334, 448
- Арап Петра Великого 43, 69, 295
- Арион («Нас было много на челне») 316, 325, 327, 392
- Баратынскому. Из Бессарабии («Сия пустынная страна») 227
- Батюшкову («В пещерах Геликона») 114
- Бахчисарайский фонтан, поэма 19, 52, 208, 211, 222
- Бесы («Мчатся тучи, вьются тучи») 377, 379
- Блаженство («В роше сумрачной, тенистой») 96, 97
- Бова («Часто, часто я беседовал») 39, 87
- Борис Годунов 39, 159, 350, 432
- Бородинская годовщина («Великий день Бородина») 395—397, 399, 401
- Братья-разбойники, поэма 18, 248
- «Брожу ли я вдоль улиц шумных» 360
- «Была пора: наш праздник молодой» 305
- Вакхическая песня («Что смолкнул веселия глас») 146, 300, 309, 317, 327
- В альбом Илличевскому («Мой друг! неславный я поэт») 162
- В альбом малютке («Играй, Адель») 273
- «Венец желаниям! Итак я вижу вас» 191
- Веселый пир («Я люблю вечерний пир») 133
- Виноград («Не стану я жалеть о розах») 79, 283
- «В начале жизни школу помню я» 167, 418, 420, 423
- «Внемли, о Гелиос, серебряным луком звенящий» 441
- «Вновь я посетил» 195, 288, 407, 414, 431, 437, 447
- «Во глубине сибирских руд» 324, 360
- Вода и вино («Люблю я в полдень воспаленный») 96
- «Возражение на статьи Кюхельбекера в Мнемозине» 303
- Война («Война!.. Подъяты наконец») 241
- Вольность. Ода («Беги, сокройся от очей») 62, 64, 65, 136, 157, 181—183, 185, 251, 403
- «Воротился ночью мельник» 21
- Воспоминание («Когда для смертного умолкнет шумный день») 21, 224, 311, 356, 358, 380
- Воспоминания в Царском Селе («Воспоминаньями смущенный») 359, 420, 421
- Воспоминания в Царском Селе («Навис покров угрюмой ночи») 78, 100, 103, 104, 108, 109, 125, 137, 155, 157, 359
- «В пещере тайной, в день гоненья» 290
- «Всё в жертву памяти твоей» 292

- Всеволожскому («Прости, счастливый сын пиров») 133
 «В степи мирской, печальной и безбрежной» 328
 «В часы забав нль правдной скуки» 358
 Выздоровление («Тебя ль я видел, милый друг?») 177
 «Вы избалованы природой» 369
 «Вяземскому» («Язвительный поэт, остряк замысловатый») 233, 234
- Гавриилада, поэма 159, 170, 359
 Генералу Пушкину («В дыму, в крови, сквозь тучи стрел») 244, 263
 Герой («Да, слава в прихотях вольна») 106, 255, 256, 320, 321, 323, 353, 407, 427
 Городок («Прости мне, милый друг») 44, 69, 78, 87, 115, 122, 127, 128, 138, 139, 155, 168
 Графу Олизару («Певец! Издревле меж собою») 288
 «Гречанка верная! не плачь, — он пал героем» 240
 Гроб Анакреона («Все в таинственном молчаньи») 43, 138
 Гробовщик 43
 Гроб юноши («...Сокрылся он») 208, 210
 Гусар («Скребницей чистил он коня») 82
- «Дар напрасный, дар случайный» 358
 Дева («Я говорил тебе: страшися деvy милой!») 215, 219
 19 Октября («Роняет лес багряный свой убор») 361, 434, 437
 19 Октября 1827 («Бог помочь вам, друзья мои») 295, 301
 Делибаш («Перестрелка за холмами») 363
 Демон («В те дни, когда мне были новы») 258, 260—262, 270, 413
 «Денису Давыдову» («Певец-гусар, ты пел биваки») 81
 Деревня («Приветствую тебя, пустынный уголок») 34, 145, 180, 190—196, 202, 204, 214, 403
 Дионея («Хромид в тебя влюблен, он молод, и не раз») 215, 220
 «Для берегов отчизны дальней» 296, 381, 382, 388
 «Дневник 1833—1835 гг.» 321—322
- Домик в Коломне, поэма 148, 419
 Домовому («Поместья мирного незримый покровитель») 189, 273
 Дон («Блеща средь полей широких») 363
 Дорида («В Дориде нравятся и локны золотые») 211
 Дорожные жалобы («Долго ль мне гулять на свете») 355
 Дочери Карагеоргия («Гроза луны, свободы воин») 239
 Друзьям («Богами вам еще даны») 151
 Друзьям («К чему, веселые друзья») 78, 134, 150
 Друзьям («Нет, я не льстец, когда царю») 61, 158, 318, 319
 «Дубравы, где в тиши свободы» 188
 Дубровский 43
- Евгений Онегин 12, 19, 27, 31, 51, 52, 58, 69, 106, 107, 135, 143, 144, 146, 160, 189, 195, 197—199, 201, 202, 207, 208, 210, 214, 215, 217, 221, 227, 250, 255, 273, 275—277, 280, 306, 307, 314, 323, 352, 355, 372, 382, 431, 434, 440, 442
 Египетские ночи 43, 46, 348, 449
 Ее глаза («Она мила — скажу меж нами») 369
 «Езерский» («Над омраченным Петроградом»), поэма 339, 348, 349
- Желание («Медлительно влекутся дни мои») 134, 143, 148, 172, 175, 176
 Желание славы («Когда, любовью и негой упоенный») 172, 175, 278, 291, 292
 Жених («Три дня купеческая дочь») 431
 «Жил на свете рыцарь бедный» 21
 Жуковскому («Когда, к мечтательному миру») 46, 74, 165, 421
- Заклинание («О, если правда, что в ночи») 278, 296, 380, 381, 383, 388
 Записки молодого человека 435
 Земля и море («Когда по синеве морей») 215
 «Зима. Что делать нам в деревне? Я встречаю» 51, 434, 435

- Зимнее утро («Мороз и солнце; день чудесный») 49, 435
- Зимний вечер («Буря мглою небо кроет») 295, 430, 431, 434
- Зимняя дорога («Сквозь волнистые туманы») 432, 433
- «И дале мы пошли — и страх обнял меня» 419
- (Из Анакреона) Отрывок («Узнают коней ретивых») 444
- Из *Barry Cornwall* («Пью за здравие Мери») 388
- «Из Ксенофана Колофонского» («Чистый лоснится пол; стеклянные чаши блистают») 444
- «Из лицейского дневника 1815 г.» 135—136
- Измены («Всё миновалось») 96
- Из Пиндемонти («Не дорого ценю я громкие права») 401, 403, 407, 408, 424
- «Из письма к А. Н. Вульфу» («Здравствуй, Вульф, приятель мой») 300
- «Из письма к Гнедичу» («В стране, где Юлией венчаный») 223, 232, 233
- Илиада Гомерова, переведенная Н. Гнедичем... («Наконец вышел в свет...») 440
- История Петра I 426
- История Пугачева 392
- История русского народа, сочинение Николая Полевого. Статья II 69
- История села Горюхина 34, 436, 437
- «Итак, я счастлив был, итак я наслаждался» 135
- К*** («Зачем безвременную скуку») 211, 215, 216
- К*** («Не спрашивай, зачем унылой думой») 141, 172
- К*** («Нет, нет, не должен я, не смею, не могу») 148, 401, 403
- К*** («Я помню чудное мгновенье») 160, 173, 295, 296, 298
- Кавказ («Кавказ подо мною. Один в вышине») 363, 365, 366
- Кавказский пленник, поэма 19, 197, 207, 208, 210, 225, 226, 235, 248, 274, 363
- «Какая ночь! Мороз трескучий» 328
- «Как быстро в поле, вокруг открытом» 433
- «Как жениться задумал царской арап» 295
- «Как наше сердце своенравно!» 277
- «Каков я прежде был, таков и ныне я» 368
- «Как счастлив я, когда могу покинуть» 383
- Калмычке 363
- Каменный гость 400, 421
- Капитанская дочка 392, 449
- Карелия, или заточение Марфы Иоанновны Романовой 53
- К бар. М. А. Дельвиг («Вам восемь лет, а мне семнадцать било») 96, 160
- К Батюшкову («Философ резвый и пинт») 80, 112, 113, 167
- К вельможе («От северных оков освобождая мир») 66, 157, 393, 414, 415
- К Галичу («Пускай угрюмый рифмотор») 128, 129
- К Дельвигу («Блажен, кто с юных лет увидел пред собою») 159
- К Дельвигу («Любовью, дружеством и ленью») 159
- К Дельвигу («Послушай, муз невинных») 111
- К другу-стихотворцу («Арист! И ты в толпе служителей Парнаса») 70, 155
- К Жуковскому («Благослови, поэт!.. В тиши Парнасской сени») 37, 73, 80, 112
- Книжал («Лемносской бог тебя сковал») 204, 244, 246, 248, 311
- Клеветникам России («О чем шумите вы, народные витии») 195, 395—397, 399, 401, 448
- К Лицинию (С латинского) («Лициний, зришь ли ты? на быстрой колеснице») 70, 89, 120, 122, 123, 155
- К моей черняльнице («Подруга думы праздной») 27
- К молодой актрисе («Ты не наследница Клероны») 87, 95
- К молодой вдове («Лида, друг мой неизменный») 147
- К Морфею («Морфей, до утра дай отраду») 150, 273
- К морю («Прощай, свободная стихия») 28, 250, 280, 82

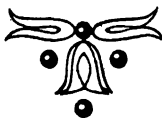
- К Наталье («Так и мне узнать случилось») 92, 95, 154
- К Наташе («Вянет, вянет лето красно») 95, 118, 137, 155
- К ней («В печальной праздности я лиру забывал») 173
- К ней («Эльвина, милый друг, приди, подай мне руку») 134
- К Н. Г. Ломоносову («И ты, любезный друг, оставил») 156
- Князю А. М. Горчакову («Встречаюсь я с осмнадцатой весной») 161
- Князю А. М. Горчакову («Пускай, не знаясь с Аполлоном») 114, 123, 129
- К Н. Я. Плюсковой («На лире скромной, благородной») 186
- Коварность («Когда твой друг на глас твоих речей») 291, 425
- К Овидию («Овидий, я живу близ тихих берегов») 214, 229, 233, 267
- К Огаревой, которой митрополит прислал плодов из своего сада («Митрополит, хвостун бесстыдный») 170
- «Когда б не смутное влеченье» 401
- «Когда владыка ассирийский» 425
- «Когда в объятия мои» 375
- «Когда за городом, задумчив, я брожу» 406, 407, 424
- «Когда сожмешь ты снова руку» «Н. И. Кривцову» 170
- Козак («Раз, полунощной порою») 81, 84, 101, 119
- Козлову («Певец! Когда перед тобой») 80
- Кокетке («И вы поверить мне могли») 275
- Кольна (Подражание Оссиану) («Источник быстрый Каломоны») 99—101
- К портрету Вяземского («Судьба свои дары явить желала в нем») 273
- К портрету Жуковского («Его стихов пленительная сладость») 167
- К портрету Чудаева («Он вышней волею небес») 82
- К Пушкину (4 мая) («Любезной именинник») 133, 155
- «Краев чужих неопытный любитель» 180
- Красавица перед зеркалом («Взгляни на милую, когда свое чело») 220
- Красавице, которая нюхала табак («Возможно ль? Вместо роз, Амуром насажденных») 99, 115, 155
- Кривцову («Не пугай нас, милый друг») 78, 170, 174
- К сестре («Ты хочешь, друг бесценный») 155
- К сну («Знакомец милый и старинный») 149
- «Кто видел край, где роскошью природы» 214, 220, 221
- «Кто, волны, вас остановил» 310
- «Кто на снегах возраста Феокритовы нежные розы?» 214
- К Чудаеву («Люби, надежды, тихой славы») 186, 204
- К Шишкову («Шалун, увенчанный Эратой и Венерой») 144
- Кюхельбекеру («В последний раз, в тиши уединенья») 161, 162
- К Языкову («Издравле сладостный союз») 81, 295, 300
- Леда (Кантата) («Средь темной рощицы, под тенью лип душистых») 96, 97, 138
- Литературное известие («В Элизии Василий Тредьяковский») 38
- «[Лишь розы] увядают» 153
- «Люблю ваш сумрак неизвестный» 270
- «Любовь одна — веселье жизни холодной» 134, 141, 142, 156, 159, 208
- Мадона («Не множеством картин старинных мастеров») 401, 402
- Медный всадник, поэма 19, 34, 85, 339, 391, 398, 405, 434
- «Меж горных стен» (?) несетя Терек» 364
- Мечта воина («Война!... Развита наконец») — см. Война («Война!... Подъяты наконец»)
- Мечтатель («По небу крадется луна») 112, 128, 139, 155
- Мечтателю («Ты в страсти горестной находишь наслажденье») 174, 175
- Мирская власть («Когда великое свершилось торжество») 448
- Младенцу («Дитя, не смею над тобой») 290, 292
- «Мне бой знаком — люблю я звук мечей» 203
- «Мне вас не жаль, года весны моей» 223—225

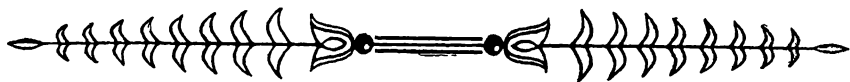
- «Могущий бог садов — паду перед тобой» 189
- «Мое беспечное незнание» 258
- Мое завещание. Друзьям («Хочу я завтра умереть») 78, 128, 208
- Моему Аристарху («Пюмилуй, трезвый Аристарх») 26, 94, 126, 127, 129, 159
- «Мой друг, забыты мной следы минувших лет» 224, 273
- «Мой первый друг, мой друг бесценный» 328
- Монастырь на Кавбеке («Высоко над семью гор») 363, 367
- Монах («Хочу воспеть, как дух нечистый Ада») 87, 92
- Мордвинову («Под хладом старости угрюмо угасал») 65, 416
- Модарт и Сальери 422
- Моя родословная («Смесь жестоко над собратом») 335—339
- Моя эпитафия («Здесь Пушкин погребен, он с Музой молодою») 127
- Муза («В младенчестве моем она меня любила») 159, 215, 216, 440
- «На Александра I» («Воспитанный под барабаном») 203
- «На Аракчеева» («Всей России притеснитель») 204
- На Аракчеева («В столице он — капрал, в Чугуеве — Нерон») 202, 204
- На возвращение государя императора из Парижа в 1815 году («Утихла брань племен; в пределах отдаленных») 104, 109, 158
- На выздоровление Лукулла («Ты угасал, богач молодой!») 340, 401
- На выпуск птички — см. Птичка («В чужбине свято наблюдаю»)
- «Надеждой сладостной младенчески дыша» 271
- Надпись к портрету — см. К портрету Вяземского.
- «На Карамзина» («В его Истории изящность, простота») 169, 203
- «На Карамзина» («Послушайте: я сказку вам начну») 203
- «На Каченовского» («Бессмерткою рукой раздавленный Зоил») 203
- «На кн. А. Н. Голицына» («Вот Хвостовой покровитель») 203
- На перевод Илиады 440
- «Наперсница волшебной старины» 217
- Наполеон («Чудесный жребий совершился») 106, 157, 249, 253, 415
- Наполеон на Эльбе («Вечерняя заря в пучине догорала») 28, 107—109, 139, 155, 250
- На статую играющего в бабки («Юноша трижды шагнул, наклонился, рукой о колено») 445
- На статую играющего в свайку («Юноша, полный красоты, напряженья, усилия чуждый») 445
- «На Стурдзу» («Холоп венчанного солдата») 203
- «На холмах Грузии лежит ночная мгла» 21, 363, 370
- «Недавно тихим вечерком» 171
- «Недавно я в часы свободы» 81
- «Не дай мне бог сойти с ума» 403, 424, 448
- «Недвижный страж дремал на царственном пороге» 263, 310
- «Ненастный день потух; ненастной ночи мгла» 289, 407
- «Не пой, красавица, при мне» 369
- Нереида («Среди зеленых волн, лобзающих Тавриду») 215, 218, 219, 273, 382, 440
- Несчастье Клита («Внук Тредьяковского Клит гекзаметром песенки пишет») 92
- «Нет, я не дорожу мятежным наслаждением» 359
- Ночь («Мой голос для тебя и ласковый и томный») 276
- «Няне» — см. «Подруга дней моих суровых»
- Обвал («Дробься о мрачные скалы») 363, 366, 448
- Объяснение («Одно стихотворение, напечатанное в моем журнале») 396
- Ода LVI (Из Анакреона) («Поредели, побелели») 444
- Ода LVII (Из Анакреона) («Что же сухо в чаше дно») 444
- «Один, один остался я» 146
- Окно («Недавно темною порою») 159
- Олегов щит («Когда ко граду Константина») 364
- Она («Печален ты, признайся, что с тобой») 98

- <О народной драме и драме Марфа Посадница> 439
 О народном воспитании 333, 343, 404
 <О народности в литературе> 11
 О ничтожестве литературы русской 40
 «Он между нами жил» 398, 447
 <О поэтическом слоге> («В зрелой словесности приходит время...») 447
 О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова 36
 <Опровержение на критики> 69
 <О публикации Бестужева-Рюмина в «Северной Звезде»> 187
 Опытность («Кто с минуту переможет») 96
 Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений 69
 Осгар («По камням гробовым, в туманах полуночи») 99, 101, 102, 139, 155, 158
 Осеннее утро («Поднялся шум; свирелью полевой») 134—136, 140, 176
 / Осень (Отрывок) («Октябрь уж наступил — уж роща отряхает») 43, 46, 407, 434, 437
 Ответ анониму («О, кто бы ни был ты, чье ласковое пенье») 343
 Ответ Катенину («Напрасно, пламенный поэт») 320, 330
 Отрок («Невод рыбак расстилал по берегу студеного моря») 442
 Отрывки из писем, мысли и замечания 342
 Отрывок («Не розу Пафосскую») 20, 153
 Отрывок из письма к Д. («Из Азии, переехали мы в Европу на корабле») 286, 382
 Отрывок из послания к В. Л. П. — см. «Что восхитительней, живей»
 П. А. О.*** <Осиповой> («Быть может, уж недолго мне») 294
 Певец («Слышали ль вы за рощей глас ночной») 134, 208
 *Перед гробницею святой» 395
 Песни западных славян 384, 447
 Песни о Стеньке Разине 432
 Песнь о вещем Олеге («Как ныне собирается вещей Олег») 103, 264, 267, 269
 «Песнь о полку Игореве» 68
 Песня о Георгии Черном («Не два вола в овраге грызутся») 239
 Пиковая дама 405, 449
 Пир во время чумы 323, 324, 419
 Пир Петра Первого («Над Невою резов вьются») 324, 353, 401, 426
 Пирующие студенты («Друзья, досужный час настал») 70, 114, 125
 Письмо к Лиде («Лишь благосклонный мрак раскинет») 147, 168
 Платоническая любовь («Я знаю, Лидинька, мой друг») 153
 «Погасло дневное светло» 28, 225
 «Под небом голубым страны своей родной» 12, 21, 314, 315, 358, 380, 381
 Подражание итальянскому («Как с древа сорвался предатель ученик») 419, 424
 Подражания Корану 39, 292, 297, 307—309, 315—317
 «Подруга дней моих суровых» 159, 430
 Полководец («У русского царя в чертогах ест палата») 44, 83, 395, 396, 409, 424, 448
 Полтава, поэма 158, 296, 370, 427
 «Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит» 333, 401, 406, 407, 424
 Послание к Галичу («Где ты, ленивец мой») 128, 134
 Послание к кн. Горчакову («Питомец мод, большого света друг») 200
 Послание к Юдину («Ты хочешь, милый друг, узнать») 44, 70, 87, 122—124, 139, 158
 Послание Лиде («Тебе, наперсница Венеры») 89, 156
 Послание цензору («Угрюмый сторож Муз, гонитель давний мой») 59, 235, 236
 Поэт («Пока не требует поэта») 343
 Поэт и толпа («Поэт по лире вдохновенной») 344—347, 399
 Поэту («Поэт! не дорожи любовью народной») 350, 353, 354
 Предчувствие («Снова тучи надо мною») 359
 «Презрев и залоса <?> укоризны» 293
 «Придет ужасный [час]... твои небесны очи» 272
 Признание («Я вас люблю, — хоть я бешусь») 295

- Приметы («Старайся наблюдать различные приметы») 215, 216
- Принцу Оранскому («Довольно битвы мчался гром») 28
- «Причины, замедлившими ход нашей словесности...» 53
- Приютелю («Не притворяйся, милый друг») 275
- Пробуждение («Мечты, мечты») 144
- Прозерпина («Плещут волны Флегетона») 214, 441
- Пророк («Духовной жаждою томим») 308, 309, 315—317, 358
- «Простите, верные дубравы» 189
- «Простить ли мне ревнивые мечты» 273, 277
- Прощание («В последний раз твой образ милый») 293, 296, 358, 386, 388
- Птичка («В чужбине свято наблюдаю») 247, 248
- «Пускай увенчанный любовью красоты» 289
- Путешествие в Арзрум 364, 366, 367, 370
- Путешествие из Москвы в Петербург 34, 38, 64, 447
- Разговор книгопродавца с поэтом («Стишки для вас одна забава») 159, 306, 307
- Разлука («В последний раз, в сени уединенья») 162, 176, 302
- Разлука («Когда пробил последний счастье час») 134, 135, 141
- Рассудок и любовь («Младой Дафни, гоняся за Доридой») 96, 99
- «Редеет облаков легучая гряда» 215, 218, 273
- Рифма («Эхо, бессонная нимфа, скиталась по берегу Пеня») 441
- «Рифма, звучная подруга» 440
- Родословная моего героя («Начнем ab ovo: мой Езерский») 339
- Роза («Где наша роза») 151
- Роман в письмах 332
- Романс («Под вечер, осенью ненастной») 116, 117, 144, 266
- Рославлев 426
- «Румяный критик мой, насмешник толстопузый» 435—437
- Русалка 383, 405
- Руслан и Людмила, поэма 19, 49, 74, 78, 102, 103, 142, 158—160, 165, 169, 171, 206, 207
- Сапожник (Притча) («Картину раз высматривал сапожник») 69
- «Сват Иван, как пить мы станем» 428
- «Свободы сеятель пустынный» 258, 259, 262, 310
- Скупой рыцарь 421
- Слеза («Вчера за чашей пуншевою») 81
- Сожженное письмо («Прощай, письмо любви! прощай: она велела») 289
- Сон (Отрывок) («Пускай поэт с кадилницей наемной») 87, 129, 133, 140, 145, 148, 156, 217, 228
- Сраженный рыцарь («Последним сияньем за лесом горя») 103, 139
- Стансы («В надежде славы и добра») 61, 318, 353, 427
- Стансы (Из Вольтера) («Ты мне велишь пылать душой») 87, 152
- Стансы Толстому («Философ ранний, ты бежишь») 200
- Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы («Мне не спится, нет огня») 376
- Странник («Однажды странствуя среди долины дикой») 403, 424
- «Страшно и скучно» 364
- Сцена из Фауста («Мне скучно, бес») 260, 412, 413
- Таврида («Ты вновь со мною, наслажденье») 221, 260
- Талисман («Там, где море вечно плещет») 293
- «Там на берегу, где дремлет лес священный» 217
- «Там у леска, за ближнею долиной» 153
- Телега жизни («Хоть тяжело подчас в ней бремя») 310
- Тень Фон-Визина («В раю, за грустным Ахероном») 43, 113, 155
- Товарищам («Промчались годы зато, ченья») 162
- Торжество Вакха («Откуда чудный шум, неистовые клики?») 178, 441
- Труд («Миг вожделенный настал: окончен мой труд многолетний») 443
- Тургеневу («Тургенев, верный покровитель») 170, 180
- Туча («Последняя туча рассеянной буря») 367, 392

- Ты и вы** («Пустое вы сердечным ты») 369
- «**Увы**, зачем она блистает» 211, 212, 215, 216
- Уединение** («Приветствую тебя, пустынный уголок») — см. **Деревня**
- Узник** («Сижу за решеткой в темнице сырой») 246—248
- «**Умолкну** скоро я!.. Но если в день печали» 208, 209, 273, 274
- Усы**. Философическая ода («Глаза скосив на ус кудрявый») 82, 156, 168
- Фавн и пастушка**. Картины («С пятнадцатой весною») 152
- Ф. Н. Глинке** («Когда средь оргий жизни шумной») 224
- Фонтану Бахчисарайского дворца** («Фонтан любви, фонтан живой!») 284
- «**Храни** меня, мой талисман» 293
- Художнику** («Грустен и весел вхожу, ваятель, в твою мастерскую») 148, 445
- Царскосельская статуя** («Урну с водой уронив, об утес ее дева разбила») 442
- Цыганы**, поэма 8, 223, 228
- Цыганы** («Над лесистыми брегами») 388
- Чудаеву** («В стране, где я забыл тревоги прежних лет») 217, 223, 224, 232
- Чудаеву** («К чему холодные сомненья») 286
- «**Чем чаще** празднует лицей» 304
- Черная шаль** («Гляжу, как безумный, на черную шаль») 264—266
- Чернь** — см. **Поэт и толпа** («Поэт по лире вдохновенной»)
- «**Что в имени тебе моем**» 374
- «**Что восхитительней, живей**» (Отрывок из послания к В. Л. Пушкину) 273
- Шинкову** («Шалун, увенчанный Эратой и Венерой») 175
- Эвлега** («Вдали ты зришь утес великий») 99, 101, 158
- Элегия** («Безумных лет угасшее веселье») 387
- Элегия** («Опять я ваш, о юные друзья») 142, 143, 146
- Элегия** («Счастлив, кто в страсти сам себе») 134
- Элегия** («Я видел смерть; она в молчаньи села») 134, 208
- Элегия** («Я думал, что любовь погасла навсегда») 134, 142, 172, 176
- «**Элеферия**, пред тобой» 214
- Эпитафия младенцу** («В сиянии и в радостном покое») 329
- Эхо** («Ревет ли зверь в лесу глухом») 326, 351, 448
- «**Юношу**, горько рыдая, ревнивая дева бранила» 445
- Юрьеву** («Любимец ветреных Ланс») 176, 177, 179
- «**Я вас любил**: любовь еще, быть может» 374
- «**Я думал**, сердце позабыло» 401, 402
- Яныш Королегич** («Полюбил королевич Яныш») 384, 385
- «**Я памятник себе** воздвиг нерукотворный» 39, 66, 351, 352, 410
- «**Я пережил** свои желанья» 210
- «**Я ускользнул** от Эскулапа» — см. N. N. (В. В. Энгельгардту)
- Vie, poésies et pensées de Joseph Delorme** (Жизнь, стихотворения и мысли Иосифа Делорма) 200—201
- N. N. «В. В. Энгельгардту» («Я ускользнул от Эскулапа») 187
- Noël** (Сказки) («Ура! в Россию скачет») 202, 204
- Stances** (Avez-vous vu la tendre rose) 152
- To Dawe Esq.** («Зачем твой дивный карандаш») 369

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Август (Кай Юлий Цезарь Октавиан) 228, 231, 232
Адеркас, Б. А. 308
Аксаков, С. Т. 111
Александр Македонский 60
Александр I 104, 108, 109, 186, 190, 191, 196, 202—204, 237, 247, 248, 250, 252—254, 312, 355, 391
Александр Ярославич Невский 336
Алексеев, М. П. 85, 385
Алексеев, Н. С. 246, 276
Анакреон 88, 126, 444
Анненков, П. В. 157, 170, 174, 179, 192, 208, 209, 213, 232, 305, 345, 403
Апулей, Люций 91
Аракчеев, А. А. 196, 202—204, 254
«Арзамас» 191
Арина Родионовна 429
Ариост 165
Аристогитон 240
Ариэль-Залесская, Г. Г. 38
Афеней 444
Ахматова, А. А. 400
- Базанов, В. Г. 120, 164, 205, 247
Базилевич, В. М. 373, 374
Байрон, Д. Н. Г. 76, 85, 86, 250, 280—282, 299, 330
Бакунина, Е. П. 135, 136, 144, 172
Бальзак, О. 330
Бальмонт, К. Д. 23
Баратынский, Е. А. 7, 17, 162, 227, 322, 350, 400
Барклай-де-Толли, М. Б. 83, 396, 409, 410, 445
Барков, И. С. 20, 234, 236
Бартенев, П. И. 26, 28, 177, 191, 371
Басаргин, Н. В. 243
Батый 166
- Батюшков, К. Н. 20, 24, 26—28, 33, 37, 41, 58, 66, 74, 77—80, 83, 84, 88, 89, 98, 99, 101, 105, 107, 109, 110, 112—116, 121, 124, 142, 143, 148, 165, 167, 178, 179, 185
Безбородко, А. А. 62, 336
Белецкий, А. И. 295, 330
Белинский, В. Г. 3, 5, 7, 9, 13, 17, 18, 26, 33, 35, 48, 50, 66, 134, 218, 250, 261, 262, 346, 354, 400, 418, 448
Бениан, Д. 423
Бенкендорф, А. X. 301, 308, 319, 322, 335, 343, 347, 349, 355, 404, 432
Берков, П. Н. 34, 331
Беррийский (Вергил), герцог, К.-Ф. 242, 245
Бестужев, А. А. 35, 36, 47, 48, 60, 231, 273
Бестужев-Рюмин, М. А. 186, 187, 190, 369
Бестужев-Рюмин, М. П. 204, 246, 263, 315
Бируков, А. С. 173, 235, 282
Благой, Д. Д. 34, 40, 91, 174, 182, 190, 226, 227, 330—332, 334, 423, 432
Блок, А. А. 139
Богданович, И. Ф. 34
Боголюбова, В. Г. 331
Бомарше, П.-О. 414, 417
Бояди, С. М. 211, 371
Броглио, С. Ф. 304
Броневский, С. М. 216
Брюсов, В. Я. 19, 152, 317
Булгаков, Г. 62—64
Булгарин, Ф. В. 248, 277, 302, 335—337, 340
Бунин, И. А. 57
Бурбоны 254

- Бурсов, Б. И. 347
 Бурцов, А. П. 84
 Бутурлин, Д. П. 200
- Ваккенродер, В. 299
 Вальденберг, В. Е. 62
 Васильчиков, И. В. 196
 Вейденбаум, Е. Г. 371
 Вельтман, А. Ф. 227, 238, 239
 Венгерова, Э. А. 95
 Венгеров, С. А. 19, 89, 95, 120, 129, 130, 152, 169, 196, 220, 317, 370, 430
 Вергилий, П.-М. 89, 216
 Веревкин, М. 307
 Вержье, Ж. 88, 95
 Верстовский, А. Н. 265
 Виноградов, В. В. 34, 72, 77, 84, 100, 105, 117, 121, 143, 226, 230, 265, 269, 299, 308, 330, 341, 428, 430
 Винокур, Г. О. 21, 34, 105, 195, 448
 Виргилий — см. Вергилий
 Владимиреско, Т. 238
 Воейков, А. Ф. 304
 Волконская, Э. А. 347, 373
 Волконская, М. Н., рожд. Раевская, — см. Раевская, М. Н.
 Волконский, Н. С. 329
 Волконский, С. Г. 263
 Вольное общество любителей словесности, наук и художеств 164, 186, 205, 206
 Вольтер, Ф. М. Аруэ 69, 87—89, 152, 313, 414, 415
 Воронцова, Е. К. 26, 278, 289—293, 358, 384
 Воронцов, М. С. 404
 Вревская, Е. Н. 300
 Всеволожский, Н. В. 36, 93, 133, 199
 Вульф, А. Н. 299, 300, 318
 Выгодский, Д. И. 21, 334
 Вындомские 192
 Вяземская, В. Ф. 288, 373
 Вяземский, П. А. 8, 20, 40, 42, 69, 71, 74, 75, 77, 93, 110, 146, 147, 165, 166, 169, 187, 190, 194, 203, 206, 214, 225, 233—235, 247, 248, 258, 273, 281, 282, 293, 311, 320, 323, 325, 394, 395, 397, 404, 413
 Вяземский, П. П. 79, 166
- Габричевский, А. 423
 Гаевский, В. П. 94
- Галич, А. И. 104, 124, 125, 127—132, 134
 Гальяни, Ф. 414
 Ганнибалы 192, 294, 336, 340
 Гегель, Г.-Ф. 4
 Гейне, Г. 57
 Георгий Петрович (Черный) 239
 Гербель, Н. В. 182
 Гердер, И.-Г. 154
 Герострат 58, 203
 Герцен, А. И. 16, 90, 103, 196, 197, 261, 269, 287, 313, 329, 392—394, 428
 Гершензон, М. О. 21
 Гёте, И.-В. 221, 260, 413
 Гетерия 238, 240
 Гинзбург, Л. Я. 389
 Гиппиус, В. В. 61
 Глебов, Г. С. 325, 327
 Глинка, М. И. 369
 Глинка, Ф. Н. 184—186, 191, 204—206, 224
 Гнедич, Н. И. 85, 99, 109, 205, 223, 232, 233, 247, 440
 Гоголь, Н. В. 16, 20, 434
 Голенищев-Кутузов, М. И. 395, 396, 409, 445
 Голенищев-Кутузов, П. В. 359
 Голиков, И. И. 426
 Голиков, М. С. 193
 Голицын, А. Н. 203
 Гомер 240, 440
 Гончарова, Н. И. 362, 375
 Гончарова, Н. Н. 371—374, 387, 402
 Гораций, К. Ф. 43, 78, 89, 124, 200, 341, 352, 363
 Городецкий, Б. П. 236
 Горсткин, И. Н. 202
 Горчаков, А. М. 92, 114, 123, 129, 161, 174, 200, 302
 Горчаков, В. П. 77, 240, 265
 Гофман, М. Л. 283
 Гревениц, П. Ф. 305
 Грекур, Ж.-Б. 88
 Грессе, Ж.-Б. 124
 Грессет — см. Грессе
 Греч, Н. И. 125, 165, 235, 340
 Грибоедов, А. С. 15, 197, 200, 369, 404
 Громнитский, П. Ф. 246
 Громницкий — см. Громнитский, П. Ф.
 Гроссман, Л. П. 211, 432
 Грот, Я. К. 47
 Гудзий, Н. К. 398

- Гуковский, Г. А. 40, 72, 77, 145, 146,
 179, 269, 308, 315, 356, 418
 Гюго, В. 17
 Давид, царь 62
 Давыдов, А. Л. 243
 Давыдов, В. Л. 243, 263
 Давыдов, Д. В. 79, 81—84, 166
 Данзас, К. К. 305
 Данте, Алигьери 419
 Дарвин, Э. 330
 Дарий, царь 60
 Дау, Д. 369
 Дашков, Д. В. 107
 Дейч, Г. М. 192, 194
 Дельвиг, А. А. 38, 47, 83, 92, 111,
 115, 134, 159, 163, 185, 213, 214,
 284, 286, 294, 302, 304, 320, 325,
 443, 445
 Дельвиг, М. А. 96, 160
 Державин, Г. Р. 4, 11, 13, 16, 24, 25,
 28, 33, 35, 39—67, 73, 77, 78, 84,
 96, 98, 99, 102, 104—108, 110—
 112, 116, 124, 158, 166, 186, 193,
 227, 237, 341, 352—354
 Джиани, Фр. 425
 Дибич, И. И. 393
 Дидро, Д. 414, 417
 Дмитриев, И. И. 40, 48, 63, 68—71,
 76, 121, 124, 138, 165
 Дмитрий Донской, вел. кн. 166
 Долгоруков, И. А. 174, 201, 202
 Д Ольбах, П.-А. 414
 Донской — см. Дмитрий Донской
 Достоевский, Ф. М. 423, 424
 Дружинин, А. В. 344, 345
 Евгений (Болховитинов), митрополит
 43
 Екатерина Алексеевна, имп. (жена
 Петра I) 427
 Екатерина II 34, 35, 60, 62, 64, 108,
 337, 338, 353, 390, 414, 417, 420
 Елизавета Алексеевна, имп. (жена
 Александра I) 186
 Елизавета Петровна, имп. 294
 Ермолов, А. П. 15, 363, 416
 Есаков, С. С. 304
 Есаулов, Е. П. 386
 Ефремов, П. А. 25, 371
 Жирмунский, В. М. 19, 85
 Жихарев, С. П. 196
 Жуковский, В. А. 8, 20, 24, 25—28,
 33, 37, 41, 43, 45, 46, 48, 54, 56,
 58, 66, 71—80, 83, 84, 86, 88, 94,
 99, 100, 102, 104, 105, 107—112,
 115, 135, 136, 138, 141, 143, 147,
 148, 165, 167—169, 180, 185, 186,
 205, 208, 244, 246, 261, 264—266,
 299, 300, 307, 308, 349, 354, 363,
 396, 397, 418, 421
 Занд, К.-Л. 202, 242, 244, 245
 «Зеленая Лампа» 211
 Зенгер (Цявловская), Т. Г. 165, 373
 Золотарев, М. А. 131
 Зубов, В. А. 49, 60, 61
 Иван Васильевич Грозный 328, 337,
 390
 Иван III 390
 Измайлов, Н. В. 4, 250, 280, 306,
 327, 330, 334, 358, 384, 386, 403,
 423, 425
 Измайлов, М. П. 337
 Иисус Христос 170, 243, 262
 Илличевский, А. Д. 92, 94, 162, 305
 Инзов, И. Н. 206, 243, 246, 247
 Иордаки, Олимбиотти — см. Олим-
 биотти Георгаки
 Ипсиланти, А. К. 239, 240
 Исаия, пророк 316
 Каверин, П. П. 181, 198
 Кагаров, Е. Г. 153
 Каллаш, В. В. 401
 Каменев, Г. 117
 Канова, А. 415
 Кантемир, А. Д. 40
 Капнист, А. В. 291
 Капнист, В. В. 40, 52, 53, 99
 Капнист, П. И. 291
 Карагеоргий — см. Георгий Петрович
 (Черный)
 Каразин, В. Н. 162, 205
 Карамзина, Ек. Ник. 326
 Карамзин, Н. М. 40, 68, 70, 71, 112,
 124, 138, 143, 154, 156, 166, 168,
 169, 203, 205, 246, 268, 269, 325,
 337
 Карл XII 427
 Катенин, П. А. 185, 198, 319, 320,
 330
 Катон, М. П. 70
 Каховский, П. Г. 253, 315
 Каченовский, М. Т. 37, 38, 203
 Каштаева, К. С. 307
 Квирига, А. 244, 263
 Керн, А. П. 296—299

- Кирилов, Тарас 246
 Клейнмихель, И. 336
 Козлов, И. И. 80, 144, 175, 185
 Колло д'Эрбуа 310
 Коломб — см. Колумб
 Колумб, Христофор 168
 Кольман, Д. 330
 Кольридж, С.-Т. 330
 Комаровский, Е. Е. 395
 Комовский, С. Д. 26, 87, 125, 305
 Кордэ, Шарлотта 245, 310
 Корнель, П. 198
 Корреджио, А. 415
 Корсаков, Н. А. 92, 115, 208, 209, 302, 304
 Корф, М. А. 305
 Костенский, К. Д. 304
 Костров, Е. И. 39, 99—101
 Коцебу, А.-Ф. 202, 203, 242
 Кочубей, В. П. 162, 205
 Кошанский, Н. Ф. 35, 88, 89, 94, 124—126, 128, 129, 132
 Красовский, А. И. 248, 282
 Кривцов, Н. И. 170, 174
 Критские 389
 Крылов, И. А. 40, 48, 69, 114
 Кукольник, Н. В. 445
 Кукулевич, А. М. 431
 Куницын, А. П. 237, 301
 Кутайсов, И. П., гр. 336
 Кутузов — см. Голенищев-Кутузов, М. И.
 Кюхельбекер, В. К. 5, 26, 37, 92, 162, 164, 174, 185, 206, 302—304, 316, 324, 386
 Ланда, С. С. 288, 398
 Лапшина, Н. В. 20, 29, 39, 94, 212
 Лафонтен, Ж. 69, 124, 442
 Лебрен, Э. 183
 Левашев, В. В. 254
 Ленин, В. И. 14, 15
 Леонид, царь Спарты 240
 Лермонтов, М. Ю. 11, 21, 104, 392, 393, 448
 Лернер, Н. О. 220, 308, 317, 370
 Липранди, И. П. 226, 229, 239, 247
 Логановский, А. В. 445
 Ломоносов, М. В. 22, 23, 35—39, 43, 47, 100, 426, 440, 442
 Ломоносов, Н. Г. 156
 Ломоносов, С. Г. 304
 Лоягинов, М. Н. 182, 196
 Лонгфелло, Г. 57
 Лотман, Л. М. 431
 Лотман, Ю. М. 110
 Лувель, П. Л. 203, 242, 244, 245
 Лука, евангелист 154
 Лукулл 66, 340, 341, 401
 Львова, Е. Н. 60, 63
 Львов, Н. А. 57, 444
 Люблинский, Ю. 394
 Людовик XIV 88
 Людовик XV 415
 Людовик XVI 64, 65, 251
 Магомет II, султан турецкий 268
 Майков, В. И. 40
 Майков, Л. Н. 3, 219, 220, 227, 238, 299, 318, 345, 347
 Максимович, М. А. 388, 416
 Малеванов, Н. А. 193, 194
 Маленин, А. 89, 120
 Малиновский, И. В. 115
 Мануйлов, В. А. 409
 Марат, Ж.-П. 194, 237, 245, 246, 310, 311
 Мария-Антуанетта 414
 Мария Федоровна, имп. 181
 Маркс, А. Ф. 397
 Маркс, К. 394
 Мартынов, А. И. 305
 Матюшкин, Ф. Ф. 92, 302, 304
 Медведева, И. Н. 258
 Мей, Л. А. 57
 Мейлах, Б. С. 246, 306, 351, 389, 435
 Мельгунов, Н. А. 300
 Меньшиков, А. Д. 336
 Мережковский, Д. С. 346
 Мерзляков, А. Ф. 5
 Милорадович, М. А. 205
 Мильвуа, Ш.-Г. 330
 Мильтиад 282
 Минин (Сухорук), К. З. 339
 Миних, Б.-Х. 337
 Мирабо, О.-Г. 310, 313
 Митридат VII, царь 216, 286
 Мицкевич, А. 395, 398, 399
 Модзалевский, Б. Л. 177, 322, 404, 423
 Модзалевский, Л. Б. 409
 Мольер, Ж. Б. 70
 Мордвинов, А. Н. 341, 349
 Мордвинов, Н. С. 15, 66, 416
 Морле, А. 414
 Морозов, П. О. 169, 196, 320, 430
 Муравьев, А. Н. 181
 Муравьев, Н. М. 174, 201, 202
 Муравьев-Апостол, И. М. 286

- Муравьев-Апостол, С. И. 263, 315
 Мусин-Пушкин, А. И. 62, 339
 Муханов, П. А. 197
 Мюссе, А. 408
 Мясоедов, П. Н. 305
- Навуходоносор, царь** 425
Назон — см. Овидий
Наполеон I Бонапарт 28, 104, 106—108, 155, 157, 183, 249—255, 262, 270, 280, 281, 320—323, 354, 396, 415, 426
Нахимов, А. Н. 20
Нащокин, П. В. 28, 355, 411, 412
Некрасов, Н. А. 437
Нелединский-Мелецкий, Ю. А. 71
Немировская, К. А. 269
Нерон 89, 202
Нессельроде, К. В. 247, 404
Нефедьев, Н. А. 364
Нечкина, М. В. 180, 186, 194—196, 202, 204, 205, 243, 394
Николай I 61, 181, 318, 319, 321, 322, 328, 344, 362, 404, 412
Николай Павлович, вел. кн. 181
Новиков, Н. И. 40
- «Общество Елизаветы» 186
 «Общество соединенных славян» 394
Овидий Назон, П. 89, 214, 226—233, 244, 267
Овсянко-Куликовский, Д. Н. 3
Огарева, Е. С. 170
Огарев, Н. П. 366, 392, 393
Одоевский, А. И. 329, 393
Одоевский, В. Ф. 270
Оксман, Ю. Г. 153, 154, 183, 205
Олег, кн. 166, 268, 269, 390
Оленина, А. А. 359, 368—370
Оленин, А. Н. 340, 359, 369
Олизар, Г. 288
Олимбиоти, Георгаки 240
Олоферн 425, 426
Орлова, Е. Н. 253
Орлов, М. Ф. 212, 242
Орлов-Чесменский, А. Г. 106
Орловский, Б. И. 445
Орловы, А. Г., В. Г., Г. Г., И. Г. 337
Осипова, П. А. 294, 300, 308, 411
Оссиан '99—101, 105
Охотников, К. А. 242
- Павел I** 60, 237
Павлов, Н. Ф. 401
Парни, Э. Д. 88, 101, 126
- Паскевич-Эриванский, И. Ф.** 363, 397
Перикл 282
Пестель, П. И. 190, 243, 244, 246, 263, 315, 326
Петрон де Вильнев, Жером 65
Петр I 35, 60, 69, 294, 295, 318, 319, 322, 324, 336—338, 340, 353, 390, 391, 398, 401, 420, 426, 427, 442
Петр III 337
Петрарка, Ф. 78, 276
Петров, В. П. 41, 106, 107
Петрон — см. Петроний
Петроний 89, 122
Пиксанов, Н. К. 91
Пименов, Н. С. 445
Пиндар 43, 78
Писарев, Д. И. 346
Платов, М. И. 115
Плетнев, П. А. 69, 75, 173, 304, 312, 375
Плеханов, Г. В. 346, 347
Плюскова, Н. Я. 63, 186
Пнин, И. П. 117
Погодин М. П. 241, 320, 321, 343, 401, 433
Покровский, М. М. 90
Полевой, К. А. 161
Полегой, Н. А. 69, 83
Поллианов, Л. И. 430
Полонский, Я. П. 27
Полторацкий, С. Д. 182
Потемкин, В. П. 432
Потемкин, Г. А. 341
Привалова, Е. П. 331
Прийма, Ф. Я. 359, 369
Пугачев, Емельян Ив. 34, 392, 432
Пумпянский, Л. В. 160
Пушкина, Н. Н. 401
Пушкин, В. Л. 43, 89, 99, 109, 110, 167, 187, 204
Пушкин, Г. Г. 337
Пушкин, Л. А. 337
Пушкин, Л. С. 8, 27, 42, 69, 75, 77, 165, 222, 280
Пушкин, С. А. 110
Пушкин, Ф. А. 337
Пушин, И. И. 94, 115, 133, 155, 183, 302, 304, 324, 328
Пушин, П. С. 242, 244, 246, 263
- Радищев, А. Н.** 14, 34, 38—40, 64, 117, 182, 226, 236
Радша, или Рача 336
Раевская, Ек. Н. 212
Раевская, Ел. Н. 211, 371

- Раевская, М. Н. 215, 288, 370—372
 Раевские, семья Н. Н. Раевского, старшего 28, 242, 264, 270, 382
 Раевский, А. Н. 253, 261, 291, 370
 Раевский, В. Ф. 107, 247, 256—258, 264
 Раевский, Н. Н. 143
 Раевский, Н. Н., генерал 215, 218, 225
 Разин, Степан 432
 Разумовский, А. Г. 336
 Разумовский, А. К. 108—109
 Раич, С. Е. 8
 Рафаэль 299, 401
 Ржевский, Н. Г. 304
 Риго-и-Нунец, Р. 248
 Ризнич, Амаля 12, 277, 314, 315, 358, 380, 381
 Ришелье, Э. О. 218, 382
 Робеспьер, М. 310, 313
 Романович, И. К. 20, 29, 39, 94, 212
 Романовы 337
 Россет, А. О. 26, 369
 Ростопчина, Е. П. 402
 Руже де Лиль, К.-Ж. 183
 Румянцев П. А. 106
 Руссо, Ж.-Б. 96, 138
 Руссо, Ж.-Ж. 313
 Рылеев, К. Ф. 8, 59, 79, 197, 267, 268, 315

 Саади 372
 Саврасов, П. Ф. 304
 Сакулин, П. Н. 300
 Саллюстий, Г. К. 43
 Свинын, П. П. 203
 Святослав Владимирович, вел. кн. 166
 Святослав Игоревич, вел. кн. 166, 390
 «Священный Союз» 202, 248, 250, 396
 Сенека, Л. А. 70
 Сенковский, О. И. 449
 Сен-Пьер, Ш.-И. 253
 Сивков, К. В. 414
 Сияявский, Н. 118
 Скотт, В. 280
 Словацкий, Ю. 398
 Слонимский, А. Л. 269, 299, 308
 Смирдин, А. Ф. 36, 39, 43, 52, 68, 124, 269, 449
 Собаньская, К. 373—375
 Соболевский, С. А. 161, 398
 Соковнин, Ф. 337

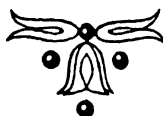
 Соколов, П. П. 442
 Соловьева, О. С. 339
 Соломирская 170
 Соломон, царь 154
 Союз Благоденствия 184, 186, 190, 201, 202, 205, 242—244, 263
 Союз Спасения 181, 184, 190, 201
 Сперанский, М. М. 416
 Стевен, Ф. X. 305
 Степанов, Н. Л. 91, 295, 317
 Страхов, Н. Н. 345
 Стурдза, А. С. 203
 Суворов, А. В. 48, 55, 99, 106, 226
 Султан-шах, М. П. 371, 373
 Сумароков, А. П. 36—38
 Сумцов, Н. Ф. 308, 317
 Сунгуров, Н. И. 389
 Сю, Эжен 330

 Тибулл, А. 89
 Тик, Л. 299, 300
 Титов, В. П. 300
 Толстой, А. К. 56
 Толстой, В. В. 95
 Толстой, И. И. 90
 Толстой, Л. Н. 423
 Толстой, Ф. И. 234
 Томашевский, Б. В. 3, 19, 21, 30, 62, 66, 85, 91, 95, 105, 169, 181, 183, 190, 209, 212, 213, 218, 221, 226, 236, 265, 266, 295, 306, 308, 310, 327, 341, 425, 428, 431
 Тредиаковский — см. Тредьяковский
 Тредьяковский В. К. 37—39
 Трубецкой, Сергей 174
 Туманский, В. И. 215, 315, 381
 Тургенев, А. И. 27, 69, 165, 170, 180, 182, 184, 194, 203, 241, 248, 262, 281, 293
 Тургенев, Н. И. 120, 181, 184, 187, 191, 192, 195, 198, 394
 Тургенев, С. И. 180, 181, 241
 Тургенева 184, 194
 Тынянов, Ю. Н. 19
 Тютчев, Ф. И. 67, 69, 397

 Уваров, С. С. 340, 341
 Ушакова, Е. Н. 369, 371

 Федоров, Б. М. 116, 118, 143
 Фейнберг, И. Л. 351
 Фемистокл 240, 282
 Фенелон 38
 Фердинанд I 242
 Фет, А. А. 57

- Фиглярин (Булгарин, Ф. В.) 335, 336, 340
 Филарет, митрополит 358, 359
 Фирс 234
 Фок, М. Я., фон 322
 Фонвизин, Д. И. 40, 43, 113, 114, 155, 235
 Фонвизин, М. А. 181
 Фридендер, Г. М. 192, 194
 Фукидид 43
 Фурш, Ф. 331, 332
 Хвостов, Д. И. 114
 Хвостова 203
 Хемницер, И. И. 40
 Херасков, М. М. 39, 40
 Хитрово, Е. М. 351, 358, 395—397
 Ходасевич, В. Ф. 161
 Циклер 337
 Цидерон, М. Т. 91
 Цявловская, Т. Г. 165, 244, 280, 314, 359, 368, 369, 371, 372
 Цявловский, М. А. 26, 27, 94, 107—110, 118, 163, 165, 174, 177, 180, 181, 187, 191, 196, 197, 202, 206, 215, 229, 239, 241, 246, 253, 256, 263, 265, 369
 Чаадаев, П. Я. 82, 184, 186, 196, 198, 204, 205, 217, 223, 224, 232, 233, 261, 286, 287, 377, 390, 404
 Чарторыйский, А. 394
 Чадаев — см. Чаадаев, П. Я.
 Черный Георгий — см. Георгий Петрович (Черный)
 Черняев, Н. И. 174, 308, 317
 Шаликов, П. И. 307
 Шапель, К. Э. 88, 126
 Шебунин, А. Н. 181, 186
 Шевченко, Т. Г. 295
 Шевырев, С. П. 9, 299, 345, 347
 Шекспир, В. 86
 Шеллинг, Ф. В. 345
 Шенье, А. М. 12, 183, 195, 310—313, 326, 359, 368, 415
 Шепинг — см. Шеллинг
 Шеппинг, О. Д. 200
 Шервинский, С. В. 21
 Шереметев, Д. Н. 340
 Шешковский, С. И. 63
 Шиллер, Ф. 75
 Шишков, А. А. 144
 Шишков, А. С. 144, 175
 Шишковский — см. Шешковский, С. И.
 Шкловский, В. Б. 351
 Шнор 25
 Шолье, Г. Л. 88, 126
 Шот-Шедель, Е. 177
 Штрайх, С. Я. 204
 Щеголев, П. Е. 274, 371
 Эйгес, И. 73
 Эйхенбаум, Б. М. 19, 40, 67
 Энгельс, Ф. 394
 Эпиктет 70, 200
 Этерия — см. Гетерия
 Ювенал, Д. Ю. 43, 70, 89, 120—122, 341
 Юдин, П. М. 44, 70, 87, 123, 124, 139, 158, 305
 Юдифь (библ.) 425, 426
 Южное тайное общество 244
 Юзевович, М. В. 79
 Юлия, дочь имп. Октавиана Августа 232
 Юрьев, Ф. Ф. 176, 177, 179
 Юсупов, Н. Б. 414—418, 420
 Юшневский, А. П. 243
 Языков, Н. М. 20, 42, 80, 81, 295, 300, 429
 Яковлев, М. Л. 115, 305
 Якубец, М. 398
 Якубович, А. И. 179
 Якубович, Д. П. 90, 351
 Якушкин, И. Д. 181, 190, 198, 201, 204, 243
 Ярхо, Б. Н. 20, 29, 39, 94, 213
 Ясинский, Я. И. 351
 Ядмирский, А. И. 265
 Bougrienne, L.-A. 321
 H. Q. («предестная гречанка») 240
 Joret Ch. 153
 La princesse belvetrille (Е. К. Воронцова) 26
 Lefebvre de Villebrune 444

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Введение. Лирика Пушкина и проблемы ее изучения	3
Глава I. Пушкин и лирическая традиция его времени	33
Глава II. Лирика лицейской поры (1813—1817)	91
Глава III. Между Лицеем и ссылкой (1817—1820)	164
Глава IV. Лирика южной ссылки (1820—1824)	207
Глава V. От Михайловского до Болдина (1824—1830)	279
Глава VI. Лирика тридцатых годов (1831—1836)	389
Указатель произведений А. С. Пушкина	451
Указатель имен	459

Борис Павлович Городецкий
ЛИРИКА ПУШКИНА

*Утверждено к печати
Институтом русской литературы (Пушкинский дом)
Академии наук СССР*

Редактор Издательства *Н. Г. Герасимова*
Художник *В. В. Грибакин*
Технический редактор *Н. Ф. Виноградова*
Корректоры *О. И. Иващенко, Г. А. Мошкина и Э. В. Типикина*

Сдано в набор 28/X 1961 г. Подписано к печати 20/1 1962 г. РИСО
АН СССР № 75-10Р. Формат бумаги 60 × 90¹/₁₆. Бум. л. 145/8.
Печ. л. 29¹/₄ = 29.25 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 32.84. Изд. № 1533.
Тип. зак. № 377. М-36021. Тираж 4500. Цена 2 р. 17 к.
Ленинградское отделение Издательства Академии наук СССР
Ленинград, В-164, Менделеевская линия, д. 1

1-я тип. Издательства Академии наук СССР Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

В книжных магазинах „АКАДЕМКНИГИ“

ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ:

Берков П. Н. и В. М. Лавров. Библиография произведений
А. С. Пушкина и литературы о нем. 1846—1899. 1949. 4 р. 59 к.

Библиография произведений А. С. Пушкина и литературы о нем.
1949. Юбилейный год. 1951. 80 коп.

Библиография произведений А. С. Пушкина и литературы о нем.
1846—1949. 1956. 27 коп.

Библиография произведений А. С. Пушкина и литературы о нем.
1950. 1952. 50 коп.

Библиография произведений А. С. Пушкина и литературы о нем.
1951. 1954. 46 коп.

Библиография произведений А. С. Пушкина и литературы о нем.
1952—1953. 1955. 65 коп.

Библиография произведений А. С. Пушкина и литературы о нем.
1954—1957. 1960. 95 коп.

ПУШКИН

Исследования и материалы

Т. I. 1956. 1 руб. — Т. II. 1958. 2 р. 94 к. — Т. III. 1960. 3 р. Гото-
вится к печати: Т. IV. 1962. 2 р. 50 к.

Пушкин. Исследования и материалы. Труды Третьей всесоюзной
конференции. 1953. 80 коп.

Б. Томашевский

Пушкин

Книга первая. 1813—1824. 1956. 1 руб.

Книга вторая. Материалы к монографии. 1824—1837. 1961. 2 р. 42 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

В книжных магазинах „АКАДЕМКНИГА“

ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ:

Н. И. Мордовченко. Русская критика первой четверти XIX века: 1959. 1 р. 81 к.

Проблемы реализма русской литературы XIX века. 1961. 1 р. 70 к.

Д. Е. Тамарченко. Из истории русского классического романа. Пушкин, Лермонтов, Гоголь. 1961. 70 коп.

История русской критики.

В двух томах. 1958. Цена двух томов 6 р. 75 к.

ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ:

Б. С. Мейлах. Художественное мышление Пушкина как творческий процесс. 1962. 1 р. 25 к.

Ваши заказы на книги просим направлять по адресу:

Москва, Центр, Б. Черкасский пер., 2/10.

Квотора „Академкнига“, отдел „Книга—почтой“

или в ближайший магазин „Академкнига“.

Адреса магазинов „Академкнига“: Москва, ул. Горького, 6 (магазин № 1); Москва, 1-й Академический проезд, 55/5 (магазин № 2); Ленинград, Литейный проспект, 57; Свердловск, ул. Белинского, 71 в; Киев, ул. Ленина, 42; Харьков, Горяиновский пер., 4/6; Алма-Ата, ул. Фурманова, 129; Ташкент, ул. Карла Маркса, 29; Баку, ул. Джапаридзе, 13.

При получении Вашего заказа книги, как имеющиеся в наличии, так и печатающиеся по поступлении их в продажу, будут направлены в Ваш адрес наложенным платежом. Пересылка за счет заказчика.

Предварительные заказы на книги принимаются также местными магазинами книготоргов и потребительской кооперацией.

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

<i>Страница</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Должно быть</i>
56	19 сверху	Среди	Средь
65	8 снизу	наслаждайся же	наслаждайся ж
86	8 сверху	все всех	во всех
92	16 снизу	издателями	издателям

Б. П. Городецкий